UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324714 5

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

5-1123.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакціею и съ біографическимъ очеркомъ П. В. Быкова и съ приложеніемъ портрета К. М. Станюковича.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

UNIVERSITY OF TORONTO
JAN 1 1969

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1907.

PG
3470
S75
1906
t.5

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

С-76
Б-112З.

ОМУТЪ.

РОМАНЪ.

ЯНЗ 945

I.

Раннее іюльское утро, свѣжее и блестящее, полное бодрящей остроты горнаго воздуха и смолистаго аромата сосноваго лѣса, облило волной яркаго свѣта маленькое цѣлебное мѣстечко, пріютившееся въ зеленой котловинѣ, подъ склонами лѣсистыхъ богемскихъ горъ, изъ нѣдръ которыхъ выбиваются, тихо журча, знаменитые маріенбадскіе источники.

Окаймленный зеленой рамкой лѣса, озареннаго въ своихъ вершинахъ роскошно-причудливыми цвѣтами лучей медленно поднимавшагося солнца, чистенькій, привѣтливый Маріенбадъ какъ-то веселѣй сверкалъ на солнцѣ своими красивыми, уютными домами, роскошнымъ зданіемъ курзала съ его большимъ бѣлымъ куполомъ надъ «Крейцбрунненомъ», своими виллами, бѣлѣющими яркими пятнами сквозь листву деревъ, изящными отелями и болѣе скромными многочисленными «гофами».

Сезонъ въ полномъ разгарѣ. Гостиницы набиты биткомъ; съѣздъ въ этомъ году огромный. На извѣстномъ «Променадѣ» — широкой, длинной аллеѣ, концы которой замыкаются настоящими «храмами» въ честь источниковъ Креста и Фердинанда — въ опредѣленные часы дня кишитъ толпа людей всевозможныхъ національностей, начиная съ неизбѣжныхъ англичанъ и русскихъ и кончая какимъ-то бронзовымъ индійскимъ раджей, возбуждающимъ вниманіе не столько своимъ пестрымъ костюмомъ, сколько непомѣрной тучностью, выдающейся даже и въ этомъ сборищѣ огромныхъ животовъ и невозможныхъ подбородковъ.

На церковной башнѣ только-что пробило половину шестого. Отельные слуги оканчиваютъ чистку платья и самой разнообразной обуви и осторожно стучатъ въ двери номеровъ, напоминая, что пора вставать. Магазины, лавки и лавчонки по-

немногу открываются; въ гостиницахъ раскрываются окна и поднимаются жалюзи. Международный модный пріютъ желудочныхъ катарровъ, ожирѣній и другихъ недуговъ — этотъ съѣздъ добродушныхъ полныхъ лицъ, черезчуръ выпуклыхъ формъ, худобы и истощенныхъ, желтыхъ физіономій—мало-помалу просыпался и спѣшилъ къ источнику. Начиналась обычная, правильно размѣренная жизнь нѣмецкихъ курортовъ съ обязательнымъ моціономъ, прогулками на разныя «höhe», носящія непремѣнно имена царственныхъ особъ,—среди красивой декораціи горъ и лѣсовъ, изысканнѣйшаго комфорта дорогихъ гостиницъ, монотоннаго бездѣлія съ единственной заботой о правильномъ отправленіи желудка, среди любезнаго вниманія, даже почтенія, со стороны аборигеновъ страны, особенно если въ Курлистѣ прописано громкое званіе, и вы, какъ русскій, стыдитесь или не имѣете надобности торговаться.

И что за обязательный народъ въ такомъ случаѣ эти маріенбадцы и какъ они чувствительны къ иностранцамъ! Всѣ, рѣшительно всѣ: и «водяной» вашъ докторъ, и хозяинъ отеля, и лавочникъ изъ Вѣны, такъ нѣжно совѣтующій вамъ купить разныя бездѣлки, и эта молодая вдова австрійскаго лейтенанта, получившая за службу мужа право на табачную лавочку, прехорошенькая, кокетливо одѣтая брюнетка, равномѣрно одѣляющая покупателей-иностранцевъ, не переводящихся у нея въ лавкѣ, многообѣщающими взглядами и плохими сигарами, и наконецъ кельнеръ, прислуживающій вамъ за обѣдомъ въ ресторанѣ, красивый, румяный молодой чехъ—Карлъ во время сезона и Вратиславъ въ остальное время—съ неизмѣнно почтительно осклабленнымъ глуповатымъ лицомъ хорошо дрессированнаго лакея, съ декольтированной шеей и крупной красной розой въ петлицѣ фрака, — всѣ относятся здѣсь къ иностранцамъ—и русскимъ въ особенности—съ такимъ ласковымъ вниманіемъ, съ такой подкупающей любезностью, стараясь предупредить малѣйшее ваше желаніе, что можно было бы счесть всѣхъ этихъ маріенбадцевъ самыми милыми, добродушными и безкорыстными людьми на свѣтѣ, если-бъ сквозь ласковость улыбокъ и напускное добродушіе не просвѣчивало всесвѣтнаго раболѣпія передъ золотымъ тельцомъ.

II.

Изъ курзала уже доносились торжественные звуки хорала, которымъ ровно въ шесть часовъ утра, съ послѣднимъ ударомъ колокола, неизмѣнно начинается утренняя музыка и питіе водъ у Крейцбруннена, когда по широкой, роскошной лѣстницѣ Клингеръ-отеля — лучшаго отеля въ Маріенбадѣ, если

вѣрить Бедекеру — изъ второго этажа спускался неспѣшной, легкой походкой высокій, плотный, красивый блондинъ, свѣжій и румяный, съ едва замѣтнымъ брюшкомъ, безукоризненно одѣтый въ синюю лѣтнюю пару, съ синимъ же легкимъ фетромъ на головѣ, въ шведскихъ перчаткахъ, съ палкой въ рукѣ и большимъ стаканомъ, перекинутымъ черезъ плечо, на черномъ лакированномъ ремешкѣ.

Внизу, въ большой швейцарской, пестрѣвшей объявленіями въ красивыхъ рамкахъ, онъ былъ встрѣченъ низкимъ поклономъ и обычнымъ почтительнымъ привѣтствіемъ швейцара, поспѣшившаго распахнуть двери. — «Guten Tag, gnädiger Herr!»—«Guten Tag!»—отвѣчалъ господинъ тѣмъ же тономъ съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ, снялъ шляпу и изысканно любезнымъ поклономъ отвѣчалъ на привѣтствіе, обнаруживая на темени маленькую плѣшину, бѣлѣвшую среди свѣтло-русыхъ волосъ.

Господинъ этотъ былъ нашъ соотечественникъ—Владиміръ Николаевичъ Олюнинъ, извѣстный не только въ Петербургѣ, гдѣ онъ постоянно живетъ, но и во всей Россіи, просвѣщенный и гуманный общественный дѣятель, знаменитый учредитель «Общества русскаго угля», которому предстоитъ великая будущность отапливать всю Россію, директоръ многихъ солидныхъ предпріятій, секретарь и душа благотворительнаго общества «Доброхотная копейка», владѣлецъ извѣстной московской хлопчатобумажной фабрики, гдѣ впервые учреждена ссудо-сберегательная касса, заведена школа и для рабочихъ устроены приличныя помѣщенія, видный гласный в—аго земства, бывшій городской голова въ одномъ изъ бойкихъ торговыхъ городовъ, извѣстный ораторъ въ Обществѣ содѣйствія промышленности и торговлѣ, авторъ изслѣдованія «Причинъ упадка русской промышленности», однимъ словомъ—тотъ самый Олюнинъ, репутація котораго, какъ энергичнаго, предпріимчиваго, умнаго и образованнаго практическаго дѣятеля, какъ гуманнаго и прекраснѣйшей души человѣка, готоваго всегда оказать помощь ближнему и отозваться на всякое доброе дѣло,—прочно установилась въ обществѣ и почти никогда и никѣмъ не оспаривалась...

Въ то время какъ дѣятельность разныхъ желѣзнодорожныхъ тузовъ и другихъ видныхъ дѣльцовъ нерѣдко подвергалась критикѣ и нареканіямъ, имя Владиміра Николаевича Олюнина являлось на страницахъ газетъ не иначе, какъ окруженное ореоломъ уваженія, предшествуемое эпитетомъ «нашъ просвѣщенный дѣятель»—для того, чтобы сообщить о новомъ добромъ дѣлѣ, устроенномъ по иниціативѣ Олюнина: о вы-

дачѣ пенсіона семьѣ погибшаго въ шахтахъ рабочаго, объ устройствѣ пенсіонной кассы для служащихъ или чего-нибудь подобнаго. И когда однажды, послѣ печальнаго случая на шахтахъ «Общества русскаго угля», стоившаго жизни нѣсколькимъ десяткамъ людей, въ одной изъ газетъ появилась статейка, легкомысленно обвинявшая въ этой катастрофѣ директора-распорядителя, самого Олюнина, при чемъ положеніе рабочихъ на шахтахъ было представлено въ мрачномъ свѣтѣ, то большинство прессы съ негодованіемъ отнеслось къ этому обличенію, возмущаясь «нашей привычкой ругать все безъ разбора» и смѣшивать такого человѣка, какъ Владиміръ Николаевичъ Олюнинъ съ разными эксплоататорами и безсердечными кулаками. Въ доказательство приводились неопровержимые факты: ссудо-сберегательная касса, больница, читальня для рабочихъ и т. п.; а вслѣдъ затѣмъ въ газетахъ появилось и болѣе подробное опроверженіе, подписанное двумя свѣтилами науки, профессорами химіи и физики, въ которомъ, на основаніи самыхъ точныхъ научныхъ данныхъ, было вычислено количество кислорода, нагнетаемаго въ шахты, и досконально доказано, что несчастный случай произошелъ по винѣ самихъ пострадавшихъ.

Это авторитетное свидѣтельство вмѣстѣ съ офиціальнымъ слѣдствіемъ, котораго требовалъ, какъ было извѣстно, самъ Владиміръ Николаевичъ, торжественно возстановили имя Олюнина въ глазахъ скептиковъ, а трогательное, безхитростное письмо нѣсколькихъ рабочихъ, напечатанное вскорѣ въ газетахъ, подлинникъ котораго всякій могъ увидать въ редакціи «Русскаго Органа», письмо, въ которомъ исчислялись благодѣянія Владиміра Николаевича,—окончательно убѣдило публику, что весь этотъ шумъ, поднятый изъ-за несчастнаго случая, не бросаетъ никакой тѣни на честную и плодотворную дѣятельность Олюнина. Семьямъ всѣхъ погибшихъ, какъ сообщалось въ газетахъ, была выдана, по иниціативѣ того же Владиміра Николаевича, помощь «широкой рукой», и въ ближайшемъ же засѣданіи Общества торговли и промышленности Олюнинъ читалъ свой горячій докладъ о крайней необходимости закона, гарантирующаго на фабрикахъ и заводахъ нашего «обездоленнаго, несчастнаго, въ потѣ лица работающаго простолюдина» отъ злоупотребленій и притѣсненій хозяевъ.

Кто былъ на этомъ засѣданіи и видѣлъ это взволнованное, негодующее лицо, этотъ взглядъ, блестѣвшій подъ вліяніемъ охватившаго чувства, кто слышалъ этотъ искренній, возмущенный голосъ, исходившій, казалось, изъ самой глу-

бины потрясенной души, тотъ ни на минуту не могъ усомниться, что передъ нимъ дѣйствительно превосходнѣйшій человѣкъ, любящій и сердечный, стоящій на высотѣ своей заслуженной репутаціи.

Кто не видалъ въ Петербургѣ этой представительной, плотной, высокой фигуры Олюнина, съ умной, сдержанной и выразительной физіономіей, окаймленной русой, густой, пушистой бородой, съ сѣрыми глазами, глядѣвшими такъ ровно, съ ласковой серьезностью, изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, съ мягкими манерами, полными скромнаго достоинства человѣка, знающаго себѣ цѣну и привыкшаго къ власти, съ привѣтливой улыбкой, сіяющей на этомъ румяномъ, здоровомъ, славянскомъ лицѣ?

Вы могли его видѣть часто въ русской оперѣ, наслаждающагося музыкой Глинки и Даргомыжскаго и въ антрактахъ пріятельски бесѣдующаго съ какимъ-нибудь извѣстнымъ литераторомъ, профессоромъ или музыкантомъ,—на литературномъ чтеніи, когда онъ, весь въ черномъ, скромно пробирается въ первые ряды подъ-руку съ изящной, тонкой блондинкой, его женой, нѣсколько блѣдной и смущенной въ толпѣ, и заботливо усаживаетъ молодую женщину въ кресло,—на одномъ изъ засѣданій дѣловыхъ обществъ и тамъ слышать его ровный, звучный, пріятный баритонъ, когда онъ, окруженный вниманіемъ слушателей, дѣлаетъ какое-нибудь сообщеніе, наконецъ въ пріемной у министра финансовъ — во фракѣ, съ гордо приподнятой головой и толстымъ портфелемъ подъ мышкой.

Но если вы никогда не видали Владиміра Николаевича, то, разумѣется, знаете его по имени, по его горячей рѣчи, недавно произнесенной въ земскомъ собраніи и возбудившей толки въ печати, по сообщеніямъ, часто появляющимся въ газетахъ, объ его общественной дѣятельности: о томъ, какъ онъ, въ качествѣ депутата отъ одного изъ обществъ, являлся къ министру путей сообщенія съ ходатайствомъ объ улучшеніи судоходства по Выпи, къ министру финансовъ объ устройствѣ банка, къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбой о школѣ. Имя его часто появлялось и въ корреспонденціяхъ изъ провинціи: тамъ, на подмосковной фабрикѣ открыта, по иниціативѣ Владиміра Николаевича, дешевая столовая, отличающаяся доброкачественностью продуктовъ; въ другой корреспонденціи, изъ Выпскаго края, извѣщали, что, благодаря заботамъ В. Н. Олюнина, при шахтахъ устроена больница,—наконецъ изъ Казани писали, что Владиміръ Николаевичъ внесъ въ тамошній университетъ капиталъ въ 1.000 руб. для

выдачи преміи за лучшее сочиненіе о пчеловодствѣ. Такимъ образомъ имя его очень часто мелькало, окруженное ореоломъ добраго генія, скромно трудящагося на общественную пользу.

Наконецъ, если въ текстѣ газетъ долго не встрѣчалось популярнаго имени Владиміра Николаевича, то оно неизмѣнно появлялось на страницахъ объявленій жирнымъ шрифтомъ: «В. Н. Олюнинъ и К°. Высочайше утвержденное Общество Русскаго Угля. Агентства въ такихъ-то городахъ». Однимъ словомъ, имя Олюнина волей-неволей врѣзывалось въ вашу память съ такою же назойливостью, съ какой — извѣстный адресъ г. Веретенникова: «Rue Cadet, № 4», и я вполнѣ убѣжденъ, что нѣтъ въ Россіи ни одного человѣка, читающаго газеты, который бы не зналъ Владиміра Николаевича Олюнина, если не въ качествѣ просвѣщеннаго общественнаго дѣятеля, то во всякомъ случаѣ, какъ «В. Н. Олюнина и К°», учредителя «Общества русскаго угля», или просто «В. Олюнина», какъ предсѣдателя желѣзнодорожнаго правленія, отчеты котораго, за подписью Владиміра Николаевича, ежемѣсячно печатались въ газетахъ.

III.

Вдыхая полной грудью раздражающій ароматъ роскошнаго утра, бросая по временамъ взгляды на красивую панораму далекихъ горъ Дилленберга, покрытыхъ золотисто-голубой, прозрачной дымкой, и на черное пятно Подгорна, — Владиміръ Николаевичъ шелъ по парку, окружающему курзалъ, въ самомъ пріятномъ, счастливомъ настроеніи человѣка, который могъ на время забыть дѣла и заботы и пожить для себя, исключительно для себя, среди живописной природы, среди незнакомыхъ лицъ и того уютнаго комфорта заграничной жизни, благодаря которому жизнь тамъ кажется такой пріятной и такъ нравится соотечественникамъ своей розовой стороной. Мысли его были теперь далеки и отъ «Русскаго угля», и отъ Выпской желѣзной дороги—тѣмъ болѣе, что все тамъ шло хорошо—и отъ семьи. Добродушная улыбка скользила по его полнымъ, сочнымъ губамъ, глаза какъ-то весело щурились на солнцѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, отлично онъ сдѣлалъ, что вздумалъ уѣхать изъ Россіи, отдохнуть и освѣжиться послѣ своихъ трудовъ и кстати попить крейцбруннена. Признаться, онъ и не разсчитывалъ ѣхать въ этомъ году за границу, предполагая провести лѣто съ семьей въ своемъ превосходномъ владимірскомъ имѣніи, на берегу Оки, и оттуда проѣхать по Россіи,

заглянуть въ свои многочисленныя агентства, посмотрѣть на мѣстѣ главныя шахты «Русскаго угля»; но однажды, проснувшись утромъ, онъ почувствовалъ тяжесть въ желудкѣ и нащупалъ на животѣ какую-то опухоль. Онъ испугался и въ тотъ же день поѣхалъ къ одному изъ извѣстныхъ докторовъ, большому своему пріятелю, и сталъ жаловаться на здоровье. Но докторъ перебилъ его веселымъ смѣхомъ.

— Вы-то больны? Полноте морочить людей, дорогой Владиміръ Николаевичъ!

— Я въ самомъ дѣлѣ боленъ!

— А ну-ка, посмотримъ!

И съ этими словами докторъ попросилъ Олюнина раздѣться.

— Экое могучее тѣло-то какое! — воскликнулъ онъ, любуясь его широкой грудью. Онъ внимательно его выслушалъ, ощупалъ и проговорилъ: — Ну, конечно, все благополучно, мой дорогой... Только брюшко себѣ нагуляли, маленькое ожирѣніе, вотъ и все. Надо спустить жирокъ. Чувствуете тяжесть?

— Да, докторъ.

— Особенно послѣ обѣда?

— Да, послѣ обѣда.

— И отрыжки бываютъ?

— Бываютъ.

— Такъ, такъ... Попейте-ка лѣтомъ минеральной водицы да не балуйте своего желудка, вотъ и ваше лѣченіе... А если располагаете временемъ, прокатитесь, пожалуй, за границу. На мѣстѣ, тамъ у нѣмцевъ, лучше пить воды... Обстановка дѣйствуетъ... Кстати, вамъ и отдохнуть не мѣшаетъ, а то работаете-то вы, Владиміръ Николаевичъ, безъ устали...

— Куда же мнѣ ѣхать?

— Да въ Маріенбадъ...

— И брюшко спадетъ? — смѣясь спросилъ успокоенный Олюнинъ.

— Спадетъ, спадетъ, не безпокойтесь! Только потомъ снова его не нагуливайте!—весело говорилъ докторъ, самъ нагулявшій себѣ значительное брюшко: — мы съ вами, Владиміръ Николаевичъ, расположены къ этому и вдобавокъ любимъ грѣшнымъ дѣломъ побаловать свою утробу, а? Такъ, значитъ, въ Маріенбадъ?

— Въ Маріенбадъ!

— Тамъ обратитесь къ доктору Фишу — я вамъ дамъ карточку. Кажется, этотъ вертлявый, услужливый жидокъ изъ лучшихъ мѣстныхъ водяныхъ врачей, онъ вамъ и подробный

режимъ назначитъ. Мѣсяцъ этакъ или недѣль шесть попьете крейцбруннена, посидите на пищѣ святого Антонія, запивая ее водицей—вина, батюшка, ни-ни!—а потомъ можно покупаться, въ Трувилѣ, что ли, и разрѣшить себѣ вино и елей, только не очень накидывайтесь, не очень, а понемногу... Въ Трувилѣ будетъ повеселѣй, чѣмъ въ Маріенбадѣ—французы!.. Засимъ, конечно, остановка въ Парижѣ и къ осени домой, обновленный, съ запасомъ свѣжихъ силъ и хорошаго расположенія духа. Нравится вамъ мой планъ лѣченія?

Еще бы не нравился. Очень нравился. Перспектива ѣхать въ деревню не особенно была заманчива, а тутъ превосходный предлогъ—прокатиться.

— Эти поѣздки за границу — преполезная вещь со всѣхъ точекъ зрѣнія,—продолжалъ докторъ:—главное—освѣжается человѣкъ: и хандра спадетъ, и всякія непріятности забудешь, какъ перевалишь за границу, и воздухъ другой, и люди... Я вотъ каждый годъ удираю изъ Петербурга. Иначе—не выдержалъ бы этой каторги, хоть, слава Богу, не смѣю пожаловаться на здоровье... Наступаетъ весна — ужъ меня и тянетъ. Черезъ недѣльку и я въ путь...

— Вы куда, докторъ... Тоже на воды?..

— Нѣтъ, нѣтъ! — торопливо возразилъ онъ. — Я ѣзжу за границу не лѣчиться, а только освѣжаться! — смѣялся докторъ.—Сперва въ Вѣну проѣду, а оттуда—куда Богъ на душу положитъ. Ну, разумѣется, Парижа не миновать...

— А спускать жирокъ?

— Пусть себѣ нагуливается... Я вѣдь, батюшка, человѣкъ одинокій... о потомствѣ не забочусь... Ну, годомъ-двумя раньше умру, что ли... Эка важность! Пусть себѣ животикъ растетъ на здоровье... Ха-ха-ха!.. Ну, а ваши куда? Въ Павловскъ?

— Нѣтъ, Вѣра хочетъ въ деревню.

— Вотъ это прекрасно! Вѣрѣ Александровнѣ съ мальчиками самое любезное дѣло въ деревню. Что, какъ ея здоровье? Не жалуется на головныя боли?

— Не жалуется.

— Я заѣду къ ней передъ отъѣздомъ, посмотрю. Ей тоже надо полѣчиться.

— Развѣ у Вѣры что-нибудь серьезное?

— Ничего серьезнаго нѣтъ, а не слѣдуетъ запускать никакой болѣзни. Мы, батюшка, врачи, за другими смотримъ не такъ, какъ за собой!

— Что-жъ у нея?

— Нервное разстройство, малокровіе... Эту зиму Вѣра

Александровна особенно похудѣла... Организмъ у вашей жены деликатный, не то что нашъ съ вами! Крови у нея мало, а нервы, нервы!.. Оттого, видите ли, Вѣра Александровна черезчуръ впечатлительна, и малѣйшая бездѣлица ее можетъ встревожить. Натура у нея слишкомъ нѣжная, и ей надо беречься!—говорилъ докторъ теперь уже совсѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ раньше — серьезнымъ и даже строгимъ, бросая по временамъ на Олюнина, изъ-подъ очковъ, быстрые взгляды своихъ маленькихъ, острыхъ, заплывшихъ жиромъ глазокъ.— Это она отлично придумала ѣхать въ деревню, вмѣсто Павловска, гдѣ у васъ бываетъ всегда такъ много народу. Отлично! Вѣра Александровна, кажется, не очень-то любитъ шумную жизнь?..

— Да, она домосѣдка...

— Ну, слѣдовательно подальше отъ Петербурга — лучшее для нея лѣкарство. Спокойствіе духа, тишина, зеленая травка, немного мышьяку внутрь—и, Богъ дастъ, она вернется молодцомъ; вотъ развѣ безъ васъ немного поскучаетъ?—прибавилъ докторъ, переходя снова въ шутливый тонъ.

— Что̀ дѣлать!—проговорилъ Олюнинъ, пожимая плечами:—впрочемъ, она останется не одна; у насъ въ деревнѣ будетъ гостить ея мать...

— Такъ, такъ... Мы еще серьезно поговоримъ съ вашей женой. На-дняхъ я буду у васъ, дорогой Владиміръ Николаевичъ...

Возвратившись домой, Олюнинъ разсказалъ женѣ, что докторъ посылаетъ его непремѣнно на воды; въ своемъ разсказѣ онъ нѣсколько преувеличилъ значеніе своей болѣзни; такъ какъ-то, нечаянно это вышло. Ему очень жаль, что онъ не поѣдетъ съ ними въ деревню, но дѣлать нечего—надо подумать о здоровьѣ.

Въ большихъ, синихъ, робкихъ глазахъ молодой женщины пробѣжала тревога, которую она видимо старалась скрыть. Она выслушала со вниманіемъ мужа и, когда онъ кончилъ, робко замѣтила:

— Ты ничего раньше не говорилъ. Давно ты боленъ?

— Недавно. Впрочемъ, серьезнаго ничего нѣтъ...

— Докторъ сказалъ?

— Да... Но лучше вначалѣ остановить болѣзнь, не запуская ее... Маріенбадъ и купанье, по словамъ доктора, совсѣмъ меня поправятъ!

Она ничего не отвѣтила и видимо робѣла въ присутствіи мужа.

Помолчавъ, онъ прибавилъ:

— И тебѣ, Вѣра, надо обратить вниманіе на свою болѣзнь...

По ея нѣжнымъ, блѣднымъ щекамъ, съ пробивавшимися голубыми жилками, внезапно разлился нѣжный румянецъ, и она какъ-то испуганно сказала:

— Болѣзнь? Какая болѣзнь? Я, кажется, совсѣмъ здорова.

— Докторъ находитъ, что не совсѣмъ. Онъ на-дняхъ заѣдетъ къ тебѣ.

— Онъ, по обыкновенію, преувеличиваетъ, этотъ докторъ...

— Во всякомъ случаѣ, надо посовѣтоваться съ докторомъ и беречь себя, мой другъ!—промолвилъ Олюнинъ и нагнулся, чтобъ поцѣловать жену въ лобъ.

Онъ, очевидно, не замѣтилъ изумленія, промелькнувшаго въ ея глазахъ при этой неожиданной ласкѣ, и продолжалъ:

— Надо укрѣпить нервы, ты ихъ совсѣмъ распустила, Вѣра! Надо подтянуть себя. Въ послѣднее время ты никуда не показываешься, точно боишься людей... Могутъ подумать, что я нарочно скрываю тебя, или что я тиранъ-мужъ!—замѣтилъ съ улыбкой Олюнинъ.—Въ самомъ дѣлѣ, у тебя видъ жертвы... Согласись, мой другъ, что это наконецъ смѣшно... Вотъ и докторъ говоритъ...

Она слушала, опустивъ голову, этотъ тихій, мягкій, но внушительный голосъ; нервная дрожь пробѣгала по ея взволнованному лицу.

— Ужъ не жаловалась ли ты на меня доктору?—усмѣхнулся Олюнинъ.

Молодая женщина подняла на мужа изумленный, протестующій, полный упрека взглядъ.

— Я—жаловаться? Я никогда никому не жалуюсь и... и не имѣю причины жаловаться!—порывисто воскликнула она. На глазахъ у нея заблестѣли слезы.

— Ну вотъ, опять... Я пошутилъ, а ты въ слезы, точно ребенокъ... Я знаю, ты жаловаться не станешь, да и не за что. Я, кажется, не даю повода... Нѣтъ, ты положительно больна, Вѣра!—продолжалъ онъ, съ какимъ-то снисходительнымъ сожалѣніемъ оглядывая эту женщину, стройную, изящную, съ тонкими, красивыми чертами нервнаго, блѣднаго лица и этимъ недоумѣвающимъ, дѣтски-испуганнымъ взглядомъ, который, бывало, не разъ заставлялъ Владиміра Николаевича смущаться.

— Да полно же, полно, Вѣрочка. Что̀ съ тобой?

Въ его голосѣ зазвучали нѣжныя ноты; онъ присѣлъ около жены и тихо гладилъ ея мягкіе, свѣтлые волосы своей рукой.

Но эта ласка, казалось, еще болѣе ее взволновала. Она вся вздрогнула; слезы хлынули изъ глазъ.

Олюнинъ нахмурился и плотнѣй заперъ двери въ сосѣднюю комнату.

— Вѣра... Дѣти могутъ услышать. Что̀ они подумаютъ?

Но она не унималась. Рыданія неудержимо вырывались изъ ея груди.

— Вѣра!—проговорилъ строго Олюнинъ.—Вѣдь это наконецъ глупо!

И—странное дѣло!—этотъ строгій, не допускающій возраженій, голосъ тотчасъ подѣйствовалъ на нее. Она испуганно взглянула на мужа тѣмъ взглядомъ, какимъ смотрятъ забитыя дѣти, и, сдерживая рыданія, проговорила:

— Я перестану... Я перестану. Ты не сердись.

Этотъ взглядъ, этотъ тонъ нѣсколько смутили Олюнина.

— О; ты совсѣмъ больна, Вѣра... Но что̀ за причина? Что̀ съ тобой? Скажи мнѣ.

Онъ сталъ успокаивать ее тихимъ, ласкающимъ шопотомъ. Чего ей недостаетъ? Онъ ее любитъ, онъ, кажется, не стѣсняетъ ее ни въ чемъ, а она точно ему не довѣряетъ и словно боится его. Не скрываетъ ли она чего?

И звуки его голоса дѣйствовали на больную женщину чарующимъ образомъ. Она успокоилась, отерла слезы и тихо проговорила:

— Ты извини меня. Я въ самомъ дѣлѣ больна; мнѣ надо лѣчиться!

Олюнинъ вышелъ, пожимая плечами, нѣсколько разстроенный, недоумѣвающій. Жена становилась для него загадкой, и онъ не въ первый разъ вздохнулъ, что связанъ съ этой странной, больной, недалекой, по его мнѣнію, женщиной, которая такъ неудобно его любитъ, питаетъ къ нему непонятный страхъ и въ то же время какъ будто не вполнѣ довѣряетъ ему... ему, репутація котораго стоитъ выше всякихъ подозрѣній.

А она, оставшись одна, долго еще сидѣла неподвижно въ креслѣ, и взглядъ ея съ такой печальной улыбкой остановился на большомъ портретѣ мужа, гдѣ онъ стоялъ такой красивый, самодовольный и сіяющій,—точно она этимъ взглядомъ хоронила свои надежды, оплакивала свою любовь.

IV.

Отправивъ семью въ деревню и распорядившись насчетъ дѣлъ,—а ихъ было у него немало,—Владиміръ Николаевичъ, въ серединѣ іюня 187* года, уѣзжалъ за границу. Докторъ,

пославшій его освѣжиться, положительно былъ правъ! Какъ только сослуживцы и нѣсколько знакомыхъ проводили Олюнина, пожелавъ ему поправиться, и онъ усѣлся въ отведенное ему отдѣльное купе, имъ овладѣло пріятное чувство человѣка, имѣющаго передъ собой нѣсколько мѣсяцевъ отдыха и полной свободы послѣ всѣхъ этихъ трудовъ и непріятностей дѣловой и семейной жизни. И чѣмъ дальше уносилъ его поѣздъ, тѣмъ Владиміру Николаевичу чувствовалось привольнѣе...

Остановка въ Вѣнѣ, которую Олюнинъ никогда не пропускалъ мимо во время своихъ заграничныхъ экскурсій, встрѣча со старой знакомой, остроумной, веселой, хорошенькой актрисой изъ одного маленькаго вѣнскаго театра, веселые ужины, поѣздки за городъ, сумасшедшіе вечера... Все это повторилось и въ этотъ разъ. И—главное—что̀ хорошо! Эта свобода дѣлать, что̀ вздумается, безъ боязни огласки, безъ нескромныхъ вопросовъ знакомыхъ и пытливаго, испуганнаго взгляда этой нервной, ревнивой жены...

Однако надо ѣхать лѣчиться, и Владиміръ Николаевичъ, послѣ бурной недѣли въ Вѣнѣ, пріѣхалъ въ Маріенбадъ. Въ тотъ же день онъ посѣтилъ доктора Фиша въ его красивой виллѣ, гдѣ въ пріемной комнатѣ уже дожидались нѣсколько паціентовъ. Лакей взялъ карточку и попросилъ подождать, объяснивъ, что докторъ обѣдаетъ, и Олюнинъ хотѣлъ-было идти погулять, обѣщаясь зайти потомъ, какъ вдругъ за нимъ выбѣжалъ лакей, испуганный, взволнованный, и просилъ возвратиться...

Олюнинъ вернулся и въ прихожей увидалъ маленькаго, вертляваго доктора Фиша съ бѣгающими глазками, только-что выскочившаго изъ-за стола съ салфеткой, засунутой за галстукъ.

Онъ торопливо подбѣжалъ къ Олюнину, явившемуся подъ конвоемъ уже успокоившагося лакея, словно боялся, какъ бы паціентъ снова не ушелъ, и тогда... лови его! Его перехватитъ докторъ Крюднеръ или докторъ Зонтагъ, и пятнадцать, двадцать, тридцать гульденовъ очутятся въ карманѣ у конкурента.

Онъ принялся разсыпаться въ извиненіяхъ, поспѣшно вытирая салфеткой усы, на которыхъ бѣлѣла вермишель. О, онъ сейчасъ же осмотритъ Herr'a Olünine, monsieur Olünine, господина Олюнина, если ему некогда подождать... Онъ во всякое время дня и ночи къ услугамъ паціентовъ; онъ такъ уважаетъ и любитъ русскихъ, онъ написалъ брошюру о маріенбадскихъ водахъ по-русски... Онъ учился нарочно русскому языку...

И въ доказательство докторъ Фишъ сталъ-было говорить по-русски, но такимъ отчаяннымъ языкомъ, который былъ несравненно ужаснѣе языка брошюры, прочитанной Олюнинымъ еще въ Петербургѣ...

Напрасно Олюнинъ просилъ доктора Фиша продолжать свой обѣдъ; онъ подождетъ, у него время есть. Докторъ Фишъ чуть не насильно втолкнулъ Олюнина въ кабинетъ, точно завоеваннаго плѣнника, и, заперевъ двери на ключъ, объявилъ, что онъ къ его услугамъ.

Уморительный былъ этотъ маленькій, худощавый, съ бѣгающими глазками, докторъ, съ салфеткой за галстукомъ, присѣвшій за свой письменный столъ послѣ того, какъ Олюнинъ усѣлся въ кресло. Карточка отъ петербургскаго извѣстнаго доктора произвела надлежащее впечатлѣніе, и докторъ Фишъ, прочитавъ ее, вдругъ принялъ свой «докторскій» видъ, принялся ощупывать животъ Олюнина и покачивать головой.

— О, крейцбруннепъ васъ совсѣмъ поправитъ! У васъ, слава Богу, болѣзнь въ началѣ... На первый разъ утромъ стаканъ крейцбруннена, въ полдень стаканъ вальдквелле... пріятная вода... Эта порція возстановитъ правильность пищеваренія... А тамъ увидимъ, какъ пойдетъ... Можетъ-быть, придется прибавить еще стаканъ... Потомъ ванны изъ грязи и наконецъ укрѣпляющія изъ соленой воды, и вы будете совсѣмъ здоровы.

Онъ объяснилъ подробный режимъ—меньше хлѣба, никакого вина, сырыхъ фруктовъ и овощей, и затѣмъ освѣдомился, гдѣ остановился Олюнинъ. Названіе Клингеръ-отеля заставило доктора Фиша сдѣлать самую умильную гримасу, попросить позволенія заѣхать къ Владиміру Николаевичу и навѣщать время отъ времени, чтобы слѣдить за правильнымъ ходомъ его болѣзни.

Пять гульденовъ, данныхъ за консультацію, окончательно очаровали доктора Фиша, проводившаго Владиміра Николаевича до самыхъ дверей и затѣмъ уже возвратившагося доканчивать свой обѣдъ.—«А вы болванъ! чуть-было не упустили паціента!»—проговорилъ по дорогѣ докторъ Фишъ своему лакею, однако такъ тихо, что въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ дожидались паціенты, никто ничего не слыхалъ...—«Я сію минуту къ вашимъ услугамъ, господа!»—сказалъ онъ, заглянувъ въ пріемную, и дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ, пережевывая на ходу послѣдній кусокъ жаркого, появился въ пріемной и прошелъ въ кабинетъ, куда по очереди входили паціенты и скоро уходили оттуда, утѣшенные послѣ

того, какъ вѣчно спѣшившій докторъ, наскоро ощупывая животы, говорилъ своимъ быстрымъ, авторитетнымъ голосомъ съ паціентами, отклоняющими посѣщенія на-дому: — «Не дѣйствуетъ?.. Прибавьте еще стаканъ утромъ... Пейте одинъ вечеромъ и будьте спокойны...»

— Ну, какъ мы поживаемъ?—спрашиваетъ онъ, принимая тучнаго багроваго господина лѣтъ пятидесяти.—«Плохо, докторъ!»—«Гмъ... Вы сколько стакановъ пьете?»—«Три утромъ и два вечеромъ!» — «И не дѣйствуетъ?» Господинъ мрачно качаетъ головой.—«Прибавьте еще два стакана фердинандбруннена и будьте спокойны...» На лицѣ у господина появляется надежда, и онъ уходитъ.—«Вижу, вижу... вы очень поправились! — встрѣчаетъ докторъ Фишъ худого молодого господина, смѣняющаго тучнаго: — воды оказываютъ на васъ дѣйствіе...»—«О, докторъ, дѣйствіе ихъ черезчуръ сильно, и я чувствую себя, напротивъ, хуже...»—«Хуже?.. Удивительно. Вы, можетъ-быть, не соблюдаете діэты?» Паціентъ началъ клясться, что онъ вѣчно голоденъ.—«Гммъ... Вы сколько пьете стакановъ?» — «Два стакана утромъ и одинъ вечеромъ!» — «Такъ уменьшимъ порцію: одинъ стаканъ утромъ, укрѣпляющія ванны, и будьте спокойны...»

Когда черезъ день-другой докторъ Фишъ узналъ отъ одного изъ своихъ паціентовъ-русскихъ объ общественномъ положеніи и богатствѣ Олюнина, на карточкѣ котораго не стояло никакихъ титуловъ и званій, а въ Курлистѣ значилось только: «Herr von Olünine aus Petersburg»—онъ поспѣшилъ сдѣлать визитъ и предложить всего себя къ услугамъ Олюнина... Онъ мѣстный житель и знаетъ здѣсь рѣшительно всѣхъ и все... Однимъ словомъ... Быть-можетъ, Herr Olünine соскучится и захочетъ познакомиться... съ дамами, съ которыми можно совершить поѣздку въ Теплицъ... Онъ знаетъ очень милыхъ особъ... Генералъ фонъ-Отрепьевъ... этотъ веселый генералъ, когда былъ здѣсь... «Вы, вѣроятно, знакомы съ нимъ?..»

Олюнинъ разсмѣялся и благодарилъ доктора, но предложеніе рѣшительно отклонилъ, показавъ себя съ самой недоступной стороны въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, когда, дня два спустя, на «Променадѣ» онъ увидалъ, что докторъ Фишъ разговариваетъ съ одной красивой и роскошной брюнеткой съ большими блестящими глазами и ослѣпительно-свѣжимъ лицомъ, — которая съ перваго же дня обратила на себя его вниманіе,—Олюнинъ, между прочимъ, освѣдомился у доктора, съ кѣмъ это онъ любезничаетъ.

— Не правда ли, красавица? Это ваша соотечественница. Madame Berdiaeff изъ Петербурга!

— А!—проговорилъ Олюнинъ.—Соотечественница!..—и перешелъ къ другому предмету разговора.

Докторъ зналъ всѣ новости и, между прочимъ, разсказалъ, что сегодня пріѣдетъ генералъ Конотопцевъ, извѣстный вашъ генералъ Конотопцевъ, и адмиралъ Леопардовъ... Ужъ для нихъ заняты номера въ Клингеръ-отелѣ. Знаетъ ли ихъ Олюнинъ? У какого врача въ Петербургѣ они лѣчатся?

— Русскихъ особенно много въ этомъ году!—продолжалъ болтать докторъ Фишъ.—Мнѣ очень жаль, что я не успѣлъ угодить его сіятельству князю Литовскому... Сперва я имѣлъ счастіе пользовать князя, но потомъ онъ обратился къ другому врачу... Мнѣ очень жаль... Вы не знаете ли, Herr Olünine, что за причина? Вы съ нимъ знакомы... Онъ вамъ не говорилъ?..

— Нѣтъ... не говорилъ!..

Докторъ Фишъ уже подбѣжалъ къ другому паціенту, а Олюнинъ, допивъ свой стаканъ воды, щурилъ глаза на эту красивую брюнетку въ сѣромъ, недлинномъ платьѣ, обливавшемъ стройную, роскошную фигуру, въ маленькой, темной соломенной шляпкѣ, которая прикрывала блестящіе черные волосы, спереди гладко зачесанные назадъ, а сзади собранные въ тяжелую густую косу.

Она въ эту минуту проходила мимо Олюнина, свѣжая, улыбающаяся, лучезарная, какъ роскошный цвѣтокъ на утреннемъ солнцѣ, болтая по-русски съ какимъ-то пожилымъ, некрасивымъ господиномъ, очень скромно одѣтымъ, котораго Олюнинъ встрѣчалъ всегда гдѣ-нибудь въ уединенныхъ мѣстахъ и почему-то принималъ его за какого-нибудь провинціальнаго учителя.

«Бердяева?»—повторялъ нѣсколько разъ Олюнинъ, провожая любопытнымъ взоромъ эту хорошенькую соотечественницу и припоминая, гдѣ слышалъ онъ эту фамилію.—«Бердяева?!»

И онъ наконецъ вспомнилъ, что у него былъ товарищъ по университету—Бердяевъ, очень некрасивый, неглупый, самолюбивый, раздражительный и желчный человѣкъ. Онъ подавалъ надежды, но потомъ пропалъ куда-то въ провинцію, и послѣ Олюнинъ что-то смутно слышалъ отъ одного изъ старыхъ товарищей, что этотъ Бердяевъ какъ-то странно женился на дочери генерала, которой нужно было во что бы то ни стало выйти замужъ. Говорили о какой-то подлой сдѣлкѣ и прибавляли, что отъ Бердяева можно было ожидать всякой мерзости.

Вся эта исторія теперь смутно припоминалась Владиміру

Николаевичу. Но, очевидно, она не могла имѣть никакой связи съ этой красавицей—мало ли на свѣтѣ Бердяевыхъ,—и ему стало даже смѣшно, что онъ теперь вспомнилъ объ этомъ. И можетъ ли такая женщина выйти замужъ за этого безобразнаго Бердяева?

Во всякомъ случаѣ, ему очень хотѣлось съ ней познакомиться, но это оказалось не такъ-то легко. Она держала себя скромно и, повидимому, не выказывала никакого желанія заводить водяныя знакомства; по крайней мѣрѣ, на прогулкахъ и въ Курзалѣ, куда она приходила около восьми часовъ, она была всегда одна, изрѣдка съ этимъ неказистымъ господиномъ и чаще съ одной пожилой генеральшей изъ Полтавы, жила въ скромномъ отелѣ и обѣдала всегда въ одномъ и томъ же ресторанѣ, у Лейнерта, куда сталъ ходить въ тѣ же часы и Владиміръ Николаевичъ. Всезнающій докторъ Фишъ могъ только объяснить, что Бердяева пріѣхала на воды не столько для лѣченія, сколько подышать этимъ чуднымъ горнымъ воздухомъ, а въ Курлистѣ значилось, что фонъ-Бердяева—жена скромнаго гофрата изъ Петербурга...

Она его заинтересовала, эта скромная и такая красивая жена надворнаго совѣтника! И онъ ежедневно ходилъ на Вальдмюле, куда ходила и она, послѣ водъ пить кофе, обѣдалъ за однимъ столомъ, встрѣчался на прогулкахъ; но прошла недѣля—а знакомство не завязывалось, несмотря на скромныя попытки Владиміра Николаевича завязать разговоръ съ генеральшей изъ Полтавы въ присутствіи интересной брюнетки. Это его раздражало, сердило, заинтриговывало, и Маріенбадъ, показавшійся ему въ первые дни такимъ скучнымъ и монотоннымъ, теперь, благодаря вотъ этой женщинѣ, получилъ для него особую прелесть. Онъ еще тщательнѣй слѣдилъ за своимъ костюмомъ, чаще поглядывалъ въ зеркало на свое красивое, румяное лицо, пушистую, холеную бороду и нерѣдко взбирался на Амаліенсхёэ, гдѣ на скамейкѣ, подъ липами, съ книгой въ рукахъ, поджидалъ: не покажется ли внизу по дорогѣ эта роскошная фигура молодой красавицы...

И онъ наконецъ дождался.

V.

Это было дней черезъ десять послѣ его пріѣзда, въ одно послѣ-обѣда, когда онъ, по обыкновенію, пошелъ наверхъ и тамъ, усѣвшись на скамью, караулилъ эту интересную знакомую незнакомку... Убаюкиваемый сладкими мечтами и тихимъ шелестомъ окружающаго лѣса, онъ незамѣтно задремалъ. Паденіе на песокъ книги разбудило его.

Онъ поднялъ голову и... она тутъ сидѣла на другомъ концѣ скамейки, склонившись надъ книгой; усмѣшка — показалось ему—играла на ея губахъ. Положеніе было самое глупое, водевильное. Чортъ дернулъ его заснуть. Быть-можетъ, онъ еще храпѣлъ во снѣ.

Онъ поднялъ книгу и принялся читать, искоса поглядывая на сосѣдку. Она сидѣла, попрежнему не отрываясь отъ книги, но вскорѣ поднялась съ мѣста, нерѣшительно поглядѣла вокругъ и вдругъ обратилась къ нему:

— Простите, пожалуйста, что я васъ потревожу... Какая дорога ведетъ въ Гиртенруэ?..

Онъ покраснѣлъ и смѣшался.

— Въ Гиртенруэ?.. Вотъ сюда, направо!..—проговорилъ онъ.

Она поблагодарила его кивкомъ головы и тихо спустилась по уединенной аллеѣ. А онъ досадовалъ на себя, что такъ глупо все вышло, что онъ не предложилъ провести ее туда, упустивъ такой случай познакомиться. На другой день однако, за обѣдомъ, какъ-то случилось, что они сидѣли за столомъ рядомъ; Олюнинъ заговорилъ съ ней. Она поддержала разговоръ, и они проболтали весь обѣдъ. Послѣ обѣда Олюнинъ просилъ позволенія ей представиться и назвалъ свою фамилію.

— Ольга Михайловна Бердяева!.. — отвѣтила она въ свою очередь.—Очень рада познакомиться.

И протянула свою маленькую, пухлую руку, съ бирюзой на мизинцѣ. Олюнинъ обратилъ вниманіе, что у нея на рукѣ не было обручальнаго кольца.

Они пошли вмѣстѣ по парку, продолжая весело болтать. Между прочимъ, Ольга Михайловна жаловалась на скуку.

— Еще раньше были тутъ знакомые, а на-дняхъ уѣхали...

— Но отъ васъ зависитъ...

— Знаю, знаю, — прервала она, предупреждая банальную фразу.—Но я не люблю этихъ случайныхъ знакомствъ на водахъ... Васъ я исключаю,—прибавила она, играя зонтикомъ.— Я васъ раньше знала по имени... Мнѣ о васъ говорили...

— Кто?..—полюбопытствовалъ онъ.

— Мужъ мой! Кажется, вашъ товарищъ по университету!

— Какъ?.. Тотъ Бердяевъ? Онъ вашъ мужъ?—вырвалось у него восклицаніе.

Но она, казалось, этого не замѣтила и спокойно проговорила:

— Да. Я пять лѣтъ какъ замужемъ... Эти случайныя знакомства,—продолжала она: — несмотря на ихъ забавную сторону, обыкновенно скоро надоѣдаютъ... Да и знакомству съ вами я, кажется, обязана благодаря вашему сладкому сну,

тамъ на скамейкѣ,—прибавила она съ улыбкой: — вы завладѣли моимъ мѣстомъ!

— Какъ такъ?

— Я очень люблю то уединенное мѣсто, подъ липами, тамъ такъ хорошо! Я ходила туда каждый день читать послѣ обѣда, когда еще всѣ сидятъ обыкновенно по домамъ. Но въ послѣдніе дни вы всегда бывали тамъ, и я возвращалась!—прибавила она и засмѣялась тихимъ, беззвучнымъ смѣхомъ, открывая два ряда прекрасныхъ, маленькихъ зубовъ. При этомъ болѣе всего смѣялись ея выразительные, черные глаза, въ которыхъ быстро мѣнялись оттѣнки выраженій.

— Я и не догадывался о своемъ преступленіи! — промолвилъ весело Олюнинъ.

— А я, признаюсь, досадовала, что вы не отдыхаете послѣ обѣда! Впрочемъ, вчера вы такъ хорошо заснули, и я не удержалась отъ искушенія посидѣть на своемъ мѣстечкѣ... Не упади ваша книга, вы, вѣрно, долго бы еще проспали... Кстати, надъ чѣмъ это вы заснули?

— Надъ Гейне!—съ комическимъ извиненіемъ проговорилъ Олюнинъ. — И спасибо этому сну! Ему я обязанъ случаемъ познакомиться съ вами... Я давно искалъ этого случая.

— Да?—промолвила она, поднимая на него удивленный взглядъ: — такъ вѣдь на водахъ это такъ просто! Наконецъ у насъ есть общій знакомый—этотъ забавный докторъ Фишъ... Онъ такъ заботится о развлеченіи своихъ паціентовъ, что съ удовольствіемъ представилъ бы васъ... Дѣйствительно, любоваться природой постоянно одному, пожалуй, и скучновато...

Они продолжали болтать о Маріенбадѣ, о докторѣ Фишѣ, о заграничной жизни. Когда наконецъ, послѣ недолгой прогулки, они дошли до отеля, гдѣ жила Бердяева, Олюнинъ почтительно попросилъ позволенія быть у нея съ визитомъ.

— Какіе визиты на водахъ?.. А впрочемъ, если хотите... Я до двѣнадцати дома!

Съ этими словами она протянула руку и скрылась въ дверяхъ отеля.

Съ этого дня Олюнинъ настойчиво искалъ случая встрѣчаться съ Ольгой Михайловной. На водахъ, гдѣ почти весь день проводятъ внѣ дома, это было такъ легко... Эта красивая барыня положительно заняла его. Она оказалась неглупой, веселой женщиной, много читавшей, понимающей людей, и съ ней скучать было нельзя, но и ухаживать за ней тоже было не такъ-то легко, какъ сперва подумалъ-было Олюнинъ, узнавъ, къ своему удивленію, что она жена Бердяева. Съ ней надо было держать себя на-сторожѣ, и всякая пошлая

любезность или что-нибудь подобное встрѣчало съ ея стороны убійственную насмѣшку... Въ то же время въ ней было много кокетства, но тонкаго, насмѣшливаго, холоднаго, всегда готоваго дать отпоръ, и Владиміръ Николаевичъ на каждомъ шагу боялся не попасть какъ-нибудь въ просакъ и не навлечь ея неудовольствія. А онъ ли не имѣлъ успѣха у женщинъ?..

Она никогда не говорила ни о себѣ ни о мужѣ. И когда однажды Олюнинъ спросилъ, чѣмъ занимается ея мужъ, она отвѣчала:—«Чѣмъ всѣ—служитъ!»—и затѣмъ ни слова. Олюнинъ только и узналъ, что она живетъ въ Петербургѣ и что до осени пробудетъ за границей. Куда поѣдетъ послѣ Маріенбада—еще не рѣшила. И всегда спокойная, веселая, точно у нея жизнь идетъ такъ хорошо и ровно, что ничто ея не заботитъ, всегда глухая къ недосказаннымъ словамъ и намекамъ, которые нашъ герой расточалъ теперь съ тѣмъ же обиліемъ, съ какимъ зимой говорилъ рѣчи въ собраніяхъ, — никогда, казалось, не замѣчавшая ни краски волненія, разливавшагося по лицу Владиміра Николаевича, когда онъ, во время прогулокъ, взбирался съ ней на гору, чуть-чуть прижимая ея руку къ своей рукѣ, ни краснорѣчивыхъ взглядовъ, полныхъ блеска, ни этихъ неожиданныхъ вздоховъ, вырывавшихся какъ бы невольно изъ его груди.

Спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, она въ это время разспрашивала Олюнина о его дѣятельности, о «русскомъ углѣ»—она всѣмъ интересовалась, — хвалила его послѣднюю рѣчь въ земскомъ собраніи, которую прочла въ газетахъ, удивлялась, какъ онъ успѣваетъ дѣлать столько дѣлъ и какъ они ему не надоѣдаютъ...

«Что она нарочно не замѣчаетъ, или въ самомъ дѣлѣ? — сердился Олюнинъ. — Какой теперь уголь, какія рѣчи, какія дѣла, когда она тутъ возлѣ него, эта свѣжая, блестящая красавица!..» И онъ разсѣянно отвѣчалъ на ея вопросы и принималъ обиженный видъ. Неужели Ольга Михайловна въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что у него только однѣ дѣла на умѣ... Онъ человѣкъ и, быть-можетъ, не такой счастливый, какъ можно думать, несмотря на свое богатство, несмотря на свои успѣхи въ жизни... Что такое богатство?.. Развѣ оно цѣль?.. И онъ пускался философствовать чуть ли не въ защиту преимущества бѣдности,—«бѣдность не бѣда, если только другія стороны—высшія стороны человѣка—удовлетворены», старался придать разговору интимный характеръ, говорилъ о поэзіи, цитировалъ Гейне, и рука его вздрагивала сильнѣй...

О, съ этимъ мнѣніемъ о добродѣтели бѣдности Ольга Ми-

хайловна не соглашалась, подсмѣивалась надъ идиллическимъ настроеніемъ Владиміра Николаевича, вдругъ уставала, просила остановиться и тихо освобождала руку.

— Да и вы, кажется, устали?—прибавляла она совершенно серьезно.—Докторъ Фишъ за это не похвалитъ. Моціонъ слѣдуетъ дѣлать тихо, не спѣша, а мы такъ скоро шли... Присядемте-ка, Владиміръ Николаевичъ...

— Да вы развѣ лѣчитесь?

— Немножко... Надо же пить воды, разъ пріѣдешь сюда!

Они отдыхали и спускались внизъ уже не рука объ руку. Ольга Михайловна отказывалась отъ предложенной руки—она теперь отдохнула!—и говорила:

— Вотъ что̀ значитъ природа... Вы, Владиміръ Николаевичъ, должно-быть, очень впечатлительны... На васъ она такъ дѣйствуетъ, что вы даже о преимуществахъ бѣдности заговорили! Чего добраго, пріѣдете въ Петербургъ и раздадите состояніе сирымъ и убогимъ, какъ евангельскій юноша?

Въ ея тонѣ звучала злая насмѣшка. Она задѣла Олюнина за живое.

— Вы не такъ меня поняли, Ольга Михайловна... Теперь евангельскій юноша былъ бы смѣшонъ... Можно больше добра сдѣлать, не раздавая по его примѣру состоянія, а напротивъ, увеличивая его... Вѣдь и вы бы не поступили по примѣру этого юноши?

— И не могла бы, если-бъ хотѣла... У меня—увы!—ничего нѣтъ,—засмѣялась она.

— А если-бъ было?

— Если-бъ было?.. Я бы пользовалась одна, для себя...

— И никому ничего отъ избытковъ?

— Ни копейки!—со смѣхомъ отвѣчала Ольга Михайловна.—Васъ должно это непріятно удивить, Владиміръ Николаевичъ, но что̀ дѣлать, удивляйтесь!.. Я не такая добрая, какъ вы!—добавила она совершенно неожиданно, оборачиваясь къ нему.

«Что̀ это, насмѣшка или нѣтъ?»—подумалъ Олюнинъ, вспыхивая весь и взглядывая на Бердяеву. Но лицо ея было серьезно, и глаза теперь совсѣмъ не смѣялись.

— Ну, положимъ, Ольга Михайловна, о моей добротѣ вы не знаете...

— Къ чему вы скромничаете? Какъ не знать? О вашихъ добрыхъ дѣлахъ такъ часто пишутъ въ газетахъ... Кто же этого не знаетъ? Или вы думали, что я не читаю газетъ?..

— Я дѣлаю, что̀ могу!—скромно прибавилъ Олюнинъ и сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ о назначеніи и обязанностяхъ всякаго порядочнаго человѣка. Нельзя же

видѣть это невѣжество, эту бѣдность кругомъ, эти блѣдныя лица матерей и несчастныхъ исхудалыхъ дѣтей... Надо имѣть каменное сердце, воду вмѣсто крови...

Онъ говорилъ, по обыкновенію, краснорѣчиво, нѣсколько увлекаясь присутствіемъ Ольги Михайловны. Если на нее не производятъ впечатлѣнія вздохи, то, быть-можетъ, не тронетъ ли эта скромная похвала своимъ качествамъ общественнаго дѣятеля?

И онъ продолжалъ на эту тему, взглядывая по временамъ на свою спутницу. Но она шла, опустивъ голову, и, къ сожалѣнію, онъ не могъ видѣть произведеннаго имъ впечатлѣнія...

— И благо вамъ!—замѣтила она, когда онъ кончилъ.—У васъ такая широкая дѣятельность, имя ваше благословляютъ: вы—счастливый человѣкъ въ этой жизни, гдѣ такъ мало счастливцевъ! И вы еще смѣете жаловаться... Чего-жъ вамъ еще? Или и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ ничѣмъ не доволенъ?

Чего еще ему? И она такъ спокойно спрашиваетъ объ этомъ, эта недогадливая женщина, и такъ прямо смотритъ ему въ глаза своимъ удивленнымъ взглядомъ?

Чего ему еще?

У него готово было вырваться признаніе, что ему въ эту минуту недостаетъ именно ея, этой красивой женщины, ея горячихъ объятій и ласкъ, но Ольга Михайловна уже отвела свои глаза и прибавила:

— Слышите... ужъ и музыка началась, а мы съ вами сегодня такъ долго гуляемъ. Пойдемте-ка скорѣй, благодѣтельный геній!

Она тихо усмѣхнулась, прибавляя шагъ.

— Вы, кажется, въ добро не вѣрите?—проговорилъ Олюнинъ, впадая въ меланхолическій тонъ.

— На сегодня довольно философскихъ разговоровъ, Владиміръ Николаевичъ... Пожалуй, и это вредно при лѣченіи... Спросите-ка нашего любезнаго доктора Фиша...

Его словно облили холодной водой этими шутливыми словами; они молча шли остальную дорогу.

На другой день она отказалась отъ прогулки, на третій сказала, что болитъ голова. Утромъ онъ ее не встрѣтилъ, какъ всегда, въ Вальдмюле за кофе; за обѣдомъ ея не было. Послѣ обѣда онъ пошелъ къ ней, но ему сказали, что ея нѣтъ дома. Наконецъ вечеромъ онъ ее увидалъ на Променадѣ. Она сидѣла съ тѣмъ скромнымъ господиномъ, съ которымъ ее видѣлъ прежде Олюнинъ. Онъ подошелъ къ ней. Она встрѣтила его, по обыкновенію, привѣтливо и любезно, какъ стараго пріятеля, сожалѣла, что онъ ее не засталъ дома — она

ѣздила въ Тепль осматривать монастырь—и вдобавокъ заботливо освѣдомилась: хорошо ли идетъ его лѣченіе, и помогаютъ ли ему воды?

«Это ледъ, а не женщина!»—говорилъ онъ и долго въ этотъ вечеръ ходилъ по своей комнатѣ, волнуемый мыслью, какими путями овладѣть этимъ сіяющимъ, роскошнымъ тѣломъ, какъ зажечь блескомъ страсти эти глубокіе, черные глаза, какъ заставить ее полюбить себя... «Деньги все могутъ!»—думалъ онъ, готовый, пожалуй, при всемъ своемъ благоразуміи, бросить изрядную сумму денегъ, чтобы добиться ея любви... Но если деньги окажутся безсильны? И наконецъ что это за любовь, добытая цѣною денегъ?.. Деньги могутъ только, такъ сказать, украсить ее!..

Ему не хотѣлось спать, и онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы отвѣчать на письма жены; онъ не отвѣтилъ уже на три письма. И онъ написалъ женѣ письмо, въ которомъ сообщалъ, что на водахъ онъ поправляется, что надо и ей поправить свои нервы, — по этому поводу онъ прочелъ ей длинную и мягкую нотацію,—просилъ ее беречь себя и наблюдать, чтобъ дѣти дѣлали гимнастику и не забывали говорить съ миссъ Джонстонъ по-англійски...

Исполнивъ долгъ семейнаго человѣка, онъ бросился въ постель и долго еще не могъ заснуть. Ему припоминались теперь всѣ подробности разсказа о женитьбѣ Бердяева, странные отзывы о ней, которые онъ слышалъ на-дняхъ отъ одного русскаго, наконецъ онъ до мелочей припоминалъ ея обращеніе съ нимъ и... и попробовалъ обсудить дѣло съ тѣмъ хладнокровіемъ, которое недаромъ составило ему репутацію умнаго, практическаго дѣятеля. Всѣ данныя, казалось, говорили ему, что эта женщина играетъ только комедію и представляется такимъ льдомъ для того, чтобы заставить Олюнина дѣйствовать смѣлѣе, и что въ концѣ концовъ она не устоитъ противъ его желаній, и ему предстоитъ случай отлично «освѣжиться» за границей, какъ совѣтовалъ докторъ... Всѣ эти продажныя француженки, вѣнки, всѣ эти ужины съ перспективой легкой побѣды надоѣли ему давно, ему хотѣлось чего-нибудь новенькаго, «пикантнаго» и въ то же время такого, что не могло бы повредить его репутаціи, не могло бы нарушить спокойствія семейнаго очага и сдѣлаться предметомъ огласки. А эта красивая барыня, купившая себѣ мужа, какъ разъ такая женщина, любовь которой, казалось, не представляетъ никакихъ неудобствъ. Она умна, и нѣтъ въ ней никакой сентиментальности... Напротивъ, кажется, очень трезво смотритъ на жизнь...

Съ такими сладкими надеждами заснулъ Олюнинъ, считая себя почти ужъ побѣдителемъ и предвкушая заранѣе всю прелесть этихъ путешествій инкогнито, куда-нибудь въ мало посѣщаемыя мѣста. Прогулки вдвоемъ, катанья... «Освѣжайтесь, освѣжайтесь!»—шепталъ ему голосъ доктора.

VI.

И сегодня, въ то утро, которымъ начался нашъ разсказъ, онъ шелъ такой веселый и довольный не потому только, что утро было роскошное, что въ двѣ недѣли онъ уменьшился въ вѣсѣ на одинъ фунтъ, и что требованія на русскій уголь—какъ сообщалъ ему главноуправляющій шахтами—были значительнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Все это, конечно, были пріятныя вещи, но главная причина его отличнаго расположенія духа была та, что надежды его начинаютъ сбываться, и шансы на побѣду значительно поднимаются. Вчера—именно вчера, когда они сидѣли вдвоемъ на той самой скамейкѣ, подъ липами, гдѣ онъ такъ сладко тогда заснулъ,—ему показалось, что ледъ начинаетъ таять подъ тихимъ журчаніемъ его страстныхъ рѣчей, что ея взоръ свѣтится небывалымъ доселѣ, такимъ ласковымъ, обѣщающимъ выраженіемъ... Она теперь не смѣялась, когда онъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ опять разсказывалъ ей притчу объ этомъ богатомъ несчастливцѣ съ разбитой личной жизнью—одинокомъ среди множества лицъ, его окружающихъ,—объ этой потребности личнаго счастья, настоящаго полнаго счастья, не останавливающагося передъ нелѣпыми предразсудками, передъ дикими взглядами глупаго общества, которые часто мѣшаютъ людямъ испить полную чашу страсти... Голосъ его незамѣтно все дѣлался тише и тише, а она слушала, такая тихая, ласковая, взглядывая по временамъ на него съ такимъ участіемъ...

И онъ спрашивалъ: неужели она, такая умная, такая чуткая женщина, не понимаетъ этого?..

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ:—сытые не понимаютъ голодныхъ, счастливые—несчастныхъ.

— Значитъ, вы въ самомъ дѣлѣ считаете меня счастливой?—спросила она въ свою очередь.

— А развѣ нѣтъ?.. Вы всегда такая ровная, веселая, разсудительная, трезвая... Такіе люди не могутъ быть несчастливы...

— Наружность обманчива, дорогой Владиміръ Николаевичъ!—проговорила она.—Кто бы подумалъ, напримѣръ, взглянувъ на васъ, что вы не удовлетворены жизнью,—прибавила она съ едва замѣтной улыбкой:—а вотъ, слушая васъ, ви-

дишь, что и вы совсѣмъ не тотъ счастливый человѣкъ, какимъ я васъ считала... У всякаго свое. Впрочемъ, не будемъ объ этомъ говорить... Мы оба, кажется, не похожи на несчастныхъ, и если бы кто-нибудь подслушалъ нашъ разговоръ...

Она замолчала и водила кончикомъ зонтика по песку...

— То какое бы вывелъ заключеніе?

— Что на насъ плохо дѣйствуютъ воды!—неожиданно прибавила она съ тихимъ смѣхомъ.

— И сдѣлалъ бы ошибочный выводъ!—съ раздраженіемъ сказалъ Олюнинъ, замѣчая, что снова почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ.

— Не спорю... Счастье вѣдь такая условная вещь!..

И она незамѣтно опять перевела разговоръ съ этой щекотливой темы, искусно останавливая Олюнина всякій разъ, когда онъ снова начиналъ говорить притчами... Ей, казалось, нравилось лучше быть на землѣ, чѣмъ парить въ небесахъ... Мало ли чего человѣкъ хочетъ, мало ли о чемъ мечтаетъ?.. Разладъ мечты съ дѣйствительностью только еще болѣе раздражаетъ...

«Что̀ это, на мой счетъ, что ли?—подумалъ Олюнинъ.—Предостереженіе?»

Онъ попробовалъ попытать ее съ другой стороны.

— Вы, кажется, Ольга Михайловна... одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя предразсудки ставятъ выше всего.

— Да... у меня есть предразсудки... Да и какъ имъ не быть, Владиміръ Николаевичъ. Вѣдь я тоже продуктъ глупаго общества, которое вы давеча такъ бранили!—лукаво сказала она.

«Это бѣсъ, а не женщина!»—шепчетъ Олюнинъ, любуясь этимъ «бѣсомъ» въ такомъ изящномъ воплощеніи. Его сердитъ и ласкаетъ въ одно и то же время этотъ тихій смѣхъ, со звучащей въ немъ задирающей, кокетливой ноткой, который и манитъ и какъ будто отталкиваетъ. Владиміръ Николаевичъ опѣшилъ и не знаетъ, что̀ ему сказать теперь и ка̀къ снова приняться за дѣло. Кажется, снова проиграна битва... Она опять вооружилась своей насмѣшливой неуязвимостью, раздражающей его натянутые нервы... Тяжело дыша, раскраснѣвшійся, онъ искоса поглядываетъ на Ольгу Михайловну и не знаетъ: «продувная ли она шельма», нарочно затягивающая петлю на его шеѣ, или и въ самомъ дѣлѣ «предразсудки» охраняютъ ея добродѣтели! Но кто-жъ мѣшаетъ ей, въ противномъ случаѣ, при такой ослѣпительной красотѣ, не пользоваться всѣми благами жизни? А она, какъ видно, не пользуется... Скромный костюмъ, очень скромная комната въ небольшомъ отелѣ...

И онъ напускаетъ на себя мрачный видъ непонятаго человѣка, что̀ вовсе не идетъ къ его полной, выхоленной фигурѣ. А она, эта мучительница, снова притихла, задумалась; потомъ поднимаетъ ласковый, дружескій взглядъ и спрашиваетъ: куда думаетъ ѣхать Владиміръ Николаевичъ послѣ окончанія курса? Или вернется въ Россію? У него такъ много тамъ дѣлъ...

— Я до осени пробуду за границей. А вы, Ольга Михайловна?

Она? Она не знаетъ еще, какъ сложатся обстоятельства, но вѣрнѣе всего, что тоже пробудетъ до осени; она разсчитываетъ ѣхать на берегъ моря, во Францію, но только не въ дорогія мѣста, нѣтъ, а куда-нибудь въ глухую деревушку, гдѣ нѣтъ этой вѣчной толпы. Докторъ ей совѣтовалъ покупаться.

— Вообразите, и мнѣ докторъ велѣлъ купаться!—весело проговорилъ Олюнинъ.

— Куда-жъ вы? Въ Діеппъ, въ Трувиль?

— О, нѣтъ... И мнѣ надоѣли эти мѣста... Я тоже хочу поискать уединеннаго мѣстечка... И если-бъ вы позволили мнѣ ѣхать за вами...

— Ахъ, Боже мой, что̀ за смѣшная просьба!.. Да я очень рада; по крайней мѣрѣ будетъ знакомый человѣкъ, съ которымъ иногда можно поговорить. Все веселѣй, чѣмъ одной...

— И только?.. Веселѣй...

— А что-жъ больше? Если вамъ этого мало, такъ лучше не ѣздите!

— Нѣтъ, нѣтъ, я поѣду... Никогда не слѣдуетъ терять надежды. Быть-можетъ, вы тогда увидите, Ольга Михайловна, поймете, оцѣните...

— Ничего я не пойму и ничего не оцѣню, Владиміръ Николаевичъ!—перебила она его торопливо.—Не заблуждайтесь... И что̀ понимать?.. Что вы ухаживаете за мной?.. Ну что-жъ?.. Вѣдь мы оба не юноши и... оба несвободные люди!—прибавила она серьезно.

— О, у васъ вездѣ предразсудки, всегда наготовѣ уличная мораль,—воскликнулъ Олюнинъ, для котораго теперь всякіе предразсудки казались глупостью... Ну хорошо: «несвободны». А если бы были свободны?—понижая голосъ, спросилъ онъ.

— Если бы... если бы...—повторила Ольга Михайловна.

— Тогда что̀? Что̀ тогда? Вы только скажите... Не все ли вамъ равно сказать?..

— Тогда... тогда... Оставимъ этотъ вопросъ пока нерѣшен-

нымъ... Къ чему забавляться иллюзіями?—проговорила она какъ-то загадочно, но такимъ ласковымъ голосомъ, что Олюнинъ уже схватилъ ея руку и осыпалъ ее поцѣлуями.

Она тихо высвободила руку, промолвивъ:—«Мы, кажется, еще не свободны, г. Олюнинъ!»—поднялась съ мѣста и объявила, что пора домой.

— Вы сердитесь, Ольга Михайловна?.. Простите.

— Вы скоро рѣшаете вопросы, Владиміръ Николаевичъ, а я люблю ихъ рѣшать подумавши... Вотъ и все.

Ни малѣйшаго слѣда какого-либо волненія или негодованія не было замѣтно въ ней, когда они возвращались домой. Она попрежнему была спокойна, дружелюбно бесѣдовала съ Олюнинымъ, не придавая, повидимому, никакого значенія только-что бывшему объясненію и, казалось, не замѣчая побѣдоносной улыбки, скользившей теперь по лицу Олюнина.

А онъ поглядывалъ на свою спутницу, мысленно представляя ее въ легкомъ купальномъ костюмѣ, тамъ, на берегу моря, въ уединенномъ мѣстѣ, вдали отъ любопытныхъ взоровъ (это она очень умно придумала!), гдѣ они проведутъ мѣсяцъ вдвоемъ и гдѣ, разумѣется, всякіе предразсудки будутъ забыты этой лукавой кокеткой, игравшей съ нимъ въ заманчивую, кокетливую игру... Къ чему это? Точно она и безъ того не можетъ свести съ ума даже такого серьезнаго человѣка, какъ онъ!—думалъ Олюнинъ, любуясь ея молочной шеей, сверкавшей подъ черной косой ослѣпительнымъ блескомъ.

Едва уловимая, тонкая усмѣшка оживляла лицо Ольги Михайловны, когда она украдкой взглядывала на этого сорокалѣтняго «нашего просвѣщеннаго дѣятеля», съ такимъ стараніемъ разыгравшаго роль непонятаго страдальца и влюбленнаго юноши.

VII.

Было только половина седьмого, а на Променадѣ уже гуляла порядочная толпа, и передъ «храмомъ» Крейцбруннена стоялъ хвостъ жаждавшихъ цѣлебной воды. Олюнинъ занялъ мѣсто въ хвостѣ, тихо подвигаясь впередъ и машинально оглядывая вереницу мужчинъ и женщинъ, возвращавшихся съ противоположной стороны, изъ-подъ портика, окружающаго источникъ, съ наполненными стаканами, которые больные бережно держали въ рукахъ, отхлебывая маленькими глотками не особенно пріятный растворъ глауберовой соли, разбавленный вдобавокъ теплой водой. Затѣмъ всѣ отправлялись гулять по аллеѣ взадъ и впередъ при звукахъ оркестра музыки; то и дѣло послѣ обычныхъ привѣтствій слышались

одни и тѣ же вопросы, задаваемые другъ другу встрѣчавшимися знакомыми мужчинами: «Ну, какъ дѣйствуетъ?»—«Слава Богу; а на васъ?»—«Плохо!»... и т. д.

И какіе только лица, фигуры и торсы ни проходили мимо! Худощавыхъ было немного, но зато какое обиліе экземпляровъ человѣческой полноты и особенно животовъ, этихъ громадныхъ животовъ, обладатели которыхъ съ трудомъ передвигали свои туши съ веселыми, добродушными, свиноподобными лицами. Изрѣдка попадалось какое-нибудь сумрачное или страдальческое лицо; въ огромномъ большинствѣ, напротивъ, тутъ былъ разсадникъ цвѣтущихъ лицъ, добродушныхъ улыбокъ, животныхъ взглядовъ, спокойныхъ осанистыхъ физіономій и крупныхъ формъ. Разговоры гудѣли въ воздухѣ, покрываемые иногда тѣмъ оглушительнымъ катарральнымъ кашлемъ, который производитъ непріятное, но не болѣзненное впечатлѣніе, напоминающее о близости смерти. Ничто не напоминало о смерти, какъ, напримѣръ, въ пріютахъ страдающихъ грудными болѣзнями. Все здѣсь, напротивъ, говорило о жизни, объ утробной жизни по преимуществу.

А какое разнообразіе костюмовъ! Начиная съ костюма этого пожилого, серьезнаго, тучнаго англичанина, который кажется соскочившимъ прямо съ постели въ своей шерстяной рубашкѣ, панталонахъ, не доходящихъ до икръ, шерстяныхъ чулкахъ и башмакахъ,—и кончая разными habits de fantaisie самыхъ причудливыхъ цвѣтовъ и фасоновъ съ неизбѣжными цвѣтами въ петлицахъ...

У колеса, накачивающаго воду изъ источника, стоитъ благообразный старикъ-нѣмецъ и методически, не спѣша, вертитъ колесо; тутъ же рядомъ—маленькая дѣвочка, открывающая и закрывающая кранъ.—«Guten Tag!» привѣтливо говоритъ, слегка наклоняя голову, старикъ, когда Владиміръ Николаевичъ подошелъ со своимъ стаканомъ;—«Guten Tag!» шепчетъ и дѣвочка. Олюнинъ отходитъ, морщась отпиваетъ полстакана воды и смѣшивается съ толпой гуляющихъ, оглядывая публику и невольно оборачиваясь при звукахъ русской рѣчи, раздающейся вдругъ среди шумнаго говора на другихъ языкахъ.

Русскихъ въ этомъ году много. Казалось, одинъ только Петербургъ выбросилъ сюда изъ своихъ нѣдръ добрую половину всѣхъ, получившихъ подъемныя, тучныхъ сановниковъ, генераловъ и директоровъ департамента (другая половина въ Карлсбадѣ), а сколько, кромѣ того, наѣхавшихъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ Россіи! Въ Курлистѣ такъ же часто мелькаютъ перевранныя русскія фамиліи, какъ на Променадѣ—русскія

лица. И, Боже ты мой, какіе они здѣсь скромные и любезные, наши административные Юпитеры! Словно на границѣ, вмѣстѣ съ мундирами, они оставили свой олимпійскій видъ и тутъ кажутся такими простыми, особенно стараясь любезничать съ иностранцами, какъ будто боясь, что ихъ не сочтутъ за вполнѣ цивилизованныхъ людей. Иной «бравый» генералъ, дома—гроза солдатъ и грубьянъ, преобразившись въ статскій костюмъ, лебезитъ теперь передъ кельнеромъ, трегеромъ, дивя ихъ своей изысканной учтивостью.

Олюнинъ нѣсколько разъ останавливался, чтобы пожать руку знакомымъ, спросить или отвѣтить на обычные вопросы о дѣйствіи водъ, о томъ, нѣтъ ли какихъ-либо новыхъ тревожныхъ извѣстій изъ Россіи,—и не успѣлъ еще дойти до конца аллеи, какъ увидалъ идущаго навстрѣчу своей развалистой, небрежной походкой толстаго, рыхлаго, низенькаго господина лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ широкимъ, обрюзглымъ, точно заспаннымъ, безбородымъ лицомъ, въ скромномъ сѣромъ костюмѣ, въ широкополой шляпѣ. Это былъ одинъ изъ замѣтныхъ посѣтителей сезона, нашъ соотечественникъ, генералъ Конотопцевъ, недавно замѣтная бюрократическая звѣзда, бывшій теперь не у дѣлъ и поправлявшій въ Маріенбадѣ свое разстроенное отъ долговременныхъ трудовъ здоровье.

Олюнинъ поклонился, снявъ шляпу. Этотъ поклонъ—нѣчто среднее между замирающимъ поклономъ подчиненнаго и радушнымъ привѣтствіемъ знакомаго—былъ исполненъ нашимъ героемъ съ тѣмъ особеннымъ искусствомъ, въ которомъ онъ наторѣлъ во время своей долгой просвѣщенной дѣятельности; въ этомъ продолжительномъ наклоненіи головы не было раболѣпія, но въ то же время чувствовалась почтительность: зато слегка приподнятая и быстро надѣтая шляпа свидѣтельствовала о знакомствѣ, такъ что въ подобномъ искусномъ сочетаніи поклонъ этотъ нисколько не могъ испортить репутаціи Владиміра Николаевича, какъ человѣка независимаго и неискательнаго.

— Поздно, поздно, Владиміръ Николаевичъ!—проговорилъ, улыбаясь, Конотопцевъ, протягивая радушно руку послѣ дружескаго фамильярнаго кивка.—Вы только-что явились?—продолжалъ онъ и взялъ Олюнина подъ-руку.

— Проспалъ сегодня, Викторъ Сергѣевичъ!—отвѣчалъ Олюнинъ.

Олюнинъ прежде бывалъ у Конотопцева въ его большомъ министерскомъ кабинетѣ раза два-три, являясь къ нему съ докладными записками по разнымъ дѣламъ, но въ послѣдній разъ, именно два года тому назадъ, онъ былъ у него въ ка-

чествѣ депутата отъ одного частнаго общества, съ адресомъ, поднесеннымъ Конотопцеву за его покровительство и содѣйствіе русской торговлѣ и промышленности, истинно «русскую» политику и высоко-просвѣщенные взгляды. Хотя Конотопцевъ и не имѣлъ непосредственнаго вліянія на промышленность, но, въ качествѣ члена совѣта министра, онъ, какъ тогда говорили, много содѣйствовалъ въ вопросѣ о покровительственномъ тарифѣ. Конотопцевъ очень благодарилъ за честь, облобызался съ Олюнинымъ, выслушавъ его краткое привѣтствіе, сказалъ, по обычаю, много комплиментовъ и обѣщалъ всегда, насколько это отъ него зависитъ, стоять горой за нашу національную промышленность, при чемъ, безъ всякой просьбы Олюнина, обѣщалъ содѣйствовать распространенію русскаго угля, поговоривъ при случаѣ объ этомъ въ морскомъ министерствѣ.

Здѣсь, на водахъ, при первой же встрѣчѣ, Конотопцевъ еще радушнѣй обошелся съ Владиміромъ Николаевичемъ: онъ тотчасъ же забросилъ свою карточку, когда Олюнинъ въ первый же день его пріѣзда явился къ нему съ визитомъ, которому сумѣлъ придать нѣсколько демонстративный характеръ, и съ тѣхъ поръ Конотопцевъ привѣтливо встрѣчалъ Олюнина, находилъ всегда сказать любезную фразу и привѣтливо бесѣдовалъ съ нимъ съ той дружеской, добродушной фамильярностью, которая давно прибавила эпитетъ «доступнаго» къ другимъ эпитетамъ популярнаго генерала.

Улыбаясь добродушной улыбкой, нисколько не будируя своимъ положеніемъ «опальнаго», Викторъ Сергѣевичъ привѣтливо раскланивался на частые поклоны знакомыхъ, останавливалъ ихъ шутливыми замѣчаніями и продолжалъ бесѣдовать съ Олюнинымъ, озирая проходящую публику своими маленькими глазами.

— Ну, какъ ваши дѣла съ нашей общей знакомой, подвигаются, а?.. — шутливо спрашивалъ Конотопцевъ. — Есть шансы?..

Владиміръ Николаевичъ принялъ-было самый степенный видъ, но его превосходительство подмигнулъ глазомъ и, слегка оттолкнувъ Олюнина рукой, продолжалъ:

— Она недурна... эта Бердяева... Лакомый кусочекъ... Вчера вы, кажется, съ ней долгонько гуляли, а?..

— Я встрѣтилъ ее случайно, Викторъ Сергѣевичъ, право... И наконецъ, увы, никакихъ шансовъ. Она вполнѣ порядочная женщина...

— Кажется, ищетъ авантюръ... Вы, вѣрно, слышали исторію ея свадьбы?.. А впрочемъ, кто ее знаетъ!—прибавилъ

Конотопцевъ.—Во всякомъ случаѣ неглупая баба, и съ ней не скучно... Третьяго-дня я проболталъ съ ней цѣлыхъ полчаса...

— Вы ее знаете, Викторъ Сергѣевичъ?

— Еще дѣвушкой зналъ... Я былъ знакомъ съ ея отцомъ... бывалъ у нихъ въ домѣ. Тогда она была настоящей красавицей, не то что теперь... Этотъ скандалъ чуть не свелъ съ ума бѣднаго старика и повредилъ ему по службѣ... Съ тѣхъ поръ я потерялъ ее изъ виду и не сразу ее узналъ... Говорятъ, мужъ ея какой-то чиновникъ... порядочный скотъ... А эту вы не знаете?—подтолкнулъ локтемъ Викторъ Сергѣевичъ, указывая легкимъ движеніемъ головы на проходившую маленькую блондинку, съ бойкими глазками и гордо посаженной головой.

— Къ сожалѣнію, не знаю, Викторъ Сергѣевичъ; кажется, новое лицо. Если хотите, можно узнать!—игриво замѣтилъ Олюнинъ.

— Мы у Фиша спросимъ. Докторъ Фишъ вся и всѣхъ знаетъ!.. Забавный этотъ Фишъ, — засмѣялся генералъ:—и притомъ ужасно назойливая каналья! Вчера—можете себѣ представить?—явился ко мнѣ упрашивать, чтобы я оказалъ ему содѣйствіе въ полученіи Станислава. И какъ приставалъ! На кой чортъ ему Станиславъ, я васъ спрашиваю? Но онъ такъ умолялъ и за Станислава обѣщалъ даровое помѣщеніе и лѣченіе для трехъ офицеровъ... Любятъ эти нѣмцы ордена! Ну, конечно, я ему обѣщалъ содѣйствіе... Напишу Огрызкову въ Вѣну... Пусть ходитъ со Станиславомъ... Онъ все-таки услужливый малый, этотъ Фишъ!.. И какой забавный сплетникъ!—весело смѣялся генералъ.

Добродушная, открытая улыбка, придававшая его превосходительству видъ добраго, простодушнаго малаго и внушавшая довѣріе, внезапно исчезла съ его лица. Оно сдѣлалось серьезнымъ, надменнымъ, какимъ бывало на офиціальныхъ пріемахъ или при «внушеніяхъ» тѣмъ подчиненнымъ, которые ему не нравились; его маленькіе хитрые глазки оживились, блеснувъ огонькомъ; толстыя губы скривились въ насмѣшливую улыбку, и весь онъ какъ-то подобрался, выпрямился. Вмѣсто «добраго малаго» былъ «лукавый царедворецъ»...

Въ чемъ дѣло?

Навстрѣчу, медленно выступая со стаканомъ въ рукѣ, шелъ высокій, худой, изящный старикъ, безукоризненно одѣтый въ темно-коричневый сьютъ, въ мягкой небольшой шляпѣ на неподвижной сѣдовласой головѣ, приподнятой кверху. Это былъ князь Литовскій, тотъ самый князь, который, благодаря мазуркѣ, началъ карьеру, продолжалъ ее въ самыхъ разно-

образныхъ должностяхъ и пользовался репутаціей государственнаго человѣка. Свернувъ два года тому назадъ шею Конотопцеву и занявъ его мѣсто, онъ тоже пріѣхалъ въ Маріенбадъ отдохнуть отъ трудовъ и выдержать курсъ, по совѣту врача.

Хотя Викторъ Сергѣевичъ издалека еще замѣтилъ этого сіяющаго, величественнаго князя,—какъ не замѣтить врага, столкнувшаго васъ съ мѣста,—но сдѣлалъ видъ, будто не видитъ его, и продолжалъ говорить съ Олюнинымъ. И когда уже князь былъ близко, онъ вдругъ повернулъ голову, лицо его снова озарилось пріятной улыбкой, и оба административныя свѣтила, одно—ярко горѣвшее, другое—померкшее, остановились другъ передъ другомъ, какъ два самыхъ близкихъ человѣка: оба привѣтливо улыбающіеся, дружески пожимая одинъ другому руки, обмѣниваясь привѣтствіями и освѣдомляясь о здоровьѣ.

— А, господинъ Олюнинъ, здравствуйте!—замѣтилъ наконецъ князь Владиміра Николаевича и протянулъ ему лѣвую руку съ своей любезной улыбкой.—Изволите успѣшно пользоваться водами?

— Ничего, князь, воды помогаютъ!—проговорилъ Олюнинъ, испытывая передъ этимъ великолѣпнымъ княземъ какую-то непонятную робость, которую нашъ просвѣщенный дѣятель напрасно старался побѣдить... Уже нѣсколько времени, какъ Конотопцевъ выпустилъ руку Олюнина, а Владиміръ Николаевичъ находился въ довольно неловкомъ положеніи, не зная, уйти ему или нѣтъ... Наконецъ онъ незамѣтно отошелъ и смѣшался съ публикой, а князь и Конотопцевъ отправились вмѣстѣ, при чемъ первый дипломатически направился въ ту сторону, въ которую шелъ Конотопцевъ.

Старый князь былъ сегодня особенно любезенъ съ генераломъ, несмотря на нѣкоторую сдержанность послѣдняго. Онъ старался придать разговору дружескій, интимный характеръ, исчезнувшій съ тѣхъ поръ, какъ князь занялъ мѣсто Конотопцева—до того они были очень дружны, считались въ одной «партіи», то-есть интриговали заодно—и какъ будто даже заискивалъ въ немъ, выказывая очевидное намѣреніе возобновить прежнія отношенія и нѣкоторыми намеками оправдываясь отъ своего участія въ интригѣ, удалившей Виктора Сергѣевича отъ дѣлъ. И какъ бы въ доказательство серьезности своихъ намѣреній князь, между прочимъ, сообщилъ конфиденціальнымъ тономъ, понизивъ голосъ и значительно оттопыривъ нижнюю губу, что вчера онъ получилъ небезынтересныя извѣстія изъ Петербурга.

— Я имѣлъ намѣреніе, дорогой Викторъ Сергіевичъ, просить васъ удостоить меня чести позволеніемъ быть у васъ, чтобы побесѣдовать по поводу этихъ извѣстій и спросить вашего добраго и просвѣщеннаго совѣта!—говорилъ князь тѣмъ вычурно канцелярскимъ языкомъ, который онъ считалъ образцомъ краснорѣчія. Благодаря этому языку и способности говорить довольно гладко, князь въ извѣстныхъ сферахъ пользовался репутаціей хорошаго оратора и едва ли считалъ Гладстона и Гамбетту достойными себѣ соперниками въ этомъ отношеніи.

— Я всегда радъ васъ видѣть у себя, князь!—проговорилъ толстый генералъ.

— Благодарю васъ, Викторъ Сергіевичъ... Мы живемъ въ такое время, когда приходится прощать невольныя прегрѣшенія, непреднамѣренныя ошибки, часто вынужденныя обстоятельствами уступки... Есть наша русская пословица: «повинной головы не сѣкутъ!»—прибавилъ князь тихо, наклоняя голову какъ бы въ доказательство своего раскаянія.

Хотя генералъ, давно уже снова принявшій видъ «добраго малаго», и поспѣшилъ шутливо отвѣтить тоже пословицей: «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!», тѣмъ не менѣе онъ съ удовольствіемъ увидалъ бы эту повинную голову «стараго интригана» если и не на плахѣ (настолько его злопамятность не простиралась), то во всякомъ случаѣ гораздо болѣе опущенной, чѣмъ теперь, и лишенною сіяющаго свѣта, который былъ какъ бы отблескомъ другого, болѣе яркаго свѣтила.

И какъ забыть ему, тоже искушенному въ интригахъ, до того изучившему искусство притворства по обязанности, что оно потомъ обратилось въ привычку—какъ забыть ему тотъ памятный день, когда совершенно неожиданно онъ, пользовавшійся милостивымъ расположеніемъ, вдругъ замѣтилъ перемѣну въ обращеніи. На него насупились, его доклады находили неполными, его соображенія не вполнѣ убѣдительными, и наконецъ спустя нѣсколько дней такъ заботливо спросили: «не чувствуетъ ли онъ себя утомленнымъ отъ трудовъ», что оставалось только благодарить за заботливость и просить увольненія отъ должности для поправленія здоровья. Онъ очень хорошо понималъ, что причина его увольненія—не безпорядки по вѣдомству, какъ шопотомъ передавали другъ другу чиновники, засуетившіеся, какъ мухи въ пустомъ стаканѣ, при этомъ извѣстіи. Онъ управлялъ не хуже и не лучше другихъ. Правда, онъ былъ лѣнивъ, совсѣмъ не занимался дѣлами и часто подолгу не заглядывалъ въ свое «хозяйство», но зато быстро схватывалъ суть дѣлъ, отлично

докладывалъ даже и по такимъ вопросамъ, о которыхъ не имѣлъ понятія, умѣлъ показать товаръ лицомъ, искусно пользоваться отношеніями и связями и обращаться съ подчиненными и просителями съ простодушіемъ добраго малаго и той дружеской фамильярностью, какъ будто третирующей бюрократическія приличія, которая доставила ему репутацію доступнаго человѣка.

Генералъ понялъ, кто былъ душой этой интриги, когда, откланиваясь, онъ встрѣтился на порогѣ кабинета съ княземъ и увидалъ этотъ соболѣзнующій и какъ бы изумленный взглядъ стараго интригана, съ особенной любезностью пожимающаго ему руку, когда услыхалъ этотъ вкрадчивый шопотъ, полный участливаго недоумѣнія, подъ которымъ чуткое ухо разслышало скрытую радость торжествующаго бюрократа, подставившаго ножку... Генералъ улыбнулся, показалъ взглядомъ на кабинетъ, какъ будто говоря, что тамъ ждутъ, и они разошлись, не сказавъ ни слова... Скоро Викторъ Сергѣевичъ уѣхалъ за границу и ужъ тамъ прочелъ въ газетахъ, что князь назначенъ на его мѣсто.

Теперь, послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ генераломъ безвыѣздно за границей, они опять встрѣтились. Первая встрѣча была натянута, несмотря на то, что оба были искусные комедіанты. Подъ маской свѣтской вѣжливости, съ обѣихъ сторонъ просвѣчивала недружелюбная холодность двухъ честолюбивыхъ интригановъ. Князь зналъ, что генералъ пишетъ записку, въ которой косвенно бранитъ его мѣропріятія; генералъ не могъ безъ зависти встрѣчать сіяющаго великолѣпія «этого канцелярскаго болтуна»...

Генералъ чутко прислушивался теперь къ словамъ князя, не вполнѣ понимая еще, что̀ значатъ эти авансы, этотъ тонъ раскаянной лисицы, эти конфиденціальныя сообщенія о полученныхъ извѣстіяхъ, но догадывался, что его фонды поднимаются.

А князь между тѣмъ продолжалъ:

— Сергій Петровичъ пишетъ мнѣ, что Ртищевъ непроченъ...

— Неужели?—равнодушно спросилъ генералъ, очень заинтересованный однако этимъ извѣстіемъ.

— Когда я уѣзжалъ изъ Петербурга, объ этомъ не говорили... Напротивъ, Ртищевъ былъ въ полномъ блескѣ своей реформистской дѣятельности!—замѣтилъ князь иронически:—но, видно, начинаютъ догадываться, что этотъ путь едва ли отвѣчаетъ тому положенію, въ которомъ находятся наши дѣла; при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, Ртищевъ слишкомъ поспѣшно, можно даже сказать, слишкомъ неблаго-

разумно возбуждаетъ надежды и питаетъ иллюзіи и безъ того взволнованнаго общества. Результаты налицо... Вы изволите, Викторъ Сергіевичъ, читать послѣднее время наши газеты?

— Нѣтъ, князь. По счастію, я ихъ совсѣмъ не вижу...

— О, вы въ такомъ случаѣ лишены удовольствія цѣнить наши успѣхи на этомъ поприщѣ!—тихо говорилъ князь, улыбаясь многозначительной улыбкой.—Мы уже не довольствуемся обличеніемъ дѣятельности правительственныхъ лицъ, мы не ограничиваемся требованіями всеобщей ломки,—точно мы недостаточно еще ломали!—мы уже требуемъ, извольте замѣтить, дорогой Викторъ Сергіевичъ! Мы уже требуемъ органическихъ реформъ, органическихъ!—презрительно усмѣхнулся старикъ...

Генералъ неопредѣленно покачалъ головой, не высказывая мнѣнія. Онъ зналъ, что князь любилъ брюзжать на печать, и когда садился на этого конька, то остановить его было трудно; его, впрочемъ, не столько интересовали мнѣнія старика о печати, сколько желаніе узнать, съ какою именно цѣлью князь пускается въ эти ламентаціи...

Они оба уже допили свои стаканы и, дойдя до конца аллеи, незамѣтно повернули съ нея и вышли на дорогу, ведущую въ лѣсъ. Тамъ было тихо и пустынно... Звуки музыки слабо доносились туда.

— И замѣтьте, господинъ Ртищевъ производитъ свои эксперименты въ такое время, когда страсти разгорячены, когда, напротивъ, казалось бы, свѣтлый государственный умъ долженъ прозрѣть необходимость успокоенія въ твердомъ, неуклонномъ режимѣ съ постепенностью практическихъ улучшеній. Что̀ вы на это скажете, дорогой Викторъ Сергіевичъ?

Въ этихъ интимныхъ сообщеніяхъ, въ этихъ жалобахъ чуткое ухо Виктора Сергѣевича уловило не одно только брюзжаніе «стараго ретрограда», какимъ считалъ генералъ князя. Знакомый хорошо съ обычаями этого міра, генералъ уже прозрѣвалъ неясныя черты какой-то готовящейся интриги, читалъ на этомъ желтомъ, иронически улыбающемся лицѣ отголоски всѣхъ недовольныхъ, честолюбивыхъ претензій, всѣхъ обойденныхъ лучами солнца, всей этой клики интригановъ, встрепенувшихся при первомъ извѣстіи о косомъ взглядѣ, о недостаточно милостивой улыбкѣ, брошенной на Ртищева... И Конотопцевъ въ глубинѣ души радовался, ожилъ, выпрямился, понимая, что и ему въ этой комедіи будетъ предложена замѣтная роль...

— И вотъ всѣ наши умѣряющіе голоса оказываются несоотвѣтствующими духу времени!—опять говорилъ князь.—

Наша опытность и благонамѣренная осторожность считаются излишней боязливостью... Намъ нужно, изволите ли видѣть, вести публичныя бесѣды съ обывателями, излагать имъ свои программы, свои намѣренія и послѣ читать въ любомъ листкѣ одобреніе или порицаніе со стороны какихъ-то господъ литераторовъ, серьезно вообразившихъ, будто они, эти недоумки, могутъ быть судьями людей, посвятившихъ себя государственной дѣятельности...

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— А что дѣлается теперь въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ? О, несчастная наша Россія съ этими нескончаемыми опытами, съ этими либеральными начинаніями... У насъ еще все въ хаотическомъ безпорядкѣ... Благодаря слишкомъ поспѣшной ломкѣ и возбужденнымъ надеждамъ, ничего не установилось, нравственности нѣтъ, общество деморализовано, народъ невѣжественъ и теряетъ съ каждымъ днемъ тѣ прежнія качества, которыми мы по справедливости гордились, молодежь извращена,—и въ это-то время господинъ Ртищевъ пускается въ дешевую популярность!! Мнѣ кажется, что долгъ каждаго порядочнаго человѣка—открыть глаза на бездну, передъ которой мы находимся!..

«Ужъ не открывалъ ли ты глаза, но неудачно?»—подумалъ Конотопцевъ.

Въ тотъ же вечеръ князь былъ у Конотопцева, и тамъ, въ роскошномъ номерѣ, была въ подробностяхъ обсужена и рѣшена неотложная необходимость остановить Ртищева. Интрига была сплетена искусно; генералъ выказалъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе способностей, чѣмъ князь, и притомъ самъ оставался въ сторонѣ, предоставляя всю честь князю.

О, если бы видѣлъ старикъ, какъ лукаво усмѣхнулся Конотопцевъ, провожая князя, онъ вѣрно не принесъ бы ему повинной головы!

А генералъ тотчасъ сѣлъ писать письма въ Петербургъ и весело смѣялся, предвкушая уже заранѣе наслажденіе видѣть старика-князя проглоченнымъ въ свою очередь, послѣ того какъ Ртищевъ будетъ поваленъ соединенными усиліями этихъ «старыхъ интригановъ»...

Окончивъ письма, Конотопцевъ вышелъ изъ отеля и направился къ Променаду. Онъ чувствовалъ себя теперь необыкновенно хорошо. Казалось, бесѣда съ княземъ сразу поправила его здоровье, лучше чѣмъ три недѣли маріенбадскихъ водъ.

На большой аллеѣ тѣснота. Тамъ теперь уже не пьютъ, а исключительно гуляютъ; дамы щеголяютъ своими нарядами и

большой толпой почтительныхъ поклонниковъ; сѣрые и полосатые утренніе пиджаки мужчинъ замѣнились черными сюртуками съ розами и фіалками въ петлицахъ; подъ звуки оркестра въ воздухѣ жужжитъ тихая свѣтская болтовня на разныхъ языкахъ; въ серединѣ аллеи сдвигаются стулья и кресла, группируются кружки знакомыхъ, гдѣ тихо смѣются, разговариваютъ, знакомятся; и теперь на этомъ оживленномъ международномъ раутѣ замѣтнѣе, чѣмъ утромъ, дѣлается неуловимая грань, отдѣляющая всѣхъ этихъ представителей высшаго общества—обитателей отелей перваго класса, министровъ, генераловъ и дипломатовъ всѣхъ государствъ, пріѣхавшихъ отдохнуть и возстановить пищевареніе, отъ остальныхъ смертныхъ, въ большинствѣ не безъ зависти взирающихъ на эту «соль» общества.

Напрасно среди этой толпы Олюнинъ искалъ глазами Ольгу Михайловну. Ея не было на гуляньѣ.

Недовольный, онъ раньше отправился въ ресторанъ Лейнерта пить свой вечерній чай и съѣсть пару яицъ (aber ganz weiche) и, войдя туда, просіялъ: Ольга Михайловна была тутъ. Но она была не одна... Съ ней сидѣлъ какой-то прилизанный господинъ, съ блѣднымъ, некрасивымъ, хмурымъ лицомъ.

Онъ подошелъ къ ней раскланяться.

— А вы развѣ не узнали мужа?—проговорила она, приглашая его садиться...

VIII.

Неожиданное присутствіе мужа Ольги Михайловны, того самаго Бердяева, съ которымъ Олюнинъ, бывши студентомъ, водилъ знакомство и одно время былъ на короткой ногѣ,—произвело на Владиміра Николаевича впечатлѣніе очень непріятнаго и досаднаго сюрприза.

Онъ даже смутился, останавливая недоумѣвающій, нѣсколько растерянный взглядъ на худощавомъ, очень некрасивомъ господинѣ и машинально улыбаясь той натянутой, фальшивой, глупой улыбкой, которая часто является на лицахъ при неожиданныхъ, не особенно пріятныхъ встрѣчахъ.

Олюнинъ тотчасъ же узналъ эту характерную, длинную, худую физіономію съ большимъ умнымъ лбомъ и крупнымъ мясистымъ носомъ, неуклюже висѣвшимъ надъ тонкими, поблекшими губами. Но какъ постарѣло это безбородое, угреватое, тщательно выбритое лицо, напоминавшее лица католическихъ патеровъ, желтое, изрѣзанное морщинами,—и какое непріятное, отталкивающее выраженіе было въ этихъ глубоко

сидящихъ, черныхъ, пронизывающихъ глазахъ, смотрящихъ какъ-то вкось, исподлобья, подозрительно, боязливо и въ то же время нагло!

На мгновеніе Олюнинъ, успѣвшій оправиться отъ перваго впечатлѣнія неожиданности, остановился въ какой-то нерѣшительности передъ вставшимъ съ своего мѣста Бердяевымъ... Онъ соображалъ, какъ ему обойтись съ этимъ непріятнымъ господиномъ, о которомъ ходили такіе нелестные слухи... Видъ его, казалось, вполнѣ подтверждалъ репутацію человѣка, «способнаго на всякую мерзость», и присутствіе этой красивой женщины, его жены, было какъ будто краснорѣчивымъ доказательствомъ.

При другихъ обстоятельствахъ Олюнинъ, весьма разборчивый въ знакомствахъ, если только они были не исключительно дѣловыя, конечно, совсѣмъ не узналъ бы Бердяева или обошелся бы съ нимъ съ презрительной сухостью, но теперь на глазахъ у жены, за которой онъ вдобавокъ ухаживалъ, поступить такъ было невозможно.

И вотъ лицо его внезапно озарилось улыбкой пріятнаго изумленія.

— Совсѣмъ-было и не узналъ... Очень радъ встрѣтиться!— воскликнулъ онъ, пожимая руку Бердяева и чувствуя физически непріятное ощущеніе отъ прикосновенія этой холодной мягкой руки; онъ обнаружилъ даже намѣреніе по-товарищески облобызаться, однако Бердяевъ попридержалъ руку Олюнина, осторожно, но рѣшительно уклоняясь отъ этого дружескаго изліянія. Онъ не выказалъ никакой радости при встрѣчѣ и оглядывалъ здороваго, сіяющаго и красиваго Олюнина быстрымъ, завистливымъ, наглымъ взглядомъ, при чемъ лицо его по временамъ поддергивалось судорожными гримасами.

Привѣтливая улыбка исчезла съ лица Олюнина; онъ поспѣшилъ высвободить руку и отвелъ глаза отъ озлобленнаго, желчнаго лица и тяжелаго взгляда этихъ непріятныхъ глазъ...

— А я васъ сейчасъ же узналъ!—проговорилъ Бердяевъ тоненькимъ голосомъ, мягкимъ и вкрадчивымъ, опускаясь на стулъ:—вы мало перемѣнились.

— Ну, что̀ вы?.. Года свое берутъ!—усмѣхнулся Олюнинъ.

— То-то не на всѣхъ они дѣйствуютъ... Я вотъ совсѣмъ старикъ! — угрюмо замѣтилъ Бердяевъ:—а вы все такой же цвѣтущій, какъ во времена молодости, когда, помните?.. — Онъ съ секунду помолчалъ, опустивъ глаза, и прибавилъ съ усмѣшкой:—Когда мы отыскивали Бѣлую Арапію и проповѣдывали раздѣленіе богатствъ...

— Хорошія были времена!—замѣтилъ Олюнинъ.

— Очень хорошія! Еще бы... Помните, тогда еще вы устраивали фаланстеры и звали меня вкусить отъ новой жизни! Кажется, давно ли это все было, а подите — пятнадцать лѣтъ.

Олюнинъ почувствовалъ себя въ крайне неловкомъ положеніи при этомъ воспоминаніи о фаланстерѣ, особенно въ присутствіи Ольги Михайловны. Онъ съ удовольствіемъ улизнулъ бы отъ этого непріятнаго человѣка, предчувствуя, что онъ будетъ, пожалуй, продолжать въ томъ же тонѣ, но какой найти предлогъ?.. Дѣлать нечего — приходилось оставаться, пить кофе и слушать. «И какой чортъ принесъ этого урода сюда?» — думалъ Олюнинъ, рѣшившись величественно отмалчиваться на слова этого, очевидно, озлобленнаго неудачника.

— Вотъ какъ!—удивилась Ольга Михайловна. — Вы — фаланстеры устраивали, Владиміръ Николаевичъ?

— Дѣла давно минувшихъ дней, Ольга Михайловна! Счастливая молодость, увлеченія... Всѣ болѣе или менѣе заплатили ей дань!

— Не одни фаланстеры! — подхватилъ снова Бердяевъ. — Владиміръ Николаевичъ былъ въ то же время организаторомъ кружка распространенія здравыхъ понятій о бракѣ среди женщинъ и вообще былъ выдающимся лицомъ по своимъ радикальнымъ взглядамъ. Одна его статья о пролетаріатѣ произвела фуроръ... горячая была статья... Я хорошо помню, какъ однажды Владиміръ Николаевичъ журилъ меня насчетъ моего пристрастія къ гражданскому праву и повторялъ мнѣ слова Прудона: «La propriété c'est le vol!..» Вы помните, Владиміръ Николаевичъ? И тогда вы чуть меня не совратили! — продолжалъ Бердяевъ, испытывая, повидимому, удовольствіе при видѣ комичнаго, нѣсколько смущеннаго выраженія Олюнина.

Олюнинъ было-пробовалъ замять этотъ непріятный для него разговоръ, но Бердяевъ съ какой-то назойливостью возвращался снова къ воспоминаніямъ молодости.

— Да-съ... Какъ же, какъ же, хорошія были времена!— говорилъ Бердяевъ съ какимъ-то личнымъ, раздражительнымъ озлобленіемъ.—Я, признаться, думалъ, разставшись тогда съ вами, что вы, какъ собирались, займетесь литературой, но скоро, къ удовольствію, узналъ, что вы избрали другую карьеру и, какъ кажется, теперь преуспѣваете, отапливая Россію хорошимъ углемъ? Это несравненно, по моему мнѣнію, остроумнѣе, чѣмъ пропагандировать раздѣленіе богатствъ и питаться медомъ и акридами!..—продолжалъ Бердяевъ, хихикая какимъ-то гнуснымъ, отвратительнымъ смѣхомъ.—Не

правда ли? А вотъ-съ Никодимовъ, бывшій вашъ другъ... такъ подите же, до сорока лѣтъ дожилъ и все-таки умеръ неисправимымъ фанатикомъ... Прямолинеенъ очень, гибкости умственной не было-съ, той гибкости, которая можетъ примирить идеальныя требованія съ требованіями хорошей кухни-съ... хи-хи-хи!.. Вы, конечно, слышали о его смерти? Нѣтъ? Какъ же—умеръ недавно въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ... Умеръ и все-таки съ надеждой на родъ человѣческій... Мнѣ передавалъ одинъ знакомый...

О, съ какимъ удовольствіемъ заткнулъ бы Олюнинъ глотку этому человѣку. Но къ чему могъ придраться Олюнинъ? И—главное — что̀ могъ онъ ему отвѣтить? Все, о чемъ напоминалъ теперь Бердяевъ и надъ чѣмъ Олюнинъ давно поставилъ крестъ,—все это было, и Бердяевъ могъ, подъ наплывомъ воспоминаній, естественныхъ при встрѣчѣ, вспоминать прошлое, но ка̀къ онъ вспоминалъ? Въ его словахъ звучала иронія, которая приводила Олюнина въ раздраженіе. Онъ зналъ, что Бердяевъ и въ молодости былъ самолюбивъ и желченъ, но теперь... какое озлобленіе, какая наглость!

«И, главное, какъ осмѣливается этотъ оплеванный господинъ, этотъ подставной мужъ, съ такимъ назойливымъ нахальствомъ говорить объ его дѣйствіяхъ, судить ихъ и иронизировать надъ нимъ?» — думалъ Олюнинъ, скрывая свое смущеніе и неловкость подъ видомъ равнодушнаго невниманія къ рѣчамъ Бердяева и въ то же время чувствуя приливъ злости и желанія оборвать этого наглаго циника.

Но какъ оборвать? Боязнь какой-нибудь новой, болѣе ядовитой выходки въ присутствіи Ольги Михайловны, какого-нибудь новаго воспоминанія молодости, останавливала Олюнина, и онъ, подавляя чувство злобы и отвращенія, рѣшился остановить дальнѣйшія изліянія Бердяева и смягчить его озлобленіе какъ-нибудь мягко и осторожно.

И какъ только Бердяевъ собирался-было предпринять новую экскурсію въ область воспоминаній, Олюнинъ проговорилъ своимъ тихимъ, успокаивающимъ голосомъ:

— Къ чему такое озлобленіе?.. Извините, у меня слаба память на имена... Лука... Лука...

— Осиповичъ!—подсказалъ Бердяевъ.

— Къ чему такое озлобленіе, дорогой Лука Осиповичъ, противъ увлеченій нашей молодости?.. Согласенъ съ вами, многое въ нихъ смѣшно, глупо, самонадѣянно, но все-таки эти искреннія увлеченія, эти честные порывы, желаніе отдать всего себя служенію идеѣ заслуживаютъ снисхожденія... А вы ужъ слишкомъ нападаете на нихъ, слишкомъ стараетесь пред-

ставить все въ мрачныхъ краскахъ и иронизируете надъ своимъ прошлымъ!..—продолжалъ съ горячностью Олюнинъ, взглядывая по временамъ на Ольгу Михайловну и какъ бы обращаясь къ ней за сочувствіемъ.

— Стремленія... это вѣчная работа духа... Безъ нихъ что̀ остается отъ человѣка?.. Одинъ аппаратъ... Всему свое время, Лука Осипо́вичъ... И теперь подчасъ жалѣешь, что молодость убѣгаетъ, что жизнь своимъ суровымъ дыханіемъ безжалостно губитъ наши лучшіе порывы...

Онъ остановился на мгновеніе (Бердяевъ сидѣлъ, не поднимая глазъ) и продолжалъ:

— Разумѣется, Никодимовъ смѣшонъ съ своимъ романтизмомъ въ сорокъ лѣтъ, но все-таки его жаль... Онъ могъ бы приносить пользу, если-бъ не сбился съ толку... Мы съ нимъ, впрочемъ, давно разошлись... Онъ слишкомъ односторонне смотрѣлъ на вещи, не хотѣлъ примириться съ жизнью, такою, какъ она есть, не умѣлъ, такъ сказать, найти той середины между желаемымъ и возможнымъ, при которой можно и не поступаться убѣжденіями и въ то же время...

Глаза Олюнина встрѣтились въ это мгновеніе съ глазами Бердяева; въ нихъ стояла такая циничная усмѣшка, которая, казалось, говорила: «меня не проведешь, братъ, своими порывами», что Олюнинъ быстро отвелъ глаза, испытывая неловкое чувство оратора, остановленнаго на краснорѣчивомъ мѣстѣ, и злобное отвращеніе къ Бердяеву...

— То-то и я говорю,—подхватилъ Бердяевъ, хихикая своимъ непріятнымъ смѣхомъ:—гибкости ума въ немъ было мало, гибкости... Онъ, помните, всякіе вопросы, бывало, ставилъ ребромъ и упирался въ нихъ лбомъ, точно въ стѣну... Мы-то раньше сообразили, что стѣны лбомъ не прошибешь—только себѣ шишки наставишь, а онъ все пробовалъ... и вотъ этой-то самой середины такъ-таки и не понялъ... Вдобавокъ и вкусовые аппараты у него были неразвиты. Помните: не умѣлъ отличить хорошаго бифштекса отъ подошвы, а насчетъ вина—такъ просто былъ вандаломъ и... погибъ! Впрочемъ, и погибъ-то, вѣроятно, воображая себя великимъ человѣкомъ!—прибавилъ Бердяевъ съ внезапной злостью, охватившей его къ покойному.—Какъ же—честный, видите ли, пострадалъ!.. Зато мы вотъ съ вами, Владиміръ Николаевичъ, преуспѣваемъ—я вѣдь слѣжу за вашими успѣхами!—а господинъ Никодимовъ погибъ и даже въ безвѣстности... А вѣдь если бы и у него не были атрофированы вкусовые органы, пожалуй, и онъ могъ бы, какъ вы говорите, найти середину между желаемымъ и возможнымъ.

— А вы преуспѣваете?—иронически спросилъ Олюнинъ.

— Не особенно!—усмѣхнулся Бердяевъ.—Служу-съ; составляю для начальства записки, какъ осчастливить Россію... По крайней мѣрѣ жалованье платятъ аккуратно... Карьеры не сдѣлалъ, да и куда ужъ намъ, маленькимъ людямъ!..

— Вы, кажется, долго служили въ провинціи товарищемъ прокурора?.. Развѣ оставили юстицію?..

Этотъ совершенно невинный вопросъ произвелъ однако на Бердяева необыкновенное впечатлѣніе. Всего его вдругъ передернуло, точно отъ ощущенія внезапной жгучей боли; лицо его съежилось въ непріятную болѣзненную улыбку; къ плоскимъ угреватымъ щекамъ прилила кровь, и губы трепетали въ мелкой судорогѣ.

Онъ исподлобья бросилъ на Олюнина быстрый, подозрительный, боязливый взглядъ.

— Служилъ, но больше не служу! — угрюмо отвѣтилъ онъ и замолчалъ.

«Выгнали, вѣрно!» — подумалъ Олюнинъ и заговорилъ съ Ольгой Михайловной, которая съ брезгливымъ равнодушіемъ слушала весь этотъ разговоръ. Бердяева, по обыкновенію, была привѣтлива и любезна и, между прочимъ, приглашала Олюнина совершить завтра экскурсію въ горы.

Олюнинъ колебался.

— Мужъ завтра занятъ!—сказала она, не глядя на мужа:— онъ долженъ быть у князя Литовскаго по дѣламъ, и мнѣ не съ кѣмъ идти...

Чуть-чуть замѣтное дрожаніе лицевыхъ мускуловъ обнаружило волненіе Бердяева. Онъ поднялъ глаза на жену, на Олюнина, но не сказалъ ни слова.

Олюнинъ съ удовольствіемъ согласился сопутствовать Ольгѣ Михайловнѣ. Въ горахъ такъ хорошо, не жарко. Когда думаетъ Ольга Михайловна идти? Послѣ обѣда или утромъ?

— Послѣ обѣда лучше...

— А вы, Лука Осиповичъ,—обратился онъ къ Бердяеву съ неожиданной снисходительной мягкостью въ голосѣ.—Вы развѣ пожаловали сюда не исключительно лѣчиться?.. Неужели по дѣламъ?

— По дѣламъ...

— И долго пробудете?

— Не знаю еще!—сухо отвѣтилъ Бердяевъ.

Наступило молчаніе. Олюнинъ воспользовался случаемъ и поднялся.

— Куда и въ которомъ часу прикажете явиться, Ольга Михайловна? — спросилъ Олюнинъ, крѣпко пожимая ей руку

и взглядывая на нее долгимъ, сочувственнымъ взглядомъ, какъ бы выражая имъ, что онъ понимаетъ ея положеніе быть связанной съ такимъ мужемъ.

— Заходите въ два часа, въ гостиницу! — отвѣчала она, весело улыбаясь въ отвѣтъ на безмолвное сочувствіе Олюнина.

И сама она, спокойная, цвѣтущая, сіяющая, нисколько не походила на несчастную жену... Напротивъ, скорѣй Бердяевъ, мрачно сидѣвшій, опустивъ голову, былъ похожъ на несчастнаго мужа...

— Имѣю честь кланяться, Лука Осиповичъ!—обратился Олюнинъ къ Бердяеву, протягивая руку.

Снова прикосновеніе этой холодной длинной руки, этотъ странный подозрительный взглядъ изъ глубины темныхъ впадинъ произвели на Олюнина непріятное впечатлѣніе, и онъ поспѣшилъ освободить руку и уйти.

«Отвратительное животное!.. И она... она можетъ выносить его присутствіе?» — недоумѣвалъ Олюнинъ, чувствуя себя какъ-то легко, освободясь отъ присутствія этого «животнаго».

Супруги нѣсколько времени сидѣли молча. Каждый изъ нихъ заплатилъ за себя, когда подошелъ цалькельнеръ. Наконецъ Ольга Михайловна поднялась съ мѣста, вслѣдъ за ней поднялся и Бердяевъ. Они вышли и молча, не спѣша, шли по верхней густой аллеѣ, направляясь къ гостиницѣ.

— Когда вы думаете уѣхать отсюда?—спросила наконецъ Ольга Михайловна.

— Вы непремѣнно требуете, чтобы я уѣхалъ?

— Не требую, а прошу!—возразила она почти повелительнымъ тономъ.

— Я послѣзавтра уѣду... Надѣюсь, князь меня отпуститъ... Онъ вѣдь вызвалъ меня по телеграфу — имъ понадобилась теперь моя записка... Самъ бы я, конечно, сюда не пріѣхалъ противъ вашего желанія!—прибавилъ онъ тихимъ голосомъ, который звучалъ теперь какой-то покорной мягкостью, странной въ этомъ человѣкѣ.

— Благодарю васъ! — промолвила жена, смягчая голосъ и попрежнему не глядя на мужа.

И опять они шли, не говоря ни слова. Среди безмолвія притихшаго лѣса слышалось только хрустѣніе песка подъ ихъ мѣрными шагами, да откуда-то сверху доносился слабый ропотъ сбѣгающаго источника.

Украдкой онъ взглядывалъ на жену. И взглядъ его загорался, останавливаясь на ея опущенномъ лицѣ, скользя по ея пышному стану.

— Вы думаете вернуться въ Петербургъ?—сказалъ черезъ нѣсколько времени Бердяевъ.

— Разумѣется. Не вѣкъ же мнѣ оставаться за границей...

— И жить разсчитываете какъ... отдѣльно или попрежнему?.. — совсѣмъ упавшимъ голосомъ снова спросилъ Бердяевъ.

— Не знаю еще... Объ этомъ послѣ!—нетерпѣливо отвѣтила Ольга Михайловна и какъ-то брезгливо и удивленно пожала плечами.

Они молча спустились внизъ, вошли въ гостиницу и разошлись по своимъ номерамъ.

IX.

Въ большой, свѣтлой, роскошной комнатѣ занимаемаго княземъ Литовскимъ помѣщенія въ Клингеръ-отелѣ, за письменнымъ столомъ съ лежащими на немъ нумерами газетъ и двумя-тремя книжками иностранныхъ обозрѣній, сидѣлъ старый князь, какъ всегда, свѣжій, изящный, благоухающій. Онъ перелистывалъ лежащую передъ нимъ объемистую тетрадь изъ толстой министерской бумаги, исписанную крупнымъ, красивымъ писарскимъ почеркомъ, слегка оттопыривъ губу и съ тѣмъ торжественно-серьезнымъ выраженіемъ лица, которое, въ числѣ другихъ достоинствъ князя, немало способствовало его репутаціи государственнаго человѣка. По временамъ онъ останавливался на замѣткахъ и знакахъ, сдѣланныхъ на большихъ поляхъ, прочитывалъ ихъ или дѣлалъ новыя большимъ длиннымъ краснымъ карандашомъ, и тогда его лицо дѣлалось еще торжественнѣе и серьезнѣе. Казалось, онъ не просто работалъ, а священнодѣйствовалъ.

Эту манеру князя, пріобрѣтенную съ тѣхъ давнихъ поръ, какъ онъ почувствовалъ въ себѣ способности государственнаго человѣка, старались усвоить, конечно, и многочисленные его подчиненные чиновники. Право, стоило зайти въ департаментъ князя, чтобы взглянуть на всѣ эти глубокомысленныя лица, склонившіяся надъ бумагами или безшумно слоняющіяся по коридорамъ, уловить то выраженіе благоговѣйнаго раздумья, съ какимъ на минуту останавливались докладчики у дверей кабинета, какъ бы для того, чтобы отбросить тутъ, у порога, все недостойное и войти въ святилище просвѣтленными, съ почтительно-серьезными лицами и безукоризненно-переписанными бумагами... Начиная съ дежурнаго чиновника, задающаго вопросы просителямъ съ такимъ видомъ, точно этими вопросами рѣшаются судьбы отечества, и кончая самимъ княземъ, возсѣдающимъ въ своемъ огром-

номъ кабинетѣ въ спокойномъ величіи небожителя—на всѣхъ и на всемъ лежалъ особый отпечатокъ торжественности, воцарившійся здѣсь послѣ того, какъ ушелъ Конотопцевъ, который, напротивъ, сумѣлъ придать департаменту такой игривый, легкомысленный и суетливый характеръ, что онъ походилъ скорѣй на увеселительное заведеніе, чѣмъ на бюрократическое святилище.

Князь уже пересмотрѣлъ всѣ свои помѣтки и принялся было за газеты, какъ кельнеръ почтительно подалъ на подносѣ карточку.

— Просите!—сказалъ князь.

Вслѣдъ затѣмъ на порогѣ появилась длинная, худая фигура Бердяева во фракѣ. Онъ пріостановился, почтительно наклонивъ голову, и приблизился къ его сіятельству.

Князь не спѣша отложилъ въ сторону газету и медленно повернулъ голову, слегка наклоняя ее въ отвѣтъ на новый поклонъ вошедшаго. Все съ тѣмъ же торжественнымъ видомъ и молча онъ протянулъ Бердяеву руку и медленнымъ жестомъ указалъ на кресло около письменнаго стола. Едва замѣтная брезгливая улыбка скользнула по губамъ старика, когда онъ оглядѣлъ вошедшаго и, отводя глаза въ сторону, придвинулъ къ себѣ поближе толстую тетрадь, на заголовкѣ которой было написано: «Историческій обзоръ развитія нигилизма».

И сегодня, какъ и прежде, Бердяевъ произвелъ на князя то самое непріятное впечатлѣніе, какое онъ производилъ на всѣхъ; эта отталкивающая наружность отчасти была причиной, что князь, давно знавшій Бердяева по имени, какъ способнаго и выдающагося чиновника, держалъ его въ черномъ тѣлѣ, почти никогда не приглашалъ къ себѣ въ кабинетъ и поручалъ ему работы черезъ другихъ.

— Радъ видѣть васъ, господинъ Бердяевъ! — проговорилъ князь, послѣ нѣсколькихъ секундъ торжественнаго молчанія.

Онъ поднялъ свою сѣдую, худую голову и, тихо перебирая тонкими, бѣлыми пальцами бакенбарду, уставилъ спокойный, неподвижный, нѣсколько тусклый взоръ на Бердяевѣ и продолжалъ:

— Хотя мы имѣемъ честь служить вмѣстѣ около трехъ лѣтъ, и хотя я имѣлъ неоднократные случаи убѣдиться въ вашихъ способностяхъ и усердіи, тѣмъ не менѣе мнѣ не доводилось, къ сожалѣнію, покороче съ вами познакомиться. Надѣюсь теперь исправить свою оплошность,—любезно усмѣхнулся старикъ. — Предварительно считаю однако долгомъ сказать вамъ, г. Бердяевъ,—прибавилъ князь, складывая губы въ подобіе улыбки:—нелицепріятный комплиментъ: трудъ вашъ

составленъ вполнѣ добросовѣстно и рачительно и освѣщенъ правильнымъ и истинно безпристрастнымъ отношеніемъ къ вопросу.

Бердяевъ поклонился...

— Написанъ онъ прекрасно, и если я имѣю возразить, то единственно противъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мѣстъ и противъ послѣдняго заключительнаго параграфа. Онъ проникнутъ слишкомъ страстнымъ тономъ, возможнымъ развѣ въ журнальной статьѣ, но не въ подобномъ трудѣ. Я, разумѣется, понимаю, господинъ Бердяевъ, что тонъ этотъ естественно вызывается чувствомъ негодованія, понятнымъ въ каждомъ благомыслящемъ человѣкѣ, тѣмъ болѣе изучившемъ вопросъ съ прискорбною его полнотой; тѣмъ не менѣе едва ли тонъ этотъ соотвѣтствуетъ въ данныхъ обстоятельствахъ, и я позволю себѣ просить васъ сгладить нѣсколько неровности, согласно сдѣланныхъ мною указаній...

Бердяевъ опять наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Потревожилъ я васъ, вызвавъ изъ Петербурга, по двоякой причинѣ: во-первыхъ, въ виду необходимости какъ можно поспѣшнѣе исправить записку и напечатать ее, и во-вторыхъ, чтобы сообщить вамъ мои соображенія относительно направленія дальнѣйшихъ нашихъ усилій въ борьбѣ съ пагубными заблужденіями, грозящими совершенно деморализовать наше неустойчивое общество.

И старикъ не преминулъ, конечно, выяснить свои взгляды на «современныя больныя стороны» въ одной изъ тѣхъ своихъ длинныхъ, сухихъ, канцелярски-отточенныхъ импровизацій, полныхъ общихъ мѣстъ подъ лакомъ вылощенной фразы, которыми онъ любилъ щегольнуть при каждомъ удобномъ случаѣ.

Голосъ его, самоувѣренный, ровный и плавный, съ однообразной интонаціей, утомительный для уха, тихо раздавался въ большой комнатѣ, производя на единственнаго слушателя впечатлѣніе какого-то говорящаго маятника.

Бердяевъ въ первый разъ слушалъ Литовскаго. Напрасно старался онъ вначалѣ уловить въ этихъ мнѣніяхъ, предположеніяхъ и соображеніяхъ, которыя князь разсыпалъ съ расточительностью Креза, признаки ясной мысли, горячаго убѣжденія или хоть страстности уязвленнаго честолюбія. Ничего этого не было, кромѣ туманнаго общаго мѣста въ извѣстномъ духѣ съ этими вѣчными фразами о «неуклонномъ и твердомъ режимѣ», «злоупотребленіяхъ слова» и т. п. Изо всего можно было только вывести, что все идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало,—и что главная причина тому, что все

идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало, та, что самъ князь не стоитъ на стражѣ государственныхъ интересовъ...

«Однако ты еще плоше, чѣмъ я предполагалъ!»—думалъ про себя въ это время Бердяевъ и уже не столько слѣдилъ за развитіемъ его мыслей, сколько за этимъ безконечнымъ потокомъ слѣдующихъ одинъ за другимъ округленныхъ періодовъ. Иногда ему казалось, когда князь на секунду останавливался, что вотъ-вотъ сію минуту должна оборваться эта искусно-сплетенная цѣпь фразъ, и что ораторъ, разъ запнувшись, запутается въ ней какъ въ сѣти и остановится съ открытымъ ртомъ на величественно-торжественномъ лицѣ, не найдя больше въ запасѣ новыхъ сочетаній. Но каждый разъ это ожиданіе не оправдывалось; послѣ мгновенной запинки, снова изъ устъ князя исходили отточенные длинные періоды, снова лилась плавная, тихая рѣчь, и—Бердяевъ теперь убѣдился—могла бы литься безконечно съ однообразіемъ прибоя морской волны...

— Вотъ хоть бы наша пресса,—продолжалъ онъ, указывая пальцемъ на одну изъ газетъ, статья которой была очерчена краснымъ карандашомъ.—Постоянно прихорашивается нехорошее, извиняется неизвинимое, проповѣдуется ложное, поощряется несомнѣнно вредное... И нѣтъ противодѣйствующаго органа, исключая, впрочемъ, одного-двухъ... Въ самомъ дѣлѣ: надо имѣть много гражданской доблести, чтобы разъяснять публикѣ вещи такъ, какъ онѣ есть, а не въ томъ ложномъ свѣтѣ, въ которомъ угодно представлять нашимъ, такъ-называемымъ, либераламъ...

Онъ наконецъ остановился и, послѣ минутнаго молчанія, сказалъ:

— Я считалъ долгомъ познакомить васъ, господинъ Бердяевъ, нѣсколько подробнѣе съ моими воззрѣніями послѣ того, какъ прочиталъ вашъ трудъ, и потому еще, что разсчитываю на ваше содѣйствіе впредь...

Бердяевъ навострилъ уши. Чего еще отъ него хотятъ? Развѣ не достаточно уже онъ показалъ усердія, составивши эту записку, въ которой оплевывалъ все то, чему когда-то поклонялся, и извращалъ сознательно факты, въ надеждѣ выдвинуться... и заслужить у тѣхъ, кого искренно презиралъ. Какой еще подлости отъ него требуютъ?

— Судя по вашей запискѣ, вы безспорно обладаете даромъ литературнаго изложенія и притомъ тѣмъ полемическимъ задоромъ, который, въ извѣстныхъ случаяхъ и употребленный въ защиту честнаго дѣла, производитъ впечатлѣніе... Кромѣ того...

Князь остановился на секунду и, опустивъ глаза, продолжалъ:

— Кромѣ того, сколько я знаю, вы сами въ прежнее время заблуждались, и слѣдовательно вамъ лучше чѣмъ кому-нибудь другому извѣстно пагубное вліяніе этихъ злоученій.

Вслѣдъ за этимъ краткимъ предисловіемъ князь безъ околичностей предложилъ Бердяеву написать нѣсколько брошюръ на ту же тему, но только въ болѣе популярномъ, легкомъ изложеніи, для распространенія здравыхъ идей въ публикѣ.

— Это будетъ доброе дѣло: вы можете разсѣять многія заблужденія, не говоря уже объ услугѣ, которую окажете партіи честныхъ людей... Нечего и говорить,—прибавилъ князь:— что я лично буду вашимъ издателемъ, и, конечно, всѣ издержки будутъ возмѣщены. Засимъ я разсчитываю, что теперь, послѣ того какъ я имѣлъ честь познакомиться съ вами покороче, ваши способности найдутъ болѣе широкое примѣненіе...

Злоба душила Бердяева. Ужъ слишкомъ безцеремонно разсчитывали на его услуги. Однако онъ ни единымъ знакомъ не обнаружилъ своихъ чувствъ и почтительно отвѣчалъ:

— Я охотно готовъ принять предложеніе. Надѣюсь, ваше сіятельство не будете имѣть ничего, если брошюры будутъ анонимны?..

— О, разумѣется... Зачѣмъ имя?.. И вообще пусть это между нами... Мое участіе должно быть негласнымъ...

Онъ слегка привсталъ, давая знать, что аудіенція кончена. Бердяевъ поднялся...

— Какъ скоро полагаете вы исправить записку?

— Завтра она будетъ готова...

— Вы, быть-можетъ, захотите нѣсколько времени пробыть здѣсь... Кажется, ваша супруга пользуется водами?

— Нѣтъ-съ. Я разсчитываю, если вы позволите, возвратиться послѣзавтра въ Петербургъ... Вѣдь вашему сіятельству угодно поторопиться печатаніемъ записки?..

— Благодарю васъ... благодарю васъ, господинъ Бердяевъ... Да, она нужна.

И затѣмъ совершенно неожиданно старикъ спросилъ:

— Вы читали Донъ-Карлоса?

— Читалъ, ваше сіятельство...

— И помните, что онъ отвѣтилъ при разставаніи съ посломъ?..

— Нѣтъ, не помню...

— Я исполнилъ свой долгъ, теперь исполните и вы свой!— сказалъ съ улыбкой князь и протянулъ руку, взглядывая на

Бердяева, но тотчасъ опустилъ глаза, снова испытывая подъ этимъ заискивающимъ, наглымъ взоромъ то самое непріятно-брезгливое ощущеніе, какое испыталъ и раньше.

«Непріятная физіономія!»—промолвилъ князь, принимаясь за чтеніе.

X.

Бердяевъ шелъ по парку мрачный, озлобленный, недовольный.

Давно ужъ онъ махнулъ на все рукой, давно потерялъ всякую разборчивость въ средствахъ, давно ужъ отъ него отворачивались прежніе знакомые; казалось, новая гадость не должна бы нисколько его смущать, тѣмъ болѣе, что она могла быть полезна ему въ его честолюбивыхъ стремленіяхъ, однако онъ все-таки чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко.

Онъ сознавалъ всю глубину своего нравственнаго паденія и точно гордился, что онъ сознаётъ это и не обманываетъ себя софизмами, какъ другіе. Если иногда невольно закрадывались къ нему какія-нибудь утѣшенія, то онъ самъ же смѣялся надъ ними. Такъ было и въ настоящую минуту. «Ну да, я подлецъ!»—говорилъ онъ самъ себѣ съ какимъ-то циничнымъ раздраженіемъ. «Сознательный подлецъ!»—повторялъ онъ, озлобляясь еще болѣе при воспоминаніи презрительнаго снисхожденія, съ которымъ ему бросили теперь подачку... «Подлецъ, подлецъ, подлецъ!» — казалось, говорило ему все вокругъ. И яркое солнце, и тихій шелестъ листьевъ, и эти нерасполагающіе взгляды, которые бросали на него проходящіе...

Онъ свернулъ изъ парка, гдѣ часто попадались гуляющіе, вышелъ на лѣсную дорогу и безцѣльно шелъ впередъ, отгоняя воспоминанія, которыя какъ нарочно лѣзли въ голову. Онъ старался думать о другомъ, но воспоминанія все-таки врывались какими-то неясными отрывками изъ прежней жизни. Молодость... близкіе люди... Когда-то и онъ былъ не такимъ, когда-то и онъ пришелъ бы въ ужасъ, если-бъ ему сказали, чѣмъ онъ сдѣлается.....

«Что̀ такое честность?.. Какъ опредѣлить ее? Кто честенъ и кто подлецъ? И Олюнинъ считаетъ себя честнымъ, а меня, конечно, нечестнымъ!.. Онъ пользуется почетомъ, а я!?» «Не подли съ собой!—шепчетъ внутренній голосъ:—ты понимаешь, что̀ значитъ быть честнымъ человѣкомъ, знаешь, что есть честные люди, а ты подлецъ!..»

Онъ остановился, замѣтивъ, что зашелъ далеко, и теперь не зналъ, какъ вернуться. Навстрѣчу, весело посвистывая,

шелъ мальчикъ, румяный, круглолицый, съ большими голубыми, смѣющимися глазами. Бердяевъ остановилъ его и попросилъ указать дорогу. Маленькій нѣмецъ съ удовольствіемъ согласился и повелъ его. Бердяевъ всю дорогу разговаривалъ съ нимъ съ какимъ-то страннымъ чувствомъ озлобленія, поглядывая на это честное, открытое лицо. Оказалось, что онъ изъ деревни, идетъ въ Маріенбадъ къ матери, которая живетъ въ прачкахъ...

Когда они подошли къ Маріенбаду, Бердяевъ вынулъ бумажку въ пять гульденовъ и подалъ мальчику.

Маленькій нѣмецъ съ испуганнымъ изумленіемъ взглянулъ на деньги и покачалъ головой.

— Возьмите... Это за услугу...

— Что вы, господинъ!.. Такія деньги...

— Возьмите!..—настаивалъ Бердяевъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, испугавшимъ мальчугана.

— Я честный мальчикъ!—серьезно проговорилъ нѣмчикъ, любезно приложилъ руку къ маленькой фуражкѣ и пошелъ впередъ быстрыми шагами.

— Честный мальчикъ!—проговорилъ злобно Бердяевъ по-русски.—Честный... Безчестный!?.. Слова, слова, слова. Всѣ средства хороши для рѣшительнаго человѣка... и всѣ тѣ, кто теперь чуждается меня, всѣ они измѣнятся, если у меня будетъ власть, сила... И она, эта женщина, презирающая меня, какъ гада, и та могла бы простить... Успѣхъ—важное дѣло. Всѣ, всѣ поклоняются ему, и торжествующій подлецъ превращается въ практическаго человѣка...

«Всѣ ли? — протестовалъ умъ. — Опять ты лжешь, какъ слабая тварь, успокаивающая себя въ подлости!»

И, пойманный на этой мысли, Бердяевъ съ ожесточеніемъ сталъ перебирать въ своей памяти этихъ «не всѣхъ». Передъ нимъ проносилась длинная галлерея старыхъ товарищей, прежнихъ знакомыхъ, умныхъ и неумныхъ, несущихъ стойко бремя жизни и спотыкающихся, слабыхъ, но сознающихъ свою слабость и не бросающихъ камня въ другихъ за то, что они сильнѣе и лучше, наконецъ совсѣмъ незнакомыхъ людей, которыхъ онъ случайно узнавалъ, по своей профессіи прокурора.

И одинъ день, который, думалъ онъ, будетъ поворотнымъ днемъ въ его карьерѣ, вспомнился теперь съ поразительной ясностью... Вотъ эта полутемная зала и тамъ за рѣшеткой блѣдныя, истощенныя лица подсудимыхъ. Онъ взялся за это дѣло, какъ за случай (нѣсколько товарищей отъ него отказались), а вѣдь дѣло, когда онъ изучалъ его, жгло ему руки...

Но онъ рѣшился, онъ говорилъ рѣчь, ужасную, жестокую рѣчь, которой и самъ не вѣрилъ... И чѣмъ больше онъ не вѣрилъ, тѣмъ болѣе озлоблялся и тѣмъ жесточе обвинялъ... Точно въ этихъ ядовитыхъ, озлобленныхъ, бѣшеныхъ нападкахъ онъ хотѣлъ заглушить послѣдніе проблески совѣсти, точно, призывая на головы подсудимыхъ жестокія кары, онъ въ то же время чувствовалъ, какъ щеки его покрываются неизгладимымъ позоромъ... И съ каждымъ словомъ рѣчь его становилась озлобленнѣе, безпощаднѣе, наглѣе... Даже судьи переглянулись между собою въ изумленіи. Они не ждали такого обвиненія, да и дѣло само, въ ихъ глазахъ, не заслуживало такой яростной рѣчи...

И когда онъ кончилъ, когда потомъ поднялъ глаза и случайно взглянулъ за рѣшетку, онъ увидѣлъ взглядъ... какой взглядъ! Онъ и теперь видитъ этотъ спокойный, мужественный, полный сожалѣнія и презрѣнія взглядъ... И этотъ взглядъ смутилъ его больше, чѣмъ всѣ ироническія выходки адвоката...

Что-то странное произошло послѣ. Предсѣдатель его поздравилъ и въ то же время какъ-то избѣгалъ глядѣть на него... Это поздравленіе точно говорило: «однако ты такой подлецъ, какого мы не ожидали»... Остальные какъ-то сторонились его... Многіе товарищи и знакомые не подавали ему руки... Онъ сталъ одинокъ, оплеванный, и даже наверху не вполнѣ оцѣнили его усердіе... Подлость осталась мало вознагражденной... А потомъ?.. Его перевели въ другой городъ, какъ цѣпную собаку, которую можно натравливать, но повышенія не дали.

«О, лицемѣры!»—думалъ Бердяевъ. Даже и подлость необходима хорошо обставленная, прикрытая фразами, могущая обмануть. Голая, неприкрашенная — она рѣжетъ глаза... И онъ, еще болѣе озлобленный, всѣми оставленный, все-таки надѣялся, что выбьется на дорогу... И вотъ эта женитьба... въ надеждѣ на связи... на карьеру... И снова только новая безплодная подлость... Женитьба!? Нѣтъ, это была пытка... И эта пытка теперь еще продолжается!..

Улицы были полны народомъ. Всѣ шли на Променадъ, откуда уже доносились звуки музыки, а Бердяевъ нарочно пошелъ обходной дорогой къ ресторану Лейнерта, куда должна была придти жена съ прогулки.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки, противъ ресторана, онъ встрѣтилъ группу русскихъ — нѣсколькихъ мужчинъ и дамъ, громко и весело восхищавшихся красотой маріенбадскихъ окрестностей. Бердяевъ поднялъ голову и въ одномъ изъ нихъ, молодомъ, франтоватомъ господинѣ, узналъ своего

сослуживца, одного изъ свѣтскихъ шалопаевъ, прикомандированнаго къ департаменту для полученія чиновъ. Молодой господинъ, проходившій чуть не рука объ руку съ Бердяевымъ, быстро отвернулся. Вслѣдъ затѣмъ онъ отлично слышалъ, какъ голосъ этого господина понизился, произнося его фамилію, прибавилъ къ ней не особенно лестный эпитетъ и упомянулъ имя его жены.

«И этотъ!?—усмѣхнулся Бердяевъ.—А давно ли я выручилъ изъ петли этого господина!?»

Бердяевъ вошелъ въ палатку, гдѣ стояли накрытые столы. Публики еще не было; она гуляла на Променадѣ, и только дежурный кельнеръ стоялъ, прислонившись къ столбу, съ газетой въ рукахъ.

— Дайте бутылку іоганнисбергера, да получше!—обратился Бердяевъ, присаживаясь къ крайнему столу.

Сіяющій и румяный лакей-чехъ, съ открытой шеей и розой въ петлицѣ, почтительно изумился и вопросительно взглянулъ на господина иностранца.

— Бутылку іоганнисбергера! Понимаете?

— О, понимаю...

Кельнеръ, все еще съ изумленіемъ на лицѣ, побѣжалъ черезъ дорогу и скоро принесъ бутылку рейнвейна. Бердяевъ съ удовольствіемъ пилъ холодную влагу, посматривая на дорогу.

XI.

Экскурсія въ горы не оправдала ожиданій Олюнина. Онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что во время прогулки у нихъ будетъ одинъ изъ тѣхъ интимныхъ разговоровъ, которые такъ любятъ женщины, особенно несчастныя въ семейной жизни, что она сброситъ наконецъ съ себя эту маску равнодушія и повѣритъ ему свое горе, разскажетъ, какую пытку терпитъ она, имѣя такого ужаснаго мужа. Тамъ, при мужѣ, она нарочно старалась казаться спокойной и пригласила его гулять, конечно, для того, чтобы облегчить свою душу въ дружеской откровенной бесѣдѣ. Эта прогулка, разумѣется, сблизитъ ихъ болѣе, по крайней мѣрѣ настолько, что она не отниметъ такъ скоро своей руки, какъ нѣсколько дней тому назадъ. Подъ впечатлѣніемъ горя женщины бываютъ гораздо мягче, забывая сердиться, когда имъ иногда выражаютъ сочувствіе слишкомъ наглядно.

Такъ думалъ Олюнинъ, поднимаясь со своей спутницей по отлогимъ дорожкамъ въ гору. Онъ какъ-то значительно молчалъ, ожидая, что Ольга Михайловна вотъ-вотъ сейчасъ за-

говоритъ сама въ интимномъ характерѣ, но она, напротивъ, совершенно спокойно разсказывала о разныхъ пустякахъ и, какъ всегда, была совершенно спокойна.

«Притворяется!—подумалъ Олюнинъ.—Но меня не обманешь!»

Она шла по обыкновенію ходкимъ, скорымъ шагомъ, и онъ едва поспѣвалъ за нею, начиная уставать. Они поднимались незамѣтно выше и наконецъ вошли въ чащу лѣса.

— Посмотрите, что̀ за прелесть!—воскликнула она, останавливаясь на краю лѣсного обрыва.

Олюнинъ не безъ осторожности подошелъ къ обрыву и, нѣсколько задыхаясь отъ усталости, проговорилъ:

— Да, превосходный видъ!

Въ самомъ дѣлѣ тутъ было хорошо. Съ обрыва, поросшаго высокими елками, открывался прелестный видъ на противоположныя горы, поросшія лѣсомъ, залитымъ красно-багровымъ цвѣтомъ опускавшагося солнца, въ то время какъ вершины окутывались прозрачнымъ золотистымъ туманомъ. Внизу, изъ-подъ темной зелени деревъ, бѣлѣлъ Маріенбадъ, казавшійся сверху какимъ-то игрушечнымъ городкомъ: за нимъ пестрыми пятнами, зелеными и желтыми, тянулись поля, и на далекомъ горизонтѣ снова чернѣлъ лѣсъ безъ конца...

Здѣсь вѣяло пріятной лѣсной свѣжестью и стоялъ тихій гулъ выбивающихся изъ-подъ почвы источниковъ... Гдѣ-то вдали свистнулъ локомотивъ поѣзда—и снова тишина.

Ольга Михайловна стояла у самаго края, прислонившись къ старой ели, и любовалась видомъ... Олюнинъ поглядывалъ на нее и все ждалъ, что теперь она наконецъ начнетъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Ему надоѣло любоваться видомъ и густой косой Ольги Михайловны. Еще если бы была тутъ скамейка, а то эти нѣмцы не догадались поставить.

— Простите за нескромный вопросъ, Ольга Михайловна. О чемъ это вы такъ задумались? — проговорилъ наконецъ Олюнинъ, понижая голосъ.

Она повернула къ нему голову и сказала:

— А ни о чемъ. Любуюсь видомъ... Я люблю хорошіе виды!

Олюнинъ тихо покачалъ головой съ видомъ сомнѣнія и осторожно повелъ рѣчь о томъ, какъ тяжело бываетъ носить маску; въ такомъ случаѣ самое лучшее подѣлиться съ кѣмъ-нибудь, напримѣръ, съ человѣкомъ, который можетъ понять чужое горе и сочувственно отнестись къ нему...

Она слушала его и вдругъ разсмѣялась.

— Это вы обо мнѣ, конечно?..

— А развѣ я не правъ?.. Или, быть-можетъ, я не смѣю... я не заслужилъ еще вашего довѣрія!..

— У васъ сегодня особенный видъ и какой-то странный тонъ. Вы точно собираетесь оплакивать меня...

— Не смѣйтесь, Ольга Михайловна. Я искренно сочувствую вамъ...

— Благодарю такъ же искренно, и если мнѣ будетъ нужно, я непремѣнно обращусь къ вамъ... А пока... пока... оставимте этотъ разговоръ, Владиміръ Николаевичъ... Во-первыхъ, мы слишкомъ мало знакомы, а во-вторыхъ...

— Во-вторыхъ?..

— Вы умный человѣкъ, а иногда непроницательны... то считали меня слишкомъ счастливой, а теперь слишкомъ несчастной. Вы заблуждаетесь... Вижу... вы не вѣрите? Такъ ужъ если вамъ такъ хочется знать—скажу вамъ: я ни та ни другая. Не несчастная и не счастливая, а просто спокойная и благоразумная женщина, и вотъ вамъ мой портретъ...

— Такъ, значитъ, вы готовы мириться со всѣмъ, только потому, что благоразумны и, какъ вы говорили, несвободны? Но вѣдь есть предѣлы спокойствія!.. Есть границы благоразумія, за которыми уступки, во имя спокойствія, дѣлаются преступленіемъ!—началъ Олюнинъ, чувствуя приливъ краснорѣчія.—Простите меня, Ольга Михайловна, я, быть-можетъ, не смѣю такъ говорить, но... но бываютъ въ жизни человѣка минуты, когда онъ говоритъ, не думая о послѣдствіяхъ... Сердитесь не сердитесь, но ваша проповѣдь спокойствія и благоразумія безнравственна... Да, безнравственна! — воскликнулъ вдругъ горячо Олюнинъ и даже взмахнулъ рукою, какъ бы въ доказательство, что это безнравственно. — Вы молоды, впереди у васъ жизнь съ ея высокими задачами, съ ея борьбой. Вы можете не только составить счастье человѣка, мало того, можете быть его другомъ, помощникомъ, вдохновителемъ... О, назначеніе женщины! Это высокая миссія, Ольга Михайловна!.. А вы говорите о спокойствіи и благоразуміи!? И почему вы должны мириться? Только потому, что какая-нибудь роковая ошибка сдѣлала васъ несвободной? Или не потому ли, что бракъ есть таинство!?—усмѣхнулся не безъ ироніи Олюнинъ.—Но развѣ возможно ради глупыхъ предразсудковъ мириться даже... даже...

Онъ остановился на мгновеніе и не безъ сожалѣнія смотрѣлъ на молодую женщину, словно бы изумляясь, какъ это она послѣ такой убѣдительной рѣчи не протягиваетъ руки и не обѣщаетъ быть его другомъ и вдохновителемъ...

Но вмѣсто того она прервала его:

— Видно, что вы, Владиміръ Николаевичъ, въ прежнее время просвѣщали молодыхъ барышень, но мнѣ... мнѣ двадцать семь лѣтъ... Вы, вѣрно, забыли объ этомъ?.. Куда ужъ мнѣ вдохновлять людей! — прибавила она съ тонкой усмѣшкой.—Да и вы вдохновлялись понапрасну... Я неисправима.

Олюнинъ принялъ оскорбленный видъ.

— А вы не сердитесь!—прибавила она.—Наши несогласія не мѣшаютъ намъ быть хорошими знакомыми, если вы хотите... Пойдемте-ка теперь домой... Мужъ, вѣрно, ждетъ насъ...

Она рѣшительно смѣется надъ нимъ. А онъ еще сунулся съ своимъ монологомъ!.. Положеніе глупое. И Олюнинъ начиналъ злиться. Съ другими два-три такихъ монолога—и дѣло въ шляпѣ, а эта женщина чортъ знаетъ что за созданіе...

— Не будемъ же ссориться, Владиміръ Николаевичъ! — весело промолвила Бердяева.—Вы слишкомъ скоро составили обо мнѣ мнѣніе, а вѣдь надо, говорятъ, прежде два пуда соли съѣсть!

— Я думаю, и тогда станешь втупикъ...—проговорилъ недовольно Олюнинъ.

— О нѣтъ, я, право, не изъ загадочныхъ натуръ. Если будемъ дальше знакомы, сами увидите... Такъ не будемъ же ссориться, тѣмъ болѣе, что это мнѣ и невыгодно!—прибавила она шутливо:—я хочу обратиться къ вамъ съ просьбой.

— Вы?..—удивился Олюнинъ.

— Не за себя, а за одного родственника, онъ у васъ служитъ; за Бѣжецкаго...

— Павла Иваныча?

— За него... Онъ женатъ на моей сестрѣ... Но только смотрите, не проговоритесь ему, что за него барыни хлопочутъ. Павелъ Ивановичъ этого не любитъ!

— Но что же нужно? Я для него все готовъ сдѣлать!

— Жена жалуется, что онъ мало получаетъ жалованья...

— Господи! Да если бы вы знали этого чудака!.. Я ему нѣсколько разъ предлагалъ и лучшія мѣста у меня и большее жалованье, но онъ отказывался!.. Вѣдь Бѣжецкій мой старый товарищъ...

— Отказывался?.. А жена-то хлопочетъ!

— Совсѣмъ чудакъ!.. Я ему нѣсколько разъ предлагалъ... онъ знаетъ, какъ я его цѣню, но онъ каждый разъ отклонялъ мои предложенія... Мнѣ сперва даже обидно было, и я какъ-то спросилъ его, но онъ отмалчивается... Очень хорошій человѣкъ, но чудакъ... Я и не зналъ, что онъ нуждается... Онъ вѣдь самъ себѣ назначилъ жалованье!—усмѣхнулся Олю-

нинъ:—всего три тысячи! Почему три, а не пять—спросите его... Онъ такую теорію разведетъ, что удивляешься, какъ умный человѣкъ можетъ говорить такія глупости!

— У нихъ семья большая. Пятеро дѣтей!

— Да онъ просто сумасшедшій послѣ этого!.. — воскликнулъ Олюнинъ.—Онъ могъ бы получать десять тысячъ, пятнадцать... Я ему не разъ предлагалъ мѣсто управляющаго моей конторой... Надо убѣдить его... Да нѣтъ... не убѣдишь!..— прибавилъ съ досадой Олюнинъ.

— Да... трудно... я его знаю...

— Совсѣмъ сумасшедшій! Скажите, пожалуйста—пятеро дѣтей!—удивлялся Олюнинъ:—нѣтъ, съ его стороны послѣ этого просто преступно играть въ какой-то глупый аскетизмъ... Онъ потѣшается, а семья терпитъ лишенія!.. Этого ужъ я никакъ отъ него не ожидалъ... Это ужъ слишкомъ прямолинейно... глупо даже!—сердился Владиміръ Николаевичъ.—Хоть вы бы его убѣдили, Ольга Михайловна... Меня онъ и слушать не станетъ... «Эксплоататоръ», молъ... Вѣдь насъ, Ольга Михайловна, часто называютъ этой кличкой...

— Онъ и меня не послушаетъ...

— Стало, такъ и нельзя помочь...

— Какъ видите... Я не знала, что Павелъ Ивановичъ такой... смѣшной... Но только, смотрите, ни слова, что я говорила... Онъ обидится, а сестра такъ бережетъ его, такъ любитъ... кажется, не надышится на него... Вотъ только жалуется, что онъ хандритъ послѣднее время... очень хандритъ... Ему бы проѣхаться надо...

— Такъ кто-жъ ему мѣшаетъ?.. Да я для него все готовъ сдѣлать... Сегодня же напишу ему, чтобы бросилъ занятія и ѣхалъ провѣтриться.

— Смотрите, мы съ сестрой въ сторонѣ...

— Будьте покойны.

Они подходили къ палаткѣ, гдѣ сидѣлъ Бердяевъ. Она — спокойная, улыбающаяся; онъ—нѣсколько задумчивый, скрывая раздраженіе отъ неудачной попытки «выразить сочувствіе» и облегчить ея сердце во время экскурсіи. Она не на шутку начинала привлекать его, раздражая его нервы, эта благоразумная красавица. Но онъ, любуясь ею, не терялъ надежды... Онъ хорошо знаетъ женщинъ. Онѣ любятъ сперва помучить человѣка...

XII.

Еще не наступилъ обычный часъ, когда вся маріенбадская публика сидитъ за чаемъ и легкимъ ужиномъ, и въ ресторанѣ

никого еще не было. Олюнинъ хотѣлъ-было идти, но Бердяевъ удержалъ его съ любезностью, поразившей Владиміра Николаевича: онъ остался и скоро раскаялся въ этомъ.

Бердяевъ сперва разспрашивалъ своимъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, съ прорывающимися иногда визгливыми нотами, о прежнихъ товарищахъ, потомъ незамѣтно перешелъ къ тому, что̀ дѣлается въ Петербургѣ, и, придравшись къ какому-то замѣчанію Олюнина, заговорилъ одинъ.

Словно ядовитое животное, онъ изливалъ ядъ и клевету на все, чего только ни касался; казалось, ему доставляло огромное наслажденіе осмѣять каждый свѣтлый порывъ, очернить всякое хорошее побужденіе. Всѣ дѣйствія человѣческія объяснялъ онъ корыстью, лицемѣріемъ и глупостью. Съ одинаковымъ цинизмомъ озлобленія относился онъ ко всѣмъ партіямъ, не щадя ни однихъ ни другихъ, — всѣ подлецы! Въ его рѣчи, дышащей какимъ-то своеобразнымъ вдохновеніемъ, какъ въ ткани, переплетались правда и клевета, мѣткія остроумныя замѣчанія и рѣзкая брань, но во всемъ звучало главнымъ образомъ что-то личное, что-то такое, чего онъ не можетъ простить, какое-то угрюмое озлобленіе низкой души.

Но, особенно оживлялся онъ, когда говорилъ о лицахъ, когда съ его тонкихъ, воспаленныхъ губъ срывалось какое-нибудь дѣйствительно честное имя въ наукѣ или въ литературѣ. Онъ приводилъ какіе-то факты, не стѣсняясь ихъ тутъ же сочинять, и въ безсильномъ гнѣвѣ пытался сорвать съ имени обаяніе честности, словно ему ненавистна была самая мысль о томъ, что есть на свѣтѣ честные люди...

Бердяева и Олюнинъ невольно слушали этотъ возбужденный бредъ маніака, подавленные чувствомъ отвращенія, какъ передъ гадиной, могущей ужалить. Бердяева изрѣдка взглядывала на мужа, удивленная, казалось, этимъ внезапнымъ изліяніемъ, а Олюнинъ... Олюнинъ испытывалъ страхъ, малодушный страхъ. «И зачѣмъ онъ остался?» — думалъ онъ, пугаясь, что этотъ наглый человѣкъ перейдетъ отъ общихъ разсужденій къ оцѣнкѣ его собственной дѣятельности... Конечно, она безупречна, но чего не можетъ выдумать этотъ грязный языкъ...

Положеніе было скверное. Онъ посматривалъ на Бердяеву и пожималъ плечами.

— Однако вы очень мрачно смотрите на жизнь! — осторожно прервалъ его наконецъ Олюнинъ, торопливо оканчивая чай и озираясь, нѣтъ ли публики.

— Мрачно-съ? — переспросилъ Бердяевъ и захихикалъ: — а вы, конечно, смотрите не мрачно?..

— Еще бы... Вы, Лука Осиповичъ, сдѣлались неисправи-

мымъ пессимистомъ, какъ посмотрю!—осторожно промолвилъ Олюнинъ, видимо стараясь не раздражать Бердяева:—не все такъ скверно на этомъ свѣтѣ... Не всѣ такіе подлецы и эгоисты, какими вы разрисовали людей... И сами вы только прикидываетесь такимъ злымъ... Не правда ли?..—прибавилъ онъ съ напряженной улыбкой, думая снова:—«Еще на скандалъ нарвешься съ этимъ мерзавцемъ!»

Тотъ взглянулъ на Олюнина въ упоръ наглымъ, насмѣшливымъ, искрящимся злобой взглядомъ. Олюнинъ чувствовалъ, какъ онъ краснѣетъ, какъ холодная дрожь пробѣгаетъ по его спинѣ и весь онъ закипаетъ злостью... Онъ съ трудомъ сдержалъ себя и какъ-то странно улыбался. Прошло неловкое мгновеніе.

— Ну, конечно,—процѣдилъ Бердяевъ:—каждый старается утѣшить себя тѣмъ, что онъ честный человѣкъ, и выходитъ, что честныхъ больше!

— Не довольно ли этихъ разговоровъ?—вмѣшалась жена.—Въ большихъ дозахъ они надоѣдаютъ!

— Я только возражалъ Владиміру Николаевичу!—покорно отвѣчалъ Бердяевъ:—меня удивляетъ его оптимизмъ... Впрочемъ, мы больше не споримъ!—И онъ замолчалъ.

Ольга Михайловна объявила, что пора по домамъ, и Олюнинъ видимо обрадовался. Но на прощанье Бердяевъ еще разъ впустилъ свое жало. Какъ будто внезапно вспомнивъ, онъ спросилъ Олюнина самымъ невиннымъ тономъ:

— Обо всѣхъ старыхъ общихъ знакомыхъ мы вспоминали, Владиміръ Николаевичъ, а объ одной особѣ я и забылъ спросить васъ...

— О комъ это?—сухо промолвилъ Олюнинъ.

— О госпожѣ Зайцевской... Гдѣ она обрѣтается? Имѣете вы о ней свѣдѣнія? Премилая была дѣвушка!

Какое-то непріятное воспоминаніе, казалось, соединялось съ этимъ именемъ. Олюнинъ смутился. Онъ рѣзко отвѣтилъ, что, кажется, она въ провинціи, вышелъ изъ палатки и еще разъ услыхалъ это гнусное хихиканье, раздавшееся вслѣдъ за нимъ.

— Вы просто неприличны съ своей злостью! — сказала строго Бердяева, пріостанавливаясь у подъѣзда гостиницы.—Что̀ вамъ сдѣлалъ Олюнинъ? Зачѣмъ вы придирались къ нему?

— Вы лучше спросите, что̀ онъ сдѣлалъ съ сестрой своей жены, что̀ онъ дѣлаетъ у себя на заводахъ, ка̀къ онъ пріобрѣлъ состояніе!—отвѣтилъ Бердяевъ:—а вѣдь тоже считаетъ себя честнѣйшимъ человѣкомъ... И составилъ репута-

цію... Вѣроятно, и васъ онъ успѣлъ убѣдить въ своихъ добродѣтеляхъ?

— Какое вамъ дѣло?

— Мнѣ?..

Онъ посмотрѣлъ на нее, и она, съ изумленнымъ выраженіемъ, какъ бы не вѣря глазамъ, отстранилась назадъ.

— Вы... вы... ревнуете? — наконецъ произнесла она съ разстановкой и презрительно усмѣхнулась:—это слишкомъ!..

И, напряженно смѣясь, она поднялась по лѣстницѣ.

— Послушайте...—проговорилъ онъ:—прошу васъ, выслушайте меня...

— Что̀ еще? — не оборачиваясь, черезъ плечо произнесла она.—Вы знаете, я не такъ довѣрчива, какъ сестра... Ее вы могли разжалобить, но не меня...

— Выслушайте меня, прошу васъ!..—еще разъ сказалъ онъ униженнымъ, молящимъ голосомъ.

— Войдите!—отвѣчала она.

Онъ вошелъ вслѣдъ за ней въ небольшую комнату перваго этажа. Она приблизилась къ столу и съ нетерпѣніемъ остановилась. Избѣгая глядѣть на мужа, она нервно сдернула перчатки и сняла шляпу. Отъ неловкаго движенія ея черная коса тяжело упала на спину.

— Что̀ вамъ угодно?.. Я слушаю.

Онъ стоялъ передъ ней, въ нѣсколькихъ шагахъ, подавленный, угрюмый, съ выраженіемъ тяжелой борьбы на страшно-поблѣднѣвшемъ лицѣ. Онъ смотрѣлъ на эту красивую, изящную фигуру жаднымъ взглядомъ, полнымъ страсти, тяжелой, гнетущей страсти.

— Вы не ошиблись!..—глухо проговорилъ онъ.—Я ревную васъ!

— Вы?..—вырвалось у нея, и она громко разсмѣялась. Но смѣхъ былъ не натураленъ; онъ тотчасъ же оборвался. — И вы осмѣливаетесь ревновать? Вы?—подчеркнула она съ отвращеніемъ.—Я, кажется, пріобрѣла право быть избавленной отъ проявленій вашей ревности, и вы до сихъ поръ исполняли нашъ брачный договоръ?..

Она говорила съ презрительной рѣзкостью и не глядя на мужа.

— Я знаю, что я имѣю только право называться вашимъ мужемъ, но... но... Такъ знайте же: я люблю васъ, — проговорилъ онъ медленно и глухо и закрылъ лицо руками.

— Послушайте... Избавьте меня хоть отъ комедій!—испуганно сказала она, хотя мгновенно же почувствовала съ боязливымъ отвращеніемъ, что это не комедія.

— Да, я люблю васъ давно, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сдѣлался вашимъ фиктивнымъ мужемъ. Я скрывалъ свою любовь, я старался подавить ее... я зналъ, что вы меня презираете и въ правѣ презирать... Но я свято исполнялъ свои условія, вы на меня не имѣли повода жаловаться, когда вы жили со мной. И, Господи, какая это была пытка!..—прибавилъ онъ задыхающимся голосомъ. — Постойте, выслушайте до конца... Я молча выносилъ пытку... я счастливъ былъ даже по-своему... я зналъ, что вы гнушаетесь мной, но зналъ, что вы никого не любите... И я былъ радъ, что вы никому не принадлежите. О, сколько разъ я хотѣлъ размозжить себѣ голову... Я думалъ, что сойду съ ума... О, не вѣрьте Олюнину... Онъ обманываетъ васъ... Онъ многихъ обманывалъ... Онъ не любитъ васъ... Не вѣрьте ему... Поѣзжайте въ Петербургъ... Я не нарушу своихъ обѣщаній... Я только буду любоваться вами... и, быть-можетъ, вы сжалитесь... Вы позволите любить себя издали, покорно... Вы не услышите больше такихъ словъ... Даю вамъ слово... Я жалокъ, гадокъ, но я люблю васъ безумно... Пожалѣйте меня!—произнесъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ.—Пожалѣйте хоть вы!

Она слушала этотъ страстный бредъ съ отвращеніемъ, но въ то же время съ жалостью. Но когда она взглянула на это блѣдное лицо, когда взглянула въ эти расширенные зрачки, пожиравшіе ее съ какимъ-то животнымъ выраженіемъ, ей стало жутко. Инстинктивно отступила она назадъ съ чувствомъ гадливости.

— Довольно. Замолчите. Я не хочу этого слушать! — проговорила она съ испугомъ и отвращеніемъ въ голосѣ.

— Не хотите? Я даже не заслуживаю жалости?.. — прошепталъ онъ.

— Оставьте меня... я васъ прошу.

— Еще бы!..—вдругъ засмѣялся онъ, и его лицо искривилось въ отвратительную улыбку: — я подлецъ, оплеванный, всѣми презираемый, а Олюнинъ красивый, блестящій, честный, богатый... Его можно слушать... съ нимъ можно гулять, а я не смѣю даже сказать, что мнѣ тяжело. Ну хорошо... Такъ ужъ пусть я буду подлецомъ до конца!—вдругъ проговорилъ онъ и двинулся къ женѣ...

Блѣдная и прекрасная, съ блестящими, сверкающими гнѣвомъ глазами, она не двигалась съ мѣста... и прямо глядѣла ему въ глаза...

Онъ приближался къ ней все ближе и ближе... Она не спускала съ него взгляда, какъ съ дикаго животнаго. Еще мгновеніе—и она отскочила бы къ окну, но вдругъ онъ остановился.

— Не бойтесь,—прошепталъ онъ.—Я не трону васъ, но помните, что я могу вспомнить о своихъ правахъ... Не забывайте этого!—съ угрозой прошепталъ онъ.

И съ этими словами онъ повернулся, молча вышелъ изъ комнаты и пошелъ въ свой номеръ. Тамъ онъ заперся на ключъ и бросился на кровать, уткнувшись въ подушку. Тяжелыя, злобныя рыданія душили его, пока онъ не забылся въ изнеможеніи.

Уже было темно, когда онъ очнулся, припоминая, какъ во снѣ, только-что бывшую сцену. Голова была тяжела и на душѣ было мрачно. Онъ отворилъ окно и жадно вдыхалъ вечерній свѣжій воздухъ. Кругомъ было тихо; городокъ уже спалъ. Только издали съ горъ доносился какой-то слабый шумъ. Долго смотрѣлъ онъ впередъ какимъ-то тупымъ взглядомъ... Мысли его были заняты различеніемъ предметовъ въ темнотѣ. «Вонъ это, должно-быть, дерево, а тутъ вотъ скамейка!..—думалъ онъ, всматриваясь въ мракъ, окутавшій садъ подъ окномъ.—А небо какое звѣздное!» Онъ смотрѣлъ теперь безцѣльно на высокій куполъ.

— Посмотримъ!—проговорилъ наконецъ онъ:—посмотримъ!

Онъ зажегъ свѣчи, присѣлъ къ столу и сталъ работать надъ запиской.

XIII.

Благодаря «воспоминаніямъ молодости», которыми угостилъ сегодня Олюнина старый товарищъ, и угостилъ такъ обильно, Владиміръ Николаевичъ провелъ этотъ вечеръ и даже часть ночи совсѣмъ не согласно съ режимомъ, необходимымъ для успѣшнаго лѣченія на водахъ. «Отсутствіе волненій, полное спокойствіе духа, хорошій сонъ», рекомендовали ему оба доктора, и петербургскій и маріенбадскій, въ числѣ прочихъ хорошихъ совѣтовъ,—а именно ни того, ни другого, ни третьяго не было сегодня у Олюнина.

Обыкновенно спокойное, ровное расположеніе духа Владиміра Николаевича, съ оттѣнкомъ скромнаго довольства собой, бывающаго у людей, достигшихъ наконецъ всего, что они считаютъ за счастье и благо жизни,—смѣнилось раздраженіемъ, недовольствомъ и той непріятной назойливостью памяти, которая въ извѣстныя минуты, противъ желанія, заставляетъ сводить старые счеты и жутко призадуматься даже натуры, не имѣющія времени, за прозой жизни, всматриваться внутрь.

Олюнинъ въ первыя минуты послѣ того, какъ ушелъ изъ ресторана, весь былъ охваченъ злостью къ этому человѣку

(и еще сильнѣйшей, чѣмъ въ его присутствіи). Хотя онъ и утѣшалъ себя, что изъ-за такой низкой душонки не стоитъ волноваться, что его собственное превосходство должно быть выше этихъ ядовитыхъ намековъ и насмѣшекъ—однако эти утѣшенія оставались безплодными. И онъ шелъ въ отель не своей обыкновенной, спокойной, твердой походкой, съ маленькимъ развальцемъ, а нервной, неровной, то ускоряя, то замедляя шагъ, и по временамъ вдругъ весь какъ-то вытягивался, вздрагивалъ, съ загорающимся взглядомъ, сжимая невольно кулаки, какъ человѣкъ, встрѣчающій врага...

Онъ уже былъ въ двухъ шагахъ отъ отеля, но внезапно свернулъ и пошелъ въ паркъ; тамъ онъ нѣсколько времени ходилъ по аллеѣ, и когда вернулся къ себѣ въ номеръ, забывъ даже отвѣтить «Guten Abend!» на привѣтствіе отельнаго швейцара,—то злость его противъ Бердяева давно уже смѣнилась спокойнымъ презрѣніемъ, и не о немъ онъ думалъ, разсѣянно шагая по комнатѣ съ опущенной головой, или присаживаясь къ столу, вмѣсто того, чтобы благоразумно ложиться спать.

Другой образъ, образъ той самой дѣвушки, о которой напомнилъ Бердяевъ, какъ о пріятной особѣ, носился передъ нимъ теперь, то скрываясь, то снова появляясь среди другихъ назойливо являющихся картинъ той молодости, о которой онъ говорилъ какъ о «хорошихъ временахъ»... Тѣнь, омрачавшая теперь его лицо, и складки задумчиво-приподнятыхъ бровей, и эти движенія головы, какъ будто отгоняющей что-то прочь, и эта досадливая усмѣшка, пробѣгающая по его губамъ, — все, казалось, говорило, что въ этихъ «хорошихъ временахъ» не все было хорошее. Хуже, кажется, всего это воспоминаніе о тонкой, блѣдной, удивительно похожей на его жену дѣвушкѣ, съ голубыми глазами, довѣрчивыми и самоотверженными, погубленной, брошенной съ дѣтьми и забытой...

«Увлеченія молодости»!.. И другія такія же слова услужливо приходили на помощь, вызывая обыкновенно чувство успокоенія, но память сегодня была жестока. Она напоминаетъ о какихъ-то деньгахъ, просьбахъ, о молчаніи вмѣсто отвѣта на письма.

Тогда у него не было «свободныхъ» денегъ, всѣ были въ дѣлахъ, и онъ не могъ... А потомъ?.. Потомъ она исчезла куда-то, и онъ все собирался ее разыскать... О, надо, въ самомъ дѣлѣ, разыскать ее теперь... Эти деньги давно его безпокоятъ... Онъ завтра же напишетъ Павлу Ивановичу, непремѣнно напишетъ... Лучше поздно, чѣмъ никогда!..

И рѣшеніе написать завтра же Павлу Ивановичу разглаживаетъ его лицо. «У всѣхъ въ жизни бываютъ ошибки!»—успокоительно шепчетъ онъ, протяжно вздыхая, словно бы соболѣзнуя этимъ вздохомъ о людскомъ несовершенствѣ. И опять проносится передъ нимъ та самая жизнь, надъ которой смѣялся Бердяевъ, проносится эта молодость, протекшая въ общемъ оживленіи, охватившемъ шестидесятые года, и вдругъ какъ-то измѣнившаяся... Бѣднякомъ онъ вышелъ на жизненную борьбу, и какой же онъ тогда идеалистъ былъ!—вспомнилъ Владиміръ Николаевичъ, съ какимъ-то снисходительнымъ удовольствіемъ останавливаясь на мысли, что и онъ былъ идеалистъ, но что теперь онъ трезво смотритъ на вещи... И онъ съ пріятнымъ чувствомъ удовлетворенія вспоминаетъ, какъ счастливо сложилась потомъ его жизнь... И всему обязанъ себѣ,—какъ будто говоритъ его прояснившееся лицо. Но оно снова хмурится, когда память проноситъ передъ нимъ прежнихъ друзей, когда-то близкихъ, а теперь далекихъ... Одинъ этотъ Павелъ Ивановичъ развѣ, да и тотъ...

«Разные взгляды... Разныя натуры... Они разбѣжались куда-то по угламъ и сердятся, что жизнь бѣжитъ... Смѣшные!»

И мысль, что они, по его мнѣнію, смѣшные (особенно смѣшной этотъ Павелъ Ивановичъ) и неумные, и поэтому-то забились по угламъ и фыркаютъ, вмѣсто того чтобы дѣло дѣлать (слова: «дѣло дѣлать» онъ даже проговорилъ и проговорилъ съ удовольствіемъ)—приводитъ его въ лучшее расположеніе, хотя все еще равновѣсіе духа не найдено, все еще нѣтъ-нѣтъ да докучливо мелькнетъ какое-нибудь лицо, припомнится какой-нибудь фактъ, требующіе успокоительныхъ разсужденій, но уже не съ той раздражительной назойливостью, съ какой представлялась прежде эта блѣднолицая дѣвушка...

«Всѣ мы были молоды и думали луну за рога схватить! Нельзя ломать жизнь!»—говоритъ съ философскимъ вздохомъ Владиміръ Николаевичъ, отыскивая въ этихъ словахъ спасительное равновѣсіе и посматривая на постель, которая своей бѣлизною и пышностью манитъ къ себѣ его уставшее тѣло. Онъ взглядываетъ на часы. «Ого... уже одиннадцатый часъ... пора давно спать!»—думаетъ онъ, нѣсколько удивленный, что такъ засидѣлся...

Онъ бросился въ постель и сладко потянулся... «Да... все-таки хорошая это вещь жизнь! и я не дурной человѣкъ»,—думаетъ онъ, когда мысли его принимаютъ благопріятное направленіе.

Онъ затушилъ свѣчку, разсчитывая тотчасъ же заснуть, какъ это бывало первое время въ Маріенбадѣ, но сна нѣтъ. И не спится ему не оттого, что въ молодости онъ хотѣлъ «схватить луну за рога», а оттого, что красивая, блестящая, роскошная женщина смотритъ теперь на него смѣющимся взглядомъ своихъ большихъ глазъ, дразнитъ его и точно говоритъ:

«Вотъ ты и красивъ. и уменъ. и богатъ, и извѣстенъ, а возьми-ка меня!..»

И онъ поворачивается съ боку на бокъ, возбужденный, взволнованный, съ воспаленными глазами и горячей головой, полными самыхъ заманчивыхъ видѣній, пока наконецъ не засыпаетъ, что-то шепча своими толстыми, сочными губами и улыбаясь той скверной, сладкой улыбкой, которая бываетъ у спящихъ, когда они смѣются во снѣ.

— Отчего утромъ вы не пили водъ? Проспали?—спрашивалъ на слѣдующій день Конотопцевъ, встрѣчаясь съ Олюнинымъ передъ обѣдомъ у лѣсного источника, гдѣ собралась публика выпить «пріятной» воды и снова слушать музыку.

И, не дожидаясь отвѣта, Конотопцевъ съ добродушной фамильярностью охватилъ Олюнина слегка за талію и затѣмъ отнялъ руки, увѣренный вполнѣ, что доставляетъ большое удовольствіе тѣмъ, кого удостоивалъ знаками такого расположенія.

— Какъ наши дѣла съ красавицей? Въ какомъ періодѣ? А?

— Попрежнему неудовлетворительны, Викторъ Сергѣевичъ!

— Разсказывайте!—подмигнулъ генералъ и разсмѣялся.

— Честное слово!.. — отвѣчалъ Олюнинъ съ тѣмъ видомъ, который давалъ какъ будто право не вѣрить его отрицанію.

— Ну-ну... Знаемъ мы васъ, господа милліонеры... Знаемъ! — шутилъ Конотопцевъ, казавшійся сегодня особенно оживленнымъ и веселымъ.

— Маріенбадъ васъ очень поправилъ, Викторъ Сергѣевичъ! — замѣтилъ Олюнинъ, уклоняясь отъ этого разговора (вдобавокъ генералъ говорилъ довольно громко):—вы сегодня особенно хорошо смотрите.

— Да, я здѣсь поправился, совсѣмъ чувствую себя хорошо... Пріѣхалъ сюда... и невареніе желудка, и завалы, и кашель, а теперь какъ рукой сняло...

— И скоро изволите кончать курсъ?

— На-дняхъ думаю... Что здѣсь дѣлать!

— И когда васъ ждать въ Россію, Викторъ Сергѣевичъ? Разумѣется, въ побѣдной колесницѣ! Скоро?

Генералъ пожалъ плечами.

— Подождите еще, подождите звать меня въ Россію,— усмѣхнулся генералъ:—мы еще не въ модѣ!.. Вотъ и въ газетахъ еще меня поругиваютъ!—весело смѣялся генералъ: — сегодня мнѣ указали на передовую статью; конечно, безъ имени, но довольно ясно... Господинъ... (онъ назвалъ фамилію редактора одной газеты) недурно меня отработалъ... «Политика приключеній, шовинизмъ»... и въ этакомъ родѣ... Ха-ха-ха!..

— Наши газеты иногда...

— Да я нисколько не сержусь!—перебилъ, смѣясь, Конотопцевъ.—Нисколько! Я искренній поклонникъ свободы печати, и если бы когда-нибудь былъ министромъ, то эти вожжи бы спустилъ... Несвоевременно слишкомъ подтягивать... Несвоевременно... достается... Политика приключеній... Точно мы Биконсфильды... Ха-ха-ха!..—смѣялся онъ, щуря глаза, и какъ будто очень радъ былъ, что его «отработали», но Олюнинъ услышалъ въ этомъ смѣхѣ едва уловимую нотку раздраженія.

Конотопцевъ нѣсколько разъ начиналъ говорить объ этомъ, продолжая смѣяться, и отошелъ отъ Олюнина, кивнувъ добродушно головой. Черезъ нѣсколько минутъ Олюнинъ встрѣтилъ Конотопцева уже подъ-руку съ Литовскимъ, и до его ушей долетѣли тѣ же слова и снова смѣхъ, но уже съ другимъ оттѣнкомъ:

— Политика случайностей... Вы читали, князь?.. Но развѣ мы, чиновники, дѣлаемъ политику? Мы исполняемъ только...

Олюнинъ бродилъ по аллеямъ, посматривая, не покажется ли Ольга Михайловна. Чего добраго, еще съ мужемъ? Съ нимъ онъ встрѣчаться не намѣренъ... Довольно вчерашней встрѣчи... И для какихъ онъ дѣлъ сюда пріѣхалъ къ Литовскому?..

Онъ рѣшилъ сегодня обѣдать въ отелѣ и тихонько направился туда.

— Есть письма?—спросилъ онъ у швейцара, вспомнивъ, что отъ жены нѣсколько дней нѣтъ писемъ.

— Писемъ нѣтъ, но господину есть телеграмма!

«Телеграмма? Ужъ не случилось ли чего дома?»

Онъ торопливо поднялся къ себѣ и схватилъ телеграмму. Волненіе охватило его, когда онъ прочиталъ слѣдующія строки за подписью тещи:

«Вѣра серьезно больна, докторъ нашелъ ее опасной. Она не знаетъ, что я извѣщаю васъ. Просила не безпокоить. Дѣти здоровы. Пріѣзжайте».

Особенно смутили его эти слова: «просила не безпокоить».

XIV.

ПИСЬМА ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Маріенбадъ, 28 іюля 18** года.

Какъ посмотрю, неисправима ты, дорогая моя Катя, со своими наклонностями миротворицы! Ужъ сколько терпѣла ты неудачъ въ попыткахъ устраивать миръ и согласіе, и все-таки съ упрямствомъ продолжаешь ихъ!? Странная ты женщина! Сама довольная выпавшимъ на твою долю тихимъ счастіемъ семейной жизни, гордая, что любишь семью и мужа и что ни при какихъ обстоятельствахъ не забудешь долга матери и жены (я и безъ твоихъ подчеркиваній охотно этому вѣрю!), ты точно сердишься, что не всѣ счастливы по-твоему, и во что бы то ни стало хочешь водворить и у другихъ покой семейнаго очага, хотя бы покой этотъ былъ призрачный! Твою натуру, не любящую ничего ненормальнаго, твои глаза, привыкшіе къ образцовому порядку во всемъ,—рѣжетъ этотъ безпорядокъ личной жизни, и ты, милый деспотъ, непремѣнно желаешь насильно возстановить порядокъ!.. А онъ все-таки не возстановляется, несмотря на спасительные рецепты, а ты все-таки продолжаешь свои безплодныя попытки, моя мудрая совѣтница!

Право, если-бъ я не знала, какъ искренно сокрушаешься ты, бѣдняжка, «неопредѣленностью моего положенія»—тебя всегда смущала всякая неопредѣленность!—и какъ желаешь ты мнѣ счастья, то я могла бы не на шутку разсердиться за послѣднее твое увѣщательное посланіе, ради котораго ты однако пожертвовала двумя часами времени, всецѣло принадлежащаго семейнымъ заботамъ. Въ немъ ты такъ мудро доказываешь, что худой миръ лучше доброй ссоры, такъ благоразумно предостерегаешь насчетъ «ложной дороги», «опасностей увлеченія» и, главное, являешься такимъ горячимъ адвокатомъ моего супруга, что я даже изумилась. Вотъ до чего довела тебя боязнь «неопредѣленнаго положенія» и страсть къ умиротворенію... До того, что ты готова опоэтизировать моего супруга, оправдать его и обвинить меня въ его несчастіи. Сознайся, что, описывая съ удовольствіемъ его «несчастную любовь», ты навѣрное представляла себѣ трогатель-

ную картину двухъ воркующихъ голубковъ, примиренныхъ твоими стараніями. «Положеніе опредѣленное», «домашній очагъ возстановленъ», и я не на «ложной дорогѣ». Не правда ли, ты думала обо всемъ этомъ?.. По счастью, моя дорогая, такая перспектива невозможна и слишкомъ отзывается идилліей не въ моемъ вкусѣ...

И ты, въ самомъ дѣлѣ, повѣрила въ эту «несчастную любовь», открытіе которой было для тебя такой пріятной неожиданностью?.. Признаюсь, Катя, я съ улыбкой читала всѣ эти подробныя описанія твоего интимнаго разговора съ господиномъ Бердяевымъ, представляя себѣ, какъ твое хорошенькое, строгое личико смягчалось все болѣе и болѣе при этомъ «вырвавшемся потокѣ несчастной страсти», и какъ ты, въ порывѣ великодушія, позабыла даже свою прежнюю антипатію къ моему супругу, умилилась и обѣщала быть посредницей... Ты повѣрила и пишешь мнѣ о «могущественномъ вліяніи любви», способномъ «переродить человѣка», совѣтуешь «заставить себя полюбить мужа», «не подавать поводовъ къ ревности» и рисуешь будущее счастье въ дѣтяхъ, а я... я, прости, посмѣиваюсь, дорогая моя, надъ твоею довѣрчивостью и дивлюсь, какими словами могъ разжалобить тебя этотъ лживый, нечестный человѣкъ... Навѣрное, мужъ твой не присутствовалъ при вашемъ объясненіи.

Любовь!? Какая любовь, моя милая! И гдѣ у тебя были глаза, у тебя, всегда хвалившейся умѣніемъ отличить истинное чувство и считающей высшимъ его проявленіемъ—самопожертвованіе?.. Въ немъ не любовь и даже не подобіе ея, а животное чувство, желаніе обладать красивой женщиной и, пожалуй, еще оскорбленное самолюбіе презираемаго человѣка. Вотъ что такое эта «несчастная страсть», которая вызвала въ тебѣ такое сочувствіе... Это совсѣмъ извращенная натура, и не ему пенять на меня... Я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ чувства отвращенія подробностей любовнаго объясненія, которымъ онъ осмѣлился поразить меня, бывши здѣсь. Сперва его униженныя мольбы, его признанія, претензіи на ревность возбудили-было во мнѣ жалость, знаешь, ту жалость, которую чувствуешь даже и къ твари, внушающей омерзѣніе, но потомъ, когда я взглянула въ это отвратительное лицо сатира, въ эти воспаленные глаза, я испугалась: не человѣкъ, а какое-то разнузданное животное было передо мной; будь мы гдѣ-нибудь одни, онъ способенъ былъ бы на насиліе... Теперь одна мысль жить съ нимъ вмѣстѣ производитъ во мнѣ нервную дрожь. А потомъ, въ день его отъѣзда, эти напоминанія о его «правахъ» и угрозы скан-

дальнаго процесса, въ которыхъ выказалась вся низость его души и вся сила этой «несчастной любви»!? Нѣтъ, Катя, нѣтъ, ты и сама не понимаешь, какой пытки ты мнѣ желаешь, стараясь примирить насъ и поправить ошибку моего замужества.

Я отсюда вижу твои строгіе глаза и слышу, какъ на твоихъ губахъ шевелится вопросъ: «Къ чему-жъ ты выходила замужъ?!..» Я никогда никого не посвящала въ подробности моего замужества и отмалчивалась на твои вопросы, объясняя тебѣ просто, что не люблю своего мужа. Объ этой исторіи ты имѣешь смутныя представленія и, вѣрно, до сихъ поръ дивишься и моему непонятному «увлеченію», какъ ты называешь, конечно, несчастный эпизодъ моей жизни, и моему внезапному выходу замужъ за Бердяева, особенно послѣ надеждъ на блестящую партію, которыя питала я и всѣ родные... Я помню, даже и ты, доказавшая своимъ замужествомъ, что не разбираешь положеній, была удивлена, особенно увидавъ карточку будущаго моего супруга, и вообразила, будто я выхожу замужъ par dépit, и допрашивала меня... Тогда я ничего тебѣ не отвѣтила, да и потомъ не особенно распространялась объ этомъ, но теперь, пожалуй, я вспомню все прошлое, благо на меня напалъ откровенный стихъ, и мнѣ хочется разсказать близкому человѣку все, все откровенно, не тая ничего... Мы обѣ съ тобой давно перестали быть институтками, и стѣсняться нечего... Читай же мое посланіе и пеняй на себя, если оно покажется тебѣ длиннымъ... По крайней мѣрѣ, я надѣюсь, что послѣ моихъ признаній ты навсегда откажешься отъ мысли мирить меня съ мужемъ и увидишь, что всѣ твои опасенія насчетъ «опасностей увлеченія» и «ложной дороги» напрасны. Я слишкомъ спокойна, чтобы увлекаться, и слишкомъ брезглива, чтобы сдѣлаться кокоткой.

Не заключи, пожалуйста, будто я боюсь увлеченій ради «брачнаго обѣта» или изъ страха дурной репутаціи. «Обѣтъ»— ужасайся, Катя! — нисколько не остановилъ бы меня пользоваться жизнью, а лишняя клевета и подавно—и такъ на меня клевещутъ! Откровенно признаюсь, я охотно желала бы испытать твои «опасности увлеченій», да, видно, суженый мой еще скрывается, и пока я совсѣмъ равнодушна ко всѣмъ ухаживаніямъ, въ которыхъ, какъ ты знаешь, никогда недостатка нѣтъ у красивой женщины... Происходитъ ли это равнодушіе отъ спокойствія моего темперамента или отъ того, что я не встрѣчала еще настоящаго чувства, объяснить не могу, но знаю, что во всѣхъ нѣжныхъ рѣчахъ и признаніяхъ разныхъ поклонниковъ, во всѣхъ этихъ краснорѣчивыхъ взглядахъ,

которыми они обводятъ меня, такъ что иногда невольно краснѣешь, я вижу только болѣе или менѣе хорошо прикрытыя грязныя желанія. Я отлично понимаю, моя милая, что̀ ихъ интересуетъ во мнѣ; до моего духовнаго «я» имъ нѣтъ никакого дѣла, но красота моя ихъ привлекаетъ, и какой стороной! Мнѣ случалось слышать не разъ, какъ за глаза разбирали меня по статьямъ, какъ какую-нибудь призовую лошадь! Не правда ли, милое отношеніе! И — удивляйся, моя мудрая женщина! — хоть я и знаю, *какъ* мною любуются, а меня все-таки занимаетъ, что на меня обращаютъ вниманіе, и *это* тѣшитъ тщеславіе за неимѣніемъ лучшаго! Вѣдь мы, Катя, испорченныя созданія...

Вѣроятно, наши тетушки насчитываютъ моихъ любовниковъ десятками — ты вѣдь знаешь, что̀ про меня говорятъ, тѣмъ болѣе, что я непрочь иногда пококетничать, даже «поврать»... И это со мной бываетъ!.. Иногда меня забавляютъ наблюденія надъ моими поклонниками... Слушая подчасъ какого-нибудь почтеннаго отца семейства, бесѣдующаго о святости чувствъ и въ то же время косящаго гадкими глазами на мою шею, я наблюдаю это животное въ «царѣ природы» и смѣюсь... Когда же это лицемѣріе, эти фразы, прикрывающія грязныя мысли, становятся ужъ очень пошлы, я рѣзко обрываю эти изліянія и со смѣхомъ смотрю на эти внезапно глупѣющія, удивленныя лица... Не очень пріятное времяпрепровожденіе, скажешь ты? Согласна, да что̀ же мнѣ дѣлать, чѣмъ наполнить жизнь?.. Ты знаешь, что на меня находятъ полосы, когда я просиживаю одна и посѣщаю только тебя... Это значитъ, что пустота жизни очень мнѣ надоѣла...

И здѣсь въ Маріенбадѣ у меня нашлись поклонники... Ты помнишь Конотопцева?.. Онъ бывалъ прежде у насъ въ домѣ. Вообрази себѣ, онъ тоже ухаживаетъ за мной, разыгрывая роль друга отца... Въ этой роли онъ предлагалъ мнѣ покровительство, протекцію мужу и прочее... Ты догадываешься, на какихъ условіяхъ! Недаромъ онъ такъ много говорилъ о свѣжести своихъ чувствъ, о привязанности къ нашему дому, цѣлуя при этомъ очень нѣжно мою руку... И если-бъ ты видѣла, Катя, какъ смѣшонъ былъ этотъ развратный толстякъ, когда я замѣтила неприличіе его поведенія... Онъ даже обидѣлся и, вѣрно, убѣжденъ, что Олюнинъ уже успѣлъ завладѣть моимъ сердцемъ, тотъ самый Олюнинъ, котораго ты описывала, какъ образцоваго мужа... Ахъ, милая, если-бъ ты знала, какой онъ забавный въ роли влюбленнаго, и какое интересное объясненіе было у насъ въ день его внезапнаго отъѣзда въ Россію!

Знаешь, удивительно много интереснаго можетъ наблюдать красивая и не совсѣмъ глупая женщина, если только она сама не увлекается всѣми этими поддѣлками чувства, выдаваемыми за настоящее. Вѣдь передъ нами мужчины бываютъ совсѣмъ au naturel, взбираясь на ходули...

Ты видишь теперь, что я застрахована вполнѣ отъ «опасности увлеченій» и добродѣтельна поневолѣ, несмотря на все желаніе увлечься... Еще ни разу не билось мое сердце «тревогой любви», щеки мои не покрывались «румянцемъ волненія», словомъ, я не испытала еще ничего похожаго на увлеченіе, на страсть... Никого я не люблю, да и меня никто не любитъ, хотя многіе дорого бы дали, чтобъ сдѣлать меня любовницей. Впрочемъ, виновата... Я чуть-было не забыла моего рыцаря печальнаго образа, бѣднаго двоюроднаго братца! Его постоянство, его трогательная привязанность возбуждаетъ невольное сочувствіе, хоть я и не понимаю, какъ можно такъ долго любить и любить безнадежно... онъ это давно знаетъ, бѣдный человѣкъ... Это одинъ, кажется, человѣкъ изо всѣхъ мужчинъ, которыхъ я встрѣчала, любившій меня, а не одно только мое тѣло... Но развѣ я виновата, что я его не люблю... да и онъ жалкій какой-то со своей безнадежной любовью, которая испортила ему всю жизнь... Такіе люди слишкомъ «кисельны», какъ говоритъ твой мужъ, и не моего они романа, если мнѣ суждено имѣть еще романъ.

Ахъ, какъ я зафилософствовалась, дорогая моя... Ты, вѣрно, диву даешься, что я такъ разболталась, начавъ вспоминать старину?.. Да, Катя, глупо сложилась у меня жизнь, совсѣмъ какъ-то не такъ, какъ у другихъ... И то «увлеченіе», которое окончилось такъ неожиданно, совсѣмъ не было увлеченіемъ. Если-бъ оно было увлеченіемъ!.. Тогда, по крайней мѣрѣ, осталось бы воспоминаніе о порывѣ страсти, о счастливыхъ дняхъ, но въ томъ-то и дѣло, что никакого порыва даже не было, а былъ... былъ не во̀-время выпитый бокалъ шампанскаго и болѣе рѣшительно ничего... Ты изумляешься? Я, милая, говорю правду, и, вѣрно, многія изъ женщинъ, не умѣющихъ лгать, разсказали бы такую же правду изъ воспоминаній о своихъ такъ-называемыхъ увлеченіяхъ. Какъ часто не похожи онѣ на тѣ поэтическія мечты о любви съ ея тайными свиданіями при лунѣ, первыми поцѣлуями, клятвами, которыми бываютъ полны экзальтированныя головы!

Теперь, когда прошло шесть лѣтъ, я вспоминаю о моемъ «романѣ» безъ прежней острой боли нанесеннаго мнѣ оскорбленія и даже дивлюсь своему равнодушію при недавней встрѣчѣ съ моимъ «героемъ». Я видѣла его недавно въ Па-

рижѣ, въ театрѣ, вмѣстѣ съ его женой, маленькой хорошенькой женщиной. Они сидѣли впереди меня. Случайно онъ повернулъ голову, и наши глаза встрѣтились. Я замѣтила испугъ на его все такомъ же красивомъ, свѣжемъ лицѣ... Тупой, глупый испугъ и больше ничего. Онъ однако сдѣлалъ видъ, что не узналъ меня, отвернулся; они скоро ушли изъ театра. Дуракъ! Неужели онъ смѣетъ думать, что я когда-нибудь его любила!

Ты вѣдь помнишь, Катя, какъ я относилась къ нему? Какъ къ самому обыкновенному и недалекому фату. Онъ ухаживалъ за мной, носилъ цвѣты, книги, пѣлъ романсы—голосъ у него былъ недуренъ—и не могъ думать, что я имъ интересуюсь; меня не особенно занимали ни его мечты о камергерствѣ, ни его петербургскія сплетни, ни его французскій языкъ, ни его хорошенькое женоподобное лицо. Очень ужъ ординаренъ былъ этотъ петербургскій молодой человѣкъ. И ты сама знаешь—никто въ домѣ у насъ не придавалъ никакого значенія его посѣщеніямъ. Вѣдь бѣдный нашъ папа, послѣ твоего рѣшенія сдѣлать mesaillance, мечталъ для своей любимицы о блестящей партіи и, кажется, надѣялся, что другой мой поклонникъ, этотъ богатый уланъ, пріѣзжій въ отпускъ, сдѣлаетъ мнѣ предложеніе...

Тогда ты была счастливой невѣстой; какъ всѣ счастливые люди, ты хотѣла, чтобъ и всѣ кругомъ тебя были такіе же счастливые, какъ и ты сама, и—помнишь? какъ ты жалѣла бѣднаго молодого человѣка и сколько разъ бранила меня, называя и безчувственной и кокеткой... Тебя трогали и эти цвѣты и эти романсы, и сердило мое невинное кокетство... Скоро ты уѣхала, нашъ уланъ тоже уѣхалъ и какъ-то торжественно обѣщалъ скоро вернуться (maman увѣряла, что онъ поѣхалъ къ своей матери посовѣтоваться насчетъ женитьбы—у матери было въ рукахъ все состояніе), и изъ числа бывавшихъ у насъ въ домѣ молодыхъ офицеровъ этотъ петербургскій молодой человѣкъ все-таки былъ болѣе интереснымъ. Вѣдь жизнь въ губернскомъ городѣ такая скучная, а мы, по выходѣ изъ института, привыкаемъ къ такому бездѣлью!—Отъ-нечего-дѣлать, я слегка кокетничала съ моимъ поклонникомъ, и онъ попрежнему носилъ цвѣты, пѣлъ романсы и пожималъ мнѣ руки... Мы съ нимъ часто видались, и я привыкла къ нему, какъ привыкаютъ къ мебели, къ собакѣ... Онъ было-вздумалъ однажды начать признаніе, но я остановила его рѣчь о рукѣ и сердцѣ, сказавъ, что не думаю выходить замужъ и что къ нему не питаю такихъ чувствъ, которыя могли бы... и т. д. Онъ принялъ это извѣстіе съ нѣ-

которой грустью, просилъ остаться «друзьями» и продолжалъ ходить къ намъ обѣдать и послѣ обѣда пѣть романсы. Вскорѣ его перевели въ Петербургъ, и я забыла о немъ...

Когда въ ту зиму я гостила у тебя въ Петербургѣ, мы часто встрѣчались съ нимъ у тетушки Алины... Она имѣла намѣреніе устроить наше счастіе. «Ты дѣвушка съ небольшимъ состояніемъ; онъ на виду, ему предстоитъ хорошая карьера... оба вы люди хорошіе... онъ любитъ тебя»,—говорила не разъ тетушка и сердито поднимала свои крашеныя брови, когда я отшучивалась. «Вы тамъ съ отцомъ разсчитываете Богъ знаетъ на какихъ жениховъ, такъ вѣдь нынче женихи любятъ большое приданое, а на твои 30.000 не очень-то много охотниковъ!»

Мой «герой» снова сталъ ухаживать за мной съ той же почтительной манерой. Онъ, кажется, надѣялся, что тетушка меня убѣдитъ не пренебрегать такимъ счастіемъ... Опять романсы, цвѣты, конфеты и пожатія рукъ... Я забавлялась, подсмѣивалась надъ «бѣднымъ молодымъ человѣкомъ». Его такъ и тетушка называла.

Однажды вечеромъ — еще вы меня звали въ театръ на «Фауста», какъ теперь помню—я долго засидѣлась у тетки. Онъ меня вызвался проводить домой. Ночь была славная: морозная, звѣздная. Хотѣлось побыть долѣе на воздухѣ. Извозчика не случилось, и мы шли по Сергіевской. Я была особенно оживлена въ этотъ вечеръ. У тетушки былъ извѣстный художникъ N, только-что пріѣхавшій изъ Парижа и удостоившій меня особеннымъ вниманіемъ. Мнѣ очень понравилась его мужественная физіономія, оригинальныя манеры, оригинальная рѣчь, какая-то независимость мнѣнія, составлявшая такой контрастъ со всѣмъ тѣмъ, что обыкновенно говорилось у тетушки въ гостиной; мы съ нимъ проговорили почти весь вечеръ; впрочемъ, я больше слушала, а говорилъ онъ. Мое оживленіе еще не прошло, и я передавала впечатлѣнія своему спутнику.

— Онъ вамъ понравился?—спросилъ онъ.

— Очень... Не похожъ на другихъ.

Онъ надулся, принявъ мои слова на свой счетъ. Мы подходили уже къ Литейной, какъ вдругъ онъ сказалъ:

— Вотъ бы славно прокатиться теперь на тройкѣ!

— Славно!—отвѣтила я.

— Хотите?

Я колебалась. Ѣхать одной на тройкѣ съ молодымъ человѣкомъ? Что сказали бы всѣ классныя дамы въ Смольномъ?

Что скажетъ тетушка Алина? Что скажешь наконецъ и ты, несмотря на свою «свободу отъ предразсудковъ»?

Я знала, что колебанія мои окончатся въ пользу поѣздки. Недаромъ вы называли меня своенравной сумасбродкой, и если я еще колебалась, то изъ самолюбія: я боялась, что мой поклонникъ сочтетъ эту поѣздку за желаніе провести съ нимъ пріятное tête-à-tête.

Такія мысли пробѣгали въ моей головѣ, когда онъ замѣтилъ:

— Вы развѣ боитесь?

— Не васъ ли?—отвѣтила я рѣзко и прибавила:—поѣдемъ!

Мнѣ показалось, что по его лицу пробѣжала довольная улыбка. Эта улыбка меня разсердила и въ то же время окончательно заставила ѣхать.

— Только я ѣду съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Чтобы вы не смѣли говорить о своихъ чувствахъ. Слышите?

— Я буду нѣмъ, какъ рыба, если вамъ это угодно! — засмѣялся онъ.

На углу Невскаго и Литейной мы наняли тройку и поѣхали. За мостомъ ямщикъ стегнулъ лошадей, и тройка подхватила. Мы понеслись по островамъ такъ, что захватывало духъ... Я люблю скоро ѣздить, когда вѣтеръ щиплетъ лицо и обдаетъ тебя снѣжной пылью. Мы ѣхали все время молча, какъ надоѣвшіе другъ другу люди; выглядывая изъ-за приподнятаго воротника шубы, я совсѣмъ забыла о немъ, и Богъ знаетъ гдѣ бродили мои мысли... На воздухѣ такъ хорошо мечтается... Могу только увѣрить тебя, что въ этихъ мечтахъ не было ничего любовнаго... Подъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ знаменитымъ художникомъ, прежнія мои честолюбивыя мечты о музыкальной карьерѣ снова закружили мнѣ голову... Я буду учиться... я сдѣлаюсь извѣстной музыкантшей... слава... Ахъ, какъ пріятно, Катя, даже помечтать о славѣ... Теперь я ужъ болѣе не мечтаю...

Однако я начинала зябнуть, а мы все скакали, какъ сумасшедшіе... Я посмотрѣла на своего спутника. Онъ тоже былъ возбужденъ поѣздкой; въ полусвѣтѣ лунной ночи его глаза какъ-то особенно сверкали... Я замѣтила ему, что пора домой.

— Вы озябли?..

— И даже очень... Поѣдемте назадъ!

Въ самомъ дѣлѣ, я очень прозябла на этомъ сильномъ морозѣ, да еще при такой бѣшеной ѣздѣ. Одѣта я была не особенно тепло, и зубы стучали отъ холода, ноги совсѣмъ закостенѣли.

Онъ казался такимъ испуганнымъ... предлагалъ свою шубу.

— Вы съ ума сошли!

— Но что же дѣлать?

— Но до города часъ ѣзды, и вы замерзнете...

— Нѣтъ...

— Знаете ли что, Ольга Михайловна! A la guèrre comme à la guèrre! Заѣдемте напиться чаю. Тутъ близко есть ресторанъ... Я позволилъ себѣ предложить вамъ это въ виду крайности... Вамъ необходимо согрѣться...

Онъ говорилъ съ какимъ-то особеннымъ почтительнымъ участіемъ.

Ѣхать ли? Отчего же нѣтъ? Онъ оцѣнитъ довѣріе, которое оказываетъ ему дѣвушка, и не станетъ болтать, что я была съ нимъ въ ресторанѣ; я считала его порядочнымъ человѣкомъ. И кромѣ того меня забавляло все это приключеніе, и такъ хотѣлось посидѣть въ теплой комнатѣ и выпить чашку горячаго чая. Я согласилась, и черезъ нѣсколько минутъ тройка остановилась у освѣщеннаго подъѣзда небольшого дома. Это былъ модный ресторанъ, о которомъ я часто слыхала у тетушки Алины отъ молодыхъ людей.

Мы вошли. Признаюсь, мнѣ было ужасно неловко проходить по лѣстницѣ мимо этихъ лакеевъ, выбѣжавшихъ навстрѣчу и, казалось, смотрѣвшихъ на меня какъ-то странно. Вѣроятно, я имѣла испуганный видъ. Я невольно опустила глаза и ускорила шаги. Откуда-то доносились звуки рояля; слышались женскіе визгливые голоса.

— Опустите вуаль!—шепнулъ мой спутникъ по-французски.

Я опустила вуаль и шла по коридору, испытывая какое-то смѣшанное чувство испуга и любопытства. Въ коридорѣ навстрѣчу попалась цыганка, съ папироской въ зубахъ, шурша бѣлымъ атласнымъ платьемъ, и она — такъ казалось мнѣ— какъ-то странно поглядѣла на насъ обоихъ. Тотъ же странный взглядъ бросилъ на меня и какой-то военный, остановившійся у порога двери, чтобы пропустить насъ. Должно-быть, моя торопливая походка обращала на себя вниманіе, и я отдѣлалась отъ этой неловкости только тогда, когда мы наконецъ очутились въ небольшой, уютной комнатѣ, гдѣ весело и ярко пылалъ каминъ.

— Чаю, чаю скорѣй!—торопилъ лакея мой спутникъ, помогая мнѣ раздѣваться.

— Больше ничего не прикажете?

— Вы хотите ѣсть?

Я была ужасно голодна и сказала, что хочу.

Онъ заказалъ ужинъ, вино, фрукты, и лакей скрылся.

— Теперь согрѣлись? Не холодно? — заботился мой спутникъ, ухаживая за мной съ трогательной заботливостью. Онъ нѣсколько разъ выбѣгалъ торопить, чтобы подавали чай, и говорилъ, что согрѣлся рюмкой коньяку.

Скоро я оттаяла послѣ мороза, грѣлась у камина и съ любопытствомъ осматривала эту небольшую комнату съ свѣтлыми обоями, мягкими диванами и гравюрами, изображавшими женщинъ. Звуки рояля доносились теперь слабо, и кругомъ было совсѣмъ тихо. Подали чай; я усѣлась на диванъ, съ удовольствіемъ выпила двѣ чашки и, въ ожиданіи ужина, принялась за закуски. Послѣ катанія я чувствовала отличный аппетитъ; все поданное казалось мнѣ какимъ-то особенно вкуснымъ... Я ѣла и удивлялась, что мой спутникъ почти ничего не ѣстъ и точно еще зябнетъ отъ холода.

Разговоръ какъ-то не клеился, мы рѣдко перекидывались фразами; я все еще была подъ впечатлѣніемъ неожиданной обстановки, въ которой очутилась, но мой страхъ давно прошелъ...

Старый лакей-татаринъ, съ лицомъ, на которомъ, казалось, застыла сама невозмутимость, принесъ ужинъ, фрукты, сыръ и откупорилъ бутылку шампанскаго... Я ѣла за двоихъ и смѣялась, разсказывая, какъ неожиданно устроилась эта поѣздка, да еще съ такими приключеніями. Онъ налилъ мнѣ бокалъ, я выпила съ удовольствіемъ. Пріятная теплота охватила меня, мнѣ сдѣлалось какъ-то весело, хотѣлось дурачиться... Я стала разсказывать о художникѣ и говорила, что онъ мнѣ очень понравился. Мой собесѣдникъ слушалъ, улыбаясь какой-то странной улыбкой, мою болтовню и казался взволнованнымъ... Голосъ его слегка вздрагивалъ, когда онъ начиналъ говорить... Онъ сидѣлъ напротивъ меня румяный, красивый, съ приподнятой губой, изъ-подъ которой сверкали бѣлые зубы, глядѣлъ на меня своими темными глазами и продолжалъ какъ-то странно улыбаться... Онъ пилъ шампанское и налилъ мнѣ еще... Я выпила бокалъ залпомъ; мнѣ стало еще веселѣй... Я было-начала говорить, мнѣ хотѣлось говорить и еще болѣе хотѣлось, чтобы и онъ говорилъ, но онъ молчалъ и все глядѣлъ на меня какимъ-то долгимъ-долгимъ взглядомъ. Я чувствовала, что краснѣю подъ этимъ взглядомъ, что этотъ взглядъ скверный, и мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно, я хотѣла сейчасъ же уѣхать, но въ то же время я невольно смотрѣла въ эти странные глаза. Мнѣ было жутко смотрѣть, но я глядѣла въ какомъ-то ожиданіи любопытнаго испуга.

— Послушайте... Что съ вами?.. Говорите! — наконецъ сказала я.

Онъ уже сидѣлъ на диванѣ около меня и шепталъ какія-то слова о своей любви, о страсти... Я слушала, улыбалась, хотѣла сказать, чтобы онъ замолчалъ, но вмѣсто того заплакала, какъ обиженный несчастный ребенокъ. Тогда онъ сталъ просить прощенія и вдругъ началъ осыпать меня поцѣлуями, а я... я испытывала отвращеніе къ этому ласкающему меня человѣку и въ то же время чувствовала, что улыбаюсь, что мой языкъ говоритъ совсѣмъ не то, что̀ я хотѣла сказать, что все какъ-то кружится въ моей головѣ: комната, я сама, все, все...

Когда я очнулась, онъ подалъ мнѣ сельтерской воды и взглянулъ на меня испуганнымъ взглядомъ...

Онъ былъ блѣденъ и жалокъ. Я чувствовала, что сейчасъ разрыдаюсь въ припадкѣ безсильной злобы и отвращенія къ этому человѣку, который вдругъ сталъ такъ близокъ. И мысль объ этой близости еще болѣе отталкивала меня отъ него. Слова замирали у меня въ горлѣ... Я не могла смотрѣть на него. Мы молча вышли и молча ѣхали всю дорогу... Закутавшись въ шубу, я тихо плакала. Когда мы подъѣхали къ вашему дому, онъ проговорилъ:

— Простите ли вы меня... Я люблю васъ... Я люблю... Будьте моей женой передъ всѣми...

— Никогда!—вырвалось у меня, и я бѣгомъ побѣжала по лѣстницѣ.

Ты помнишь, Катя, что̀ было со мной на другой день? Ты и не догадывалась, что я оплакивала окончаніе своего «романа», и не подозрѣвала, что твой «бѣдный молодой человѣкъ» оказался такимъ глубочайшимъ негодяемъ... Теперь онъ, говорятъ, слыветъ въ обществѣ за образецъ нравственности, и я еще недавно читала въ газетахъ, что онъ, этотъ «бѣдный молодой человѣкъ», назначенъ въ одно великосвѣтское попечительно-благотворительное учрежденіе, моя милая!

Впрочемъ, на другой же день я получила отъ него длинное посланіе; онъ говорилъ въ немъ о своей любви и просилъ моей руки; нужно ли прибавлять, что я не подумала даже снизойти до отвѣта. Тогда начались увѣщанія тетушки Алины, передъ которой онъ, кажется, покаялся. Она принялась горячо за это дѣло, и я не могу до сихъ поръ забыть ея изумленія, когда, послѣ лицемѣрной нотаціи и совѣта торопить свадьбу, я отвѣчала, что и не думаю выходить замужъ.

— Какъ? Послѣ всего, что̀ случилось?—воскликнула она въ ужасѣ.

Она стала меня уговаривать и съ любопытствомъ старой развратницы разспрашивать, какъ все это случилось... Ей непремѣнно хотѣлось знать подробности. Я молчала, чувствуя стыдъ и отвращеніе, а она не переставала меня утѣшать.

— Еще благодари Бога, что онъ порядочный человѣкъ... Ты видишь, онъ любитъ тебя, хочетъ жениться. Ну, что̀ дѣлать... увлеклись... Свадьба все исправитъ... никто не будетъ знать... Онъ, разумѣется, будетъ скроменъ... Ахъ, ты, бѣдняжка!..—повторяла она, цѣлуя меня, обливаясь слезами, и снова начинала разспрашивать, какъ все это случилось...

Я опять повторила, что замужъ не пойду.

— Да ты съ ума сошла, Ольга... Развѣ это возможно?.. Послѣ того, что̀ случилось, тебѣ необходимо выйти замужъ за него...

Для нея главное было «то, что̀ случилось», а не то, что̀ происходило въ моей душѣ. Она какъ будто и не понимала этого.

— Довольно, тетя, объ этомъ.

Она положительно недоумѣвала и совѣтовала мнѣ хорошенько подумать.

— Вѣдь это... это несчастіе, Оля... Позоръ на всю жизнь... Каково будетъ отцу и матери!.. Впрочемъ, я не скажу имъ, будь покойна... Объ этомъ ни душа не будетъ знать, не будетъ... Я схороню эту тайну на днѣ души!

Но развѣ ты не знаешь тетушки Алины? Убѣдившись наконецъ, что я не шучу и замужъ не выйду, она первая разнесла эту тайну повсюду, конечно, подъ самымъ строгимъ секретомъ, и когда я черезъ мѣсяцъ вернулась домой, объ этомъ, кажется, зналъ весь городъ, кромѣ отца и матери...

А ты, помнишь, дорогая моя, все допрашивала, отчего я такая скучная? Ты, кажется, подозрѣвала, что я влюблена въ твоего «бѣднаго молодого человѣка», удивлялась, отчего я медлю выходить замужъ.

И когда наконецъ тетушка Алина посвятила и тебя въ тайну, ты, возмущенная, чуть ли не выгнала ее изъ дому и написала мнѣ тогда то милое, хорошее письмо, въ каждой строкѣ котораго слышалась однако тревога твоего любящаго сердца... Я хотѣла тогда же тебѣ все разсказать, но не хватило храбрости. И ты осталась въ невѣдѣніи насчетъ сущности моего «увлеченія»...

Однако довольно на первый разъ... Устала писать такъ много, да и всѣ эти воспоминанія снова разбередили старыя чувства... Обѣщаю «продолженіе», если не пропадетъ охота писать по утрамъ...

Хорошъ мой «романъ», не правда ли?

Да, чуть-было и не забыла. Я говорила съ Олюнинымъ о твоемъ мужѣ. Онъ все готовъ для него сдѣлать... Секретъ будетъ соблюденъ, я взяла съ него слово, если только его слово что-нибудь значитъ... Ну, до свиданія, моя родная... Не сокрушайся обо мнѣ, когда будешь читать мое письмо... Подчеркиваю это и оставляю перо, чтобы немного всплакнуть и затѣмъ идти обѣдать и слушать любезности Конотопцева. Послѣ отъѣзда Олюнина онъ сталъ ухаживать за мной, этотъ толстякъ, но уже гораздо приличнѣе, чѣмъ прежде.—Твоя Ольга.

XV.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Маріенбадъ, 1 августа 18** г.

Я чувствую себя хорошо. Спала я отлично, и послѣ утренней прогулки на свѣжемъ, горномъ воздухѣ нервы мои, пошаливавшіе эти дни, сегодня спокойны, и я могу продолжать свою исторію безъ той нервности, которая была въ послѣднемъ письмѣ... Да и въ самомъ дѣлѣ, что̀ въ моей исторіи особенно необычайнаго, если разсудить хладнокровно? Развѣ то, что̀ со мной случилось, какъ говоритъ тетушка Алина, не случается на каждомъ шагу, только въ иной формѣ, болѣе мягкой, узаконенной обычаемъ, формѣ этихъ браковъ по разсчету, въ которыхъ самыя лучшія чувства приносятся въ жертву мужской чувственности. Развѣ и тутъ и тамъ въ сущности не то же насиліе, не то же презрѣніе къ женщинѣ, не та же ложь! И этотъ «герой» моего романа, какъ онъ ни гадокъ, а, вѣроятно, считаетъ себя правымъ—вѣдь онъ хотѣлъ жениться. Быть-можетъ, и вся эта мерзость была съ его стороны средствомъ женитьбы. И онъ, конечно, былъ увѣренъ, что послѣ всего того, что̀ случилось, я непремѣнно должна быть его женой... Тетя меня недаромъ увѣряла, что иначе невозможно, и старалась утѣшить, разсказывая многочисленные подобные примѣры и познакомивъ меня съ скандальной хроникой различныхъ свадьбъ изъ того великосвѣтскаго міра, передъ законами котораго она преклонялась съ благоговѣніемъ и вѣрой фетиша.

Такъ я могу теперь разсуждать, но тогда я не разсуждала, а частенько-таки плакала украдкой въ своей комнатѣ. Но особенно мнѣ жаль было отца и мать. Для нихъ то, что̀ случилось, было позоромъ, какъ и для тетушки Алины и для большинства людей... И мнѣ самой тогда казалось, что я какая-то отверженная, гадкая, и, знаешь, у меня тогда являлась

даже мысль о самоубійствѣ, но жажда жизни энергично протестовала противъ этого каждый разъ, когда, подавленная тяжелыми мыслями, я начинала отчаиваться. «Что съ тобой, Ольга?—спрашивалъ, бывало, отецъ:—что съ тобой, голубушка? Ты совсѣмъ измѣнилась,—говорилъ онъ, прижимая мою голову къ своей груди:—отчего ты сдѣлалась домосѣдкой?.. Ужъ не влюбилась ли въ Петербургѣ!»

Эти слова, эта нѣжная ласка врѣзывались мнѣ въ самое сердце, и я холодѣла при мысли, что онъ долженъ узнать правду. Ты знаешь, съ какимъ презрѣніемъ говорилъ всегда онъ о женщинахъ, забывающихъ долгъ, и какъ довѣрялъ намъ, предоставляя извѣстную свободу дѣлать, что мы хотимъ, увѣренный, что мы ничего не сдѣлаемъ дурного...

— Ты не скрывай отъ меня, если у тебя есть какое-нибудь горе, моя милая... Впрочемъ, какое у тебя можетъ быть горе?.. Не правда ли?..—улыбался онъ и весело прибавлялъ:—тебѣ, Ольга, пора замужъ... Скоро я найду отличнаго жениха...

И онъ назвалъ того улана. Я улыбалась про себя, увѣренная, что прежній поклонникъ, которому я очень нравилась, и не подумаетъ теперь о предложеніи... Молва уже ходила въ городѣ, я догадывалась о ней по этимъ усиленно-сочувственнымъ взглядамъ разныхъ тетушекъ и кузинъ, по тѣмъ притворно-небрежнымъ вопросамъ, которые задавали мнѣ знакомыя дамы о томъ, какъ я провела время въ Петербургѣ... Я читала злорадство въ этихъ участливыхъ взорахъ и злила этихъ лицемѣрокъ больше, чѣмъ прежде, своими холодными, насмѣшливыми отвѣтами... Имъ бы хотѣлось меня видѣть убитою отчаяніемъ, а я, ты знаешь, достаточно выучилась еще въ институтѣ искусству притворства, да и не изъ тѣхъ, которыя несутъ свое горе на улицу... Молва, конечно, росла все больше и больше, и наконецъ я узнала, что кузенъ Саша дерется на дуэли... я поняла причину и послала за нимъ. Онъ пришелъ взволнованный, хоть и старался быть спокойнымъ. Я прямо сказала ему: «Вы деретесь на дуэли!»

Онъ смутился и отвѣчалъ, что не думаетъ. Правда, онъ имѣлъ исторію съ однимъ господиномъ въ клубѣ, но эта исторія улажена. И онъ торопливо сталъ-было объяснять, изъ-за чего произошла эта исторія... Они поспорили изъ-за политики и наговорили другъ другу рѣзкостей...

— Не лгите!—перебила я его.—Вы собираетесь драться изъ-за меня, но вы драться не будете!

Бѣдняга разсердился даже. Съ какой стати я мѣшаюсь не

въ свои дѣла; съ чего это я взяла, что онъ дерется изъ-за меня? Онъ старался разувѣрить меня. Собираясь изъ-за меня рисковать жизнью, онъ лгалъ съ какой-то горячностью.

— Я знаю все... Не придумывайте, пожалуйста, вашихъ исторій...

— Что̀ же вы знаете?

— А то, что про меня говорили не особенно хорошія вещи, и вы вступились...

Моя ложь совсѣмъ смутила бѣднаго влюбленнаго кузена. Онъ не зналъ, какъ ему вывернуться...

Что̀ могутъ про васъ говорить дурного? Вотъ выдумали! Я разсказала ему, что̀ про меня могли говорить.

— Замолчите, замолчите... Къ чему вы повторяете гнусную клевету?

— А если это не клевета?

Онъ попробовалъ-было улыбнуться, но вмѣсто улыбки лицо его передернулось страдальческой улыбкой...

— Да, это не клевета!—повторила я, чувствуя неодолимую потребность сказать ему правду.

Онъ нѣсколько минутъ молчалъ и потомъ проговорилъ:

— Зачѣмъ вы шутите?

Онъ, очевидно, не вѣрилъ. Но когда наконецъ я заставила его повѣрить, онъ сталъ мнѣ доказывать, что ничего дурного я не сдѣлала, что всякое увлеченіе свято и т. п. Онъ говорилъ съ какимъ-то жаромъ самоотверженной привязанности и наконецъ окончилъ вопросомъ: скоро ли я выхожу замужъ.

И онъ удивился, когда я сказала, что замужъ не выхожу.

— Но вы его любите?—тихо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не люблю!

Онъ взглянулъ на меня робкимъ, испуганнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ и замолчалъ. Тогда я стала упрашивать его не драться на дуэли. Вѣдь если что-нибудь съ нимъ случится, мнѣ будетъ совсѣмъ невыносимо жить. Я просила его принести эту жертву ради его любви ко мнѣ, любви, которой я недостойна...

Онъ улыбнулся на послѣднія слова какъ-то тихо, и доброе лицо его освѣтилось такой хорошей улыбкой...

— Хорошая вы!—промолвилъ онъ, хотѣлъ что-то еще сказать, но вмѣсто этого отвернулся, чтобы скрыть навернувшіяся слезы...

Но уговорить его было не такъ-то легко. Въ немъ происходила тяжелая борьба; однако, послѣ моихъ настойчивыхъ просьбъ, онъ обѣщалъ употребить всѣ мѣры, чтобы дуэли не было.

— Хотя бы меня даже сочли трусомъ!—прибавилъ онъ.

Я крѣпко-крѣпко сжала его руку и долго смотрѣла ему въ глаза. Отчего я не могу отвѣчать на эту привязанность? Мнѣ было жаль его и только жаль. Онъ ушелъ такой притихшій и грустный и съ того дня сталъ чаще ходить къ намъ, выказывая мнѣ самую трогательную заботливость и деликатность. Теперь онъ пересталъ говорить о своихъ чувствахъ и не походилъ на прежняго рыцаря печальнаго образа; напротивъ, какъ будто даже повеселѣлъ...

Черезъ два мѣсяца я съ ужасомъ догадалась о своей беременности... Надо было наконецъ сказать дома, чтобы не поставить отца и мать въ неловкое положеніе узнать объ этомъ черезъ родственниковъ...

Бѣдная мама! Какъ была она поражена, когда я объявила ей о своемъ положеніи! Она вспылила, осыпала меня проклятіями, грозила и затѣмъ разразилась рыданіями и просила у меня прощенія за свои рѣзкія, жестокія слова. Ты вѣдь знаешь впечатлительную натуру мамы, какъ легко она переходитъ отъ гнѣва къ ласкамъ, какъ рѣзко и шумно выражаетъ свои впечатлѣнія?.. Первыя минуты она была подъ страшнымъ впечатлѣніемъ... казалось, горю ея нѣтъ границъ, но потомъ она успокоилась, и мнѣ кажется, Катя, что и горе ея было не велико, то-есть она не столько горевала за меня, сколько изъ боязни скандала... Въ этомъ сказалась ея любовь ко мнѣ! Нечего и говорить, что она изумилась не менѣе тетушки Алины, когда я объявила ей, что не выйду замужъ за отца моего будущаго ребенка, и осыпала меня упреками, узнавши, что онъ дѣлалъ мнѣ предложеніе...

— Тебѣ необходимо выйти замужъ... Необходимо за кого бы то ни было!—повторяла она, переходя отъ брани къ слезамъ:—ахъ, что̀ ты сдѣлала, что̀ ты сдѣлала?.. Какъ я скажу объ этомъ отцу?

Ты вѣдь знаешь, какъ боялась всегда мама отца? Теперь она совсѣмъ растерялась при мысли, что онъ можетъ узнать, и что гнѣвъ его обратится на меня. И въ головѣ ея возникали безчисленные проекты, какъ скрыть отъ отца мое положеніе... Въ концѣ концовъ она настаивала на необходимости выйти замужъ во что бы ни стало.

— Непремѣнно надо... непремѣнно! — твердила она. — Это единственное спасеніе...

Я слушала и сама наконецъ проникалась мыслью, что это единственное спасеніе, хоть и не совсѣмъ понимала, почему это такъ.

Она стала перебирать предполагаемыхъ жениховъ, не ду-

мая нисколько обо мнѣ въ эту минуту. Но сколько она ни перебирала, а подходящаго не оказывалось... Кто женится на «такой» дѣвушкѣ?.. И она снова начинала бранить меня. То она говорила, что увезетъ меня въ Петербургъ, и тамъ можно будетъ родить тайно отъ всѣхъ и кому-нибудь поручить ребенка, то обѣщала узнать средства избавиться отъ ребенка... Она, Катя, и это предлагала, успокаивая меня примѣрами изъ нашей семейной хроники... Вдругъ она задумалась, и на лицѣ ея показалась радостная улыбка.

— Послушай, Оля,—сказала она:—женихъ есть... Онъ непремѣнно женится...

— Кто такой?

— Конечно, партія не блестящая, — продолжала она, не слушая меня:—но развѣ послѣ того, что̀ случилось, возможно тебѣ выбирать?.. Если не хочешь выходить за того негодяя, выходи за Сашу... Онъ будетъ очень радъ. Онъ такъ любитъ тебя! Онъ проститъ твой грѣхъ!..

Она такъ добродушно и наивно высказала этотъ проектъ выдать меня за кузена и въ то же время такъ увѣрена была въ моемъ согласіи купить спасеніе насчетъ чужой любви, что я не могла даже въ то время и понять безпредѣльности всего этого добродушнаго эгоизма мамы!

Она поговоритъ съ нимъ... Онъ навѣрное согласится... Она обѣщаетъ уговорить отца.

Мой отрицательный отвѣтъ привелъ бѣдную маму въ бѣшенство. Она разразилась бранью и сказала, что слѣдовательно я «распутная дѣвка» и не жалѣю нисколько родителей... Эта тяжелая сцена совсѣмъ разстроила мои нервы; я пришла въ свою комнату, чувствуя себя совсѣмъ безпомощной...

Прошло нѣсколько дней, и мама снова принялась меня уговаривать.

— Онъ тебя любитъ! Вѣдь нельзя же не выйти замужъ?—говорила она въ слезахъ.—Еще не поздно, Ольга... Подумай.

И она терзала меня своими уговариваніями, конечно, изъ любви ко мнѣ...

— За кого угодно, только не за Сашу... Я слишкомъ уважаю его...

— Ты просто сумасшедшая!.. Кто-жъ на тебѣ женится теперь, кромѣ этого добряка?

Не зная, какъ меня убѣдить, она пригрозила, что скажетъ отцу.

— Пусть онъ узнаетъ, какова его любимица! Пусть онъ поговоритъ съ тобой, если ты не хочешь слушать матери! О, Господи! Ей предлагаютъ избавленіе отъ позора, а она...

Я просила скорѣй сказать все отцу. Мнѣ и безъ того тяжело было смотрѣть ему въ глаза.

— Если вы не скажете, я сама скажу ему! — воскликнула я въ волненіи.

Мать съ изумленіемъ посмотрѣла на меня и ласково принялась уговаривать не дѣлать этого. «Зачѣмъ его огорчать... Мы все скроемъ отъ него, если ты будешь умница!» повторяла она. Но меня возмущалъ этотъ заговоръ противъ старика. Пусть будетъ что̀ будетъ, а онъ долженъ знать правду... Я со всей силой возмущеннаго чувства протестовала противъ совѣта матери, и она кончила тѣмъ, что разразилась бранью и прогнала меня изъ комнаты.

Выходя изъ спальни въ гостиную, я замѣтила на противоположномъ концѣ эту пугавшую насъ въ дѣтствѣ высокую, сгорбленную фигуру отца. Онъ поспѣшно уходилъ. Я прибавила шагу, хотѣла догнать его, сказать ему все, но стыдъ и страхъ сковали мнѣ языкъ... Я видѣла, какъ онъ прошелъ въ кабинетъ, и ушла въ свою комнату.

Въ тотъ день онъ не обѣдалъ дома; вечеромъ не вышелъ къ чаю. Мать была смущена и вопросительно взглядывала на меня. Я по обыкновенію понесла ему стаканъ съ чаемъ, и, какъ теперь помню, стаканъ дрожалъ у меня въ рукѣ, когда я переступила порогъ этого большого кабинета... Никогда, Катя, я не забуду того печальнаго суроваго лица, которое увидала я въ полусвѣтѣ комнаты, освѣщенной лампой. Онъ точно окаменѣлъ въ своемъ старомъ вольтеровскомъ креслѣ; глаза его неподвижно смотрѣли впередъ; вся его фигура выражала глубокую скорбь; у меня тоскливо сжалось сердце, и я въ ту же минуту почувствовала, что онъ все знаетъ.

Я поставила передъ нимъ стаканъ, и только тогда онъ очнулся, взглянулъ на меня и поспѣшно отвелъ взглядъ. Я думала, что онъ сейчасъ разразится однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ припадковъ гнѣва, которые такъ пугали всѣхъ насъ, но онъ не проронилъ ни слова и еще ниже опустилъ голову. Я повернулась-было, чтобъ идти, но онъ вдругъ схватилъ меня за руку, тихо привлекъ къ себѣ и сталъ цѣловать меня. Эта неожиданная ласка, вмѣсто упрековъ, подѣйствовала ужасно. Слезы душили меня, и я разразилась рыданіями, какъ ребенокъ. А онъ все такъ же молча гладилъ своей рукой по моимъ волосамъ и по временамъ цѣловалъ мой лобъ. Онъ усадилъ возлѣ себя и сказалъ:

— Не плачь... успокойся, дѣвочка!

Я хотѣла-было просить у него прощенія, сказать ему все, но онъ какъ будто понялъ мое намѣреніе и проговорилъ:

— Не нужно, не нужно... Я знаю все, я слышалъ утромъ...

Такъ мы просидѣли нѣсколько минутъ.

— Ступай теперь, ступай!—проговорилъ онъ. — Тебѣ надо успокоиться...

Онъ опять поцѣловалъ меня, заглянулъ мнѣ въ глаза и, прощаясь со мной, прибавилъ:

— А все-таки тебѣ надо выйти замужъ!.. Мать права!.. Подумай объ этомъ!

«И онъ тоже совѣтуетъ выйти замужъ!» — думала я въ ту ночь, пріискивая въ памяти, за кого бы мнѣ въ самомъ дѣлѣ выйти замужъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора Саша торжественно сдѣлалъ мнѣ предложеніе... И какое было это странное предложеніе, Катя! Ты можешь вообразить себѣ это доброе, некрасивое лицо, эту застѣнчивую улыбку и эти неловкія движенія его длинныхъ рукъ, когда онъ пытался объяснить, что его предложеніе ни къ чему меня не обязываетъ, что я буду, разумѣется, свободна, и если меня будетъ стѣснять его присутствіе, то онъ готовъ съ удовольствіемъ «сократиться»... Онъ нисколько не будетъ на это въ претензіи, напротивъ, онъ будетъ очень счастливъ...

Я слушала съ грустнымъ чувствомъ эту добрую, наивную душу. Онъ въ самомъ дѣлѣ надѣялся на это «счастье», потому что былъ огорченъ, когда я рѣшительно отказала ему.

— Вы, значитъ, не довѣряете мнѣ? — грустно прошепталъ онъ.

Не довѣряю!? Эти любящія натуры подчасъ бываютъ жестокими эгоистами. Онъ какъ будто не понималъ, что подобнымъ предложеніемъ онъ оскорблялъ меня, предполагая во мнѣ безграничную эгоистку. Или онъ надѣялся, что со временемъ я полюблю его, привыкну, и ему не надо будетъ «сокращаться»!?

Я ему высказала, что именно оттого, что уважаю его и цѣню его чувство, я не могу выйти за него замужъ, не любя его. Прими я его предложеніе, что̀ принесу я ему, кромѣ горя?

— Вѣдь вы не согласитесь быть любимымъ изъ чувства признательности. Не правда ли?

— Но я и не прошу любви...

— А я не желаю связать васъ... Мало ли что̀ можетъ быть впереди...

Онъ грустно усмѣхнулся, какъ безнадежно-больной...

— Это ваше окончательное рѣшеніе?

— Окончательное... Благодарю васъ, дорогой мой... Но только я не приму вашей жертвы... За васъ я не выйду замужъ...

— А за другого?

— За другого выйду...

— Не любя?

— Да, по разсчету!

— О, не дѣлайте этого... Боже васъ сохрани! — воскликнулъ онъ въ какомъ-то отчаяніи.—Не слушайте этихъ опасныхъ совѣтовъ... Развѣ можно выходить замужъ не по страсти?.. Развѣ можно связать свою судьбу съ человѣкомъ, котораго не любишь?.. Да впереди у васъ будетъ не жизнь, а каторга...

Онъ увлекся и долго еще говорилъ на эту тему, и совсѣмъ забылъ, что только-что предлагалъ мнѣ то самое, противъ чего теперь возмущался. И когда я замѣтила ему это, онъ совсѣмъ, бѣдняжка, смутился...

И знаешь ли, милая Катя, какъ ни скверно мнѣ было потомъ, я никогда не раскаивалась, что не воспользовалась чужой любовью... Я знаю, мой бѣдный рыцарь и теперь готовъ переломить за меня свое копье, знаю, что его жизнь испорчена въ конецъ этой несчастной страстью, но со мной ему было бы еще хуже!..

Потянулись однообразные, скучные дни; прежняя жизнь незамѣтно вышла изъ обычной колеи, хотя ничего по наружности въ ней не измѣнилось; у насъ попрежнему собирались разъ въ недѣлю на наши журфиксы. Мы съ мамой попрежнему показывались въ обществѣ, чтобы не подать повода къ сплетнямъ,—такъ говорила мама,—и у меня не было недостатка въ поклонникахъ; въ это время на людяхъ я бывала особенно оживлена и весела, и мама нерѣдко хвалила меня за это, — но на всѣхъ домашнихъ отражался мой «позоръ» тѣмъ гнетущимъ уныніемъ, которое бываетъ въ домѣ, когда есть опасно больные. Отецъ сталъ со мной какъ-то особенно нѣженъ и ласковъ, но видимо хандрилъ; онъ ужъ не съ прежнимъ добродушнымъ хохотомъ отпускалъ свои обычныя шутки за картами, нерѣдко въ обществѣ жаловался на свое здоровье и говорилъ, что ему надо полѣчиться за границей, хотя на мой взглядъ былъ здоровъ попрежнему. Эта невинная хитрость имѣла въ виду подготовить нашъ отъѣздъ... Папа, какъ я послѣ узнала, въ то время просилъ объ отпускѣ и переводѣ его изъ насиженнаго мѣста, гдѣ всѣ его такъ любили и уважали. Мама попрежнему нервничала и перебирала жениховъ; одно время она сильно разсчитывала на начальника штаба, помнишь, Катя, этого длиннаго полковника-нѣмца, всегда аккуратнаго и любезнаго? Но этотъ полковникъ совсѣмъ неожиданно сдѣлалъ предложеніе Лизѣ Лавровой, и мама очень сердилась и на меня и на полковника... И наша славная няня

Матрена вдругъ сдѣлалась особенно серьезною, стала чаще заходить въ мою комнату. Придетъ и смотритъ, бывало, украдкой, своимъ пытливымъ, участливымъ взглядомъ... Я видѣла, что испортила жизнь всѣхъ этихъ любившихъ меня людей, которые однако изъ любви готовы были испортить мою еще болѣе...

«Послѣ того, что̀ случилось», оставался одинъ исходъ — замужество, какъ ни протестовало мое чувство противъ такого исхода. Саша, хвалившійся, что не раздѣляетъ предразсудковъ, и тотъ печально склонилъ голову, когда однажды, въ порывѣ вдругъ охватившей меня храбрости, я сказала ему, что буду жить одна со своимъ ребенкомъ. «Какъ это можно? Что̀ вы?»...

Прошелъ еще мѣсяцъ, а жениховъ не находилось... Однажды... О, я отлично помню этотъ вечеръ, Катя, славный весенній вечеръ, какіе бываютъ на югѣ. Я играла твою любимую вещь Шумана — Клейслеріану, когда отецъ позвалъ маму въ кабинетъ... Они о чемъ-то долго разговаривали, и наконецъ мама вышла изъ кабинета, подошла ко мнѣ, обняла и повела къ себѣ въ комнату. Я сейчасъ же догадалась по ея торжественно-серьезному лицу, что дѣло идетъ о найденномъ женихѣ... Мама однако прочла прежде длинное предисловіе о моемъ положеніи, о томъ, что разборчивой быть нельзя, и объявила наконецъ, что утромъ сегодня черезъ папу мнѣ сдѣлалъ предложеніе Бердяевъ—«товарищъ прокурора», прибавила она въ видѣ утѣшенія.

Это былъ самый неожиданный женихъ, какого только я себѣ могла представить. Онъ очень рѣдко бывалъ у насъ въ домѣ и былъ мнѣ антипатиченъ своими вкрадчивыми манерами и вѣчной злостью на всѣхъ и на все. Онъ казался мнѣ неглупымъ, но умъ его былъ какой-то озлобленный, ядовитый. Я почти съ нимъ не говорила и разъ слышала его въ судѣ, когда онъ обвинялъ; его рѣчь просто испугала меня, и я тогда же рѣшила, что этотъ человѣкъ, должно-быть, нехорошій... Его никто не любилъ, и всѣ держались какъ-то холодно съ нимъ... Говорили, что онъ неразборчивъ на средства... И вдругъ этотъ господинъ, совсѣмъ не знавшій меня, дѣлаетъ предложеніе? А наружность... ну, да ты знаешь, какова наружность моего супруга...

— Конечно, Оля, не такую партію желали бы мы тебѣ, но что̀ дѣлать!—сказала мама, когда у меня невольно вырвался крикъ удивленія. — Онъ умный человѣкъ и можетъ сдѣлать карьеру... Отецъ твой непрочь...

— Но онъ совсѣмъ не знаетъ меня?

— Ты ему, значитъ, нравишься...

Я обѣщала переговорить съ нимъ и тогда дать отвѣтъ.

— Смотри, Ольга, не будь разборчива. — И съ этими словами бѣдная мама обняла меня и прошептала:—пожалѣй старика-отца!

Признаюсь, я не спала эту ночь. Этотъ неожиданный женихъ внушалъ мнѣ отвращеніе. Если-бъ ты знала, Катя, какую я провела ночь и чего только ни передумала! Утромъ я была спокойна, какъ человѣкъ, принявшій рѣшеніе. Я выйду замужъ. Предстоявшее объясненіе даже интересовало меня своей странностью.

Во второмъ часу, на другой день, лакей доложилъ, что пріѣхалъ господинъ Бердяевъ. Ни отца ни матери не было дома: отецъ былъ на какомъ-то смотру, а мать нарочно уѣхала со двора, чтобы «не мѣшать намъ». Я приказала просить господина Бердяева въ гостиную и сама оставалась нѣсколько минутъ въ комнатѣ, чтобы унять внезапное волненіе, охватившее меня, несмотря на рѣшеніе. Сердце стучало, и къ глазамъ подступали слезы. Но я справилась съ собой и когда, проходя черезъ диванную, взглянула на себя въ зеркало, то увидѣла холодное, строгое и величественное лицо, точно я была сказочная принцесса, собирающаяся заключать договоръ съ отвратительнымъ принцемъ.

И этотъ отвратительный «принцъ» почтительно поклонился и сѣлъ, освѣдомляясь о моемъ здоровьѣ. Онъ былъ серьезенъ, блѣденъ и старался не смотрѣть на меня. Я ожидала, что вотъ онъ сейчасъ поведетъ одну изъ тѣхъ банальныхъ прелюдій передъ предложеніемъ, которыя, начинаясь заявленіемъ о радостяхъ семейной жизни, кончаются признаніемъ въ любви и просьбой «руки и сердца», — но вмѣсто этого онъ прямо спросилъ: передали ли мнѣ предложеніе, которое онъ имѣлъ честь сдѣлать вчера?

Въ первое мгновеніе я смутилась отъ этихъ словъ, произнесенныхъ дѣловымъ тономъ; но тотчасъ же этотъ тонъ меня успокоилъ. Я поняла, что имѣю дѣло съ неглупымъ человѣкомъ.

— Да!—отвѣтила я.

— Могу ли я надѣяться или нѣтъ?—продолжалъ онъ.

— Послушайте,—сказала я:—ваше предложеніе меня очень удивило и, прежде чѣмъ отвѣчать на него, я должна васъ предупредить...

— Что вы не чувствуете ко мнѣ никакого расположенія?—прервалъ онъ. — Я настолько уменъ, чтобы не сомнѣваться въ этомъ! — прибавилъ онъ, улыбаясь своей непріятной улыбкой.

— И вы рѣшились сдѣлать предложеніе? — проговорила наконецъ я, изумленная этимъ откровеннымъ признаніемъ.

— Какъ видите.

— Но вамъ тяжело будетъ, если я не буду отвѣчать взаимностью на ваше расположеніе ко мнѣ...

Онъ усмѣхнулся и проговорилъ:

— Я и не говорилъ о своихъ чувствахъ...

— Кромѣ того, я должна предупредить васъ...

Я остановилась, испытывая чувство отвращенія, при мысли, что я должна сказать *все* этому человѣку, и сознавала въ то же время, что я обязана это сдѣлать.

Онъ во-время прервалъ меня:

— Напрасно вы настаиваете на вашихъ предупрежденіяхъ. Повторяю, я хорошо сознаю, что я не пара вамъ, что вы не расположены ко мнѣ, и я такъ мало васъ знаю, что о любви не можетъ быть рѣчи, но все-таки дѣлаю вамъ предложеніе, взвѣсивъ всѣ обстоятельства! — прибавилъ онъ, подчеркивая послѣднія слова.

Я поняла все. За мной давали 30.000 приданаго; у отца были связи. Онъ покупалъ и то и другое. Но я рѣшилась, по крайней мѣрѣ, купить себѣ свободу за это. Онъ такъ былъ гадокъ съ своимъ цинизмомъ, такъ отвратителенъ, что я не сомнѣвалась болѣе въ своемъ будущемъ относительномъ покоѣ.

— Значитъ, вы дѣлаете мнѣ предложеніе изъ разсчета?

— Было бы глупо разувѣрять васъ въ противномъ! — отвѣтилъ онъ.—Вы слишкомъ умны.

— Я согласна,—проговорила я:—но только на извѣстныхъ условіяхъ...

Онъ молча наклонилъ голову. Я выговорила себѣ эти условія и прибавила:

— Помните, что съ вашей стороны не можетъ быть никакихъ притязаній. Я буду пользоваться полной свободой, какъ жена и какъ мать моего ребенка... И никогда вы не посмѣете говорить мнѣ о своихъ правахъ...

Онъ согласился на все. Черезъ мѣсяцъ была наша свадьба, и мы уѣхали въ Петербургъ, гдѣ мой супругъ получилъ хорошее мѣсто въ министерствѣ, благодаря письму отца... Вѣдь ты знаешь, какое честолюбіе гложетъ этого человѣка!

Какъ устроилось мое «дѣло» съ Бердяевымъ, объ этомъ, разумѣется, никто не зналъ. Къ чему было говорить! Бѣдный отецъ умеръ, увѣренный, кажется, что я «привыкла». Тогда, передъ свадьбой, старикъ часто, бывало, подолгу смотрѣлъ мнѣ въ глаза, точно хотѣлъ прочесть на моемъ лицѣ

то, что̀ было у меня на душѣ, но я старалась скрыть отъ него мое душевное настроеніе; въ сущности и отецъ и мать были довольны, что я наконецъ нашла тихую пристань послѣ всего того, что̀ случилось...

А ты? Помнишь ли, Катя, какъ ты была удивлена нашими отношеніями съ моимъ благовѣрнымъ? Ты всего не знала и, вѣрно, думала, что «бѣдный страдаетъ»... Да, онъ страдалъ, но отъ того, что женитьба на мнѣ не доставила ему тѣхъ выгодъ, на которыя онъ разсчитывалъ...

Когда родился ребенокъ, я нѣсколько успокоилась. Ты видѣла, Катя, что я всю душу отдала этому крошкѣ; но мой бѣдный мальчикъ умеръ, и единственная причина, заставлявшая меня выносить присутствіе супруга, исчезла... Но я все-таки оставалась, ради отца, я все-таки имѣла удовольствіе видѣть этого озлобленнаго человѣка за обѣдомъ и при тѣхъ рѣдкихъ гостяхъ, которые насъ посѣщали. Общество было неинтересное. Къ чести мужа надо сказать, что онъ соблюдалъ свои условія, но все-таки эта жизнь мнѣ наконецъ опротивѣла... Жить съ нимъ я больше не буду... Онъ слишкомъ отвратителенъ, этотъ человѣкъ, послѣ своей декларацiи!..

А впереди, Катя, темно... Ты знаешь, я доживаю свои послѣднія средства, а мама не можетъ удѣлять мнѣ ничего, несмотря на ея желаніе... «Что̀ дѣлать?» Этотъ вопросъ часто является передо мной... «Что̀ дѣлать?» Я понимаю, что я ни на что неспособна. Вѣдь насъ готовятъ только въ жены!

Вотъ тебѣ исторія моего брака. Надѣюсь, ты не будешь больше настаивать на нашемъ примиреніи... Я никогда больше не вернусь къ мужу, онъ можетъ быть въ этомъ увѣренъ, и угрозы его меня не пугаютъ...

Скоро буду въ Петербургѣ, и тогда мы обѣ подумаемъ насчетъ моей дальнѣйшей судьбы. Я вѣдь фаталистка и не падаю духомъ. Что-нибудь да будетъ...

Если я съ досадой вспоминаю иногда о томъ, что̀ случилось, какъ говоритъ тетушка Алина, то единственно потому, что это выбило мою жизнь изъ колеи. Вышла бы я замужъ за какого-нибудь флигель-адъютанта, была бы вѣрной женой, слыла бы образцомъ всѣхъ добродѣтелей и жила бы въ той обстановкѣ блеска и комфорта, которая меня всегда манила... А теперь?.. Вѣдь вотъ и ты боишься, милая, что я увлекусь или сдѣлаюсь кокоткой... А бѣдная мама вѣрно думаетъ, что я перемѣнила съ десятокъ любовниковъ? Ни одного не было, моя разумная совѣтница; кровь спокойно течетъ въ моихъ жилахъ, а брезгливость и «предразсудки» такъ сильны, что недавно Олюнинъ въ густой аллеѣ, вблизи того мѣста, гдѣ

сиживалъ Гёте, прочелъ мнѣ краснорѣчивую лекцію противъ предразсудковъ. Безъ шутокъ, Катя,—онъ говорилъ съ очень забавнымъ увлеченіемъ о высокомъ назначеніи женщины, этотъ сорокалѣтній Донъ-Жуанъ, поглядывая на меня самодовольнымъ, горячимъ взглядомъ. Онъ, очевидно, старался убѣдить меня, какъ лестно быть другомъ-любовницей такого извѣстнаго человѣка, какъ онъ... Въ самомъ дѣлѣ высокое назначеніе: онъ будетъ заниматься общественной дѣятельностью, обманывать жену, а я—вдохновлять его въ качествѣ любовницы?!

Передъ своимъ внезапнымъ отъѣздомъ въ Россію онъ пришелъ ко мнѣ и послѣ изліяній торжественно сталъ спрашивать, раздѣлила ли бы я его судьбу, если-бъ онъ былъ свободенъ... Успокойся за насъ обоихъ, Катя. Я не вѣрила въ искренность его признаній и серьезно замѣтила, что онъ говоритъ вздоръ. Путешествіе его успокоитъ... И если его бѣдная больная жена такъ же ревнива, какъ одна дорогая моя знакомая, то она можетъ быть совершенно покойна: я не потревожу призрака ея семейнаго счастья, если только она еще вѣритъ въ него... У Олюнина эти изліянія — просто досада избалованнаго лакомки, привыкшаго къ побѣдамъ! Мы съ нимъ разстались однако «друзьями». Онъ, кажется, бѣдный, еще ослѣпленъ надеждой тронуть мое сердце, а оно совсѣмъ заморожено, моя дорогая.

Впрочемъ, со временемъ я думаю воспользоваться моимъ новымъ другомъ; я попрошу у него мѣста, но не въ его сердцѣ, а гдѣ-нибудь въ его конторѣ... Могу-жъ я переписывать наконецъ, если мнѣ предстоитъ ужасъ работы изъ-за куска хлѣба, и если мои мечты о спокойной пристани новаго замужества не осуществятся?

Видишь, какая я странная женщина? Я не прочь теперь выйти замужъ по разсчету за человѣка, который купитъ мою красоту и за то дастъ мнѣ матеріальный покой, но быть любовницей... ни за что... Недаромъ говорятъ, что женщина соткана изъ противорѣчій... Но только найдется ли такой человѣкъ? Ахъ, есть одинъ, мой бѣдный рыцарь печальнаго образа... Онъ съ восторгомъ бы раздѣлилъ со мной свою скромную судьбу и еще болѣе скромное жалованье, но Богъ съ ней, съ этой скромной судьбой и съ этими терзаніями несчастной любви, требующей полной взаимности. Я хочу по крайней мѣрѣ покоя, если ужъ и въ самомъ дѣлѣ мнѣ не суждено испытать тревогъ увлеченія... Но прежде всего надо покончить совсѣмъ съ супругомъ.

Ну, прости за мою длинную «исторію» и не хмурь своего

хорошенькаго лба, считая меня кокеткой. Ей-Богу, я съ Олюнинымъ даже и не особенно кокетничала, да и что̀ ему кокетство?.. Онъ не юноша. Черезъ мѣсяцъ надѣюсь обнять тебя, расцѣловать дѣтокъ, пожать руку твоему хорошему мужу и выслушать отъ тебя цѣлый рядъ совѣтовъ, моя дорогая и мудрая женщина.—Твоя Ольга.

XVI.

Жена Олюнина, Вѣра Александровна,—эта молодая, изящная блондинка, о болѣзни которой такъ настойчиво предупреждалъ Олюнина докторъ,—выѣзжала мѣсяцъ тому назадъ изъ Петербурга въ деревню съ радостнымъ чувствомъ давно затаеннаго желанія. Городъ, съ его шумной жизнью, блескомъ и мишурой, въ глазахъ этой впечатлительной, нервной женщины не имѣлъ большой привлекательности. Онъ давилъ ее своими большими домами и тѣсными улицами, раздражалъ ея нервы вѣчнымъ гуломъ, напоминалъ ей на каждомъ шагу несбывшіяся мечты, будилъ воспоминанія оскорбленнаго чувства, и она, какъ птица, заключенная въ клѣтку, давно рвалась на просторъ полей, къ тишинѣ деревенской жизни съ ея прелестями, очаровавшими ее въ дѣтствѣ, бывшими потомъ предметомъ ея постоянныхъ стремленій.

Недаромъ въ ея раннихъ мечтахъ полная, счастливая жизнь рисовалась не иначе, какъ на фонѣ зеленѣющихъ полей, шумящаго лѣса, широкой рѣки, далекаго горизонта, въ постоянномъ общеніи съ природой, среди которой выросла она на берегу верховьевъ Волги, съ раннихъ лѣтъ привыкшая любить и эту рѣку, и эти поля, и этихъ придавленныхъ людей, печальная судьба которыхъ невольно возбуждала сочувствіе дѣтскаго, добраго сердца... Неясныя, неопредѣленныя мечты ея дѣтства, зарождаясь въ созерцаніи природы, невольно сливались со всей окружающей обстановкой, заставляли подолгу задумываться эту впечатлительную головку и искать уединенія. Развивавшаяся мечтательность при болѣзненной натурѣ дѣвочки немало смущали родителей, и они успокоились только тогда, когда она очень молодой дѣвушкой вышла замужъ за Олюнина, влюбленная въ него со всей силой своей привязчивой натуры.

И какъ на зло судьба сыграла съ ней злую шутку: она, привыкшая къ тишинѣ и покою деревни, должна была все время жить въ городѣ и притомъ въ обстановкѣ роскоши, суеты и блеска, не выкупавшихъ тягостей, неразлучныхъ съ такой жизнью, по крайней мѣрѣ счастіемъ взаимной привязанности; если бы не дѣти, на которыхъ она перенесла всю

силу своей любви, то вѣрно бы докторъ давно прописалъ этой женщинѣ, молчаливо таившей свое горе, деревенскій покой.

Напрасно передъ ея отъѣздомъ онъ добросовѣстно выслушивалъ ея узкую грудь и гибкую спину, напрасно постукивалъ молоточкомъ — ничего онъ не нашелъ: легкія работали правильно, сердце было въ порядкѣ, хоть и билось нѣсколько чаще, чѣмъ слѣдовало. А между тѣмъ докторъ все-таки съ какой-то серьезной внимательностью взглядывалъ на это блѣдно-матовое лицо, сквозь нѣжную кожу котораго виднѣлись извивающіяся жилки, окрашенныя всѣми оттѣнками голубого цвѣта, начиная съ яркаго и кончая нѣжнымъ, сливающимся съ бѣлизной кожи,—на эти глаза, глубокіе синіе глаза, съ какой-то тихой улыбкой посматривавшіе на доктора.

— Ну вотъ видите, докторъ... Я совсѣмъ здорова. Не правда ли? Вы только напрасно встревожили мужа...

— Легкія въ порядкѣ, сердце немного пошаливаетъ, но не особенно... А все-таки вы мнѣ не нравитесь, Вѣра Александровна... У васъ малокровіе въ самой сильной степени...

— О, деревня меня поправитъ, я знаю это!

— Но главное — избѣгайте всякихъ волненій... Боже васъ сохрани...

— Какія у меня волненія, докторъ! — проговорила Вѣра Александровна, вспыхивая подъ зоркимъ глазомъ доктора...

— Ну, мало ли бываетъ волненій?.. Дѣти, что ли, заболѣютъ... мужъ... вѣдь вы такая впечатлительная... И главное — не хандрите... Забудьте, знаете ли, въ деревнѣ всякія невеселыя мысли, если онѣ станутъ васъ безпокоить... право... Ей-Богу, не стóитъ изъ-за нихъ портить здоровья!—весело и участливо говорилъ докторъ, давно уже догадывавшійся, что его паціентку гложетъ внутренній недугъ, противъ котораго безсильны его рецепты.

— Да съ чего мнѣ хандрить! — оправдывалась Вѣра Александровна, смущаясь все болѣе и болѣе.

— А вы, барыня, не претендуйте на мои рѣчи! Вѣдь я хорошо знаю, что хандрить вамъ, собственно говоря, ничего: мужъ у васъ прекрасный, дѣтки ваши—молодцы, живете вы, слава тебѣ Господи!.. однимъ словомъ, все бы хорошо, если-бъ не ваше малокровіе... А оно легко можетъ быть причиной хандры... Ужъ вы повѣрьте доктору! Вотъ почему я и заговорилъ о ней и совѣтовалъ гнать мрачныя мысли, если онѣ будутъ надоѣдать вамъ... Чуть явятся — вы сейчасъ веселую прогулочку съ дѣтворой въ лѣсъ, что ли, или куда-нибудь на просторъ полей... А станетъ одолѣвать безсонница... Какъ она теперь? Безпокоитъ, Вѣра Александровна?

— Случается... Я, впрочемъ, вообще мало сплю.

— Это все отъ малокровія, все отъ него! — пресерьезно увѣрялъ докторъ, поглядывая на молодую женщину, успѣвшую уже оправиться отъ смущенія и слушавшую съ улыбкой шутливыя рѣчи врача.—А вы побольше пѣшкомъ ходите, да не въ одиночествѣ, а съ дѣтьми—безсонницу-то и уходите... Да спать ложитесь пораньше, а передъ сномъ двадцать капель лѣкарства — запасецъ-то его сдѣлайте здѣсь! — а какъ встанете—парного молочка, да за завтракомъ и обѣдомъ мясца, мясца побольше съ кровью... А еще, знаете ли, что̀ я вамъ пропишу?

— Развѣ всего этого мало?

— Пропишу я вамъ поменьше читать, сударыня, особенно журналы... Что̀ въ нихъ за сладость? Только раздражаютъ мысль... И то гадко, и это скверно, и все въ мрачной окраскѣ... Я вотъ читаю, мнѣ что? А вы, барыня, воздержитесь, если хотите вернуться молодцомъ... Такъ что-нибудь легонькое, глупенькое—это даже полезно... Да и музыку не мѣшало бы оставить на время...

— Но ваши совѣты жестокіе, докторъ!—засмѣялась Вѣра Александровна.

— Да вѣдь мы, врачи, и сами жестокій народъ!.. Право, жестокій, и всюду суемъ носъ... Вотъ ужъ меня разбираетъ любопытство посмотрѣть, что̀ это за книжка лежитъ у васъ на столѣ... Можно?

— Смотрите!—проговорила Вѣра Александровна, краснѣя.

— Байронъ?..—И докторъ погрозилъ пальцемъ. — Положительно онъ вреденъ при малокровіи. Вы ужъ не берите его съ собой... А это что̀ такое?..—шутилъ онъ, развертывая другой томъ, заложенный изящной закладкой.

И онъ, несмотря на ея протестующій взглядъ, сталъ читать:

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей...

— И Лермонтова оставьте здѣсь, Вѣра Александровна... Поэты плохіе доктора, ей-Богу, особенно при вашей болѣзни...

— Да вы, докторъ, серьезно воображаете у меня болѣзнь... Я безъ всякихъ лѣкарствъ вернусь изъ деревни совсѣмъ здоровою!

— Смотрите, ворочайтесь молодцомъ! Непремѣнно молод-

цомъ!—шутливо повторилъ докторъ, пожимая эту маленькую, сухую ручку въ своей широкой лапѣ.

«Одна изъ семейныхъ драмъ!»—подумалъ онъ, усаживаясь въ свои крытыя дрожки, чтобы ѣхать къ другимъ пацiентамъ.

«Какой смѣшной этотъ докторъ... Онъ всегда напугаетъ!»—говорила про себя Вѣра Александровна, когда поѣздъ уносилъ ее съ дѣтьми и англичанкой изъ Петербурга. Она и теперь чувствуетъ себя молодцомъ при одной мысли, что ѣдетъ въ деревню, гдѣ отдохнетъ отъ суеты городской жизни, будетъ одна съ дѣтьми, безъ этихъ чужихъ людей, бывавшихъ у нихъ и зимой и лѣтомъ, которые стѣсняли ее, не умѣющую быть по заказу любезной и разговорчивой, особенно подъ зоркимъ взглядомъ мужа, заставлявшимъ ее еще болѣе робѣть и бояться не сказать чего-нибудь неумѣстнаго, глупаго въ этомъ обществѣ профессоровъ, адвокатовъ и литераторовъ, посѣщавшихъ ихъ обѣды и журфиксы. Застѣнчивая и сдержанная, она еще болѣе терялась, чувствуя на себѣ почти всегда контролирующій взглядъ мужа или выслушивая его замѣчанія, подъ нѣжнымъ тономъ которыхъ ея чуткое ухо слышало косвенный выговоръ или неудовольствіе. Она совсѣмъ не умѣла быть любезной, привлекательной хозяйкой, какъ ни старалась, особенно въ первое время, когда каждое слово мужа было для нея закономъ. Нерѣдко сидѣла она цѣлый вечеръ за чайнымъ столомъ молчаливая, и потомъ вдругъ, когда какой-нибудь разговоръ очень задѣвалъ ее, она, вся взволнованная, съ подступавшей къ ея лицу краской, высказывалась съ страстной порывистостью. Всѣ умолкали и слушали эти горячіе, подчасъ наивные монологи, дышащіе искренностью чувства, съ снисходительнымъ вниманіемъ серьезныхъ людей, нѣсколько шокированныхъ этимъ экзальтированнымъ тономъ. Она вдругъ смолкала и еще болѣе конфузилась, замѣчая, что завладѣла общимъ вниманіемъ. А Олюнинъ уже давно нетерпѣливо пощипывалъ бороду и взглядывалъ на нее пристальнымъ взглядомъ. Она только сейчасъ это замѣтила и чувствовала себя виноватой.

— Послушай, Вѣра... Ты совсѣмъ не умѣешь себя держать съ людьми!—говорилъ обыкновенно послѣ вечера Олюнинъ.—То молчишь, то вдругъ какіе-то сентиментальные монологи изрекаешь... Вѣдь это смѣшно...

Она сперва пробовала оправдываться, но Олюнинъ всегда умѣлъ доказать ей, что она говоритъ глупости. Она не знаетъ ни жизни ни ея условій; она мало читала и мало думала;

всѣ смѣются надъ ея выходками. И мало-по-малу она въ самомъ дѣлѣ убѣждалась, что говоритъ глупости. Ужъ если такой умный человѣкъ, какъ мужъ, находитъ это, то, вѣрно, и въ самомъ дѣлѣ она не умна... И она дѣлалась еще застѣнчивѣй, стараясь при мужѣ никогда не высказывать своихъ «глупостей», счастливая, если онъ удостоивалъ ея поведеніе похвалы...

Но молчаніе, на которое она обрекала себя въ угоду мужа, вызывало снова замѣчанія.

— Подумаютъ, Вѣра, что ты двухъ словъ связать не умѣешь... И отучись, Бога ради, отъ этой манеры—уставиться въ глаза человѣка, когда онъ говоритъ... Вчера ты такъ смотрѣла на Спечинскаго, что за тебя совѣстно было... Вѣдь могутъ Богъ знаетъ что̀ подумать.

— Про меня?—замѣчала, вся вспыхивая, молодая женщина.

— Ну да, про тебя... Люди не ангелы.

Первое время она очень, очень страдала, что причиняетъ такъ много неудовольствія любимому человѣку. Она, по его словамъ, совсѣмъ не умѣетъ поддерживать знакомствъ, ее съ трудомъ вытащишь дѣлать визиты, она не хочетъ одѣваться какъ слѣдуетъ, она проводитъ все время въ дѣтской.

— Ты такъ сдѣлаешься дикаремъ, Вѣра... При такой жизни можно совсѣмъ опуститься...

Она недоумѣвала и спрашивала себя: «За что-жъ онъ меня любитъ?»

А Олюнинъ, замѣтивъ ея растерянный видъ, ея дрожащія на рѣсницахъ слезы, старался смягчить свои слова.

— Ты не сердись, Вѣра, что я откровенно замѣчаю твои маленькіе недостатки. Кому-жъ и сказать, какъ не мужу?.. Вѣдь между нами должна быть полная искренность. Правда?

Она соглашалась, и онъ продолжалъ:

— Ты говори мнѣ, что̀ тебѣ не нравится во мнѣ... Указывай недостатки... я буду очень радъ...

Какіе недостатки! Первое время она была ослѣплена и считала мужа образцомъ всѣхъ совершенствъ.

— Ты хорошій, но только, видишь ли... я слишкомъ проста для тебя, Володя... Въ самомъ дѣлѣ я какая-то неумѣлая... я не гожусь для такой жизни...

Онъ останавливалъ ея дальнѣйшія изліянія нѣжнымъ поцѣлуемъ и говорилъ:

— Ты только слушайся меня, Вѣра, и—повѣрь—эта твоя невыдержанность и сентиментальность пройдутъ... И обращай ты на себя, мой другъ, больше вниманія. Вѣдь ты тогда

будешь совсѣмъ красавица! Ей-Богу!—говорилъ онъ, любуясь стройной изящной фигурой и этимъ чистымъ, дѣтскимъ выраженіемъ ея синихъ глазъ.

Она стыдливо прятала свое миловидное, смущенное личико на его грудь. Изъ устъ ея невольно срывался вопросъ: «Ты любишь меня?»—Она приподнимала голову и пытливо заглядывала въ его лицо, смягченное этимъ искреннимъ выраженіемъ глубокаго чувства. Онъ уходилъ, увѣренный, что совсѣмъ успокоилъ жену.

Она давала себѣ слово непремѣнно «исправиться», какъ шутя говорилъ мужъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же быть «дикаркой» и вѣчно раздражать любимаго человѣка. И она начинала выѣзжать, старалась одѣваться какъ можно лучше, пробовала быть свѣтской хозяйкой, но эта жизнь ее тяготила. Ее тянуло къ себѣ, въ свой уголокъ, къ книгѣ, въ дѣтскую...

Прошло нѣсколько лѣтъ, и она пережила всѣ испытанія ревности, оскорбленнаго чувства. Она совсѣмъ ушла въ себя, еще болѣе запуганная, но все еще затаивавшая чувство любви къ Олюнину.

Но она начинала сомнѣваться въ «героѣ», который напечатлѣлся въ ея дѣвичьихъ мечтахъ съ тѣхъ самыхъ поръ, когда, пятнадцатилѣтней дѣвушкой, она услыхала въ первый разъ его горячія рѣчи объ идеалахъ, объ обязанностяхъ гражданина.

Онъ рисовалъ въ чудныхъ, манящихъ краскахъ новую жизнь, звалъ на борьбу, на жертвы, осмѣивалъ предразсудки, и она тогда жадно слушала его, притаивъ дыханіе, какъ слушаетъ вѣрующій ученикъ апостола... Его рѣчи находили откликъ въ ея чуткой душѣ и звучали, какъ праздничный колоколъ. Онъ жилъ тогда у нихъ въ деревнѣ учителемъ младшаго брата, и какъ очаровалъ тогда всѣхъ этотъ красивый, высокій молодой человѣкъ, исполненный такихъ благородныхъ стремленій! И старикъ-отецъ, добродушный, простоватый помѣщикъ, и мать — всѣ были отъ него въ восторгѣ; о молодежи нечего и говорить: братъ просто молился на своего учителя, особенно когда узналъ, что учитель однажды пострадалъ за правду... Только одна старшая сестра осмѣливалась по временамъ съ нимъ спорить, и онъ какъ-то шутя называлъ ее «отсталой», «замороженной въ предразсудкахъ»; всѣ смѣялись, а старикъ больше всѣхъ... О, она не будетъ сидѣть сложа руки и пользоваться чужими трудами!—говорила про себя тогда пятнадцатилѣтняя дѣвочка, повторяя слова Олюнина и наивно дивясь, какъ это сестра можетъ спорить;

противъ всего хорошаго, честнаго, что проповѣдывалъ Олюнинъ. И она вмѣстѣ съ братомъ сердилась на нее, на эту «отсталую».

Онъ уѣхалъ, и долго еще вспоминала дѣвочка объ этомъ героѣ, наполнившимъ ея мечты какимъ-то благоговѣйнымъ обожаніемъ. Она ревниво таила свое обожаніе отъ всѣхъ, какъ святыню, и не разъ въ густомъ, старомъ саду передъ свѣтлыми звѣздами, глядѣвшими сверху, она плакала, это дитя, о своемъ несовершенствѣ въ безмолвной молитвѣ, полной наивной прелести...

Прошло три года. Въ этотъ промежутокъ времени умеръ отецъ, а старшая сестра уѣхала въ Петербургъ учиться, несмотря на протесты матери. О, какъ завидовала она тогда этой счастливицѣ... Съ тѣхъ поръ она не видала сестры; сестра словно канула въ воду, изрѣдка присылая короткія письма, надъ которыми мать много плакала. На вопросы младшей дочери мать отвѣчала неохотно, говорила, что она заразилась «новыми идеями» и окончитъ скверно... А Вѣра прониклась необыкновеннымъ уваженіемъ къ сестрѣ и горевала, что та ее совсѣмъ забыла.

Имѣніе послѣ смерти отца было продано для раздѣла наслѣдства, они жили теперь въ городѣ вмѣстѣ съ матерью. Братъ, не окончивъ курса, былъ далеко, и отъ него рѣдко приходили извѣстія. Каждый разъ, когда получались отъ него короткія письма, онѣ обѣ были счастливы... Онъ былъ живъ, здоровъ и не терялъ надежды увидѣть ихъ... Вѣра только-что окончила курсъ въ гимназіи, когда однажды появился Олюнинъ у нихъ въ домѣ. Нужно ли говорить, что онъ разбудилъ старыя впечатлѣнія и вскружилъ молодую головку? Она не смѣла и мечтать, чтобы этотъ умный, благородный человѣкъ, окруженный еще раньше ореоломъ какой-то таинственности, могъ обратить вниманіе на нее, простенькую, скромную.

И когда въ одинъ вечеръ онъ спросилъ у нея, хочетъ ли она раздѣлить его судьбу, она не сразу повѣрила, подавленная силой этого неожиданнаго счастья...

Улыбаясь сквозь слезы тихой улыбкой, она робко шептала: «это правда?»

О, она постарается быть достойной его любви. Она съ радостью раздѣлитъ его судьбу, какова бы она ни была. И если онъ падетъ въ неравной борьбѣ, какъ братъ...

Онъ остановилъ ея изліянія и шутя промолвилъ:

— Зачѣмъ падать въ борьбѣ?.. Лучше жить...

Она растерялась, смущенная, остановленная въ своемъ порывѣ.

— Мы будемъ бороться, но иначе, чѣмъ вашъ братъ... Глупо безплодно губить себя... Не правда ли?

И заранѣе увѣренный, что она согласится, онъ такъ же краснорѣчиво, какъ и прежде, заговорилъ о другой борьбѣ, болѣе серьезной, чѣмъ всѣ эти «порывы», и кончилъ тѣмъ, что обнялъ свою невѣсту и шутя сказалъ:

— Не надо быть такой экзальтированной... Нельзя жить въ облакахъ.

Она слушала, очарованная, сбитая съ толку его словами. Но она вѣрила подъ впечатлѣніемъ глубокаго чувства. Развѣ можетъ онъ сказать что-нибудь нехорошее?

И мать обрадовалась, когда узнала, что Олюнинъ не собирается пасть вмѣстѣ съ «бѣдненькой дѣвочкой» въ неравной борьбѣ, а увезетъ ее въ Петербургъ, гдѣ имѣетъ видное мѣсто въ пароходномъ обществѣ. Она еще болѣе успокоилась за будущность дочери послѣ того, какъ Олюнинъ далъ ей хорошіе совѣты относительно помѣщенія капитала. «Онъ солидный человѣкъ!»—думала она, вручая ему приданое дочери...

Не разъ потомъ, отрываясь отъ книги, Вѣра Александровна сравнивала прежняго героя ея воображенія съ тѣмъ, который оказался въ дѣйствительности. Она, быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ не понимаетъ его, и ея сомнѣнія напрасны!? Недаромъ же всѣ кругомъ считаютъ его замѣчательнымъ человѣкомъ, никто не усомнится въ его честности... Онъ дѣлаетъ столько добра, онъ такъ безупреченъ въ своей дѣятельности... О немъ пишутъ въ газетахъ... «Развѣ его вина, если я не внушаю ему любви, если я не заслуживаю ея?»

И она снова пыталась найти въ мужѣ прежнія черты героя, живущаго въ ея воображеніи, но со страхомъ чувствовала, какъ протестуетъ ея сердце, какъ прежній ея герой все ниже и ниже спускался съ пьедестала, воздвигнутаго въ ея мечтательной головкѣ... Она уже не ловила съ прежнимъ благоговѣніемъ каждаго его слова, она не всегда вѣрила его рѣчамъ, и онъ, замѣтивъ это, сталъ еще холоднѣй къ ней; все чаще и чаще у него вырывались оскорбительныя замѣчанія насчетъ ея сентиментальной глупости. Когда она робко оправдывалась, онъ давилъ ее своей діалектикой, разбивалъ на всѣхъ пунктахъ и улыбался небрежной улыбкой, которая, казалось, говорила: «куда тебѣ, дурочка, понять меня!..»

Онъ снисходительно терпѣлъ ее, подавляя своимъ превосходствомъ, увѣренный въ ея покорной любви, взамѣнъ которой онъ удостоивалъ ее по временамъ ласки, и удивлялся, замѣчая ея слезы. «Развѣ она несчастлива? — спрашивалъ онъ.—На что она можетъ жаловаться?»

— О если-бъ не вы, голубчики!—говорила иногда она въ порывѣ отчаянія, прижимая къ своей груди любимыхъ дѣтей.

XVII.

Дневной жаръ начиналъ спадать. Въ отворенныя окна вагона потянуло прохладой густого лѣса, среди котораго пробѣгалъ поѣздъ, гдѣ находились Вѣра Александровна и ея спутники. Всѣ обрадовались, когда оберъ-кондукторъ объявилъ, что до мѣста, гдѣ имъ надо выходить, осталось всего двѣ станціи.

— Когда же мы пріѣдемъ?

— Въ шесть часовъ!

Наконецъ-то! Эти путешествія съ дѣтьми, которыя всякую минуту просятъ ѣсть, задаютъ вопросы, заставляютъ вскрикивать отъ испуга при видѣ маленькихъ туловищъ, перекинувшихся за окна,—въ концѣ концовъ дѣлаются утомительны, и Вѣра Александровна въ эти двое сутокъ безостановочной ѣзды порядочно-таки устала.

Два мальчика, одинъ десяти, другой шести лѣтъ, оба крѣпкіе, румяные, миловидные, похожіе на отца, шумно выразили свою радость при этомъ извѣстіи и снова приставали къ матери съ разспросами: далеко ли отъ станціи до деревни, на чемъ они поѣдутъ, какая деревня, и т. д. И Вѣра Александровна съ тѣмъ изумительнымъ терпѣніемъ, на которое только способны матери, въ сотый разъ отвѣчала дѣтямъ, улыбаясь имъ обворожительной мягкой улыбкой:

— Я въ первый разъ ѣду въ эту деревню, дѣти. Я вѣдь вамъ говорила.

— Но ты знаешь—садъ есть?

— Есть.

— И большой?

— Большой...

— Ахъ, скорѣе бы пріѣхать... Мама, дай мнѣ бутербродъ!..

Миссъ Джонстонъ, миловидная, молоденькая англичанка, выдержанная и терпѣливая, и та даже дивилась этому спокойствію Олюниной: она считала, что воспитаніе маленькихъ мальчиковъ идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Впрочемъ, она не высказывала этого вслухъ, тѣмъ болѣе, что питала къ Вѣрѣ Александровнѣ большое уваженіе и называла ее въ письмахъ къ жениху не иначе, какъ «quitte lady». Вѣроятно, въ знакъ этого довѣрія, она теперь, въ первый разъ послѣ двухлѣтняго пребыванія въ домѣ у Олюниныхъ, только-что начала разсказывать вполголоса, чтобы не слышали дѣти, стоявшія у окна,—почему она рѣшилась пріѣхать въ Россію «искать счастія».

Она въ Англіи могла бы жить спокойно у своихъ родителей, но она встрѣтилась съ человѣкомъ, который заставилъ ее покинуть родительскій кровъ.

— Мы дали другъ другу слово, но онъ и я бѣдны и потому рѣшили разстаться, чтобы прежде пріобрѣсти кое-какія средства на приданое... Онъ уѣхалъ въ Канаду, гдѣ ему предложили хорошее жалованье, а я—въ Россію...

— И долго вы будете жить такъ въ разлукѣ?

— Все зависитъ отъ того, какъ скоро мы сдѣлаемъ сбереженія... Онъ пишетъ, что уже скопилъ 338 фунтовъ... У меня тоже скоплено сто!—прибавила она, улыбаясь.

— Но если вамъ придется слишкомъ долго ждать?..

— Что дѣлать? Нельзя же жениться съ пустыми руками... Впрочемъ, я думаю, что черезъ пять лѣтъ мы женимся... Къ этому времени, если ничего не случится, у насъ у обоихъ будетъ двѣ тысячи фунтовъ...

— И вы не боитесь, что при долгой разлукѣ могутъ быть...

Она не досказала, испугавшись сама своей неделикатности.

— Мы дали другъ другу слово! — отвѣтила молоденькая англичанка съ такимъ выраженіемъ, будто бы послѣ того, какъ они дали другъ другу слово, уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

«Счастливые люди! Какъ у нихъ все это просто! Какая увѣренность другъ въ другѣ и терпѣніе!» — думаетъ Вѣра Александровна и невольно вспоминаетъ англійскіе романы, въ которыхъ часто описывается такая заглазная вѣрность двухъ любящихъ сердецъ, разлученныхъ на долгіе годы заботами о приличномъ приданомъ. И она съ большимъ удивленіемъ взглядывала теперь, послѣ признанія, на эту рѣшительную, энергичную дѣвушку, припоминая, какъ добросовѣстно и усердно исполняла она свои обязанности, всегда ровная съ дѣтьми, спокойная, рѣдко обнаруживавшая какое-нибудь волненіе или горе.

И оказывается, что она въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ!

— Но вы все-таки должны, я думаю, очень скучать, миссъ Лючія?—спросила Вѣра Александровна.

— Нѣтъ, мы умѣемъ терпѣливо ждать своего счастія. Да и пять лѣтъ недолгій срокъ. Намъ осталось ждать два года и десять мѣсяцевъ. Мнѣ будетъ тогда двадцать пять, а моему кузену тридцать пять лѣтъ... О, онъ очень хорошій человѣкъ! — прибавила она краснѣя:—изъ него выйдетъ хорошій отецъ... Угодно вамъ взглянуть на фотографію?

Съ этими словами она сняла съ шеи серебряный овальный

медальонъ на бархатной ленточкѣ и, открывъ его, подала Вѣрѣ Александровнѣ.

Самое обыкновенное англійское лицо съ бакенбардами до середины щекъ, не особенно красивое и выразительное, но энергичное, упрямое, съ плотно сжатыми губами, которыя, казалось, свидѣтельствовали, что въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ будутъ чужды для какого-нибудь невѣрнаго поцѣлуя.

Вѣра Александровна похвалила физіономію жениха миссъ Джонстонъ, и лицо молоденькой дѣвушки засіяло нѣжнымъ выраженіемъ счастливой привязанности.

— Не правда ли, благородное лицо? — наивно похвалила она.—Это онъ для меня снимался; за недѣлю до нашего отъѣзда мы обмѣнялись фотографіями. И мы уѣхали изъ Ливерпуля въ одинъ день; онъ на пароходѣ, я по желѣзной дорогѣ, обѣщая писать другъ другу разъ въ недѣлю... Чаще — дорого!..—прибавила она какъ бы въ оправданіе, что они не пишутъ другъ другу каждый день.

Молодая женщина не безъ зависти слушала эти наивныя признанія влюбленнаго сердца; какая-то тупая боль сжала ея сердце, она закрыла глаза и притихла.

— Мама, мамочка! Станція! Остается еще одна, послѣдняя!—кричитъ старшій мальчуганъ, отворачиваясь отъ окна.

Вѣра Александровна вздрагиваетъ, улыбается на дѣтскій крикъ и, замѣтивъ, что сынъ перегнулся въ окно, тревожно вскрикиваетъ:

— Коля! Коля! Вѣдь я просила!.. Не высовывайся!

— Ничего, мама, не бойся!

— Мало ли что̀ можетъ случиться! Коля! Коля!..—уговариваетъ Вѣра Александровна.

— Никсъ, отойдите отъ окна!—говоритъ по-англійски молодая дѣвушка.

— Значитъ, ты не любишь мать. Тебѣ хочется меня пугать, Коля? Коля, голубчикъ!—кричитъ Вѣра Александровна.

Вслѣдъ за этими словами краснощекій, сіяющій мальчикъ со смѣхомъ бѣжитъ къ матери, бросается къ ней на шею, цѣлуетъ ее и смотритъ ей въ лицо съ такимъ блаженнымъ выраженіемъ обожанія, что мать невольно крѣпче сжимаетъ его въ объятіяхъ, и тихое, радостное чувство любви охватываетъ ее всю, оживляя ея блѣдное лицо и отгоняя далеко невеселыя мысли, навѣянныя признаніемъ молодой дѣвушки.

Увидавъ старшаго брата въ объятіяхъ матери, и другой, маленькій карапузикъ, занятый своимъ бутербродомъ, тихо сползаетъ съ дивана и съ серьезнымъ видомъ лѣзетъ къ матери

на колѣни, считая ихъ по праву своимъ настоящимъ мѣстомъ, и тоже цѣлуетъ мать...

— Я больше Коли тебя люблю, мама!—говоритъ онъ, картавя, съ комично-серьезнымъ выраженіемъ.

— Ахъ вы, милые мои!.. — шепчетъ въ восторгѣ мать. — Ну, пустите меня; пора собираться. Скоро пріѣдемъ.

И Вѣра Александровна съ миссъ Джонстонъ начинаютъ укладывать всѣ эти безчисленные предметы, разбросанные въ вагонѣ и составляющіе обычную принадлежность путешествій съ дѣтьми: надо убрать подушки въ узлы, привести въ порядокъ саквояжи, корзинки съ провизіей. Чего-чего только ни было во всѣхъ этихъ коробкахъ и саквояжахъ!

Нетерпѣніе охватываетъ мальчиковъ сильнѣй и сильнѣй по мѣрѣ приближенія поѣзда къ послѣдней станціи. Все убрано, и миссъ Джонстонъ, озираясь кругомъ, находитъ еще въ щели дивана дѣтскій платокъ и засовываетъ его въ узелъ. Раздается свистокъ; поѣздъ наконецъ приближается къ станціи, и Вѣра Александровна въ волненіи шепчетъ:

— Осторожнѣе, дѣти, изъ вагона... Миссъ Джонстонъ, пожалуйста.

— Будьте покойны!—улыбается англичанка, удивляясь такой боязливой опекѣ надъ дѣтьми.

Ихъ встрѣтилъ управляющій — Ефремъ Ивановичъ, тотъ самый Ефремъ Ивановичъ, котораго Вѣра Александровна знала давно: сперва бойкимъ расторопнымъ пристанскимъ приказчикомъ, каждый день являвшимся къ мужу, когда Олюнинъ управлялъ пароходствомъ на Волгѣ, потомъ въ Петербургѣ, гдѣ Ефремъ Ивановичъ состоялъ при конторѣ и исполнялъ всевозможныя порученія, всегда усердный, улыбающійся, не жалѣвшій ногъ, толковый, годный на всѣ руки, какъ говорилъ Олюнинъ про этого расторопнаго малаго, постепенно сдѣлавшагося изъ Ефремки, Ефрема и Притыкина — Ефремомъ Ивановичемъ.

Это былъ молодой еще человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать или тридцать пять, худощавый, подвижной, постоянно весело скалившій блестящіе зубы, съ загорѣвшимъ лицомъ, покрытымъ крупными веснушками, и большимъ, книзу загнутымъ носомъ, напоминающимъ птичій клювъ; онъ былъ франтовато одѣтъ въ черный сюртукъ, изъ-подъ котораго виднѣлись жилетка съ извивающейся черезъ шею золотой цѣпью, подаренной Олюнинымъ, въ пуховой шляпѣ на темнорусыхъ, сильно напомаженныхъ кудряхъ, въ блестящихъ сапогахъ и съ перстнями на рукахъ.

Онъ еще на ходу поѣзда встрѣтилъ Олюниныхъ, поздравляя

Вѣру Александровну съ благополучнымъ пріѣздомъ, помогъ ей выйти изъ вагона, перенесъ на рукахъ меньшого сына, съ шикомъ раскланялся съ гувернанткой, сбѣгалъ присмотрѣть за багажомъ, отыскалъ горничную, замѣшкавшуюся въ вагонѣ третьяго класса, и теперь докладывалъ Вѣрѣ Александровнѣ, что сейчасъ будетъ все готово,—только уложить вещи въ экипажъ. И онъ опять побѣжалъ на конецъ платформы и черезъ минуту снова возвратился.

— Вы такъ безпокоитесь, Ефремъ Ивановичъ, — сказала Олюнина, видя, какъ онъ летаетъ по платформѣ, распоряжаясь словно у себя дома.

— Помилуйте-съ, Вѣра Александровна, это, можно сказать, мой священный долгъ!..—говорилъ Ефремъ Ивановичъ, имѣвшій слабость выражаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣсколько вычурно:—ни малѣйшаго безпокойства... Можетъ-быть, угодно будетъ оправиться послѣ пути?.. Тутъ есть весьма приличная комната-съ для дамъ...

— Нѣтъ, благодарю васъ... не нужно.

— А какъ изволятъ быть теперь въ своемъ здоровьѣ Владиміръ Николаевичъ? Сюда до нашихъ глухихъ мѣстовъ дошла непріятная вѣсть, будто, по разстройству здоровья, они отправились въ заграничный вояжъ?.. Климатъ помогаетъ-съ?

— Да, Владиміръ Николаевичъ поправляется.

— Сюда изволятъ пожаловать?

— Не знаю еще.

— И какія же у васъ, Вѣра Александровна, дѣточки-то славныя выросли!—воскликнулъ Ефремъ Ивановичъ, внезапно восторгаясь. — Я Николая Владиміровича сейчасъ призналъ, а вотъ-съ Михаила Владиміровича не имѣлъ чести видѣть... Красавчики... Писаные красавчики! Для нихъ-съ и гимнастика устроена-съ, какъ было писано; для Николая Владиміровича лошадка-съ куплена подходящая по росту. Да вотъ все изволите сами увидать. Пожалуйте-съ... Готово! — проговорилъ онъ и, провожая Вѣру Александровну, на ходу продолжалъ:

— А мы васъ и въ прошломъ году ждали-съ... Воздухъ здѣсь одна прелесть!..

— Нельзя было, Ефремъ Ивановичъ. Я и сама хотѣла... А вы какъ живете, вѣдь вы теперь женатый человѣкъ?

— Имѣлъ честь-съ вступить въ законный бракъ, о чемъ докладывалъ своевременно Владиміру Николаевичу, съ дочерью одного здѣшняго негоціанта... Недавно-съ Господь увѣнчалъ нашъ бракъ ребенкомъ-съ!

У крыльца стояла большая четырехмѣстная коляска, запря-

женная четверкой лошадей. Кучеръ сидѣлъ на козлахъ безъ шапки. Вѣра Александровна поклонилась ему и смущенно замѣтила, чтобы онъ накрылся. Ефремъ Ивановичъ, въ свою очередь, замахалъ ему рукой, усаживая другой Вѣру Александровну, миссъ Джонстонъ и дѣтей. Горничную, старую, некрасивую, сухопарую дѣвушку, давно служившую у Вѣры Александровны, онъ тоже подсадилъ, слегка придерживая за локоть.

— Пошелъ, Егоръ. Да смотри, по мосту осторожнѣй!— скомандовалъ онъ, захлопнувъ дверцы.

— А вы, Ефремъ Ивановичъ? Садитесь сюда, мѣсто будетъ.

— Не извольте безпокоиться... Я на бѣговыхъ дрожкахъ... впередъ-съ.

Коляска покатилась по мягкому проселку, пролегающему между высоко поднявшимися колосьями зеленѣющей ржи; въ воздухѣ разливалась пріятная прохлада замирающаго лѣтняго дня; блестящее солнце склонялось къ горизонту, но уже не жгло своими лучами, окрашивая пурпурнымъ цвѣтомъ раскинувшіяся впереди зеленыя поля и синеву дальняго лѣса. Направо виднѣлась деревня и потянулся тонкой струйкой дымокъ, исчезавшій въ прозрачной атмосферѣ.

— Что̀ за прелесть!—шептала Вѣра Александровна.—Не правда ли, дѣти? Нравится вамъ наша природа, миссъ Лючія?.. Аннушка!—обратилась она къ горничной.—Вѣдь хорошо?

— Very beautiful, indeed!

— Что̀ и говорить, барыня! Точно въ рай въѣхали послѣ Петербурга!

Она и не слыхала отвѣтовъ, увѣренная, что на всякаго человѣка природа должна дѣйствовать такъ же, какъ и на нее: возвышающимъ, умиротворяющимъ образомъ. Умиленная, счастливая, любовалась она этимъ скромно-прелестнымъ, давно желаннымъ ландшафтомъ средней полосы Россіи, напоминавшимъ ей счастливо проведенное дѣтство...

И оба мальчика вдругъ присмирѣли при видѣ такого восторженнаго настроенія матери, но ненадолго. Младшій, которому надоѣло сидѣть молча, воскликнулъ, указывая пальцемъ впередъ на небольшую деревушку съ покосившимися избами, стоявшую среди поля:

— Это наша деревня, мама?..

— Нѣтъ, милый.

— Какая она гадкая!.. Черная такая!..

— Да, Миша, некрасивая деревня.

— Тамъ мужики живутъ?

— Мужики.

— Я не люблю мужиковъ, мама... Они такіе грязные!..

Ефремъ Ивановичъ то и дѣло оборачивался назадъ и улыбался, хотя его улыбки никто и не замѣчалъ. Наконецъ, когда коляска проѣхала мостъ, перекинутый черезъ балку, повернула влѣво, и за поворотомъ показалось большое село и усадьба,—онъ стегнулъ свою лошадь и помчался впередъ.

— Вотъ, вотъ наша деревня. Правда, кучеръ?.. Это Дубровки?—спрашивалъ Коля, привставая съ сидѣнья.

— Точно такъ, баринъ, Дубровки!—отвѣчалъ кучеръ.

И всѣ увидѣли фасадъ большого стариннаго бѣлаго дома съ башнями, окруженный съ трехъ сторонъ густымъ садомъ, за которымъ чернѣлъ на далекое пространство лѣсъ. Кучеръ погналъ лошадей, и скоро коляска въѣхала въ каменныя ворота, на широкій круглый дворъ, обнесенный заборомъ и постройками; объѣхавъ вокругъ зеленаго луга посрединѣ, коляска остановилась у крыльца стариннаго барскаго дома.

Ефремъ Ивановичъ уже отворялъ дверцы и помахивалъ головой небольшой толпѣ мужиковъ и бабъ, стоявшихъ поодаль. Только-что Вѣра Александровна вышла изъ коляски, какъ увидала разряженную толпу, впереди которой шелъ толстый старикъ съ хлѣбомъ-солью...

Смущенная и растерянная отъ этой неожиданной встрѣчи, она выслушала привѣтствіе старика, кланялась на поклоны мужиковъ и бабъ и поспѣшила скрыться въ домъ, сопровождаемая Ефремомъ Ивановичемъ, который устроилъ эту торжественную встрѣчу, посуливъ угощеніе, и самъ былъ ею доволенъ гораздо болѣе, чѣмъ виновница этого торжества.

Въ передней Вѣру Александровну ждалъ другой сюрпризъ.

Высокая, дебелая, круглолицая, миловидная женщина съ широкой грудью, непомѣрно стянутою орѣховаго цвѣта шелковымъ платьемъ, торжественно улыбаясь, стояла съ подносомъ въ пухлыхъ рукахъ, блестѣвшихъ кольцами. При входѣ Олюниныхъ она зашуршала своимъ платьемъ, поднесла сладкій пирогъ, который тутъ же во-время отнялъ изъ ея рукъ Ефремъ Ивановичъ, и проговорила:

— Прошу удостоить... Издѣліе рукъ своихъ... Очень обрадованы пріѣздомъ...

— Моя супруга!—подсказалъ Ефремъ Ивановичъ.

— Очень рада познакомиться... Какъ вамъ не стыдно такъ встрѣчать меня?..—проговорила Олюнина, совсѣмъ растерявшаяся, обнимаясь и цѣлуясь съ супругой Ефрема Ивановича и стыдливо оглядываясь на миссъ Джонстонъ, которая съ

серьезнымъ и торжественнымъ вниманіемъ наблюдала всѣ эти сцены встрѣчи.

— Помилуйте, Вѣра Александровна... Послѣ всего, чѣмъ обязанъ Ефремъ Ивановичъ... И наконецъ вы, какъ пріѣзжіе...

— Что̀ вы, что̀ вы!.. — конфузилась Вѣра Александровна, рѣшительно не зная, что̀ сказать.—Да что-жъ мы тутъ стоимъ!—улыбнулась она.—Пойдемте въ комнаты... Какъ зовутъ вашу супругу, Ефремъ Ивановичъ?

— Аграфена Андреевна...

— Милости просимъ, Аграфена Андреевна...

Но недаромъ Ефремъ Ивановичъ былъ «на всѣ руки». Съ сообразительностью придворнаго, онъ махнулъ женѣ, и та стала прощаться.

— Ужъ если вы позволите, такъ она явится завтра поздравить васъ съ пріѣздомъ, а теперь послѣ путешествія вамъ и отдохнуть надо... Пожалуйте-съ...

Онъ провелъ Вѣру Александровну въ комнаты, сіявшія чистотой и порядкомъ, и затѣмъ на балконъ, заставленный цвѣтами, выходившій въ густой садъ, выметенный, вычищенный, съ блестящими цвѣтниками...

Дѣти съ крикомъ побѣжали впередъ къ гимнастикѣ, устроенной въ сторонѣ въ огороженномъ пространствѣ, усыпанномъ краснымъ пескомъ...

— Какъ хорошо здѣсь!.. Какой вы заботливый, Ефремъ Ивановичъ...

— Моя, можно сказать, священная обязанность!—говорилъ улыбаясь Ефремъ Ивановичъ.—Если изволите приказать кушать, то обѣдъ готовъ-съ... Не угодно ли пройти въ столовую.

Въ столовой былъ накрытъ столъ, и по серединѣ стояли букеты.

— А насчетъ прислуги, какъ вамъ будетъ угодно-съ. Повара я нанялъ, женщина-съ для стирки тутъ есть, а ежели лакей, то безъ васъ не осмѣливался... Затѣмъ позвольте пожелать вамъ всего хорошаго, Вѣра Александровна... Если что̀ угодно будетъ приказать—я вѣдь тутъ, по близости, во флигелькѣ помѣщаюсь.

— Благодарю васъ, Ефремъ Ивановичъ.

Онъ исчезъ. Она спустилась въ садъ, осматривала его густыя и темныя аллеи, заглядывала въ бесѣдки.

«Славно тутъ будетъ жить!»—думалось ей. Она радостно вздохнула.

— Дѣти, дѣти, гдѣ вы?

— Тутъ, мама...

И съ веселымъ крикомъ они подбѣжали къ ней.

— Нравится вамъ здѣсь?

— О, еще бы...

— Ну, теперь пойдемте обѣдать, а затѣмъ вамъ надо хорошенько выспаться. Завтра всѣ мѣста осмотримъ. Черезъ недѣлю бабушка пріѣдетъ, и вы должны все ей показать.

Дѣти давно уже спали, а Вѣра Александровна, возбужденная путешествіемъ и новыми впечатлѣніями, долго еще сидѣла у раскрытаго окна, восторженно поглядывая въ садъ, сіявшій серебристымъ, таинственнымъ свѣтомъ луны. Кругомъ была тишина, изрѣдка нарушаемая тихимъ говоромъ гдѣ-то невдалекѣ.

— Ложитесь-ка спать, барыня! — проговорила вошедшая горничная.

— Ахъ, какъ вы меня испугали, Аннушка!—промолвила Олюнина, вздрагивая.—Въ самомъ дѣлѣ уже поздно... Я сейчасъ лягу... Мнѣ ничего не нужно.

Она раздѣлась и, накинувъ капотъ, прошла въ сосѣднюю комнату, гдѣ спали дѣти, поцѣловала ихъ и на цыпочкахъ, боясь ихъ потревожить, вернулась къ себѣ и легла въ постель. Только теперь почувствовала она изнеможеніе и слабость и вспомнила съ улыбкой о капляхъ, прописанныхъ докторомъ.

Въ это время кучеръ Егоръ, расположившійся на сѣновалѣ, разсказалъ рядомъ лежавшему работнику, вернувшемуся изъ деревни, какъ Ефремъ Ивановичъ «облещивалъ» барыню.

— И на станціи-то, собака, егозилъ... и мужиковъ нагналъ встрѣчать ее и Аграфену Андреевну свою спроворилъ...

— Ишь ты!

— Онъ облеститъ ее, злодѣй... Баринъ такъ и не узнаетъ, что̀ творитъ здѣсь анаѳема... Ономнясь еще какую механику выдумалъ съ Панкратовыми...

— Ловокъ!..

— Бога въ немъ нѣтъ... Ловокъ!—сердился Егоръ.—А я ей черезъ ейную горничную скажу... Пущай узнаетъ всѣ его дѣла и самому отпишетъ...

— Она, поди, и слушать не станетъ. Ей что̀?.. Да и онъ-то...

— Нѣтъ, не говори. Изъ себя она быдто жалостливая и робенькая... Только и худая-жъ, я тебѣ скажу... вся какъ восковая...

— Харчъ, видно, въ Питерѣ у нихъ худой!—скептически засмѣялся работникъ и зѣвнулъ.

— Должно... жалостливая!—повторялъ Егоръ и, увидавъ, что работникъ не откликается, повернулся и скоро заснулъ.

XVIII.

— Опять ты взволнована, Вѣрочка?.. Охота тебѣ ходить туда... Мало ли чего тебѣ ни наскажутъ? Тоже и имъ нельзя вѣрить во всемъ.

Такъ однажды утромъ, недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда Олониныхъ въ деревню, говорила ея мать, небольшого роста старушка, откладывая въ сторону вязанье и съ тревожнымъ изумленіемъ посматривая на взволнованное лицо Вѣры Александровны, поднимавшейся на ступени балкона.

Въ пріятныхъ чертахъ старческаго, морщинистаго лица, въ маленькой, какъ будто сгорбленной фигурѣ, въ пугливомъ выраженіи этихъ добрыхъ, выцвѣтшихъ глазъ, лежалъ отпечатокъ безхарактерности, безпомощности и придавленности, какъ у людей, испытавшихъ въ жизни немало страданій и не отличающихся сильнымъ характеромъ.

— Ну, что̀ еще тебѣ насказали?—продолжала она, когда Вѣра Александровна опустилась на стулъ и сняла шляпку:—навѣрное ты все преувеличиваешь, Вѣрочка?

— Но вѣдь это ужасно... Это Богъ знаетъ что̀ такое!—говорила Олонина, какъ будто отвѣчая на свои мысли.

— Ну вотъ, ты всегда: «ужасно, ужасно!»... И охота тебѣ въ деревню ходить... Мало тебѣ дома заботы... Что-жъ такого узнала ты ужаснаго, Вѣрочка?

— Да какъ же... Ихъ грабитъ этотъ Ефремъ Ивановичъ, а Владиміръ ничего не знаетъ, что̀ здѣсь дѣлается... Если-бъ ты знала, мама, какая бѣдность, какія страданія! И всѣ здѣсь боятся этого Ефрема Ивановича... Вѣдь могутъ подумать, что все дѣлается съ согласія мужа... Я только-что узнала, что за три дня до моего пріѣзда здѣсь была возмутительная исторія... И все этотъ Ефремъ Ивановичъ... Говорятъ, онъ какой-то ужасный контрактъ заключилъ съ ними!—прибавила наивно молодая женщина, не думавшая, что деревня покажетъ ей такія мрачныя стороны.

— Ахъ, Вѣра, Вѣра!..—покачала головой старушка.—Къ чему ты ходишь туда?.. Къ чему ты слушаешь всѣ эти разсказы?.. Ну, конечно, у нихъ не Богъ знаетъ какія радости... Все это всегда было и будетъ, я думаю... Конечно, жаль, но что̀ дѣлать...

— Надо написать Владиміру... Онъ смѣнитъ Ефрема Ива-

новича. Я никакъ не думала, чтобы онъ былъ такой. Я сегодня же напишу мужу...

— Не совѣтую, мой другъ. Только мужа взволнуешь, а онъ лѣчится... И, пожалуй, разсердится, что ты мѣшаешься не въ свои дѣла, Вѣрочка... Вѣдь онъ не просилъ тебя объ этомъ...

— Ахъ, мама, что̀ ты говоришь!? Какъ тебѣ не стыдно... Онъ будетъ радъ, если я открою ему глаза... Онъ такой добрый... Онъ столько дѣлаетъ добра... Да вотъ еще вчера... Ты развѣ не читала газетъ?

— А что?

— Тамъ про мужа пишутъ...

Она торопливо ушла съ балкона, черезъ минуту вернулась съ газетой и прочитала матери извѣстіе, въ которомъ «спѣшили сообщить о крупномъ пожертвованіи Олюнина въ пользу новаго благотворительнаго общества, устраиваемаго по иниціативѣ одного высокопоставленнаго лица».

— Ты видишь... Володя никогда не жалѣетъ на доброе дѣло... Такъ развѣ онъ станетъ сердиться, если я ему открою глаза на Ефрема Ивановича?... Онъ просто обманулся въ немъ.

— Ну, ну... дѣлай, какъ знаешь... Я такъ только... Нечего-то мужа защищать... Я сама знаю, какой онъ добрый... Мнѣ, старухѣ, всегда оказывалъ вниманіе... Еще недавно...

— Полно, мама... Какое тамъ вниманіе!—остановила Вѣра Александровна и вдругъ смутилась.

По обыкновенію веселый и улыбающійся, на балконъ вошелъ Ефремъ Ивановичъ.

— Собираюсь нынче въ городъ-съ, Вѣра Александровна, для закупокъ по хозяйству,—почтительно докладывалъ Ефремъ Ивановичъ, снимая шляпу и останавливаясь у дверей. — Не будетъ ли какихъ приказаній?..

— Мнѣ ничего не надо... Письма только возьмите, пожалуйста, съ почты, если есть. Быть-можетъ, у тебя будутъ, мама, порученія?..

— Мнѣ бы нужно шелку купить, да я боюсь: Ефремъ Ивановичъ не понимаетъ въ этомъ толку! — замѣтила старушка.

— Не извольте безпокоиться... Поймемъ-съ! — засмѣялся Ефремъ Ивановичъ. — Только извольте приказать насчетъ цвѣта... Постараюсь оправдать довѣріе...

Вѣра Александровна все время сидѣла какъ на иголкахъ. Онъ постоянно оказывалъ столько вниманія ей и дѣтямъ—особенно дѣтямъ—этотъ Ефремъ Ивановичъ! Несмотря на ея протесты, онъ такъ старался и, казалось, совершенно без-

корыстно, угодить имъ всѣмъ, придумывая всегда разныя забавы для дѣтей, что теперь, при видѣ этого человѣка, о которомъ хотѣла писать мужу, Олюнина чувствовала себя совсѣмъ неловко. И она наивно удивлялась, какъ это онъ, совершавшій такія ужасныя дѣла, вотъ теперь стоялъ, выслушивая указанія матери насчетъ порученія, такой же, какъ и всегда, внимательный, добродушно улыбающійся, нисколько не смущенный.

Ефремъ Ивановичъ давно уже замѣтилъ, что Вѣра Александровна перемѣнилась къ нему и сдѣлалась куда холоднѣе, чѣмъ была прежде, но съ опытностью завзятаго дипломата онъ не показывалъ и вида, что замѣчаетъ перемѣну, и попрежнему лѣзъ изъ кожи, чтобы какъ-нибудь да угодить ей и въ особенности дѣтямъ... То онъ приносилъ имъ какія-нибудь забавныя игрушки, то звалъ старшаго сына удить рыбу, то докладывалъ, что поспѣваетъ ягода, и, по его указанію, устраивалась веселая прогулка, словомъ — онъ, какъ и вначалѣ, старался заслужить расположеніе Вѣры Александровны. Зналъ онъ, что она «путается не въ свое дѣло», и что къ ней ходятъ на него жаловаться,—за что ужъ многимъ досталось отъ него,—но онъ все-таки никогда не начиналъ разговора, точно не зналъ ничего, и только иногда бесѣдовалъ по этому поводу со своей Аграфеной Андреевной.

— Всѣмъ хороша супруга Владиміра Николаевича, только основательности въ ней нѣтъ... Владиміръ Николаевичъ — тотъ орелъ... орелъ настоящій! — восклицалъ Ефремъ Ивановичъ, питая къ Олюнину особенное почтеніе, съ чувствомъ нѣкоторой привязанности.—Выдумала вотъ по мужикамъ ходить... разспрашиваетъ... Тѣ подлецы мелютъ ей, а она...—И Ефремъ Иванычъ весело смѣялся.

— Намедни, — улыбается Аграфена Андреевна: — спрашиваетъ у Егора, кто кабаки держитъ...

— А Егоръ что̀?

— Ефремъ Иванычъ, говоритъ... И что̀ у ней за любопытство такое?..

— Тронутая!..—сказалъ Ефремъ Иванычъ.

— Въ умѣ?—спросила Аграфена Андреевна и вдругъ раскатилась. При этомъ все ея пышное, рыхлое тѣло задрожало подъ ситцевой блузой.

— Эка тебя... — улыбнулся мужъ, любуясь своей женой. — Писаная...

— Не то что барыня эта петербургская?—кокетливо охорашиваясь, замѣтила Аграфена Андреевна. — Видно, богатство не въ прокъ ей... Такъ, говоришь, тронутая... въ умѣ?..

— Нѣтъ, Груша, онъ, умъ-то, въ ей, можетъ, и есть, но тронута она не умомъ, а понятіемъ...

— Мудрено ты говоришь...

— Нигилизмомъ тронутая... понимаешь?.. Въ Петербургѣ много этого бунту самаго!—серьезно сказалъ Ефремъ Ивановичъ.—Она и путается. Владиміру-то Николаевичу по дѣламъ и некогда за ней присмотрѣть...

— И за что онъ ее любитъ только?.. Кости однѣ...

— Онъ и за такими, какъ ты, не прочь!—засмѣялся Ефремъ Ивановичъ.—Ходокъ онъ по женской части; а всячески она законная ему жена... Надо уважить.

Обыкновенно разговоръ между ними кончался самымъ искреннимъ соболѣзнованіемъ объ этой «нескладной» дамѣ, и Ефремъ Ивановичъ, словно бы въ защиту Владиміра Николаевича, утверждалъ, что прежде она была не такая...

— И изъ себя круглѣе... Красивая была дама...

— Это все Аннушка ей сплетничаетъ! — вставляла Аграфена Андреевна...

— И она тронута...

— Ха-ха-ха... Этимъ самымъ, небось?..—хохотала молодая женщина раскатистымъ смѣхомъ.

Ефремъ Ивановичъ еще разъ завѣрилъ старушку, что «оправдаетъ ея довѣріе», и собирался-было «не безпокоить болѣе своей персоной», когда Вѣра Александровна позвала его въ комнаты переговорить о важномъ дѣлѣ.

«Волнуясь и спѣша» передала она ему о томъ, что̀ слышала, разсказала о контрактѣ, спрашивала, правда ли, что у мужиковъ описали все имущество, и призналась, что собирается обо всемъ написать мужу.

Ефремъ Ивановичъ слушалъ все время съ почтительнымъ выраженіемъ, ухмыляясь по временамъ, когда Вѣра Александровна употребляла жалкія слова.

— Напрасно вы разстраиваете только себя, Вѣра Александровна, осмѣлюсь доложить вамъ... Совсѣмъ нестоящее дѣло. Одна только сомнительность... И не вѣрьте вы имъ, глупымъ, необразованнымъ мужикамъ... Они по невѣжеству смущаютъ васъ, а сами... Супругъ вашъ при всемъ своемъ добромъ сердцѣ знаетъ, какіе они такой есть народъ... Вы, конечно, по своей комплекціи... жалость опять, а они, я вамъ доложу, каторжные, какъ есть закоренѣлые... И Владиміра Николаевича, осмѣлюсь доложить вамъ, напрасно будете безпокоить... Они обо всемъ извѣстны... Я, можно сказать, всѣмъ обязанъ Владиміру Николаевичу,—продолжалъ съ чувствомъ

Ефремъ Ивановичъ, утирая навернувшуюся слезу:—и развѣ смѣлъ бы я, какъ вы полагаете, самовольно здѣсь распоряжаться?.. Я имѣю отъ нихъ, какъ слѣдуетъ, инструкціи...

— Но этотъ какой-то контрактъ?..

— Они хорошо знаютъ-съ его... Сами изволили апробовать.

— И знаетъ, что мужики разорены?

— Поправятся, Вѣра Александровна.

— Я спрашиваю, знаетъ ли Владиміръ Николаевичъ, что ихъ имущество описано?

— Помилуйте, Вѣра Александровна... Какъ не знать... Очень хорошо знаютъ... Слава Богу-съ!..

— Вы... вы неправду говорите!—вспыхнула Вѣра Александровна.—Онъ не могъ... Онъ не допустилъ бы такой несправедливости...

— Не угодно ли, я принесу вамъ ихъ резолюціи?..

— Принесите!

Черезъ нѣсколько минутъ Ефремъ Ивановичъ вернулся и показалъ нѣсколько писемъ Олюнина. Она пробѣжала ихъ и убѣдилась, что Ефремъ Ивановичъ правъ...

— А эти кабаки?..—продолжала она уже совсѣмъ упавшимъ тономъ.

— Тоже Владиміръ Николаевичъ держатъ-съ... Только на мое имя записаны-съ...

— Извините...

Она не могла больше говорить и пошла въ свою комнату.

«Какъ же это? Какъ же?»—напрасно спрашивала она. Тутъ у него въ имѣніи грабятъ людей, тутъ люди въ нищетѣ, и въ то же время онъ говоритъ другое... Объ его добрыхъ дѣлахъ пишутъ въ газетахъ, его выставляютъ добрымъ, гуманнымъ человѣкомъ. Не можетъ быть... Не можетъ быть!—шептала она.

И какъ нарочно она вспомнила, какъ еще недавно онъ говорилъ въ собраніи горячую рѣчь о мужикахъ, какъ она въ восторгѣ послѣ этой рѣчи многое простила ему, и вдругъ... кабаки держитъ, обижаетъ, какъ тѣ презрѣнные люди, о которыхъ она читала... Неужели всѣ его слова обманъ, лицемѣріе?..

Вѣрѣ Александровнѣ пришелъ вдругъ на память рѣзкій отзывъ ея брата о мужѣ. Изъ-за этого они тогда разошлись и перестали видѣться. Мужъ всегда не любилъ брата и обрадовался, что онъ пересталъ бывать, называя его глупымъ пустымъ сумасбродомъ... Что̀ тогда братъ сказалъ?—припоминала она теперь подробности... Да... да... Онъ съ какой-то

презрительной усмѣшкой назвалъ его «лицемѣромъ». О, какъ возмущена была она этимъ обвиненіемъ.

Теперь то же слово невольно приходило къ ней на умъ...

И вдругъ другое воспоминаніе приходитъ на память... воспоминаніе о старшей сестрѣ...

«Боже, какая я гадкая... Какъ я смѣю такъ подозрѣвать человѣка!» — шепнула она, сама пугаясь мысли, которая теперь внезапно блеснула въ ея умѣ и врѣзалась въ самое сердце.

— Ну что̀, Вѣра, успокоилась теперь?—спрашивала вечеромъ мать, когда онѣ вдвоемъ сидѣли на балконѣ.—Ефремъ Ивановичъ убѣдилъ тебя, что ты напрасно волнуешься? Ахъ, Вѣра, Вѣра! — добродушно прибавила старушка: — какъ посмотрю, ты выдумываешь себѣ какія-то терзанія... Кажется, ты ли не счастлива. Мужъ у тебя, какого поискать, а дѣти... да посмотри ты на этихъ голубчиковъ? Какъ они бѣгаютъ... И эта англичанка у тебя такая славная...

Вѣра Александровна взглянула на «голубчиковъ»; улыбка засвѣтилась на ея измученномъ лицѣ.

— То-то и есть!—говорила старушка.—Все человѣкъ недоволенъ, все ему мало... И какого еще счастія они ищутъ!—вздохнула она, вспоминая о другихъ своихъ дѣтяхъ.—Вотъ хоть бы Лиза... бѣдная Лиза!

— Давно вы отъ нея получали письма?

— Цѣлый годъ прошелъ. Ты развѣ не знаешь ея... она рѣдко пишетъ... И всегда въ письмахъ у нея все хорошо, все отлично, а когда я видѣла ее позапрошлое лѣто,—не все такъ хорошо, какъ она пишетъ; думала мать обмануть... Ну, да что̀ объ этомъ вспоминать... И Митя тоже... Одна ты только у меня какъ у Христа за пазухой живешь, не сглазить бы! Да и то похварываешь. Ну, да здѣсь поправишься... У васъ тутъ благодать!

— Лиза попрежнему въ Одессѣ?

— Да вѣдь она перекати-поле... Писала, что въ Одессѣ, а гдѣ теперь носитъ ея побѣдную головушку—одинъ Богъ вѣдаетъ; я и не знаю, куда ей писать... Дома-то у себя я велѣла, если будутъ письма—пересылать сюда. Она и не знаетъ, что я у тебя... Цѣлый годъ нѣтъ писемъ, а она?.. Богъ ей судья... На мои жалобы она одно и то же: если, мама, не пишу, значитъ, все слава Богу.

— Что̀ бы ей хоть въ Петербургъ пріѣхать ко мнѣ?—проговорила Олюнина и вдругъ вся покраснѣла...

— Да вѣдь ты знаешь, голубушка, что она не одна. И

куда ей ѣздить... Деньги свои истратила Богъ знаетъ на что, а чтобы попросить или взять отъ своихъ... Не такая она... Ну, да и то: она, кажется, не очень жалуетъ Владиміра Николаевича...

— Отчего?

— А кто ее знаетъ... Теперь, Вѣрочка, ужъ прошлое дѣло. И я тебѣ скажу: вѣдь она очень огорчена была твоей свадьбой...

Вѣра Александровна притаила дыханіе... Въ темнотѣ сумерекъ мать не видала ея внезапно побѣлѣвшаго лица.

— Вы никогда не говорили... Что-жъ ее огорчило?..

— А Богъ ее знаетъ... Кажется, просто ей не нравится твой мужъ... Вотъ поди, а прежде, когда ты была еще дѣвочкой, и Владиміръ Николаевичъ къ намъ пріѣзжалъ, она была отъ него безъ ума... То-то у нея измѣнчивый характеръ... И всегда такъ... сперва увлечется, а потомъ вознена видитъ человѣка...

— Когда она была отъ него безъ ума? Тогда, когда она уѣхала въ Петербургъ учиться?..—чуть слышно прошептала Вѣра Александровна.

— Загорѣлось. Ну, мода была... Непремѣнно въ Петербургъ... Много я выплакала тогда слезъ, Вѣрочка, изъ-за ея этой новой жизни... А она пишетъ, что счастлива... Счастье, нечего сказать!.. Мыкаться по свѣту... Да если-бъ ты ее увидѣла!.. И тѣни нѣтъ прежней веселой Лизы. И такая озлобленная стала, недовѣрчивая... А прежде... вѣдь ее, хорошую мою, такъ легко было обмануть... Натура горячая, честная, и ужъ что̀ заберетъ себѣ въ голову... Пошла искать тогда новой жизни... И все ищетъ! И все непокорная... все на своемъ поставить хочетъ... Еще не устала... а жизнь-то не балуетъ ее!.. Вотъ они, эти ваши убѣжденія... Да по-моему лучше, если-бъ и совсѣмъ убѣжденій не было... Жили люди безъ этихъ убѣжденій прежде и ничего себѣ... доживали вѣкъ... Ну, да я ее не виню... ты знаешь... я вѣдь не могу человѣка, да еще близкаго, обвинить... Это ея дѣло... Только передъ матерью-то ей гордость эту оставить бы нужно... Вѣдь ни разу, Вѣрочка, ни копейки не взяла... Я, говоритъ, и то капиталъ неправильно истратила, больше не хочу... Я трудомъ желаю жить... А сама кашляетъ, кашляетъ какъ... голубушка!—прибавила старушка, вытирая обильно текущія слезы.

«Мама жалѣетъ ее... А она, быть-можетъ, гораздо счастливѣе меня!» — печально пронеслось въ головѣ молодой женщины. Разговоръ матери все-таки не успокоилъ ея подозрѣній, и она была въ какомъ-то туманѣ.

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора, однажды утромъ старуха вошла къ дочери взволнованная и веселымъ голосомъ, съ глазами, полными слезъ, проговорила, подавая дочери письмо:

— Вотъ радостная вѣсточка!.. Знаешь, Лиза въ Низовѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ насъ... А мы тутъ сидѣли и не знали, что она такъ близко... Что же ты не радуешься? Развѣ ты не хочешь ее видѣть? Я сегодня же поѣду къ ней и привезу ее сюда.

— И я съ вами, мама... И я ѣду! — воскликнула Вѣра Александровна, чувствуя, какъ замираетъ у нея сердце отъ какого-то безотчетнаго страха...

XIX.

Вѣра Александровна едва узнала Лизу — прежнюю стройную, изящную, красивую дѣвушку, сіявшую здоровьемъ и весельемъ, — въ худой, поблекшей, некрасивой женщинѣ, сидѣвшей за книгой въ маленькомъ садикѣ, куда Олюнина отправилась искать сестру, между тѣмъ какъ мать грустно оглядывала бѣдную обстановку двухъ комнатъ, занимаемыхъ Елизаветой Александровной въ захолустномъ городкѣ Низовѣ.

Она сидѣла на скамейкѣ, подъ тѣнью раскидистой липы, погруженная въ чтеніе, и не обратила вниманія на легкіе, торопливые шаги приближавшейся сестры. У Вѣры Александровны тоскливо сжалось сердце, когда она увидала вблизи это состарѣвшееся, серьезное лицо, осунувшіяся, рѣзкія черты, морщины, эту костлявую фигуру, на которой мѣшкомъ сидѣло старенькое, вылинявшее ситцевое платье. Та ли это Лиза? Въ тѣни дерева она казалась совсѣмъ старухой, эта молодая женщина.

Ея воображеніе уже подсказывало ей цѣлую исторію борьбы и страданій, и она, вся умиленная, проникнутая благоговѣйнымъ чувствомъ любви и уваженія, невольно остановилась на мгновеніе.

— Лиза!—окликнула наконецъ она, подбѣгая къ сестрѣ.— Лиза!

Большіе, глубокіе, голубые глаза съ изумленіемъ остановились на Вѣрѣ. Но вслѣдъ затѣмъ лицо старшей сестры оживилось выраженіемъ изумленія, радости и волненія. Она порывисто бросилась къ Вѣрѣ съ крикомъ:

— Вѣрочка, милая. Ты ли?..

И сестры замерли въ долгомъ поцѣлуѣ.

— Какими судьбами? Откуда? Какъ нашла меня?

Она разспрашивала отрывисто, не находя словъ, оглядывала свою Вѣрочку и снова обнимала ее.

— Вотъ сюрпризъ... Голубчикъ! Но какая ты блѣдная, худая... Больна ты?

— Нѣтъ, вздоръ... малокровіе... А ты? Ты, Лиза?.. Ты совсѣмъ...

Она не договорила, вся взволнованная и радостью свиданія и видомъ сестры...

— Постарѣла?—спрашивала, печально улыбаясь, Елизавета Александровна.

— Немного измѣнилась...

— И даже очень, Вѣрочка... Совсѣмъ старухой стала — я знаю... Садись-ка сюда... Снимай шляпку... Ты счастлива, надѣюсь?.. Счастлива, Вѣрочка? — тревожно допрашивала сестра.—Говорятъ, у тебя дѣти славныя... Да?..

— Хорошія дѣти, Лиза... вотъ увидишь...

— А сама счастлива, моя хорошая?..

— Кажется!—улыбнулась Вѣра.

— Кажется? — повторила сестра, съ какой-то особенной нѣжностью взглядывая на Вѣру. — Садись вотъ сюда... Тутъ хорошо, въ тѣни.

— Да вѣдь мама здѣсь!.. Дожидается въ комнатахъ.

— И мама? Да вы совсѣмъ обрадовали меня, мои милыя...

Она обхватила тонкую, изящную талію сестры, и онѣ пошли къ дому.

— Я и не знала, что ты такъ близко...

— И мы только сегодня узнали... Мама получила твое письмо, и мы собрались.

— Добрыя мои!..

— Ты вѣдь, Лиза, поѣдешь къ намъ?..

— Какъ же, какъ же... я какъ-нибудь пріѣду, пріѣду! — торопливо проговорила Елизавета Александровна.

— А сегодня, сейчасъ? Мы за тобой пріѣхали!

— Сейчасъ? Видишь ли, сегодня мнѣ нельзя... Я... Ну, да послѣ объ этомъ поговоримъ... Ты разсказывай о себѣ. Какъ живешь, что̀ дѣлаешь? Вѣдь мы такъ давно не видались.

— Да, много времени!—вздохнула Вѣра.—Хоть бы ты заглянула въ Петербургъ!

— Нельзя было, право, нельзя...

— Но теперь... Ты вѣдь пріѣдешь ко мнѣ, Лиза?

Тонкія, русыя брови Елизаветы Александровны дрогнули. Болѣзненное, смущенное выраженіе мелькнуло въ ея глазахъ.

Но Вѣра этого не замѣтила. Она остановилась и тихимъ, смущеннымъ голосомъ проговорила:

— Я знаю, ты не особенно долюбливаешь моего мужа, такъ же какъ и братъ, но... но... его нѣтъ, онъ за границей... Мы съ мамой однѣ въ деревнѣ...

«Она ничего не знаетъ!»—подумала старшая сестра.

— Ты не сердись, Вѣрочка... Это правда — я не люблю твоего мужа!—глухо отвѣчала сестра.

Вѣра вздрогнула... «За что такая нелюбовь?»—подумала она.

— Мнѣ несимпатичны его взгляды, его дѣятельность—вотъ причины моего нерасположенія! — поспѣшила прибавить сестра. — Но это не мѣшаетъ мнѣ любить тебя попрежнему, мою дорогую, милую Вѣрочку!

И она вдругъ порывисто обняла сестру и стала горячо ее цѣловать.

— Хороши, хороши! И забыли меня! — проговорила мать, торопливо идя по двору навстрѣчу.

— Вотъ къ чему привела твоя манера, Лиза, рѣдко писать... Двѣ недѣли рядомъ жили и не знали, что ты здѣсь!..— говорила сквозь слезы старушка, обнимая дочь. — Ну какъ твое здоровье? Что̀ грудь? Кашляешь попрежнему? А Митя гдѣ?

— Онъ ушелъ гулять, мама, скоро вернется. Я поправляюсь, мама. Сюда нарочно пріѣхала поправляться. Здѣсь хорошо и дешево...

— Поправляешься? Да развѣ тебѣ можно вѣрить? У тебя всегда все хорошо... Ужъ такая ты...

— Право, я чувствую себя лучше, чѣмъ два года тому назадъ!..—весело перебила Елизавета Александровна.

Теперь, при яркомъ свѣтѣ, оживленная свиданіемъ, Елизавета Александровна не казалась такой старухой. Ея прекрасные голубые глаза оживились; густые бѣлокурые волосы, зачесанные назадъ, открывали высокій, нѣжный лобъ. Ея худое, блѣдное лицо дышало умомъ и энергіей. Сразу было видно, что эта натура не изъ слабыхъ.

Обѣ сестры были похожи другъ на друга.

— Чѣмъ же васъ угощать, дорогія гостьи... Ѣсть хотите?

— Мы только-что завтракали.

— Чаю, молока?..

— Я молока выпью!..—сказала Вѣра.

Елизавета Александровна вышла.

— Вѣдь вотъ всегда такъ живетъ!—проговорила мать, указывая глазами на невзрачную обстановку комнаты.—Это еще у нея палаты! А когда она жила въ деревнѣ сельской учительницей... Если-бъ ты видѣла, Вѣрочка!.. И одѣвается какъ!.. А прежде?.. Помнишь ли, какая она была модница!?

— Ахъ, мама... Это все вздоръ... Какъ живетъ, какъ одѣ-

вается... Не въ томъ дѣло! — въ раздумьѣ проговорила Вѣра.

— Не въ томъ?... Какъ не въ томъ? Небось, ты такъ жить не стала бы!..

— Кто знаетъ!..—тихо проговорила Вѣра.

Елизавета Александровна принесла молоко и хлѣбъ, поставила передъ Вѣрой и сама усѣлась подлѣ нея, любовно поглядывая на сестру. Между ними шелъ тотъ отрывочный разговоръ, полный недомолвокъ, восклицаній, который обыкновенно бываетъ между близкими послѣ долгой разлуки. Вспоминали прошлое время, дѣтство, общихъ знакомыхъ, родныхъ.

На разспросы о себѣ Елизавета Александровна отвѣчала, не вдаваясь въ большія подробности. Она вообще довольна своимъ положеніемъ и никогда не раскаивалась, что живетъ по-своему. Теперь она совсѣмъ устроилась. Съ осени ей обѣщали мѣсто въ Москвѣ, въ конторѣ — Митѣ пора учиться. Жила она все время безъ лишеній...

— Ну ужъ не увѣряй, Лиза, пожалуйста!—перебивала мать.

— Право, мама... Ну, иногда случалось испытывать коекакіе недостатки, такъ развѣ это бѣда?.. Я, Вѣрочка, привыкла къ такой жизни... А вы все еще меня оплакиваете, мама?

— Не одно это безпокоитъ меня... Вообще... Нынче...

— Знаю, знаю, о чемъ вы, но это напрасно. Я не бунтую!—смѣясь сказала Елизавета Александровна.—Куда мнѣ!

— Кто васъ разберетъ?.. Когда я у тебя была въ Одессѣ, къ тебѣ ходили такіе знакомые...

— Какіе?

— Сейчасъ видно какіе...

— Да что̀ вы, мама?.. Вѣра, пожалуй, будетъ меня бояться! Развѣ вамъ они не понравились, мои знакомые?

— Ничего, люди какъ будто и хорошіе, но только... отъ нихъ лучше подальше!—прибавила старуха.

Елизавета Александровна добродушно усмѣхнулась и прибавила, обращаясь къ Вѣрѣ:

— Мама вотъ теперь ихъ бранитъ, а сама очаровала тамъ всѣхъ...

— Ладно, ладно... Не бѣгать же мнѣ отъ нихъ!.. Да что̀ это твой Митя не идетъ, Лизочка? Хочется его расцѣловать. Что̀, выросъ? Здоровъ?

— Что̀ ему?

— Вотъ съ Вѣрочкиными мальчиками познакомится — все веселѣй будетъ, чѣмъ одному. Ты ѣдешь съ нами?

— Ѣдешь, Лиза?—прибавила и Вѣра.

— Ѣду!—весело сказала Елизавета Александровна.—Гостей у тебя не бываетъ?..

— А что̀?

— Да я видишь какая... костюмовъ не имѣю.

— Что̀ ты, Лиза?

— Впрочемъ, не думай, мама!—смѣясь, замѣтила она:—я пріодѣнусь...

Отворились двери, и въ комнату вбѣжалъ румяный, запыхавшійся мальчикъ. При видѣ чужихъ лицъ онъ остановился въ нерѣшительности.

— Ты развѣ не узналъ бабушку, Митя?

Но онъ ужъ цѣловался съ бабушкой.

— А это тетя Вѣра. Помнишь?.. Я о ней тебѣ часто говорила...

— Я знаю тетю Вѣру...

Вѣра Александровна цѣловала мальчика съ особенной нѣжностью, стараясь заглушить какое-то острое, больное чувство, охватившее ее при видѣ этого ребенка, черты лица котораго напомнили ей черты другого лица.

Когда мальчикъ отошелъ, Вѣра взглянула на сестру. Взгляды ихъ встрѣтились. И она вдругъ вся вспыхнула, точно пойманная на дурной мысли. Смутилась и старшая сестра.

Черезъ часъ они всѣ ѣхали въ Дубровку.

Несмотря на радость встрѣчи съ сестрой, Вѣра Александровна была подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ сомнѣній, которыя напрасно она старалась отогнать отъ себя... Невольно теперь ей припоминались многіе факты совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. И вырвавшійся однажды намекъ брата, и эта боязнь встрѣчи сестры съ мужемъ, разсказы матери и, главное, это сходство ребенка... все подсказывало ей, что между мужемъ и сестрой была какая-то драма, которую отъ нея скрывали... Ради чего?..

Она терялась въ догадкахъ... Самыя разнообразныя предположенія бродили въ ея головѣ. То ей казалось, что она виновница разбитой жизни сестры, сиротства ея сына... То ей думалось, что сестра не могла любить этого человѣка долго, что она разгадала его... Но чего ей, должно-быть, стоило это разочарованіе... Зачѣмъ же ее не предупредили? Зачѣмъ допустили ее хоть въ мечтахъ строить счастіе на разбитой жизни близкаго человѣка!..

Она отгоняла всѣ эти мысли... Она просто фантазируетъ. Случайное сходство, понятная антипатія между такими несходными натурами, а она подозрѣваетъ что-то... Но сердце подсказывало ей это *что-то* въ безпокойномъ взглядѣ сестры, въ звукахъ голоса, когда она говорила, что не любитъ мужа,

въ воспоминаніяхъ юности... Даже самые споры сестры съ Олюнинымъ являлись теперь совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ...

Сестра любила Владиміра Николаевича, она почти не сомнѣвалась теперь. Она уѣхала тогда за нимъ. Но что̀ же потомъ случилось?.. Она хотѣла знать всю правду, какая бы она ни была. Спросить у сестры? Сохрани Богъ. Развѣ она осмѣлится?

И еще ужаснѣе показалась ей теперь эта атмосфера обмана, въ которой она жила все время. Мужъ обманывалъ не одну ее... Деревенская жизнь открыла уже ей глаза... Какое-то предчувствіе говорило ей, что откроется что-то новое и разорветъ послѣднія тонкія связи... И вся прежняя жизнь представлялась ей въ какомъ-то жалкомъ видѣ. Какъ она жила? Кому она отдала свою любовь?

И Елизавета Александровна была всю дорогу задумчива. Она поглядывала временами на сестру, и ея серьезное лицо хмурилось все болѣе и болѣе. Что-то говорило ей, что ея сестра несчастлива. Права ли она передъ ней, что скрыла отъ нея тогда, что̀ за человѣкъ ея мужъ?.. Но развѣ бы она повѣрила? Когда любятъ, тогда не вѣрятъ...

И теперь сестра, конечно, любитъ этого человѣка... И при воспоминаніи объ этомъ человѣкѣ тонкія ея губы сложились въ презрительную улыбку. «Бѣдная Вѣра!» — говорила она про себя, чувствуя какую-то материнскую нѣжность къ этому нѣжному, милому созданію.

— О чемъ это ты, Вѣра, замечталась?—проговорила мать.— Ужъ не вспомнила ли ты опять эти деревенскія исторіи?

— Какія исторіи, Вѣра?..

— Да вотъ послушай...

И Марья Ѳедоровна стала-было разсказывать, какъ Вѣра возмущается всякими пустяками и хотѣла-было безпокоить мужа, но Вѣра перебила ее и стала сама разсказывать о своихъ деревенскихъ впечатлѣніяхъ.

Старшая сестра слушала разсказъ, тихо улыбаясь.

— Ахъ ты, доброе сердце... Такая же, какъ была... И ты писала?

— Нѣтъ!.. И не напишу!—тихо прибавила она и умолкла.

— И умно сдѣлаешь. Не резонъ соваться въ дѣла мужа!— замѣтила Марья Ѳедоровна.

— Ахъ, мама, вы не то говорите... Не въ этомъ дѣло...

— А то что̀ же?.. Надо безпокоить его? Мужъ боленъ, лѣчится, а ты ему пиши о какихъ-то контрактахъ!? Впрочемъ, вы вѣдь нынче всѣ тронутыя какія-то! Ей-Богу, тронутыя. До всего вамъ дѣло... Мало, видишь ли, семейныхъ заботъ! Отъ

этого и семейная жизнь нынче не та, что̀ прежде... Ничего не сто̀итъ разорять гнѣзда... Плевое дѣло!..—ворчала добродушно старушка.

— А ты, Лиза,—продолжала она:—пожалуйста, не смущай ее своими идеями. Право, не смущай... Владиміръ Николаевичъ за это жену не похвалитъ! Она вѣдь тоже мечтательная... Довольно, что вы съ братомъ цыгане какіе-то безпріютные... Хоть этой-то не мѣшайте быть счастливой въ своемъ насиженномъ гнѣздѣ!

Обѣ сестры грустно улыбнулись на слова матери...

XX.

Прошло двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Елизавета Александровна гостила въ Дубровкахъ. Вѣра была совсѣмъ очарована старшей сестрой.

Ея взгляды, высказываемые случайно, ея симпатіи, ея самостоятельность, ея жизнь, о которой она узнала теперь изъ ея отрывочныхъ, неохотныхъ разсказовъ,—все это находило сочувствіе въ Вѣрѣ; сильный, энергичный характеръ сестры незамѣтно вліялъ на ея нѣжную, впечатлительную натуру. Въ ея идеалахъ, въ ея симпатіяхъ она узнавала свои неясныя мечты, свои порывы, которые, бывало, такъ жестоко осмѣивались мужемъ, когда она прежде повѣряла ихъ Владиміру Николаевичу.

Одно только не нравилось Вѣрѣ Александровнѣ въ сестрѣ, и не столько не нравилось, сколько смущало ее, это—озлобленіе, рѣзкіе приговоры, скептицизмъ, которые прорывались у нея невольно, несмотря на ея доброту и мягкость. Въ такія минуты она была жестка и безпощадна. Вѣра протестовала противъ этого со всей горячностью добраго сердца.

— Ты, Вѣра, не знаешь людей!—говорила сестра.

— Ты слишкомъ строга...

— Я видѣла ихъ. Я знаю имъ цѣну. Горькимъ опытомъ пришлось не довѣрять каждой фразѣ, каждому доброму намѣренію... Намъ, женщинамъ, этотъ опытъ достается тяжело, Вѣра. Мы впечатлительнѣй, довѣрчивѣй... И когда узнаешь дѣйствительно хорошихъ, честныхъ людей, сколько придется испытать разочарованій...

— А тебѣ приходилось испытать разочарованія?..

— Приходилось... Да и кому не приходилось?..

Въ эти дни Вѣра Александровна, подъ впечатлѣніемъ разговоровъ съ сестрой, о многомъ передумала, многое увидала въ другомъ свѣтѣ. Хотя сестры никогда не говорили ни слова объ Олюнинѣ, но какъ-то невольно Вѣрѣ Александровнѣ

всегда припоминался мужъ. Онъ являлся какимъ-то незримымъ подсудимымъ, обвиняемымъ безпощаднымъ прокуроромъ, а она нерѣдко бывала его адвокатомъ и чувствовала, бѣдная, какъ слаба была защита, несмотря на ея горячность.

Тутъ, безъ мужа, она свободно высказывала свои мысли, свои скромныя желанія жизни, не похожей на ту, которую приходилось вести ей, — не испытывая боязни сказать глупость. Въ ободряющихъ, сочувственныхъ словахъ сестры, понявшей, какъ унижалъ Олюнинъ это кроткое, любящее созданіе, она обрѣтала вѣру въ себя, давно потерянную, сознаніе, что какъ она ни слаба опытомъ и знаніемъ, все-жъ она не такое ничтожество, какимъ считалъ ее мужъ. Ей дышалось легче и свободнѣй одной, безъ этого контролирующаго глаза, безъ этого небрежнаго, высокомѣрнаго отношенія серьезнаго человѣка, увѣреннаго въ безпредѣльной привязанности глупенькой, сентиментальной жены.

Пелена спадала съ глазъ... «Герой» терялъ обаяніе, но это-то и заставляло страдать привязчивую натуру... Любовь все еще жила въ ея сердцѣ; она заставляла ее спорить съ сестрой, бороться противъ неотразимыхъ доводовъ разсудка, и она, какъ утопающій, хваталась за все, что̀ могло бы примирить его съ ней, что̀ могло бы возстановить его въ ея глазахъ. Она хотѣла вѣрить, хотѣла любить, и нерѣдко острая жгучая боль ревниваго чувства захватывала ее врасплохъ при воспоминаніи объ этомъ человѣкѣ. Она все-таки ждала его писемъ; въ этихъ нѣжныхъ строкахъ, полныхъ притворства и лжи, она хотѣла видѣть привязанность и, вспоминая ихъ, она еще горячѣй спорила съ сестрой...

О если-бъ только разсѣялись эти подозрѣнія, этотъ туманъ, въ которомъ она оставалась, чувствуя какую-то тайну въ отношеніяхъ мужа и сестры! Эти подозрѣнія мучили ее и мучили тѣмъ болѣе, что она таила ихъ въ себѣ, считая преступленіемъ какой-нибудь намекъ сестрѣ... Она сама бы сказала, если бы считала нужнымъ.

И туманъ этотъ разсѣялся. Измученной женщинѣ пришлось наконецъ увидать свой «кумиръ» поверженнымъ въ прахъ.

XXI.

Однажды она получила отъ мужа давно ожидаемое письмо. По обыкновенію, она отправилась къ себѣ прочитать его... Письмо на этотъ разъ поразило ее своимъ тономъ и странными разсужденіями. Это неудовольствіе, проглядывавшее въ строкахъ, несмотря на особенно нѣжный тонъ письма, эти

жалобы на неудовлетвореніе жизнью, на роковое несходство ихъ натуръ, ведущее ко многимъ недоразумѣніямъ, были для нея изумительной новостью. Никогда еще не писалъ онъ такихъ писемъ! И все это высказывалось тономъ человѣка, сознающаго свое нравственное превосходство, самодовольнымъ языкомъ «непонятой», высшей натуры, облеченнымъ какой-то дымкой неопредѣленности, изъ-за которой однако Вѣра Александровна чувствовала грубый, безжалостный ударъ, приготовлявшій ее, вѣроятно, къ какому-нибудь другому удару... но какому?..

Мало ли было обмановъ, любовныхъ связей, о которыхъ случайно узнавала она, но они никогда не вызывали у мужа этихъ изліяній о «свободѣ чувства», разсужденій о самоотверженіи. Конечно, самоотверженіе должно было выпасть на ея долю. Она догадывалась по тону всего письма, мягкаго, неопредѣленнаго, разсчитаннаго, очевидно, на беззавѣтную привязанность жены, готовой на всякія «жертвы» для счастія близкаго...

Очевидно, тутъ скрывается «увлеченіе», не похожее на прежнія, хоть мужъ и объяснялъ въ письмѣ, что его разсужденія теоретическія, и просилъ не истолковывать ихъ какъ-нибудь «съ обычной женской подозрительностью». Въ концѣ концовъ онъ увѣрялъ жену, съ необычной нѣжностью, въ дружбѣ и расположеніи.

Письмо это возмутило Вѣру Александровну. О, теперь она умѣла понимать слова. Но, когда первый порывъ прошелъ, на нее напалъ безотчетный страхъ. Что̀ значитъ это письмо! Какого самоотверженія отъ нея требуютъ?

Ужасная мысль озарила ея голову—мысль, что онъ броситъ ее и возьметъ дѣтей! Это было бы жестоко... На такое самоотверженіе она не способна... «Нѣтъ, онъ никогда не потребуетъ этого. Онъ знаетъ, какъ ей дороги дѣти!.. Я клевещу на мужа!»

Она снова перечитывала это мягкое, нѣжное письмо и терялась въ догадкахъ. Слезы не облегчали ее. Вся прошлая жизнь возставала передъ ней, какъ тяжелый кошмаръ. И вѣдь всѣ думаютъ, что она счастливая... Это—счастье!..

Елизавета Александровна тихо вошла къ ней.

— Вѣрочка, что̀ съ тобой, милая?

Что̀ съ ней? Долѣе молчать она не могла. Она и безъ того молчала цѣлыя десять лѣтъ, скрывая передъ всѣми свое горе. Болѣе она не въ силахъ.

И съ той страстностью, которая охватываетъ человѣка подъ впечатлѣніемъ жгучей душевной боли, она начала раз-

сказывать печальную исторію оскорбленнаго чувства, обмана, униженій, разочарованій. Сестра слушала молча, негодующая и серьезная, эту странную исповѣдь.

— И вотъ наконецъ это письмо!—окончила молодая женщина, глотая слезы.—Прочти!

Елизавета Александровна стала читать.

Глаза ея загорѣлись злобой; губы искривились въ презрительную усмѣшку. Она положила письмо и проговорила:

— Тѣ же пріемы, та же низость!.. Мнѣ хорошо знакомо все это!—прибавила она съ грустной усмѣшкой.

При этихъ словахъ Вѣра почувствовала невольный страхъ, тотъ страхъ, который испытываетъ человѣкъ, ожидающій приговора близкому человѣку.

— Знакомо?—машинально спросила она.

Елизавета Александровна не отвѣчала и глядѣла на сестру съ серьезнымъ ласковымъ состраданіемъ добраго врача къ трудно больному, которому предстоитъ сдѣлать тяжелую операцію. Мгновеніе она колебалась, но вслѣдъ затѣмъ рѣшительно махнула головой, какъ человѣкъ, который гонитъ прочь смущающую его нерѣшительность.

— Я не хотѣла тебѣ разсказывать, Вѣрочка, — начала она:—но, видно, такъ нужно, пока тебя совсѣмъ не измучили... Вѣдь я не знала, ничего не знала о твоей жизни. Мама въ письмахъ увѣряла, что ты счастлива. И я скрывала отъ тебя, какъ мнѣ ни было тяжело, все, что̀ было между мной и Олюнинымъ. Ты понимаешь, голубушка, почему я скрывала? Изъ горячей любви къ тебѣ, моя милая, дорогая Вѣрочка. Могла ли я смущать тебя, когда ты была замужемъ и ужъ имѣла ребенка? И вдобавокъ ты тогда такъ его любила! Ты объяснила бы, пожалуй, при помощи мужа, мое вмѣшательство оскорбленнымъ чувствомъ отверженной любви! Вѣдь я узнала о вашей несчастной свадьбѣ ровно черезъ годъ, и если-бъ ты знала, какъ это извѣстіе меня поразило... О если-бъ я знала раньше! Развѣ я допустила бы эту свадьбу... Онъ самъ отказался бы отъ тебя!..

— Но онъ тогда любилъ меня...

Елизавета Александровна горько усмѣхнулась.

— Развѣ эти люди могутъ любить? Они только себя любятъ. Чужая жизнь, чужія страданія—для нихъ пустяки, тѣмъ болѣе, что они всегда найдутъ для себя оправданіе. Совѣсть у нихъ гостепріимная. Ты видишь!—указала она на письмо.—Слушай, Вѣрочка, и я любила его, и какъ любила! Со мной повторилось то же самое, что̀ и съ тобой, только я скорѣй, чѣмъ ты, узнала, что̀ это за человѣкъ, и со мной онъ меньше

церемонился. Тогда вѣдь онъ проповѣдывалъ свободную любовь!—прибавила она съ злой усмѣшкой:—ты помнишь—тогда я уѣхала?.. Онъ звалъ меня учиться, звалъ на борьбу, на страданія, какъ онъ тогда говорилъ... И я повѣрила ему—еще бы не повѣрить!.. Онъ такъ хорошо говорилъ, такъ искренно увѣрялъ меня, и наконецъ, Вѣрочка, мнѣ было тогда 18 лѣтъ. Я его полюбила, скорѣй не его, а героя въ немъ... Онъ это видѣлъ, и ему было легко увѣрить меня въ своей любви. Обыкновенная исторія! Онъ говорилъ, что я избранная натура, что мы должны идти рука объ руку... И я такъ гордилась тогда этимъ, точно счастіемъ. Тогда онъ игралъ роль въ кружкахъ... О немъ говорили, его слушали... Тогда, Вѣрочка, не одна изъ насъ сочла бы за счастіе быть любимой имъ... Ему оставалось только выбирать... Но о бракѣ онъ, конечно, и не думалъ! Какъ можно... Зачѣмъ бракъ? Онъ только профанируетъ истинное чувство и стѣсняетъ дѣятельность... И наконецъ человѣкъ не смѣетъ отдавать себя въ жертву семьѣ. Ему предстоитъ болѣе высокій жребій!.. Я слушала тогда всѣ эти фразы и вѣрила имъ. И развѣ одна я вѣрила? Тогда многому вѣрилось, и вѣрилось искренно. То было время надеждъ, порываній, самыхъ свѣтлыхъ, хорошихъ. Въ числѣ людей, съ которыми я тогда познакомилась, были искренніе, честные, убѣжденные люди, но были и негодяи, которые, прикрываясь хорошими идеями, преслѣдовали скверныя цѣли; были наконецъ и такіе, которыхъ увлекала мода... Этихъ, конечно, болѣе всего, сегодня поклоняющихся одному богу, завтра другому, смотря по вѣянію минуты... Разумѣется, послѣдніе кричали о себѣ болѣе другихъ, а потомъ они первые же отдались противоположному настроенію, охватившему общество... Сколько оказалось такихъ изъ тѣхъ, кого я знала и кому вѣрила! Молодой профессоръ, обѣщавшій посвятить себя наукѣ, сдѣлался вскорѣ самымъ обыкновеннымъ дѣльцомъ; другой—какъ мы всѣ увлекались этимъ героемъ!—проповѣдывавшій намъ о борьбѣ, теперь въ числѣ самыхъ ярыхъ гонителей; третій... да что перечислять... Мало ли было неожиданныхъ превращеній... Все это узнала я потомъ, а тогда—тогда вѣрила, жадно слушала всѣ эти слова, и искреннія и лицемѣрныя... Они отвѣчали моимъ стремленіямъ... Я искала самостоятельной жизни.

Она замолчала, взволнованная этими воспоминаніями.

— И ты раскаивалась потомъ, Лиза?—чуть слышно спросила Вѣра Александровна.

— Раскаивалась? Почему ты это спросила? Развѣ истина перестаетъ быть истиной, если о ней говорятъ лицемѣры и

лгуны? Нѣтъ, Вѣра, я никогда не раскаивалась, что пошла своимъ путемъ, не тѣмъ, которымъ идутъ всѣ... Много было испытаній, разочарованій, но много и хорошаго... Независимость, опытъ пріобрѣтаются не легко... Если на первыхъ порахъ случай свелъ меня съ Олюнинымъ, если мнѣ пришлось видѣть немало лжи и фальши, то зато я послѣ узнала и другихъ людей, такихъ, Вѣра, передъ которыми можно преклониться въ благоговѣніи... Да, Вѣра, люди, которыхъ я послѣ узнала близко, совсѣмъ не похожи на тѣхъ... Убѣжденіе у нихъ не пустой звукъ... Слово не вывѣска... Да ты развѣ не знаешь? Развѣ ты не слыхала? Или твой мужъ клеветалъ и на нихъ?.. О, на нихъ теперь клевещутъ немало, и особенно такіе господа, какъ твой мужъ... Но развѣ онъ смѣетъ обвинять кого-нибудь, этотъ лицемѣръ... не имѣющій даже храбрости играть въ открытую игру!

Она задыхалась отъ охватившаго ее негодованія. Блѣдная, съ горящими глазами, она поднялась со стула и заходила по комнатѣ, не замѣчая, что сестра при послѣднихъ словахъ замерла въ какомъ-то страхѣ.

— Слушай, Вѣра! Моя исторія излѣчитъ тебя совсѣмъ, если у тебя есть еще остатокъ любви къ этому человѣку... Надо все тебѣ сказать, все... Тебѣ будетъ тяжело, но, по крайней мѣрѣ, ужъ больше ты не будешь обманута. И безъ того довольно ты страдала... Я тоже страдала, моя голубушка, я даже готова была потерять вѣру въ людей послѣ того, какъ потеряла вѣру въ него... Я, какъ и ты, тоже считала его героемъ. Я тоже молилась на него, вѣдь мы, женщины, да еще привязчивыя, непремѣнно создаемъ себѣ кумиры, пока хорошо не обожжемся!.. Любилъ ли онъ меня? Смѣшно и говорить объ этомъ. Онъ взялъ меня потому, что легко было взять. Я не стану тебѣ передавать всѣхъ мукъ оскорбленнаго чувства, которыя пришлось испытать мнѣ, ты сама пережила это... Онъ подтрунивалъ надъ моей ревностью, говорилъ, что надо закалять себя, обманывалъ, послѣ я узнала объ этомъ, увѣряя въ любви, и потомъ... потомъ, когда у меня родился ребенокъ, знаешь ли, что онъ совѣтовалъ?

— Что?..

— Отдать его въ воспитательный домъ! Дѣти лишняя обуза! Они стѣсняютъ только. Надо готовиться ко всему... И я вѣдь вѣрила тогда этой лжи... Я въ самомъ дѣлѣ думала, что онъ готовится къ чему-то, онъ любилъ окружать себя таинственностью, и не отвернулась тогда же отъ него... Ребенокъ, конечно, остался у меня, онъ скоро умеръ... Прошелъ еще годъ, скверный тяжелый годъ, и онъ со мной поступилъ такъ

же, какъ и съ тобой... Онъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ писалъ о несходствѣ натуръ и прочее... Когда я пришла къ нему за объясненіями, онъ далъ мнѣ совѣтъ: сойтись съ кѣмъ-нибудь другимъ, и даже указалъ на одного пріятеля, которому, по его словамъ, я нравилась... И все это предлагалось мягко, нѣжно... Тогда я увидала безсердечіе этого человѣка. Потомъ, когда, безъ средствъ, я лежала въ больницѣ беременная и звала его, онъ пришелъ, чтобы снова повторить предложеніе отдать ребенка въ воспитательный домъ... и уѣхалъ. Меня бросили, какъ тряпку, какъ негодную вещь, безъ всякаго сожалѣнія, Вѣра... И у него еще хватило храбрости написать мнѣ длинное письмо, въ которомъ онъ обвинялъ меня, когда я протестовала. Онъ отвѣчалъ, что не принадлежитъ себѣ, а дѣлу, что я нахожусь подъ вліяніемъ эгоистическихъ побужденій. Единичныя страданія ничего не значатъ передъ общими... Впереди, видишь ли, у него высшія цѣли... Я снова повѣрила, я даже простила ему свои страданія. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, значатъ они передъ массой болѣе ужасныхъ страданій... Но скоро, скорѣй чѣмъ думала, я узнала, какія у этого человѣка «высшія цѣли»! И Боже мой, у него хватало духу такъ говорить!.. Онъ тогда еще былъ молодъ, вѣдь онъ говорилъ всѣ эти фразы молодой, довѣрчивой дѣвушкѣ, которую только-что такъ глубоко оскорбилъ! Въ то время, Вѣра, общественное настроеніе мѣнялось, многіе изъ его товарищей гибли, и онъ во̀-время отошелъ, чтобы преслѣдовать высшія цѣли... устраивать свое благополучіе... И какими средствами, если-бъ ты знала, какими средствами, Вѣра!..

— Я знаю... знаю!..—промолвила Вѣра упавшимъ голосомъ.

— Больная, нравственно убитая, уѣхала я съ ребенкомъ въ Москву, а оттуда въ провинцію... Не стану тебѣ разсказывать, что̀ пришлось испытать мнѣ... Это одна изъ обыкновенныхъ исторій... Но вотъ что̀ надо тебѣ узнать: когда я писала ему и просила его выслать мнѣ хоть часть денегъ, которыя были у него,—я не получила отвѣта...

— Неужели?—воскликнула въ ужасѣ молодая женщина.

— Да, Вѣра... Онъ тогда преслѣдовалъ высшія цѣли!—промолвила съ усмѣшкой Елизавета Александровна:—и какое ему было дѣло до единичнаго страданія!.. Тогда, слышишь ли, только тогда я совсѣмъ прозрѣла, поняла, что̀ это за человѣкъ, и почувствовала къ нему презрѣніе... Тогда многое сдѣлалось понятнымъ въ моемъ героѣ... И его прежнее щегольство радикальными взглядами и его отступничество... впрочемъ, нѣтъ... какое отступничество!.. Онъ вѣдь и прежде

едва ли вѣрилъ въ то, что̀ проповѣдывалъ!.. Любовь слѣпа. Она часто не видитъ того, что̀ бьетъ въ глаза, а у Олюнина натура гибкая, онъ уменъ, онъ знаетъ, какъ играть на сердечныхъ струнахъ... Онъ обманывалъ не только меня и многихъ другихъ женщинъ, играя съ ними въ развитіе, онъ обманывалъ и мужчинъ, хорошихъ, честныхъ... Послѣ ужъ я припоминала эти выходки самолюбивой, тщеславной натуры, этотъ безграничный эгоизмъ, который высказывался передо мной въ первый годъ нашего сближенія, и оцѣнила ихъ по достоинству... И въ томъ кружкѣ, гдѣ онъ игралъ замѣтную роль, одинъ-два человѣка начинали догадываться, что этотъ человѣкъ безъ убѣжденій, что онъ игралъ ими отчасти изъ-за самолюбія, отчасти изъ-за своей чувственной натуры... Ему было такое раздолье... Обмануть дѣвушку, прикрываясь свободой чувства, развѣ это не веселая жизнь... Отъ него отошли многіе... Тогда онъ сталъ осмѣивать то, о чемъ прежде распинался, не прямо, нѣтъ—онъ никогда ничего прямо не дѣлалъ, а разными намеками, насмѣшками... Я въ первое время слѣдила за его успѣхами... Онъ, Вѣра, былъ любовникомъ жены человѣка, который принялъ его къ себѣ, далъ ему мѣсто и случай приложить свои способности...

— О, Лиза, Лиза!..—простонала Вѣра Александровна...

Но Елизавета Александровна не обращала вниманія на сестру. Съ негодованіемъ, возрастающимъ все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ разсказывала, она метала громы и молніи, стараясь въ чертахъ Олюнина обобщить черты ненавистныхъ ей людей...

— Да. Онъ успѣвалъ и первое время таинственно говорилъ при встрѣчахъ съ прежними знакомыми, что онъ сдѣлался дѣльцомъ на основаніи высшихъ соображеній. Тутъ и интересы партіи были... и примѣръ Лассаля и будущая дѣятельность. И вѣдь ему вѣрили. Одинъ юноша разсказывалъ мнѣ и молился на него... Онъ обѣщалъ тогда всѣ деньги пожертвовать... Онъ не для себя пріобрѣталъ ихъ. Нѣтъ!.. Потомъ, когда прежніе его друзья разсѣялись, Олюнинъ уже могъ дѣйствовать безъ всякихъ объясненій и пустился во всѣ тяжкія, но при этомъ умѣлъ пріобрѣсти репутацію... И какую еще! О, они умѣютъ дѣлать гадости втихомолку, эти люди... И имъ еще вѣрятъ! Ихъ превозносятъ въ обществѣ! Они слывутъ честными людьми и воображаютъ себя дѣйствительно общественными дѣятелями, не похожими на обыкновенныхъ грабителей... И если имъ скажутъ что-нибудь непріятное, если напомнятъ старое... О, они тогда увлекались. Они не знали жизни. Они пошли впередъ. Они не хотятъ сражаться съ

мельницами!.. И въ частной жизни, какъ и въ общественной, у нихъ ложь, лицемѣріе... Они слишкомъ ловки, чтобы обнаруживать себя во всей своей красѣ... Зачѣмъ? Когда можно пользоваться репутаціей благодѣтеля и въ то же время... О, Вѣра! какъ низки эти люди!—воскликнула она въ негодованіи.—Вѣдь они понимаютъ, что дѣлаютъ!..

Она взглянула на сестру. Блѣдная, какъ мертвецъ, безсильно опустивъ руки, сидѣла она, устремивъ неподвижный скорбный взглядъ.

— О, Вѣрочка, что съ тобой?—воскликнула Елизавета Александровна, бросаясь къ сестрѣ.—Я тебя взволновала... Я наговорила больше, чѣмъ слѣдовало! Прости меня, моя милая!—шептала она, сжимая ея тонкія руки:—прости!

— Что ты, что ты, Лиза? Ты еще извиняешься...

— Я, можетъ-быть, слишкомъ пристрастна... быть-можетъ, во мнѣ говорила личная ненависть...

— О, что ты? Къ чему ты это говоришь? Развѣ я сама не убѣдилась въ послѣднее время? И развѣ то, что ты испытала, можетъ сравниться съ моимъ положеніемъ? Я вѣдь раньше не знала ничего... Развѣ я такъ страдала?

— Не обо мнѣ теперь рѣчь, Вѣра... Тебѣ надо избавиться отъ этого человѣка, пока еще возможно...

— Избавиться? Не поздно ли?—произнесла она съ грустной улыбкой.

— Ты, Вѣра, еще любишь его?

— Нѣтъ, нѣтъ... не люблю... Постараюсь не любить... Моя любовь уже давно похоронена, но вѣдь все-таки... И знаешь, Лиза—я боюсь его...

— Боишься? Онъ запугалъ тебя, голубушка?

— Нѣтъ, не то. Я не боюсь... Что можетъ онъ мнѣ сдѣлать больше того, что сдѣлалъ?.. Но это письмо... Оно пугаетъ меня.

— Почему?

— Богъ знаетъ, какія у него намѣренія. А если онъ захочетъ отнять у меня дѣтей?—проговорила она тономъ испуганнаго, забитаго ребенка.—Нѣтъ, ужъ я лучше буду все терпѣть, но съ дѣтьми не разстанусь... Ни за что! Пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ, но оставитъ дѣтей...

— Да кто тебѣ объ этомъ говоритъ? Дѣти будутъ при тебѣ.

— Онъ ихъ не отдастъ... Онъ ихъ любитъ.

— Отдастъ.

— О, Лиза! Ты ошибаешься.

— Нѣтъ, не бойся. Дѣти останутся съ тобой, но онъ ужъ тебя не будетъ болѣе мучить...

— Развѣ это возможно?

— Я берусь это уладить.

— Ты? О, не надо, не надо, Лиза... Каково тебѣ говорить съ нимъ...

— Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, а я устрою твою жизнь. И ты никогда ни слова не написала мнѣ о себѣ?.. Если-бъ я знала, что ты его не любишь!? Однако какая ты блѣдная, Вѣрочка. И вся дрожишь, точно въ лихорадкѣ,—говорила Елизавета Александровна, ощупывая ея голову.—А голова горитъ! Тебѣ надо лечь.

— Да, мнѣ нездоровится, Лиза!—проговорила она, и слезы хлынули изъ глазъ ея.—Вѣдь это ужасно, ужасно, Лиза, такъ обмануться въ человѣкѣ!

Ее уложили въ постель. Къ вечеру у нея сдѣлался жаръ. Елизавета Александровна измѣрила температуру, объявила, что поѣдетъ за докторомъ, и приказала прикладывать къ головѣ ледъ. Марья Ѳедоровна и Аннушка провели около больной тревожную ночь. Вѣра Александровна металась въ постели и бредила дѣтьми. Старуха-мать не понимала, что̀ за причина болѣзни дочери. Она разспрашивала Аннушку. Аннушка замѣтила:

— Развѣ письмо встревожило? Сегодня Вѣра Александровна получила письмо отъ барина.

— Но чѣмъ же могло встревожить письмо?

— А Богъ знаетъ. Мало ли что̀ бываетъ между мужемъ и женой.

— Но развѣ они не дружны между собой? Развѣ Вѣрочка не счастлива съ нимъ? Ты, Аннушка, отъ меня не скрывай...

— Богъ ихъ знаетъ. Только въ послѣднее время бѣдная барыня часто плакала!

Въ первый разъ въ сердце матери закралось сомнѣніе. А она-то думала, что ея Вѣрочка вполнѣ счастлива... И никогда ни одной жалобы!..

На утро пріѣхалъ докторъ и послѣ тщательнаго осмотра объявилъ, что у Вѣры Александровны, по всей вѣроятности, начинается нервная горячка. Молодого врача попросили остаться. Особенно настаивала Елизавета Александровна... Прошло пять дней. Больной стало хуже. Врачъ объявилъ, что положеніе серьезное. Тогда Марья Ѳедоровна, несмотря на протесты Вѣры, отправила телеграмму Олюнину.

XXII.

Елизавета Александровна ни на минуту не отходила отъ постели больной. Напрасно ее уговаривали отдохнуть, на-

прасно замѣчали, что на ней лица нѣтъ. Но Елизавета Александровна никому не уступала своего мѣста. Она привыкла ходить за больными: она не устаетъ; она отлично спитъ по ночамъ около больной.

На седьмой день ожидали кризиса. Докторъ не терялъ надежды. Марья Ѳедоровна, глотая слезы, заглядывала въ комнату больной и, возвращаясь къ себѣ, горячо молилась Богу. Дѣти присмирѣли и безшумно играли въ дѣтской на глазахъ у серьезной миссъ Джонстонъ. Ихъ не пускали къ матери. Она почти все время была въ забытьѣ. Вечеромъ докторъ осмотрѣлъ больную и въ отвѣтъ на вопросъ, стоявшій въ ввалившихся глазахъ сестры, проговорилъ:

— Жаръ меньше. Пульсъ лучше.

Елизавета Александровна такъ сжала руку доктора, что тотъ чуть не вскрикнулъ.

— Лучше?—прошептала она.—Она выздоровѣетъ?

— Надѣюсь... Вы бы шли спать! Смотрите, на что вы похожи.

Она только махнула отрицательно головой.

Наступила ночь. Раскинувшись на подушкахъ, лежала Вѣра Александровна въ забытьѣ. Сестра сидѣла въ креслѣ, у постели. Черезъ каждыя пятнадцать минутъ она вливала въ ротъ больной по ложечкѣ вина, тревожно засматривала въ блѣдное, исхудалое лицо, казавшееся въ тѣни лицомъ мертвеца, и снова садилась въ кресло, не спуская глазъ съ постели, чутко прислушиваясь къ дыханію больной. Въ комнатѣ стояла тишина; только изрѣдка въ открытое окно доносились какіе-то далекіе неясные звуки. Щемящая тоска охватила Елизавету Александровну. Она горько задумалась, глядя на сестру; слезы тихо капали изъ ея глазъ. Надежда смѣнялась отчаяніемъ.

Не напрасно ли докторъ надѣется? Онъ самъ говорилъ, что у больной мало силъ для продолжительной борьбы съ изнуряющей горячкой, которая такъ быстро разрушаетъ слабое тѣло этой бѣдняжки!?

Елизавета Александровна глотала рыданія. Упреки терзали ея измученную душу. Вѣдь она нанесла тяжкій ударъ этому нѣжному, довѣрчивому созданію. Къ чему она говорила съ ней объ Олюнинѣ? Не лучше ли, если-бъ въ ея воображеніи еще оставалась хоть тѣнь прежняго героя?.. А она такъ грубо сбросила героя въ грязь...

По временамъ, когда не слышно было дыханія больной, она въ страхѣ поднималась съ кресла, прислушивалась и съ замираніемъ сердца всматривалась въ эти кроткія, дорогія

черты... Ей казалось, что дыханіе смерти ужъ носится надъ этимъ милымъ, близкимъ человѣкомъ, и она, испуганная, бѣжала въ сосѣднюю комнату будить доктора.

— Да что̀ вы! Она спитъ! И какъ спокойно дышитъ! Ей лучше. Кризисъ миновалъ! — говорилъ докторъ, взглянувъ на больную.—Успокойтесь!

Опять она окрылялась надеждой. Она всю ночь не смыкала глазъ. Наконецъ подъ утро Елизавета Александровна забылась въ тяжеломъ, короткомъ снѣ. Снопы свѣта врывались въ комнату, когда она проснулась съ тѣмъ чувствомъ страха, которое испытывала эти дни каждый разъ при пробужденіи послѣ короткихъ отдыховъ. Она взглянула на сестру и вся вдругъ засіяла радостью.

Вѣра Александровна глядѣла на нее, слабо улыбаясь, и протягивала ей руку.

— Вѣрочка... родная моя... Тебѣ лучше! — шептала она, цѣлуя эту тонкую, худенькую руку.

— Я чувствую себя отлично... Жару нѣтъ... Я спала хорошо... Не было этихъ ужасныхъ сновъ...

— Тсс... тс... Не говори много, Вѣрочка...

— Не буду... Только скажи: дѣти что̀?.. Здоровы?.. Я хочу ихъ видѣть...

— Здоровы, здоровы... Я приведу ихъ къ тебѣ!

Докторъ весело поздравилъ больную. Она отлично справилась съ горячкой. Опасность миновала. Теперь надо только хорошенько питаться, набираться силъ...

— Побольше мяса, молока и желѣзо опять, докторъ?—улыбнулась Вѣра Александровна, невольно припоминая совѣты петербургскаго врача.

Она стала быстро поправляться. Нѣсколько дней спустя она уже сидѣла въ креслѣ у окна и съ любовью смотрѣла на дѣтей, игравшихъ въ саду. Жажда жизни оживляла теперь ея лицо, глаза, все ея существо...

— Видишь, какая я живучая!—сказала она, когда въ комнату вошла сестра, обычная ея собесѣдница.—Мнѣ хотѣлось жить, и я ожила!.. Теперь я совсѣмъ выздоровѣла, совсѣмъ!..— порывисто проговорила она.

— Что̀ ты, что̀ ты?.. Не храбрись, Вѣрочка.

— Нравственно выздоровѣла...

— Объ этомъ послѣ, послѣ, Вѣра.

— Я простила ему!—промолвила она задумчиво.

И, замѣтивъ недоумѣвающій взглядъ сестры, прибавила:

— Простила за себя... за свое горе...

Елизавета Александровна нахмурилась.

— Но онъ мнѣ теперь совсѣмъ чужой... Я равнодушна къ нему...

— Неужели, Вѣрочка?—радостно воскликнула Елизавета Александровна.

— Да... только не оставляй ты меня, Лиза... И вотъ еще о чемъ я хотѣла просить тебя...

— О чемъ, милая?

— Не говори ты съ нимъ... Не упрекай его... лишнее... Я сама объяснюсь, когда онъ пріѣдетъ. Ты вѣдь знаешь, мама телеграфировала ему, несмотря на мои просьбы не дѣлать этого!

Елизавета Александровна протестовала. Какъ можно! Она еще такъ слаба, и всякое объясненіе только разстроитъ ее. Надо беречь здоровье. Не нужно никакихъ объясненій.

— Я переговорю съ твоимъ мужемъ!

— Ты боишься за меня, Лиза?

— Да, за твое здоровье...

— Не за одно здоровье, Лиза. Ты думаешь, что я не устою противъ его доводовъ и снова... Не бойся этого, Лиза. *Теперь* я могу говорить съ нимъ. Я упрошу его оставить меня съ дѣтьми въ Дубровкахъ на зиму, а послѣ... послѣ мы увидимъ. Онъ согласится, я знаю, я увѣрена... И объясненіе не взволнуетъ меня!—говорила молодая женщина съ какой-то странной настойчивостью.

— Откуда такая увѣренность, Вѣра?

— А вотъ прочти письмо, которое я получила сегодня, и, какъ видишь, оно меня нисколько не разстроило...

— Письмо... Отъ мужа?..

— Нѣтъ... Отъ какого-то доброжелателя...

И, улыбаясь грустной, серьезной улыбкой, Вѣра Александровна достала изъ рабочаго столика изящный конвертъ и протянула его сестрѣ.

Въ конвертѣ съ заграничнымъ штемпелемъ, адресованнымъ на имя Олюниной въ Петербургъ, было письмо, написанное, очевидно, измѣненнымъ почеркомъ. Какой-то «доброжелатель», послѣ небольшого обычнаго предисловія анонимныхъ писемъ, писалъ: «Одна красивая, увлекательная и ловкая женщина, г-жа Бердяева, заинтересовала вашего мужа въ Маріенбадѣ. На этотъ разъ увлеченіе очень серьезное и можетъ окончиться печально для вашего семейнаго счастья, и потому, во избѣжаніе неожиданности, лицо, вамъ сочувствующее, считаетъ долгомъ...»

— Фу какая мерзость!..—воскликнула Елизавета Александровна, бросая письмо. — Есть же негодяи, которые пишутъ такія вещи!

— Получи я его до болѣзни, оно бы произвело впечатлѣніе, а теперь... теперь я выздоровѣла, Лиза, совсѣмъ! — проговорила Вѣра Александровна...

XXIII.

И съ какимъ равнодушіемъ эта странная женщина выслушала послѣднее его признаніе передъ отъѣздомъ! Какъ холодно простилась! Ни ласковаго взгляда, ни обѣщающаго намека! Только смѣющаяся улыбка въ этихъ темныхъ, загадочныхъ глазахъ, на этомъ свѣжемъ, сіяющемъ лицѣ, которая только раздражала самолюбіе, распаляла страсть...

Такъ вспоминалъ Владиміръ Николаевичъ, сидя въ душномъ вагонѣ, уносившемъ его изъ Маріенбада, и равнодушно поглядывая въ окно на красивые виды, мелькавшіе у него передъ глазами. Образъ жены, болѣзнь которой такъ некстати помѣшала ему освѣжаться и разстроила его поѣздку на берегъ моря, хоть и мелькалъ порой передъ нимъ, но тотчасъ же исчезалъ передъ этой соблазнительной женщиной, такъ настойчиво отвергавшей его ухаживанія...

Раздраженный недоступностью загадочной, блестящей красавицы, увлеченный тѣмъ бо̀льшимъ желаніемъ обладать ею во что бы ни стало, Олюнинъ не шутя мечталъ теперь о свободѣ ихъ обоихъ. Тогда она увидала бы, что онъ не шутитъ, что онъ серьезно увлеченъ. Женщины любятъ доказательства!

Мысли объ этой свободѣ занимали его, представляясь въ различныхъ формахъ. Ужъ онъ осторожно подготовилъ жену письмомъ. Она любитъ его и, разумѣется, не захочетъ препятствовать его счастію.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ эта добрая, застѣнчивая, простенькая жена пара ему?.. Развѣ такая женщина можетъ идти съ нимъ рядомъ, гордая его успѣхами, его торжествомъ, его богатствомъ!? Она его совсѣмъ не понимаетъ; она слишкомъ узка, слишкомъ ограничена для той жизни, полной прелести, которую доставлялъ ей Олюнинъ. Положительно онъ сдѣлалъ ошибку, женившись тогда на ней. Но вѣдь онъ не зналъ, что такъ быстро пойдетъ въ гору. Тогда женитьба была необходима... И наконецъ онъ такъ былъ тронутъ ея привязанностью... Она такъ любитъ его, эта бѣдная Вѣрочка.

Въ такія минуты Владиміръ Николаевичъ даже жалѣлъ «бѣдную Вѣрочку», жалѣлъ настолько, что готовъ былъ бы оставить при себѣ жену, если-бъ только Ольга Михайловна согласилась быть его другомъ, безъ требованія жертвъ. Но это невозможно... «Мы оба несвободны!» — припоминалъ онъ ея слова.

И развѣ онъ виноватъ, что ищетъ счастія? Подумавши на эту тему, Олюнинъ рѣшилъ, что «чувство свободно», и Вѣра должна быть счастлива сознаніемъ его счастья, если только она въ самомъ дѣлѣ любящая, преданная натура. Любовь — это самоотверженіе! Когда она поправится, онъ поговоритъ съ ней объ этомъ мягко, осторожно.

Поправится?.. Но, быть-можетъ, болѣзнь серьезная... «Бѣдная Вѣрочка!» — вслухъ проговорилъ Олюнинъ, вспоминая предостереженія петербургскаго доктора. Онъ увлекся этими мыслями и невольно покраснѣлъ. Нѣтъ, нѣтъ! Онъ вовсе не желаетъ ея смерти, но если она случится, если слабый организмъ ея не выдержитъ, то смерть значительно упроститъ дѣло... Онъ, конечно, будетъ огорченъ, но...

И мысль о возможности такого исхода занимала его, чередуясь съ мечтами объ Ольгѣ Михайловнѣ... Мужа можно купить, и она тогда будетъ свободна... О, съ такой женщиной можно извѣдать счастіе... Она хороша, умна, увлекательна... Она будетъ настоящей хозяйкой въ салонѣ...

Воображеніе Владиміра Николаевича такъ сильно работало во время путешествія, что онъ подъѣзжалъ къ станціи, откуда надо было ѣхать въ Дубровки, почти увѣренный, что не застанетъ «бѣдную Вѣрочку» въ живыхъ, и когда увидалъ на платформѣ веселое, улыбающееся, привѣтливое лицо Ефрема Ивановича, совсѣмъ не похожее на лицо вѣстника печали, то выраженіе обманутой надежды пробѣжало по его лицу.

— Вѣрѣ Николаевнѣ-съ гораздо лучше... Ужъ такъ онѣ насъ всѣхъ напугали, такъ напугали!.. Недѣлю безъ памяти были! — торопился докладывать Ефремъ Ивановичъ, выхватывая чемоданъ изъ рукъ Владиміра Николаевича.

— Лучше!.. Ну, слава Богу... Слава Богу...

— Докторъ говоритъ, нервная горячка была-съ...

— А дѣти здоровы?.. Все благополучно?

— Здоровы... Все благополучно... Вотъ только съ мужиками вышла комиссія!..

— Объ этомъ послѣ... Садитесь! — рѣзко сказалъ Олюнинъ, приглашая Ефрема Ивановича въ фаэтонъ.

«И къ чему вызывала меня эта старая дура Марія Ѳедоровна!» — думалъ Олюнинъ, все болѣе и болѣе раздражаясь.

Ефремъ Ивановичъ прижался въ уголъ, осторожно взглядывая по временамъ на молчаливаго Олюнина. Ефремъ Ивановичъ во время долгой своей службы у Владиміра Николаевича хорошо изучилъ его характеръ. Несмотря на видимое спокойствіе его лица, въ этихъ сдвинутыхъ бровяхъ, въ движеніи скулъ, въ назойливости, съ которой Олюнинъ крутилъ

кончикъ своей бороды, Ефремъ Ивановичъ ясно видѣлъ, что Олюнинъ сильно не въ духѣ.

«Ужъ не на меня ли гнѣвается! Не вышло ли какой сплетни?» — думалъ Ефремъ Ивановичъ, не чувствовавшій однако за собой никакой серьезной вины, если не считать кое-какихъ дѣлишекъ, о которыхъ, по точнымъ разсчетамъ Ефрема Ивановича, Олюнинъ никакъ не могъ знать. Ефремъ Ивановичъ велъ свои дѣла всегда на чистоту... Тѣмъ не менѣе онъ трусилъ.

— Что̀ за безобразный мостъ!—воскликнулъ вдругъ Владиміръ Николаевичъ, когда фаэтонъ довольно чувствительно подкинуло на мосту:—по немъ ѣздить опасно! Я думаю, лѣтъ десять не чинили!..

— Починка на обязанности земства... Я неоднократно просилъ...

— И что-жъ они?..

— Обѣщаютъ...

— Экая Азія!.. Хоть бы вы починили... Того и гляди голову сломаешь, пока земство соберется!

— Слушаю, Владиміръ Николаевичъ...

Олюнинъ замолчалъ.

— Хлѣба наши?—спросилъ онъ нѣсколько минутъ спустя, махнувъ головой на дорогу.

— Наши-съ...

— Кажется, хороши?

— Этотъ годъ слава Богу, Владиміръ Николаевичъ... Колосъ ровный, пышный.

— Цѣна будетъ хорошая?

— Надо полагать... Недохватъ былъ въ прошломъ годѣ.

— Покупать надо?—полувопросительно промолвилъ Олюнинъ.

— Слѣдуетъ... Я объ этомъ хотѣлъ писать вамъ, Владиміръ Николаевичъ. Самое время. Теперь у господина Босоногова можно выгодно купить, пока барышники не перебили... Онъ нуждается въ деньгахъ,—говорилъ Ефремъ Ивановичъ, оживляясь.

— Много у него?..

— Тысячи на двѣ четвертей хватитъ... Дѣло выгодное... Тоже вотъ и у госпожи Лебединцевой...

Навстрѣчу шла подгулявшая толпа крестьянъ. Поровнявшись съ экипажемъ, толпа разступилась; нѣкоторые снимали шапки. Олюнинъ любезно раскланялся и потомъ замѣтилъ:

— Молодцы... Съ утра пьяны!.. Праздникъ, что ли?..

— Это липкинскіе, Владиміръ Николаевичъ... Ходили въ посадъ... Тамъ престолъ!..

— То-то праздниковъ много... Рабочая пора, а здѣсь все праздники!..—съ неудовольствіемъ промолвилъ Олюнинъ. — Посмотрѣли бы на Европу...

— Что̀ и говорить! — вздохнулъ и Ефремъ Ивановичъ и прибавилъ:—Очень народъ избаловался пьянствомъ по здѣшней сторонѣ, Владиміръ Николаевичъ.

— И дубровскіе?

— Шибко запиваютъ. Раззоръ! Я приказалъ, чтобы въ кабакахъ не очень-то допускали безобразія... Время горячее... Прежде-съ дубровскіе ничего себѣ были, а теперь... да вотъ изволите увидать... Сами виноваты, а жалуются... Вѣру Александровну даже безпокоили...

— Что?—удивился Олюнинъ.

— Вѣру Александровну, говорю, безпокоили... Онѣ какъ изволили прибыть, такъ по селу ходили, больныхъ лѣчили аптечкой, разспрашивали, а мужики рады случаю... Особливо бабы-съ... Я докладывалъ Вѣрѣ Александровнѣ, чтобы не безпокоились... Конечно, жалко, но опять-таки, если въ разсужденіи...

Олюнинъ не слушалъ дальнѣйшихъ подробностей Ефрема Ивановича. Извѣстіе объ этихъ невинныхъ экскурсіяхъ жены въ село, объ этомъ лѣченіи больныхъ не понравилось ему.

«Вѣчно глупая сентиментальность!» — подумалъ онъ, чувствуя приливъ раздраженія противъ жены.

«И нужно было вызывать меня!»—снова злился онъ, вспоминая, какъ въ этотъ часъ взбирался бы онъ, подъ руку съ Ольгой Михайловной, на Амаліенсхёэ и тамъ, наверху, въ тиши лѣса, сидѣли бы они вдвоемъ... Онъ непремѣнно вернется назадъ. Ему нужно докончить лѣченіе... Жена поправится и безъ него...

— Такъ Вѣрѣ Александровнѣ гораздо лучше? — спросилъ онъ.

— Слава Богу... Въ креслѣ сидятъ теперь... Докторъ говоритъ, всякая опасность прошла...

— А какой докторъ лѣчилъ? Нашъ... ближній?..

— Нѣтъ-съ, изъ Низова... господинъ Филатовъ... Елизавета Александровна его привезла...

— Какая еще Елизавета Александровна?—крикнулъ вдругъ Олюнинъ.

— Сестрица Вѣры Александровны... Онѣ гостили здѣсь съ сынкомъ.

Эта неожиданная новость произвела на Олюнина впечатлѣніе громового удара. Онъ испытывалъ непріятное чувство смущенія, страха и досады. Лицо его мрачно нахмурилось...

Онъ вообще не любилъ встрѣчаться съ людьми, хорошо знавшими его прежде, когда онъ «увлекался», и вдругъ теперь перспектива этой встрѣчи... И жена ничего не писала ему объ этомъ... Различныя подозрѣнія бродили въ его головѣ. Она здѣсь?.. Откуда?.. Зачѣмъ?.. Что̀ ей нужно?

Ефремъ Ивановичъ посматривалъ на Олюнина и недоумѣвалъ: отчего онъ такъ смутился при этомъ извѣстіи...

— И давно Елизавета Александровна гоститъ?—спросилъ Олюнинъ, стараясь говорить спокойно, несмотря на раздраженіе, которое душило его.

— Да недѣли три будетъ...

— Одна?

— Нѣтъ, съ сынкомъ... Ихній сынокъ очень подружились съ Николай-Владиміровичемъ. Вмѣстѣ такъ хорошо забавлялись... Марья Ѳедоровна съ Вѣрой Александровной ѣздили за сестрицей въ Низовъ...

— Въ Низовъ?

— Такъ точно, Владиміръ Николаевичъ. Елизавета Александровна изволили прибыть въ Низовъ, какъ слышалъ я, больше для климату... А Вѣра Александровна слѣдовательно и не знали, что сестрица бокъ-о-бокъ живутъ, пока письмо на имя Марьи Ѳедоровны не пришло... Такимъ случаемъ вышелъ будто для нихъ радостный сюрпризъ...

— Давно она уѣхала? — сухо перебилъ Олюнинъ Ефрема Ивановича, готоваго уже пуститься въ новыя подробности.

— Третьяго-дня... Очень скоро собрались и уѣхали.

— Въ Низовъ?

— Туда-съ. Кучеру наказывали, что скоро вернутся!

Остальную дорогу до Дубровокъ Владиміръ Николаевичъ болѣе не проронилъ ни слова и сидѣлъ серьезный, сердитый, оставляя широкое поле для догадокъ Ефрема Ивановича насчетъ причинъ дурного расположенія Олюнина...

На крыльцѣ Олюнина встрѣтили дѣти съ миссъ Джонстонъ, Марія Ѳедоровна, принарядившаяся Аграфена Андреевна и прислуга. Всѣ казались смущенными, такъ какъ всѣ домашніе побаивались Владиміра Николаевича; дѣти какъ-то осторожно, словно боясь разсердить чѣмъ-нибудь отца, подошли къ нему, а Марья Ѳедоровна, чувствуя себя виноватой, совсѣмъ смутилась.

— Это я виновата, ужъ вы на меня на старуху сердитесь, Владиміръ Николаевичъ!—говорила сконфуженно старушка.— Вѣра не хотѣла, а я думаю: лучше дамъ знать... Только васъ отъ лѣченія отвлекла!.. Ужъ вы простите...

Олюнинъ успокоилъ старушку.

— Хорошо что даромъ потревожили, Марья Ѳедоровна!

— Она такъ насъ напугала, такъ!.. Теперь слава Богу... Докторъ говоритъ: спокойствіе да воздухъ—и все лѣченіе!..— сказала Марья Ѳедоровна и, словно бы извиняясь, прибавила:—а безъ васъ Лиза гостила!..

— Слышалъ, какъ же... Очень радъ, что Елизавета Александровна пріѣхала... Ну, а вы, молодцы, какъ поживаете? хорошо?.. Миссъ Джонстонъ вами довольна, а? Гимнастику дѣлаете?

И онъ снова обнялъ обоихъ мальчиковъ, которые, казалось ему, слишкомъ сдержанно его встрѣтили, и направился въ комнату жены.

XXIV.

— И тебѣ не стыдно такъ пугать меня, Вѣра!?—заговорилъ-было Олюнинъ тѣмъ снисходительно-шутливымъ тономъ, какимъ онъ обыкновенно говорилъ съ женой, но вдругъ остановился, понявъ, что этотъ тонъ теперь не годится.

Въ серьезномъ, чуть-чуть взволнованномъ лицѣ жены, въ этомъ едва замѣтномъ движеніи, съ которымъ она освободилась отъ его нѣжнаго поцѣлуя, въ ея равнодушномъ спокойствіи при видѣ мужа онъ сразу почувствовалъ какую-то перемѣну.

Передъ нимъ была не прежняя покорная, преданная, влюбленная Вѣрочка, а совсѣмъ другая, съ которой надо было говорить иначе. Онъ вдругъ понялъ, что потерялъ надъ ней власть. Это сознаніе раздражило его. Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на жену, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ. Эта слабая, худая женщина, въ бѣломъ капотѣ, съ распущенными волосами, осмѣлившаяся *такъ* холодно встрѣтить его, была ему теперь почти ненавистна. Онъ видѣлъ, что она не довѣряетъ ему.

И, точно желая испробовать еще разъ прежнюю власть надъ этимъ слабымъ созданіемъ, онъ пристально посмотрѣлъ на жену и мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ спросилъ:

— Ты какъ будто недовольна моимъ пріѣздомъ?

— Мнѣ очень жаль, что тебя напрасно потревожили!— отвѣтила она.—Вѣдь ты не окончилъ своего лѣченія?

— А ты-то сама? Что̀ съ тобой было?

— Говорятъ: нервная горячка... Теперь, какъ видишь, поправляюсь...

Она заговорила о дѣтяхъ, спрашивала, какъ онъ ихъ нашелъ, и между прочимъ замѣтила, что жизнь въ деревнѣ всѣмъ имъ такъ понравилась, что она бы не прочь остаться здѣсь съ дѣтьми на зиму...

— На зиму?—удивился Олюнинъ.

— Мнѣ бы хотѣлось... Мнѣ надоѣлъ Петербургъ и вся эта жизнь... И я просила бы тебя не отказать мнѣ въ этомъ!

Она просила такимъ тономъ, будто приказывала.

— Ты хочешь оставить меня въ Петербургѣ одного, безъ дѣтей, безъ тебя?

— Ты можешь навѣщать дѣтей...

О себѣ она умолчала, и Олюнинъ это замѣтилъ.

— И наконецъ, скажи, пожалуйста, что̀ за фантазія жить зимой въ деревнѣ, одной?

— Я люблю деревню, я привыкла къ ней съ дѣтства. И кромѣ того я буду не одна... Со мной будетъ жить Лиза!— тихо прибавила Вѣра Александровна.

Это смущеніе при имени сестры, этотъ взглядъ, избѣгавшій встрѣчаться съ его взглядомъ,—говорили Олюнину, что жена знаетъ его отношенія къ сестрѣ, которыя онъ такъ хотѣлъ бы скрыть отъ всѣхъ; его охватило чувство стыда и злобы.

Онъ пристально, съ нескрываемой злостью взглянулъ на жену.

— Не она ли виновница всѣхъ этихъ затѣй? — проговорилъ онъ.

— Какихъ затѣй?..

— Какъ же... Оставаться въ деревнѣ... лѣчить мужиковъ... Не она ли возстановила тебя противъ меня?.. Не она ли...

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебила жена мужа:—я сама этого хочу... Я сама понимаю, что ты правъ, когда писалъ о несходствѣ натуръ... Но только не будемъ говорить о сестрѣ... Прошу тебя... прошу!

— Она тебѣ жаловалась?.. Она, вѣроятно, сочла нужнымъ повѣдать тебѣ обо мнѣ. Она, конечно...

— Она не жаловалась... Она только открыла мнѣ глаза!— тихо проговорила Вѣра, избѣгая глядѣть на мужа.

Куда дѣвался его мягкій, нѣжный голосъ! Не обращая вниманія, что передъ нимъ женщина, едва оправившаяся отъ тяжкаго недуга, онъ далъ волю сдерживаемому раздраженію и разразился насмѣшками и клеветой противъ сестры...

Не говорить о ней? Отчего-жъ бы ему не говорить! Онъ раньше не говорилъ никогда о своихъ отношеніяхъ изъ уваженія къ женѣ, но теперь... Ну да, онъ увлекся, онъ тогда былъ молодъ, но кто велѣлъ ей бросаться ему на шею... Онъ сдѣлалъ ошибку, положимъ, но кто ихъ не дѣлаетъ!.. И на что̀ ей открыли глаза!? На то, что онъ не такой сумасшедшій, какъ братецъ, что ли? Такъ вѣдь если у нея были глаза, она понимала, кто онъ...

Грустная, презрительная улыбка стояла въ ея глазахъ. И она любила этого человѣка!

— Оставимъ эти разговоры... Они тяжелы для меня и, вѣрно, для тебя!—сказала она серьезно.

— Но чего-жъ ты хочешь?..

— Я хотѣла бы... жить въ деревнѣ...

— Что-жъ, живи, гдѣ тебѣ угодно... Я не стѣсняю тебя!..

— А дѣти?..—спросила она, замирая.—Ты ихъ оставишь мнѣ?

— Ну, это другой вопросъ... Я не могу поручить ихъ тебѣ... особенно если ты будешь жить съ сестрой... Ея взгляды...

— Послушай... я готова жить одна...

— Объ этомъ подумаемъ...

— Я прошу тебя... оставь мнѣ ихъ!—умоляющимъ голосомъ проговорила жена.—Ты будешь ихъ видѣть...

— Я не желаю, чтобъ дѣти были возстановлены противъ отца...

— О, что̀ ты говоришь?... Ра́звѣ я въ состояніи возстановить ихъ...

— Жена, бросающая мужа...

— Бросающая мужа?—проговорила, усмѣхнувшись, Вѣра Александровна.—Зачѣмъ ты... и теперь не искрененъ?.. Вѣдь ты писалъ, какъ ты несчастливъ?.. Вѣдь мы не сходимся... Я слишкомъ глупа для тебя... И развѣ ты когда-нибудь любилъ меня?.. Ты вѣдь самъ знаешь!—прибавила она.

— Оставимъ эти упреки! — рѣзко замѣтилъ Олюнинъ.— Еще есть время, я подумаю, какъ намъ лучше устроиться!

И вдругъ, какъ бы подъ впечатлѣніемъ осѣнившей его мысли, прибавилъ смягченнымъ голосомъ:

— Я приму въ соображеніе твои права матери... Можешь быть увѣрена...

— Благодарю тебя...

Онъ усмѣхнулся.

— Я не такой ужасный человѣкъ, какимъ, вѣроятно, разрисовала меня твоя сестра... Она подъ вліяніемъ женскаго чувства, а ты... ты подъ ея вліяніемъ затѣваешь какія-то глупости.

— Нѣтъ, нѣтъ... право, нѣтъ. Она не виновата... Я сама давно уже замѣчаю, что мы не сходимся... Я тебѣ не пара.

Олюнинъ мастерски разыгралъ роль оскорбленнаго человѣка. О, онъ не желаетъ оправдываться; онъ не станетъ стѣснять жену. Чувство свободно. Онъ останется одинъ, постарается привыкнуть... Вѣроятно, жена одумается... Ему обидно, что близкій человѣкъ измѣнился къ нему, но что̀ дѣлать?..

Онъ такъ увлекся этой новой ролью обиженнаго человѣка, что у него на глазахъ навернулись слезы. Но Вѣра Александровна безучастно слушала эти изліянія. Она не вѣрила.

— Если ты такъ настаиваешь оставаться въ деревнѣ зиму— я согласенъ. Дѣти еще малы и могутъ пока заниматься съ миссъ Джонстонъ, а потомъ...

— Потомъ?

— Мы, можетъ-быть, найдемъ исходъ.

Онъ всталъ и прибавилъ:

— Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что пока приличія будутъ соблюдены!

Она не понимала.

— Объ этомъ никто не долженъ знать!—пояснилъ онъ.

— Къ чему мнѣ разсказывать?..

— Несогласія между родителями такъ отзываются на дѣтяхъ...

Онъ ушелъ, а жена недоумѣвала этой внезапной перемѣнѣ. И снова какой-то страхъ напалъ на нее. Она боялась этихъ неопредѣленныхъ обѣщаній и въ тотъ же вечеръ сообщила обо всемъ своей сестрѣ.

Жгучее чувство злости, оскорбленнаго самолюбія, униженія охватило Владиміра Николаевича. Онъ заперся въ своемъ кабинетѣ и далъ волю своимъ чувствамъ.

Если-бъ теперь увидали его съ лицомъ, искаженнымъ злобой, съ рѣзкимъ стальнымъ взглядомъ въ глазахъ, неподвижно устремленныхъ передъ собой, кто бы узналъ въ немъ того мягкаго, нѣжнаго Владиміра Николаевича, котораго знали въ публикѣ? Жена теперь была злѣйшимъ его врагомъ... Такъ онъ и отдастъ дѣтей этой дурѣ, которая не принесла ему ничего, кромѣ несчастія!..

А эта сестрица!!!

XXV.

— Какой же вы болванъ, Ефремъ Ивановичъ!

Ефремъ Ивановичъ, сіяющій, прифранченный, докладывавшій на другой день въ кабинетѣ у Олюнина о хозяйственныхъ дѣлахъ и ожидавшій обычной похвалы,—былъ сраженъ этимъ неожиданнымъ привѣтствіемъ, послѣдовавшимъ вслѣдъ за сообщеніемъ о возбужденіи слѣдствія противъ нѣкоторыхъ крестьянъ за сопротивленіе приставу при описи ихъ имущества.

Онъ такъ и замеръ въ недоумѣніи съ улыбающейся, привѣтливой улыбкой на губахъ и растерянно смотрѣлъ на Владиміра Николаевича, который не на шутку былъ взбѣшенъ этимъ извѣстіемъ.

— Кто васъ просилъ?.. Ну не дуракъ ли вы?

— Помилуйте, Владиміръ Николаевичъ... Осмѣлюсь доложить, и въ прошломъ году мы попугали... Вамъ было извѣстно...

— Извѣстно!.. Ничего мнѣ не извѣстно... Почемъ я знаю, что̀ вы тутъ дѣлаете?...

— Но вѣдь контрактъ... И вы изволили раньше одобрить мѣры понужденія...

— Что̀ вы мелете?.. Мѣры понужденія!.. Я не зналъ, что мужикамъ нечѣмъ платить... Написали бы мнѣ... Спросили бы. А то теперь довели дѣло до суда... Ахъ, вы...

Ефремъ Ивановичъ даже отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ при видѣ новаго приступа гнѣва. Онъ рѣшительно не понималъ, за что сердится Владиміръ Николаевичъ... Дѣло, казалось ему, было самое что̀ ни на есть чистенькое. Мужики, снимавшіе землю по контракту, не уплатили слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ, и онъ подалъ ко взысканію, разсчитывая, какъ и въ прошломъ году, что мужики заплатятъ. Все это хорошо было извѣстно Владиміру Николаевичу.

Олюнинъ раздраженно ходилъ по кабинету и наконецъ спросилъ:

— Давно была опись?

— Въ іюнѣ...

— Отчего же вы не написали мнѣ?

— Я писалъ, Владиміръ Николаевичъ, и вы изволили отвѣчать... Если угодно, я покажу ваши инструкціи...

— Давайте ихъ...

Владиміръ Николаевичъ пересмотрѣлъ поданныя ему письма и спросилъ:

— Тутъ всѣ?

— Всѣ-съ.

— Оставьте ихъ пока у меня... Я пересмотрю.

Ефремъ Ивановичъ вдругъ поблѣднѣлъ...

— Какъ же я-съ, въ случаѣ чего... безъ документовъ...

Олюнинъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и проговорилъ:

— Они не нужны вамъ... И развѣ вы мнѣ не вѣрите?..

— Помилуйте, Владиміръ Николаевичъ, но я только въ разсужденіи какъ бы своей вины... Я по совѣсти, какъ передъ Богомъ... заслужить хотѣлъ!..

— То-то безъ толку усердствуете... Мужики разорены, платить имъ нечѣмъ, а вы ихъ тѣсните! Такъ нельзя... Этак! вы и совсѣмъ ихъ разорите... Кажется, я никогда не приказывалъ вамъ притѣснять людей. А вѣдь теперь, когда дѣло до суда дойдетъ, могутъ подумать, что я крестьянъ граблю,

а?.. Понимаете, что̀ вы надѣлали? Понимаете? Ну, конечно, по закону они виноваты, но по совѣсти?

Ефремъ Ивановичъ, казалось, начиналъ понимать свою вину и сконфуженно переминался съ ноги на ногу. Въ самомъ дѣлѣ, онъ далъ маху.

— А я еще послалъ васъ сюда, какъ умнаго, расторопнаго человѣка,—проговорилъ, нѣсколько успокаиваясь, Олюнинъ.— Думалъ, вы поймете, какъ слѣдуетъ управлять дѣломъ, чтобы и помѣщику было хорошо, и чтобы мужиковъ не обижать... А вы привыкли, видно, на Волгѣ... нахрапомъ?..

— Это точно, Владиміръ Николаевичъ, виноватъ... Не сообразилъ... Думалъ, опись эта самая пужанетъ, а чтобы судебная процедура... мараль, будто я въ родѣ какихъ-нибудь притѣсненіевъ...

— Не сообразили!?.— проговорилъ, смягчаясь, Олюнинъ.

— Не сообразилъ-съ, Владиміръ Николаевичъ! — докладывалъ совсѣмъ уничтоженный Ефремъ Ивановичъ.

— Теперь сами поправляйте вашу глупость!.. Слѣдователь былъ?..

— Нѣтъ еще-съ...

— Такъ ка̀къ пріѣдетъ, ужъ вы на себя и берите вину... И на судѣ, если будетъ разбираться дѣло, показывайте по совѣсти, что превысили полномочія... Васъ вызовутъ какъ свидѣтеля... Понимаете!?

— Но въ разсужденіи отвѣтственности?..

— Какая отвѣтственность!.. Что̀ вы вздоръ городите... Развѣ васъ будутъ судить, что ли?..

— Такъ-съ... такъ-съ, Владиміръ Николаевичъ. Я, Владиміръ Николаевичъ, со всѣмъ моимъ удовольствіемъ!—говорилъ совсѣмъ успокоенный Ефремъ Ивановичъ, понявшій наконецъ, въ чемъ дѣло.—Я виноватъ, я и отвѣтчикъ!.. Опять же вамъ изъ Петербурга и неизвѣстно, какъ теперь мужики... Это точно, мужикъ разоренъ... И если бы вы изволили знать... Опять же и я какъ бы безъ вины, думалъ насчетъ острастки.

— Ну, что̀ дѣлать!.. По крайней мѣрѣ я вижу, что вы поняли свою вину... И то слава Богу!..

— Какъ не понять... Вѣдь я, Владиміръ Николаевичъ...

Лицо Ефрема Ивановича сіяло умиленіемъ, и въ глазахъ стояли слезы. Отъ полноты чувствъ у него не хватало словъ.

— И, значитъ, дѣло поправимое... А васъ я отсюда долженъ смѣнить... Не безпокойтесь, Ефремъ Ивановичъ... Такой человѣкъ, какъ вы, у меня всегда найдетъ мѣсто... Я вамъ другое дамъ, лучше, какъ кончится это дѣло... Вы здѣсь сколько получали?

— Тысячу рублей, Владиміръ Николаевичъ... окромя коекакихъ торговыхъ операціевъ...

— А вмѣстѣ сколько?—улыбнулся Олюнинъ.

— Да этакъ тысячъ около будетъ трехъ...

— Ну, я васъ пристрою на фабрикѣ въ Москвѣ. И кромѣ того сдамъ, напримѣръ, мелочную лавку на фабрикѣ.

Ефремъ Ивановичъ вышелъ отъ Олюнина исполненный горячей признательности и весело говорилъ женѣ:

— Ну, Груша, и человѣкъ же Владиміръ Николаевичъ... Да я, кажется, за него... душу отдамъ...

— А что̀?..

— Сперва говоритъ: болванъ; я—въ помраченіи, но послѣ самъ увидалъ, что я болванъ, и за сознаніе за мое мы, Груша, отсюда, изъ глуши этой уѣдемъ...

— Какъ?.. Развѣ тебя вонъ?..

— Оно какъ будто вонъ, а на повѣрку выходитъ, что въ Москву... Только ты не болтай, Груша, безъ толку... Не болтай раньше времени, умница!.. Тамъ оно въ лавкѣ-то дѣло, пожалуй, и чище будетъ!

Понятливый Ефремъ Ивановичъ окончательно проникся чувствомъ обожанія къ Владиміру Николаевичу, когда, на другой день послѣ описаннаго разговора, Олюнинъ отправился на село и, собравши мужиковъ (день былъ праздничный), торжественно объявилъ имъ, какъ огорченъ онъ случившимися недоразумѣніями. Онъ съ удовольствіемъ готовъ измѣнить невыгодный для нихъ арендный контрактъ, о которомъ узналъ только теперь; онъ съ радостью загладитъ вину управляющаго, который не оправдалъ его довѣрія и притѣснялъ ихъ. Опись имущества будетъ немедленно снята, и онъ прощаетъ арендную плату за прошлый годъ, не считая себя въ правѣ пользоваться чужимъ добромъ. Въ заключеніе онъ объявилъ, что смѣнитъ управляющаго, и впредь просилъ, въ случаѣ чего, обращаться прямо къ нему...

— Надо, братцы, по-сосѣдски жить... по совѣсти. Мнѣ вашего не нужно!

Владиміръ Николаевичъ недаромъ провелъ часть своей жизни на Волгѣ среди рабочаго народа. Онъ умѣлъ говорить съ нимъ и зналъ, какъ дѣйствовать. Не разъ, бывало, ему приходилось успокаивать толпы рабочихъ, ожидавшихъ въ конторѣ разсчета... Не разъ онъ склонялъ недовольныхъ, прекращавшихъ работу на фабрикѣ... Онъ понималъ, какъ довѣрчива толпа, какъ легко ловится она на доброе, ласковое слово...

Эффектъ этой рѣчи былъ неописанный. Слухъ о справед-

ливомъ рѣшеніи барина, возмущеннаго злоупотребленіями управляющаго, пошелъ по всей округѣ. Мужики благодарили Олюнина и отъ души желали ему всякаго благополучія; бабы выли отъ радости, когда узнали, что Ефремъ Ивановичъ уходитъ. Общая ненависть за все, что̀ терпѣли мужики въ теченіе пяти лѣтъ, обрушилась на Ефрема Ивановича. Онъ обманывалъ барина. Онъ пилъ кровь. Онъ, подлецъ, дралъ проценты; онъ вмѣстѣ съ цѣловальникомъ бралъ въ закладъ мужицкій скарбъ. Противъ него предъявлялись всевозможныя обвиненія... Черезъ нѣсколько дней былъ заключенъ новый контрактъ, снята опись, и вмѣстѣ съ тѣмъ Олюнинъ условился насчетъ зимней возки лѣса...

Но интереснѣе всего во всей этой исторіи было то, что Ефремъ Ивановичъ едва ли не болѣе другихъ восхищался рѣчью Владиміра Николаевича и чуть не плакалъ, когда говорилъ Олюнинъ. Онъ вернулся домой въ какомъ-то восторженномъ состояніи и повторялъ:

— И сколько ума въ этомъ человѣкѣ... Господи, сколько ума!.. Теперь мужики у него вотъ гдѣ!—показывалъ онъ кулакъ.

— Тебя же срамятъ, а ты, дуракъ, хвалишь...

— Какъ же не хвалить! Вѣдь это, милая ты моя, такая политика, если разсудить, такая политика...

— Какая тамъ политика?

— А вотъ какая... Теперича онъ имъ простилъ двѣнадцать тысячъ...

— Ну? Гдѣ-жъ тутъ разсудокъ у человѣка?..

— Простилъ двѣнадцать тысячъ... Правильно... А по чемъ нанялъ онъ ихъ возить зимой лѣсъ?.. — весело подмигнулъ Ефремъ Ивановичъ.

— По чемъ же?..

— А по двугривенному въ день... И то самъ далъ... Даромъ хотѣли... изъ благодарности... Теперь прикинь, Груша, во что зимняя возка станетъ... Вотъ тебѣ и двѣнадцать тысячъ!..

Супруги сообразили и оба прониклись еще бо̀льшимъ уваженіемъ къ Владиміру Николаевичу...

— А все образованіе!—внушительно проговорилъ Ефремъ Ивановичъ...

— Ддда!—вздохнула Аграфена Андреевна, охорашиваясь:— и видный онъ изъ себя какой баринъ... Куда ей до него...

— Ей-то, слабоумной?.. И онъ недаромъ ее презираетъ. На-дняхъ ѣдетъ...

— А мы?

— Мы въ Низовъ переберемся... Тамъ будемъ пока. Жалованье все равно идти будетъ...

— У нихъ съ женой нелады, что ли?

— Да что̀ ему съ этакой женой?.. Отъ нея развѣ есть толкъ?.. Такъ, хнычетъ... Она вѣдь здѣсь зимовать будетъ... Я, говоритъ, такъ желаю.

— Дуроватая! Вмѣсто столицы здѣсь?

— Сестра сбиваетъ. Замѣтила, какого она фасона?—усмѣхнулся Ефремъ Ивановичъ.—Точно та акушерка, что̀ весной арестовали... Владиміръ-то Николаевичъ, видно, не очень ее жалуетъ... Онъ сюда, она отсюда...

— То-то и я дивилась. Ни разу съ тѣхъ поръ не была.

— Тутъ, Груша, тайна! — значительно прибавилъ Ефремъ Ивановичъ.

— Что̀ ты?

— Мальчика-то ея... замѣтила?..

— Ну?..

— На кого похожъ?..

— Ахъ, батюшки... и правда. Да вѣдь вылитый Владиміръ Николаевичъ!.. Какъ же это такъ...

— А такъ, что прежде Владиміръ Николаевичъ и самъ въ ихней сектѣ былъ... да во̀-время за умъ взялся... Можетъ, тогда и былъ грѣхъ... А ты помалчивай... помалчивай, Груша... Иной разъ сболтнешь—анъ, смотришь, втюрился! Нонче надо больше глядѣть да молчать!

Пробывъ въ Дубровкахъ двѣ недѣли, Владиміръ Николаевичъ собирался уѣзжать осмотрѣть на мѣстѣ шахты «Русскаго угля». За границу онъ вернуться не хотѣлъ, тѣмъ болѣе, что, по справкамъ черезъ доктора Фиша, узналъ, что Ольга Михайловна уѣхала изъ Маріенбада неизвѣстно куда.

Во все это время между Олюнинымъ и женой не происходило никакихъ объясненій. Онъ рѣдко бывалъ дома — то уѣзжалъ въ городъ, то на охоту,—и когда имъ приходилось бывать вмѣстѣ, онъ держалъ себя съ женой очень ровно и любезно, точно между ними ничего не произошло.

Наканунѣ отъѣзда, вечеромъ, онъ зашелъ къ Вѣрѣ Александровнѣ.

— Завтра рано утромъ я уѣзжаю и пришелъ проститься!—проговорилъ Владиміръ Николаевичъ.—Вѣроятно, раньше зимы не придется быть въ Дубровкахъ, чтобы повидаться съ дѣтьми...

— Но если нужно... Я могу привезти ихъ въ Петербургъ,—проговорила Вѣра Александровна, внезапно смущаясь и чувствуя сожалѣніе къ отцу ея дѣтей.

— Нѣтъ, что же кататься! Вотъ бумага на свободное жительство съ дѣтьми въ теченіе года!—И онъ положилъ бумагу на рабочій столикъ.—Деньги,—продолжалъ онъ:—будутъ высылаться изъ конторы каждое первое число. Я думаю, пятисотъ рублей довольно?

— Куда столько? Зачѣмъ такъ много денегъ?..

— Деньги никогда не лишнія!—улыбнулся Олюнинъ и продолжалъ:—затѣмъ твое... ваше приданое...

Но Вѣра Александровна, которую весь этотъ разговоръ о деньгахъ давно смущалъ, вся вспыхнула и перебила мужа:

— Какое приданое? Развѣ я мало стоила!

— Приданое принадлежитъ...—Онъ снова запнулся...—принадлежитъ вамъ, и слѣдовательно...

— Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ... Дѣлай... Дѣлайте, какъ хотите... Но я бы хотѣла знать, какъ вы рѣшили насчетъ нашего будущаго... Могу я надѣяться, что у меня не отнимутъ дѣтей?—спросила она, взглядывая на мужа.

Владиміръ Николаевичъ опустилъ глаза, словно бы этотъ свѣтлый, молящій взглядъ его безпокоилъ.

— Я извѣщу объ этомъ... Во всякомъ случаѣ интересы матери не будутъ нарушены. Можете быть спокойны! Къ чему такъ торопиться рѣшеніемъ?—прибавилъ онъ.

— О, благодарю васъ, благодарю!

— Да я еще хотѣлъ сказать насчетъ вашей сестры... Я ничего не имѣю противъ того, чтобы она жила здѣсь съ вами... Напротивъ...

Она протянула ему руку. Въ глазахъ у нея стояли слезы.

— Благодарю! — повторила она. — Простите меня, если я была виновата передъ вами...

Владиміръ Николаевичъ наклонился поцѣловать ей руку.

— Прощай... Прощайте!—поправился онъ и прибавилъ:—надѣюсь, вы будете сообщать мнѣ о дѣтяхъ...

— Непремѣнно, непремѣнно...

Онъ тихо вышелъ. Вѣрѣ Александровнѣ показалось, что онъ былъ взволнованъ. Когда онъ ушелъ, она долго еще сидѣла одна въ глубокомъ раздумьѣ и не догадывалась, кому она обязана этой внезапной уступчивостью мужа.

Рано, на слѣдующій день, Владиміръ Николаевичъ уѣхалъ изъ Дубровокъ. Ефремъ Ивановичъ одинъ провожалъ его.

Молчаливый сидѣлъ Олюнинъ въ фаэтонѣ. Мрачныя мысли толпились въ его головѣ, и онъ былъ равнодушенъ къ прелестному августовскому утру, заливавшему блескомъ окрестности. Онъ вспоминалъ вчерашнее свое свиданіе въ Низовѣ съ этой поблекшей, рано состарѣвшейся женщиной, съ кото-

рой онъ поступилъ такъ безсердечно, онъ видѣлъ своего сына, онъ слышалъ ея просьбы, мольбы не за себя... нѣтъ, о себѣ она ничего не говорила и даже отказалась взять деньги, а за сестру,—наконецъ угрозы публичнаго скандала, и что-то мягкое, захватывающее, тоскливое поднялось въ его душѣ вмѣсто первыхъ впечатлѣній ненависти и злобы. Кажется, первый разъ въ жизни обычныя утѣшенія услужливаго ума не могли заглушить какой-то тоски... Невольно вспомнилось ему, что между массой знакомыхъ и пріятелей у него нѣтъ ни одного близкаго человѣка... И ему вдругъ сдѣлалось жаль, что онъ потерялъ жену—единственное созданіе, которое искренно любило его... Онъ жалѣлъ въ ней не женщину, а преданное существо, жалѣлъ потерю домашняго очага, не сознавая, сколько было безграничнаго эгоизма въ этихъ сожалѣніяхъ!

Несмотря на усилія воли, онъ долго не могъ побороть гнетущаго чувства тоски и недовольства собой.

XXVI.

Вы никогда не бывали въ правленіи Общества «Русскаго угля», которому, если вѣрить, предстоитъ важная будущность конкурировать съ Кардифомъ и Ньюкестлемъ?

Остановимтесь у подъѣзда одного изъ тѣхъ роскошныхъ многоэтажныхъ домовъ, съ зеркальными стеклами, электрическими звонками, лѣпными потолками, дрожащими стѣнами въ два кирпича, которыми въ послѣднее время украшается Петербургъ, и поднимемся по мраморной, изящной лѣстницѣ, устланной ковромъ съ амурами на площадкахъ, во второй этажъ. Направо живетъ Владиміръ Николаевичъ Олюнинъ; налѣво помѣщается правленіе.

Одиннадцатый часъ январскаго утра, сырого, мглистаго, пронизывающаго до костей. Въ этотъ часъ служащіе обыкновенно собираются, избѣгая опаздывать, такъ какъ Владиміръ Николаевичъ иногда заглядываетъ въ контору въ это время (кабинетъ его рядомъ), и если къ половинѣ одиннадцатаго не видитъ всѣхъ на мѣстахъ, то дѣлаетъ гримасу. Исключеніе допускается только для управляющаго конторой и бухгалтера. Они приходятъ иногда позже, и Олюнинъ гримасъ не дѣлаетъ.

Высокія, свѣтлыя, сухія комнаты, убранныя съ солиднымъ комфортомъ, блестятъ чистотой и порядкомъ. Нигдѣ ни пылинки. Видно, что дисциплина здѣсь строгая. Большая пріемная съ круглымъ столомъ посрединѣ, вокругъ котораго стоятъ очень простыя на видъ, массивныя кресла, въ готическомъ

вкусѣ, съ прямыми спинками, обитыя мягкимъ зеленымъ сафьяномъ, но эти простыя кресла очень дорогія. По стѣнамъ — стулья и нѣсколько шкаповъ, гдѣ за стеклами чернѣютъ образчики «русскаго угля» съ привязанными къ нимъ ярлычками, поясняющими, съ какихъ шахтъ образецъ. Направо—комната поменьше, для засѣданій правленія, съ большимъ длиннымъ столомъ, креслами и мягкими диванчиками по стѣнамъ, увѣшаннымъ картами. Налѣво изъ пріемной—три комнаты съ конторками и письменными столами.

Еще нѣтъ половины одиннадцатаго. Разложивъ на конторкахъ свои бумаги, трое молодыхъ конторщиковъ собрались около четвертаго, который только-что прочиталъ въ газетѣ извѣстіе, заинтересовавшее всѣхъ. Дѣло идетъ о патронѣ. Въ сегодняшней хроникѣ сообщали о новомъ крупномъ пожертвованіи Олюнина.

Это извѣстіе возбуждаетъ толки.

— Опять пожертвованіе!

— Да, господа, молодецъ Владиміръ Николаевичъ! На доброе дѣло всегда откликнется!

— Все это хорошо,—замѣтилъ третій, очевидно, большой скептикъ: — но не дурно было бы, если-бъ онъ намъ прибавилъ жалованья... На сорокъ рублей не особенно разживешься...

— Но вѣдь онъ даетъ хорошія награды... Жаловаться нельзя. Къ праздникамъ по триста рублей получили.

— А за то сколько работы. И по вечерамъ!..

Это замѣчаніе однако не мѣшало отдать справедливость Олюнину; оно только подогрѣло разговоръ о патронѣ. Стали говорить о его умѣ, о его качествахъ, о томъ, какъ онъ началъ. Объ этомъ между конторщиками ходили легенды.

— Началъ-то онъ, господа, ни съ чѣмъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ былъ учителемъ, давалъ уроки по пятидесяти копеекъ въ часъ...

— Обѣдать тогда не на что было...

— А теперь?.. И безъ всякой протекціи... Отецъ его былъ мелкій чиновникъ въ провинціи!..

— И, главное, нажилъ честно... не то что̀ другіе!

— Онъ вначалѣ отлично заработалъ на Каспійскомъ морѣ. Агентомъ былъ, какого поискать... У всѣхъ отбивалъ грузы... И его сдѣлали управляющимъ, а тамъ и пошло!

— Нѣтъ... Онъ, говорятъ, представилъ въ военное министерство проектъ о новыхъ мѣшкахъ, вмѣсто прежнихъ... Простая, кажется, вещь, а какой нуженъ умъ!

— Какіе мѣшки?.. Не мѣшки и не агентство... Олюнинъ пушки перевозилъ и на этомъ нажилъ.

По этому поводу разсказывались подробности, свидѣтельствующія о его необыкновенной проницательности, сметливости, объ его замѣчательномъ умѣ.

— Вотъ и теперь, говорятъ, онъ какое-то новое громадное дѣло затѣваетъ... И навѣрное оно у него пойдетъ!

— Ну ужъ вы, господа, расписываете! — замѣтилъ скептикъ:—и умъ и проницательность... Просто счастливый человѣкъ... И, вѣрно, вначалѣ была протекція!.

Небольшого роста, сѣденькій, коротко остриженный господинъ въ очкахъ, сидѣвшій за конторкой и не принимавшій участія въ разговорѣ, поднялъ голову отъ бумагъ и насмѣшливо проговорилъ:

— Счастіе счастіемъ, это положимъ, но одного счастія въ этихъ дѣлахъ мало. Сметливость большая нужна, и на этотъ счетъ Владиміръ Николаевичъ, можно сказать, геніальный человѣкъ... Вы вотъ у меня спросите,—какъ онъ пошелъ въ гору?.. Я вѣдь Владиміра Николаевича знаю давно... Вся его карьера у меня на глазахъ прошла-съ. Я вѣдь у него конторщикомъ служилъ, когда онъ еще только начиналъ.

— А какъ?.. Разскажите, Егоръ Егоровичъ.

— То-то: разскажите, Егоръ Егоровичъ, а сами зря болтаете: счастіе, счастіе. Какое ни будь счастіе, а если тутъ вотъ нѣтъ,—указалъ онъ на свой плѣшивый лобъ, подъ которымъ блестѣли маленькіе глазки:—то счастіе отвернется... И умъ одинъ опять-таки недостаточенъ... Мало ли умныхъ людей и со своимъ умомъ только у другихъ капиталы считаютъ... Тутъ другое, тутъ, господа, нужна сметливость совсѣмъ особенная... быстрота... въ родѣ, такъ скажу, натиска... отвага!.. — говорилъ маленькій старичокъ, и глаза его при этомъ заблестѣли. — Главное, если моментъ подошелъ — не пропусти. Но моментъ-то этотъ самый одинъ почувствуетъ, а другой—нѣтъ! И никакихъ мѣшковъ Владиміръ Николаевичъ не выдумывалъ и пушекъ никакихъ не перевозилъ... Это вздоръ...

Егоръ Егоровичъ повернулся на своемъ высокомъ стулѣ и продолжалъ:

— Нажилъ онъ большія деньги вотъ на какомъ дѣлѣ... Онъ и до того хорошо шелъ, но денегъ у него большихъ не было и даже совсѣмъ мало было... То-есть для Владиміра Николаевича мало... Для насъ, дураковъ, оно бы даже и много было!—засмѣялся Егоръ Егоровичъ.—Эти деньги онъ частью скопилъ, частью въ приданое получилъ... И вотъ, господа, сдѣлался онъ директоромъ въ выпскомъ пароходствѣ, и черезъ нѣсколько времени всѣ у него вотъ тутъ очутились.—И ста-

ричокъ показалъ кулакъ.—Ну хорошо... Смѣнили они это стараго управляющаго и назначили туда управлять другого... Говорили послѣ, будто другого назначили по рекомендаціи Владиміра Николаевича, но документовъ на это никакихъ не было!—засмѣялся старикъ.

— Да вы не тяните, разсказывайте!..

— Хорошо... какъ назначили, Владиміръ Николаевичъ тогда всѣ свои акціи немедленно продалъ... Только прошелъ годъ, другой, акціи пароходства падать стали... Доходовъ никакихъ... И вотъ въ это-то самое время Владиміръ Николаевичъ сталъ эти самыя акціи скупать. По тридцати рублей за штуку платилъ, а самъ изъ правленія вышелъ и еще протестъ оставилъ, что его не слушали. Акціонеры рвали на себѣ волосы, многіе всего лишились, да вѣдь ничего не подѣлаешь... Ну, разумѣется, у него кредитъ былъ... денегъ ему дали... И скупилъ онъ такимъ манеромъ на большую сумму... да послѣ на общемъ собраніи и разгромилъ правленіе въ лоскъ...

— Ну?..

— Ну... на слѣдующій же годъ акціи стояли полтораста рублей, и онъ заработалъ огромныя деньги... Съ тѣхъ поръ и пошелъ... Вотъ съ чего, господа, онъ началъ! А потомъ все больше да больше, все больше да больше!

— Такъ развѣ тутъ не счастье? — замѣтили конторщики, когда Егоръ Егоровичъ кончилъ разсказъ.

— Ахъ вы, господа, господа!..—проговорилъ насмѣшливо Егоръ Егоровичъ.

— Да въ чемъ же тутъ дѣло?.. Вы объясните...

— А вы сами смекните, молодые люди...

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ раздались знакомые всѣмъ шаги. Конторщики разсыпались по своимъ мѣстамъ.

Въ дверяхъ показался Олюнинъ. Онъ былъ во фракѣ, сіяющій, веселый... Всѣ почтительно поклонились.

— Здравствуйте, господа. — И Олюнинъ любезно раскланялся.—Что̀, Павла Ивановича нѣтъ еще?

— Нѣтъ, не приходилъ...

— Когда придетъ, попросите, пожалуйста, его ко мнѣ!— проговорилъ онъ, скрываясь.

— Куда-нибудь собирается!

— Вѣрно, къ министру ѣдетъ! — сказалъ Егоръ Егоровичъ. — Я вчера переписывалъ докладную записку... И пишетъ какъ!.. Читаешь и, знаете, господа, точно какой-то романъ...

— Какое же это дѣло, Егоръ Егоровичъ?..

— Ну, ужъ это шалишь, господа... Вы знаете: приказано мнѣ молчать, и я молчу!..—замѣтилъ Егоръ Егоровичъ, принимаясь за бумаги.

Всѣ знали, что Егоръ Егоровичъ былъ непоколебимъ, и никто болѣе не разспрашивалъ. Скоро вся контора была въ сборѣ, и въ комнатахъ шелъ скрипъ перьевъ да стукъ костяжекъ на счетахъ.

XXVII.

Владиміръ Николаевичъ взглянулъ на часы и сталъ пробѣгать газеты, пачка которыхъ лежала на огромномъ письменномъ столѣ, стоявшемъ посреди комнаты и казавшемся совсѣмъ маленькимъ въ этомъ громадномъ кабинетѣ.

Пушистый коверъ во всю комнату; разныхъ стилей модная мягкая мебель, роскошные низенькіе диваны, покрытые турецкими коврами, художественныя старинныя вещи изъ бронзы и фарфора на письменномъ столѣ и на этажеркахъ, массивные темные шкапы, полные книгъ, по стѣнамъ два пейзажа: Куинджи и Клодта, портреты жены и самого хозяина работы Крамского, альбомъ съ рисунками, дорогія гравюры въ папкахъ на кругломъ японскомъ столѣ, каминъ, отдѣланный въ старинномъ вкусѣ... все здѣсь говорило, что хозяинъ умѣлъ устроиться...

Одиночество не подѣйствовало на Владиміра Николаевича разрушительно. Онъ такъ же свѣжъ, круглъ, румянъ и глядитъ такимъ же выхоленнымъ, какъ и прежде. Развѣ только чуть-чуть увеличилась на его головѣ плѣшина, да сѣдой волосъ сталъ пробиваться въ его пушистой, свѣтлой бородѣ. Фракъ и бѣлый галстукъ идутъ къ нему. Онъ кажется еще представительнѣй въ этомъ костюмѣ...

Когда, поздней осенью, онъ вернулся изъ своей поѣздки, ему казалось пусто въ огромной квартирѣ, безмолвной, не оглашаемой звонкими голосами дѣтей. Его пробирала тоска первое время. Объ Ольгѣ Михайловнѣ не было ни слуху ни духу. Ни на одно письмо его не было отвѣта, а на вопросы у Бѣжецкаго тотъ коротко отвѣчалъ, что она въ Парижѣ, и больше ничего. Да и неловко какъ-то было разспрашивать у этого Павла Ивановича, избѣгавшаго всякихъ разговоровъ, не касавшихся дѣла.

По временамъ все еще заставляла вздыхать его эта красавица, мелькнувшая передъ нимъ такимъ блестящимъ метеоромъ, но время дѣлало свое дѣло, тѣмъ болѣе, что одна интересная артистка, пикантная не столько красотой, сколько извѣстностью, развлекала его.

И наконецъ эта петербургская жизнь дѣльца совсѣмъ охватила Олюнина въ послѣднее время. Надо было распространять русскій уголь, который что-то начиналъ не оправдывать общихъ ожиданій, хлопотать, просить, дѣлать опыты, убѣждать. «Вѣдь у насъ такъ трудно развить какое-нибудь дѣйствительно полезное дѣло!»—не разъ жаловался Олюнинъ, просматривая отчеты и соображая возможные убытки, если русскій уголь не оправдаетъ ожиданій.

Дни въ конторѣ, въ засѣданіяхъ, въ разъѣздахъ по министерствамъ, въ дѣловыхъ сношеніяхъ, затѣмъ обѣдъ дома съ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей, такъ какъ Владиміръ Николаевичъ не любилъ обѣдать одинъ, или у кого-нибудь изъ знакомыхъ, гдѣ поваръ былъ хорошій...

Журфиксы бывали у него попрежнему разъ въ недѣлю. Только характеръ ихъ нѣсколько измѣнился, по случаю отсутствія жены. Вошелъ артистическій элементъ, который прежде отсутствовалъ, и журфиксы отъ этого не проиграли. Тамъ можно было посѣтовать на времена и узнать новости, увидѣть какого-нибудь извѣстнаго литератора, услышать хорошаго музыканта въ началѣ и въ концѣ похохотать надъ анекдотами Горбунова.

Положеніе соломеннаго вдовца имѣло нѣкоторую прелесть, тѣмъ болѣе, что за нимъ сохранился престижъ супруга, огорченнаго разлукой съ женой. Всѣ знали, что «бѣдная Вѣра Александровна» должна была остаться въ деревнѣ по совѣту врачей; петербургскій климатъ ей очень вреденъ, и всѣ сочувствовали Владиміру Николаевичу, принужденному жить безъ семьи.

Олюнинъ бросилъ газеты и уложилъ въ портфель нѣсколько красиво переписанныхъ тетрадей. Это все были экземпляры докладной записки... Онъ посмотрѣлъ на часы и сталъ ходить по кабинету.

Да, это онъ хорошо сдѣлалъ, что осенью тогда завернулъ на Кавказъ полюбоваться видами и природой. Кто бы могъ ожидать, къ чему приведетъ эта поѣздка? Онъ любовался Казбекомъ, посѣтилъ Пятигорскъ, былъ въ домѣ Лермонтова и разузналъ о казенныхъ лѣсахъ въ Абхазіи, которые растутъ непроизводительно... И въ его смѣтливой головѣ тогда же зародился планъ большого хорошаго дѣла. Онъ собралъ свѣдѣнія на мѣстѣ; вернувшись въ Петербургъ, совѣтовался со спеціалистами, и въ одинъ прекрасный день набросалъ записку...

Надо было теперь «провести» дѣло—ну, да на это онъ мастеръ! Сколько приходилось ему проводить всякихъ дѣлъ. Въ

теченіе своей карьеры онъ прошелъ всю грязь этихъ «проведеній» и, пожимая плечами, ужасался, что иначе нельзя. И въ его памяти проходили разные крупные случаи подкуповъ, грубыхъ и тонкихъ, посредственныхъ и непосредственныхъ...

Ужъ онъ зондировалъ почву; ужъ онъ обѣдалъ съ кѣмъ нужно. Почва была подготовлена... Но что̀ скажетъ Конотопцевъ?.. Какъ онъ его приметъ теперь, послѣ недавняго своего побѣдоноснаго возвращенія въ Петербургъ?.. Какъ тамъ отнесутся къ его проекту?..

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ высокій худощавый брюнетъ въ очкахъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ длинными волосами, окаймлявшими красивое, нѣсколько усталое, сосредоточенное, серьезное лицо.

Это былъ Павелъ Ивановичъ Бѣжецкій, управляющій конторой Олюнина, съ которымъ читатель отчасти уже знакомъ,— прежній товарищъ Владиміра Николаевича, а нынче имѣвшій съ нимъ только дѣловыя отношенія.

Когда-то они были близки, но это было такъ давно! Съ тѣхъ поръ много утекло воды, и много прежнихъ товарищей разошлось съ Владиміромъ Николаевичемъ. Съ какой радостью, надо правду сказать, Олюнинъ далъ у себя мѣсто Павлу Ивановичу, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, усталый, обезсиленный, съ семьей на рукахъ, онъ съ стѣсненнымъ сердцемъ обратился съ просьбой о мѣстѣ, предупредивъ однако Олюнина, что онъ продастъ свои руки за кусокъ хлѣба, но не убѣжденія...

Мягкій, честный, добросовѣстный Павелъ Ивановичъ былъ однимъ изъ тѣхъ могикановъ-идеалистовъ шестидесятыхъ годовъ, которые, доживъ до сѣдыхъ волосъ, сохранили свои вѣрованія и надежды и, несмотря на житейскія невзгоды, не оплевали то, чему раньше поклонялись, не отдались общему теченію, а тянули лямку изъ-за куска хлѣба, угрюмые, обойденные жизнью, роковымъ образомъ очутившіеся между двухъ стульевъ — чужіе своимъ сверстникамъ и слишкомъ усталые и безсильные, чтобы пристать къ слѣдующему поколѣнію. Въ этихъ людяхъ есть что-то необыкновенно симпатичное: и самая ихъ придавленность, и это искреннее сочувствіе ко всему свѣтлому и высокому, и въ то же время сознаніе своей безпомощности, составляющее трагичность ихъ положенія.

Всѣ эти черты были и въ Павлѣ Ивановичѣ.

Полная надеждъ юность; молодость, проведенная въ безпросвѣтномъ захолустьѣ безъ людей, безъ книгъ, затѣмъ воля, когда ужъ молодыя силы были надорваны и остались только

добрыя намѣренія. Служба въ разныхъ частныхъ мѣстахъ,— казенныхъ онъ какъ-то боялся, — учительство, литературная поденщина, все перепробовалъ онъ, пока не женился, влюбленный, умиленный самоотверженіемъ дѣвушки, рѣшившейся идти замужъ за него, бездомнаго, безпріютнаго, безъ средствъ, безъ положенія...

Приданое жены было истрачено на библіотеку, которую онъ устроилъ на широкихъ началахъ; его обманули, и они очутились безъ всякихъ средствъ. Когда пошли дѣти—и потомъ у нихъ что̀ ни годъ, то ребенокъ — приходилось подумать о какомъ-нибудь болѣе прочномъ положеніи, чѣмъ учительство и поденщина, и онъ обратился къ Олюнину.

Онъ работалъ какъ волъ, работалъ добросовѣстно, но эта служба у Олюнина тяготила его и была нерѣдкимъ источникомъ хандры, которую онъ тщательно скрывалъ отъ жены, любившей его со всей силой страстнаго чувства и въ то же время мучившей его съ наивностью женскаго непониманія причинъ его душевнаго разлада. Если-бъ еще знала она, что мужъ добровольно нѣсколько разъ отказывался отъ бо̀льшаго жалованья!

Олюнинъ, по обыкновенію, встрѣтилъ Павла Ивановича съ особенной, даже заискивающей любезностью, которая еще болѣе стѣсняла Бѣжецкаго. Въ Павлѣ Ивановичѣ Олюнинъ цѣнилъ превосходнаго, честнаго работника и очень дорожилъ имъ, что̀ не мѣшало, конечно, ему въ душѣ считать Павла Ивановича «тронутымъ».

— Я сейчасъ ѣду къ Конотопцеву, Павелъ Ивановичъ... Надо объяснить тамъ имъ, въ чемъ дѣло, а то, пожалуй, записка у нихъ проваляется!—прибавилъ, усмѣхнувшись, Олюнинъ:—такъ будьте такъ добры, переговорите съ довѣреннымъ правленія желѣзной дороги; онъ обѣщалъ быть сегодня въ половинѣ двѣнадцатаго, чтобъ условиться насчетъ контракта. Кажется, берутъ нашъ уголь...

— Условія такія же, какъ и съ другими?..

— Такія же... Пожалуйста, Павелъ Ивановичъ!.. Только ужъ вы съ нимъ полюбезнѣе!—засмѣялся Олюнинъ.

Павелъ Ивановичъ промолчалъ.

— Коммерческое дѣло... сами знаете, Павелъ Ивановичъ!..— какъ бы извинялся Олюнинъ.

— Вы скоро вернетесь?

— А что̀?

— У меня тоже дѣло есть...

— Важное?

— О Сергіевскихъ шахтахъ.

— Что̀ такое?

— Тамъ управляющій чортъ знаетъ что̀ дѣлаетъ!..

Олюнинъ, казалось, изумился.

— Пользуясь тѣмъ, что почти всѣ рабочіе тамъ безпаспортные, онъ... Да вотъ прочтите!—проговорилъ Павелъ Ивановичъ, подавая письмо Олюнину.

— Ну, батюшка, извините... теперь некогда, послѣ прочту... Это опять Ефремовъ пишетъ?

— Да.

— Преувеличиваетъ онъ, ей-Богу преувеличиваетъ... Я знаю Ефремова...

— Онъ лгать не станетъ!

— Да я и не говорю, что онъ лжетъ... Онъ просто односторонне смотритъ...

И вдругъ, словно его кто-то ужалилъ, онъ съ раздраженіемъ прибавилъ:

— У нихъ только и словъ: грабежъ, эксплоатація... Ахъ, Павелъ Ивановичъ, вѣдь *они* только вредятъ дѣлу разными своими выходками, эти господа. Ну что̀ они хорошаго сдѣлали?.. Полюбуйтесь, какое время... Хорошее, что ли?.. Вѣдь и я не меньше ихъ желаю... Мы тоже были молоды, и однако-жъ...

— Я, Владиміръ Николаевичъ, пришелъ спросить васъ, что̀ прикажете отвѣтить на это письмо!—сухо замѣтилъ Павелъ Ивановичъ.

— Мы поговоримъ объ этомъ, поговоримъ... Разумѣется, надо разобрать дѣло... Я всегда готовъ защитить рабочихъ... всегда, если ихъ требованія справедливы. Кажется, я въ этомъ отношеніи... До свиданія, Павелъ Ивановичъ, до свиданія... Мы какъ-нибудь уладимъ... Управляющій на шахтахъ тоже вѣдь полезный человѣкъ!

Павелъ Ивановичъ отправился къ своему столу и уткнулся въ бумаги. Полученное, вмѣстѣ съ офиціальнымъ письмомъ, частное письмо отъ Ефремова, котораго онъ же рекомендовалъ Олюнину, крайне непріятно подѣйствовало на него. Онъ тоже былъ въ числѣ многихъ, обманутыхъ лицемѣріемъ Олюнина. Онъ считалъ его все-таки съ извѣстной точки зрѣнія приличнымъ эксплоататоромъ. А теперь подробности, сообщенныя его знакомымъ, раскрывали вопіющія дѣла... Онъ оставаться болѣе не можетъ... Надо искать мѣста и уходить отсюда, хотя и придется выдержать съ женой жестокую, убійственную сцену.

XXVIII.

— Въ министерство!

Кровный караковый рысакъ тронулъ маленькія одиночныя санки и черезъ четверть часа остановился, какъ вкопанный, у подъѣзда внушительнаго казеннаго зданія.

Въ большой пріемной комнатѣ дожидалось десятка два, чающихъ увидѣть Конотопцева. Тутъ было человѣкъ пять мужчинъ въ мундирахъ и фракахъ, остальныя все дамы въ черныхъ платьяхъ, сидѣвшія небольшими группами на стульяхъ и диванчикахъ, стоявшихъ у стѣнъ...

При появленіи Олюнина на минуту остановились тихіе разговоры въ залѣ; всѣ посмотрѣли на него.

Молодой дежурный чиновникъ, нетерпѣливо бесѣдовавшій въ эту минуту съ пожилой дамой, глаза которой были заплаканы, кажется, очень радъ былъ случаю отдѣлаться отъ нея и торопливо подошелъ къ Владиміру Николаевичу.

— Олюнинъ... Его превосходительство просилъ быть у него въ одиннадцать часовъ...

— Генералъ сейчасъ выйдетъ!—привѣтливо улыбаясь, говорилъ чиновникъ и отошелъ въ сторону, избѣгая, повидимому, проходить мимо этихъ женскихъ фигуръ, казавшихся живымъ воплощеніемъ горя.

Олюнинъ опустился на диванъ неподалеку отъ скромно одѣтой старушки, безпомощно склонившей голову. Она повернула къ Олюнину скорбное, страдальческое лицо, взглянула на него, и ея тусклые глаза наполнились слезами. Бумага задрожала въ ея костлявой рукѣ, вся она затрепетала подъ впечатлѣніемъ какого-то нахлынувшаго воспоминанія при видѣ веселаго, сіяющаго, цвѣтущаго лица Владиміра Николаевича. Другое лицо припомнилось ей...

— Извините, пожалуйста, — обратилась она къ нему немного погодя:—не знаете ли, скоро ли выйдетъ Конотопцевъ? Вамъ говорилъ чиновникъ?

— Онъ сказалъ, что скоро...

Старушка поблагодарила его, вздохнула и прибавила:

— Я третій разъ здѣсь, и, къ сожалѣнію, мнѣ все не удается говорить съ нимъ... Онъ такъ занятъ, а насъ всегда здѣсь такъ много!.. Я ужъ и не знаю, что̀ дѣлать...

Въ это время двери кабинета скрипнули. Въ залѣ воцарилась мертвая тишина; всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и жадно глядѣли на дверь. Мужчины почтительно вытянулись. Олюнинъ взглянулъ на старушку. Она замерла въ ожиданіи...

Въ этомъ блѣдномъ, искаженномъ злобой лицѣ, показавшемся въ дверяхъ кабинета, Олюнинъ, къ своему изумленію, узналъ Бердяева. Да, это былъ онъ, въ шитомъ мундирѣ, быстро проходившій черезъ залу, съ опущенными глазами, растерянный, подавленный, несчастный...

«Видно... прогнали!—подумалъ Олюнинъ. — И брошюры не помогли!..»

Двери кабинета закрылись за вошедшимъ туда дежурнымъ чиновникомъ, и громкій вздохъ вырвался изъ груди старушки.

— Онъ, вѣрно, не выйдетъ!..—произнесла она, безпомощно опускаясь на стулъ...

Но онъ уже выходилъ, направляясь развалистой, спѣшной, утиной походкой къ ближайшимъ просителямъ, все съ той же привѣтливой, ласковой улыбкой на обрюзгломъ, румяномъ лицѣ, окидывая быстрымъ взглядомъ своихъ маленькихъ глазъ всѣхъ ожидавшихъ его...

Онъ замѣтилъ Олюнина и фамильярно кивнулъ ему издали, въ отвѣтъ на его почтительный поклонъ, и быстро сталъ обходить просителей, отпускалъ скоро однихъ и обѣщалъ другимъ бесѣду въ кабинетѣ.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ? — спросилъ онъ, останавливаясь около старушки и дѣлаясь вдругъ серьезнымъ.

Она хотѣла что-то сказать, но только вздохнула и подала бумагу.

Конотопцевъ пробѣжалъ бумагу... По мѣрѣ чтенія лицо его принимало все болѣе и болѣе печальное выраженіе. Онъ возвратилъ бумагу и, пожимая плечами, проговорилъ:

— Я ничего не могу сдѣлать, ничего... Вы обратитесь въ другой департаментъ...

— Но мнѣ сказали... Я три раза была здѣсь!..— повторяла старушка въ отчаяніи. — Вы, ваше превосходительство, сами отецъ... Я прошу свиданія, только свиданія...

— Что-жъ вы не направили просительницу, куда слѣдуетъ?—обратился Конотопцевъ къ дежурному чиновнику.

— Я объяснялъ имъ...

— Успокойтесь, успокойтесь, сударыня... Повѣрьте, если будетъ возможно... войдутъ въ ваше положеніе... Для васъ сдѣлаютъ, что̀ возможно...

Поручивъ дежурному чиновнику направить рыдающую старушку, Конотопцевъ протянулъ свою рыхлую, толстую руку Олюнину и привѣтливо сказалъ:

— Здравствуйте, старый пріятель... Очень радъ васъ видѣть... очень радъ... Сейчасъ я къ вашимъ услугамъ!..

Этотъ большой зеленый кабинетъ, казавшійся такимъ мрачнымъ и подавляющимъ два мѣсяца тому назадъ, когда въ немъ такъ торжественно и величественно свершалъ культъ службы князь Литовскій, совсѣмъ теперь утратилъ свою прежнюю торжественность, съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ водворился Викторъ Сергѣевичъ Конотопцевъ и внесъ съ собой духъ пренебреженія къ излишнимъ бюрократическимъ тонкостямъ, свое несравненное умѣнье шутя заниматься дѣлами и ободрять всѣхъ привѣтливой улыбкой и обѣщаніями.

Ртищевъ, который внушалъ такія опасенія старому князю насчетъ будущности Россіи, теперь, по разстроенному здоровью, проживалъ за границей, но и князь Литовскій недолго удержался на мѣстѣ, несмотря даже на нѣкоторый эффектъ, произведенный вначалѣ запиской и памфлетами Бердяева. Ртищевъ оказался слишкомъ либеральнымъ, князь слишкомъ ретроградным, и Конотопцевъ являлся какъ разъ подходящимъ ко времени человѣкомъ. Точно такъ же, какъ и князь Литовскій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Викторъ Сергѣевичъ, при встрѣчѣ съ Литовскимъ въ пріемной у его свѣтлости, съ соболѣзнованіемъ пожалъ плечами, словно призывая Бога въ свидѣтели, что онъ не виноватъ, и точно такъ же старикъ-князь слабо улыбнулся и вскорѣ уѣхалъ, въ свою очередь, какъ прежде Конотопцевъ, за границу отдыхать отъ трудовъ и на досугѣ изливать свои скорби не въ запискахъ и не въ меморіяхъ, а въ новой формѣ, еще не практиковавшейся доселѣ отставными звѣздами бюрократіи, — въ формѣ беллетристическихъ произведеній.

И Олюнину этотъ кабинетъ показался теперь болѣе веселымъ, когда онъ вошелъ въ него послѣ получасового ожиданія въ пріемной. Обои были свѣтлые, свѣтъ ярче проникалъ въ окна, съ которыхъ были сняты темныя занавѣски, мебель казалась легче...

— Садитесь, батюшка, садитесь... Чѣмъ могу служить? Разсказывайте! — проговорилъ весело Конотопцевъ, слегка поморщась при видѣ толстаго портфеля въ рукахъ у Олюнина...

Но, прежде чѣмъ Олюнинъ раскрылъ ротъ, Викторъ Сергѣевичъ, жмурясь и потягиваясь въ креслѣ, проговорилъ:

— Только смотрите, я вамъ даю пятнадцать минутъ. Задъ, занятъ... просто голова идетъ кругомъ. Вы вотъ насъ ъ, вѣрно, ругаете,—улыбнулся Конотопцевъ:—а насъ надо ви ѣть, ей-Богу... Времена теперь такія... — И онъ махнулъ й.—Видѣли тамъ, въ пріемной?

— забывъ, вѣроятно, про свои пятнадцать минутъ, Викпейте

торъ Сергѣевичъ продолжалъ говорить о тѣхъ трудностяхъ, которыя вышали ему на долю. Но онъ, конечно, не теряетъ бодрости. Онъ надѣется, что съ помощью порядочныхъ людей...

— И какихъ только дѣлъ ни приходится разбирать. Вотъ сегодня я разводилъ супруговъ!.. Помните на водахъ Бердяеву?.. Еще ухаживали за ней... Кусочекъ лакомый!—продолжалъ Викторъ Сергѣевичъ.—Такъ вотъ развелъ ее съ супругомъ. Слышали, она дѣлаетъ блестящую партію—выходитъ за князя Курбатова...

При имени князя Курбатова, извѣстнаго милліонера-барина, жившаго постоянно за границей, Олюнинъ чуть не привскочилъ.

— За князя Курбатова?

— Да. Подите: князь упрямъ, какъ лошакъ, и непремѣнно хочетъ жениться... Ну, просилъ помочь въ этомъ дѣлѣ, а мужъ упорствуетъ. Дуракъ, не все ли ему равно! Что съ возу упало, то пропало. Я ему и посовѣтовалъ лучше миромъ да ладомъ кончить дѣло. Князь вѣдь готовъ за свою невѣсту дать дорогой выкупъ. Но тотъ о супружескихъ правахъ... Законъ, говоритъ, на его сторонѣ. Ну, законъ, разумѣется, но только я ему и говорю: «Милый мой! не все ли вамъ равно? Зачѣмъ вы хотите быть собакой на сѣнѣ, а?..»—хохоталъ Конотопцевъ, трепля Олюнина по колѣнкѣ.—И подите-жъ! Надо было приструнить этого несговорчиваго человѣка... Пусть изливаетъ свою злобу на жену въ брошюрахъ за границей, если хочетъ. Князь Литовскій культивировалъ его писательскіе таланты... Правда, недурно пишетъ, но слишкомъ ужъ онъ озлобленъ, слишкомъ... И можетъ насъ компрометировать этотъ Бердяевъ.

Конотопцевъ взглянулъ на часы и спохватился.

— Хорошъ я, хорошъ! Чѣмъ могу служить вамъ?

Олюнинъ вкратцѣ разсказалъ о лѣсахъ на Кавказѣ, которые теперь не приносятъ никакой пользы.

— Вы насъ хотите лишить и послѣднихъ лѣсовъ?—смѣясь перебилъ Конотопцевъ.

Олюнинъ съ жаромъ возразилъ, что, напротивъ, онъ имѣетъ въ виду новый источникъ дохода государства.

— Но вѣдь лѣса не по моей части?

Онъ знаетъ. Онъ уже обращался въ подлежащее вѣдомство, но счелъ своей обязанностью явиться съ просьбой къ Виктору Сергѣевичу, увѣренный, что онъ, какъ истинно-русскій человѣкъ, близко принимаетъ къ сердцу интересы русской промышленности, экономическое положеніе Россіи

которой такъ необходимы въ настоящее время всякіе новые источники доходовъ,—и не откажетъ въ содѣйствіи этому дѣлу.

— Я, кажется, извѣстенъ вашему превосходительству, какъ человѣкъ, который...

Конотопцевъ прервалъ его и насказалъ комплиментовъ.

— Я знаю, знаю... Я увѣренъ... Такъ вы говорите: новый источникъ дохода? И большой?

— Все будетъ зависѣть...

— Что-жъ вы хотите дѣлать съ кавказскими лѣсами?

— Просить объ отдачѣ въ аренду нѣкоторыхъ участковъ...

— А дальше?.. Вырубить ихъ?..

— О, нѣтъ... Эксплоатировать ихъ правильнымъ способомъ для вывоза клепки... Теперь это дѣло ведется совсѣмъ хищническимъ образомъ... Лѣса даромъ истребляются... Клепка...

— Да вы мнѣ объясните, что̀ такое клепка?..

— Дерево, употребляемое на бочки...

— А-а... Такъ вотъ въ чемъ дѣло!.. Ну, хорошо... вы оставьте записку... Я очень радъ, очень радъ буду помочь... Въ самомъ дѣлѣ, мы очень нуждаемся теперь въ новыхъ источникахъ...

Викторъ Сергѣевичъ обнадежилъ Олюнина и обѣщалъ доложить объ его дѣлѣ. Олюнинъ уѣхалъ довольный.

Въ теченіе цѣлой недѣли онъ развозилъ по пріемнымъ записки и вездѣ говорилъ о новыхъ источникахъ дохода и о значеніи, которое можетъ имѣть клепка при правильной постановкѣ дѣла...

Конотопцевъ пробѣжалъ записку въ тотъ же день и, увлекшись самъ новыми источниками доходовъ, такъ подробно и горячо докладывалъ о необходимости поддержать это дѣло, что казалось, будто всю свою жизнь онъ занимался торговлей клепками...

Дѣло Олюнина съ кавказскими лѣсами стояло твердо.

XXIX.

Наступилъ май мѣсяцъ.

Опять, какъ и въ прошломъ году, Владиміръ Николаевичъ пріѣхалъ къ своему пріятелю, извѣстному петербургскому доктору, и тотъ встрѣтилъ его со смѣхомъ:

— Небось, снова нагуляли брюшко, Владиміръ Николаевичъ?

— Есть грѣхъ, да и тянетъ, докторъ, освѣжиться...

— Что-жъ, съ Богомъ. Крейцбруннена попили, теперь попейте Виши...

— А послѣ покупаться?.. Въ прошломъ году я собирался, да такъ и не попалъ на морскія купанья...

— Слышали, слышали, батюшка... И даже въ пріятной компаніи хотѣли покупаться... А кстати, знаете новость?— Бердяевъ-то свихнулся!..

— Что̀ вы?

— Какъ же... Третьяго-дня его свезли въ сумасшедшій домъ. Мнѣ говорилъ докторъ, который его лѣчитъ. Ужасное состояніе: во всѣхъ видитъ враговъ и все повторяетъ, что онъ одинъ не подлецъ, а весь міръ—подлецы.

— А вѣдь способный человѣкъ былъ!—замѣтилъ Олюнинъ.

— Способный, пожалуй, но только и въ самомъ же дѣлѣ гусь изрядный... Правда, оплевали его таки-порядочно, а потомъ тѣ, которые пользовались имъ, его же прогнали... Это, говорятъ, на него и подѣйствовало...

— Вѣроятно, и бракъ жены?..

— Все вмѣстѣ. Да если хотите, онъ былъ помѣшанный и раньше, когда брошюры свои писалъ... Я читалъ, такъ, знаете ли, подозрѣвалъ, что у этого барина что-то неладно... Озлобленіе и самолюбіе какія-то чудовищныя... Такъ скоро вы думаете ѣхать, Владиміръ Николаевичъ?..

— Да черезъ недѣльку.

— Съ Богомъ. Заѣдете въ деревню къ своимъ?

— Я только-что оттуда вернулся. Жена совсѣмъ поправилась. Деревня отлично на нее дѣйствуетъ...

— Поправилась?—съ живостью спросилъ докторъ.—Ну, а зиму-то какъ она думаетъ? Вѣдь петербургскій климатъ ей вреденъ...

— То-то вреденъ; всѣ говорятъ... И мы рѣшили, что она поселится въ Москвѣ съ дѣтьми... Какъ это ни непріятно, а что̀ дѣлать...

— Вотъ за это хвалю!.. Умно придумали!—воскликнулъ докторъ.—Вашей барынѣ совсѣмъ въ Петербургѣ не годится жить... Конечно, вамъ будетъ тяжело, но надо покориться... Иногда приходится жертвовать многимъ...

— Я буду часто наѣзжать въ Москву!—проговорилъ Олюнинъ.

— Конечно, конечно!—подтвердилъ докторъ, опуская глаза и думая про себя, что чѣмъ рѣже онъ будетъ это дѣлать, тѣмъ лучше.

Черезъ недѣлю Олюнинъ уѣзжалъ за границу «освѣжаться», направляясь черезъ Вѣну и Швейцарію въ Виши.

Солнце только-что начинало спускаться, и въ воздухѣ повѣяло пріятной прохладой послѣ духоты дня, когда курьеръ-

цугъ, въ которомъ ѣхалъ изъ Вѣны Олюнинъ въ отдѣльномъ купэ, прибылъ въ Линдау, откуда надо было сѣсть на пароходъ для переѣзда черезъ Боденское озеро, въ Романсхорнъ.

Пассажиры спѣшили на пароходъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дебаркадера... Олюнинъ, проспавшій обѣдъ, прошелъ на пароходъ однимъ изъ первыхъ и, не обращая никакого вниманія на прелестный видъ озера, окаймленнаго синевой горъ, спустился въ каюту и спросилъ себѣ чего-нибудь поѣсть...

Пароходъ тотчасъ же двинулся. Утоливъ аппетитъ скверным бифстексомъ, Владиміръ Николаевичъ вышелъ наверхъ и, приблизившись къ борту, вдругъ остановился въ изумленіи.

Совсѣмъ близко, рядомъ, сидѣла, облокотившись на бортъ, Ольга Михайловна, задумчиво глядя на замершія воды озера, въ которомъ, переливаясь, отражались лучи потухавшаго солнца.

Онъ стоялъ неподвижно, не спуская съ нея глазъ, оглядывая ее всю. Все на ней казалось ему необыкновенно изящнымъ: и свѣтло-сѣрый модный ватерпруфъ съ нѣсколькими воротниками, обливавшій изящныя формы ея роскошнаго стана, и маленькая швейцарская соломенная шляпа, изъ-подъ которой сверкала коса, и коротенькая ботинка, виднѣвшаяся изъ-подъ короткаго платья...

А она все смотрѣла на озеро, проникнутая, казалось, вся такимъ же холоднымъ спокойствіемъ, какъ и эти спокойныя, темно-изумрудныя воды озера.

Она повернула голову и увидѣла Олюнина. Прежняя смѣющаяся улыбка заиграла въ ея темныхъ глазахъ, освѣщая ея ослѣпительную красоту.

— Вотъ неожиданно!—проговорила она, протягивая дружески руку на почтительный, долгій поклонъ Олюнина.— Откуда васъ Богъ несетъ?..

— Изъ Вѣны...

— Значитъ, въ одномъ поѣздѣ?..

— Въ одномъ... Я и не думалъ...

— И я не думала!—улыбнулась Ольга Михайловна.— И куда дальше?

— Въ Виши.

— Какъ судьба насъ сводитъ... И мы ѣдемъ въ Виши... Я замужемъ!—прибавила она.—А вы какъ поживаете? Впрочемъ, что-жъ я? Довольно взглянуть на васъ... На судьбу больше не жалуетесь?—насмѣшливо продолжала она.

— Иногда... А вы, Ольга Михайловна?

— Я и не жаловалась никогда...

— И счастливы?..

— Разумѣется... По-своему!—прибавила она.—Беру, что̀ жизнь даетъ!

Къ ней подходилъ въ это время изящно одѣтый господинъ.

— Мой мужъ, князь Курбатовъ...—Владиміръ Николаевичъ Олюнинъ.

Пожилой брюнетъ, съ блѣднымъ, истомленнымъ, некрасивымъ лицомъ, съ холодной любезностью пожалъ руку Олюнина и, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, предоставилъ женѣ бесѣдовать съ Владиміромъ Николаевичемъ.

Но бесѣда ихъ была коротка. Пароходъ уже приставалъ къ Романсхорну.

— Надѣюсь, въ Виши увидимся?—говорила Ольга Михайловна, подавая руку мужу.—Вы прямо? А мы еще въ Интерлакенъ заѣдемъ на недѣлю... До свиданія!

Мужъ снялъ свой фетръ, и они не спѣша пробирались впередъ.

XXX.

Трудно рѣшить, кому больше надоѣло ждать дѣла о сопротивленіи властямъ при описи имущества крестьянъ села Дубровокъ, подсудимымъ или Ефрему Ивановичу Притыкину. Наконецъ, въ началѣ осени, дѣло это разбиралось въ Ѳ—й судебной палатѣ. Оно вызвало въ мѣстномъ обществѣ немалую сенсацію, тѣмъ болѣе, что въ частныхъ корреспонденціяхъ сообщалось, что по просьбѣ Олюнина, возмущеннаго этимъ печальнымъ происшествіемъ въ его имѣніи, защищать подсудимыхъ будетъ извѣстный петербургскій адвокатъ N. N.

Вся мѣстная артистократія собралась въ этотъ день въ залу суда послушать знаменитаго адвоката. И публика собралась не напрасно. Адвокатъ произнесъ превосходную рѣчь, въ которой говорилъ объ этихъ ужасныхъ контрактахъ, передъ которыми остановился бы самъ Венеціанскій Еврей, объ этихъ кровопійцахъ, сосущихъ кровь мужика, объ этихъ «Притыкиныхъ», опустошителяхъ земли русской... объ этомъ кулакѣ, обманувшемъ довѣріе честнаго человѣка, на котораго могло пасть подозрѣніе..

Да, досталось-таки въ этотъ день Ефрему Ивановичу!.. И на перекрестныхъ допросахъ, и въ рѣчи адвоката. Со всѣхъ сторонъ смотрѣли. какъ на ужаснѣйшаго и вѣроломнаго злодѣя, на этого прифранченнаго, бойкаго и расторопнаго Ефрема Ивановича, который такъ весело и нагло сознавался, что обманулъ довѣріе своего благодѣтеля, и такъ старательно расписывалъ добродѣтели Владиміра Николаевича, что можно было бы заподозрѣть какую-нибудь фальшь, если-бъ не трога-

тельныя показанія крестьянъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ имъ Олюнинымъ, какъ только онъ пріѣхалъ въ деревню и узналъ о поступкахъ своего управляющаго...

Къ изумленію Аграфены Андреевны, адвокатъ разрисовалъ ея супруга въ такомъ ужасномъ видѣ, представивъ его мошенникомъ чуть ли не со дня рожденія, при чемъ не забылъ коснуться и ея наклонности къ роскоши, вліявшей, въ свою очередь, на порочную алчность мужа,—что она подъ конецъ совсѣмъ ошалѣла и поводила изумленными глазами вокругъ, не понимая, какъ мужъ молчаливо сноситъ все это. А Ефремъ Ивановичъ не только сносилъ, но какъ будто даже гордился, что является героемъ дня...

Подсудимыхъ оправдали. Адвоката поздравляли со всѣхъ сторонъ, публика сдѣлала ему овацію... Всѣ были подъ впечатлѣніемъ его рѣчи, исключая развѣ двухъ женщинъ, пріютившихся въ уголкѣ залы, чтобы скрыться отъ общаго вниманія. То были Вѣра Александровна и ея сестра, пріѣхавшая вмѣстѣ съ ней изъ деревни слушать это дѣло. Вѣра Александровна непремѣнно хотѣла быть на судѣ...

Она пріѣхала со страхомъ, а уѣзжала изумленная, не вѣря своимъ ушамъ...

— Что-жъ это такое?—въ недоумѣніи повторяла Вѣра Александровна, когда обѣ сестры садились въ вагонъ, чтобъ ѣхать въ деревню.

— Это... это торжество добродѣтели!—съ злой усмѣшкой проговорила Елизавета Александровна и, помолчавъ, прибавила:—я рада, что мы съ тобой пріѣзжали сюда.

— Рада? Почему? Развѣ весело было смотрѣть на всю эту комедію?

— Я за тебя радуюсь. По крайней мѣрѣ ты окончательно излѣчишься.

— А ты все сомнѣваешься?—прошептала, вспыхнувъ, Вѣра Александровна.—Мнѣ было жаль его, это правда, а теперь и жалости нѣтъ. И, знаешь, я такъ рада, что не вижу его... Мнѣ такъ хорошо въ деревнѣ съ дѣтьми, съ тобой...

— И ему, кажется, недурно въ Петербургѣ!—замѣтила сестра.—Посмотри... Твой мужъ преуспѣваетъ!

И Елизавета Александровна съ усмѣшкой подала сестрѣ только-что купленный нумеръ газеты и указала на слѣдующее объявленіе, красовавшееся на самомъ видномъ мѣстѣ:

ТОВАРИЩЕСТВО РУССКОЙ КЛЕПКИ

В. Н. ОЛЮНИНЪ и К°.

капиталъ 2,000,000 рублей.

Агентства во всѣхъ городахъ Имперіи.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

было бы хорошо разсмотрѣть, какъ отецъ цѣлуетъ и щиплетъ гувернантку.

Гувернантки у Жоржа мѣнялись очень часто. То сами уходили отъ преслѣдованій генерала, то оставляли домъ вслѣдствіе ревнивыхъ придирокъ и дерзостей генеральши. Генералъ не давалъ имъ спуска. Онъ какъ-то выписывалъ всегда хорошенькихъ гувернантокъ и былъ мастеръ немедленно становиться съ ними на короткую ногу. Та же исторія бывала и съ няньками.

Сангвиникъ по характеру, генеральша быстро отдавалась впечатлѣніямъ. Точно ребенокъ, она удивительно скоро переходила отъ гнѣва къ ласкѣ, отъ слезъ къ смѣху. Часто, слушая отчетъ Жорженьки о томъ, какъ папенька въ коридорѣ «обнималъ и щипалъ» новую «няню Дашу», мать хохотала до слезъ, заставляя Жорженьку повторять разсказъ о похожденіяхъ «стараго развратника», какъ она всегда за-глаза называла своего мужа. Жоржъ повторялъ и подчасъ присочинялъ подробности, мелькавшія въ его воображеніи... Благодаря этимъ бесѣдамъ съ матерью, инстинкты мальчика просыпались ранѣе времени, и Жоржъ уже подолгу льнулъ къ губамъ знакомыхъ дамъ, цѣловавшихъ «прелестнаго малютку», и краска, являвшаяся при этомъ на его круглыя щеки, не была краской стыда.

II.

Отецъ нерѣдко давалъ Жоржу пощечины, диралъ за уши и, случалось, сѣкалъ. Но причины наказаній были до того разнообразны, что разобраться въ нихъ и выискать какую бы то ни было руководящую идею было совершенно невозможно. Иногда мальчика наказывали за разорванный воротникъ рубашки, иногда проходилъ даромъ раскроенный лобъ двороваго мальчишки. Разъ высѣкли за то, что онъ солгалъ, другой разъ простили за то, что укралъ какую-то бездѣлку у своей тетки. Генералъ особенно не любилъ, когда разбивали или портили вещи, и за это всегда наказывалъ.

Жоржъ вылъ не столько отъ боли, сколько отъ стыда и злости, и искалъ случая поймать отца въ его шаловливыхъ похожденіяхъ. Онъ ласково упрашивалъ Каролину Карловну, свою молоденькую гувернантку, идти съ нимъ послѣ обѣда, въ шесть часовъ, гулять въ большой садъ сзади дома и, отпросившись въ оранжерею, оставлялъ гувернантку одну на скамейкѣ въ тѣни аллеи за книгой и убѣгалъ назадъ слѣдить за приходомъ отца. Скоро рѣзкій, отрывистый кашель давалъ знать, что отецъ въ саду — онъ всегда гулялъ въ

эти часы,—и Жоржъ, замѣтивъ отца, осторожно обѣгалъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Каролина Карловна, забивался въ кусты и, притаивъ дыханіе, ждалъ съ нетерпѣніемъ интимныхъ сценъ.

Генералъ, замѣтивъ блестѣвшее подъ лучами заходящаго солнца женское платье, шелъ на него, какъ мотылекъ на огонь. Пугливо озираясь, онъ садился около и начиналъ какой-то странный, обрывистый разговоръ. Мальчикъ напрягалъ свой острый слухъ, и до его ушей долетали отрывочныя фразы съ привычной рѣзкостью казармы, нѣсколько смягченной близостью женщины и процессомъ ухаживанья.

Кровь стучала въ виски маленькаго шпіона. Онъ ловилъ обрывки фразъ и нетерпѣливо ждалъ обычнаго перехода отъ словъ къ дѣлу.

— Мальчикъ гдѣ? Бѣгаетъ?

— Въ оранжереѣ...

Скверная, торжествующая улыбка скашивала лицо «прелестнаго мальчика» при этихъ словахъ. Онъ напряженнѣй вытягивалъ шею.

Опять доносился рѣзкій шопотъ, раздражавшій возбужденные нервы Жоржа.

— Сегодня придете?

— Она... Слѣдитъ... Мнѣ... Не знаю...

— Милая... приходите!

— Оставьте... Какъ можно... Замѣтятъ...

Генералъ обнималъ Каролину Карловну и молча, какъ звѣрь, цѣловалъ ее. Она тихо вырывалась, шептала какія-то неясныя слова... Онъ не слушалъ ея лепета и, не роняя слова, продолжалъ молча щекотать подбородокъ, цѣловать лицо, шею...

Среди тишины сада до мальчика долетали таинственно-заманчивые звуки, усиленное дыханіе, какая-то глухая возня. Онъ видѣлъ все и въ то же время ничего не видалъ. Какой-то туманъ заволакивалъ глаза, кровь приливала къ головѣ, и онъ, обливаясь потомъ отъ внутренняго волненія, снова напрягалъ зрѣніе, пожирая глазами туманную картину. Онъ восхищался, трепеталъ и злился. Онъ готовъ былъ броситься къ отцу и въ то же время замиралъ отъ страха при мысли, что его замѣтятъ. Онъ на секунду закрывалъ глаза, чтобы, снова открывъ ихъ, полнѣе насладиться зрѣлищемъ. Такъ пьяница на время оставляетъ вино, чтобы найти въ немъ новую прелесть.

Осторожно, задерживая дыханье, какъ мышь въ близкомъ сосѣдствѣ кота, бережно раздвигая вѣтви кустовъ, онъ отползъ

назадъ, поднялся, перевелъ духъ, бѣгомъ обѣжалъ двѣ аллеи и, съ видомъ шаловливаго, невиннаго мальчика, разлетѣлся по боковой тропинкѣ со всѣхъ ногъ къ скамейкѣ и остановился, какъ вкопанный, будто испуганный присутствіемъ отца.

Генералъ быстро отдернулъ руку отъ таліи гувернантки, какъ-то заискивающе, съ видомъ только-что высѣченнаго школьника, взглянулъ на Жоржа и тотчасъ опустилъ глаза. Ловкимъ движеніемъ руки поправивъ прическу, гувернантка искоса бросила ласково-боязливый взглядъ на мальчика. Щеки ея горѣли, глаза точно убѣгали внутрь. Наступили тѣ ужасныя секунды невыносимаго положенія, когда каждый понимаетъ, что другой видѣлъ и понялъ свершившееся, но въ то же время каждый дѣлеатъ видъ, что онъ ничего не видалъ и ничего не знаетъ.

— Гдѣ бѣгалъ?—рѣзко спросилъ отецъ.

— Въ оранжереѣ, папенька. Какіе тамъ ананасы! — воскликнулъ мальчикъ съ дѣланнымъ восторгомъ. — Ѳедоръ говоритъ, что къ воскресенью поспѣютъ.

— Большіе, Жоржъ?—спросила, въ свою очередь, гувернантка, чтобы что-нибудь спросить.

— Огромные... вотъ какіе, Каролина Карловна! — оживленно разсказывалъ Жоржъ, радостно глядя на смущенное лицо Каролины Карловны.

— Напомни мнѣ о нихъ, Жоржъ... напомни! Да!.. — Тутъ генералъ перевелъ духъ, словно въ горлѣ поперхнулось.— Да... Ты все просился въ циркъ! Вотъ тебѣ, сходи въ циркъ, мальчикъ, сходи!—какъ-то скоро проговорилъ отецъ, вынимая изъ бисернаго кошелька новенькій серебряный рубль и брезгливо отдавая его Жоржу.

Съ этими словами генералъ всталъ, пошелъ-было по аллеѣ, но, сдѣлавъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ, вернулся, тронулъ Жоржа подъ локоть и сказалъ:

— Въ циркъ завтра идти можно. Можно!.. Тамъ лошади есть... лошади... Верхомъ на нихъ ѣздятъ... хорошо...

Онъ выговорилъ эти слова неестественно, растерянно и, понизивъ вдругъ голосъ, какъ бы мимоходомъ, не глядя на Жоржа, обронилъ глухимъ голосомъ, отходя отъ сына:

— Да не болтай... Матери вздору не болтай!..

И быстрыми, спорыми солдатскими шагами, звякая по песку подошвами, генералъ удалился и скоро скрылся въ боковой аллеѣ.

Жоржъ любовно глядѣлъ на блестѣвшій на ладони серебряный рублевикъ и смутно чувствовалъ какую-то гадость на

душѣ. Конечно, онъ завтра пойдетъ въ циркъ — въ циркѣ очень весело бывать,—возьметъ съ собою лакея Ѳедьку, своего любимца, и купитъ лакомствъ, а все-таки эта серебряная монета словно прожигала ладонь, и ему хотѣлось скорѣй отъ нея избавиться, размѣнять ее, что ли, чтобы не видѣть ее. И этотъ растерянный видъ отца не доставилъ ему ожидаемаго удовлетворенія, а, напротивъ, кольнулъ его въ сердце, именно кольнулъ. Несмотря на страхъ, онъ все-таки любилъ отца и теперь любитъ, но какъ-то не такъ, точно въ любви оказалась прорѣха, изъ-за которой выглядывали школьнически бѣгавшіе глаза отца, и этотъ блестящій, гадкій рубль, и эти глухія слова: «не болтай!»

«Ахъ, зачѣмъ я все видѣлъ!»

Сложный процессъ мысли и чувствъ происходилъ въ мальчикѣ. Чувство раскаянія, боли за отца, чувство стыда охватили тепломъ его дѣтское сердце. Онъ какъ-то приникъ, швырнулъ отъ себя рубль и, тихо повернувшись, въ раздумьѣ побрелъ къ скамейкѣ. Когда онъ поднялъ глаза и увидалъ передъ собою красивую Каролину Карловну, залитую багровымъ свѣтомъ заходящихъ лучей, онъ бросился къ ней и нервно зарыдалъ у нея на груди, какъ бы ища оправданія. Она пригрѣла его, ласково перебирая его шелковистыя кудри, а мальчикъ тихо всхлипывалъ, убаюкиваемый ровнымъ дыханіемъ груди и ласковымъ щекотаніемъ женскихъ пальцевъ.

— Ты, Жоржъ, милый мой, не болтай. Не говори маменькѣ. Я тебя любить буду.

— Нѣтъ... нѣтъ... не буду... Я ничего не видалъ! — отвѣчалъ, нервно всхлипывая, мальчикъ.

А въ головѣ пронеслось: «Къ чему она проситъ... ахъ, зачѣмъ? Она хорошая и отецъ хорошій... я дурной... я одинъ!»

Но Каролина Карловна врядъ ли понимала, что̀ дѣлается съ мальчикомъ. Въ отвѣтъ на его слова она съ живостью замѣтила:

— Да и нечего было видѣть. Папаша только подошелъ и спросилъ, гдѣ ты?

Мальчикъ привскочилъ.

«Зачѣмъ лжетъ она? Зачѣмъ?»

Онъ поднялъ на нее строгіе, злые глаза. Она встрѣтила ихъ смѣющимся ласковымъ взглядомъ и стала цѣловать его глаза. Жоржъ прикрылъ ихъ, какъ бы позволяя продолжать, потомъ отдернулся, затрепеталъ, какъ подстрѣленная птица, порывисто приблизилъ губы и сталъ покрывать горячими поцѣлуями лицо, шею, грудь Каролины Карловны. Она не противилась, не отшатнулась съ ужасомъ отъ мальчика, а громко смѣялась подзадаривающимъ смѣхомъ.

Когда они вернулись домой, Жоржъ вспомнилъ о брошенномъ рублѣ и ни слова не сказалъ матери о бывшей въ саду сценѣ.

III.

Четырнадцатилѣтній отрокъ вмѣстѣ съ шестидесятилѣтнимъ отцомъ раздѣлялъ благосклонность Каролины.

По какому-то безмолвному уговору между ними, тайна сохранялась со стороны мальчика бережно, и отецъ былъ обязанъ сыну за то, что въ это время не было сценъ ревности со стороны матери. Понялъ ли это старикъ, или это было дѣломъ Каролины, но только отецъ сталъ какъ-то мягче относиться къ сыну и сквозь пальцы смотрѣлъ на его продѣлки, за которыя прежде наказывалъ.

И мать Жоржа стихла на время, обманутая своимъ любимцемъ. На разспросы свои она получала отъ Жоржа отвѣты болѣе или менѣе удовлетворительные и все ждала, что мужъ положитъ супружескій гнѣвъ на милость.

Занятія Жоржа шли своимъ чередомъ. Къ нему приходили учителя и оставались довольны его успѣхами; Каролина учила болтать по-французски и по-англійски; знакомыя дамы попрежнему его ласкали, но онъ уже, съ испорченностью развращеннаго мальчишки, иногда такъ взглядывалъ имъ въ глаза, что онѣ краснѣли подъ взглядомъ «прелестнаго малютки».

Нерѣдко въ гостиной, гдѣ мальчика показывали гостямъ и лицемѣріе которой было уже знакомо Жоржу — при немъ ни отецъ, ни мать не стѣснялись бранить тѣхъ, кого въ гостиной потомъ особенно ласково принимали,—Жоржъ убѣгалъ черезъ дворъ въ людскую и нерѣдко проводилъ часы, наблюдая игру въ три листика и марьяжъ и слушая съ видомъ опытнаго барчука двусмысленныя сальности кучеровъ и лакеевъ. Онъ нерѣдко самъ начиналъ разсказывать о достоинствахъ Фіоны передъ Дашей и разъ обмолвился такимъ выраженіемъ, что людская залилась громкимъ смѣхомъ. Одинъ только старый кучеръ Павелъ какъ-то строго, удивленно посмотрѣлъ своими серьезными сѣрыми глазами на Жоржа и, сожалительно покачивая сѣдой головой, замѣтилъ:

— Ай-ай, барчукъ, и вамъ не стыдно?

Жоржъ было-сконфузился подъ взглядомъ серьезныхъ глазъ кучера, но боязнь показаться смѣшнымъ передъ другими лицами, бывшими въ людской, заставила его нагло улыбнуться и, съ напускнымъ нахальствомъ, отвѣтить:

— А тебѣ, старому, какое дѣло? Твое дѣло за лошадьми смотрѣть, а не за мной.

Павелъ только уныло какъ-то покачалъ головой и не сказалъ болѣе ни слова. Лакеи одобрительно хихикали, что молодой барчукъ знатно отбрилъ вѣчно угрюмаго Павла.

Въ домѣ забывали о Жоржѣ, и только къ обѣду въ людскую вбѣгала одна изъ горничныхъ и торопливо звала Жоржа домой.

— Пойдемте, барчукъ, сейчасъ за столъ садятся. Скорѣй, барчукъ, скорѣй!—торопила его востроглазая горничная.

Жоржъ нѣсколько ломался передъ ней, желая показать, что онъ не боится, если и опоздаетъ, и нарочно лѣниво приподымался съ сомнительной кучерской постели, на которой валялся въ своей бархатной курточкѣ и валансьенахъ.

— Да ну же, Егоръ Николаевичъ, нечего нѣжничать... Пойдемте, а то изъ-за васъ мнѣ достанется.

Они схватывались за руки и бѣгомъ, съ веселымъ хохотомъ, бѣжали черезъ дворъ.

Жоржа чистили, причесывали волосы, и онъ входилъ въ столовую съ Каролиной, которая чинно вела за руку чистаго, милаго, благовоспитаннаго мальчика. За обѣдомъ всегда были гости и родные. Генералъ жилъ открыто и ѣлъ хорошо. Если онъ бывалъ въ духѣ, шелъ веселый разговоръ, говорили о новыхъ назначеніяхъ по случаю ожидавшейся восточной войны, передавали сплетни, разсказывали двусмысленныя исторіи о мѣстныхъ дамахъ. Старшій братъ Жоржа, женатый, красивый полковникъ, не стѣсняясь присутствіемъ жены и сестеръ, бойко разсказывалъ свои похожденія на Кавказѣ, вызывая нѣкоторыми подробностями веселый смѣхъ и улыбку на уста генерала. Каролина стыдливо опускала глаза. Жоржъ, съ наивнымъ видомъ непонимающаго ребенка, вслушивался въ оцѣнку достоинствъ черкешенокъ. Обѣдъ проходилъ пріятно: чувствовалась усыпляющая тяжесть отъ лакомыхъ блюдъ и вина. Генерала ничто не разсердило, и, противъ обыкновенія, ни одинъ изъ лакеевъ не ждалъ послѣ обѣда собственноручной генеральской расправы за неисправности, и потому всѣ лакеи были такъ же веселы, какъ и господа.

Съ пріѣздомъ главнаго начальника въ городъ С., домъ генерала оживился еще болѣе. Наканунѣ великой драмы, казалось, никто не предвидѣлъ будущихъ развалинъ. Пріѣзжіе изъ Петербурга штабные офицеры и адъютанты внесли за собой ту прелесть недосказанныхъ словъ, улыбокъ, жестовъ, которая особенно понравилась замужнимъ сестрамъ Жоржа и другимъ дамамъ. Самъ генералъ какъ будто смягчился: сталъ веселѣй, внимательнѣй, менѣе грубъ и рѣзокъ и былъ

въ восторгѣ отъ посѣщеній важныхъ лицъ. Генеральша хохотала до слезъ, слушая самые скабрезные анекдоты и прочитывая свѣжіе французскіе романы, привезенные петербургскими гостями. Сестры Жоржа наряжались и кокетничали; петербургскіе адъютанты снисходительно ухаживали для развлеченія. Въ большомъ, густомъ саду, среди аромата цвѣтовъ и зелени, часто пили по вечерамъ чай, и въ темныхъ сумеркахъ теплой южной ночи раздавался веселый смѣхъ, женскія недосказанныя обмолвки, полуфразы, нѣжные намеки и хвастливые возгласы: «мы ихъ шапками закидаемъ!»

На Жоржа эта атмосфера производила какое-то чарующее дѣйствіе. Особенно поражалъ его пріѣзжій молодой адъютантъ своими манерами, молодцоватой осанкой, изяществомъ формъ, движеній, словъ... Онъ уже подражалъ ему, глядѣлъ ему въ глаза съ вѣрой неофита и ревновалъ къ нему Каролину. Сидя поодаль отъ чайнаго стола, Жоржъ слушалъ, какъ адъютантъ перекидывался bons-mots съ одной молоденькой женщиной, и въ то же время ревниво слѣдилъ за Каролиной. Онъ увлекся адъютантомъ, обвелъ глазами и не нашелъ гувернантки. Онъ незамѣтно всталъ и пошелъ вглубь сада... Въ темнотѣ мелькнуло у самой рѣшетки бѣлое платье...

— Это вы, Каролина?

— Я. Что̀ тебѣ, Жоржъ?

— Что̀ вы здѣсь дѣлаете?

— Ничего... Видишь, смотрю на улицу. Надоѣло тамъ.

Онъ сталъ около. Отъ дома доносился веселый говоръ и смѣхъ. По улицѣ, мѣрно ступая и звякая цѣпями, возвращались съ работы на блокшивы арестанты. Они прошли, цѣпи звякнули тише, совсѣмъ тихо, и все смолкло. Только въ ночной тиши раздавались отъ бухты протяжные оклики часовыхъ: «слу-шай!» и вслѣдъ затѣмъ такой же отвѣтъ: «слу-шай!..»

— А пора тебѣ спать, Жоржъ... скоро десять часовъ!—замѣтила, вытирая слезы, Каролина.

— Вы о чемъ это, Каролина, плакали? О чемъ — говорите?

— Такъ,Жоржъ... Ну, пора!

— Нѣтъ еще... Вы скажите, о чемъ!

— Ну, скажу... скажу... Пойдемъ...

— А ты придешь за мной?—шепнулъ мальчикъ.

Она закрыла ему ротъ влажной рукой и приказала молчать.

— Придешь?

— Будешь умницей, приду!—разсмѣялась Каролина.

— И съ адъютантомъ безъ меня не будете говорить?

— Опять... тоже ревновать?..—подсмѣялась Каролина.

— Не смѣйтесь, лучше не смѣйтесь, смотрите! — пригрозилъ Жоржъ.

— Такъ я тебя и боюсь!

— Конечно, боитесь!—увѣренно отвѣчалъ Жоржъ и пошелъ вмѣстѣ съ Каролиной къ гостямъ.

— Приходи же скорѣй!—шепнулъ онъ послѣ прощанія съ родителями и гостями.—Да разскажи, о чемъ ты плакала!—тономъ капризнаго тирана прибавилъ Жоржъ, уходя спать.

А въ саду еще долго раздавался смѣхъ и увѣренный говоръ, что «мы ихъ шапками закидаемъ».

IV.

Черезъ нѣсколько дней у генерала былъ большой обѣдъ. Пріѣхало много генераловъ, адмираловъ и другихъ офицеровъ. Жоржа одѣли въ новую бархатную черную курточку и приказали хорошенько повторить стихотвореніе «Бородино». Обѣдали съ музыкой, пили много. Жоржъ обращалъ особенное вниманіе на самаго почетнаго гостя, высокаго, худощаваго генерала, съ умнымъ лицомъ и коротко остриженными волосами. Онъ мало ѣлъ, саркастически улыбался, и, когда говорилъ тихимъ голосомъ, всѣ слушали. Жоржъ замѣтилъ, что «старика» всѣ побаивались, а генералъ особенно почтительно ухаживалъ за нимъ. Когда послѣ обѣда вышли на балконъ, генералъ взялъ Жоржа за руку и представилъ старику.

Старикъ ласково улыбнулся, потрепалъ Жоржа по щекѣ сухими, длинными пальцами и промолвилъ:

— Молодецъ... учится?

— Какъ же, ваша свѣтлость!—отвѣчалъ отецъ.

— Бойкій мальчикъ!—замѣтилъ другой генералъ.

Жоржъ стоялъ среди балкона и не зналъ, что̀ ему дѣлать. «Старикъ» щурилъ глаза, прихлебывая изъ чашки кофе, и, казалось, не расположенъ былъ бесѣдовать съ Жоржемъ. Однако, видя неловкое положеніе мальчика и какое-то напряженное ожиданіе въ лицѣ генерала, проговорилъ:

— Молодецъ... молодецъ. Въ военную?

— Непремѣнно, князь. Я буду военнымъ! — съ гордостью отвѣчалъ Жоржъ.

— Онъ и стихи болѣе военные любитъ, ваша свѣтлость!—подхватилъ отецъ.—Если позволите, мальчикъ почтетъ за честь...

Старикъ любезно кивнулъ головой и—Жоржу показалось—поморщился. Но дѣлать было нечего. Отецъ уже кивалъ головой, и Жоржъ, откашлявшись, началъ молодецкимъ тономъ:

Скажи-ка, дядя, вѣдь недаромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?

Когда онъ кончилъ, старикъ снова потрепалъ его по щекѣ, снова назвалъ «молодцомъ», и Жоржъ ушелъ съ балкона, провожаемый общимъ одобреніемъ гостей, чувствуя себя несравненно выше и лучше оттого, что его похвалилъ самъ «старикъ». Жоржъ замѣтилъ, что отецъ его, прослезившись отъ умиленія, взглянулъ на мальчика такъ, какъ будто онъ свершилъ какой-нибудь подвигъ. Жоржъ серьезно почувствовалъ себя героемъ, а въ глазахъ матери, сестеръ и Каролины онъ и въ самомъ дѣлѣ пріобрѣлъ нѣчто героическое оттого, что читалъ «Бородино» передъ самимъ «старикомъ».

Однако ночныя посѣщенія Каролининой комнаты не остались безслѣдны для здоровья Жоржа. Онъ блѣднѣлъ, худѣлъ и наконецъ какъ-то вечеромъ почувствовалъ такую боль и ломоту во всемъ тѣлѣ, что его уложили въ постель. Черезъ три дня онъ былъ въ нервной горячкѣ. Онъ метался, кричалъ и бредилъ женщинами. Каролина въ испугѣ, чтобы мальчикъ не проговорился въ бреду, сама ухаживала за нимъ.

Когда кризисъ прошелъ и мальчикъ сталъ поправляться, Каролины уже не было въ домѣ. Мать бранила ее предъ Жоржемъ, называя гадкой. Жоржъ покраснѣлъ и не сказалъ ни слова.

Военная гроза надвигалась все ближе и ближе. По улицамъ возили пушки, двигались солдаты, матросы. Лица всѣхъ сдѣлались серьезнѣе, сосредоточеннѣе, тише. Уже не слышно было, что «шапками закидаемъ»; готовились къ чему-то нешуточному; генералъ, какъ говорила прислуга, «осѣлъ». Съ солдатами сталъ мягче, точно поддѣлывался къ нимъ. Семья генерала торопилась уѣзжать, а Жоржа собирались отправить въ Петербургъ, въ казенное заведеніе. Жоржъ отъ души радовался. Онъ уже забылъ о Каролинѣ и передъ отъѣздомъ въ Петербургъ такъ назойливо приставалъ къ толстогрудой женѣ кучера, поймавъ ее въ саду, что та, вырвавшись наконецъ, дала ему звонкую пощечину, прибавивъ крѣпкое словцо, при веселомъ хохотѣ работавшихъ въ саду арестантовъ.

Жоржъ бросился-было за ней, но жена кучера показала ему такой здоровый кулакъ, что Жоржъ зарыдалъ въ безсильной злости и поклялся, когда будетъ офицеромъ, отпороть эту «мерзавку».

Онъ такъ и сказалъ «отпороть», не ожидая, что къ тому времени Пелагея ужъ будетъ «временно-обязанная».

V.

— Повернись-ка?! Молодцомъ, молодцомъ, братъ! Привыкъ? Потасовку задали, а?—весело говорилъ старый дядя-сенаторъ, поднявъ на свой большой, плѣшивый лобъ золотыя очки и добродушно посмѣиваясь, когда Жоржъ вечеромъ въ первую же субботу явился изъ заведенія въ отпускъ, въ новомъ шитомъ мундирчикѣ.

— Отцу писалъ, молодецъ?

— Писалъ, дяденька!

— Хорошо... хорошо... Ѣсть хочешь?..

— Благодарю, дяденька. Не хочется.

— Ну, какъ хочешь. Когда я былъ кадетомъ, я всегда хотѣлъ ѣсть!.. Ладно, ладно. Ступай теперь къ теткѣ, ступай, дружокъ!—замѣтилъ старый сенаторъ. Онъ ласково потрепалъ Жоржа по щекѣ и, опустивъ со лба очки, продолжалъ свои занятія за большой военной картой.

Жоржъ вышелъ изъ большого дядинаго кабинета, прошелъ большую залу и остановился на порогѣ гостиной, слабо освѣщенной матовымъ свѣтомъ лампы.

За большимъ круглымъ столомъ, на диванѣ, сидѣла за работой красивая, пышная брюнетка лѣтъ тридцати, въ изящномъ сѣромъ шелковомъ платьѣ. Она подняла глаза и привѣтливо улыбнулась. Жоржъ быстро прошелъ по ковру и поцѣловалъ протянутую ему выхоленную бѣлую руку, сіяющую кольцами, съ розовыми, красиво отточенными ногтями.

— Здравствуй, Жоржъ. Ну что̀, мы привыкли?

— Ничего, тетенька, привыкъ!—нѣсколько робѣя говорилъ Жоржъ, повертывая во всѣ стороны свою каску.

— Не называй меня тетенькой, Жоржъ, а просто: ma tante. Да что̀ ты вертишь все свою каску? Вертѣть не надо, мой милый! Ты не сердись, а я возьму тебя въ руки и изъ такого красавца, какъ ты, сдѣлаю образцоваго молодого человѣка. Хочешь?—говорила тетка, строго улыбаясь своими большими синими глазами.

— Хочу, ma tante...

— И прекрасно... А теперь покажите намъ свои лапки?

Жоржъ, конфузясь, протянулъ свои руки.

— Руки у насъ прелестныя, но ими надо, мой милый, заниматься. Во-первыхъ, мыть ихъ чаще, а во-вторыхъ, чистить ногти. Нельзя же, дружокъ, ходить съ грязными руками... ты не мужикъ! Ступай ко мнѣ въ комнату, вымой ихъ и потомъ приходи.

Жоржъ, краснѣя отъ стыда и досады, пошелъ въ теткину

комнату, вымылъ руки, подстригъ ногти, тщательно вычистивъ ихъ, и, вернувшись въ гостиную, показалъ свои чистыя руки.

— Теперь наши прелестныя лапки въ порядкѣ. Развѣ вихоръ твой кудрявый поправить?—Она осторожно пригладила вихоръ.—Вотъ мы и молодцами! Теперь садись и разсказывай, какъ ты провелъ свою первую недѣлю.

Воспоминаніе объ этой недѣлѣ съ утра терзало Жоржа. Это была ужасная недѣля. Его тамъ два раза побили, подняли на смѣхъ, дразнили «крымскимъ баранчикомъ», и когда онъ попробовалъ драться, то ему задали такую встрепку, что, при воспоминаніи о ней, Жоржа охватило чувство злобы и горя.

Онъ началъ-было разсказъ, но вдругъ судорога сдавила горло и слезы подступили къ глазамъ. Несмотря на сильное его желаніе не разревѣться передъ блестящей тетенькой, въ этой изящной гостиной, онъ не могъ удержать слезъ и быстро утиралъ ихъ платкомъ, стараясь заглушить судорожныя всхлипыванія.

— Что̀ съ тобой? Что̀ ты, милый мальчикъ?—мягкимъ, но безучастнымъ голосомъ спросила тѐтка, подымая отъ вышиванія глаза на Жоржа.—Подойди ко мнѣ!

Жоржъ осторожно подошелъ.

— Разскажи о твоемъ горѣ... разскажи теткѣ!—продолжала она, протягивая Жоржу руку осторожнымъ движеніемъ, какъ бы боясь подпустить его поближе, чтобы онъ не смялъ и не закапалъ слезами ея изящнаго платья.—Жаль maman!.. Ты вѣдь ея баловнемъ былъ? Не плачь, мой милый! Я тебѣ замѣню maman, хочешь?—задала она вопросъ увѣреннымъ тономъ, что вполнѣ осчастливила мальчика предложеніемъ замѣнить maman.

— Хочу... ma tante!

— Ну, и плакать нечего... Не все же тебѣ сидѣть въ вашемъ С... Такой большой молодой человѣкъ и плачетъ!.. Стыдно... Глаза раскраснѣются... Вытри слезы... вотъ такъ! Это у тебя казенная тряпочка? — брезгливо дотронулась она ноготкомъ мизинца до платка Жоржа.

— Казенная...

— Скверные платки! Я тебѣ сдѣлаю дюжину батистовыхъ, когда будешь приходить къ намъ, бери ихъ, а пока возьми мой и утри свои хорошенькіе глазки. Твоя maman давно мнѣ о нихъ писала... Ну, перестань же... Экій ты нервный какой... Посмотри на меня! Ну? Можемъ мы улыбнуться?—говорила тетушка, слегка трепля Жоржа по щекѣ.

Но Жоржъ, хотя и вытеръ слезы, но не улыбался.

— Ну, теперь садись... Нельзя же, мой милый, быть такимъ нытикомъ!

Жоржа сердило обращеніе этой «гордой тетки», какъ онъ мысленно уже окрестилъ ее, и онъ рѣшилъ не выдавать своего горя и не разсказывать о своихъ несчастіяхъ прошлой недѣли. Ему хотѣлось какъ можно скорѣй доказать ей, что онъ вовсе не несчастный мальчикъ съ грязными руками, какимъ она его считаетъ, а взрослый, разсудительный молодой человѣкъ, который, если на то пошло, сумѣетъ скрыть свои страданія и можетъ вести такой разговоръ, какъ и тотъ адъютантъ, который такъ поразилъ его еще дома.

«И что̀, въ самомъ дѣлѣ, она себѣ воображаетъ? Думаетъ, что красивая да что брильянты на рукахъ, та̀къ и важничаетъ? Я ей покажу, каковъ я... Пусть она узна̀етъ и не думаетъ, что я все верчу каской и не имѣю порядочныхъ манеръ!»

Такъ размышлялъ Жоржъ, не безъ злого огонька въ темныхъ глазахъ, поглядывая исподлобья на тонкіе тетушкины пальцы, которыми она быстро перебирала шелковинки.

— О чемъ это мы задумались... о maman?

— Нѣтъ, ma tante... Я сейчасъ вспомнилъ о Несвѣтовѣ,— какъ бы готовясь въ бой, съ нервною рѣзкостью въ голосѣ, отвѣтилъ Жоржъ.

— Это какой Несвѣтовъ... адъютантъ и красавецъ?..

— Да, ma tante, адъютантъ. Мы съ нимъ были очень дружны! — вдругъ солгалъ Жоржъ, желая поразить тетку. — Онъ очень порядочный человѣкъ...

— Онъ у васъ часто бывалъ? — замѣтила тетка, съ улыбкой вглядываясь въ Жоржа.

— Почти каждый день.

— Вотъ какъ? За кѣмъ же онъ ухаживалъ? За которой изъ твоихъ сестеръ, за Annette или за Barbe?

— Кажется, Варя съ нимъ больше кокетничала, ma tante!— засмѣялся Жоржъ.

— А ты развѣ понимаешь, какъ кокетничаютъ? — любопытно усмѣхнулась тетушка, начиная слушать племянника съ бо̀льшимъ интересомъ. — Что̀, развѣ она хороша, твоя Варя?..

— Всѣ находили, что очень, и что она на васъ похожа, ma tante! Но... но вы лучше, — слегка краснѣя, тихо промолвилъ Жоржъ.

Довольная улыбка мгновенно скользнула въ синихъ строгихъ глазахъ тетки. Жоржъ отлично это замѣтилъ и понялъ

впечатлѣніе своихъ словъ, хотя тетка сдѣлала серьезную мину и, поправляя граціознымъ движеніемъ руки свою прическу, строго проговорила:

— А мы уже выучились говорить глупости?

— Развѣ говорить правду значитъ говорить глупости, ma tante?—спросилъ Жоржъ тономъ наивнаго ребенка.

Она еще строже взглянула на Жоржа, но онъ не опустилъ подъ этимъ строгимъ взглядомъ своихъ большихъ черныхъ глазъ. Улыбаясь ими, онъ съ наивной смѣлостью глядѣлъ ей прямо въ лицо. Такъ прошло нѣсколько секундъ. Жоржъ видѣлъ, какъ сперва покраснѣли ея уши, какъ яркій румянецъ, пробиваясь сквозь тонкую, бѣлую кожу щекъ, подступалъ къ самымъ глазамъ. Она отвернула сердито глаза, точно изумляясь, что глупый мальчикъ могъ заставить ее покраснѣть, рѣзкимъ движеніемъ схватила со стола мотокъ шелку и, подавая его Жоржу, не глядя ему въ глаза, сказала:

— Лучше помоги мнѣ распутать шелкъ, гадкій мальчишка!

Хотя слова эти были произнесены тѣмъ же строгимъ тономъ, но Жоржъ очень хорошо уловилъ значеніе ихъ и понялъ, что она не считала его теперь «гадкимъ мальчишкой», и торжествовалъ, что показалъ себя «этой гордячкѣ» съ такой хорошей стороны.

Въ десять часовъ собрались гости: три дамы и нѣсколько молодыхъ людей. Сидя поодаль въ креслѣ, Жоржъ жадно ловилъ прелесть французской болтовни, неподражаемую пикантность свѣтской сплетни и, пожирая глазами веселыхъ, находчивыхъ дамъ и красивыхъ, ловкихъ, изящныхъ молодыхъ людей, напомнившихъ ему блестящаго адъютанта, которые такъ свободно и остроумно говорили о танцовщицахъ, рысакахъ и княгиняхъ, онъ чувствовалъ какое-то блаженство гордости, что могъ ощущать прелесть этой полутемной гостиной, этихъ душистыхъ дамъ и кавалеровъ, этого неуловимаго аромата комнаты, щекотавшаго его нервы.

Дядя-сенаторъ вошелъ въ гостиную, поправляя очки, сказалъ всѣмъ по ласковому слову и, какъ-то кисло морщась, извинился, что занятія мѣшаютъ удовольствію быть съ гостями подольше. Жоржъ замѣтилъ, что при входѣ дяди всѣ какъ будто присмирѣли, подтянулись, стали говорить тише... Разговоръ перешелъ на войну... Грустно покачивая головой, дядя разсказывалъ одному адъютанту о послѣднемъ сраженіи.

— А солдаты наши, солдаты!—съ какимъ-то гордымъ благоговѣніемъ говорилъ низенькій старикъ, поправляя одной

рукой очки, а другой дергая адъютанта за пуговицу.—Не будь ихъ... срамъ... одинъ срамъ... И вездѣ... вездѣ... Да,—понизилъ онъ голосъ: — и для героевъ есть невозможное, особенно когда...

Онъ сталъ что-то тихо говорить тому самому адъютанту, который только-что передъ приходомъ старика разсказывалъ дамамъ самый свѣжій анекдотъ о Мила.

— Бѣдный народъ!—заключилъ, вздохнувъ, сенаторъ.

Онъ похвалилъ дамъ за то, что онѣ не сидятъ безъ дѣла, а щиплютъ корпію (у всѣхъ было по маленькой грудкѣ), и, замѣтивъ въ углу Жоржа, подошелъ къ нему.

— А ты, молодецъ, еще не спишь? Пора, мальчикъ, спать, пора! Вѣра!—обратился онъ къ женѣ:—мальчику пора спать, что̀ ему тутъ дѣлать?

И, когда Жоржъ поднялся съ кресла, дядя перекрестилъ его и поцѣловалъ въ лобъ, быстро отдернувъ руку, когда Жоржъ наклонился для поцѣлуя.

— Спи съ Богомъ, дружокъ! Помолись Богу!—ласково проговорилъ старикъ и, озираясь все съ той же кислой улыбкой, вышелъ изъ гостиной, сдѣлавъ всѣмъ общій поклонъ.

Жоржъ не безъ грусти ушелъ изъ гостиной и заснулъ съ мечтой о вороной лошади, на которой онъ дѣлаетъ смотръ войскамъ. «Гордая тетка» смотритъ, любуясь имъ, съ балкона и сердится, что онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія. Задорный стрижка-кадетъ, по милости котораго онъ получилъ встрепку, преклонился передъ Жоржемъ и униженно отдаетъ ему честь. Но Жоржъ великодушно подаетъ ему руку и говоритъ: «Ничего, ничего... я не сержусь, я все забылъ!»

На слѣдующее утро Жоржъ особенно внимательно занялся туалетомъ. Ему непремѣнно хотѣлось показать теткѣ, что онъ и безъ нея умѣетъ держать себя, какъ слѣдуетъ порядочному молодому человѣку. Онъ не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь и долго приглаживалъ предъ зеркаломъ свои волосы и занимался ногтями. Окончивъ туалетъ, Жоржъ еще постоялъ передъ зеркаломъ, принялъ нѣсколько позъ, которыя такъ нравились ему въ адъютантѣ, перепробовалъ нѣсколько выраженій лица—ему ужасно хотѣлось, чтобы оно было серьезное, и, пожалѣвъ, что у него еще нѣтъ усовъ, онъ все-таки пригладилъ свои губы рукой, какъ будто поправляя усы, и пошелъ въ столовую.

Когда стройный, красивый, свѣжій отрокъ молодцовато вошелъ въ столовую и, слегка краснѣя отъ застѣнчиваго вол-

ненія, подошелъ къ рукѣ тетки и поцѣловался съ дядей—и дядя и тетка словно не узнали въ этомъ стройномъ, изящномъ, румяномъ молодомъ человѣкѣ вчерашняго, еще робѣющаго мальчика. Они оба не могли скрыть пріятнаго впечатлѣнія отъ той красивой, здоровой свѣжести, которую внесъ въ столовую Жоржъ, и невольно любовались имъ.

— Молодецъ, молодецъ. Бравый мальчикъ! — весело говорилъ сенаторъ.—Онъ, Вѣра, отца напоминаетъ!..

— По-моему, скорѣе мать!.. Ты чего, Жоржъ, хочешь: чаю или кофе?

— Кофе, ma tante!

Онъ такъ ловко отодвинулъ стулъ, такъ прилично сѣлъ и съ такимъ изяществомъ пилъ свой кофе, что Вѣра Алексѣевна не могла не согласиться, что Жоржъ очень приличный мальчикъ, изъ котораго выйдетъ человѣкъ. Онъ бойко отвѣчалъ на вопросы дяди, такъ что дядя просидѣлъ за столомъ лишнія пять минутъ, забавляясь его шустрой болтовней о военныхъ дѣлахъ. Вставая, онъ сказалъ, что «возьметъ мальчика въ церковь», и снова прибавилъ, что Жоржъ «молодецъ».

Вѣра Алексѣевна, въ своемъ бѣломъ капотѣ, съ широкими рукавами, изъ-подъ которыхъ далеко виднѣлись бѣлыя голыя руки, съ распущенными прядями волосъ, перехваченныхъ пунцовой лентой, сегодня показалась Жоржу и моложе и не такой гордой, какъ вчера. Она весело болтала съ Жоржемъ, разспрашивала, кто ему понравился изъ вчерашнихъ гостей, шутила, не влюбился ли онъ въ «кузину Лину», и вдругъ нахмурилась, покраснѣла и обдернула рукавъ, поймавъ пристально-любопытный взглядъ, устремленный на ея оголенную руку.

Пойманный врасплохъ, Жоржъ покраснѣлъ до ушей и невольно опустилъ глаза... Тетка взглянула на него, улыбнулась и подумала, что мальчикъ еще прелестнѣе, когда краснѣетъ.

Скоро она встала и не говорила почти цѣлый день съ Жоржемъ. Только вечеромъ, одѣваясь на балъ, когда Жоржъ пришелъ проститься съ ней, она весело спросила его, повертываясь передъ нимъ въ красивомъ бальномъ платьѣ:

— Хорошо платье?

— Прелестное, ma tante!—отвѣчалъ Жоржъ, свободно любуясь платьемъ, ея голыми руками, спиной, шеей, на что она уже не сердилась, а какъ-то странно улыбалась, щуря глаза и какъ бы восхищаясь очарованіемъ мальчика.

— Идетъ?..—повертывалась она передъ нимъ, точно желая продлить его очарованіе.

— Еще бы! Въ немъ, ma tante, вы будете царицей бала!— шепталъ Жоржъ.

— Ты льстишь, скверный мальчишка! Ну, прощай до субботы!

И Вѣра Алексѣевна вдругъ приняла тонъ матери, какъ-то торжественно перекрестила Жоржа и, цѣлуя его, наставительно замѣтила:

— Смотри же, Жоржъ, веди себя хорошо, учись прилежно, будь добрымъ мальчикомъ и не огорчай свою тетку!

Жоржъ обѣщалъ быть добрымъ мальчикомъ и нѣсколько разъ съ особенной нѣжностью покрывалъ поцѣлуями теплую, маленькую тетушкину ручку. Она не торопилась отдернуть ее, поправляя другой рукой бѣлый цвѣтокъ въ волосахъ, и потомъ, какъ бы спохватившись, отняла руку и снова посовѣтовала Жоржу быть «добрымъ мальчикомъ».

Когда «добрый мальчикъ» ѣхалъ въ дядиной каретѣ въ «заведеніе», передъ его глазами еще долго мелькали шея и плечи красивой тетушки, и онъ долго еще вдыхалъ душистый ароматъ ея будуара.

VI.

Жоржъ скоро освоился съ «заведеніемъ», полюбилъ его и поладилъ съ товарищами. Онъ недурно учился, скоро сдѣлался первымъ по фронту и почему-то пользовался особымъ расположеніемъ ротнаго командира.

Черезъ годъ Жоржъ уже сдѣлалъ сто рублей долга сапожнику, портному, лихачамъ и уже успѣлъ познакомиться съ одной маленькой актрисой изъ французскаго театра, о чемъ съ гордостью разсказывалъ товарищамъ. Отъ своего отца онъ получалъ ежемѣсячно «на булки» по десяти рублей, да дядя-сенаторъ давалъ ему столько же, но, разумѣется, этихъ денегъ не хватало. Въ заведеніи было много богатыхъ молодыхъ людей, которые свободно мотали деньги и дѣлали долги, и Жоржу стыдно было не мотать денегъ и не дѣлать долговъ, стыдно передъ товарищами, стыдно передъ собой.

Въ письмахъ къ матери онъ описывалъ свое положеніе, говорилъ о «позорѣ фамиліи Растегай-Сапожковыхъ» и просилъ денегъ. «Вѣдь я, мамаша, не могу отстать отъ другихъ, вѣдь не ѣхать же мнѣ въ казенномъ мундирѣ къ княгинѣ Таракановой, у которой бываютъ аристократы и самъ свѣтлѣйшій Оболдуевъ».

Мать вполнѣ сочувствовала Жоржу, посылала, сколько могла, и просила отца увеличить мѣсячное жалованье, выставляя на видъ фамилію Растегай-Сапожковыхъ, но генералъ прикрикнулъ и велѣлъ матери написать, что онъ по-

проситъ, чтобы молодого Растегай-Сапожкова выпороли за то, что онъ «дуритъ».

Жоржъ сердился на своего «старика», который, по его мнѣнію, «выжилъ изъ ума и не понимаетъ требованій жизни». Онъ дѣлалъ долги, занимая у швейцара, у сторожей, и даже свелъ знакомство съ ростовщикомъ, который ссужалъ его деньгами за сумасшедшіе проценты.

Въ пятнадцать лѣтъ Жоржъ уже умѣлъ презрительно щурить глаза, вглядываясь на проѣзжающихъ, и, кутаясь въ бобровый воротникъ, катить по Невскому отъ Аничкова моста на рысакѣ, похожемъ на «собственную лошадь». Онъ ловко прикладывалъ руку къ каскѣ, свободно выпивалъ бутылку шампанскаго, пѣлъ французскія шансонетки, слегка грасировалъ, нагло третировалъ извѣстнаго сорта дамъ и умѣлъ взглядывать на женщинъ тѣмъ свѣтлымъ, наглымъ, смѣющимся взглядомъ прелестныхъ черныхъ глазъ, который нерѣдко вызывалъ невольную краску на ихъ щеки. Благодаря расположенію начальства, такту и способности показать себя, онъ былъ всегда на виду, ходилъ на ординарцы и мечталъ черезъ два года надѣть давно желанный мундиръ, хотя и сомнѣвался, что врядъ ли отецъ согласится давать такое содержаніе, чтобы Жоржъ могъ съ честью носить этотъ мундиръ и не стѣсняться платой въ ресторанахъ. Онъ зналъ, что у отца есть рязанское имѣніе, слѣдовательно должны быть деньги, кромѣ жалованья; но велико ли состояніе, сколько приноситъ дохода это имѣніе, онъ точно не зналъ и только вполнѣ сознавалъ, что ему нужны деньги, что нельзя же въ самомъ дѣлѣ ему, молодому, изящному Жоржу Растегай-Сапожкову, быть безъ денегъ. На что̀ же онъ будетъ посѣщать общество, оперу, рестораны, француженокъ? И развѣ прилично ему ѣздить на извозчикахъ, когда его товарищи, далеко не такіе умные, красивые и ловкіе, какъ онъ, ѣздятъ въ своихъ экипажахъ и уже имѣютъ содержанокъ? Все это *должно* у него быть и все это откуда-нибудь да придетъ: не то изъ рязанскаго имѣнія, не то какъ нибудь да устроится... И онъ всѣмъ говорилъ, что отецъ его богатъ, при чемъ «рязанское имѣніе» представлялось въ его разсказахъ какимъ-то Эльдорадо, изъ котораго золото текло обильнымъ источникомъ. Говоря объ этомъ товарищамъ, онъ самъ вѣрилъ тому, что̀ говорилъ, и, надѣясь на что-то, занималъ деньги на лихачей, на рестораны, на веселые пикники, въ полной увѣренности, что всѣ эти долги заплатятся. И долги росли быстро, такъ что онъ самъ испугался, когда ростовщикъ потребовалъ уплаты пятисотъ рублей.

Жоржъ продолжалъ почтительно ухаживать за теткой и нерѣдко бралъ у нея деньги, а Вѣра Алексѣевна продолжала кокетничать съ той искусной манерой женщинъ за тридцать лѣтъ, которыя сводятъ съ ума молодыхъ мальчиковъ. Сперва она разыгрывала роль «второй maman», но когда у «мальчика» стали пробиваться усы и онъ, вздрагивая, взглядывалъ на ея шею, она краснѣла, сердилась, драла его за уши, смѣясь, когда онъ горячо цѣловалъ ея руки, и становилась съ нимъ на ногу «старшаго друга». Она любила разспрашивать, съ кѣмъ онъ знакомъ, совѣтовала ему не знакомиться съ «этими дамами», то требовала, чтобы онъ разсказалъ «все... все...», то вдругъ сердилась, когда Жоржъ описывалъ ей красоту Сюзеты, съ которой ужиналъ, капризно поджимала губы и, какъ бы невзначай, спускала съ плечъ косынку, показывая Жоржу шею и тяжело дышавшую грудь. Когда Жоржъ, лукаво улыбаясь, говорилъ, что онъ «невинный мальчикъ», она снова впадала въ тонъ «второй maman», наставляла его на путь истины, совѣтуя не быть испорченнымъ и гадкимъ мальчикомъ, и зажимала наглую улыбку Жоржа своей влажной ладонью. Она ревниво слѣдила за нимъ, когда знакомыя дамы бывали особенно любезны съ Жоржемъ, и дулась на него, если онъ часто уходилъ изъ дому «къ товарищамъ».

Вѣра Алексѣевна считала себя женщиной строгой добродѣтели, и ни одна тучка не омрачила ея супружескаго счастья. Она дорожила репутаціей, считала мужа «добрымъ старичкомъ» и избѣгала опасностей увлеченія; но эта заманчивая игра съ «птенчикомъ», игра, которая не могла быть предметомъ сплетни, манила ее. Она желала одного рыцарскаго обожанія, она и мысли не допускала о чемъ-нибудь другомъ и въ то же время она, къ изумленію своему, чувствовала, что сердце ея бьется, какъ птица въ клѣткѣ, когда она ощущала близость горячаго дыханія юноши. Ей нравилось играть съ Жоржемъ, то вызывая краску волненія на его щеки, то обливая его холодной водой строгихъ нравоученій. Она и сама не замѣчала, какъ мало-по-малу увлекалась этимъ юношей съ любопытствомъ неудовлетворенной жены и съ разсчетомъ опытной свѣтской женщины, увѣренной, что это увлеченіе не нарушитъ спокойствія жизни. Да наконецъ вѣдь это такъ пикантно видѣть всегда около себя такого свѣжаго, неиспорченнаго мальчика! Онъ еще невинный мальчикъ, и развѣ не отъ нея, тридцатитрехлѣтней женщины, зависитъ всегда удержать его на той границѣ почтительнаго обожанія, которое дальше краски волненія и робкихъ поцѣлуевъ не идетъ? Вѣдь она не молодая дѣвочка!..

Такъ, обманывая себя, отгоняя отъ себя съ презрительной усмѣшкой всякую мысль о томъ, что Жоржъ сталъ ей какъ-то опасно близокъ, она нерѣдко удерживала его по вечерамъ дома и, сказавшись больной, надѣвала капотъ, распускала волосы и, лежа на кушеткѣ, заставляла Жоржа читать ей вслухъ французскіе романы.

Сперва эти «чтенія» шли довольно спокойно, прерываемыя сыновними лобзаніями и материнскими поцѣлуями, но какъ-то разъ, когда Вѣра Алексѣевна, выставивъ свою маленькую ножку, въ крохотной туфлѣ, слишкомъ рѣзво играла носкомъ и слишкомъ выразительно взглядывала своими прекрасными синими глазами, «чтеніе» кончилось такъ неожиданно, что когда на слѣдующее утро Жоржъ, какъ ни въ чемъ не бывало, почтительно подходилъ къ ручкѣ «ma tante», Вѣра Алексѣевна стыдливо опустила глаза, долго не могла поднять ихъ на милаго мальчика и не пускала его къ себѣ на глаза цѣлое воскресенье.

Однако, въ первый же вечеръ, когда Жоржъ пришелъ изъ заведенія, она снова пригласила его читать, хотя и предупредила, лукаво посмѣиваясь и слегка щипля за ухо, чтобы онъ не былъ гадкимъ мальчишкой.

Сенаторъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за книгами и картами и искренно былъ радъ, что жена въ послѣднее время стала домосѣдкой и была въ хорошемъ расположеніи духа.

VII.

Долги опутывали молодого человѣка густой сѣткой. Требовали уплатъ, грозили жаловаться начальству. Жоржъ писалъ матери, но присылаемыя деньги были каплей въ морѣ. Онъ рѣшился сказать теткѣ о своихъ долгахъ; та изумилась цифрѣ долга, ревниво допрашивала съ придирчивостью любовницы, куда «мальчикъ» истратилъ столько денегъ, и заплатила его долги, сдѣлавши долгъ сама и взявъ съ него торжественную клятву, что онъ никогда не будетъ ужинать съ «этими тварями». И, чтобы вознаградить его и узнать самой прелесть ужина въ ресторанѣ, она однажды поѣхала вмѣстѣ съ Жоржемъ въ ресторанъ въ наемной каретѣ и восхищалась удивленіемъ Жоржа, что «ma tante» еще прелестнѣе послѣ выпитой вдвоемъ бутылки шампанскаго. Они покутили какъ добрые товарищи, она—съ любопытствомъ неизвѣданнаго удовольствія, онъ—съ торжествомъ счастливаго любовника. Имъ было весело, къ тому же оба были на-веселѣ и, разставаясь, согласились еще разъ попробовать поужинать вдвоемъ.

Хотя Вѣра Алексѣевна нерѣдко платила долги Жоржа, но подъ конецъ долги накопились до почтенной суммы въ тысячу рублей. Жоржъ разсчитывалъ на тетку и не особенно заботился о томъ, что̀ будетъ впереди. Еще нѣсколько мѣсяцевъ—и онъ будетъ офицеромъ, а тамъ все пойдетъ какъ по маслу.

Это было мѣсяца за два до выпуска. Богатые товарищи собирались устроить замѣчательный кутежъ съ десертомъ въ видѣ одной знаменитой француженки, согласившейся возлежать на столѣ au naturel. Рѣшено было устроить пирушку въ ближайшее воскресенье. Разумѣется, Растегай-Сапожковъ долженъ быть тамъ непремѣнно, дѣло было за какими-нибудь пятьюдесятью рублями. На бѣду ихъ не было, занять было негдѣ: тетка, какъ нарочно, уѣхала за нѣсколько дней въ Москву. Спросить у товарищей, сознаться, что онъ затрудняется въ такомъ пустякѣ, вѣдь это... стыдъ, такой стыдъ, что объ этомъ и думать нечего... Онъ просилъ у швейцара, у солдатъ, у каптенармуса, готовъ былъ за пятьдесятъ рублей дать расписку на пятьсотъ, но денегъ не досталъ: ему не дали, несмотря на самыя заискивающія просьбы.

Жоржъ былъ въ отчаяніи, въ настоящемъ отчаяніи. Не быть на пирушкѣ, отсутствовать, чтобы сказали, что у бѣдняги нѣтъ денегъ,—возможно ли перенести такой позоръ, именно позоръ! Какъ ни трусилъ Жоржъ своего дядю, но онъ рѣшился обратиться къ нему и съ этой цѣлью поѣхалъ къ сенатору утромъ въ воскресенье. На бѣду дяди не было дома. Ему сказали, что онъ уѣхалъ съ утра. Онъ въ волненіи ходилъ по залѣ, посматривая на часы. Уже первый часъ. Досадно. Онъ снова началъ ходить, то прислушиваясь къ стуку каретъ, то подходя къ окну. Онъ перешелъ въ большой дядинъ кабинетъ — оттуда скорѣй увидишь дядину карету! Пробилъ часъ. Онъ опять заходилъ, проклиная сенатора, что тотъ долго ѣздитъ. И надо было ему уѣхать! Сидѣлъ бы за своимъ столомъ, за своими дурацкими книгами. Машинально онъ взглянулъ на большой столъ — книги вездѣ, однѣ книги, но внизу, подъ одной изъ книгъ, онъ замѣтилъ футляръ. Что̀ это? Звѣзда Бѣлаго Орла. Вѣрно, забыли спрятать въ комодъ? Эти вещи всегда въ комодѣ. Впрочемъ, дядя такъ разсѣянъ... Онъ разъ куда-то такъ запряталъ алмазную звѣзду Александра Невскаго, что, когда надо было надѣть ее, звѣзду нигдѣ не могли найти и только черезъ нѣсколько часовъ общихъ поисковъ ее отыскали въ китайской коробкѣ, гдѣ лежали шахматы. А красивая эта

звѣзда Бѣлаго Орла! Жоржъ приложилъ ее къ груди. Идетъ, ничего! Однако пробила половина второго. Чортъ знаетъ, отчего этотъ «лысый чортъ» не ѣдетъ! Онъ повертывалъ звѣзду въ рукахъ, и вдругъ мысль, какъ молнія, блеснула въ головѣ. «Взять?..» Вѣдь никто не осмѣлится и подумать? Одна мысль, что могутъ подумать на него, привела его въ негодованіе. «Скверно, подло!» шептало что-то внутри, и кровь сильно стучала въ виски. «Я заложу, выкуплю и положу на мѣсто! вопросъ въ днѣ, въ двухъ. До того времени не хватятся, а хватятся — на него не осмѣлятся подумать»... Господи! Уже третій часъ. Онъ быстро выдернулъ футляръ, сунулъ въ него звѣзду, опустилъ въ карманъ, повернулся и — на порогѣ кабинета увидѣлъ дядю-сенатора.

По глазамъ его онъ понялъ, что старикъ все видѣлъ. Впрочемъ, быть-можетъ, ему показалось. Онъ рѣшился взглянуть снова. Строгіе глаза глядѣли на него изъ-подъ очковъ съ такимъ презрѣніемъ, что Жоржъ замеръ отъ страха.

Нѣсколько мгновеній длилось это убійственное молчаніе.

— Если бы ты не былъ сыномъ моего брата, я бы...

Старикъ не могъ продолжать. Онъ перевелъ духъ и только глухо проговорилъ:

— Вонъ отсюда!

Жоржъ бросился въ ноги и пробовалъ схватить колѣни съ жалобнымъ воемъ пойманнаго щенка.

Старикъ брезгливо отодвинулся, словно подъ ногами была гадина, и, уныло качая головой, прошепталъ:

— И это будущій слуга отечеству!? Это Растегай-Сапожковъ... Встань! Не валяйся въ ногахъ и выслушай! Никогда про это никто не узнаетъ!.. Бѣдный братъ!—шепнулъ старикъ, отирая съ усовъ скатившуюся слезу.—Исправься, если можешь, но чтобы ноги твоей у меня не было, слышишь!? Да пришли списокъ долговъ, я заплачу!

Жоржъ сунулъ на столъ футляръ и вышелъ изъ кабинета. Стыдъ и злоба давили его невыносимой тяжестью.

Старикъ заперся въ кабинетѣ и не вышелъ обѣдать.

Когда пріѣхала тетка и спросила о Жоржѣ, старикъ не велѣлъ произносить его имени. Вѣра Алексѣевна похолодѣла отъ страха и въ тотъ же вечеръ поѣхала въ заведеніе. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она пожалѣла «мальчика» и разсталась съ нимъ, обливаясь слезами. Она нѣсколько разъ еще видѣлась съ племянникомъ тайкомъ и долго потомъ грустила, вспоминая горячіе поцѣлуи и юношескій пылъ страсти своего перваго и послѣдняго любовника.

VIII.

Веселая это была пора, когда Жоржъ надѣлъ щегольской офицерскій мундиръ, хотя и не того цвѣта, о которомъ мечталъ. Отецъ и думать о немъ не велѣлъ и, посылая деньги на первое обзаведеніе, обѣщалъ высылать по сту рублей въ мѣсяцъ. Затѣмъ, поздравляя его, онъ наказывалъ быть «честнымъ офицеромъ и вести себя такъ, чтобы старшіе любили, равные уважали, а младшіе почитали». Относительно будущаго генералъ совѣтовалъ «Георгію» ни на что не разсчитывать. Послѣ смерти онъ получитъ десять тысячъ, «а на имѣніе нечего надѣяться, такъ какъ васъ много, а имѣніе одно».

Несмотря на такія предостереженія, жизнь Жоржа шла обычной, веселой волной. Утромъ ученіе, пріятельскіе завтраки, нѣсколько визитовъ, гонка рысаковъ на Невскомъ, обѣды дорогіе, тонкіе, вкусные, театры, вечера, балы, ночи съ женщинами... На слѣдующій день то же самое, на третій день опять то же... Такая жизнь втягиваетъ, какъ воду губка. Весело, пусто, пріятно... На него любовались дамы, и ему вѣрили въ долгъ даже кокотки. Такъ онъ былъ милъ, остроуменъ, красивъ и сытъ. Онъ весело прожигалъ жизнь, весело леталъ по Невскому, дѣлалъ визиты, сидѣлъ въ балетѣ, дарилъ дорогіе букеты, подписывалъ векселя, на что-то разсчитывая и на что-то надѣясь. Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ ѣсть четыре блюда и пирожное, все это было всегда, изо дня въ день, и ему просто казалось дико не ѣсть обѣда изъ четырехъ блюдъ и не запивать его виномъ. Одинаково смѣшно было ему не сидѣть въ первыхъ рядахъ. Его всѣ знаютъ, ему всѣ такъ ласково киваютъ головой, когда онъ, слегка позвякивая шпорами и придерживая саблю, проходитъ увѣренной молодецкой походкой къ своему креслу въ первомъ ряду, гдѣ онъ, пожимая руки пріятелямъ, чувствуетъ себя какъ дома. Да лучше онъ совсѣмъ не пойдетъ въ театръ, чѣмъ забьется въ девятый рядъ.

Глядя на Жоржа, блестящаго, румянаго, круглаго, сытаго, всегда показывавшагося на первыхъ представленіяхъ, бывавшаго въ обществѣ, игриво кивавшаго кокоткамъ, глядя на его сѣраго рысака, на его изящную маленькую квартиру, на его камердинера-нѣмца, всякій считалъ его за богатаго человѣка. Кредиторы еще вѣрили въ «рязанское имѣніе», и Жоржъ ухаживалъ, обѣдалъ, веселился и подписывалъ векселя.

Еще Жоржъ потягивался на кровати, когда однажды нѣмецъ подалъ ему письмо. Мать извѣщала о тяжкой болѣзни отца и звала его немедленно пріѣхать. Жоржъ въ тотъ же день выѣхалъ и засталъ генерала на столѣ, а мать—въ слезахъ. Оказалось, что «рязанское имѣніе» при раздѣлѣ между братьями и сестрами такой пустякъ, о которомъ и говорить не стоитъ. Жоржу досталось только пятнадцать тысячъ и часть въ имѣніи тысячъ въ девять. Онъ былъ въ бѣшенствѣ. Онъ почему-то ожидалъ большого состоянія—и вдругъ какія-нибудь пятнадцать тысячъ! Онъ бранилъ «старика» и упрекалъ мать. Мать плакала и попрежнему объѣдалась конфетами. Холодно простившись съ матерью, Жоржъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Векселя уже ждали его... Грозили подать ко взысканію. Въ три года офицерства онъ сдѣлалъ пятьдесятъ тысячъ долга. Платить было нечѣмъ. Кредиторы наконецъ подали ко взысканію.

Жоржъ принужденъ былъ выйти въ отставку и спасаться отъ долгового отдѣленія.

Надѣвая статское платье, Жоржъ чуть не плакалъ съ досады, оглядывая себя въ зеркалѣ. Конечно, онъ и въ статскомъ хорошъ, онъ быстро сумѣлъ усвоить «статскую посадку» и одѣлся у хорошаго портного, но то ли дѣло мундиръ?

Мать отдала своему любимцу послѣднія крохи, оставленныя генераломъ, и звала его къ себѣ, въ укромный уголокъ на югѣ, гдѣ они могли бы жить скромно, но Жоржъ только фыркнулъ, читая эти строки. Развѣ онъ, блестящій Растегай - Сапожковъ, долженъ погрязнуть въ какой-нибудь провинціи, ѣсть лѣнивыя щи, пить кисленькій медокъ въ двадцать копеекъ и жениться на какой-нибудь глупой дѣвчонкѣ?

Нѣтъ! Онъ еще вѣрилъ въ свою звѣзду и все ждалъ, ждалъ какого-то необыкновеннаго событія, которое дастъ ему возможность показать себя во всемъ блескѣ. А пока жизнь еще шла попрежнему. Обстановка не мѣнялась, еще рысакъ не былъ проданъ, хотя каждое утро и приходилось вести невыносимыя бесѣды съ кредиторами. Онъ уговаривалъ, грозилъ, вралъ про состояніе матери, указывалъ, нагло посмѣиваясь, на свой красивый торсъ, и снова переписывалъ и подписывалъ вексельную бумагу широкимъ размашистымъ росчеркомъ, вполнѣ увѣренный, что не «померкла его звѣзда» и не изъ-за чего ему губить молодость. Вѣдь онъ хорошъ, безподобно хорошъ, какъ говорили про него въ обществѣ, вѣдь онъ не глупъ... неужели же ему такъ-таки и отказаться отъ жизни и поступить на службу на пятьдесятъ рублей жало-

ванья? Эта мысль даже разсмѣшила его. Онъ числился въ какой-то канцеляріи, куда, конечно, никогда не заглядывалъ, ѣздилъ еще на рысакѣ, но зато какъ-то внимательно вглядывался въ лица богатыхъ пожилыхъ вдовъ, которыя съ такой любознательностью оглядываютъ красивыхъ, плечистыхъ молодыхъ людей съ томными глазами.

И звѣзда снова взошла надъ молодымъ человѣкомъ...

Это было въ театрѣ. Жоржъ сидѣлъ съ пріятелями въ ложѣ и замѣтилъ, что изъ сосѣдней ложи его такъ пристально разглядывала, словно барышникъ статнаго жеребца, сухая, пожилая, некрасивая женщина восточнаго типа, что даже Жоржъ покраснѣлъ и отвернулся. Однако «восточная женщина» раза три внимательно взглянула на Жоржа и, указывая на него, о чемъ-то шепталась съ мужчиной, бывшимъ у нея въ ложѣ. Выходило ужъ очень глупо. Жоржъ хохоталъ и вышелъ изъ театра не въ духѣ.

Черезъ нѣсколько дней къ Жоржу зашелъ Пильсонъ, не то еврей, не то датчанинъ, ростовщикъ и маклеръ, торговавшій фортепіанами. Маленькій, черненькій, аккуратный и чистенькій, онъ былъ вѣрнымъ спутникомъ каждаго блестящаго молодого человѣка, доставалъ деньги, продавалъ по случаю сигары и устраивалъ свиданія. Онъ наживалъ деньги и получалъ оскорбленія; первыя онъ уважалъ, ко вторымъ относился съ презрѣніемъ; черезъ его руки прошелъ не одинъ десятокъ «юношей», которыхъ онъ устраивалъ или сажалъ въ долговое. Онъ былъ аккуратенъ, вѣжливъ, терпѣливъ и зналъ всѣ языки. Сколько ему лѣтъ—никто не зналъ, ему можно было дать и сорокъ и тридцать; его можно было счесть и за испанца, и за француза, и за нѣмца. Онъ называлъ себя датчаниномъ, но былъ выкрещеннымъ евреемъ. Жоржъ давно уже былъ знакомъ съ г. Пильсономъ и при видѣ его нахмурился.

— Опять? Вѣдь вы и передохнуть не дадите, Пильсонъ. Вѣдь это чортъ знаетъ что̀ такое!

Но Пильсонъ, улыбаясь, объявилъ, что онъ по другому дѣлу.

— Вы извините, Егоръ Николаевичъ, вами очень интересуется одна барыня.

— Хороша?

— Гммъ... Нельзя сказать, чтобы очень, но за то богата.

— Молчите. Вѣрно, опять какую-нибудь пакость предложите?

— Боже меня сохрани... Зачѣмъ?.. Очень вами заинтересовалась... Вдова, знаете ли, пылъ этакій южный... влюблена, какъ кошка.

— Ну и чортъ съ ней!..

— Познакомьтесь-ка съ ней, Егоръ Николаевичъ... право стòитъ. Состояніе у нея громадное.

— Это значитъ, на содержаніе поступить?

— Къ чему такія слова!.. Просто полюбить, хотите женитесь, а то и такъ... Она ждетъ васъ, когда угодно!

— Убирайтесь вонъ... скотина! — вдругъ вспылилъ Жоржъ и грозно поднялся съ мѣста.

— Напрасно бранитесь, г. Сапожковъ... напрасно... Я болѣе не буду васъ безпокоить лично, а пришлю своего повѣреннаго получить по векселю долгъ, а если не получу...

— То чтò?

— Представлю кормовыя!

— Вонъ отсюда!

Но Пильсонъ зналъ Жоржа и уже вышелъ за двери, не забывъ однако бросить на столъ адресъ «вдовы съ южнымъ пыломъ»...

Жоржъ озабоченно ходилъ по своей роскошной гостиной. Онъ нервно поводилъ плечами, щурилъ глаза, сжималъ и разжималъ свои тонкіе изящные пальцы. То подходилъ къ окну, внимательно вглядывался въ снѣжные узоры на стеклѣ, выводилъ по немъ розовымъ ногтемъ мизинца какія-то цифры, то, быстро повернувшись на каблукахъ, снова принимался ходить граціозной, но нервной походкой... Онъ замѣтилъ на столѣ адресъ, взглянулъ на него, спряталъ въ карманъ, велѣлъ подавать лошадь и поѣхалъ по адресу.

Прекрасная лѣстница. Великолѣпная квартира. Изящная гостиная. Его какъ будто ожидали, встрѣтили любезно. «Восточная дама», Авдотья Матвѣевна, вдова откупщика, русская по происхожденію, очень мило занимала гостя и пристально разглядывала свою покупку. Повидимому, она осталась довольна Жоржемъ и просила бывать, когда вздумается. При посредствѣ Пильсона состоялся торгъ. За Жоржа уплачивали всѣ долги и давали по двѣ тысячи въ мѣсяцъ, но, прибавилъ Пильсонъ, «не надо забывать, что вдова ревнива, какъ можетъ быть ревнива женщина въ сорокъ пять лѣтъ... Завтра вечеромъ васъ ждутъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ!»

На другой день вечеромъ Жоржъ поѣхалъ...

IX.

Опять наступила масленица. Опять жизнь безъ заботъ, безъ волненій. Но теперь эта жизнь стоила уже дороже. Приходилось ежедневно посѣщать Авдотью Матвѣевну, показываться иногда съ нею въ театрахъ, выдерживать сцены ревности, давать клятвы съ полною увѣренностью забыть ихъ за поро-

гомъ и, по временамъ, испытывать такія муки отвращенія, когда Авдотья Матвѣевна, горячо привязавшаяся къ Жоржу, нѣжно гладила его по щекѣ и дарила деньги,—что врядъ ли Жоржъ считалъ себя счастливымъ человѣкомъ...

Но передѣлать жизнь онъ былъ не въ силахъ... Она тянула его къ себѣ неудержимой силой, и ему такъ же невозможно было отказаться отъ нея, какъ невозможно пьяницѣ отказаться отъ вина...

Передъ его носомъ проходила жизнь шестидесятыхъ годовъ... крестьянская реформа, общія надежды, оживленіе, но онъ этого ничего не видалъ. Онъ зналъ только, что реформа дала ему выкупныя, и что какіе-то, чортъ знаетъ, студенты пишутъ тамъ книги... Онъ желалъ карьеры, но боялся труда... Если бы сразу его сдѣлали товарищемъ министра, онъ бы еще, пожалуй, готовъ былъ бы «подписывать бумаги», а то тянуть лямку... Боже упаси! Онъ называлъ себя «консерваторомъ», потому что любилъ хорошее бѣлье и платье; но что̀ такое консерваторъ, онъ не зналъ. Онъ полагалъ только, что «либералъ»—бранное слово, и что либераловъ надо сѣчь, потому что «они воображаютъ»... Что̀ они воображаютъ — онъ не давалъ себѣ труда подумать, но онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что «мы должны имѣть средства, а *они* не должны». *Они* въ его глазахъ было все то, что̀ ходитъ не въ нѣмецкомъ платьѣ... Онъ читалъ романы французскіе, русскихъ книгъ почти не зналъ и разъ даже сконфузилъ своихъ пріятелей, наивно спросивъ, кто такой Тургеневъ... Онъ порицалъ гласный судъ, потому что его могли поставить рядомъ съ лакеемъ, а вообще ему до всего этого было мало дѣла... Ему хотѣлось жить такъ, чтобы всѣ видѣли, что онъ живетъ, какъ слѣдуетъ жить порядочному человѣку. Вѣдь надо же имѣть и приличную квартиру, и лакея, и лошадь, и кресло, и обѣдъ съ хорошимъ виномъ. Ко всему этому онъ привыкъ съ малолѣтства, а откуда все это бралось и берется—онъ врядъ ли могъ точно отвѣтить. Прежде, зналъ онъ, давали «крестьяне», ну, а теперь, теперь... вѣроятно, тѣ же крестьяне. На то они мужики. Имъ не надо шить платье у Тедески... Эта было бы смѣшно. Кто не имѣетъ средствъ отъ крестьянъ, тотъ получаетъ жалованье... Хорошее жалованье, конечно, сто̀итъ брать, а маленькое не сто̀итъ, лучше жениться на старушкѣ и ждать, когда она умретъ.

Въ послѣднее время ему нравилось мечтать о полученіи сразу громаднаго куша денегъ... Взять бы, напримѣръ, концессію. Что̀ такое концессія — онъ доподлинно не зналъ, но понималъ, что это «вещь очень невредная», и если бы по-

лучить ее, то не надо бывать у Авдотьи Матвѣевны. Онъ собирался подумать объ этомъ серьезно, купилъ карту Россійской имперіи и познакомился съ дѣльцами средней руки. Дѣльцы видѣли, что Жоржъ алченъ, но лѣнивъ, и только смѣялись надъ нимъ и совѣтовали ухаживать за концессіей, если только она будетъ въ рукахъ какой-нибудь женщины, падкой до томныхъ брюнетовъ... Но Жоржъ тѣмъ не менѣе разъ часа два просидѣлъ за картой и провелъ прямую линію черезъ всю Сибирь.

Онъ велъ отчаянно-безумную жизнь, давалъ вечера, держалъ дорогихъ лошадей, велъ игру, былъ знакомъ со всѣми. Никто не спрашивалъ, чѣмъ живетъ этотъ красивый молодой человѣкъ: имѣетъ ли состояніе, получилъ ли концессію, занимается ли фальшивыми ассигнаціями или играетъ на биржѣ. Всѣ дружески жали ему руку, похваливали его ужины, находили, что онъ порядочный человѣкъ, и на ушко говорили, что онъ на содержаніи. Онъ показывался всюду: въ оперѣ, на балахъ, даже на биржѣ. Онъ выучился играть. Его выучилъ Пильсонъ.

Авдотья Матвѣевна журила его. Она грозила, что не станетъ платить его долговъ. Тогда онъ разыгрывалъ роль страстнаго любовника. Она видѣла, что онъ лжетъ, презирала его и все-таки вѣрила, бросаясь въ его объятія. Ей вѣрилось подъ бокомъ этого дьявольски-изящнаго молодца, отъ котораго пахнетъ здоровьемъ, духами, шампанскимъ — и она платила долги.

Но чѣмъ болѣе она платила, тѣмъ ненасытнѣе становился Жоржъ, увлекшійся вдобавокъ какой-то француженкой и тратившій на нее большія деньги. Опять неизмѣнный Пильсонъ настоятельно просилъ уплаты пятидесяти тысячъ. Жоржъ поѣхалъ къ Авдотьѣ Матвѣевнѣ. Она сдѣлала сцену и отказала. Онъ было-пригрозилъ оставить ее. Она въ отвѣтъ зло разсмѣялась и сказала, что не боится этого. Онъ уѣхалъ. Авдотья Матвѣевна плакала, но не звала его: сумма была очень большая. А Пильсонъ грозилъ снова. И вотъ въ одинъ изъ такихъ дней Жоржъ вмѣсто денегъ выдалъ вексель съ бланкомъ Авдотьи Матвѣевны. Онъ подмахнулъ подпись послѣ веселаго обѣда. Потомъ спохватился, хотѣлъ-было вернуть, но уже было поздно.

Черезъ три мѣсяца въ будуарѣ разыгралась скверная сцена. Авдотья Матвѣевна, злая на Жоржа за его связь съ французской кокоткой, грозила судомъ.

— А ты развѣ не боишься скандала? Вѣдь тогда придется все разсказать, моя милая!—улыбаясь, пригрозилъ Жоржъ.

— Подлецъ неблагодарный! Вонъ отсюда! я заплачу̂ вексель, но мы болѣе незнакомы...

— И хорошо сдѣлаешь, моя ненаглядная! А теперь addio, mio care!..—весело смѣясь, отвѣчалъ Жоржъ, посылая воздушный поцѣлуй.

X.

Жоржъ еще ждалъ, что за нимъ пришлютъ; но прошла недѣля-другая, за нимъ не присылали. Онъ струсилъ. Послѣ трехъ лѣтъ этой безшабашной жизни на счетъ Авдотьи Матвѣевны—и вдругъ опять ничего. Онъ сожалѣлъ, что не далъ векселя на болѣе крупную сумму.

Паденіе подъ гору пошло быстро. Мебель, лошади—все было въ одинъ прекрасный день продано съ публичнаго торга. Жоржъ поселился въ меблированной комнатѣ и избѣгалъ встрѣчи съ знакомыми. Снова онъ вернулся къ мысли о концессіи, измаралъ нѣсколько листовъ бумаги и надѣялся. Вѣдь многіе же получаютъ. Многіе, и не хватая звѣздъ съ неба, имѣютъ отличное содержаніе при этихъ концессіяхъ. Ну, хоть бы прежній закадыка Мишка Лештуковъ, вѣдь глупъ и очень глупъ, а напалъ на тридцать тысячъ содержанія, благодаря старухѣ, которая могла это устроить. Чѣмъ же онъ хуже? И отчего онъ не познакомился съ такой старухой?.. Онъ злился, хандрилъ и совѣтовался съ дѣльцами третьей руки. Тѣ пожимали плечами и улыбались...

Пильсонъ уже не давалъ денегъ. Авдотья Матвѣевна не пускала Жоржа на глаза, такъ какъ купила другого Жоржа, свѣжѣй и моложе. Жоржъ опускался все ниже и ниже. Сперва его пріютила одна француженка, потомъ прогнала его... Нужда грозила Жоржу, и онъ удивлялся, что находилъ вкуснымъ обѣдъ въ кухмистерскихъ... Онъ не показывался на большихъ улицахъ и отворачивался отъ знакомыхъ. Онъ похудѣлъ и подурнѣлъ. Съ алчностью молодого волка глядѣлъ онъ на богатые экипажи, мчавшіе богатыхъ людей. Онъ злобно скалилъ зубы и мечталъ еще отомстить, точно они были виноваты. Разъ онъ встрѣтилъ тетушку Вѣру Алексѣевну. Та узнала его, сконфузилась и прислала двадцать пять рублей. Если бы не прачка, довѣрчивое существо, привязавшееся къ Жоржу, онъ бы часто не обѣдалъ. Приходилось чуть ли не обкрадывать ее. И онъ ее обкрадывалъ...

Жоржъ подводилъ итоги. Ему двадцать шесть лѣтъ. Что̀ дѣлать?.. Нечего. Что̀ онъ знаетъ? Ничего. Оставалось поступить на службу... Теперь и служба казалась ему желаннымъ исходомъ... По счастію, сѣверо-западный край требо-

валъ свѣжихъ силъ, Жоржъ написалъ теткѣ отчаянное письмо и, благодаря дядѣ, попалъ въ число обрусителей...

Недолго онъ пробылъ и тамъ. Казенный сундукъ былъ какъ-то близко, а старыя замашки не умерли. Онъ попалъ подъ судъ и былъ уволенъ.

Тогда судьба окончательно толкнула его на тотъ путь, на которомъ онъ стоялъ еще съ малыхъ лѣтъ; онъ очутился въ компаніи съ такими же «обойденными дворянами», которымъ не хватало мѣстъ съ «приличнымъ» содержаніемъ, и ему пришлось продѣлать все, начиная отъ поддѣлки фальшивыхъ билетовъ, до воровства карманныхъ часовъ.

И что̀ это была за жизнь! Правда, выпадали времена, когда Жоржъ, развалившись въ коляскѣ, еще думалъ, что все измѣнится, что онъ выбьется же наконецъ и заживетъ, не опасаясь каждаго городового, но это бывали рѣдкія времена. Воруя, что̀ попало, не зная цѣны украденнаго, онъ вѣчно трусилъ, вѣчно ждалъ, что его схватятъ... И его наконецъ схватили! «За что̀ схватили его, а не Мишку Лештукова?»— промелькнуло у него въ головѣ въ моментъ просвѣтлѣнія.

XI.

Въ арестантскомъ халатѣ, въ голландской рубашкѣ, съ туго накрахмаленными воротничками, съ закрученными въ нитку усами, съ отточенными ногтями, сидѣлъ Жоржъ на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ потолстѣлъ, обрюзгъ, глаза потеряли прежній блескъ, но все-таки это былъ еще «интересный брюнетъ», на котораго дамы съ любопытствомъ таращили бинокли. Онъ нѣсколько сгорбился и опустилъ голову, но когда поднималъ ее, то держалъ прямо и глядѣлъ тѣмъ свѣтлымъ, наглымъ взоромъ, которымъ, бывало, восхищались дамы...

Прокуроръ говорилъ горячую рѣчь, призывая громы небесные на Жоржа, но Жоржъ не слушалъ прокурора. Онъ разглядывалъ зрителей и, замѣтивъ среди нихъ высокую, изящную брюнетку съ сѣдыми волосами, отвернулся и задумался.

И снова передъ нимъ, какъ бывало въ острогѣ, проносились картины прошлаго. Жизнь дома, отецъ, мать, научившая его подглядывать за отцомъ, Каролина, развратившая его, тетка, старикъ-дядя, «заведеніе», кража звѣзды, потомъ блестящая жизнь, рысаки, содержанки, далѣе опять тоже, потомъ нищета, служба и снова жизнь безъ труда, безъ содержанія, безъ цѣли. И наконецъ...

Онъ въ тысячный разъ вспомнилъ, что онъ жилъ, живетъ и, вѣроятно, будетъ жить на чужой счетъ, никогда не думая,

чтобы жизнь обязывала его къ чему-нибудь. Вѣдь этого ему не говорили, когда онъ былъ еще малъ, когда еще было время. Напротивъ...

И виноватъ ли онъ? И онъ ли одинъ?.. Не цѣлая ли масса людей выросла съ тѣмъ же сознаніемъ и съ тѣми же привычками? Конечно, это праздный вопросъ, но отчего же именно онъ въ арестантскомъ халатѣ, а не вонъ тотъ зритель, прежній закадыка, который отличается отъ Жоржа развѣ только тѣмъ, что воруетъ не такія маленькія суммы...

— Подсудимый Растегай-Сапожковъ! Что̀ вы имѣете сказать въ свое оправданіе?—раздался голосъ предсѣдателя.

— Я... я...—началъ-было Жоржъ и остановился.—Я, конечно, виноватъ, но кто же изъ насъ не виноватъ? Если бы, господа присяжные, вы знали мою жизнь, если бы вы поняли, что меня воспитали спеціально для того, чтобы сдѣлать меня къ пятнадцатилѣтнему возрасту мерзавцемъ... Если родная...

Тутъ Жоржъ не могъ продолжать и зарыдалъ.

Вдова сенатора, бывшая проѣздомъ въ Москвѣ (она ѣхала на Кавказъ провѣдать мать Митрофанію), тоже расчувствовалась, заплакала и не могла не сказать, что Жоржъ все-таки и въ арестантскомъ халатѣ «порядочный человѣкъ».

ДѢДУШКА ЛУНЬ.

Разсказъ.

I.

Какъ только вешнее солнышко станетъ пригрѣвать едва приподнявшуюся молодую травку по проталинамъ; какъ только на кровляхъ появятся ласточкины гнѣзда, а деревенскіе ребятишки въ однѣхъ рубашонкахъ станутъ, по колѣно въ грязи, перебираться по сельской улицѣ,—дѣдушка Лунь съ раннихъ утрень выйдетъ изъ избы и сядетъ на заваленкѣ. И вмигъ куча ребятокъ прибѣжитъ къ старику, обступитъ его и станетъ просить разсказать что-нибудь. Дѣдушка такъ ласково посмотритъ на всѣхъ ребятокъ, промолвивъ: «здорово, дѣтки!», ближнихъ по головамъ погладитъ, у Сидорки-пастуха спроситъ, прошла ли *камоха* (лихорадка) у его матери, и станетъ дѣтямъ сказки сказывать. И слушаютъ несмысли простую дѣдушкину сказку, боясь слово проронить... Глазенки дѣтскіе жадно впились въ дѣдушку, и видно по нимъ, что имъ любо слушать эти разсказы... И безпремѣнно по окончаніи осадятъ старика разспросами и такъ продержатъ его до полуденъ, когда дѣдушка встанетъ, скажетъ: «ну, дѣтки, пора и обѣдать!» и войдетъ въ свою избу.

Рѣдкій старикъ—дѣдушка Лунь. Знаетъ и уважаетъ его все село, и когда случается на селѣ что-нибудь чрезвычайное (воровство какое между своими случится, или драка какая-нибудь сильная), обыкновенно наши старики спрашиваютъ его совѣта: «какъ, молъ, быть». А дѣти наши просто и души не чаютъ въ дѣдушкѣ! Потому что онъ ихъ лучшій другъ, учитель и заступникъ. Кто чижа ловкаго состроитъ малюткѣ деревенскому?—Дѣдушка Лунь. Кто нянчится съ плаксой-сироткой Анюткой, когда весенняя гостья камоха истреплетъ

дѣвчонку до истомы?—Дѣдушка Лунь. Кто по азбукѣ вторитъ склады съ малолѣткомъ глупенькимъ?—Опять же дѣдушка Лунь и никто болѣе...

Бывало, на всю улицу разревется какой-нибудь маленькій соплякъ Ѳедька и не перестаетъ ревѣть, несмотря на то, что мать костыляетъ его по шеѣ; анъ смотришь, подойдетъ своею тихою походкой дѣдушка и скажетъ:

— За што ты ево, тётка Ѳедосья... ась?.. Полно тебѣ бить робёнка-то...

— Ну, што ты, Хведька... ну, чиво?.. Гляди, галчата-то какъ чиркаютъ!.. Гляди, любезный ты мой человѣкъ, и не реви... Ступай-ко-сь ко мнѣ...

И, вытеревъ ладонью ребячьи слезы, дѣдушка приласкаетъ маленькаго сопляка, который уже пересталъ ревѣть, а весело, сквозь слезы улыбаясь, глядитъ на дѣдушку и, держась за дѣдушкину руку, переходитъ черезъ грязную улицу къ дѣдушкиной избѣ...

— Ну, любезный человѣкъ, садись ли меня и давай вмѣстѣ башмаки шить... Вотъ теѣ, мотри!..

И старикъ показывалъ занятому ребенку, какъ онъ башмаки шьетъ.

А то иной разъ передерутся ребятки. Ну, извѣстно, пойдетъ у нихъ такой бой, что только клочья летятъ по воздуху... Въ такое-то время подойдетъ къ нимъ дѣдушка и скажетъ:

— Ну, дѣтки, и будетъ!.. Замиренье вамъ принесъ!.. Полно съ туркой воевать! Пойдемъ сказку слухать...

И безо всякой брани, безо всякаго крика, одною ласковостью, бывало, прекращалъ драки...

Чудной былъ старикъ...

Или опять же. Занозитъ, ожжетъ ли паренекъ себѣ руку, такъ и летитъ во всю прыть къ дѣдушкиной избѣ...

— Дѣдушко, а дѣдушко,—кричитъ звонкій голосокъ:—гляди-ко-сь...

— Ай, баловень ты... И гдѣ ты это такъ умудрился, божій ты человѣкъ!.. Ай, больно?.. Ай, не буду?.. Небось, дѣдушко,—любовно говоритъ старикъ, вынимая занозину или перевязывая масляною тряпкою больное мѣсто...

— Ну, ступай... Такъ-то, маленькой фицеръ!..

Одолѣетъ ли сельскихъ ребятокъ какая забота, соберутся ли они въ луга, либо въ лѣсъ, безпремѣнно пойдутъ сперва къ дѣдушкѣ.

— Дѣдушко Лунь, дѣдушко Лунь!—кричатъ всѣ и большой и малый.—Подь съ нами въ луга луку искать...

— Пойдемъ, братцы... Это дѣло, божьи вы люди. Только, гляди, дѣда не забыть, штобы и ему луку было... ха-ха...

И засмѣется свѣтлой улыбкой.

Изъ себя дѣдушка такой высокій, слегка сгорбленный; весь бѣлый, посѣдѣвшій, съ румяными щеками и съ большими, слегка отъ старости потухшими глазами... Его можно всегда видѣть съ ребятками. Гдѣ дѣти—тамъ и онъ. Такъ, бывало, и говорятъ на селѣ, глядя на дѣда, окруженнаго дѣтскою толпой:

— Гляди... Гусыня-то съ гусенятками плыветъ!..

На селѣ онъ живетъ десятый годъ, и нѣтъ у него тутъ никого родныхъ, кромѣ любимыхъ имъ дѣтей. Попалъ дѣдушка въ наше село случаемъ. Дѣло было такъ.

Однимъ жаркимъ лѣтнимъ днемъ, когда на селѣ бываетъ пусто, проходилъ по улицѣ отставной солдатъ. Соблазнила солдата тѣнь у кабака; онъ легъ и заснулъ. Какъ проснулся онъ, ужъ дѣтская орава стояла около него, въ почтительномъ однако отдаленіи, и шопотомъ передавала другъ другу свои замѣчанія про кавалера... Солдатъ однако всталъ, протеръ глаза и сказалъ:

— А што, дѣтушки... Нѣту ли у васъ тутотка кваску... вынеси кто... А ты што спужался... Ты, востроглазый? Ай солдатъ не видалъ? Ай не знаешь, енералъ ты сопливый, какъ солдатъ можетъ «на крррраулъ» смахнуть?.. Аасъ-дввваа!.. Ну, подь сюды... цацку покажу... Гляди-ко...

И дѣти мало-по-малу стали подходить къ солдату и оглядывать да ощупывать его медали, ранецъ и проч. Черезъ четверть часа они ужъ и подружились съ солдатомъ и, окруживъ его, слушали разсказъ про турку...

— Ты, таперича, куда, Христовъ воинъ, идешь?—спрашивали межъ тѣмъ мужики у солдата...

— Въ Вологодскую, любезные люди, въ чистую... Сподобилось уйтить со службы-то...

— По антилеріи, чай?..

— По пѣхотѣ, по самой инфантеріи, братцы; въ Кабардицкомъ, съ Капказа...

— Ишь ты...

— Съ самава и есть... Отъ чиркеса ушелъ...

Пошли разспросы. Извѣстно, мужику охотно узнать, какъ на «ефтомъ Капказѣ» живутъ и какая-такая солдатская служба есть... И все это имъ объяснилъ солдатъ словоохотливо...

— А какъ тея звать будутъ, кавалеръ?..

— Звали Антипычемъ... Или опять же ты «рружье-вольно» сплошалъ, ну, братцы вы мои, за ефто стой!.. Воо!.. Не моги, говорятъ, нады вольно.

Мужики только слушали да изрѣдка мычали:

— Ишь же ты, братцы!..

— А ты, кавалеръ, ночуй-ко съ нами... Куда спѣшить, — сказалъ одинъ мужикъ...

Солдатъ согласился да такъ съ этой ночи и остался у насъ на селѣ. На родинѣ у него никого не было, такъ ему все-то равно, гдѣ коротать вѣкъ. Сперва онъ въ батракахъ былъ, а послѣ съ помощью міра выстроилъ избу и живетъ себѣ на селѣ, всѣми дѣтьми любимый... И когда Антипычъ посѣдѣлъ совсѣмъ до-бѣла (а этому уже лѣтъ пять будетъ), стали его всѣ звать: дѣдушка Лунь... Одинъ назвалъ, такъ и пошло. Съ той поры уже иначе никто и не называетъ...

II.

Однимъ весеннимъ днемъ (именно наканунѣ самаго Константинова дня) пошли дѣтки къ дѣдушкиной избѣ звать Луня на луга; пришли къ избѣ—нѣтъ. Изба заперта, а старика нѣтъ. Пришли въ другой разъ—опять нѣтъ. Искали по селу, заходили и въ рощу,—не тамъ ли отдыхаетъ старикъ,—нѣтъ нигдѣ...

Вотъ и Константиновъ день, а дѣда все нѣтъ. Вотъ и еще два дня прошло, а о немъ ни слуху ни духу... Соскучились безъ него дѣти... Ходятъ словно въ воду опущенныя... Некому сказки имъ сказывать... Некому отъ заушинъ защищать...

А село дивомъ дивилося. И такіе шли толки про дѣдушку Луня, что любо было послушать. Дьячиха (востроносая такая, бойкая баба) сказывала, что Лунь по ночамъ по селу ходитъ и воемъ воетъ. Писаря больше насчетъ «разбойства какова» безпокоились... Словомъ, шли толки превеликіе... Первый день только и было толковъ, что о пропажѣ старика, второй день тоже, на третій день меньше судачили, на четвертый день еще меньше, а къ концу недѣли и вовсе меньше... Одни только дѣти не забыли Луня и крѣпко жалѣли о своемъ старомъ другѣ...

Прошла недѣля. Наступило воскресенье. Ну, извѣстно, на селѣ въ этотъ день не работаютъ; отдыхаютъ руки мозольныя, спины больливыя... Выходятъ дѣвки на улицу пѣсни послѣ полуденъ пѣть, яйца катать... Парнишки играютъ въ козны, въ «посредника» и въ «таньку»... Тетки и бабушки, словно ящерки, выползли на солнышко и посудачиваютъ да пѣсни слушаютъ... Старики толкуютъ о дѣлахъ деревенскихъ, сидя большими компаніями подъ избами... Вотъ такимъ-то манеромъ и забрели чуть ли не къ самой пустой избѣ Луня, и шла тамъ гулянка, потому что у дѣдушкиной избы было самое широкое мѣсто на улицѣ, а главное, напротивъ—кабакъ. Пѣлись

пѣсни, ходилъ хороводъ; анъ, глядь, по дорогѣ, по улицѣ шагаетъ дѣдушка Лунь; на рукахъ дитятю держитъ, а рядомъ съ нимъ идетъ маленькій мальчуганъ въ большихъ сапогахъ и овчинной большой же шапкѣ... Шелъ онъ около дѣдушки и одною рукою придерживалъ полы дѣдушкина чапана...

Какъ увидѣли люди деревенскіе Луня, такъ нѣкоторые ахнули и даже креститься начали. Старые испугались. Нѣкоторые, поглупѣй, тягу дали. Только ребятки не испугались, а, побросавъ игры, радостно сказали:

— Дѣдушко Лунь идетъ! Дѣдушко Лунь пришелъ!

И шумливой толпой бросились къ дѣдушкѣ.

Лунь, погладивъ ближнихъ по головамъ, сказалъ:

— Здорово, дѣтки! Вотъ вамъ новый товарищъ...—и рукой показалъ на оторопѣвшаго отъ кучи незнакомыхъ людей мальчугу.

А мальчикъ былъ изъ лица презабавный! Такой рябой весь, некрасивенькій... Носъ у него былъ маленькій, вздернутый... Лобъ какъ-то ужъ шибко выпуклый... уши большіе... да что за бѣда?.. Но зато глаза... глаза-то такіе были у этого мальца, что стоили всего лица и заставляли любоваться своей красой... То-есть этакихъ глазъ рѣдко и увидишь... Такіе большіе, черные, бархатистые съ длинными-длинными рѣсницами... И такъ глаза эти ясно и кротко смотрѣли и такъ глаза эти, глядя, ласкали, что нельзя было не сказать:—что̀ за славные глаза!

Дѣвчонка, что̀ на рукахъ несъ дѣдушка, была еще совсѣмъ махонькая, годковъ двухъ, и кротко выглядывала на ораву ребячью, шумящую подъ ногами дѣдушки...

— Не бойсь, Васька, чаво, глупой, спужался... Ай дѣтокъ не видалъ, несмысль ты этакой... не тронутъ...

И ободренный такими словами Васька (такъ звали новопришедшаго мальчика) пересталъ кукситься, бойко стукалъ своими сапожищами и даже взялъ у нашего Прошки деревяннаго чижа и сталъ его любопытно разсматривать.

Дѣдушка Лунь подошелъ къ воротамъ, отворилъ ихъ и затѣмъ вошелъ въ избу... Перекрестившись, онъ положилъ на лавку дѣвочку и сказалъ: «Ну, внучатки... вотъ мы и дома!..» Потомъ послалъ онъ нашего Прошку къ сосѣдкѣ за зыбкой; принесли зыбку, и дѣдушка уложилъ въ нее новую свою внучечку... Васю положилъ на лавку и сказалъ: «Ну, дѣтки, спите же съ Богомъ... чай, умаялись», легъ на лавку—и скоро старикъ и двое новыхъ обитателей заснули крѣпкимъ сномъ...

А на улицѣ шли толки... Боже ты мой, что̀ за толки!.. Какъ увидали, что дѣдушка и ходитъ, и ворота отворяетъ, то убѣ-

дились, что дѣдушка умный человѣкъ; но затѣмъ стали другъ у друга спрашивать: гдѣ былъ дѣдушка Лунь?.. Гдѣ пропадалъ онъ цѣлую недѣлю?.. И откуда дѣтей принесъ?..

То-есть ломали, ломали головы, какихъ пустяковъ ни придумывали, а все правды не узнали до той поры, пока дѣдушка на слѣдующее утро не вышелъ съ новыми внучатами на улицу и не сталъ разсказывать, сидя на заваленкѣ, гдѣ пропадалъ цѣлую недѣлю и гдѣ отыскалъ онъ божіи душеньки, этихъ двухъ внучковъ-сироточекъ...

И вышло весьма простое дѣло...

Въ ту самую ночь, когда наши сельскіе жители думали, что дѣдушка приказалъ долго жить, въ ту-то самую ночь было такъ тихо, такъ хорошо на воздухѣ, что дѣдушкѣ душно показалось сидѣть въ избѣ, и онъ вышелъ и сѣлъ на свою заваленку на улицѣ...

Сидѣлъ дѣдушка, а мѣсяцъ ясно такъ смотрѣлъ на дѣдушку и пуще серебрилъ его длинные серебристые волосы... Сидѣлъ дѣдушка и подумывалъ о томъ, что вотъ ему и жить немного, да о томъ, что на завтра онъ обѣщалъ сироткѣ Анюткѣ (а она по своему сиротству была его фавориткой) сдѣлать башмачки сафьянные на диво и заглядѣнье всему селу... Такъ размышлялъ Лунь, глядя на улицу, и увидалъ на концѣ села мужика, идущаго съ поля... Поровнявшись съ Лунемъ, мужикъ снялъ шапку и сказалъ: «Божью благодать, дѣдушко!», на что дѣдушка отвѣчалъ: «и добрый путь, родимый!..» Затѣмъ мужикъ подошелъ къ заваленкѣ и сѣлъ отдохнуть, а тѣмъ временемъ и сказалъ, что верстахъ въ 20 отъ села, за лѣсомъ, большой пожаръ..

Едва услыхалъ дѣдушка про это, какъ спросилъ:

— А чья деревня горитъ?..

— Сказывали, Петраковскихъ...

— За боромъ, верстахъ въ пяти?..

— Она и есть...

И дѣдушка сталъ собираться идти туда... Онъ былъ мастеръ лѣчить отъ обжоговъ и зналъ онъ, что пожаръ на селѣ, да ночью, такая бѣда, что и не приведи Господи! И сколько пообожжется, особливо несмыслей-ребятишекъ, а кто подастъ помощь?.. кто облегчитъ страданія въ такое время?.. Не идти туда и не помочь Лунь считалъ нечестнымъ дѣломъ съ своей стороны, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ я уже сказалъ, мастеръ былъ лѣчить отъ обжоговъ... И вотъ дѣдушка скоро собрался въ путь, взялъ съ собою масла деревяннаго да тряпья для перевязокъ, взялъ шапку да палку, заперъ ворота избы и скоро ужъ онъ довольно хлестко шагалъ по до-

рогѣ къ пожару... Идетъ дѣдушка (привыкъ онъ ходить, еще бывши въ солдатахъ); идетъ, спѣшитъ на помощь и только-что перебрался онъ за гору, что̀ неподалеку отъ нашего села, какъ увидѣлъ зарево...

Свѣтомъ яркимъ освѣтились окрестности... Освѣтился боръ густой... освѣтились сосѣднія деревни и села. Спѣшитъ Лунь, рвется Лунь, и шибче и хлестче шагаютъ его ноги, и часа въ два съ половиною дѣдушка ужъ приблизился къ выгорѣвшему селу.

Страшную, невеселую картину увидалъ онъ... Вмѣсто большого села увидалъ онъ груду кирпичей и кучи тлѣвшаго мусора... Дымъ шелъ по этому мѣсту такой, что изъ глазъ слеза идетъ... Пожаръ кончился... Все выжгло... Остались пепелища... Но не такъ жалко было смотрѣть на эти пепелища, какъ на хозяевъ ихъ... Уныло понуривъ голову, сидѣли семьи на задахъ... Кое-кто ходилъ по дымившей улицѣ и разыскивалъ, кто мужа, кто брата, кто жену... Одинъ старикъ полоумнымъ бѣгалъ взадъ и впередъ... Искалъ онъ сына... И долго искалъ, но не нашелъ сына... Сынъ умеръ... Старухи громко выли по роднымъ сгорѣвшимъ... Мальчишки тихо, не смѣя играть, кучей ходили словно утята, потерявшіе матку... Такіе-то всѣ были печальные... И какъ же было не печалиться, когда все сгорѣло, все, и ничего не могли спасти!..

Лунь пошелъ къ сидѣвшимъ и спросилъ, нѣтъ ли обгорѣлыхъ... Оказалось, что много ихъ было... И пошелъ дѣдушка по этимъ несчастнымъ и сталъ онъ перевязывать ихъ сожженныя ноги, руки, головы... И вездѣ слышались послѣ оханья и стоновъ ласковыя слова: «помилуй тя Богъ, дѣдушка Лунь!..» Цѣлую ночь ходилъ такъ Лунь...

Уже поднялось солнце... Стало утро, а дѣдушка Лунь еще не спалъ... Не до сна ему!.. Онъ возится съ двумя дѣтьми, мальчикомъ и дѣвочкой... У обоихъ были сильные пожоги... Заботливо, осторожно дѣдушка ходитъ за ними и успокаиваетъ ихъ боли... Сиротками совершенно остались этотъ мальчикъ съ дѣвочкой послѣ пожара! Мать ихъ, солдатка, сгорѣла... и остались они совершенно одни въ божьемъ мірѣ...

Вотъ этихъ-то сиротокъ, Ваську и Варьку, и взялъ на свое попеченіе дѣдушка... Цѣлую недѣлю жилъ онъ на погорѣломъ мѣстѣ... И столько больныхъ онъ облегчилъ! Много!.. Къ концу недѣли и Вася сталъ поправляться и такъ взглянулъ на дѣдушку, такъ глазенками своими большими да черными взглянулъ, что у дѣдушки слезу вышибъ...

— Мамка, гдѣ мамка?..—крикнули сиротки.

— Нѣту мамки, родненькіе, нѣту...—отвѣчалъ дѣдушка.— Пойдемте со мной... Аль не хоцца со мной идти?.. А?..

И дѣдушка потрепалъ да приласкалъ братишку съ сестренкой.

Долго ревѣли дѣтки, долго звали мамку, но мамка не приходила!.. И прижимались дѣтки къ груди дѣдушкиной, и поплакалъ же надъ ними дѣдушка, и обласкалъ же ихъ дѣдушка, и утѣшилъ же ихъ дѣдушка!..

— Ну, не плачь же, Вася! Полно... Пойдемъ вмѣстѣ... Какого же я тебѣ дома чижа сдѣлаю...

И дѣдъ руками развелъ...

— А тебѣ, Варька, цацку дамъ!..

И дѣти довѣрчиво, ясно глядѣли на старика, который, словно матка, ходилъ за ними...

— Ну, внучатки!.. Пойдемъ!..

И пошли они... Варька все на рукахъ сидѣла у дѣдушки, а Вася (побольше онъ былъ) шелъ около дѣдушки...

Вотъ такимъ-то образомъ и пришли они въ наше село...

Раститъ, лелѣетъ сироточекъ дѣдушка Лунь... И по-старому каждый день сидитъ онъ съ внучатами на заваленкѣ, и что за дѣтская толпа вьется вокругъ него! Какъ только дѣдушка не устанетъ!.. Тому занозу вынь, тому волчокъ поправь, тѣхъ помири, той мячъ зашей...

Но не устанетъ дѣтскій другъ... всѣхъ онъ чинитъ, всѣхъ выслушиваетъ и всѣхъ доброму и честному научаетъ... И глядитъ сверху солнышко... И грѣетъ добраго старика, освѣщая эту чистую, свѣтлую картину на сельской улицѣ...

И всякій (даже самый озорной мужикъ), проходя мимо дѣдушки, кланяется ему и ласково говоритъ:

— Здорово, дѣдушко Луны!..

И всякому ласково отвѣчаетъ дѣдушка Лунь:

— Здорово, родимый!

Сидитъ серебристый старикъ и радуется, глядя на веселыхъ дѣтей... И Васька съ Варькой тутъ же играютъ съ другими.

Радуется старикъ, и ясные глаза его такъ свѣтло глядятъ, такъ чисто, что невольно заглядываешься на Луня... Вотъ онъ началъ говорить... Дѣтки собрались... Ахъ, какъ славно онъ говоритъ!

— Пріѣзжай-ка послушать... да поглядѣть на нашего честнаго, чистаго, добраго дѣдушку Луня...

ИЗЪ-ЗА ПУСТЯКОВЪ.

I.

Вдова подполковника, болѣе извѣстная, впрочемъ, въ Коломнѣ подъ именемъ полковницы, Марья Ивановна Кропотова, бодрая, дѣятельная, подвижная дама, съ вѣчно сбитымъ набокъ чернымъ чепцомъ, попеременно прикрывавшимъ одну половину сильно посѣдѣвшихъ, нѣкогда темныхъ волосъ, здоровая, высокая и прямая, несмотря на пятьдесятъ четыре года, которые она съ честью носила на своихъ широкихъ плечахъ, стойко и храбро выдерживая житейскія невзгоды,—вотъ эта-то почтенная дама только-что, какъ она выражалась, «пришла въ себя» послѣ обычныхъ хозяйственныхъ заботъ, волненій и мелочныхъ дрязгъ утра.

Отпустивъ подростка-дочь въ гимназію, а сына на должность, она, по обыкновенію, вдосталь накипѣлась въ рынкѣ, обнаруживая неизмѣнный ужасъ, обратившійся въ привычку, при объявленіи цѣнъ провизіи, волновалась, выбирая огузокъ, корила торговцевъ, спокойно слушавшихъ ея обычныя философско-экономическія соображенія, пересыпанныя энергическими привѣтствіями—слѣдами прежняго близкаго знакомства съ лагерной жизнью въ качествѣ офицерской жены,—и торговалась до остервенѣнія, мужественно отстаивая каждую копейку, стараясь выгадать лишній кочанокъ капусты, лишній пятокъ картофелинъ. И когда ей это удавалось — что̀ бывало довольно часто, — она шла домой, мимо лавокъ, имѣя позади себя кухарку съ корзиной на рукахъ, а впереди мохнатую собачонку «Буяшку», торжествующая, съ раскраснѣвшимся лицомъ и пересохшимъ горломъ, въ съѣхавшей на сторону шляпкѣ и порыжѣлой тальмѣ, словно полководецъ, возвращающійся послѣ одержанной кровопролитной битвы, сопровождаемая почтительными привѣтствіями торговцевъ Литов-

скаго рынка, видѣвшихъ неизмѣнно каждое утро, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, Марью Ивановну, которую остроуміе рынка давно уже окрестило «генералъ-полковницей».

Дорогой Марья Ивановна давала краткія указанія насчетъ жаркого и кисленькаго соуса и, возвратившись домой, въ Прядильный переулокъ, немедленно принималась за дѣла. Въ теченіе сегодняшняго утра она успѣла, конечно, нѣсколько разъ поссориться и примириться съ кухаркой, пожурить дворника за дрова, знакомую селедочницу за подлыя селедки, и придать своей маленькой квартиркѣ тотъ видъ образцоваго порядка и чистоты, которымъ она по справедливости гордилась. Наконецъ послѣ педантической «убирки», послѣ залѣзанія со щеткой во всѣ недосягаемые для другихъ углы, гдѣ могла быть паутина, послѣ генеральнаго осмотра «дѣтскаго бѣлья» (о своемъ она не заботилась) — осмотра, заставлявшаго ее не разъ застывать передъ какой-нибудь дырявой сорочкой или иной принадлежностью бѣлья, приходившей въ разрушеніе,—въ позѣ Наполеона во время Аркольской битвы или Архимеда, углубленнаго въ рѣшеніе задачи,—она наконецъ въ первомъ часу дня, утомленная и разбитая, нѣсколько успокоилась, поправила чепецъ, привела себя въ болѣе приличный видъ и почувствовала потребность выпить чашку кофе.

Три комнаты ея квартиры, съ перемытыми цвѣтами на окнахъ, кисейными занавѣсками, чижикомъ и канарейкой, съ чистенькой мебелью, сіяли, какъ стеклышко; кухня съ сверкавшей на солнцѣ мѣдной посудой, разставленной по ранжиру на полкахъ, съ выскобленными до-бѣла двумя кухонными столами, не оставляла желать лучшаго и ни однимъ своимъ угломъ не оскорбляла взыскательнаго и зоркаго взгляда хозяйки; требовавшее ремонта бѣлье сложено отдѣльно и планъ дѣйствія относительно него составленъ. Все и вездѣ блистало порядкомъ, сверкало чистотой. Чижикъ и канарейка заливались въ перебой. Буяшка, послѣ дарового завтрака въ мясной, сладко спалъ въ своей корзинѣ, свернувшись мохнатымъ клубкомъ; и Марья Ивановна, съ сознаніемъ исполненнаго долга и съ чувствомъ утомленія во всѣхъ членахъ, считала возможнымъ наконецъ «придти въ себя» и присѣсть за чашку кофе въ своей маленькой, загроможденной разнокалиберной мебелью комнаткѣ, которую дѣти и близкіе знакомые не безъ нѣкотораго основанія звали «музеемъ рѣдкостей».

Въ самомъ дѣлѣ, чего только ни было въ разныхъ ящикахъ, безчисленныхъ шкатулкахъ и коробочкахъ, аккуратно разставленныхъ на старомодномъ туалетѣ краснаго дерева,

къ которому подходилъ всякій нуждающійся въ пуговицѣ, костяжкѣ, лентѣ! Начиная съ кульмскаго креста и медали двѣнадцатаго года — единственнаго, кажется, наслѣдства, доставшагося полковницѣ послѣ смерти ея родителя—и кончая машинкой отъ галстука и заржавѣвшей пряжкой отъ жилета, всѣ годные и негодные въ хозяйствѣ предметы можно было бы найти въ какомъ-нибудь изъ этихъ хранилищъ. Литографированный портретъ Маріи Стюартъ, крышка отъ фарфоровой чашки, нитки, половина ножницъ, старая бонбоньерка, закоптѣлый мундштукъ—все это хранилось про случай. Марья Ивановна любила все прибирать къ мѣсту, спрятать, разсчитывая, что все пригодится; быть-можетъ, даже и медаль двѣнадцатаго года. И когда къ ней приходили за чѣмъ-нибудь, она всегда, смѣясь, говорила: «Видишь—и музей пригодился!»

И теперь, на отдыхѣ, за чашкой кофе, голова ея не переставала работать въ хозяйственномъ направленіи. Трудно, ахъ, какъ трудно сводить концы съ концами при маленькомъ пенсіонѣ и при этой дьявольской дороговизнѣ. «Чего только правительство не обуздаетъ мясниковъ и булочниковъ!» Приближался май мѣсяцъ и предстояли кое-какіе экстраординарные расходы, не вошедшіе въ смѣту ея скромнаго бюджета, и ей предстояла задача, пожалуй, болѣе трудная, чѣмъ министру финансовъ, изыскать новые источники дохода или сократить расходы. Послѣднее, по совѣсти говоря, было бы гораздо легче сдѣлать министру финансовъ, чѣмъ ей, и какъ она ни ломала свою голову, а приходилось возложить нѣкоторыя надежды на ожидаемую прибавку къ жалованью сына Тогда можно сдѣлать у него маленькій заемъ, обновить гардеробъ подростка-дочери, сдѣлать запасъ дровъ и т. п.; погасить же заемъ придется въ концѣ года изъ получаемаго ею ежегодно пособія изъ инвалиднаго капитала. Не вѣкъ же Митѣ сидѣть на пятидесяти рубляхъ! Давно обѣщали прибавить!.. Однако могутъ и не прибавить!.. Конечно, она могла бы обратиться къ старшему сыну или замужней дочери, они не отказали бы, но полковница почему-то энергическимъ движеніемъ головы отогнала эту мысль. Они должны и сами догадаться, а она кланяться не намѣрена. Если они думаютъ, что она когда-нибудь заикнется имъ о своихъ затрудненіяхъ, то ошибаются... Очень ошибаются!

Пока мысли ея витали въ области финансовыхъ вопросовъ и она успѣла уже приняться за вторую чашку, какъ въ передней раздался звонокъ.

— Кто звонилъ?

— Дмитрій Алексѣевичъ вернулись!—отвѣчала Ирина, возвращаясь въ кухню.

— Дмитрій Алексѣевичъ?!

Лицо Марьи Ивановны съежилось въ вопросительный знакъ. Тревога загорѣлась въ глазахъ. Въ нетерпѣніи поскорѣй узнать, почему вернулся Дмитрій Алексѣевичъ, когда ему слѣдовало быть въ должности, она хотѣла-было летѣть къ нему, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздались знакомые шаги медленной походки, и на порогѣ появился бѣлокурый молодой человѣкъ, невысокаго роста, съ добродушнымъ, не особенно красивымъ лицомъ, поросшимъ рѣдкой русой бородкой.

II.

Несмотря на улыбку, на спокойный, даже развязный видъ, съ какимъ молодой человѣкъ вошелъ въ комнату, можно было замѣтить, что онъ нѣсколько смущенъ и взволнованъ. Быстрый, зоркій и встревоженный взглядъ матери мгновенно прочелъ это въ глубинѣ большихъ, мягкихъ, сѣрыхъ глазъ сына, глядѣвшихъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ съ какимъ-то едва уловимымъ оттѣнкомъ тревоги,—въ розовой краскѣ румянца, еще не отлившаго отъ нѣжно-блѣдной кожи лица, въ нервномъ подергиваніи угловъ рта, въ неестественной развязности движеній, совсѣмъ не подходившей къ общему складу этой скромной, непритязательной, флегматической фигуры молодого человѣка, стоявшаго передъ полковницей.

Сердце Маріи Ивановны сжалось отъ недобраго предчувствія при взглядѣ на сына. Голосомъ, въ которомъ тревога преобладала надъ сдерживаемымъ нетерпѣніемъ, и въ то же время смягченнымъ надеждой, она задала сыну вопросъ, виднѣвшійся въ ея глазахъ, въ нетерпѣливомъ выраженіи ея лица и всей подавшейся съ дивана впередъ фигурѣ:

— Ты что̀ это, Митя, такъ рано изъ должности?

Митя попробовалъ улыбнуться, махнулъ рукой и медленнымъ голосомъ проговорилъ:

— Вы, маменька, заранѣе не тревожьтесь... Ничего особеннаго... Я... видите ли... покончилъ съ занятіями...

— Да не тяни душу-то!..—воскликнула полковница, съ шумомъ отодвигая чашку и кофейникъ:—какъ покончилъ?

— Очень просто. Да вы не волнуйтесь, маменька,—снова повторилъ онъ, замѣчая, какъ лицо полковницы начинало краснѣть...

— Да что̀ же, что̀ же?.. Говори, Бога ради!..

— Я оставилъ сегодня мѣсто, правильнѣе сказать, меня уволили...

— Опять!?..

Нѣсколько секундъ протекли въ безмолвномъ взглядѣ, полномъ гнѣвнаго остолбенѣнія. Въ первую минуту этого извѣстія полковница не находила подходящихъ словъ.

«Опять!»—повторила она. И это ужъ былъ не возгласъ, а крикъ, имѣвшій дѣйствіе электрическаго тока, приставленнаго къ заряженной гальванической батареѣ. «Который это разъ... Ахъ, ты... дуракъ, дуракъ!..» Она вспыхнула, словно бочка, начиненная порохомъ, и — не слушая, какъ сынъ нѣсколько разъ повторилъ-было: «Да вы не тревожьтесь, маменька»,— вскочила съ мѣста и, захлебываясь отъ волненія, то останавливаясь на ходу, то присаживаясь на стулья, разразилась однимъ изъ безсвязныхъ, длинныхъ монологовъ, извѣстныхъ дома подъ именемъ «бенефисовъ» и который, повидимому, нисколько не удивилъ Кропотова. Напротивъ, какъ только онъ увидалъ первый взрывъ, выразившійся въ потокахъ упрековъ, въ брани, онъ какъ будто вздохнулъ спокойнѣе; тревожное выраженіе въ его глазахъ смѣнилось обычнымъ флегматическимъ спокойствіемъ, и при первыхъ же словахъ онъ плотно усѣлся въ кресло, словно заботясь выслушать непредотвратимую теперь ничѣмъ сцену съ возможно-бо̀льшимъ удобствомъ.

— Умница... болванъ,—продолжала между тѣмъ полковница, багровая, словно буракъ.—«Оставилъ мѣсто»!—передразнивала она медленный голосъ сына, растягивая ноты своего звонкаго голоса:—точно генералъ какой, у котораго мѣста въ запасѣ, что̀ грибы послѣ дождя... «Уволили»! Еще бы не уволить такое сокровище... Вѣрно, опять съ своими дурацкими разсужденіями сунулся. Очень его спрашивали! Нечего сказать: сто̀итъ такого блажного слушать! Какъ же—нужно! Какъ угодно Дмитрію Алексѣевичу? Нравится ли Дмитрію Алексѣевичу?.. Который это разъ ты мѣста-то бросаешь? Все по себѣ, вишь, не нашелъ... Не хочешь ли быть китайскимъ императоромъ? Да и то, пожалуй, намъ не по вкусу... Разборчивый... Невозможно... Не подходитъ... Изъ деревни тогда прогнали — эка нашелъ занятіе! У нотаріуса служилъ — не нравится; въ банкѣ—ушелъ; зять, спасибо, въ таможнѣ предлагалъ—не хочу... Дали на желѣзной дорогѣ мѣсто, кажется, мѣсто хорошее, считай себѣ и молчи, съ цифрами нечего мудрить-то... восемь мѣсяцевъ прослужилъ, видно, долго очень, и вотъ тебѣ на̀— уволили!.. Только ты меня не увѣряй — «уволили», вѣрно, ты опять съ своей фанаберіей? Недавно еще обѣщали прибавить жалованье; бухгалтеръ-то вашъ—этотъ верзила-нѣмецъ—дядѣ Андрею говорилъ, что тобой довольны, и вотъ-таки порадовалъ!

У человѣка ни платья ни бѣлья, самъ ляляка какая-то, а онъ туда же мѣста разбирать! У другихъ людей цѣль въ жизни есть, а онъ... Выродокъ какой-то! Вотъ старшій братъ Ѳедя. Кончилъ, какъ слѣдуетъ, ученье, служитъ, полковникъ уже... Сестра Наденька... да всѣ люди какъ люди, а ты-то—балбесъ-балбесомъ!

Она перевела духъ, чтобы снова продолжать тотъ же монологъ. Между тѣмъ Дмитрій Алексѣевичъ попрежнему сидѣлъ безмолвно, не пытаясь даже возражать, зная по опыту, что возражать въ такія минуты все равно, что лаять на луну; онъ привыкъ съ малолѣтства къ этимъ безтолковымъ вспышкамъ и продолжалъ слушать всевозможные варіанты брани съ покорнымъ равнодушіемъ, смѣнявшимся по временамъ, когда мать выдумывала ужъ очень смѣшные эпитеты, невольной усмѣшкой. Эта невозмутимость и пойманная ею усмѣшка привели полковницу въ еще бо̀льшую ярость.

Она подбѣжала къ нему и остановилась, заложивъ руки назадъ и подавшись впередъ всѣмъ корпусомъ.

— Скажи, пожалуйста, въ кого ты такая телятина? Ну, полюбуйся на себя... Полюбуйся-ка на свою фигуру!.. У матери изъ-за него разрывается сердце — вѣдь мнѣ что̀, хоть нищимъ шляйся по улицѣ, я что̀ могла — сдѣлала, вывела тебя въ люди!—а онъ развалился себѣ, какъ свинья, и горя ему мало!.. Нѣтъ — это какой-то уродъ, ей-Богу, уродина, а не мужчина... Да ты и на настоящаго-то мужчину непохожъ. Настоящій мужчина сейчасъ виденъ: у него самолюбіе, гордость; онъ къ чему-нибудь стремится, дѣйствуетъ, чего-нибудь желаетъ... осязательнаго... карьера, ну, средства... однимъ словомъ... А вы... кто вы такой? Ни чина, ни званія, ни мѣста... Какъ собака—сегодня здѣсь, завтра тамъ, и ему какъ съ гуся вода... Да ты ужъ не воображаешь ли о себѣ? Ахъ, какъ уменъ... Ума твоего и видѣли... Ничего сказать—умникъ, большой умникъ... Поди, въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что орелъ! Орлы, сударь, не такіе!

Достаточно было взглянуть въ эту минуту на Дмитрія Алексѣевича, чтобы убѣдиться, что онъ не орелъ и не воображалъ себя такимъ, да врядъ ли склоненъ былъ много воображать о себѣ. Онъ теперь уже не слушалъ съ прежнимъ спокойствіемъ и, съ увеличеніемъ азарта полковницы, взглядывалъ на нее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, замѣчая, что лицо ея багровѣетъ все болѣе и болѣе.

— Маменька, да вы не волнуйтесь...

Не волноваться? Легко было сказать это, но когда полковница «задавала бенефисъ», то доводила его до конца...

Еще не вся грозовая туча была разряжена, еще кровь клокотала...

— За тебя-то и замужъ ни одна дура не пойдетъ,—между тѣмъ гремѣла она. — Очень нужно... нищихъ плодить... да и какой ты можешь быть мужъ? Ты, вѣрно, думаешь, что эта стрекоза Анна Николаевна тобой интересуется? Какъ же!.. Жди куликъ Петрова дня! Да ты каменный, что ли?.. Ну, что выпучилъ глаза? Тьфу-ты!—плюнула съ сердцемъ полковница.—Чурбанъ какой-то, а не человѣкъ!

И, задыхаясь отъ волненія, чувствуя, что слова уже исчерпаны, она вдругъ выбѣжала изъ комнаты, неистово стукнувъ дверью, и скрылась въ кухню, къ немалому испугу Ирины.

Дмитрій Алексѣевичъ тоже поднялся съ кресла, прошелъ въ свою комнату и присѣлъ, взявъ со стола книгу. Но ему не читалось. Изъ всего монолога матери ему припоминалось только обидное мнѣніе, что онъ не настоящій мужчина; и Дмитрій Алексѣевичъ находился въ большомъ сомнѣніи относительно этого вопроса въ примѣненіи къ Аннѣ Николаевнѣ... Онъ долго занималъ его, пока не былъ наконецъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что мать права, и что Анна Николаевна дѣйствительно имъ нисколько не интересуется, да и вообще никакая женщина имъ заинтересоваться не можетъ. Съ этимъ скромнымъ и горькимъ для него рѣшеніемъ онъ примирился однако не безъ сердечной боли, но—увы! — всѣ факты были налицо, и даже зеркало — маленькое зеркало, стоявшее на комодѣ, въ которое онъ взглянулъ, вѣроятно, по совѣту матери «полюбоваться на себя», и оно внушило ему такую же скромную оцѣнку относительно своей наружности, какую только-что сдѣлала мать. Съ кличкой чурбана онъ не могъ, по справедливости, согласиться, но нѣчто въ родѣ этого... пожалуй... Онъ припоминалъ теперь—именно послѣ взгляда—свои бесѣды съ Анной Николаевной, и снова его брало сомнѣніе: не отличаются ли матери пристрастіемъ къ своимъ дѣтямъ и въ отрицательную сторону?

III.

Надо признаться, всѣ эти мысли занимали нашего молодого человѣка гораздо больше, чѣмъ потеря мѣста. Съ нимъ не въ первый разъ бывали такіе казусы; онъ уже привыкъ къ этимъ потерямъ мѣстъ и никогда не разсчитывалъ, что гдѣ-нибудь придется долго оставаться. Какъ-то все такъ случалось, несмотря на искреннее его желаніе имѣть возможность честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Впрочемъ, онъ имѣлъ въ виду на первое время уроки, ему обѣщалъ достать одинъ

сослуживецъ, а тамъ — будетъ видно, онъ станетъ хлопотать, мѣсто, пожалуй, и подвернется. Во всякомъ случаѣ, онъ мать никогда не стѣснитъ—объ этомъ смѣшно было и подумать...

«И ругалась же въ этотъ разъ она! — усмѣхнулся Дмитрій Алексѣевичъ.—Она такъ близко принимаетъ мои интересы къ сердцу, да и вообще кипятокъ!»—подумалъ онъ, чувствуя къ матери горячую привязанность и глубокую благодарность за свѣтлое и радостное дѣтство...

Такъ размышлялъ Кропотовъ, пока наконецъ не почувствовалъ аппетита. Вслѣдствіе этой «исторіи», заставившей его бросить службу раньше того, какъ подавался въ правленіи чай съ булкой, онъ ничего съ утра не ѣлъ и весьма соблазнительно вспомнилъ теперь о стаканѣ кофе съ кускомъ ситнаго хлѣба съ масломъ. Но выйти изъ комнаты не рѣшался: пожалуй, встрѣтишь мать и только ее раздражишь опять; надо дать ей время успокоиться. Онъ было-попробовалъ заглушить голодъ чтеніемъ; однако это средство не помогло. Но въ ту самую минуту, когда стаканъ кофе занялъ первенствующее мѣсто въ его мысляхъ, дверь комнаты отворилась, и въ дверяхъ неожиданно появилась сама полковница съ вѣтвью мира—стаканомъ горячаго кофе въ одной рукѣ и цѣлымъ пеклеванникомъ въ другой.

— Не хочешь ли кофе?—произнесла значительно уже остывшая полковница, хотя и сухо, но съ оттѣнкомъ мягкости въ голосѣ.

Дмитрій Алексѣевичъ не заставилъ повторять просьбы и не отказался отъ второго стакана. Марья Ивановна, очевидно, чувствовала угрызеніе совѣсти (что̀ всегда бывало у нея послѣ «бенефиса») и желаніе загладить свою вину, хотя и съ соблюденіемъ нѣкоторой постепенности въ переходѣ отъ ссоры къ миру. Не говоря уже о густыхъ пѣнкахъ, которыхъ она совсѣмъ не пожалѣла, ея миролюбивыя стремленія выразились и въ нѣсколькихъ ругательствахъ, адресованныхъ въ правленіе, гдѣ служилъ сынъ, и въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ, что на нее сердиться нельзя, что она иногда наговоритъ лишняго, у нея такой дурацкій характеръ... Когда, такимъ образомъ, начало было положено, полковница спросила:

— Ты толкомъ-то разскажи, Митя, что̀ у тебя тамъ вышло. За что они придрались?

Сынъ разсказалъ. Онъ и самъ не ожидалъ, чтобы изъ разговора, который онъ вчера велъ съ нѣкоторыми изъ служащихъ, произошли такія послѣдствія.

— Разговоръ былъ частный... Я высказалъ свое мнѣніе...

— И зачѣмъ ты сунулся разговаривать... Считалъ бы себѣ цифры!..—вставила мать, вздыхая. — О чемъ же ты разговаривалъ? — прибавила она, понижая голосъ. — Можетъ-быть, что-нибудь такое... Ахъ, Митя, Митя!

— То-то что ничего такого, маменька!—усмѣхнулся Дмитрій Алексѣевичъ. — Просто говорили въ конторѣ между собой... интимно. Очень ужъ исключительно, можно даже сказать, безжалостно высказывались тамъ двое... Я возразилъ, меня многіе поддержали... вотъ и все.

— Но какъ же начальство узнало? Слышало, что ли?

— Вѣрно, какой-нибудь негодяй донесъ... Подслужиться, что ли, захотѣлъ.

— Морзавецъ! — вставила отъ себя съ обычной энергіей полковница.

— А сегодня директоръ правленія призываетъ и чортъ знаетъ чего ни наплелъ. Въ концѣ концовъ объявилъ, что я уволенъ... Вотъ и вся исторія.

— И какіе, Господи, подлецы нынче развелись!—воскликнула Марья Ивановна.—Одинъ на товарища шпіонитъ, другіе—слушаютъ и человѣка оставляютъ безъ куска хлѣба! О-о-охъ, времена!

Помолчавъ, она спросила:

— Выдали ли тебѣ хоть мѣсячное жалованье впередъ?

— Чортъ съ ними! Я не спрашивалъ.

— Вотъ это напрасно. Они обязаны выдать. Нельзя же такъ человѣка на улицу выбросить. Хорошо, у тебя вотъ есть мать, а у другого ни души-то нѣтъ. А ты, Митя, не тревожься,—вдругъ прибавила она:—насчетъ тамъ меня... Проживемъ, пока мѣсто найдешь. Слава Богу, справимся! Только послушай моего совѣта, голубчикъ. Молчи ты лучше, молчи! Ни съ кѣмъ не разговаривай, а то долго ли до грѣха. Захочется тебѣ поговорить, приди ко мнѣ и поговори. Молчи, Митя, право, молчи!

IV.

Дѣйствовавшая всегда и при всякихъ обстоятельствахъ съ рѣшительностью и энергіей, нерѣдко приводившими въ смущеніе даже чиновниковъ правительственныхъ учрежденій, съ которыми полковницѣ, въ теченіе ея долгаго вдовства, приходилось вступать въ непосредственныя сношенія — хлопоты о пенсіонѣ, о пособіи изъ инвалиднаго капитала, объ опредѣленіи дѣтей въ учебныя заведенія, всего было! — Марья Ивановна въ тотъ же день обдумала за починкой бѣлья нѣкоторый планъ.

Теперь, когда она остыла отъ первыхъ взрывовъ гнѣва и перваго впечатлѣнія, вся эта исторія представлялась ей такой вопіющей мерзостью, которую такъ оставить нельзя. И она не оставитъ, не такая она женщина, чтобы оставить — нѣтъ! Пусть этотъ тюлень Митя относится къ этому дѣлу съ своимъ непостижимымъ для нея равнодушіемъ, но она не согласна.

Тотъ самый Митя, котораго она часъ тому назадъ ругала съ такимъ ожесточеніемъ, въ эту минуту преобразился въ ея глазахъ совершенно. Онъ былъ невинной жертвой, кроткимъ ребенкомъ, соединеніемъ всѣхъ хорошихъ качествъ — только бы не такой рохля!—такимъ «бѣдненькимъ мальчикомъ» (полковница въ это время забыла о лѣтахъ Дмитрія Алексѣевича и чуть ли не представляла Митю въ ситцевой рубашкѣ), что святая обязанность матери заступиться за него, если онъ самъ не можетъ. По его робости и простодушію, всякій его обидитъ, но мать не позволитъ обижать. Она найдетъ управу!

И въ ея довольно пылкомъ воображеніи уже рисовалась картина свиданія съ директоромъ правленія, съ главнымъ начальникомъ, кто тамъ у нихъ есть. Она изложитъ ему тихо, скромно, какъ слѣдуетъ порядочной дамѣ—горячиться она не будетъ, нѣтъ!—какъ было все дѣло и, конечно, выяснитъ это недоразумѣніе. Разумѣется, директоръ правленія былъ введенъ въ заблужденіе, но, когда узнаетъ истину, онъ поправитъ ошибку, и Митя не только будетъ приглашенъ опять съ извиненіемъ, но и получитъ давно обѣщанную прибавку. Если у «него» есть хотя капля совѣсти, онъ не можетъ иначе поступить.

Фантазія полковницы разыгрывалась на эту тему, пока ея ловкіе пальцы быстро работали надъ штопаніемъ чулка. Разумѣется, она прежде всего посовѣтуется съ братомъ Андреемъ, разскажетъ ему объ этой подлости и разузнаетъ, какіе тамъ въ правленіи главные начальники. При всякихъ затрудненіяхъ она совѣтовалась только съ нимъ, чувствуя большое уваженіе и привязанность къ этому старому холостяку, отставному адмиралу, несмотря на то, что ни одна почти встрѣча брата и сестры не обходилась безъ горячей схватки между ними.

Тотчасъ же послѣ обѣда она поспѣшно одѣла шляпку, накинула на себя тальму и, не говоря ни слова сыну, посматривавшему съ нѣкоторымъ удивленіемъ на ея рѣшительный видъ, вышла изъ комнаты, проговоривъ на ходу дѣтямъ:

— Къ чаю не ждите... Да смотри, Люба, со свѣчой осторожнѣй, когда будешь ложиться спать...

Однако, прежде чѣмъ идти на Васильевскій островъ, къ адмиралу, она завернула къ Покрову, гдѣ шла въ это время вечерня. Поставивши свѣчку образу Николая Чудотворца, она стала сзади, между нѣсколькими старухами, обычными посѣтительницами церкви, и минутъ десять усердно молилась Богу, нѣсколько разъ становясь на колѣни, припадая ничкомъ къ полу... Послѣ этого она вышла изъ храма; на паперти перекинулась двумя-тремя словами съ псаломщикомъ, привѣтствовавшимъ ее почтительно-радушнымъ поклономъ, какъ обычную посѣтительницу Покрова и пріятельницу всего клира, освѣдомилась у попавшейся навстрѣчу дряхлой салопницы, которая по привычкѣ плелась въ церковь провести время службы, данъ ли ходъ наконецъ ея прошенію о принятіи въ богадѣльню, и, получивъ одинъ и тотъ же, въ теченіе десятилѣтнихъ встрѣчъ, отвѣтъ, что «на-дняхъ велѣли навѣдаться»,— полковница сердито повела бровями, сунула ей въ руки пятакъ, быстро спустилась съ паперти и понеслась на всѣхъ парусахъ на Васильевскій островъ.

V.

Такой же высокій, прямой, какъ и сестра, братъ Андрей, совсѣмъ сѣдой, но бодрый и румяный старикъ съ запущенной бородой, въ короткомъ морскомъ пальто-бушлатѣ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, погруженный въ занятія съ большимъ чернымъ водолазомъ «Понтомъ», который развлекалъ только-что проснувшагося старика своими фокусами. Онъ подавалъ адмиралу поноску, недвижно лежалъ передъ кускомъ сахара, схватывая его не раньше, какъ раздавались слова хозяина: «Изъ бухты вонъ, отдай якорь!», умиралъ, оживалъ по командѣ и выслушивалъ замѣчанія старика, иногда даже и не касавшіяся непосредственно собачьихъ интересовъ, съ такимъ вниманіемъ хорошаго собесѣдника, что старикъ недаромъ гордился своимъ старымъ Понтомъ и разсказывалъ объ его умѣ и понятливости чудеса.

Полковница застала брата въ ту самую минуту, какъ Понтъ, хотѣвшій-было броситься на звонокъ, по приказанію адмирала «умеръ» и лежалъ неподвижно, пока Андрей Ивановичъ облобызался съ сестрой, усадилъ на диванъ и приказалъ лакею поставить самоваръ; тогда только онъ разрѣшилъ Понту «ожить» и облизать руки полковницы.

— Пить чай вмѣстѣ будемъ, сестра? Останешься?

— Останусь, братецъ. Здоровы?

— Какъ видишь. Утромъ только мозоль ныла, вѣрно, къ погодѣ. Барометръ опускается, термометръ показываетъ че-

тыре градуса, къ вечеру еще опустится. А у тебя все, надѣюсь, благополучно?

— Не совсѣмъ благополучно. Митя потерялъ мѣсто!

Старикъ покачалъ головой. Дѣло было серьезное.

— Какъ же это случилось?.. Однако непосѣда твой Митя. Сколько ужъ онъ мѣстъ перемѣнилъ!..

Полковница, позволявшая себѣ въ минуты вспышекъ обвинять дѣтей во всевозможныхъ порокахъ и преступленіяхъ, не позволяла никому, даже брату Андрею, сдѣлать какое-нибудь не совсѣмъ благопріятное о нихъ замѣчаніе. При словахъ брата она внезапно вскипѣла.

— Сколько мѣстъ потерялъ!? И вы, братецъ, готовы обвинить Митю?.. Да развѣ онъ виноватъ? Развѣ онъ по своей волѣ мѣста-то терялъ... Не дѣлать же въ самомъ дѣлѣ подлостей. Вы за это тоже не похвалите... Вспомните-ка... Вѣдь вы, братецъ, знаете Митю...

— Да полно, полно... Ужъ и загорѣлась! Ну, какъ не знать Митю—мальчикъ хорошій... только, жалко, курса не кончилъ... Оно и труднѣй теперь съ мѣстами...

— Не кончилъ?.. Съ этими строгостями поди-ка кончи... Спасибо графу Толстому, большое спасибо... за эту зрѣлость! Ну, да что̀ говорить... Нѣтъ, вы лучше выслушайте-ка, братецъ, какую сдѣлали подлость съ Митей... Вѣдь если-бъ я Митю не знала, такъ не повѣрила бы...

И полковница разсказала происшествіе съ сыномъ.

— Ну, что̀ вы скажете на это, братецъ?—замѣтила она, когда старикъ, выслушавшій разсказъ съ большимъ вниманіемъ, молчаливо покачивалъ головой.

— Дддда...—протянулъ онъ, словно затрудняясь пріискать надлежащее слово для выраженія чувства гадливости и отвращенія, которое ясно выражалось въ гримасѣ, искривившей его лицо.—Дда... Что̀ тутъ сказать? По-моему, эту гнусную тварь, этого—(адмиралъ произнесъ очень рѣзкое слово)... этого подлеца, передавшаго частный разговоръ товарища, мало выдрать, какъ сидорову козу. Вотъ что̀ я тебѣ скажу, сестра! Хороши товарищи, нечего сказать! Въ наше время знаешь что̀ дѣлали въ корпусѣ съ фискалами?.. Правда, такихъ немного было... Я помню, какъ въ 1826 году...

— Вы разсказывали, братецъ, этотъ случай, — перебила сестра, зная, что адмиралъ, разъ отклонившись, очень долго будетъ бродить въ воспоминаніяхъ.

— Разсказывалъ? То-то... Еле живого подлеца снесли въ лазаретъ. Хорошъ и директоръ правленія, нечего сказать, хорошъ! Слушаетъ наушника и гонитъ со службы не донос-

чика, а оговореннаго... Приди ко мнѣ такой молодецъ, я бы тотчасъ его выгналъ со службы, какъ паршивую собаку. Помнилъ бы! А ему, пожалуй, за это тамъ повышеніе дали, а? Нынче, сестра, на это иначе смотрятъ!—замѣтилъ старикъ съ презрительной усмѣшкой.

Помолчавъ, онъ прибавилъ:

— А ты сердись не сердись, сестра, но я тебѣ скажу, что Митѣ все-таки не слѣдовало разговоровъ на службѣ вести... Хотя и частная служба, а все служба, и коль скоро служишь—служи, а мнѣній не высказывай...

— Ужъ слова нельзя сказать!—вставила полковница.

— Быть-можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ тамъ что-нибудь такое говорилъ, за что̀ похвалить нельзя?—продолжалъ адмиралъ.

— Ахъ, братецъ, что̀ вы! Я передавала вамъ его разговоръ. Митя никогда не лгалъ... Я знаю его.

— То-то знаешь. И я знаю... Положимъ, въ словахъ его ничего такого нѣтъ. Ну, молодость, сердце доброе, поневолѣ жалость вырвется. И я вотъ старикъ, слава Богу, государю и отечеству пятьдесятъ лѣтъ служилъ вѣрой и правдой, и я, говорю, могъ бы то же сказать... Все это ничего, а какъ вдругъ да твой Митя...—прибавилъ Андрей Ивановичъ, понижая голосъ, и необыкновенно строго и серьезно взглянулъ на сестру.

— Митя-то?—проговорила полковница, внезапно пугаясь.—Да Богъ съ вами, братецъ! Къ вамъ иногда такая мысль взбредетъ въ голову, что даже испугаешься! Эка что̀ выдумали!.. Да куда Митѣ! Онъ и знакомствъ-то такихъ никогда не водитъ, и характера не такого... Да и пугливъ онъ на эти дѣла... Поговорить онъ иногда—это точно, поговоритъ тамъ насчетъ разныхъ несправедливостей, а чтобы... Господь съ вами! Придетъ же вамъ въ голову, братецъ Андрей... даже напугали!..

— Ну и слава Богу. Нынче вѣдь, сама знаешь, всякая мысль придетъ въ голову. Вотъ еще сегодня въ газетѣ пишутъ...

Адмиралъ пустился въ политику. Ахъ, что̀ такое дѣлается! Что̀ пишутъ! Онъ искренно возмущался разрушительными стремленіями, имѣвшими цѣлью, какъ онъ полагалъ, добросовѣстно цитируя передовую статью, уничтожить рѣшительно все, дворцы, памятники, дома, магазины, лавки, отобрать у всѣхъ имущество и деньги, словомъ—не оставить ничего въ цѣлости и затѣмъ перерѣзать, повѣсить, перетопить всѣхъ, несочувствующихъ такому рѣшительному образу дѣйствій.

Когда Андрей Ивановичъ прочитывалъ такія статьи, онъ приходилъ въ негодованіе, хотя и рѣшительно отказывался понимать, какъ все это можетъ быть, и иногда даже подозрѣвалъ, не хватилъ ли авторъ статьи черезъ край, приписывая такія намѣренія.

— Теперь я получаю восемьсотъ пятьдесятъ рублей пенсіи!— говаривалъ старикъ, пытаясь на конкретномъ примѣрѣ уяснить себѣ вопросъ.—Получаю я за какую ни на есть, а все за службу. Хорошо. И что же? Такъ вотъ придутъ ко мнѣ *они* и скажутъ: «Шабашъ твоей пенсіи, а тебѣ, адмиралу, капутъ!» Развѣ это справедливо? Ужъ если отнимать по совѣсти, — фантазировалъ, бывало, старикъ: — то отними ты у тѣхъ, кто тамъ разными хапанцами да арендами, да землями, да мало ли чѣмъ неправедно набилъ себѣ мошну, но за что же у меня?.. За то, что я по чести прожилъ свой вѣкъ!? Шалишь, братцы!

Но такъ какъ никто къ старику за пенсіей не приходилъ, то онъ, помечтавши послѣ прочтенія передовой статьи на эту щекотливую тему, скоро успокаивался насчетъ всеобщаго разрушенія. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы онъ оставался совершенно равнодушнымъ, когда отъ такихъ статей переходилъ къ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ болѣе близкимъ интересамъ. Старикъ нерѣдко негодовалъ и возмущался, что много несправедливостей и несовершенствъ творится въ божьемъ мірѣ, и что дѣла на свѣтѣ идутъ не такъ, какъ бы имъ слѣдовало идти.

Но все это поправимо и безъ того, чтобы отнимать у него пенсію, — философствовалъ адмиралъ.—Ну, можно, пожалуй, сократить ее, что ли,—жертвовалъ онъ самоотверженно pour le bien public частью пенсіи,—если находятъ, что она велика; вѣроятно, и другіе согласятся на это... Все поправимо, стоитъ только всѣмъ дѣйствовать по совѣсти, по чести, не обижая никого. Тогда и разрушать ничего не придется...

— Каждый поступай по совѣсти, а у кого совѣсти нѣтъ, того на Сахалинъ! Не такъ ли, сестра?

Такимъ вопросомъ обыкновенно заканчивались политическія соображенія старика, на склонѣ жизни получившаго вкусъ къ политикѣ. Прежде онъ о ней и не думалъ.

И теперь адмиралъ, несмотря на нетерпѣніе сестры, неохотницы до разсужденій о предметахъ, не имѣющихъ непосредственнаго интереса,—заставилъ сперва сестру выслушать себя, прежде чѣмъ задать ей вышеприведенный вопросъ.

Она, конечно, не задумалась бы въ эту минуту не только сослать на Сахалинъ, но даже и куда-нибудь подальше ди-

ректора правленія, выгнавшаго со службы ея сына,—о *томъ* мерзавцѣ и говорить нечего,—но, какъ практическая женщина очень хорошо понимала, что это невозможно. И потому на «философію» брата отвѣтила безъ всякаго философскаго спокойствія:

— Когда еще это все будетъ, а пока Митю-то выгнали!.. Но я этого дѣла такъ не оставлю.

— Что-жъ ты думаешь дѣлать?—спросилъ адмиралъ, взглядывая съ нѣкоторымъ безпокойствомъ на сестру.

Она разсказала о своемъ планѣ идти въ правленіе и спрашивала совѣта.

— О, когда нужно, я сумѣю, братецъ, говорить самымъ дипломатическимъ языкомъ!—прибавила она въ успокоеніе брата Андрея и при этомъ взглянула на него съ такой самоувѣренностью, что послѣ этого, казалось, усомниться въ ея дипломатическихъ способностяхъ было преступленіемъ.

Однако братъ отрицательно и энергично покачалъ головой. Она только напрасно пойдетъ туда. Ужъ если директоръ уволилъ, не разобравши даже дѣла, то нечего съ такимъ человѣкомъ и разговаривать.

— Но, быть-можетъ, ему наплели на Митю.

— Тѣмъ хуже. Зачѣмъ слушаетъ!

— Такъ неужели такъ и оставить эту подлость? Нѣтъ, братецъ, я не согласна. Если директоръ оказался мерзавцемъ, я ему выскажу это,—она ужъ забыла въ эту минуту о дипломатіи:—а потомъ пойду къ другому. Кто тамъ выше?.. Вы знаете, братецъ? У нихъ совѣтъ еще есть... Такъ я найду и туда дорогу.

— Не ходи, сестра! Ужъ если ты такъ хочешь, я самъ схожу къ директору, хоть, признаюсь, и не надѣюсь на успѣхъ, но попытаюсь. По крайней мѣрѣ, я поговорю толкомъ, объяснюсь.

— Отчего же мнѣ не сходить? Точно я дура какая, толкомъ не умѣю говорить. Слава Богу, вы знаете, братецъ, дѣтей опредѣлила я, изъ инвалиднаго капитала четыре года не хотѣли выдавать пенсіи, все говорили: выйдутъ новыя правила!—а я все-таки получила. Говорить-то я толкомъ умѣю. Меня, слава Богу, знаютъ тамъ. Спросите-ка у нихъ, какъ я говорю!..—отстаивала свои права полковница.

— То-то очень ужъ ты говоришь... Кипятокъ! Да ты тамъ, пожалуй, директору такого напоешь, что потомъ къ мировому. Вѣдь у тебя языкъ, когда ты вспылишь, извѣстный!

— А у васъ, братецъ, не языкъ, что ли?..

— Все-таки я хладнокровнѣе тебя, сестра Марія.

— Ну, братецъ Андрей, а вспомните-ка ваше хладнокровіе, когда вы... Ну, да что̀ вспоминать... У насъ въ крови это...

Дѣло, по обыкновенію, чуть-было не дошло до горячаго спора между братомъ и сестрой. Адмиралъ сталъ горячиться, доказывая, что онъ владѣетъ собой, и что морская служба пріучила его къ этому; полковница тоже горячилась, ссылаясь на правительственныя учрежденія, которыя хорошо знаютъ: умѣетъ ли она говорить. По счастію, лакей доложилъ, что поданъ самоваръ, и старикъ прекратилъ споръ, замѣтивъ:

— Тебя не переспоришь. Пойдемъ-ка чай пить...

За чаемъ однако полковница согласилась, чтобы адмиралъ отправился къ директору и поговорилъ съ нимъ, такъ какъ «мужчина мужчину болѣе слушаетъ»—этотъ мотивъ старикъ придумалъ для успокоенія сестры; если же будетъ неудача, тогда полковница пойдетъ къ предсѣдателю совѣта. Кромѣ того, братъ обѣщалъ похлопотать за Митю у одного стараго товарища, который имѣетъ связи съ разными банками. Завтра же онъ пойдетъ и попроситъ. Богъ дастъ, что-нибудь и удастся.

— Спасибо вамъ, братъ Андрей!—съ чувствомъ проговорила Марья Ивановна, останавливая нѣжный взглядъ на братѣ, всегда принимавшемъ горячее участіе въ ея судьбѣ:—вы...

— А Митя какъ... философомъ?—перебилъ старикъ, торопясь замять изліянія сестры.

— Именно философъ... Пожалуй, если онъ и недоволенъ, что остался безъ мѣста, такъ больше изъ-за меня. Вы знаете, какой Митя деликатный; скорѣй все мнѣ отдастъ, чѣмъ отъ меня возьметъ. Недавно завелись у него какіе-то десять рублей, онъ принесъ: «на-те, говоритъ, маменька, Любѣ платье сдѣлайте». Теперь вотъ, вѣрно, объ урокахъ хлопочетъ... Всѣмъ хорошъ, только одно: совсѣмъ онъ тюлень какой-то, и нѣтъ у него никакой амбиціи, какъ у другихъ. Точно ничего онъ и не хочетъ!.. Я иной разъ дивлюсь даже...

— Да, мальчикъ онъ добрый!—согласился старикъ.—Не эгоистъ, какъ бываютъ другія дѣти.

Кто эти «другія», старикъ не прибавилъ, а полковница благоразумно сдѣлала видъ, что не слыхала послѣднихъ словъ.

Разговоръ перешелъ на другіе предметы, и адмиралъ, между прочимъ, поднялъ вопросъ о дачѣ.

— Какая дача!—воскликнула Марья Ивановна.

— Развѣ Ѳедя не догадался объ этомъ? Онъ, слава Богу, получаетъ—шутка сказать—три тысячи жалованья, одинъ, и его не разорило бы прислать какихъ-нибудь сто рублей, чтобы мать и маленькая сестра отдохнули лѣтомъ.

— Онъ предлагалъ, братецъ, онъ предлагалъ!—съ внезапной быстротой возразила Марья Ивановна: — еще на-дняхъ писалъ объ этомъ.

Несмотря на похвальбу полковницы своими дипломатическими способностями, только-что сказанная въ защиту сына ложь была замѣтна. И торопливость, съ которой она тотчасъ же отвела взглядъ съ брата на самоваръ, и какая-то неестественная быстрота ея возраженія выдавали ее совсѣмъ. Однако адмиралъ, въ свою очередь, сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ смущенія сестры, и, помолчавъ, проговорилъ:

— Нынѣшнимъ лѣтомъ и я собираюсь, сестра, на дачу!

— Вы?—изумилась Марья Ивановна, хорошо знавшая, что старикъ терпѣть не могъ дачъ и всегда лѣтомъ оставался въ своей квартиркѣ во дворѣ, въ 14-ой линіи.

— Чему ты удивляешься? Ну да, я! Не все же киснуть въ городѣ. Давеча и докторъ совѣтовалъ; вамъ, говоритъ, морской воздухъ нуженъ. Вотъ собираюсь на недѣлѣ съѣздить въ Мартышкино посмотрѣть дачу. Тамъ и воздухъ, и дачи, говорятъ, дешевыя... Ты вѣдь жила тамъ?

— Да, тамъ можно дешево найти дачку.

— Но только одному жить скучно. Если бы ты согласилась вмѣстѣ съ Любочкой и Митей, а? Я бы очень былъ радъ.

У полковницы навернулась на глаза жгучая слеза. Но старикъ опять-таки ничего не замѣтилъ и, вставая изъ-за стола, проговорилъ:

— Смотри же, сестра, это дѣло рѣшенное. Переѣзжайте ко мнѣ на дачу; такъ и крестницѣ моей, Любочкѣ, скажи... Надо и мнѣ подышать свѣжимъ воздухомъ. И то по временамъ такъ ломитъ поясницу, такъ ломитъ... Эй, Понтъ, ѣдемъ на дачу! Слышишь?—весело крикнулъ старикъ.

VI.

Дня черезъ два, въ самый разгаръ домашнихъ хлопотъ полковницы, когда она, возвратившись съ рынка, стояла посреди гостиной, съ засученными руками, въ передникѣ, со щеткой въ одной рукѣ и тряпкой въ другой, только-что окончивъ перемывку цвѣтовъ,—вслѣдъ за звонкомъ, въ гостиную вошла элегантно и со вкусомъ одѣтая, красивая и изящная молодая женщина, высокая, стройная, рѣзкая брюнетка съ матовымъ цвѣтомъ нѣжной кожи, правильными чертами пре-

краснаго, но нѣсколько холоднаго и безвыразительнаго лица. Сходство съ полковницей невольно бросалось при взглядѣ на эту даму, но какая разница между матерью и дочерью! Она рѣзко сказывалась въ сдержанности и мягкости манеръ, спокойномъ, строгомъ даже, взглядѣ блестящихъ черныхъ глазъ, въ этой выхоленности, свидѣтельствующей, что мелкія и тяжкія заботы недостаточной жизни незнакомы молодой женщинѣ. Улыбка, появившаяся на ея лицѣ при видѣ полковницы въ такомъ нарядѣ и вооруженіи, не скрыла озабоченнаго выраженія ея лица.

— Наденька, это ты! А я думала, кто бы это? — воскликнула полковница, обнимая дочь.

— Вы, маменька, по обыкновенію, вѣчно чиститесь.

— Нельзя же... У меня прислугъ нѣтъ. Ну, садись, снимай шляпку да разсказывай, что у васъ... Всѣ здоровы? Кофе будешь пить?

— Я, маменька, ненадолго. У меня тоже домъ на рукахъ!— проговорила она съ важностью молодой хозяйки.—Я пріѣхала къ вамъ на минуточку—поговорить о Митѣ.

— Развѣ мѣсто какое есть? Мужъ нашелъ?

— Какое мѣсто! Колѣ, маменька, не до того. Онъ такъ занятъ, такъ занятъ!.. Ему теперь дали новое порученіе... Его, маменька, выбрали, какъ лучшаго товарища прокурора, и, быть-можетъ, даже навѣрное, карьера его будетъ блестящая, если только...

Она остановилась на минуту и прибавила съ ядовитостью:

— Если только братцу не угодно будетъ помѣшать намъ!

Братцу! Какому братцу? Полковница ровно ничего не понимала. Она широко раскрыла глаза и даже выпустила незамѣтно изъ рукъ тряпку, которую захватила съ собой, присѣвъ на стулъ возлѣ дочери.

— Да говори ты, Наденька, толкомъ. Что это у тебя за манера прежде напугать, а потомъ сказать, въ чемъ дѣло? Прежде у тебя этого не было. Вѣрно, отъ благовѣрнаго научилась.

— Я, кажется, маменька, говорю понятно! — усмѣхнулась чуть-чуть Наденька:—я говорю о Митѣ. Точно вы не знаете, за какія хорошія дѣла онъ потерялъ мѣсто?

— Что ты врешь, Наденька. За какія дѣла!.. Съ нимъ подлость сдѣлали, онъ и потерялъ!

Наденька, не спѣша, вынула изъ кармана своего пальто нумеръ газеты и проговорила:

— Не хотите ли прочесть, маменька, что пишутъ въ московской газетѣ,—серьезной, маменька, газетѣ. Или, позвольте, я сама вамъ прочту.

Совсѣмъ ошалѣвшая при видѣ газеты, въ которой почему-то пишутъ о Митѣ, полковница ничего не сказала, и Наденька твердо и не безъ чувства прочитала слѣдующій параграфъ:

«Намъ сообщаютъ изъ вѣрнаго источника, что на-дняхъ, въ правленіи такой-то дороги, служащіе, возмущенные безнравственными мнѣніями одного изъ своихъ сослуживцевъ, не окончившаго нигдѣ курса молодого человѣка К., тотчасъ же рѣшили исключить его изъ своей среды и подали заявленіе начальству, что они не желаютъ служить вмѣстѣ съ такимъ господиномъ. Молодого человѣка немедленно уволили, но почему-то дѣло это не получило дальнѣйшаго хода. Во всякомъ случаѣ, честь и слава товарищамъ, не остановившимся передъ честнымъ исполненіемъ своей патріотической обязанности изъ страха передъ петербургскимъ либерализмомъ, мишура котораго, къ несчастью, ослѣпляетъ наши глаза. Если-бъ всѣ поступали по примѣру служащихъ *** правленія, давно бы зло было сметено съ лица русской земли».

Полковница выслушала и остолбенѣла отъ изумленія.

— Когда я прочла это, маменька, мнѣ чуть не сдѣлалось дурно... Вы тогда иначе разсказывали...

— И ты вѣришь газетѣ, а не вѣришь брату!? — воскликнула мать.—Все, что̀ здѣсь написано, все это вотъ что̀... тьфу, тьфу и тьфу!

Съ этими словами полковница даже забыла, что полъ уже вычищенъ, вырвала изъ рукъ дочери газету и, бросая ее на полъ, плюнула три раза.

— Ахъ, маменька, какая вы, право... Вѣдь нѣтъ дыма безъ огня! Даже и то, что̀ Митя высказывалъ, очень не рекомендуетъ его... Не перебивайте меня: дайте мнѣ досказать, маменька, пожалуйста. Я пріѣхала къ вамъ не для ссоры, а чтобъ поговорить съ вами, какъ дочь, какъ другъ... Мнѣ, конечно, жаль Митю, какъ брата, но, съ другой стороны, за что его жалѣть, если онъ всѣхъ насъ не жалѣетъ? Вообще Митя странно себя ведетъ: не окончилъ курса, былъ въ деревнѣ учителемъ, мѣнялъ мѣста, преднамѣренно избѣгаетъ положенія, которое необходимо имѣть каждому честному и порядочному человѣку... однимъ словомъ...

У полковницы давно клокотало въ груди, но она сдерживала себя, желая выслушать до конца. Наденька продолжала:

— И вы, маменька, ужъ извините, слишкомъ довѣрчивы. Станетъ вамъ Митя открываться, какъ же! Онъ, быть-можетъ, мало ли съ кѣмъ видится, мало ли что̀ замышляетъ!.. Ему терять нечего, а намъ съ мужемъ... И теперь! Могутъ узнать, что братъ жены товарища прокурора исключенъ за предосу-

дительные взгляды. Очень пріятно!.. Вы хорошо бы сдѣлали, маменька, если-бъ поговорили съ Митей, чтобъ онъ, знаете ли, лучше куда-нибудь уѣхалъ отсюда... Мы бываемъ у васъ... вы понимаете, маменька, наше положеніе?.. И наконецъ мало ли что̀ можетъ случиться! Ни за кого нельзя ручаться... Для такихъ людей нѣтъ ничего святого, маменька... Къ сожалѣнію, и за брата нельзя ручаться... Онъ всегда...

— Это ты что̀? Мужнины слова повторяешь!—не могла уже болѣе слушать полковница. — Такой подлости сама ты не выдумала бы... И ты смѣла пріѣхать ко мнѣ предлагать выгнать Митю?.. — проговорила, задыхаясь, полковница.

— Я, маменька, не маленькая, понимаю вещи... Я ничего не предлагаю, но только пріѣхала сказать, что изъ-за какого-нибудь безумнаго дурака мы не желаемъ рисковать своимъ положеніемъ, будущностью дѣтей... Какъ вамъ угодно, но только не сердитесь, маменька, мы должны отказаться отъ удовольствія посѣщать васъ, если братъ будетъ жить съ вами. Я сама мать...

— Вонъ, сію же минуту, вонъ!.. — разразилась наконецъ полковница, не помня себя отъ бѣшенства.—Ишь, съ чѣмъ пожаловала!.. Прогони сына... Ахъ, ты... Да если бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ преступникъ, такъ я не отреклась бы отъ него, а то для васъ... Вы съ муженькомъ уже давно отъ меня глаза воротите... Вонъ... вонъ, подлая тварь!

И полковница заметалась, какъ бѣшеная, по комнатѣ.

— Что̀ за выраженія! Вы, кажется, попрежнему заимствуете ихъ на Сѣнной!—презрительно сказала Наденька, съ достоинствомъ выходя изъ гостиной.

— Вонъ, подлая!.. Ирина!—гремѣла полковница:—эту даму никогда не принимать... Слышишь!

— Очень нужно пріѣзжать!

Долго еще не могла придти въ себя полковница. Долго еще она ходила по комнатѣ... «Родная дочь... Хороша! Такая подлость... Недаромъ братъ Андрей всегда ее не любилъ...» Въ головѣ у бѣдной полковницы былъ какой-то хаосъ. Родная дочь, газета, Митя, «дальнѣйшій ходъ», всѣ эти слова проносились безтолково въ ея головѣ, раздражали и хватали ее за сердце. Поступокъ дочери поразилъ ее своей неожиданностью. *Этого* она не ожидала. Даже и такая крѣпкая старуха, какъ полковница, не выдержала и, послѣ сильнаго припадка гнѣва, пришла въ свою комнату, бросилась въ постель и зарыдала, какъ безпомощный ребенокъ.

VII.

Но мысль о «подлой» газетѣ, которая лежала тамъ, въ гостиной, скоро подняла на ноги полковницу и возвратила къ ней обычную энергію. Она еще разъ перечла ненавистный параграфъ и сожалѣла, что не она, а адмиралъ будетъ объясняться съ директоромъ правленія. Вотъ какую гадость напечатали!.. Рѣшить самой написать опроверженіе, чтобы послать въ газету, было дѣломъ недолгаго раздумья... Однако и бесѣда дочери и эта газета нѣсколько смутили ее. «А что̀, если, въ самомъ дѣлѣ, Митя?..»—подумала она съ ужасомъ.

Когда Митя вернулся домой, она пошла къ нему въ комнату и сдѣлала ему слѣдующій краткій допросъ:

— Послушай, Митя, ты правду мнѣ сказалъ: ничего такого не говорилъ тамъ?

— Я вамъ объяснилъ. Сами видите, что ничего такого...

— Хорошо. А съ какими-нибудь подозрительными лицами ты не знакомъ?

— Что̀ вы, маменька! У меня и вообще-то мало знакомыхъ, вы знаете ихъ. Что̀ въ нихъ подозрительнаго?

— А какихъ-нибудь тамъ запрещенныхъ книгъ не держишь?

— Да что̀ вы!

— Читаешь, можешь-быть? Ты отъ матери, Митя, не скрывай.

— Ей-Богу, ни разу не читалъ. Гдѣ ихъ достать!

— Ну, ладно, Митя. Такъ посмотри-ка, какую пасквиль про тебя напечатали. Сегодня твоя сестрица привезла. Ты къ нимъ не ходи, Митя, слышишь... Она боится... карьеру, видишь ли, ты имъ испортишь.

Молодой человѣкъ улыбнулся, пожавъ плечами, взялъ газету и сталъ читать.

— Все вздоръ. Никакіе товарищи не возмущались, напротивъ, всѣ, большинство меня же поддерживало въ спорѣ... Вся статья—вранье,—проговорилъ онъ.—Теперь много, маменька, пакостей печатаютъ! И изъ-за чего только исторію раздули!.. — прибавилъ Дмитрій Алексѣевичъ, на котораго однако слова статьи «дальнѣйшій ходъ» произвели не особенно пріятное впечатлѣніе. — Еще слава Богу, что всю фамилію не напечатали.

— А вотъ я сама ихъ пропечатаю!..—вдругъ заявила полковница.

— Что̀ вы, маменька?—испугался Дмитрій Алексѣевичъ.

— Я покажу—какая я маменька, если ты такой рохля!—проговорила мать, выходя изъ комнаты сына.

Цѣлый вечеръ она сидѣла взаперти у себя въ комнатѣ, сочиняя отвѣтъ. Много листовъ она перепортила и наконецъ остановилась на слѣдующемъ литературномъ произведеніи, которое перечла не безъ нѣкотораго авторскаго удовольствія:

«Господинъ редакторъ!

«Я удивляюсь, какъ въ такой серьезной газетѣ, какъ ваша, вы рѣшились помѣстить подлую и нелѣпую ложь, касающуюся моего сына, выдуманную какимъ-нибудь негодяемъ, благоразумно скрывшимъ свою фамилію. Тѣнь, кидаемая на моего сына, ложится и на меня, а потому, милостивый государь, какъ мать и вдова подполковника, кровью доказавшаго преданность престолу и отечеству, я увѣдомляю васъ, что все вами лживо-напечатанное есть гнусная и презрѣнная выдумка. Никакихъ возмутительныхъ разговоровъ сынъ мой, обозначенный въ статьѣ буквою К., не велъ и вести не станетъ, и никогда товарищи его не просили сына оставлять службу. Уволилъ его, безъ всякой причины, директоръ правленія, получившій презрѣнныя свѣдѣнія по доносу наушника. Предоставляю судить о благородствѣ такого поступка вамъ, г. редакторъ, а я съ своей стороны могу присовокупить, что вышеизложенное могутъ подтвердить всѣ служащіе въ правленіи, конечно, кромѣ наушника, лишившаго неповиннаго сына мѣста. Прошу письмо мое напечатать, дабы исправить вредъ незапятнанной репутаціи какъ моего невиннаго сына, такъ и моей, а равно успокоить прахъ моего мужа, прослужившаго тридцать пять лѣтъ безпорочно и умершаго отъ ранъ на полѣ чести. Печатать такіе пасквили довольно подло, многоуважаемый редакторъ. Остаюсь вдова-подполковница, Марія Кропотова».

— Что̀ ты скажешь, Митя, насчетъ этого письма, а?—спрашивала полковница сына, прочитавъ ему свое произведеніе.

Сынъ испугался.

— Вы хотите его послать?

— А ты думалъ какъ? Не для себя же я его писала.

— Что̀ вы, маменька... Бросьте лучше его въ печку.

— Это почему? Развѣ худо написано?

— Право, бросьте... Написано оно недурно, но не поднимайте вы этой глупой исторіи.

— Ахъ, ты, трусъ, трусъ!.. Какая тутъ исторія? Развѣ можно такъ оставить это дѣло... Или, можетъ-быть, ты въ самомъ дѣлѣ говорилъ возмутительныя рѣчи?

— Ничего я не говорилъ, увѣряю васъ, а все-таки прошу васъ, не посылайте письма. И наконецъ я самъ могу написать... я не малолѣтній, чтобъ за меня вы писали.

Большихъ трудовъ стоило сыну уговорить полковницу хоть посовѣтоваться съ дядей Андреемъ.

— На это я согласна. Но, во всякомъ случаѣ, такъ оставить нельзя... Эхъ, ты... тюлень, тюлень... Даже на пасквиль не умѣешь отвѣтить, а тоже фанаберія!..

«Исторія» съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ стала извѣстна среди родныхъ и знакомыхъ. Они приходили, подъ видомъ участія, узнать, въ чемъ дѣло, и Марья Ивановна нѣсколько разъ повторяла, какую подлость сдѣлали съ Митей. Однако многіе родственники были убѣждены, что Дмитрій Алексѣевичъ, въ самомъ дѣлѣ, подозрительный человѣкъ, и Дмитрій Алексѣевичъ очутился въ глазахъ нѣкоторыхъ въ положеніи зачумленнаго. Полковница негодовала, узнавъ какъ-то стороной о такихъ сплетняхъ. Къ довершенію всего, черезъ недѣлю послѣ происшествія, полковница получила отъ старшаго сына, Ѳеди, письмо, начало котораго было слѣдующее:

«Дорогая маменька!

«Съ прискорбіемъ узналъ я изъ вашего письма, что братъ Дмитрій опять лишился мѣста, и хоть вы пишете, что по проискамъ другихъ, но стороной я узналъ, что тутъ не одни происки, а также и вина брата. Какъ мнѣ ни жаль его, маменька, я принужденъ откровенно сказать, что съ его стороны наконецъ просто недобросовѣстно до сихъ поръ вести неопредѣленное существованіе и, такимъ образомъ, быть вамъ въ тягость. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ оставаться вѣкъ свой младенцемъ! Хоть брата Богъ не наградилъ большимъ умомъ, но не настолько обидѣлъ его, чтобы онъ не могъ сообразить нелѣпости всѣхъ своихъ поступковъ. Я слышалъ, что онъ лишился мѣста, позволивъ себѣ высказывать мнѣнія, едва ли умѣстныя и своевременныя. Это похоже на него, и я, какъ любящій братъ, рѣшаюсь просить васъ, маменька, внушить брату,—онъ васъ слушаетъ и уважаетъ, — что его поведеніе компрометируетъ всѣхъ его близкихъ и можетъ окончиться печально для него самого. Всѣ мы понимаемъ, не хуже, если не лучше его, что жизнь представляетъ многія несовершенства; но несовершенства эти, во-первыхъ, условны, а во-вторыхъ, вовсе и не таковы, какими ихъ желаютъ представить люди, знакомые съ жизнью по книгамъ и пустымъ одностороннимъ статьямъ или вовсе ни съ чѣмъ не знакомые, а воображающіе себя умнѣе другихъ. Едва ли глупый идеализмъ брата, его неумѣніе обойти подводные камни практической жизни и примириться съ необходимымъ зломъ жизненной карьеры, не способенъ увлечь его на путь очень опасный. Къ прискорбію, мы видимъ, къ чему онъ приводитъ. Да сохра-

нитъ насъ всѣхъ Господь Богъ отъ этого несчастія, но я боюсь, что бѣдный братъ уже стоитъ на этомъ пути. Если мои предположенія справедливы, то пусть онъ не считаетъ меня братомъ, какъ ни больно мнѣ лишиться брата.

«Еще другая нерадостная вѣсть, маменька: бѣдная сестра Наденька очень огорчена вашимъ къ ней отношеніемъ...»

Дальше полковница уже не читала... Съ нея было вполнѣ довольно прочитаннаго, чтобы изъ груди ея вырвался отчаянный крикъ: «Подлецъ!»

Она съ этихъ поръ еще болѣе привязалась къ Митѣ, словно въ отместку, что ее хотятъ непремѣнно отдалить отъ него. Митя сдѣлался ея кумиромъ. Она перессорилась со всѣми родными, которые только осмѣливались отзываться о немъ двусмысленно. Своей двоюродной сестрѣ она даже такъ энергично показала дверь, что въ Коломнѣ долго еще ходилъ разсказъ объ этомъ происшествіи.

Но замѣчательнѣе всего въ этой траги-комической исторіи было то, что виновникъ этой бури, о которомъ, благодаря сплетнямъ, въ Коломнѣ слагались цѣлыя легенды, ни малѣйшимъ образомъ не былъ причастенъ ко всѣмъ этимъ обвиненіямъ и предостереженіямъ родныхъ и знакомыхъ. Это былъ самый скромный и непритязательный господинъ, меланхоликъ по натурѣ, скорѣе робкій, чѣмъ смѣлый, не предъявлявшій къ жизни никакихъ особенныхъ претензій. Никогда и ни въ какихъ «предосудительныхъ» поступкахъ онъ не былъ замѣшанъ, съ «подозрительными» людьми знакомствъ не водилъ, въ своихъ мечтахъ леталъ невысоко, словомъ — этотъ Дмитрій Алексѣевичъ Кропотовъ, выброшенный въ одинъ день на улицу, былъ одинъ изъ тѣхъ многихъ, самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, простыхъ, слабыхъ, ничѣмъ особенно не выдающихся, у которыхъ только еще не заглохли инстинкты правды, совѣсть не подвела итоговъ, и сердце не потеряло способности биться и трепетать при видѣ безчеловѣчія и несправедливости и наконецъ, переполненное, порой давало о себѣ знать робкимъ словомъ негодованія, участія, сожалѣнія...

Вотъ вся вина этихъ людей.

VIII.

Андрей Ивановичъ не ошибся въ своемъ предположеніи. Онъ потерпѣлъ полную неудачу въ своей миссіи, несмотря на мундиръ и ордена, надѣтые имъ для свиданія съ г. директоромъ правленія. Не старый еще, пухлый, подслѣповатый директоръ объяснился съ нимъ весьма любезно, но вѣжливо далъ понять, что рѣшеніе, принятое относительно Кропотова,

безповоротно. Онъ дипломатически отвергалъ какую бы то ни было «политическую причину» увольненія, но зато и уклонился отъ объясненія другихъ причинъ. Адмиралу, какъ онъ потомъ разсказывалъ, «очень хотѣлось плюнуть этой канальѣ въ морду», но онъ благоразумно отъ этого воздержался, къ искренней горести полковницы. Она однако вовсе не намѣрена была оставить дѣло такъ. «Я доберусь до него!»—объявила она и рѣшительно потребовала адресъ предсѣдателя совѣта, чтобъ изложить ему обстоятельства дѣла.—«Пусть онъ узнаетъ!» Напрасно братъ отсовѣтовалъ ей даромъ «портить кровь». Она была непреклонна, и адресъ ей данъ.

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о неудачѣ своей миссіи, адмиралъ принесъ и болѣе пріятное извѣстіе: въ одномъ частномъ обществѣ открывается вакансія, и старый товарищъ его далъ рекомендательное письмо Дмитрію Алексѣевичу, которое тутъ же и было вручено Митѣ. Полковница, конечно, обрадовалась и благодарила брата, а сыну она по этому поводу сказала:

— Смотри, Митя, если поступишь на мѣсто—молчи, такъ-таки и молчи... Никакихъ разговоровъ. Оно лучше!

— Д-да... Помалчивай, братъ, помалчивай, Митя! — подтвердилъ и адмиралъ, прощаясь и обѣщая завтра придти узнать о результатахъ.

На слѣдующій день полковница облеклась въ шелковое платьѣ, которому было, кажется, лѣтъ двадцать, надѣла новыя перчатки, праздничную шляпку и вышла вмѣстѣ съ сыномъ изъ дому. Сынъ на дорогѣ пробовалъ-было ее остановить отъ визита къ предсѣдателю совѣта, но она была неумолима. Она *такъ* дѣло оставить не можетъ.

— Ты иди себѣ, Митя, въ общество, а меня оставь... Я еще зайду въ церковь! — прибавила она, перекрестивъ незамѣтно сына.—Пошли тебѣ Господь удачу!

Во второмъ часу полковница вернулась домой. Адмиралъ, дожидавшійся ея, сразу догадался по взволнованному, возбужденному лицу сестры, что походъ ея не былъ удаченъ. Она сбросила съ себя тальму, швырнула на столъ шляпку и крикнула:

— Ну-жъ и люди, братецъ!..

— Неудача?

— Я сперва разсказала ему,—продолжала она прерывающимся голосомъ: — все какъ слѣдуетъ, самымъ деликатнымъ тономъ; онъ внимательно слушалъ, а потомъ, когда я кончила: «Не мое, говоритъ, дѣло»...

— Что же дальше? — съ безпокойствомъ спросилъ братъ.

— Дальше? Что̀ дальше?.. Дальше *я* начала говорить. Ну ужъ, признаться, не выдержала, братецъ, и наговорила ему... Онъ будетъ помнить. Пусть хоть разъ выслушаетъ правду отъ матери-старухи!

Адмиралъ хорошо зналъ, что̀ могла «наговорить» полковница, но не смѣлъ спросить о послѣдствіяхъ, тѣмъ болѣе, что полковница о нихъ умолчала и, передавая всѣ подробности, не сочла нужнымъ разсказать, какъ отъ генерала ее вывели торжественно два курьера подъ руки до самаго подъѣзда.

Скоро вернулся и Дмитрій Алексѣевичъ.

— Ну, что̀?

— Мѣсто уже занято,—проговорилъ онъ:—опоздалъ.

Онъ тоже скрылъ истину, не желая огорчать мать и дядю. Его сперва хотѣли принять, но когда узнали, что онъ тотъ самый Кропотовъ, о которомъ было напечатано въ газетахъ, довольно неловко извинились и объявили, что мѣсто уже занято.

— Ну что-жъ, занято такъ занято! — проговорила неожиданно-спокойно полковница.—Еще найдемъ мѣсто!.. А я, братецъ, такъ это дѣло не оставлю, нѣтъ!—снова загорѣлась она, вспоминая свою неудачу. — Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, такъ изъ-за людской подлости пропадать человѣку?..

— Нѣтъ, ужъ вы лучше, маменька, оставьте...

— Какъ бы хуже не вышло, сестра!..—задумчиво промолвилъ старикъ.

— Хуже!?. Да чего можетъ быть хуже того, что̀ съ сыномъ сдѣлали?... Безвинно... выгнали... Лишили куска хлѣба... Нѣтъ!.. Я пойду къ самому министру!..

НАДЕЖДА ПОРФИРЬЕВНА.

I.

Поздній вечеръ подъ Свѣтло-Христово воскресеніе.

Свѣтъ дешевой лампы на краю большого стола, на которомъ лежитъ свѣтлая юбка неоконченнаго платья, освѣщаетъ маленькую, худощавую женскую фигурку, склонившуюся надъ тихо постукивающей швейной машинкой, и захватываетъ часть небольшой, очень скромно убранной комнаты. Въ темномъ углу ея виднѣется дѣтская кроватка.

Хозяйка этой комнаты, нанимаемой отъ жильцовъ—наборщика съ женой и двумя дѣтьми,—Надежда Порфирьевна Иванова, «дѣвица, дочь статскаго совѣтника», какъ значится въ ея видѣ на жительство,—торопливо доканчиваетъ щегольское платье. И то она съ нимъ запоздала! Обѣщала принести въ пятницу и затянула до самаго праздника. Но что̀ было дѣлать? Какъ на зло, нѣсколько дней тому назадъ вдругъ захворала маленькая Катя, и Надежда Порфирьевна бросила работу. Она не отходила отъ больного ребенка цѣлыхъ два дня, встревоженная и огорченная при видѣ этого быстро осунувшагося личика съ лихорадочнымъ румянцемъ на щечкахъ и съ потускнѣвшими глазками, глядѣвшими изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ съ выраженіемъ безпомощной покорности. По временамъ, особенно ночью, Надежду Порфирьевну охватывалъ ужасъ отчаянія при мысли, что эта дѣвочка, единственное существо въ мірѣ, привязывающее ее къ жизни, вдругъ можетъ умереть. И она со страхомъ вглядывалась въ спящую дѣвочку, щупала горячій лобъ, и слезы невольно текли по ея лицу. Напрасно докторъ, молодой, симпатичный, чахоточный брюнетъ, успокаивалъ Надежду Порфирьевну, увѣряя ее, что пока ничего серьезнаго нѣтъ. Только сегодня утромъ, когда дѣвочка проснулась веселая, съ свѣтлыми глаз-

ками, и докторъ сказалъ, что она черезъ день будетъ совсѣмъ здорова, Надежда Порфирьевна успокоилась и принялась наверстывать потерянное время. Шила она почти безъ перерывовъ, съ утра.

За такой работой она просиживаетъ цѣлые дни, вотъ уже скоро шесть лѣтъ, не замѣчая, какъ подтачивается ея здоровье. Впереди—та же вѣчная работа съ скромными надеждами принять двухъ - трехъ мастерицъ. Но Надежда Порфирьевна не жалуется на тяжесть работы. Напротивъ! Она благодаритъ судьбу за то, что случай научилъ ее мастерству, которое даетъ ей заработокъ, хотя и небольшой, но болѣе обезпеченный, чѣмъ невѣрные заработки интеллигентнаго труда. Испробовала она и его, и намучилась. Теперь она можетъ кое-какъ жить со своей любимой дѣвочкой и, главное, не разлучаться надолго съ этой полусироткой, безъ имени отца, брошенной, какъ и мать, на произволъ судьбы.

Обыкновенная исторія! Былъ женихомъ, увѣрялъ въ любви, говорилъ красивыя фразы, хотѣлъ жениться и поступилъ, какъ негодяй!

Надежда Порфирьевна недаромъ пользуется среди кліентокъ репутаціей искусной портнихи. У нея много изящнаго вкуса и фантазіи. Она умѣетъ сочинять костюмы и выбирать, что̀ къ лицу. Платья, сшитыя ею, сидятъ безукоризненно и такъ изящны, что нѣкоторыя ея заказчицы выдаютъ ихъ за работу французскаго магазина. Работа у нея не переводится. Она добросовѣстна и недорого беретъ за фасонъ.

Машина тихо постукиваетъ среди тишины. Маленькая блѣдная рука безустанно вертитъ колесо, а красивые тонкіе пальцы другой руки придерживаютъ свѣтлую шелковую матерію, надъ которой быстро ходитъ игла.

— Надо спѣшить!

Ужъ сегодня передъ обѣдомъ приходила горничная отъ Сокольниковыхъ. Надежда Порфирьевна замѣтила, съ какимъ изумленнымъ вниманіемъ оглядывала она дѣвочку.

«Вотъ ты какая!»—какъ будто говорилъ ея наглый взглядъ, когда она спрашивала о платьѣ.

— Завтра въ одиннадцать часовъ принесу. Завтра барышня будетъ въ новомъ платьѣ. Такъ и скажите ей.

— Барыня просила, чтобы безпремѣнно. Барыня сердится!

— А барышня?

— Барышня? — переспросила горничная, высокая, некрасивая пожилая дѣвушка, одѣтая не безъ претензій. — Онѣ

упрашивали не посылать къ вамъ. И какъ еще упрашивали! Она вѣдь жалѣетъ человѣка, наша барышня. Это все генеральша кипятится.

«Милая!»—мысленно поблагодарила Надежда Порфирьевна барышню.

— Будьте такъ добры, скажите барышнѣ, что...

Она вдругъ спохватилась и оборвала рѣчь.

— Что̀ сказать?

— Нѣтъ, ничего не говорите. Я завтра сама объясню ей, почему запоздала.

— Какой славный ребеночекъ!—съ неожиданной фамильярностью сказала вдругъ горничная, какъ-то подчеркивая слова и улыбаясь...

И, не дождавшись отвѣта, проговорила:

— Такъ вы будете завтра съ платьемъ, Надежда Порфирьевна?

— Буду.

Она слегка поклонилась и ушла, думая съ злорадствомъ:

«Вотъ онѣ, благородныя! А какой тихоней казалась. Никакъ не подумала бы!»

И шла домой довольная, что можетъ сообщить барынѣ пикантную новость о портнихѣ, которую господа такъ ласково принимали, особенно барышня.

II.

Надо спѣшить!

Работы оставалось, впрочемъ, уже немного. Юбка и бо̀льшая часть лифа готовы. Надо прикончить лифъ и сдѣлать отдѣлку. Къ раннему утру все будетъ готово. Она поспитъ часа два - три, обрадуетъ Катю хорошенькимъ яичкомъ и игрушкой, уберетъ комнату и отнесетъ платье. Навѣрно Людмила Алексѣевна останется довольна обновкой. Она знаетъ ея требовательный и изящный вкусъ и знаетъ, чѣмъ угодить ей!

И у портнихъ есть свои любимицы. Надежда Порфирьевна всегда особенно старается для барышни Сокольниковой и съ любовью художника шьетъ для нея. Она любимая ея кліентка, эта изящная блондинка съ хорошенькой, словно выточенной головкой, окаймленной чудными бѣлокурыми волосами, отливавшими золотомъ, стройная, гибкая, граціозная, съ красивымъ бюстомъ, на которомъ такъ отлично сидитъ лифъ, съ тонкими чертами нѣжнаго, подернутаго розоватымъ отливомъ, лица и съ этими ясными и добрыми большими синими глазами, которые всегда такъ тепло и участливо глядятъ на Надежду Порфирьевну.

Эта милая дѣвушка точно угадываетъ не одну только горечь ея тяжелаго существованія, но и тайну ея разбитаго сердца, и съ особенной, чисто-женской, чуткой деликатностью говоритъ съ Надеждой Порфирьевной, усаживая ее въ своемъ уютномъ, роскошно убранномъ будуарѣ-гнѣздышкѣ, говоритъ, согрѣвая нѣжной лаской, и сама какъ-то вся притихаетъ въ ея присутствіи, точно смущаясь, что она такая веселая, беззаботная, жизнерадостная и счастливая въ то время, какъ передъ ней такое несчастное созданіе.

Она стала еще нѣжнѣй и сердечнѣй послѣ того, какъ однажды, мѣсяца четыре тому назадъ, заѣхала въ первый разъ къ Надеждѣ Порфирьевнѣ, чтобы посовѣтоваться насчетъ выбора матеріи на платье. Она вошла и смутилась до слезъ, совершенно неожиданно для себя увидавъ около работавшей Надежды Порфирьевны маленькую Катю, какъ двѣ капли воды на нее похожую. Молодая дѣвушка съ необычайной порывистостью поздоровалась съ матерью и, усадивъ къ себѣ на колѣни дѣвочку, стала съ горячей нѣжностью ее цѣловать.

И бѣдная обстановка, и сиротка-дѣвочка, и маленькая, блѣдная, съ поблекшими щеками Надежда Порфирьевна, сама нѣсколько смущенная, благодарнымъ взглядомъ отвѣчающая молоденькой дѣвушкѣ за ласку ребенку,—все это до того взволновало Людмилу Алексѣевну, что слезы подступали къ горлу. Передъ ней внезапно раскрылась тяжелая интимная драма, и она поняла, сколько энергіи и самоотверженія было въ этомъ хрупкомъ существѣ, въ этой маленькой Надеждѣ Порфирьевнѣ, шьющей такія превосходныя платья, чтобъ взростить свою дѣвочку. А сколько пережила она горя и оскорбленій!

Какъ хотѣлось въ эту минуту Людмилѣ Алексѣевнѣ помочь чѣмъ-нибудь этой покинутой женщинѣ. Но что̀ она можетъ сдѣлать и какъ помочь? Она чувствовала, что Надежда Порфирьевна не изъ тѣхъ, которыя примутъ помощь.

Эта молодая нарядная барышня просидѣла у Надежды Порфирьевны полчаса и все извинялась: не стѣсняетъ ли она? Ей видимо такъ хотѣлось посидѣть! И она слушала съ благоговѣйнымъ вниманіемъ шутливые разсказы Надежды Порфирьевны объ ея затворнической жизни, всегда за платьями, объ ея чтеніи урывками... Въ ея рѣчахъ не было и тѣни жалобы... Жизнь ея вовсе не такая печальная, какъ, вѣрно, думаетъ Людмила Алексѣевна.

— Но все-таки вамъ тяжело...

— А вотъ эта дѣвочка! Она даетъ мнѣ счастіе жизни!— говорила Надежда Порфирьевна. — Вы не можете себѣ представить, сколько радости жить для этой крошки, мечтать,

какъ я подниму ее, воспитаю, отдамъ въ гимназію... Ужъ мы скоро съ ней начнемъ учиться читать! — прибавила она, любовно трепля ребенка по щекѣ. — Балованная только моя дочурка!

— Прелесть! — восторженно воскликнула молодая дѣвушка и снова принялась цѣловать ее.

— Не захвалите. И то ее всѣ хвалятъ! — съ едва скрываемымъ чувствомъ материнской гордости промолвила Надежда Порфирьевна.

Только подъ конецъ этого затянувшагося визита Людмила Алексѣевна рѣшилась заговорить о цѣли посѣщенія и показать привезенные образчики матеріи.

— Посмотримъ, посмотримъ!.. — дѣловымъ тономъ заговорила Надежда Порфирьевна и выбрала одинъ образчикъ.— Вотъ это вамъ пойдетъ... Только я посмотрю еще въ кускѣ... Вы мнѣ оставьте образчикъ.

И она стала разсказывать, какое она сдѣлаетъ платье. Талантливая портниха заговорила въ ней.

Онѣ простились съ большою сердечностью. Эти полчаса сблизили ихъ больше, чѣмъ два года прежнихъ отношеній.

Уходя, молодая дѣвушка сказала:

— Вы мнѣ позволите навѣщать васъ, Надежда Порфирьевна? Не правда ли?

Въ тонѣ ея ласковаго голоса звучала просительная нотка.

— Меня навѣщать? — взволнованно повторила Надежда Порфирьевна.—Благодарю васъ, милая Людмила Алексѣевна. Горячо благодарю. Добрая вы... Но...

И, вмѣсто окончанія фразы, Надежда Порфирьевна какъ-то смущенно, точно виноватая, взглянула въ лицо молодой дѣвушки.

— Вы этого не хотите?—сконфуженно проронила та.

— Что̀ вы? Что̀ вы, родная моя? Я была бы такъ рада видѣть васъ у себя. Но... подумайте... Вамъ, молоденькой дѣвушкѣ, нельзя бывать у меня. Что̀ скажетъ ваша мама?

— Моя мама? Но мама можетъ этого и не знать, я ей не скажу!—сказала Людмила Алексѣевна, и въ ту же минуту ея лицо залилось румянцемъ.—Вѣдь это ложь простительная. Я ничего дурного не сдѣлаю, навѣщая васъ? Не правда ли?— прибавила она съ видомъ ребенка, ищущаго поддержки.

— Нѣтъ, нѣтъ... Не дѣлайте этого. Не навѣщайте меня, голубушка, прошу васъ! Спасибо за доброе желаніе.

— Какъ это все грустно! Эти глупые предразсудки.

— Что̀ дѣлать!—вздохнула Надежда Порфирьевна.—Я къ вамъ скоро приду... поговорить насчетъ платья. Вотъ и увидимся!

— Приходите скорѣй. Если бы вы знали, какъ я васъ люблю! — вдругъ взволнованно проговорила, съ внезапно нахлынувшимъ чувствомъ, молодая дѣвушка и съ горячностью стала цѣловать Надежду Порфирьевну, а потомъ Катю.

Слезы блестѣли у нея въ глазахъ, когда она, вся умиленная, выходила изъ этой скромной комнаты.

Послѣ этого визита Людмила Алексѣевна чаще звала Надежду Порфирьевну къ себѣ: то надо было заказать платье, то передѣлать старое. Она усаживала ее у себя въ комнатѣ, и онѣ бесѣдовали. Каждый разъ молодая дѣвушка освѣдомлялась о Катѣ и часто передавала для нея какую-нибудь игрушку или лакомство.

III.

«Милая, славная дѣвушка! Какъ она непохожа на другихъ!» — мысленно произнесла, полная благодарнаго чувства, Надежда Порфирьевна, вспоминая о барышнѣ Сокольниковой.

Изъ темнаго угла комнаты донесся протяжный вздохъ спящей дѣвочки.

Надежда Порфирьевна пріостановилась вертѣть колесо, подняла голову и напряженно прислушивалась.

Свѣтъ лампы охватилъ миловидное, блѣдное и истомленное лицо этой маленькой, худенькой женщины въ бѣлой кофтѣ,— брюнетки, съ красивыми темными глазами и черными, какъ смоль, густыми распущенными волосами, покрывавшими спину. Она выглядѣла гораздо старше своихъ двадцати шести лѣтъ. Тяжелая жизнь видимо наложила на нее свою печать, и въ ея лицѣ, во взглядѣ ея добрыхъ глазъ словно застыло то серьезное, грустно-спокойное выраженіе, которое бываетъ у людей, пережившихъ тяжкое горе.

— Катюша! Ты не спишь? — произнесла Надежда Порфирьевна тихимъ голосомъ.

Отвѣта не было. Снова, среди тишины, слышалось ровное дыханіе.

Надежда Порфирьевна поднялась и тихой, чуть слышной походкой, едва касаясь пола маленькими ногами, обутыми въ туфли, приблизилась къ кровати. Привычнымъ движеніемъ материнской руки она осторожно ощупала голову ребенка, поправила сбившееся одѣяло и, нагнувшись, тихо прикоснулась губами къ пухлой теплой ручкѣ дѣвочки.

Когда Надежда Порфирьевна вернулась и сѣла на свое мѣсто, въ лицѣ ея свѣтилась счастливая улыбка успокоенной матери.

Раздался звонъ колокола. Она перекрестилась, и снова застучала машинка.

А въ голову ея невольно напрашивались воспоминанія. Работа не мѣшала ей думать. Сколько тяжелыхъ думъ передумала она за шитьемъ въ теченіе шести лѣтъ!

Она вспоминала, какъ встрѣчала въ послѣдній разъ этотъ праздникъ прежде, когда у нея еще былъ «домъ», давно уже совсѣмъ чужой. Она, недавно окончившая курсъ гимназистка, веселая, счастливая двадцатилѣтняя дѣвушка, ждавшая отъ жизни всего хорошаго и свѣтлаго, только-что вернувшись со всѣми отъ заутрени, сидитъ въ кругу близкихъ за столомъ, уставленнымъ пасхальными яствами. Она — такая хорошенькая въ своемъ бѣломъ платьѣ, съ алымъ бантомъ на черноволосой головкѣ, и все кажется такимъ прекраснымъ! Всѣ празднично настроены, всѣ веселы. Даже и отецъ, обыкновенно суровый и желчный, старый работяга-чиновникъ, почему-то гордившійся древностью своего захудалаго дворянскаго рода, теперь сидитъ въ вицмундирѣ, съ крестомъ на шеѣ, ласковый и привѣтливый, несказанно довольный повышеніемъ, благодаря которому онъ будетъ получать четыре тысячи вмѣсто трехъ. Онъ любуется дочкой. «Хорошаго жениха найдешь, Надя»,—шутливо говоритъ онъ. И всѣ смѣются: и мать, добрая, нѣжная, съ кроткимъ покорнымъ взглядомъ, и сестра Нюта, пятнадцатилѣтняя пышная блондинка съ голубыми глазами, и двѣнадцатилѣтній братъ, курчавый гимназистъ Вася...

Ахъ, какъ все это, кажется, давно было!

Вотъ уже болѣе пяти лѣтъ, какъ она живетъ одинокая со своей Катей. Мать скоропостижно умерла, не предчувствуя тяжкой доли своей любимицы Нади. Отецъ выгналъ ее изъ дома... Сестра вышла замужъ за виднаго чиновника и не хочетъ ее знать. Одинъ только братъ изрѣдка пишетъ изъ дальней провинціи коротенькія, почти офиціальныя письма.

Она, въ глазахъ этихъ людей, когда-то ей близкихъ, отверженная.

За что же?

Не разъ задавала себѣ этотъ вопросъ Надежда Порфирьевна и не могла понять этого безсердечнаго наказанія за то, что имѣла несчастіе полюбить человѣка съ тою беззавѣтностью и силою страсти, на которую способны только глубокія натуры. Онъ былъ молодъ, хорошъ, говорилъ красивыя рѣчи о долгѣ передъ родиной и кончалъ университетъ. Отецъ не взлюбилъ его и отказалъ отъ дому... Рядъ упрековъ, сценъ, ужасныхъ сценъ, и молодая дѣвушка должна была оставить отчій домъ, чтобы больше ужъ никогда въ него не возвращаться...

Надежда Порфирьевна поселилась отдѣльно и стала давать уроки. Женихъ проводилъ у нея вечера. Читали вмѣстѣ и праздновали весну любви. Свадьбу назначили черезъ два мѣсяца, какъ только онъ окончитъ курсъ. Курсъ оконченъ. Ему надо на двѣ недѣли съѣздить на югъ, повидаться съ матерью. Молодая дѣвушка довѣрчиво простилась, нетерпѣливо ждала жениха и... вдругъ письмо.

Ахъ, какое это было ужасное, безчеловѣчное письмо, несмотря на всю его подлую деликатность! «Я ошибся въ своемъ чувствѣ»... «Жизнь имѣетъ болѣе высокія цѣли, чѣмъ личное счастье»... Всѣ эти фразы длиннаго, сладоточиваго письма навсегда запечатлѣлись въ ея памяти, и теперь при одномъ воспоминаніи объ этихъ лживыхъ строкахъ мучительно сжимается сердце. Почувствовавшая себя матерью, пораженная ужасомъ отъ потери любимаго человѣка, съ жгучимъ стыдомъ и отчаяніемъ въ сердцѣ, безъ друзей, безъ родныхъ, молодая дѣвушка хотѣла въ первую минуту лишить себя жизни, но сила характера и инстинктъ материнства спасли ее. Она рѣшила жить.

Спасибо еще, нашлись совершенно незнакомые добрые люди, которые подбодрили ее, нашли уроки, помѣстили потомъ въ родильный домъ и не дали первое время умереть ей съ голоду.

Она оставила ребенка при себѣ, привязавшись къ нему съ перваго же дня рожденія съ какой-то болѣзненной страстностью. Она теперь будетъ жить для него... И эта мысль смягчала остроту ея горя. «Пусть говорятъ, что̀ хотятъ! Пусть бросаютъ въ нее камнемъ, — она не разстанется съ дѣвочкой».

И когда отецъ, возмущенный главнымъ образомъ этимъ ея рѣшеніемъ, написалъ ей, что съ ребенкомъ онъ никогда не приметъ ее въ домъ, — она, не задумываясь, отвѣчала, что никогда съ нимъ не разстанется.

Съ тѣхъ поръ всѣ отношенія были прерваны...

Она сдѣлалась портнихой и выкармливала дѣвочку. Тяжкое было время!

Слезы невольно тихо, одна за другой, текутъ по лицу маленькой женщины при этихъ воспоминаніяхъ прошлаго... Она вытираетъ ихъ и, тяжело вздохнувъ, торопливо вертитъ ручку.

«Гдѣ онъ теперь?»—проносится въ головѣ мысль о виновникѣ ея разбитой жизни. Она вспоминаетъ о немъ почти спокойно. Любовь къ нему вмѣстѣ съ обидой давно ужъ улеглись въ ея сердцѣ, занятомъ безпредѣльной привязан-

ностью къ дочери. Она съ тѣхъ поръ не видала его и не слыхала о немъ. Она хорошо понимала, что онъ одинъ изъ бездушныхъ негодяевъ, не щадящихъ людей. И тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ-то въ далекомъ уголкѣ ея души, все-таки теплилось воспоминаніе объ ея первой и послѣдней любви, и карточка его все еще хранилась у нея въ шкатулкѣ.

Съ тѣхъ поръ она ужъ никого не любила, да и не думала о любви. Не до того было. Маленькое безпомощное созданіе одно захватило всѣ ея помыслы, всю силу ея любви, заставляя бодро нести тяготу жизни.

Раннее солнечное утро заглянуло въ комнату и застало Надежду Порфирьевну за работой. Она изнемогала... Прежнія безсонныя ночи дали себя знать. Лицо совсѣмъ осунулось. Глаза ввалились, окруженные темными впадинами. Ее клонило ко сну, и она съ трудомъ пересиливала себя. Еще четверть часа, и изъ груди ея вырвался радостный вздохъ. Слава Богу! Платье окончено, красивое, изящное платье съ роскошной отдѣлкой, полной вкуса. Но какого утомленія стоило оно ей. Она едва держалась на ногахъ и, торопливо раздѣвшись, обезсиленная, бросилась на постель, чувствуя, какъ ноетъ и болитъ спина.

За стѣной пробило пять часовъ, и раздались голоса вернувшихся изъ церкви наборщика и его жены...

Надежда Порфирьевна тотчасъ же заснула, какъ убитая.

IV.

Въ одиннадцать часовъ Надежда Порфирьевна, оставивъ дочь на попеченіе квартирной хозяйки, подъѣхала на извозчикѣ, съ большимъ коробомъ на колѣняхъ, къ красивому дому на Гагаринской набережной и поднялась на второй этажъ.

Она была одѣта со вкусомъ и имѣла очень элегантный видъ въ своей темной суконной жакеткѣ, плотно облегавшей ея тонкій, гибкій станъ, и въ фетровой, скромно отдѣланной шляпкѣ. Изъ-подъ шерстяной юбки свѣтлаго праздничнаго платья виднѣлись изящныя ботинки. На маленькихъ рукахъ были свѣжія шведскія перчатки. Надежда Порфирьевна всегда старалась быть хорошо одѣтой при посѣщеніи кліентокъ. Ея красиво и ловко сидящія платья сразу располагали заказчицъ въ пользу ея искусства.

Молодой видный лакей во фракѣ отперъ двери, имѣя наготовѣ праздничную улыбку, въ ожиданіи подачки отъ визитера, но, при видѣ портнихи, улыбка быстро исчезла съ его лица, и онъ небрежно проговорилъ, впуская Надежду Порфирьевну:

— Подождите!

Надеждѣ Порфирьевнѣ показалось, что сегодня этотъ лакей былъ особенно пренебрежителенъ, не такъ, какъ прежде, и она вспомнила про вчерашній визитъ горничной,—вспомнила, и грустная усмѣшка пробѣжала по ея лицу. Не привыкать ей къ этимъ мелкимъ лакейскимъ оскорбленіямъ! Мало ли ихъ было, и не только отъ лакеевъ!

Она присѣла въ прихожей, — и къ этому она привыкла. Прошла минута-другая, пока не вернулся лакей и не сказалъ:

— Идите въ комнату барышни.

Людмила Алексѣевна, въ свѣтломъ фланелевомъ капотѣ, только-что окончившая туалетъ, встрѣтила Надежду Порфирьевну на порогѣ своей уютной, свѣтлой комнаты, въ которой красовалась жардиньерка съ массой чудныхъ свѣжихъ розъ,—радостной, привѣтливой улыбкой.

Она была прелестна, эта стройная молодая блондинка, свѣжая и жизнерадостная, съ розовымъ румянцемъ на нѣжно-бѣлыхъ щекахъ, съ античной прической бѣлокурыхъ волосъ, съ красиво посаженной головой на сверкавшей бѣлизной, словно изваянной шеѣ. Вся она точно сіяла сегодня какимъ-то особеннымъ радостнымъ неудержимымъ счастьемъ, и ея большіе синіе глаза глядѣли такъ ласково, такъ нѣжно.

— Христосъ воскресе!

И только-что Надежда Порфирьевна поставила свой коробъ, молодая дѣвушка протянула алыя губы и трижды горячо и любовно поцѣловалась съ Надеждой Порфирьевной.

— Садитесь, милая, дорогая! Вѣдь я васъ такъ давно не видала. И такъ мнѣ хотѣлось васъ видѣть... Чего хотите: чаю, кофе? Будемъ вмѣстѣ пить.

— Благодарю, ничего не хочу, — отвѣчала Надежда Порфирьевна и улыбнулась, любуясь обаятельной прелестью этой дѣвушки, ея движеніями, полными простоты и граціи.

Это просвѣтленное лицо, этотъ видъ неудержимаго счастья невольно обратилъ на себя ея вниманіе. Она вспомнила, что и она когда-то переживала такое счастливое настроеніе, и у нея мелькнула мысль: «Вѣрно, любитъ и любима эта милая дѣвушка».

— А вы простите, голубушка Надежда Порфирьевна,—продолжала хозяйка, усадивъ свою гостью рядомъ съ собой на маленькомъ диванчикѣ и снявъ, несмотря на протесты, съ головы ея шляпку: — простите, что вчера безпокоили васъ, посылали мамину горничную... Мама непремѣнно хотѣла.

— Знаю, что не вы,—улыбнулась Надежда Порфирьевна.

— Право, не я...

— Я не могла кончить раньше: Катюша захворала...

— Бѣдняжка... Что съ ней?—участливо спросила Людмила Алексѣевна.

— Сегодня она совсѣмъ здорова, а въ четвергъ и пятницу...

— И вы все-таки сшили мнѣ платье?..

— Какъ видите... Вчера кончила...

— Господи! Да зачѣмъ же? Точно я не могла подождать? Точно у меня мало платьевъ?

Тѣнь на мгновеніе омрачила ея лицо.

— Впередъ такъ меня не обижайте... Слышите? Если хоть капельку любите... хоть одну капельку! Милая! И зачѣмъ не написали? Изъ-за этого платья вы, навѣрное, не спали ночь? Вѣдь не спали?

— Утромъ выспалась.

— Ахъ, какъ это непріятно!.. Мама вѣчно суетится... Я ей говорила, чтобъ не посылала...

— Да полно, полно вамъ, Людмила Алексѣевна... Что за бѣда не поспать ночь?..

Людмила Алексѣевна покачала съ укоромъ головой и пожала руку Надеждѣ Порфирьевнѣ.

Затѣмъ она поднялась съ мѣста и достала изъ комода хорошенькое яйцо.

— Передайте Катѣ и покрѣпче поцѣлуйте за меня,— промолвила она, снова присаживаясь около Надежды Порфирьевны.

Лицо ея опять свѣтилось лучами счастья, и ей видимо хотѣлось подѣлиться съ нимъ.

Она примолкла, устремивъ взглядъ на розы въ жардиньеркѣ.

— А вамъ, дорогая моя, скоро будетъ много работы... Только ужъ вы возьмите себѣ помощницъ, а то устанете,— вдругъ проговорила она, и тотчасъ же яркій румянецъ залилъ ея лицо.—Я выхожу замужъ,—чуть слышно прибавила она и горячо поцѣловала Надежду Порфирьевну.

— Дай вамъ Богъ счастья!

— Оно будетъ, оно есть. Я люблю, и онъ меня любитъ. Онъ такой хорошій, умный, честный!—восторженно говорила дѣвушка, и слезы блестѣли въ ея глазахъ... — Вы только простите, что я *вамъ* говорю о томъ, какъ я безпредѣльно счастлива... Простите... Но мнѣ хотѣлось подѣлиться съ вами... Ахъ, какъ хотѣла бы я, чтобы и вы полюбили хорошаго человѣка, чтобъ и вы были счастливы, и всѣ, всѣ, весь міръ!..

На блѣдномъ лицѣ Надежды Порфирьевны стояла кроткая улыбка. Она безъ словъ пожимала руку дѣвушки и мысленно благословляла ее... А въ душѣ ея поднималось жгучее чувство скорби.

— На-дняхъ только все было рѣшено... Мама сперва не соглашалась. Онъ не богатъ... Но зачѣмъ мнѣ богатство?.. Вотъ вы увидите моего жениха... Онъ скоро будетъ... Это онъ мнѣ прислалъ эти чудныя розы!

— Такъ одѣвайте скорѣй новое платье. Я посмотрю, удалось ли оно.

— О, разумѣется. Вѣдь у васъ золотыя ручки!

Молодая дѣвушка сняла капотъ и одѣла новое свѣтлое платье цвѣта морской волны, отдѣланное серебромъ. Надежда Порфирьевна съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ обвела рукой лифъ, обдернула складки, и онѣ обѣ вышли въ гостиную, чтобы Людмила Алексѣевна могла оглядѣть его со всѣхъ сторонъ въ трюмо. Надежда Порфирьевна зоркимъ опытнымъ глазомъ снова окидывала произведеніе своихъ рукъ и осталась довольна. Платье дѣйствительно было великолѣпное. Нѣжная ткань шелковаго лифа словно обливала красивый бюстъ и гибкую тонкую талію. Юбка спускалась изящными линіями, заканчиваясь сзади небольшимъ треномъ. Ни складочки, ни морщинки. И какъ оно шло къ этой бѣлокурой головкѣ! Молодая дѣвушка это чувствовала и, глядя въ зеркало, мечтательно улыбалась, думая, что платье понравится любимому человѣку.

— Нигдѣ не узко? Нигдѣ не жметъ? Поднимите руки!— приказывала Надежда Порфирьевна.

— Нигдѣ, нигдѣ. Превосходно сидитъ!

— Ну-ка, пройдитесь!

Молодая дѣвушка сдѣлала нѣсколько шаговъ и вернулась къ трюмо.

— Кажется, хорошо!—проговорила Надежда Порфирьевна.

— Отлично! Мама, погляди, какую прелесть сшила Надежда Порфирьевна!—обратилась Людмила Алексѣевна къ нарядной пожилой дамѣ, входившей въ гостиную.

Надежда Порфирьевна поклонилась. Генеральша любезно наклонила слегка голову и, приблизившись, снисходительно протянула руку.

— Въ самомъ дѣлѣ недурно! Оно къ тебѣ идетъ, Мила! Очень идетъ, — говорила генеральша, оглядывая платье въ лорнетъ на длинной черепаховой ручкѣ. — Не коротокъ ли тренъ?..

— Длинныхъ не носятъ, — замѣтила Надежда Порфирьевна.

— Не носятъ? — протянула генеральша и, обращаясь къ Надеждѣ Порфирьевнѣ, прибавила: — Мнѣ съ вами надо поговорить... Мила выходитъ замужъ, и приходится торопиться съ приданымъ. Побывайте-ка на-дняхъ, Надежда Порфирьевна... Очень, очень недурно платье!—снова повторила генеральша и вышла, сказавъ по-французски, чтобы Мила принесла ей счетъ портнихи.

— А вотъ мы съ вами и не доглядѣли!—озабоченно вдругъ воскликнула Надежда Порфирьевна.

И съ этими словами она достала изъ кармана приборчикъ и, вынувъ иголку съ ниткой, опустилась на колѣни и стала подшивать распустившійся внизу рубецъ.

Въ эту минуту въ гостиной раздались шаги, и мягкій, нѣжный мужской баритонъ проговорилъ:

— Здравствуйте, Людмила Алексѣевна! Не помѣшалъ?

Иголка задрожала въ рукахъ Надежды Порфирьевны. Холодный трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу при звукахъ этого голоса. Боже, какой знакомый, страшно знакомый голосъ!

— Вы? помѣшали?

Въ этихъ двухъ словахъ молодой дѣвушки было столько чарующей ласки, столько нѣжнаго упрека, что не трудно было догадаться о приходѣ жениха.

— Неужели это?..

Охваченная страшнымъ волненіемъ, Надежда Порфирьевна съ порывистой нервностью двигала иголкой и, притаившись за юбкой, вся обратилась въ слухъ.

— Христосъ воскресе!

Изъ рукъ Надежды Порфирьевны чуть-чуть потянулось платье отъ поворота головы молодой дѣвушки. Начались поцѣлуи, едва слышные, долгіе.

Маленькую худенькую женщину била лихорадка. Она едва стояла на колѣняхъ и безцѣльно, безсмысленно тыкала иголкой.

«Этотъ голосъ...»

— И какъ вы прелестны, Людмила Алексѣевна! Какъ идетъ къ вамъ платье.

Голосъ говорилъ, точно ласкалъ.

«Онъ, онъ!» — подумала въ ужасѣ Надежда Порфирьевна.

И все прошлое волной прилило къ сердцу. Въ ушахъ стоялъ этотъ ласковый, нѣжный голосъ, говорившій ей такія же слова любви... О, Господи, неужели она еще любитъ этого негодяя?

Она не рѣшилась взглянуть на него.

— Что, скоро ли, голубушка Надежда Порфирьевна? — произнесла молодая дѣвушка.

Въ ея мягкомъ голосѣ слышалось нетерпѣніе.

— Сію минуту... Еще одинъ стежокъ...—чуть слышно произнесла она.

Но какой стежокъ! Иголка не слушалась въ ея рукахъ.

Ея имя, произнесенное молодой дѣвушкой, заставило Надежду Порфирьевну выглянуть изъ-за платья.

Никакого сомнѣнія!

Этотъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, въ изящномъ фракѣ, свѣжій, блестящій, румяный, съ кудрявыми темнорусыми волосами и маленькой бородкой,—это онъ, ея бывшій женихъ и отецъ ея ребенка.

Имя ея не вызвало въ немъ, повидимому, никакого воспоминанія. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на этомъ красивомъ лицѣ. Онъ съ нѣжностью смотрѣлъ на невѣсту своими карими бархатистыми глазами и весело улыбался, покручивая шелковистые усы.

Чувство злобы и презрѣнія охватило вдругъ Надежду Порфирьевну. Глаза ея блеснули недобрымъ огонькомъ, и въ головѣ пронеслась мысль:

«А что̀, если тутъ, сейчасъ, при невѣстѣ, она скажетъ, какой это негодяй?»

Но прошло мгновеніе, и жалость къ нему смягчила вспышку возмущеннаго сердца. Надежда Порфирьевна употребила усиліе, чтобы побороть волненіе, и поднялась.

Она едва стояла на ногахъ.

— Ну, вотъ и кончено! — проговорила она дрогнувшимъ голосомъ, не поднимая глазъ, и стала прощаться.

— Позвольте васъ познакомить. Мой женихъ, Викторъ Андреевичъ Нерпинъ...

Надежда Порфирьевна чуть-чуть наклонила голову. Молодой человѣкъ, взглянувъ на нее, слегка измѣнился въ лицѣ и постарался скрыть свое смущеніе въ низкомъ, почтительномъ поклонѣ.

— Но что̀ съ вами, голубушка? На васъ лица нѣтъ?—съ безпокойствомъ спросила молодая дѣвушка, только-что замѣтившая, что Надежда Порфирьевна блѣдна какъ смерть.

— Устала... Не спала ночь! Прощайте.

— Ахъ, бѣдняжка!.. И все изъ-за моего платья! Пойдемте ко мнѣ, выпейте воды, отдохните,—участливо говорила Людмила Алексѣевна.

И, дружески обхвативъ Надежду Порфирьевну за талію, она пошла съ ней изъ гостиной.

— Не надо, ничего не надо. Я поѣду домой, и все пройдетъ.

— Милая! Да вы совсѣмъ больны. Рука ваша какъ ледъ!—тревожно, полная участія, проговорила Людмила Алексѣевна.

Но—странное дѣло!—это ласковое участіе теперь тяготило Надежду Порфирьевну. Въ душѣ ея шевельнулось непріязненное чувство къ той самой дѣвушкѣ, которую такъ любила, и она почти сухо отвѣтила:

— Не безпокойтесь, поправлюсь.

А Людмила Алексѣевна, вся поглощенная счастьемъ, ничего не замѣчавшая, обнимая въ передней Надежду Порфирьевну, шепнула ей:

— Ну что, понравился онъ вамъ?

— Очень!—едва проговорила Надежда Порфирьевна и выбѣжала вонъ.

V.

Въ этотъ день Катя, веселая и довольная подарками, отрываясь отъ игрушекъ, часто подбѣгала къ матери и капризно спрашивала: «отчего мама скучная и о чемъ она думаетъ?»

И каждый разъ Надежда Порфирьевна съ какою-то особенной страстностью цѣловала дѣвочку и, стараясь улыбнуться, отвѣчала:

— Такъ, милая дѣточка... задумалась. А ты не обращай на меня вниманія... Играй себѣ.

И Надежда Порфирьевна снова ходила по комнатѣ, занятая неотвязными думами.

Ей было стыдно за ревнивое, непріязненное чувство, шевельнувшееся-было къ Людмилѣ Алексѣевнѣ. Чѣмъ она виновата, милая, добрая дѣвушка, что полюбила этого человѣка? Ее пожалѣть только можно, пожалѣть и спасти. Страхъ за ея судьбу и нѣжное участіе занимали теперь мысли Надежды Порфирьевны. Вѣдь человѣкъ, поступившій съ ней такъ безжалостно, бросившій ребенка и ни разу о немъ не справившійся, безсердечный эгоистъ, который разобьетъ и эту молодую жизнь, какъ разбилъ и ея жизнь. Онъ не можетъ любить и, вѣрно, женится ради состоянія. Она хорошо знаетъ эту себялюбивую натуру, чарующую своей кажущейся искренностью и горячностью рѣчей, тотчасъ же имъ забываемыхъ.

Не слѣдуетъ ли открыть глаза Людмилѣ Алексѣевнѣ и все разсказать ей? Пусть она узнаетъ прошлое своего жениха. Такой подлости не проститъ порядочная дѣвушка. Ей, прав-

да, тяжело будетъ узнать про любимаго человѣка, но лучше теперь перестрадать, чѣмъ страдать потомъ всю жизнь.

«Лучше ли?»

И какъ она все это скажетъ? Возьмется ли она нанести рану въ молодое любящее сердце? И не нанесетъ ли она такого удара, отъ котораго не оправляются во всю жизнь? Имѣетъ ли она на это право, она, потерпѣвшая и обманутая?..

Сомнѣнія мучили Надежду Порфирьевну. Жалѣя неопытную молодую дѣвушку, она не знала, какъ ей поступить.

И сердце подсказывало другія соображенія:

А если и онъ ее любитъ и будетъ добрымъ мужемъ? За что нарушать ихъ счастіе? Не говоритъ ли въ ней мстительное, пристрастное чувство покинутой, обиженной женщины?

О, видитъ Богъ, нѣтъ! Она забыла свою обиду, и не скверное чувство говоритъ въ ней... Она хочетъ уберечь Людмилу Алексѣевну... Она и его простила, но... вѣдь онъ нехорошій человѣкъ... Поступить такъ безжалостно?..

Надежда Порфирьевна опять съ болью припомнила все. Дѣйствительно, безжалостно! Но мало ли мужчинъ, поступающихъ, какъ онъ? Онъ былъ тогда совсѣмъ молодъ, жизнь могла исправить его, заставить серьезнѣе относиться къ людямъ... Если это такъ?

И добрая душа ея нашла и для этого человѣка оправданіе.

Пусть онъ гадко поступилъ, но молодая дѣвушка его любитъ. Даже иллюзія любви лучше одиночества. И наконецъ ради бывшей любви она не должна открывать своей тайны...

«Нѣтъ, нѣтъ! Дай имъ Богъ счастья! Я ни слова не скажу!»—рѣшила Надежда Порфирьевна.

Это рѣшеніе значительно облегчило ее, и она удивлялась теперь, какъ могли быть сомнѣнія на этотъ счетъ.

«Да и не оправдала ли бы она его?»—подумала Надежда Порфирьевна.

— Любовь слѣпа... Я знаю по опыту!—проговорила она мысленно и подсѣла къ Катѣ.

VI.

Сперва-было Надежда Порфирьевна думала отказаться шить приданое для Людмилы Алексѣевны,—ей тяжело было бы встрѣчаться съ этимъ человѣкомъ въ домѣ Сокольниковыхъ,—но потомъ передумала. Она будетъ посылать для примѣрки мастерицу, которую возьметъ въ помощницы, и такимъ образомъ избѣгнетъ встрѣчъ. Наконецъ и Людмилу Алексѣевну можно попросить когда-нибудь заѣхать.

«Теперь не бѣда пріѣхать къ портнихѣ съ незаконнымъ ребенкомъ!»—подумала съ грустной улыбкой Надежда Порфирьевна.

А отказываться отъ такой выгодной работы она не хотѣла. Будь она одна, и разговаривать нечего, но съ ней Катя... Надо и о завтрашнемъ днѣ подумать. Отъ этой работы она отложитъ кое-что въ завѣтный «Катинъ фондъ» и найметъ на лѣто комнатку гдѣ-нибудь за городомъ.

Прошло два мѣсяца.

За это время Надежда Порфирьевна сшила много платьевъ: и визитныхъ и простыхъ. Оставалось послѣднее—вѣнчальное.

И какъ же похудѣла за это время Надежда Порфирьевна! Съ этой спѣшной работой приданаго она совсѣмъ истомилась.

«Лѣтомъ отдохну и поправлюсь. Зато хорошо наработала!»—утѣшала она себя, любовно поглядывая на свою Катю.

Въ жаркій день, въ началѣ іюня, Надежда Порфирьевна сидѣла за своей машинкой, заканчивая роскошное вѣнчальное платье. Завтра оно будетъ готово, какъ разъ за три дня до свадьбы.

Съ грустной улыбкой шила она это платье для той, которая выходила замужъ за человѣка, лишившаго ее вѣнчальнаго наряда, какъ въ душную комнату вошла Людмила Алексѣевна.

Она вошла нарядная и тихая, словно стыдясь своего счастья, которое такъ и сверкало во всемъ ея существѣ: въ лицѣ, въ глазахъ, въ манерахъ и, кажется, въ самомъ ея свѣтломъ костюмѣ.

— Голубушка... дорогая. Что-жъ это? За что̀ вы забыли меня? Ни разу не были!

Она поцѣловала Надежду Порфирьевну, Катю и, присѣвъ около Надежды Порфирьевны, продолжала:

— Ужъ не сердитесь ли вы? За что же? Отчего вы не приходили примѣрять платья?

— Я, сердиться? Богъ съ вами, Людмила Алексѣевна!—промолвила, чуть-чуть краснѣя, Надежда Порфирьевна.—Некогда было. Сами знаете: спѣшка.

— То-то... А я думала...

Лицо молодой дѣвушки озарилось улыбкой.

— Но это... вѣнчальное платье вы придете примѣрить? Милая! Приходите...

И съ невольнымъ эгоизмомъ безконечно-счастливыхъ людей прибавила:

— Ахъ, если-бъ вы знали, какъ я счастлива! Просто совѣстно.

— Вижу, вижу!—отвѣтила Надежда Порфирьевна съ тихой улыбкой.—Будьте всегда такъ счастливы!—горячо добавила она.

— Мы ѣдемъ сейчасъ послѣ свадьбы за границу... въ Швейцарію, въ Парижъ. Къ осени вернемся. Надѣюсь, вы побываете у насъ и Катю приведете...

«Глупенькая! Что̀ она говоритъ?»—смущенно думала Надежда Порфирьевна.

Но она еще минутъ пять говорила, счастливая и радостная, о своемъ счастіи, о томъ, какой хорошій ея Викторъ и какъ ее любитъ, и вдругъ поднялась съ мѣста.

— А вѣдь онъ меня у воротъ ждетъ. Звала его сюда къ вамъ... Не пошелъ... Стѣсняется... Ну, до свиданія... Такъ придете примѣрить вѣнчальное платье? Придете? И на свадьбѣ будете? Вотъ вамъ и билетъ въ церковь! Мы въ Удѣлахъ вѣнчаемся...

— Приду... приду...

И Надежда Порфирьевна крѣпко и какъ-то торжественно прижала дѣвушку къ сердцу и, сдерживая рыданья, прошептала:

— Пошли вамъ Господь счастья!..

„ПОДПИСЧИКЪ, ВЛЮБЛЕННЫЙ ВЪ СВОЮ ГАЗЕТУ“

I.

Такой «подписчикъ» попадается преимущественно между «благосклонными читателями», перешедшими сорокалѣтній возрастъ. Обыкновенно онъ не имѣетъ опредѣленныхъ занятій, вѣрнѣе—никакихъ и скромненько живетъ на пенсію или, какъ прописываютъ дворники, «на свои капиталы», уцѣлѣвшіе послѣ священной войны противъ выкупныхъ свидѣтельствъ.

Для такого подписчика газета—незамѣнимый другъ. Она занимаетъ его утро, даетъ пищу на остальной день и даже на слѣдующій, если онъ идетъ послѣ праздника, когда газета является въ тощемъ видѣ. Благодаря газетѣ, подписчикъ знаетъ обо всемъ, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, начиная съ манеръ и ежедневной пищи лорда Биконсфильда и кончая раскопками въ Месопотаміи, и такимъ образомъ газета не только даетъ ежедневный матеріалъ для обработки, но нѣкоторымъ образомъ поддерживаетъ семейное начало, такъ какъ служитъ хорошимъ громоотводомъ противъ семейныхъ сценъ, неизбѣжныхъ въ теченіе утра, если-бъ не было на свѣтѣ газетъ.

Отнимите у такого подписчика газету—и онъ будетъ поставленъ въ серьезное затрудненіе относительно вопроса: какъ употребить свое время?

Какъ тутъ не любить газету, которая не только рѣшаетъ этотъ вопросъ, но кромѣ того и доставляетъ духовную пищу ежедневно около десяти часовъ утра?

И за то какъ же любитъ такой подписчикъ свою газету! Среди эгоизма и безсердечія нашихъ дней эта привязанность представляетъ просто трогательное зрѣлище. Въ своей газетѣ такой «подписчикъ» любитъ рѣшительно все: онъ любитъ

форматъ, названіе, шрифтъ, статьи, объявленія, даже самыя опечатки. Однимъ словомъ, все въ газетѣ, начиная съ заголовка и кончая извѣщеніемъ, въ которомъ часу и на какіе тракты сданъ такой-то нумеръ, мило сердцу такого подписчика. Онъ чувствуетъ уваженіе къ редактору-издателю («это, батюшка, такой умница... такой...»), любитъ своего фельетониста, и Боже васъ сохрани усомниться когда-нибудь въ вѣрности извѣстій, сообщаемыхъ его газетой. Вы еще можете, безъ особеннаго риска на ссору, высказать несогласіе съ направленіемъ. «Влюбленный подписчикъ» снисходительно пожалѣетъ васъ, что вы читаете «Чижика», а не его возлюбленную «Синицу», но все-таки дастъ вамъ высказать свое мнѣніе; но подозрѣнія въ вѣрности сообщаемыхъ фактовъ онъ не потерпитъ и замахаетъ на васъ руками:—«Синица», сударь, не вретъ. «Чижикъ» вретъ, а «Синица» никогда!

«Влюбленный подписчикъ» и въ руки-то беретъ совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенный «благосклонный читатель». Надо правду сказать, «благосклонный» или «любезный» читатель часто не особенно благосклонно относится не только къ самой газетѣ, но иногда и къ ея редактору-издателю, фельетонисту и прочимъ авторамъ. Онъ не беретъ нумеръ деликатно, а какъ-то схватываетъ его и, глядя по склонности и времени, начинаетъ либо съ телеграммъ, либо съ хроники, либо съ отдѣла «театръ и музыка», но весьма рѣдко съ того заповѣднаго мѣста подъ рубрикою: «С.-Петербургъ, такого-то числа и года», которое отводится высшимъ соображеніямъ. Вслѣдствіе ли страха передъ скукой «священныхъ мѣстъ», вслѣдствіе ли легкомыслія и непривычки къ чтенію якобы серьезныхъ статей, но только эти мѣста всегда пугаютъ «благосклоннаго» читателя, и онъ обходитъ ихъ съ уваженіемъ, подобающимъ «священному мѣсту». Развѣ ужъ взоръ его поразится краткостью статьи, обиліемъ восклицательныхъ знаковъ и рѣзкостью фразъ, тогда только онъ прочтетъ передовую статью.

Просмотрѣвъ газету, т.-е. прочитавъ телеграммы, пробѣжавъ фельетонъ, хронику и послѣднія извѣстія, обыкновенный «любезный» читатель броситъ ее въ сторону, иногда даже ругнетъ редактора-издателя и сотрудниковъ и займется текущимъ дѣломъ.

«Любезныя читательницы» никогда не бранятъ редактора-издателя, и, вѣроятно, потому, что обыкновенно начинаютъ газету съ конца. Первымъ дѣломъ «любезная читательница» ищетъ объявленій съ черной каймой, начинающихся не всегда

искреннимъ «душевнымъ прискорбіемъ». Убѣдившись, что люди смертны, и ни одинъ изъ знакомыхъ не доставляетъ возможности поговорить о его качествахъ въ тонѣ, отличномъ отъ того, въ которомъ говорятъ о знакомыхъ при ихъ жизни, «любезная читательница» переходитъ къ объявленіямъ, напоминающимъ самымъ рѣшительнымъ образомъ о жизни и ея тревогахъ. Она интересуется «пожилой кухаркой, умѣющей готовить за повара», удивляется «особѣ, желающей поступить къ одинокому человѣку», терзается отъ дешевизны голландскаго полотна, продающагося «почти даромъ», весело улыбается, найдя въ объявленіяхъ, что ея знакомые ищутъ «молодую, добраго и открытаго характера няню для присмотра за тремя малолѣтними дѣтьми», и рѣшаетъ послать своей знакомой няню, хотя и не открытаго характера и вовсе не молодую, но чтобы сдѣлать любезность и имѣть случай услужить своей знакомой, у которой «то-и-дѣло мѣняются няньки», какъ ядовито говоритъ «любезная» читательница на ухо другой не менѣе «любезной» читательницѣ. Пробѣжавъ длинную вереницу объявленій, «любезная читательница» обращается къ тексту, начинаетъ съ приключеній и рѣдко добирается до телеграммъ, такъ какъ является какая-нибудь помѣха, и газета бросается въ сторону, забытая среди домашнихъ хлопотъ, дѣтей и поѣздокъ въ Гостиный дворъ—эту священную Мекку большинства петербургскихъ дамъ.

Совсѣмъ иначе относится къ своей газетѣ и читаетъ ее «влюбленный подписчикъ». Прежде всего...

Впрочемъ, я поближе познакомлю читателя съ такимъ «подписчикомъ».

II.

Какъ только часы пробили девять ударовъ, Иванъ Петровичъ Пуговкинъ началъ ощущать нѣкоторое безпокойство.

Онъ давно уже всталъ, просмотрѣлъ объявленія вчерашняго нумера, пофилософствовалъ надъ нѣкоторыми изъ нихъ и очень обрадовался, когда въ половинѣ восьмого часа его позвали пить чай. Онъ выпилъ свои два стакана съ неизмѣннымъ аппетитомъ, закурилъ сигару, отвѣтилъ на обычный вопросъ жены объ обѣдѣ, что противъ тушеной говядины ничего не имѣетъ, бодрыми шагами пошелъ въ кабинетъ и, по обыкновенію, заходилъ, заложивъ руки назадъ. Въ восемь часовъ онъ снялъ халатъ, облачился въ сюртукъ и, когда въ кабинетъ пришла дочь, отправлявшаяся въ гимназію, онъ ласково поцѣловалъ ее и весело замѣтилъ:

— Что-то сегодня скажетъ «Синица»! Какъ-то вывернется

Магонъ? Не люблю, я, Сонечка, Магона! Чортъ его знаетъ, какъ онъ вертится! Я бы ему... Впрочемъ, ты дѣвица и тебѣ пора въ гимназію. Вернешься—все разскажу, что̀ сегодня пишутъ.

Иванъ Петровичъ трепалъ по румяной щекѣ свою Сонечку, провожалъ ее и снова ходилъ по кабинету, насвистывая какой-то старинный мотивъ и посматривая на часы. Бѣдняга рѣшительно не зналъ, что̀ ему теперь дѣлать, такъ какъ всякое дѣло для него кончилось съ той самой поры, какъ его уволили, согласно прошенію, изъ флота, съ награжденіемъ адмиральскимъ чиномъ и съ пенсіономъ, благодаря которому можно было имѣть небольшую квартирку въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова и жить смирненько, поджавъ хвостъ.

— Дарья! почтальонъ не звонилъ?

— Рано еще почтальону. Еще и девяти нѣтъ! — отвѣчала убиравшая гостиную Дарья.

— Ты всегда: девяти нѣтъ! Въ столовой часы отстаютъ!

Старая Дарья, давно жившая въ домѣ, знала очень хорошо, что адмиралъ каждый разъ задастъ вопросъ о почтальонѣ, и каждый разъ отвѣчала неизмѣнной фразой.

Адмиралъ снова принимался свистать, но уже болѣе рѣшительно...

На полухронометрѣ почтеннаго моряка стрѣлка приближалась къ девяти, и Иванъ Петровичъ нѣтъ-нѣтъ да и заглянетъ въ гостиную и прислушается.

— Чортъ знаетъ, какія эти бестіи почтальоны ходятъ! Если бы всыпать имъ по пятидесяти хорошихъ линьковъ, небось, прибавили бы ходу, какъ ты думаешь, Дарья? — смѣялся старикъ.—Ты, глухая! Никакъ звонятъ!

— Кому звонить? Почтальонъ раньше десятаго часа не звонитъ!

— Охъ, матроска, языкъ у тебя! Поди, посмотри!

Дарья, скрывъ улыбку, шла въ прихожую и возвращалась, конечно, съ извѣщеніемъ, что никого нѣтъ.

— Ты скажи почтальону, что я жаловаться буду... въ почтовый департаментъ напишу... Барыня съ рынка не возвращалась?

— Нѣтъ еще.

— Почтальонъ долженъ летать... не дрянь какую-нибудь разноситъ, а газеты! Вотъ, Дарья, былъ бы твой мужъ живъ, хорошимъ былъ бы почтальономъ... Бывало, каналья, леталъ на брамсели стрѣлой!

— Ему нельзя почтальономъ. Сами знаете, какой бы онъ былъ почтальонъ.

— Ты, Дарья, дура! Онъ пьянствовалъ съ умомъ и былъ бы хорошій почтальонъ... Ты молчи... Я вѣрно говорю!

Въ половинѣ десятаго раздавался знакомый звонокъ, и Иванъ Петровичъ весело потиралъ руки. Добродушная улыбка разливалась по его красному, поросшему лѣсомъ волосъ, лицу. Коренастый, короткій, крѣпкій, съ немного кривыми ногами, адмиралъ весело смотрѣлъ, какъ Дарья пускалась со всѣхъ ногъ въ прихожую и черезъ нѣсколько секундъ возвращалась съ газетой въ рукахъ.

Бережно принималъ Иванъ Петровичъ изъ рукъ Дарьи газету и, держа ее, словно какую драгоцѣнность, въ рукѣ, уходилъ въ кабинетъ, приговаривая:

— Смотри, Дарья, не мѣшать мнѣ. Я буду читать газету!

Вслѣдъ затѣмъ по всей маленькой квартиркѣ проносилось: «баринъ читаетъ газету». Адмиральша, уже вернувшаяся съ рынка, осторожно ступала, проходя мимо кабинета, и говорила сыну Ѳедѣ, если онъ громко стучалъ каблуками:

— Тише, Ѳедя, папа читаетъ газету.

И Ѳедя ступалъ осторожно.

Адмиралъ между тѣмъ ловко присаживался въ кресло къ окну, клалъ около себя спички, пепельницу и пачку дешевыхъ трабукосовъ, надѣвалъ очки и бережно разглаживалъ газету своей широкой ладонью, словно утюгомъ, поглядывая на нее изъ-подъ очковъ съ нѣжностью влюбленнаго. Желая продолжить наслажденіе, онъ смотритъ на черный заголовокъ «Синицы», которымъ любуется вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, на условія подписки и надпись, извѣщающую его, что «въ этомъ № 6 страницъ» и слѣдовательно есть что̀ почитать, и только спустя минуту-другую адмиралъ, со словами: «что-то сегодня пишутъ?» начинаетъ съ оглавленія и, не торопясь, прочитываетъ его вполголоса, сопровождая чтеніе своими комментаріями:

— «Военное обозрѣніе». «Политическое обозрѣніе». «Новая интрига англійскаго министерства». Ахъ вы, интриганы, интриганы! Мы, братъ, васъ насквозь видимъ! Мы твои штуки выведемъ на свѣжую воду, не бойсь, братъ... «Нуженъ ли флотъ Россіи?» Должно-быть, интересная статья! — весело улыбается адмиралъ. — Съ однѣми поповками далеко не уѣдешь — нѣтъ! Мы, небось, стары стали, моряки, такъ насъ на покой! — горько усмѣхается старикъ, чувствуя, какъ что-то подступило ему прямо къ сердцу. — Тоже плавали, не хуже другихъ. Только не кланялись... «Военный отдѣлъ». «Изъ Арабъ-Конака». «Изъ Трестеника». «Послѣднія извѣстія»: «Послѣднія минуты Виктора-Эмануила»... Хорошій

былъ человѣкъ, только насчетъ женскаго пола слабъ... хе-хе-хе! «Внутреннія новости». «Хроника»: Убійство малолѣтняго. Гербовый сборъ. Госпожа Стрепетова въ «Горькой судьбинѣ». Дятлы-разорители. Приспособленія къ телефонамъ. Патти въ Вѣнѣ. Изъ Курска, Ростова, Кіева, Уржума, Сольвычегодска, Варшавы. Телеграммы. Заграничныя извѣстія. Послѣднія извѣстія. Фельетонъ: въ Индію... Интересный нумеръ, интересный. Прекрасно ведетъ газету редакторъ. Превосходно!—одобряетъ адмиралъ, закуриваетъ трабукосъ, принимаетъ удобнѣйшее положеніе и начинаетъ чтеніе съ того мѣста, гдѣ выставлено: «С.-Петербургъ, такого-то числа и года».

Адмиралъ читаетъ не спѣша, иногда перечитывая фразы, особенно ему нравящіяся или не совсѣмъ понятныя, и нерѣдко киваетъ своей сѣдой бородой въ знакъ одобренія.

— «Время дорого, а потому главныя силы западнаго отряда, вѣроятно, уже двинулись впередъ!» — повторяетъ онъ слова военнаго обозрѣнія и нисколько не сомнѣвается, что главная квартира поступила вполнѣ согласно съ предначертаніями военнаго обозрѣвателя «Синицы».—«Еще одинъ ударъ, и... непріятель будетъ раздавленъ!»

Адмиралъ не шовинистъ. Вмѣстѣ съ «Синицей», онъ не желалъ войны, но, какъ только она была объявлена, онъ сказалъ вмѣстѣ съ «Синицей», что война необходима, послалъ въ редакцію «Синицы» сто рублей въ пользу раненыхъ, заставилъ жену и дѣтей щипать корпію и самъ нерѣдко присоединялся къ нимъ по вечерамъ, поклевывая носомъ...

Одобривъ еще разъ стратегическія намѣренія «Синицы», адмиралъ перешелъ къ политическому обозрѣнію. Политическія комбинаціи «Синицы» приводятъ его всегда въ восторгъ. Прочитывая обычныя выраженія: «мы не допустимъ», «Россія не позволитъ» или «чувство русскаго народа не потерпитъ», адмиралъ волнуется и во время чтенія вполнѣ убѣжденъ, что дѣйствительно онъ, отставной адмиралъ, Иванъ Петровичъ Пуговкинъ, не позволитъ, не потерпитъ и не допуститъ. Увлекаясь чувствами, старикъ даже сердится и громко говоритъ:

— Конечно, мы не позволимъ! Шалишь, братъ! Мы недаромъ проливали кровь и сдѣлали столько расходовъ!..

Старикъ даже покраснѣлъ отъ негодованія. Въ эту минуту онъ живетъ полно, такъ какъ убѣжденъ, что онъ вмѣстѣ съ «Синицей» выведетъ все на свѣжую воду и спасетъ Россію отъ всѣхъ коварныхъ замысловъ. «Мы» и «онъ» какъ-то переплетаются между собой, и онъ дѣлается съ «Синицей»

нераздѣленъ. «Синица» положительно завладѣла имъ и заставила забыть, что трабукосъ давно потухъ, и что адмиралъ напрасно сосетъ его и даже затягивается, получая, вмѣсто дыма, порцію непріятной горечи въ ротъ.

Адмиралъ самъ не замѣчалъ, какъ онъ нерѣдко «сегодня» позволялъ то, чего «завтра» не позволялъ, а «завтра» терпѣлъ то, чего «вчера» не могъ потерпѣть. Онъ подчинялся «Синицѣ» безусловно, какъ будто въ «Синицѣ» онъ находилъ мнѣнія самого Ивана Петровича Пуговкина, только пространнѣе и литературнѣе изложенныя. Онъ не слишкомъ, какъ онъ выражался, «поддавалъ пару», принималъ въ соображеніе Европу и высшіе виды правительства, но и не любилъ, чтобы съ нимъ шутили, и чтобы съ Россіей сдѣлали то же самое, что̀ сдѣлали съ нимъ, т. е. выпустили бы въ отставку, хотя и по прошенію, но безъ особеннаго желанія. Адмиралъ терпѣть не могъ «Чижика», о которомъ онъ зналъ отъ одного вхожаго въ домъ мичмана, и боялся «сметать царства и народы». Самъ дипломатъ очень плохой, адмиралъ любилъ дипломатію и находилъ, что надо добиваться «возможнаго», такъ какъ Бисмаркъ тоже въ нѣкоторомъ родѣ человѣкъ, которому пальца никакъ нельзя положить въ ротъ безнаказанно. Короче, адмиралъ всегда готовъ былъ въ политикѣ на компромиссы и не смущался пылкими рѣчами племянника-мичмана, когда мичманъ, потрясая бутербродомъ, доказывалъ, что безъ Константинополя лучше ему, мичману, застрѣлиться.

— Ты, мичманъ, не горячись. Не спорю, лестно, очень лестно въ географіи прочесть: Константинополь—городъ россійской имперіи, но, милый мой другъ, какъ вы перешагнете черезъ Европу?

— Наплевать намъ на Европу!

Адмиралъ покачивалъ головой и начиналъ загибать пальцы на правой своей рукѣ.

— Мичманъ, слушай! Вотъ это Германія, это — Австрія, это — Франція, это—Англія и наконецъ,—загибая мизинецъ, прибавлялъ адмиралъ: — это Италія. Что̀ ты думаешь объ этомъ кулакѣ, мичманъ?

Мичманъ глядѣлъ на кулакъ Ивана Петровича и ничего не думалъ. Онъ положительно утверждалъ, что или Константинополь, или онъ застрѣлится.

Адмиралъ тогда начиналъ разгибать пальцы, весело смѣялся, подталкивая Сонечку, и замѣчалъ:

— Вотъ что̀ значитъ читать «Чижика»! Вотъ до чего довелъ мичмана «Чижикъ»! Онъ Европы не признаётъ. Хочешь

еще чаю, мичманъ? Валентина! Дай мичману чаю. Мичманъ! Кушай бутерброды!

Адмиралъ уже занялся корреспонденціями. По старому лицу стараго адмирала текли слезы. Онъ умиленъ и взволнованъ. Доброе его сердце трепетно бьется при чтеніи о подвигахъ русскихъ солдатъ! Казакъ, спасающій ребенка, голодные солдаты, отдающіе свои скудныя порціи другимъ, болѣе голоднымъ, заставляли вздрагивать его губы; въ глазахъ становился туманъ, старикъ откладывалъ «Синицу», вынималъ изо рта трабукосъ и вытиралъ краснымъ фуляромъ глаза.

Онъ вспомнилъ свою прежнюю службу, вспомнилъ, какъ онъ лихо командовалъ фрегатомъ въ Средиземномъ морѣ, и какіе молодцы-матросы были у него подъ командою...

«А вѣдь ты, адмиралъ, парывалъ этихъ самыхъ молодцовъ самымъ лучшимъ манеромъ!» — припоминается ему веселый голосъ товарища, разсказывавшаго наканунѣ, какъ онъ на корветѣ «Голубка», бывало, «закатывалъ».

«Парывалъ, это вѣрно. Служба! А все-таки такой народъ... такой...» — утѣшалъ самъ себя адмиралъ, хотя въ голову къ нему и закрадывалась робкая мысль, что лучше было бы, если-бъ онъ не «парывалъ»...

Адмиралъ задумался и для освѣженія мыслей закурилъ новый трабукосъ.

Статья за статьей, извѣстіе за извѣстіемъ, замѣтка за замѣткой, и наконецъ газета прочтена рѣшительно вся. Кромѣ объявленій, не осталось никакой печатной строчки, которую бы не скушалъ адмиралъ, такъ что, когда онъ добрался до подписи редактора-издателя, то въ его головѣ уже толпились, подталкивая другъ друга, и Эски-Загра, и Ени-Загра, и Филиппополь, и движеніе англійскаго флота къ Леванту, и рѣчь короля Гумберта, и государственная роспись, и убійство пятилѣтняго мальчика, и рѣчь Евтушевскаго въ педагогическомъ собраніи, и похороны Распайля, и причины вымиранія рыбъ, и Стрепетова въ «Горькой судьбинѣ», и конфиденціальный разговоръ графа Андраши, и мнѣніе «Фоссовой Газеты» о шипкинскомъ пораженіи, и некрологъ драгунскаго офицера, и дебютъ Жофруа въ «Абелярѣ и Элоизѣ», и триста пятьдесятъ нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя, и увѣренность, что лордъ Биконсфильдъ останется въ меньшинствѣ, а русскій народъ готовъ къ новымъ жертвамъ, и послѣднія слова Виктора-Эмануила, и изреченія фельетониста, зовущаго въ Индію,— однимъ словомъ, если вообразить себѣ столпотвореніе, перенесенное изъ Вавилона въ человѣческую голову, то таковое,

конечно, стояло въ головѣ почтеннаго адмирала, пока всѣ свѣдѣнія, извѣстія и замѣтки не улеглись и не дали возможности адмиралу придти въ себя и сообразить, кто именно умеръ — папа или итальянскій король, и кто вступаетъ въ Левантъ: англійская эскадра или русская, и наконецъ не есть ли Левантъ новая оперетка, въ которой дебютируетъ новая пѣвица.

Ровно въ три часа адмиралъ разобрался и успокоился, а въ половинѣ четвертаго, когда Сонечка вернулась изъ гимназіи и осторожно пріотворила кабинетъ, адмиралъ уже ходилъ по комнатѣ, мечтая о такой комбинаціи съ турецкой имперіей, которая удовлетворила бы всю Европу.

— Здорово, дѣвочка! — весело привѣтствовалъ адмиралъ, цѣлуя раскраснѣвшуюся щеку дочки.—Ну, братъ, дѣла наши превосходны. Англійское министерство въ меньшинствѣ, Сонечка. Да, кстати, чтобъ не забыть! Сегодня въ «Синицѣ» совѣтуютъ не подклеивать языкомъ конвертовъ, случаи рака были... Помни, голубчикъ... Ну, теперь скажи матери, что адмиралъ ѣсть хочетъ!..

Адмиралъ обѣдалъ съ большимъ аппетитомъ и за обѣдомъ разсказывалъ женѣ и дѣтямъ новости, прочитанныя въ «Синицѣ». Онъ пересказывалъ все подробно и не всегда упоминалъ объ источникѣ, когда дѣло касалось политическихъ соображеній. Онъ просто говорилъ: «я полагаю, я думаю», и полагалъ и думалъ, конечно, такъ, какъ «Синица». Послѣ обѣда адмиралъ ложился спать, и вечеромъ, если приходилъ его товарищъ, старый холостякъ, тоже отставной адмиралъ, они пускались въ безконечные споры (его товарищъ читалъ «Ласточку») и затѣмъ садились играть въ пикетъ, а если подвертывался мичманъ, то и въ преферансъ. И тогда мичману очень доставалось.

— Эхъ ты, мичманъ, мичманъ!—сердился старикъ.—Хочешь взять Константинополь, а ступить не умѣешь! Куда дѣвалъ туза? просолилъ?

Послѣ ужина старикъ ложился спать довольный и счастливый. Дочь и сынишка вырастали на славу, средствъ, слава Богу, хватало. Онъ, какъ ребенокъ, скоро засыпалъ съ мыслью о томъ, что-то завтра «Синица» скажетъ.

III.

Такъ проходила мирная жизнь стараго адмирала. Я изрѣдка навѣщалъ его и любилъ слушать его воспоминанія о быломъ. Онъ непрочь былъ разсказывать, особенно если на столѣ стояла марсала, до которой онъ былъ большой охотникъ.

Рѣдко я видѣлъ старика не въ духѣ: всегда бодрый, веселый, всегда на стражѣ «русскихъ интересовъ», не особенно дальновидный, но правдивый старикъ, онъ только начиналъ сердиться, когда заговаривали о флотѣ или когда при немъ бранили «Синицу». Я избѣгалъ этого, и потому старикъ охотно болталъ со мною.

— Я разъ «его» видѣлъ!..—разсказывалъ онъ какъ-то мнѣ не безъ таинственнаго выраженія. — Это было въ прошломъ году, мнѣ два дня не высылали газеты, и я отправился въ редакцію. Умница! И лицо такое, знаете ли, солидное у редактора-издателя «Синицы». Принялъ меня благосклонно, очень благосклонно...

Старикъ, разумѣется, подписывался на газету еще съ ноября мѣсяца и ежегодно посылалъ въ редакцію письма, въ которыхъ благодарилъ за пользу и наслажденіе, доставляемыя ему газетой, хвалилъ направленіе и заканчивалъ самыми искренними пожеланіями не только самой газетѣ, но и ея редактору-издателю и всему его семейству. Разъ, тайно отъ всѣхъ, почтенный адмиралъ даже послалъ замѣтку въ газету о томъ, что тротуары не посыпаются пескомъ (наканунѣ онъ упалъ и чуть-было не вывихнулъ ногу). Съ замираніемъ онъ ждалъ, появится ли его замѣтка въ печати, и когда черезъ три дня появилась замѣтка, начинающаяся словами: «Мы получили слѣдующее письмо», съ подписью «старый подписчикъ», то адмиралъ прочелъ эту замѣтку нѣсколько разъ и еще болѣе полюбилъ «Синицу». Въ тотъ же день говорилъ онъ и женѣ и дочери:

— Ты прочти, что̀ о посыпкѣ тротуаровъ сегодня пишутъ... На-дняхъ я чуть не упалъ, а теперь обратятъ вниманіе. Газета, братцы, великое дѣло!

Онъ положилъ этотъ нумерокъ отдѣльно и время отъ времени перечитывалъ его, но никогда и никому не открывалъ имени автора.

Но были и для адмирала непріятные дни. Однажды почтальонъ не принесъ въ урочный часъ «Синицы». Адмиралъ ждалъ до одиннадцати часовъ и наконецъ не вытерпѣлъ и вышелъ изъ дому. Онъ подошелъ къ газетчику, стоявшему на проспектѣ, и попросилъ «Синицу», но оказалось, что «Синицы» нѣтъ, и газетчикъ предлагалъ вмѣсто «Синицы» другія газеты.

Адмиралъ съ презрѣніемъ отвергъ другія газеты и не въ духѣ вернулся домой. Онъ даже сталъ роптать, что его оставили безъ газеты. Кажется, «Синица» газета благоразумная, русская, и вдругъ...

Цѣлые три мѣсяца, когда вмѣсто «Синицы» редакція высылала адмиралу «Бѣлку», адмиралъ ворчалъ. И шрифтъ, и статьи, и соображенія «Бѣлки»—все ему не нравилось. Онъ читалъ «Бѣлку», но какъ читалъ!

— Ну ужъ и «Бѣлка»!—ворчалъ онъ.—Никакой нѣтъ въ ней устойчивости! И слога нѣтъ, и мыслей нѣтъ, ничего нѣтъ... Такъ только слава, что газета. То ли дѣло «Синица»—въ ней все есть. Недавно разсказывали мнѣ, что около Сициліи появился морской змѣй, а въ «Бѣлкѣ» объ этомъ ни полслова. Если бы была «Синица», она бы не пропустила этого извѣстія!

И досталось же всѣмъ въ домѣ изъ-за того, что не было «Синицы»! Адмиралъ ворчалъ на жаркое, находилъ, что въ домѣ все запущено, что Сонечка долго спитъ, что Ѳедя шалитъ, жена мотаетъ деньги, а Дарья—лѣнтяйка. Всѣ очень хорошо знали, что старикъ сердится и ворчитъ изъ-за «Синицы», и Валентина Егоровна, его жена, искренно молила Бога, чтобъ «Синица» снова скорѣй вышла.

Когда послѣ трехъ мѣсяцевъ «Синица» снова явилась въ рукахъ адмирала, онъ ее встрѣтилъ съ той задушевной радостью, съ какой встрѣчаютъ старыхъ друзей. И снова адмиралъ весело говорилъ женѣ за обѣдомъ:

— Ты, Валентина, прочти, какъ адвокатовъ «Синица» отдѣлала. И по-дѣломъ! Не продавай Господа Бога, не криви душой. Боже тебя сохрани, Ѳедя, если ты будешь софистомъ!—смѣялся адмиралъ, накладывая себѣ на тарелку еще кусочекъ жаркого.

IV.

Не такъ давно я пришелъ къ адмиралу. Дарья, отворившая мнѣ двери, смотрѣла, противъ обыкновенія, невесело.

— Всѣ здоровы?

— То-то и дѣло, не всѣ. Старикъ нашъ слегъ.

Я прошелъ къ нему въ кабинетъ. Адмиралъ въ халатѣ лежалъ на диванѣ и читалъ «Синицу». Лицо его осунулось и поблѣднѣло, насколько могла поблѣднѣть огрубѣлая кожа стараго морского волка.

— Что съ вами?

— Да вотъ,—усмѣхнулся адмиралъ:—никогда не лежалъ, а теперь слегъ... Неможется что-то. Вы читали сегодняшнюю «Синицу»?

— Читалъ.

— Каково господину Тиссѣ досталось, а? Я думаю, какъ онъ прочтетъ—«Синицу» вѣдь во всѣхъ столицахъ Европы

читаютъ—останется доволенъ!—оживился старикъ.—Превосходная статья.

Я посидѣлъ около адмирала, слушалъ, какъ онъ повторилъ мнѣ весь нумеръ «Синицы», и пошелъ къ Валентинѣ Егоровнѣ. Она была въ смущеніи.

— И слышать о докторѣ не хочетъ! Въ «Синицѣ», говоритъ, писали, что медицина—такъ себѣ, одно времяпрепровожденіе.

Однако къ вечеру, когда старику стало хуже, усилился жаръ и сдѣлался бредъ, послали за докторомъ. Докторъ осмотрѣлъ больного, спросилъ, сколько ему лѣтъ, и когда получилъ отвѣтъ, что шестьдесятъ восемь, сдѣлалъ серьезное лицо, сказалъ, что, можетъ-быть, воспаленіе легкихъ, а можетъ, и тифъ, а можетъ-быть, и возвратная лихорадка, и, прописавъ лѣкарство, объявилъ, что завтра посѣтитъ больного.

На слѣдующій день, когда Дарья, упросивъ наканунѣ почтальона, чтобы принесъ газету раньше, въ девять часовъ (она даже дала ему свой двугривенный) съ торжественнымъ видомъ подала адмиралу «Синицу», адмиралъ поблагодарилъ Дарью, надѣлъ очки и хотѣлъ-было читать газету, но не могъ. Въ глазахъ рябило и буквы прыгали, точно маленькіе чертенята. Это очень опечалило старика, и онъ жалобно поглядывалъ на нумеръ, лежавшій нетронутымъ на столикѣ. Дочь было-хотѣла остаться и почитать старику, но онъ не позволилъ.

— У тебя, братъ, у самой служба есть. Надо службу исполнять добросовѣстно. Ступай, голубчикъ, въ гимназію. Да не плачь. Чего плачешь, Соня?—сказалъ, заикаясь, старикъ, замѣтивъ слезы на глазахъ у дочери и самъ чувствуя, что у него что-то щекочетъ въ горлѣ.

Въ двѣнадцатомъ часу я зашелъ къ адмиралу и предложилъ ему прочитать газету. Старикъ поблагодарилъ меня ласковымъ взглядомъ и приготовился слушать.

Я началъ, конечно, сначала. Старикъ оживился и нѣсколько разъ одобрительно похлопывалъ ладонью по своей ногѣ, но подъ конецъ сталъ забываться. Когда я дошелъ до внутреннихъ извѣстій и хотѣлъ-было приступить къ описанію одного старца, дожившаго до 110-лѣтняго возраста, адмиралъ былъ въ бреду и громко повторялъ, размахивая короткой, широкой мускулистой рукой.

— Шалишь, братецъ... Мы не позволимъ! Это какъ же? Князь Бисмаркъ... слава Богу! Жена, Соня, Ѳедя! Что же вы, родные мои, позволяете? «Синица» пишетъ...

Словно плакучая ива, склонилась надъ изголовьемъ Вален-

тина Егоровна и держала у сѣдой, воспаленной головы стараго друга пузырь со льдомъ. Слезы тихо капали изъ-подъ отцвѣтшихъ, когда-то свѣтлыхъ, живыхъ глазъ.

Вечеромъ адмиралу стало лучше, и Сонечка дочитала вслухъ газету до конца.

— А ты вотъ что̀, дѣвочка: ты все-таки этотъ нумерокъ спрячь въ сторонку. Какъ поправлюсь, я его опять прочту. Хоть ты прекрасно читаешь, а самому все лучше. Спасибо, дѣвочка... Дай-ка свою ручку. Я ее поцѣлую!

Надежды адмирала однако не сбылись.

Черезъ нѣсколько дней въ той же самой «Синицѣ» я прочелъ извѣстіе о смерти Ивана Петровича.

— Умеръ онъ спокойно, точно заснулъ! — разсказывала мнѣ, тихо плача, вдова.—Со всѣми простился, всѣхъ благословилъ и совѣтовалъ не горевать... А какъ не горевать?.. Если бы вы знали, какой это добрый человѣкъ былъ!—сказала вдова и, понуривъ голову, какъ усталая лошадь, тихо поплелась въ осиротѣлый кабинетъ.

Тамъ, на письменномъ столѣ, лежали послѣдніе нумера «Синицы», никѣмъ не тронутые. Вдова, конечно, останется до конца жизни вѣрной подписчицей этой газеты, несмотря на то, что дѣти еще при жизни отца нерѣдко говорили матери, что напрасно отецъ вѣритъ такъ «Синицѣ». Валентина Егоровна останавливала дѣтей и строго говорила, что отецъ любитъ эту газету, и слѣдовательно...

Дѣти почтительно умолкали и все-таки украдкой смѣялись надъ «Синицей».

СТРАДАЛЕЦЪ.

I.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ N., одинъ изъ большихъ городовъ Сибири, въ которомъ мнѣ предстояло пробыть весьма короткое время, я случайно узналъ, что въ N. живетъ нѣкто Петровскій, старый мой петербургскій знакомый, котораго я давно потерялъ изъ виду, съ тѣхъ поръ, какъ онъ со своей молодой женой уѣхалъ на частную службу на югъ Россіи.

Оказывалось, что этотъ самый Петровскій ужъ года три какъ пріѣхалъ изъ Россіи и занимаетъ здѣсь видное мѣсто въ одномъ изъ страховыхъ обществъ.

Я, разумѣется, обрадовался, что въ незнакомомъ городѣ нашелъ знакомыхъ людей, и на другой же день отправился къ Петровскимъ.

— Барина нѣтъ дома,—объявила горничная.

— Скоро будетъ?

— Они съ вечера уѣхали на охоту.

— А барыня?

— Барыня дома. Пожалуйте!

Въ то время, какъ я проходилъ черезъ залу, неслышно ступая по узкому протянутому ковру, изъ сосѣдней комнаты доносился чей-то необыкновенно мягкій, вкрадчивый мужской голосъ, звучащій грустными нотами. Я отчетливо услыхалъ изящно составленную французскую фразу о необходимости терпѣливо нести свой крестъ, въ виду людской несправедливости, и вслѣдъ затѣмъ изъ-за портьеры показалась высокая, худощавая фигура почтеннаго старика, съ слегка опущенной на грудь сѣдой головой, одѣтаго не безъ щегольства и вкуса.

Старикъ бросилъ на меня быстрый взглядъ изъ-подъ очковъ и тихо прошелъ мимо, натягивая на руку шведскую перчатку.

Я любопытно всматривался въ блѣдное, длинное лицо,

окаймленное вьющимися сѣдинами и маленькой бородкой, и что-то знакомое промелькнуло въ этихъ тонкихъ чертахъ съ заостреннымъ, какъ у хищной птицы, носомъ, въ грустно-насмѣшливой полуулыбкѣ тонкихъ губъ, въ этомъ быстромъ, остромъ взглядѣ, совсѣмъ неподходящемъ къ печальному выраженію физіономіи.

Мнѣ показалось, что я когда-то встрѣчалъ этого господина и совсѣмъ при другой обстановкѣ.

Я вошелъ въ гостиную.

Хозяйка сидѣла на диванѣ у стола задумчивая, повидимому, чѣмъ-то разстроенная, и не замѣтила моего прихода. Ея добродушное, румяное лицо, значительно расплывшееся съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, смотрѣло грустно, и большіе ласковые глаза были влажны.

Я назвалъ ее по имени. Она встрепенулась, тотчасъ же узнала меня и засыпала вопросами. Скоро ужъ мы, по сибирскому обычаю, сидѣли въ столовой за большимъ самоваромъ. Она оживилась, разспрашивала про Петербургъ, про вѣянія, про общихъ знакомыхъ, разсказывала про свою кочевую жизнь съ мужемъ, жаловалась на отсутствіе людей, на грабежи и убійства, словомъ, повторяла все то, что обыкновенно разсказываютъ про сибирскіе города.

По ея словамъ, они заѣхали сюда только потому, что мужъ соблазнился большимъ жалованьемъ.

— Скопимъ что-нибудь и уѣдемъ отсюда!—заключила Варвара Николаевна.

— Такъ вы, значитъ, недовольны Сибирью? То-то я засталъ васъ совсѣмъ разстроенной.

— Ну, это совсѣмъ по другой причинѣ... Я только-что выслушала одну печальную исповѣдь...

— Ужъ не того ли стараго господина, котораго я встрѣтилъ сейчасъ въ залѣ?

— Да. Вы знаете ли, кто это такой?

— Не имѣю чести... Сдается мнѣ, что я его гдѣ-то встрѣчалъ, но гдѣ—не припомню... У него совсѣмъ не провинціальный видъ.

— Навѣрное встрѣчали въ Петербургѣ. Вѣдь это Рудницкій!

— Рудницкій!?

И въ моей памяти воскресъ когда-то извѣстный всему Петербургу знаменитый дѣлецъ и потомъ главный герой скандальнаго процесса о расхищеніи одного солиднаго банка.

— Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ встрѣтить у васъ эту печальную знаменитость... Постарѣлъ однако этотъ баринъ, но

обликъ прежняго величія все-таки еще сохранился... Но скажите вы его фамиліи, я никакъ бы не узналъ знаменитаго расхитителя... Но разсказывайте, чѣмъ однако растрогалъ васъ этотъ старый грѣшникъ!

— Напрасно вы говорите о немъ въ такомъ тонѣ. Онъ его не заслуживаетъ!—съ упрекомъ остановила меня Варвара Николаевна.

— Почему это?

— А потому, что Рудницкій невинная жертва, пострадавшая за другихъ!—горячо проговорила Петровская.

Я посмотрѣлъ во всѣ глаза на молодую барыню.

— Рудницкій—невинная жертва!?—разсмѣялся я.—Тогда каждый крупный воръ—ангелъ по вашей терминологіи. Да вы читали ли его процессъ?

— Не читала.

— Прочтите... Любопытно.

— И не буду читать... Я и такъ знаю теперь правду. Прежде и я, какъ вы, была предубѣждена противъ него. Всѣ говорили: расхитилъ банкъ, пустилъ по міру людей... ну, и я повторяла...

— А теперь?

— А теперь я убѣждена, что Рудницкій невиненъ, и жалѣю, что прежде не знала этого...

— Да вы съ нимъ когда же познакомились?—удивлялся я.

— Года два... Я изрѣдка встрѣчала его у однихъ здѣшнихъ знакомыхъ и, признаюсь, съ удовольствіемъ слушала, какъ онъ говоритъ... Онъ умный и образованный человѣкъ и держитъ себя здѣсь съ большимъ тактомъ, всегда скромно, всегда въ тѣни... Мнѣ только не нравился въ немъ насмѣшливый скептицизмъ, удивляла какая-то странная его злоба къ людямъ, но теперь мнѣ все это понятно... Сперва мы не принимали его у себя—мужъ не хотѣлъ... Но эту Пасху онъ явился съ визитомъ и послѣ былъ раза три...

— И очаровалъ васъ?

— Не иронизируйте, пожалуйста! Повторяю, что до сегодняшняго дня я относилась къ Рудницкому съ предубѣжденіемъ... Я не знала его, вѣрила молвѣ и была съ нимъ суха... Мужъ, тоже не зная его, не особенно благоволилъ къ нему... Вы понимаете, что бѣдный старикъ, чувствуя наше недовѣріе, бывалъ всегда сдержанъ и о своемъ прошломъ не говорилъ...

— А сегодня, оставшись наединѣ съ такой довѣрчивой барыней, какъ вы, соблаговолилъ удостоить васъ описаніемъ своихъ добродѣтелей? И вы попались на эту удочку?..

— Остановитесь, Ѳома невѣрный, и устыдитесь вашихъ словъ!.. Если-бъ вы слышали его задушевную исповѣдь, если-бъ видѣли слезы на глазахъ у этого одинокаго, всѣми забытаго старика, вы пожалѣли бы его такъ же, какъ и я, и убѣдились бы, что передъ вами честный человѣкъ...

— Пожалѣть, быть-можетъ, и пожалѣлъ бы, но повѣрить, что онъ невинная жертва, не повѣрилъ бы... Будьте спокойны!

— Послушайте... Такъ говорить, какъ говорилъ онъ, съ такой дрожью въ голосѣ, не могутъ люди виноватые...

— Еще какъ говорятъ...

— И къ чему ему было лгать, подумайте!—горячилась Варвара Николаевна.—Вѣдь я все равно не помогу ему оправдаться передъ всѣми! Имя его обезславлено, жизнь разбита, впереди мракъ... Что̀ ему за счастіе въ томъ, что я убѣждена въ его правотѣ, когда всѣ увѣрены въ противномъ?.. Бѣдный, несчастный человѣкъ! Если-бъ вы знали, сколько онъ перенесъ!

Какъ всѣ женщины, проникнутыя чувствомъ состраданія, Варвара Николаевна готова была теперь произвести чуть ли не въ мученики этого уголовнаго героя.

Я зналъ раньше Варвару Николаевну, зналъ ея страсть отыскивать страдальцевъ (преимущественно, впрочемъ, среди людей, болѣе или менѣе прилично одѣтыхъ) и носиться съ ними до перваго разочарованія, и слушалъ, не прерывая, длинный списокъ добродѣтелей господина Рудницкаго, понимая очень хорошо, что гораздо легче войти въ царствіе небесное, чѣмъ разубѣдить женщину, повѣрившую чему-нибудь всѣмъ своимъ сердцемъ.

Надо думать, что Варвара Николаевна замѣтила наконецъ, что на моей физіономіи не было и тѣни того восторженнаго умиленія, которымъ дышало все ея существо. Вѣроятно, вслѣдствіе того она вдругъ рѣзко оборвала вводный эпизодъ, повѣствующій о необыкновенной любви господина Рудницкаго къ домашнимъ животнымъ и въ особенности къ пташкамъ (что̀ тоже, по ея мнѣнію, служило вѣскимъ доводомъ въ пользу невиновности Рудницкаго въ ограбленіи банка), и съ сердцемъ сказала:

— Вы все-таки не вѣрите?

— Вамъ—безусловно.

— Не мнѣ, а въ невинность бѣднаго старика!

— Ни на полъ-іоты, Варвара Николаевна. Въ такихъ дѣлахъ, какъ дѣло вашего новаго «страдальца», судебныя ошибки почти невозможны... Присяжныхъ въ напрасной жестокости еще никто не обвинялъ.

— А я вѣрю, вѣрю, вѣрю!—капризно прокричала Варвара Николаевна:—и постараюсь убѣдить мужа дать у себя мѣсто невинному старику.

— А развѣ невинный старикъ во время исповѣди и о мѣстечкѣ говорилъ?

— Вовсе нѣтъ... Съ чего это вы взяли?—замѣтила, вдругъ смущаясь, Варвара Николаевна.

— По вашему смущенію вижу, что говорилъ.

— Да нѣтъ же! Онъ вообще говорилъ, что ищетъ занятій... Вѣдь у этого расхитителя, обокравшаго банкъ, нѣтъ ни гроша за душой!—проговорила Варвара Николаевна, побѣдоносно взглядывая на меня.

— Если это и правда, то ничего еще не доказываетъ... Крохи-то, быть-можетъ, и остались... Не въ томъ дѣло, а вы скажите-ка лучше, какое мѣсто вы хотите дать Рудницкому?

Оказалось, что на-дняхъ уѣзжаетъ помощникъ мужа, и очищается мѣсто. Работы немного, жалованья сто рублей въ мѣсяцъ.

— Я такъ была бы рада, если-бъ Алексѣй пристроилъ старика... Не улыбайтесь ядовито... Лучше прежде познакомьтесь съ Рудницкимъ и тогда, если хотите, опять поговоримъ о немъ... Приходите-ка завтра обѣдать, я позову и Рудницкаго... Хотите?

Я охотно согласился взглянуть поближе на такого знаменитаго человѣка.

— А процессъ его вамъ все-таки не мѣшало бы проштудировать!—прибавилъ я, прощаясь съ милѣйшей хозяйкой.

Но она только замахала руками.

II.

...«Рудницкій»?!

Кто изъ петербуржцевъ, лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, не видалъ Рудницкаго или, по крайней мѣрѣ, не зналъ его по имени?

Этотъ дѣлецъ и воротила крупнаго банка, вліятельный гласный въ думѣ, членъ многихъ благотворительныхъ обществъ и видный чиновникъ въ одномъ изъ министерствъ, былъ одно время довольно популяренъ въ Петербургѣ. Его можно было увидать утромъ въ своемъ банкѣ, между тремя и четырьмя на Невскомъ, въ биржевые дни на биржѣ, а вечеромъ въ первыхъ рядахъ на первыхъ представленіяхъ среди сливокъ петербургскаго общества,—всегда скромнаго, любезнаго, даже искательнаго, съ какой-то загадочной улыбкой на устахъ, всегда свѣженькаго, чистенькаго, благоухающаго и одѣтаго съ

особымъ солиднымъ шикомъ, по-англійски. Имя его довольно часто мелькало въ газетныхъ отчетахъ о разныхъ засѣданіяхъ, и репортеры нерѣдко прохаживались на его счетъ за его «ретроградныя» поползновенія и особенно за его предложеніе изгнать изъ думы представителей печати.

Онъ говорилъ не мало. То говорилъ въ думѣ рѣчь въ защиту какихъ-нибудь сомнительныхъ предложеній, то умилялся на какомъ-нибудь торжественномъ открытіи новаго пріюта, то защищалъ «питательную вѣтку» или «проводилъ» мысль о сліяніи земельныхъ банковъ въ обществѣ содѣйствія промышленности и торговли.

Это былъ видный банкократъ—одна изъ восходящихъ звѣздъ міра дѣльцовъ, прожекторовъ и пройдохъ. О немъ говорили: одни—какъ объ «умницѣ», ловкомъ, осторожномъ и благоразумномъ дѣльцѣ, другіе—какъ о неразборчивой на средства «шельмѣ», не безъ ума и не безъ образованія, но всѣ соглашались, что эта «умница» или «шельма» сдѣлаетъ блестящую карьеру и наживетъ большія деньги, не попавъ на цѣпуру. Разсказывали, что онъ умѣлъ очаровывать и безъ мыла влѣзать въ чужую душу, когда требовалось провести какое-нибудь «дѣльце» или привлечь къ сомнительному предпріятію какого-нибудь недовѣрчиваго капиталиста. Въ такихъ случаяхъ «припускали» всегда Николая Степановича Рудницкаго, и онъ «обработывалъ».

Въ мірѣ дѣльцовъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ и быстро шелъ въ гору. Начавъ свою карьеру, по выходѣ изъ университета, скромнымъ, незамѣтнымъ чиновникомъ, онъ скоро оставилъ департаментъ и сдѣлался бухгалтеромъ въ банкѣ. Затѣмъ онъ выдвинулся, обративъ на себя вниманіе финансовыми способностями, и черезъ нѣсколько лѣтъ ужъ былъ директоромъ банка. Онъ много работалъ, поднялъ дивиденды банка, устраивалъ не одну замысловатую комбинацію, мало-по-малу сталъ главнымъ воротилой и шелъ, казалось, вѣрными и твердыми шагами къ блестящей будущности милліонера, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, въ газетахъ появилось извѣстіе о крахѣ банка, въ которомъ орудовалъ Рудницкій.

Банкъ рухнулъ, и черезъ нѣсколько времени Рудницкій появился на скамьѣ подсудимыхъ въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица.

Обвинительный актъ нарисовалъ довольно пикантную картину нравовъ и далъ недурную характеристику главнаго героя. Слушая обвиненіе, вы видѣли, что этотъ умный, пронырливый, безпринципный человѣкъ не разсчиталъ всѣхъ

шансовъ и, воспользовавшись крупнымъ кушемъ, не замелъ слѣдовъ, по обстоятельствамъ отъ него не зависящимъ, и потому, только потому, попалъ въ объятія прокурора.

На судѣ онъ велъ себя отвратительно. Озлобленный позоромъ, злой на неудачу, онъ сваливалъ всю вину на своихъ товарищей, невмѣняемыхъ «божьихъ младенцевъ», слѣпо вѣрившихъ во всемъ своему вожаку, и старался разыграть роль невинной жертвы, пострадавшей за свое довѣріе къ людямъ. Какъ затравленный звѣрь, чующій близость гибели, онъ прибѣгалъ къ отчаяннымъ средствамъ: говорилъ чувствительныя тирады о своемъ патріотизмѣ, о святости основъ, имъ почитаемыхъ, и плакалъ, моля о пощадѣ.

Ни трогательныя тирады, ни слезы, ни блестящая по безстыдству рѣчь адвоката не убѣдили присяжныхъ. Улики были вѣски, виновность Рудницкаго не подлежала сомнѣнію, и матерой звѣрь былъ затравленъ. Его осудили.

Въ безпрерывной смѣнѣ новыхъ неосторожныхъ грабителей, появлявшихся на скамьѣ подсудимыхъ, о Рудницкомъ скоро забыли.

Имена новыхъ «героевъ» занимали публику. Лишь изрѣдка попадалось въ газетахъ имя Рудницкаго, какъ нарицательное имя.

Все это невольно припомнилось мнѣ, когда на слѣдующій день я шелъ обѣдать къ Петровскимъ.

III.

Въ то время, когда я знавалъ Петровскаго, это былъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ русскихъ интеллигентныхъ людей, къ которымъ какъ нельзя болѣе идетъ прозвище: «ни рыба ни мясо». Онъ былъ не особенно уменъ, но и не глупъ, немножко читалъ, немножко думалъ, особенно твердыхъ принциповъ не имѣлъ, но чтилъ извѣстныя традиціи и слегка либеральничалъ при «закрытыхъ дверяхъ», и главнымъ образомъ стремился къ покою съ приличнымъ окладомъ.

Онъ обрадовался встрѣчѣ, заговорилъ-было о прошломъ, но скоро перешелъ къ настоящему. Провинціальная сонная жизнь видимо положила на него свой отпечатокъ.

— Ну, какъ вы меня нашли? Порядочно я оскотинился?— спрашивалъ меня, смѣясь, Петровскій послѣ первыхъ взаимныхъ разспросовъ.

— Брюшко отростили изрядное...

— Брюшко — это что!.. А я, батюшка, водку нынѣ могу душить въ невѣроятномъ количествѣ, могу до одури играть въ винтъ и по цѣлымъ недѣлямъ ничего не читать... По име-

нинамъ ѣзжу, въ видахъ развлеченія... Ужъ такое здѣсь сонное царство... Все вокругъ располагаетъ къ мирному прозябанію... Да и чего кипятиться-то, какъ подумаешь?

Въ эту минуту въ кабинетъ, гдѣ мы болтали съ Петровскимъ, вошла Варвара Николаевна.

— А что̀ же твой Рудницкій? Видно, не будетъ? — рѣзко оборвалъ разговоръ Петровскій, взглядывая на часы.

— Еще трехъ часовъ нѣтъ.

— Вотъ, батюшка,—обратился онъ ко мнѣ, указывая движеніемъ головы на жену: — неисправимая идеалистка... Ее никакая провинція не беретъ... Если-бъ не она, такъ я бы давно совсѣмъ оскотинился. Во все еще вѣритъ... Даже въ невинность Рудницкаго вѣритъ... Сегодня цѣлое утро приставала ко мнѣ, чтобы я далъ ему мѣсто, и расписывала своего протеже.

— И что̀ же, убѣдила васъ Варвара Николаевна?

— Ну, убѣдить-то не убѣдила...

— Подожди, ты скоро убѣдишься, что онъ невиненъ...

— На это не надѣйся... Шельма изрядная твой Рудницкій, а мѣсто ему я, пожалуй, и дамъ. Все-жъ-таки онъ умный и дѣловой человѣкъ... Немножко, правда, неловко какъ-то брать къ себѣ такого гуся... Ну, да здѣсь мы неразборчивы... И не такихъ гусей принимаютъ... Денегъ у него на рукахъ не будетъ—слѣдовательно опасности нѣтъ!—прибавилъ, смѣясь, Петровскій.

— Ахъ, Алеша, какъ тебѣ не стыдно такъ говорить!

— Еще стыднѣе, Варя, обокрасть банкъ. Ну, ну, не буду!— шутливо замѣтилъ Петровскій и прибавилъ: — пойдемте-ка лучше—выпьемъ по рюмкѣ!

Ужъ мы съ хозяиномъ, въ ожиданіи гостя, выпили по двѣ, и ужъ сама Варвара Николаевна начинала безпокоиться, что нѣтъ Рудницкаго, какъ ровно за пять минутъ до трехъ онъ появился на порогѣ гостиной.

Онъ пріостановился на минуту, озирая присутствующихъ, и мягкой, неспѣшной походкой направился къ хозяйкѣ, распространяя вокругъ себя тонкую душистую струйку.

— Надѣюсь, я не провинился, не опоздалъ? — заговорилъ онъ и какъ-то особенно почтительно и ласково пожалъ руку хозяйкѣ, затѣмъ поздоровался съ Петровскимъ и поклонился мнѣ.

Насъ назвали другъ другу, и мы обмѣнялись рукопожатіями.

Вслѣдъ затѣмъ мы пошли обѣдать, и я не безъ любопытства продолжалъ разсматривать этого знаменитаго «бубноваго туза на покоѣ».

Онъ держалъ себя просто и скромно, съ тактомъ вида-

вшаго свѣтъ человѣка, и производилъ сегодня впечатлѣніе добродушнаго, смирнаго, тихаго старика. Привѣтливая улыбка сіяла на его умномъ, спокойномъ лицѣ съ глубокими бороздами, свидѣтельствовавшими о пережитыхъ буряхъ, и маленькіе сѣрые глазки глядѣли сквозь очки ласково и мягко. Въ его манерахъ, въ выраженіи лица проглядывало спокойное смиреніе человѣка, познавшаго тщету жизни и съ философскимъ достоинствомъ глядящаго на міръ божій.

Вначалѣ онъ говорилъ мало, очевидно, избѣгая занимать собою общество, и обращался преимущественно къ Варварѣ Николаевнѣ. Когда словоохотливый хозяинъ овладѣвалъ разговоромъ, Рудницкій слушалъ внимательно. Склонивъ чуть-чуть на-бокъ голову, онъ тихо покачивалъ ею въ знакъ одобренія и первый смѣялся его остротамъ.

Петровскій то и дѣло подливалъ намъ вина, не забывая, конечно, и себя. Рудницкій былъ воздерженъ, пилъ мало, ссылаясь на слабое свое здоровье, но нѣсколько рюмокъ вина сдѣлали его къ концу обѣда разговорчивѣе. Въ его разговорѣ сразу сказывался умный, бывалый человѣкъ, знающій свѣтъ и людей. Говорилъ онъ недурно, мягкимъ, тихо льющимся голоскомъ. Замѣчанія его были подчасъ мѣтки и остроумны. Онъ какъ-то ловко и незамѣтно попадалъ въ тонъ собесѣдника и очень тонко льстилъ слегка подвыпившему хозяину. Петровскій видимо добродушнѣе и ласковѣе относился къ Рудницкому послѣ обѣда, и Варвара Николаевна торжествовала.

Когда Петровскій съ Рудницкимъ заговорили о чемъ-то, Варвара Николаевна шепнула мнѣ:

— Ну, что... понравился онъ вамъ?

— Ловкая шельма!—чуть слышно прошепталъ я въ отвѣтъ.

Она съ нѣмымъ укоромъ взглянула на меня. Я въ эту минуту посмотрѣлъ на Рудницкаго и поймалъ его пытливый, зоркій взглядъ, устремленный на насъ. Въ этомъ взглядѣ не было и слѣда добродушія. Холодный, стальной, онъ точно пронизывалъ.

Рудницкій тотчасъ же отвелъ глаза и продолжалъ съ хозяиномъ бесѣду вполголоса.

Къ концу вечера Петровскій совсѣмъ былъ очарованъ Рудницкимъ и, отведя меня въ сторону, промолвилъ:

— А вѣдь, кажется, старикъ лучше, чѣмъ я думалъ...

— Понравился?—улыбнулся я.

— Въ немъ больше добродушія, чѣмъ я предполагалъ... И умница... Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, на него нападать... Ну, случился съ нимъ грѣхъ, онъ пострадалъ за него... Что

тамъ ни говорите, а жаль старика... Укатали сивку крутыя горки!

— Едва ли... Пустите-ка этакого козла въ огородъ—онъ вамъ покажетъ!

— Да вы что-жъ это?.. А еще гуманный человѣкъ! Не вѣрите, что ли, въ возможность раскаянія?

— Вѣрю, милѣйшій Алексѣй Петровичъ. Но только кающіеся люди не драпируются въ мантію непонятыхъ страдальцевъ и не плачутъ крокодиловыми слезами.

— А чортъ его знаетъ... Быть-можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ не такъ виноватъ!..

Я только засмѣялся въ отвѣтъ.

IV.

Позднимъ вечеромъ мы вышли съ Рудницкимъ отъ Петровскихъ. Узнавъ, что я пойду въ гостиницу пѣшкомъ, Рудницкій предложилъ идти вмѣстѣ.

— Что̀ за чудный вечеръ!—заговорилъ мой спутникъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.—Теплынь, тишина! Невольно вспоминаются иныя страны, иныя небеса... У насъ здѣсь такіе вечера—рѣдкость... Благодать да и только!

Онъ глубоко вздохнулъ полною грудью и поднялъ голову кверху.

— И какъ хорошо сегодня небо!—продолжалъ онъ въ томъ же мечтательномъ тонѣ, растягивая слова.—Полюбуйтесь, какъ ярко свѣтятся звѣздочки! Какъ хороша Венера!..

Я невольно вспомнилъ разсказъ Варвары Николаевны про любовь Рудницкаго къ птичкамъ и спросилъ:

— Вы, вѣрно, любите природу?

— Люблю ли я природу? — переспросилъ онъ такимъ тономъ, будто даже сомнѣніе въ этомъ было обидой для его чувствительной души.—Да что-жъ и любить-то, какъ не природу, полную великихъ тайнъ... Людей, что ли? — грустно усмѣхнулся онъ:—люди злы и безжалостны... Одна природа безпристрастна и на всѣхъ льетъ свои дары...

Этотъ тонъ въ устахъ Рудницкаго былъ для меня неожиданностью.

Я взглянулъ на него. Онъ шелъ, понуривъ голову, съ видомъ человѣка, подавленнаго думами, и молчалъ.

— Надолго вы въ наши палестины? — спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ... Черезъ три дня уѣду.

— Въ Россію?

— Да, въ Петербургъ...

— Завидую вамъ!—проговорилъ онъ.—Невеселы наши палестины. Не дай Богъ никому попасть сюда... Люди здѣсь грубые, некультурные... Духовные интересы для нихъ непонятны... Здѣсь пьютъ, играютъ въ карты и сплетничаютъ... Человѣку съ высшими потребностями, привыкшему къ иной жизни, къ инымъ нравамъ, тяжело... Вѣрите ли, не съ кѣмъ иногда перемолвиться словомъ... Вотъ только и отдыхаешь душой у Петровскихъ да еще въ одномъ семействѣ. Славные они оба, эти Петровскіе... Вы давно съ ними знакомы? — прибавилъ Рудницкій.

— Давно...

— Какъ они оба еще сохранили свѣжесть души!—восторженно проговорилъ мой спутникъ:—особенно эта милая Варвара Николаевна!.. Женщины, впрочемъ, вообще лучше нашего брата, — вставилъ Рудницкій. — Не будь здѣсь этихъ двухъ семей—пришлось бы разучиться говорить... Купцы — народъ невозможный... Чиновничество... тоже неособенно симпатично, да и многіе сторонятся отъ людей въ моемъ положеніи... Развлеченій порядочныхъ никакихъ... Отвратительный городъ, отвратительная страна!—угрюмо закончилъ Рудницкій.

Онъ выдержалъ паузу и продолжалъ:

— И знать, что вамъ предстоитъ навсегда здѣсь остаться! Навсегда въ этой трущобѣ!.. А, впрочемъ, вѣроятно, ужъ и недолго терпѣть!—грустно усмѣхнулся старикъ:—здоровье мое въ конецъ разстроено... Однако вотъ и гостиница... Простите, я разболтался... Здѣсь такая рѣдкость встрѣтить свѣжаго человѣка, и такъ хочется отвести душу, поговорить... Видно, старческая слабость...

Признаюсь, и мнѣ было любопытно послушать, что̀ будетъ говорить старикъ, и посмотрѣть, въ какой роли онъ явится передъ «свѣжимъ» человѣкомъ, и я попросилъ его зайти ко мнѣ.

Онъ охотно согласился.

Черезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли въ номерѣ за бутылкой краснаго вина, и мнѣ было дано настоящее представленіе съ самымъ неожиданнымъ финаломъ.

V.

— Да... Одиннадцать лѣтъ, какъ я живу въ этомъ городѣ... Одиннадцать лѣтъ одинокій, всѣми забытый... Легко сказать: одиннадцать лѣтъ, а каково прожить ихъ?..

Онъ прихлебнулъ вина и промолвилъ съ усмѣшкой:

— И все-таки находятъ, вѣроятно, что наказаніе мало для

такого... ужаснаго преступника... Для всѣхъ есть милосердіе, а для меня его нѣтъ... Многимъ разрѣшили вернуться... Другіе, видите ли, не столь виновны, а я, видно, въ самомъ дѣлѣ злодѣй!..—прибавилъ онъ и засмѣялся тихимъ, почти беззвучнымъ смѣхомъ.

При этомъ злобное, насмѣшливое выраженіе пронеслось по его блѣдному, худому лицу, засвѣтилось холоднымъ блескомъ въ глазахъ и искривило тонкія, безкровныя губы въ сардоническую улыбку. Что-то непріятное, мефистофелевское было въ этомъ старческомъ лицѣ.

— Вы развѣ хлопотали о возвращеніи?

— Три раза я подавалъ прошенія и всѣ три раза при самыхъ лучшихъ отзывахъ мѣстной администраціи, и каждый разъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Просьба мѣщанина изъ ссыльныхъ Рудницкаго не подлежитъ удовлетворенію»... Я вѣдь нынче имѣю честь носить званіе мѣщанина!—прибавилъ старикъ: — n-скій мѣщанинъ изъ ссыльныхъ... Это звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, не правда ли?..

— Но вѣдь вы можете переѣхать въ другой какой-нибудь городъ Сибири.

— Все та же Сибирь! Здѣсь хоть есть давность привычки... Я и просился только ради здоровья... Вѣдь если-бъ мнѣ и можно было уѣхать отсюда, я все равно вездѣ буду отверженцемъ... Вездѣ позоръ... Вездѣ станутъ шептать, указывая на меня: «Это тотъ самый Рудницкій, который ограбилъ банкъ»... И всѣ будутъ злорадствовать, и больше всѣхъ люди, которые, быть-можетъ, во сто разъ хуже меня... Это вѣдь обыкновенная исторія на свѣтѣ... Пока успѣхъ на вашей сторонѣ, вамъ готовы простить преступленіе, а чуть паденіе, быть-можетъ, и не заслуженное, вызванное не преступленіемъ, а ошибкой, довѣріемъ, пожалуй, и ошибочнымъ, но не преднамѣреннымъ,—подчеркнулъ онъ:—всѣ отвернулись, всѣ забыли, даже самые близкіе когда-то люди...

Рудницкій отпилъ еще глотокъ и продолжалъ:

— И знаете ли, что̀ больше всего возмущаетъ меня при этомъ?

— Что̀?

— Людское лицемѣріе... Всѣ кричатъ о какой-то общественной совѣсти, о какихъ-то нарушенныхъ правахъ!.. Какая это общественная совѣсть?.. гдѣ она? Кто отказался бы отъ положенія Ротшильда, хотя онъ, съ точки зрѣнія извѣстной морали, каждый день возмущаетъ общественную совѣсть и нарушаетъ чьи-нибудь права? А между тѣмъ про него не

кричать, кромѣ горсти безумцевъ, мечтающихъ исправить міръ... Онъ пользуется уваженіемъ; весь свѣтъ у его ногъ... Общественная совѣсть!?—усмѣхнулся злобно старикъ:—да изъ тысячи людей девятьсотъ девяносто девять наплевали бы на нее, если-бъ однихъ не удерживалъ страхъ наказанія, другихъ — просто глупость... А вѣдь всѣ кричатъ о совѣсти... О, Господи, какъ все это глупо и возмутительно! И послѣ этого развѣ можно не презирать людей!?—патетически воскликнулъ Рудницкій.

Онъ помолчалъ, налилъ себѣ вина и снова заговорилъ.

— Уѣхать!? Куда мнѣ уѣхать?.. Вѣдь у меня, ограбившаго банкъ, нѣтъ состоянія, чтобы замазать рты и заслужить уваженіе... Вы знаете ли, что, пріѣхавъ сюда, я, извѣстный грабитель, не зналъ, на что пообѣдать... Кто этому повѣритъ, не правда ли?—грустно усмѣхнулся Рудницкій.

Когда онъ говорилъ, голосъ его дрожалъ, казалось, искренними нотами. Я слушалъ и недоумѣвалъ. Къ чему эта комедія? Или, въ самомъ дѣлѣ, онъ, съ точки зрѣнія своеобразной философіи, считаетъ себя невинной жертвой?

Я молчалъ и ждалъ, что будетъ далѣе.

— Я старъ,—снова началъ онъ:—у меня нѣтъ даже надежды поправить свое положеніе, чтобы посмотрѣть, какъ эти самые люди, которые отвернулись отъ меня, снова станутъ находить, что я человѣкъ, обладающій всѣми добродѣтелями... И, каюсь, иногда я жалѣю, что не могу вернуть прежняго положенія... Каюсь, жалѣю и озлобляюсь... Да развѣ можно не озлобиться!?—воскликнулъ онъ съ раздраженіемъ.—Помилуйте... Тутъ всякое терпѣніе лопнетъ!.. Я думалъ: хоть здѣсь-то меня оставятъ въ покоѣ... Такъ нѣтъ... И здѣсь меня преслѣдовали.

— За что?

— А за то, что два года тому назадъ здѣсь былъ начальникъ, который имѣлъ доблесть дать мнѣ мѣсто и кусокъ хлѣба... Какъ можно! И поднялся кругомъ вой, пошли сплетни, будто я вліяю, будто играю роль... Появились въ этомъ жанрѣ корреспонденціи въ столичныхъ газетахъ... Вы развѣ не читали?

— Что-то помню...

— Уголовные ссыльные деморализируютъ общество... Отъ нихъ страдаетъ край... И все въ такомъ родѣ... И здѣшняя мерзкая газетка тоже стала тявкать... О, это была нескончаемая травля... Эти господа ненавидятъ людей порядочныхъ, благонамѣренныхъ, людей цивилизованныхъ и, главное, пріѣзжихъ... У нихъ вѣдь свой патріотизмъ... сибирскій... спе-

цифическій, какъ Петрушкинъ запахъ... Они тутъ въ такомъ случаѣ всѣ заодно...

И, точно вспомнивъ испытанныя имъ обиды, онъ началъ бранить Сибирь и сибиряковъ и въ особенности какую-то «шайку мучениковъ идеи» съ необузданной злобой. Онъ не говорилъ, а шипѣлъ съ какимъ-то угрюмымъ ожесточеніемъ завзятаго человѣконенавистника. Онъ поносилъ людей, не останавливаясь передъ клеветой, и въ то же время жаловался, что его не оставляютъ въ покоѣ.

Куда дѣвался добродушный, смирный «старичокъ», котораго я видѣлъ у Петровскихъ?

— Не удивляйтесь этому раздраженію! — проговорилъ онъ послѣ паузы, наливая новый стаканъ и залпомъ выпивая его. — Я не могу равнодушно говорить, какъ вспомню объ этомъ... Поймите только: одиннадцать лѣтъ тому назадъ меня позорилъ прокуроръ... почти годъ меня трепали всѣ газеты... Чего только ни говорили про меня! Я переносилъ все... Мое имя наконецъ забыли... И что же? За то, что мнѣ даютъ кусокъ хлѣба, въ меня снова летятъ комки грязи... Каждый писака, каждый недоучившійся молокососъ кричитъ о моемъ прошломъ... И за что же?.. за что?.. Что я имъ сдѣлалъ?

Онъ закрылъ лицо руками и нѣсколько времени молчалъ.

Когда наконецъ онъ поднялъ голову, на глазахъ его блестѣли слезы.

— И если-бъ еще я, въ самомъ дѣлѣ, былъ виноватъ, какъ разславили меня на всю Россію... Послушайте... Вы тоже недовѣрчиво отнеслись ко мнѣ... Я замѣтилъ... у Петровскихъ... Но если-бъ вы знали всю правду...

И Рудницкій, начинавшій немного хмелѣть, началъ разсказывать мнѣ свое дѣло, «какъ оно было въ дѣйствительности». Изъ его словъ выходило, что его напрасно обвинили, что онъ невиненъ, какъ ангелъ. Онъ, правда, сдѣлалъ ошибку, довѣрился другимъ и... попался, какъ куръ во щи...

Признаюсь, это было ужъ слишкомъ, и я замѣтилъ Рудницкому, что былъ на его процессѣ.

— Изволили быть?—переспросилъ онъ.

— Былъ...

— И, пожалуй, не вѣрите мнѣ? — проговорилъ онъ внезапно измѣнившимся тономъ, съ нескрываемой насмѣшкой.

Я молчалъ.

— Что-жъ вы не говорите?.. Вѣдь вы, кажется, изъ либераловъ? — ядовито усмѣхнулся онъ. — О, я отлично вижу, что не вѣрите... И знаете ли что? Вѣдь вы, пожалуй, и правы,

что не вѣрите!—вдругъ проговорилъ онъ, понижая голосъ, и засмѣялся своимъ тихимъ, непріятнымъ смѣхомъ. — Ей-Богу, правы, что не вѣрите!..

Я взглянулъ на Рудницкаго. Признаюсь, мнѣ рѣдко приходилось видѣть такое злое, отвратительное лицо. Оно какъ-то все съежилось и улыбалось скверной, циничной, насмѣшливой улыбкой, въ глазахъ сверкалъ злой огонекъ, и искривленныя губы дрожали.

— Еще бы вѣрить!? Не младенецъ же я былъ въ самомъ дѣлѣ и не дуракъ, мечтавшій объ акридахъ и медѣ, когда ворочалъ банкомъ и пользовался общимъ почетомъ?.. Ха-ха-ха... Я, батюшка, былъ поклонникомъ капиталистическаго строя... Ну, да... Я воспользовался случаемъ сдѣлаться сразу богатымъ, чтобы потомъ еще болѣе разбогатѣть... Изволите слышать?.. Воспользовался!—прошипѣлъ онъ, глядя на меня въ упоръ съ насмѣшливымъ видомъ. — И если-бъ не глупая случайность, я бы теперь былъ не мѣщанинъ изъ ссыльныхъ, а глубокоуважаемый Николай Степанычъ Рудницкій, тайный совѣтникъ и кавалеръ... И всѣ эти господа прокуроры считали бы за честь у меня обѣдать, и никто не смѣлъ бы заикнуться объ общественной совѣсти... Совѣсть!.. Это все «слова, слова, слова!», какъ говорилъ Гамлетъ... У всякаго своя совѣсть!.. Но я не разсчиталъ шансовъ, и... тотъ же многоуважаемый Николай Степанычъ внезапно разжалованъ въ малоуважаемые... Казни его за то, что онъ не разсчиталъ... Спасай общество отъ такого вреднаго члена... Ха-ха-ха!.. Да, не разсчиталъ... Дуракъ былъ, оселъ, и наказанъ за это... И, вы думаете, я раскаиваюсь? — прибавилъ онъ съ какимъ-то бѣшенствомъ.—Я злюсь... не оттого... Я злюсь на свою глупость... Ну, вотъ вамъ... Довольны признаніемъ?.. Опишите, если будетъ угодно... Довольно любопытно будетъ прочесть... Такъ не вѣрите?.. Ха-ха-ха... А я думалъ, повѣрите... Надѣюсь, я правъ вашихъ не нарушалъ?.. Вкладовъ у васъ не было въ банкѣ?.. Или были?.. Ну, въ такомъ случаѣ очень жаль... Весьма жаль... А затѣмъ имѣю честь кланяться... Руки не протягиваю въ видахъ торжества общественной совѣсти... Вотъ, когда буду Ротшильдомъ, тогда милости просимъ... ко мнѣ... Я васъ угощу чуднымъ виномъ, не то что̀ эта кислятина... Надѣюсь однако, что у Петровскихъ вы мнѣ не повредите... Не правда ли?.. Вѣдь тамъ не лежитъ милліона... А вѣдь мнѣ, старику, все-таки пить и ѣсть надо... Надѣюсь, общественная совѣсть не возбраняетъ...

И съ этими словами Рудницкій ушелъ.

VI.

Прошелъ годъ со времени этого страннаго свиданія. О Рудницкомъ я ничего не слыхалъ, какъ вдругъ получаю отъ Петровскаго письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, сообщалъ, что старикъ попрежнему служитъ у него и собирается издавать съ кѣмъ-то газету.

«Это будетъ,—по словамъ Рудницкаго,—органъ честныхъ русскихъ людей». «Эта идея тѣшитъ бѣднаго старика»,—прибавлялъ Петровскій.

Рудницкій въ роли руководителя общественнаго мнѣнія!?

Это ужъ было совсѣмъ неожиданной новостью, хотя и не невѣроятной по нынѣшнимъ временамъ.

НА УРОКѢ.

I.

Глухая осень. Дождь зарядилъ съ ночи и мелкой дробью барабанитъ по крышамъ и окнамъ. Пасмурное, мокрое, петербургское утро, такое, когда, ворча и хмурясь, съ неохотой разстаешься съ теплою постелью, гонимый нуждою на мокрую улицу.

Сумрачно показалось утро на улицѣ, но еще сумрачнѣй заглянуло оно въ узкій переулокъ на Петербургской Сторонѣ и пробралось черезъ мокрый сѣрый заборъ въ небольшую комнату надворнаго строенія. Сѣрымъ полусвѣтомъ освѣтило оно бѣдную обстановку въ комнатѣ: столъ, прислонившійся къ стѣнѣ, о трехъ ножкахъ, этажерку съ книгами и маленькій клеенчатый диванчикъ... На немъ, свернувшись клубкомъ, лежалъ молодой человѣкъ, покрытый шинелью.

Изъ себя молодой человѣкъ худощавъ, чуть-чуть блѣденъ. Глаза неглупые, сѣрые съ блескомъ; волосы темные, кудреватые, откинулись назадъ, оставляя открытымъ большой широкій лобъ. Общее впечатлѣніе: энергичное, хорошее лицо съ добродушной, нѣсколько лукавой улыбкой, показывающей въ характерѣ долю юмора.

Ворошиловъ только-что проснулся. Онъ протеръ глаза, приподнялся и взглянулъ въ окно. Увидавъ дождь, Ворошиловъ слегка помощился и, взявъ съ полу сапоги, внимательно ихъ осмотрѣлъ. Подметки на сапогахъ были истерты, и огромныя дыры на каждомъ сапогѣ зіяли темными пропастями.

— Эка, какъ скоро носятся!—проговорилъ Ворошиловъ и сталъ одѣваться.

Скоро Ворошиловъ былъ готовъ. Исправивъ свое старенькое, много поношенное платье, молодой человѣкъ подошелъ къ этажеркѣ и не безъ аппетита принялся за ломоть ситника.

«Чай, Агаѳья опять самоваръ предложитъ!»—подумалъ онъ.

И только-что пробѣжала эта мысль, какъ въ комнату вошла кухарка Агаѳья и сказала:

— Давать, что ли, самоваръ?

— Нѣтъ, Агаѳья, не давать. Что-то не хочется сегодня чаю.

Однако Агаѳья заподозрѣла искренность отказа. Она находила нѣсколько страннымъ не желать по утрамъ (особенно по такимъ сырымъ, холоднымъ утрамъ!) горячаго чаю или кофе, а жилецъ (вспомнила Агаѳья) вотъ уже дней съ десять какъ на вопросы Агаѳьины: «давать ли самоваръ?»—отвѣчалъ: «не хочется».

Агаѳья нерѣшительно мялась на порогѣ. Ея рябое, покрытое оспенными ямками, рыжеватое, доброе лицо выражало нѣкоторую внутреннюю борьбу. Заскорузлые ея пальцы вовсе безъ пути шмыгали по стѣнѣ, а глаза—тусклые, старые такіе глаза!—не въ мѣру часто моргали.

— Вы бы, Николай Николаичъ, — наконецъ сказала кухарка:—выпили бы чайку, право. У меня чай и сахаръ есть, коли не побрезгуете. Лишніе!—добавила старуха.

— Спасибо, Агаѳья. Не хочется.

— Вѣдь этакъ и заболѣть недолго. Встамши, надо горячее. Безъ горячаго—нельзя.

— Можно! — улыбнулся Ворошиловъ. — Вотъ на урокъ пойду—тамъ выпью.

— Ну, какъ знаешь!—съ сердцемъ воркнула Агаѳья и вышла вонъ.

На кухнѣ Агаѳья стала чистить сапоги другимъ жильцамъ и вспомнила про то, что у Ворошилова сапоги худы.

«Эка сиротливый!..»—подумала кухарка.

Молодой человѣкъ внушалъ Агаѳьѣ большое участіе, и она словно бы мать заботилась о Ворошиловѣ. То безъ просьбы съ его стороны латочку къ его жилеткѣ прикинетъ, то украдкой рубашку ему выстираетъ, то—случалось—побольше дровецъ въ его комнату принесетъ, несмотря на хозяйкину воркотню. Агаѳья сама была одинокая старуха — родные были далеко, въ Пермской губерніи—и искренно жалѣла одинокаго Ворошилова.

— И не даетъ Богъ ему счастія!.. Все доброта!—не безъ злобы къ этому качеству, проговорила Агаѳья и остановилась чистить сапоги.

Съ минуту она раздумывала. Потомъ подошла къ своей кровати, оглядываясь, достала изъ-подъ нея маленькій крас-

ный сундучишко и, снявъ съ образка ключъ, отперла сундукъ. Въ Агаѳьиномъ сундукѣ было много всякой дряни, которую тѣмъ не менѣе Агаѳья очень берегла и не безъ гордости звала своимъ имѣніемъ. Имѣніе это было разнообразно; въ сундукѣ была всякая всячина: старый подсвѣчникъ изъ томпаковой мѣди, нѣсколько тряпья, дырявая тальма, нѣсколько изорванныхъ дѣтскихъ сорочекъ, бронзовая цѣпочка, купленная нѣсколько лѣтъ тому назадъ для нѣкоего городового, обѣщавшаго на ней жениться, двѣ-три пустыхъ помадныхъ банки, словомъ, немало всякаго хлама, собраннаго Агаѳьей во время мыканья «по людямъ». Раскопавъ этотъ хламъ, Агаѳья добралась до завѣтнаго уголка и вытащила оттуда старое порыжѣлое портмоне. Въ немъ было на десять рублей бумажками и рубля на три мелочи. Агаѳья, крадучись, пересчитала деньги, прикопленныя нѣсколькими годами подневольнаго житья, и тутъ же ей вспомнилось:

— Кабы не этотъ рыжій дьяволъ, было бы шестнадцать рублей!.. Эхъ, мазурики!

Воспоминаніе это относилось, конечно, къ городовому, который, занявъ у Агаѳьи три рубля и поклявшись передъ образомъ, что на будущей же недѣлѣ женится, мало того что не женился и не отдалъ денегъ, но даже съ тѣхъ поръ и не показывался на глаза.

— Безъ нихъ и лучше! По крайности имѣніе цѣлѣе будетъ!—вздохнула Агаѳья, пересматривая свои капиталы.

Сперва кухарка отложила на кровать синенькую съ твердою рѣшимостью въ глазахъ, но черезъ минуту сердце ея сжалось тоской. Она жалобно посмотрѣла на пятирублевую бумажку, словно бы, разставаясь съ ней, она разставалась съ любимымъ ребенкомъ изо всего семейства.

— Довольно съ него и трехъ! — блеснуло въ Агаѳьиной головѣ, и кухарка положила пятирублевую бумажку обратно въ портмоне.

Бережно уложивъ имѣніе и замкнувъ сундучишко, Агаѳья положила зелененькую въ карманъ и нѣсколько робко вошла въ комнату Ворошилова.

— Николай Николаичъ. А что̀ я вамъ скажу? — начала Агаѳья.

— А что̀, Агаѳьюшка?—спросилъ Ворошиловъ.

Кухарка опять заметалась и стала снова безъ пути скрести пальцами о стѣну.

— Я бы васъ, Николай Николаичъ, попросила... (Тутъ Агаѳья поперхнулась, точно у нея кусокъ въ горлѣ засѣлъ). Я говорю, Николай Николаичъ, что такъ какъ теперича...

Но только вы... (Агаѳья рѣшительно стала заикаться, и ея добрые глаза моргали безъ зазрѣнія совѣсти). Зачѣмъ же быть гордыми? Я, то-исть, отъ сердца... И самъ Господь Богъ повелѣлъ... Возьмите вотъ три рубля!—наконецъ выговорила старуха и, вся покраснѣвшая, подала дрожащей рукой бумажку Ворошилову.

Молодой человѣкъ ничего не сказалъ, только пожалъ Агаѳьину руку и замѣтилъ спустя нѣсколько времени:

— Спасибо, Агаѳья. Только, чай, у васъ у самой не густо денегъ?

— Есть еще. Только вы, Николай Николаичъ, не обидьте. Отдадите, когда Богъ поможетъ.

Капли пота струились по лицу кухарки, когда она вышла изъ комнаты къ себѣ на кухню. Точно она какое-то трудное дѣло свершила. Но, свершивъ его,—она боялась, что Ворошиловъ откажется, — она повеселѣла и весь остальной день сносила хозяйкину воркотню, не огрызаясь, хотя огрызаться была мастерица, и даже вычистила маленькому хозяйскому сынишкѣ башмаки, что̀ дѣлала крайне рѣдко и что̀ свидѣтельствовало о ея добромъ расположеніи духа.

Ворошиловъ ходилъ изъ угла въ уголъ и только повторялъ:

— Экая деликатная! И откуда только набралась она этой тонины!

Потомъ подошелъ къ столу и заглянулъ въ свою расходную книжку. Въ ней было изображено слѣдующее:

Расходы (примѣрные) на ноябрь.

Матушкѣ отослать	5 р.	
За квартиру.	6 »	
На столъ	5 »	
Фуражку новую	1 »	
Сапоги	3 »	
На покупку книгъ	3 »	
Четверку чаю	— »	25 к.
Три фунта сахару	— »	50 »
Стирка бѣлья	— »	75 »
Табакъ и гильзы	— »	75 »
За чтеніе въ библіотеку .	— »	50 »
Уплатить долгу	2 »	— »
Разные расходы	3 »	— »
Итого. . .	30 р.	75 к.

— Надо сократить расходы! Эхъ, кабы Буковнинъ далъ сегодня денегъ!—подумалъ молодой человѣкъ.

Немного спустя Ворошиловъ шелъ на урокъ, на Англійскій проспектъ. Дождь не унимался и заставлялъ молодого человѣка прибавить шагу. Черезъ часъ Ворошиловъ позвонилъ у дверей квартиры Петра Ивановича Буковнина.

II.

Семейство Буковниныхъ сидѣло еще за самоваромъ, когда въ столовую вошелъ Ворошиловъ. Петръ Иванычъ—пожилой господинъ, лѣтъ 45-ти, въ халатѣ, съ сигарой въ зубахъ, поспѣшилъ привѣтливо пожать Ворошилову руку и добродушно пригласилъ его выпить чаю.

— На дворѣ холодно. Вы, Николай Николаевичъ, вѣрно, озябли,—замѣтилъ онъ и обратился къ женѣ:

— Соня! Налей-ка поскорѣй Николай Николаевичу чаю...

Молодая и красивая брюнетка въ бѣломъ пеньюарѣ налила чаю и, подавая молодому человѣку, улыбнулась и сказала:

— Смотрите, не обожгитесь. Горячій!..

— Не обожгусь!..

— Ну, батенька, каково мои гвардейцы успѣваютъ? Только вы не хвалите ихъ, а правду говорите.

Два маленькіе мальчика—сыновья Буковнина—посмотрѣли на Ворошилова и покраснѣли.

— Небось, заранѣе стыдно, что Николай Николаевичъ побранитъ?—засмѣялся Петръ Ивановичъ.

— Ничего. Учатся хорошо,—отвѣтилъ Ворошиловъ.

— Ну, а Соня какъ?..—спросилъ Буковнинъ.

— Софья Ивановна только присутствуетъ при урокахъ...

— И меня, Pierre, въ ученицы записалъ?..—надула губки молодая дама.

— Усердна ужъ очень стала... Видно, охота учиться!—нѣсколько сухо сказалъ мужъ.

Ворошиловъ хотѣлъ-было отвѣтить, что Софья Ивановна не учится, а только ему мѣшаетъ, но промолчалъ и усердно допилъ свой стаканъ.

Черезъ нѣсколько времени дѣти съ Ворошиловымъ пошли въ классную комнату. Скоро туда пришла и Софья Ивановна.

Ворошиловъ и не подозрѣвалъ, что имѣлъ несчастіе понравиться молодой женщинѣ. Правда, онъ нѣсколько удивился и даже сконфузился, когда, мѣсяца три тому назадъ, Софья Ивановна пришла въ классную комнату и просила позволенія присутствовать при урокахъ. «Вѣрно, отъ скуки»—подумалъ Ворошиловъ и спокойно продолжалъ урокъ. Но,

когда Софья Ивановна и на слѣдующій день пришла въ классную, Ворошиловъ даже нѣсколько осердился. «Чего ей надо? Ужъ не за благонамѣренностью ли уроковъ наблюдать?» Но барыня продолжала аккуратно приходить на уроки и сидѣла очень смирно. Мало-по-малу Ворошиловъ привыкъ къ присутствію молодой женщины и не обращалъ на нее вниманія.

Разъ только онъ замѣтилъ, что молодая женщина на него пристально смотритъ. Онъ взглянулъ на нее. Она сконфузилась.

Что-то неопредѣленное, не то насмѣшка, не то сочувствіе, промелькнуло у Ворошилова.

«Какой красивый однако этотъ учитель!»—подумала Софья Ивановна.

И молодая женщина стала мечтать далѣе. Конечно, мечты эти касались молодого человѣка. Софья Ивановна мысленно сравнивала красивую молодую фигуру Ворошилова съ толстымъ, не совсѣмъ уклюжимъ, сѣдоватымъ Петромъ Ивановичемъ и находила, что Ворошилову было бы лучше на мѣстѣ Петра Ивановича. «Если-бъ его одѣть въ мужнинъ мундиръ да повести на балъ, онъ бы произвелъ впечатлѣніе... Экіе у него густые волосы!»

— Да не такъ!—раздался голосъ Ворошилова, внимательно слѣдящаго за задачей.—Ну, помножьте дробь на дробь. Какъ помножить дробь на дробь?..

— Надо числителя одной дроби помножить на знаменателя другой...—запищалъ мальчуганъ.

«Все дроби на умѣ! Экій медвѣдь! На меня и не смотритъ!»—подумала Софья Ивановна.

Ворошиловъ поднялъ голову, встрѣтился со взглядомъ молодой женщины и невольно проговорилъ про себя:

— Чего она все...

И продолжалъ разсказывать о дробяхъ. Впрочемъ, искоса раза два взглянулъ на молодую женщину.

«Хороша!»—промелькнуло у него въ головѣ.

— Что же дальше будетъ?—спросилъ онъ у ученика.

Брюнетка улыбнулась, точно этотъ вопросъ относился къ ней.

«Въ самомъ дѣлѣ, что-жъ дальше будетъ? — подумала она. — А ничего. Отчего-жъ и не пококетничать съ этимъ медвѣдемъ?»—пронеслось въ ея хорошенькой головкѣ.

Ворошиловъ хмуро сидѣлъ за урокомъ, а Софья Ивановна, какъ нарочно, все улыбалась да шутила.

— Отчего вы все моихъ пасынковъ мучите, Николай Николаевичъ?

— Какъ мучу?..

— Да такъ. Все уроки да уроки. Вы бы что-нибудь веселѣй умноженія разсказали.

— Петръ Ивановичъ мнѣ не за сказки деньги платитъ!— проговорилъ Ворошиловъ и продолжалъ занятія.

Софья Ивановна нѣсколько времени помолчала и потомъ спросила:

— Неужто, мосье Ворошиловъ, у васъ все математика на умѣ?

— Нѣтъ, не все!..

— А я думала, что только математика!—проговорила молодая женщина и разсмѣялась.

«Кокетничаетъ! — подумалъ Ворошиловъ... И если мужъ ревнивъ...»

— Впрочемъ, я уйду... я вамъ мѣшаю!.. — снова начала Софья Ивановна.

— Да. Время на разговоры уходитъ...

— Ну, я буду сидѣть смирно... Дѣти! И вы сидите смирно и слушайте ученаго человѣка.

Когда кончился урокъ и Ворошиловъ было-хотѣлъ уходить, Софья Ивановна остановила его и сказала:

— Куда-жъ вы, ужъ бѣжать?

И такъ ласково взглянула на него.

— Пора домой!—отвѣчалъ молодой человѣкъ и снова подумалъ:—«А вѣдь хороша эта кокетка!»

Ворошиловъ шелъ домой недовольный. Во-первыхъ, у Петра Ивановича онъ не спросилъ денегъ—какъ-то не пришлось,— а во-вторыхъ, вмѣсто математическихъ выкладокъ, которыя предстояло ему сдѣлать дома (онъ былъ студентъ математическаго факультета), въ голову его лѣзла «все несообразность», какъ онъ въ сердцахъ назвалъ образъ красивой женщины, закрадывавшійся, помимо его воли, въ голову.

— Экій я глупый! Ну что изо всего этого выйдетъ? — поставилъ онъ себѣ ясный вопросъ, придя домой.

И въ тотъ же вечеръ отвѣчалъ на него, разсмѣявшись:

— Всего вѣрнѣй, что добрѣйшій Петръ Иванычъ откажетъ мнѣ отъ урока, и тогда опять зубы на полку... Надо держать ухо востро!..

Въ тотъ же самый вечеръ Петръ Иванычъ, сидя за вечернимъ чаемъ, очевидно, былъ не въ духѣ и косо глядѣлъ на жену. Сперва онъ, было, ничего не хотѣлъ ей говорить, но наконецъ не выдержалъ и сказалъ:

— Соня!.. Неужели тебѣ не надоѣло сидѣть въ классной?..

— А это тебѣ мѣшаетъ, Pierre?

— Это мнѣ, Соня, не нравится!..

— А отчего? позвольте васъ спросить,—улыбнулась Софья Ивановна.

— Оттого...—сконфузился Петръ Ивановичъ:—оттого... Ну, я этого не хочу!..

— Опять сцена ревности?—подсмѣялась жена.

— И ты не будешь сидѣть, или я откажу Ворошилову! — вспылилъ Петръ Иванычъ и, отодвинувъ стаканъ, быстро всталъ со стула и пошелся въ кабинетъ, гдѣ долго просидѣлъ, задумавшись.

III.

На другой день Ворошиловъ сидѣлъ на урокѣ суровѣй обыкновеннаго и, когда явилась Софья Ивановна, онъ ей поклонился и затѣмъ ни разу на нее не взглянулъ. Когда она спросила его: «отчего онъ такой сердитый?», онъ довольно сухо отвѣтилъ, что не совсѣмъ здоровъ, и продолжалъ объяснять ученикамъ положеніе городовъ на картѣ. А Софья Ивановна, какъ нарочно, облокотилась на руки и упорно глядѣла на Ворошилова.

«Экая безпокойная! — подумалъ молодой человѣкъ. — Тебѣ хорошо шутить, а мнѣ вѣдь отъ уроковъ откажутъ!»

«И не взглянетъ медвѣдь!» — думала молодая женщина и продолжала кокетничать, довольная, что убьетъ часа два времени.

Отворилась дверь, и вошелъ Петръ Иванычъ. Онъ былъ краснѣе обыкновеннаго и нѣсколько смутился, подавая руку Ворошилову. Буковнинъ сердито взглянулъ на жену и спросилъ Ворошилова:

— Что, Николай Николаевичъ, успѣваютъ молодцы?

— Успѣваютъ!

— Скоро и въ гимназію можно... Соня!—обратился Петръ Иванычъ къ женѣ.—Ты бы пошла распорядилась, тебя поваръ ждетъ въ столовой...

Молодая женщина улыбнулась и вышла изъ комнаты. Петръ Иванычъ, понуря голову, пошелся за ней, потрепавъ по щекамъ обоихъ сыновей.

«Рѣшительно потеряю урокъ. Петръ Иванычъ ревнуетъ. При чемъ же я-то тутъ?..»—подумалъ Ворошиловъ.

А въ столовой въ это время шла супружеская сцена:

— Софья Ивановна! Вы хотите, чтобъ я отказалъ Ворошилову?

— Опять?—упрекнула жена.

— Да, опять! Это стыдно!

— Что̀ стыдно?

— Да сидѣть съ нимъ...

— Ха-ха-ха... Вотъ Отелло!..

— Къ чему же вы меня раздражаете?..

— А къ чему вы мнѣ мѣшаете учиться?

— Не говорите вздору... Онъ вамъ нравится.

— А хоть бы и нравился?..

— Софья Ивановна!—крикнулъ мужъ.

— Петръ Иванычъ!—отвѣтила жена.

— Если завтра я васъ увижу въ классной...

— Что̀ тогда?

— Ты увидишь!—крикнулъ разсердившійся мужъ и хлопнулъ дверью.

IV.

«Ну, слава Богу, нѣтъ ея сегодня!» — подумалъ Ворошиловъ, усаживаясь на слѣдующій день съ дѣтьми за столъ и приготовляя тетрадки для диктовки.

— Ну, господа, готовы?—спросилъ онъ мальчиковъ.

— Готовы!

— Пишите: *У бурмистра Власа...* «Вѣрно, послѣ бала спитъ и хорошо дѣлаетъ!» Написали?

— Власа...—повторили дѣти.

— *Бабушка Неила...* «Сегодня попрошу у Петра Иваныча десять рублей!—мечталъ Ворошиловъ.—Вѣрно, дастъ, завтра первое число!..» *Починить избушку...* «Куплю сапоги... Этотъ старшій туповатъ!..» *Лѣсу попросила...* Точка.

Изъ спальни послышались рыданія.

— *Лѣсу попросила...* Написали?—громко повторилъ Ворошиловъ. «Вѣрно, семейная драма!—подумалъ онъ.—Петръ Иванычъ съ Софьей Ивановной вовсе не пара!»

Изъ-за двери доносился рѣзкій голосъ Буковнина. Слышались отрывочныя фразы:

— Я отъ жены требую... Я васъ взялъ въ одной юбкѣ... Я не позволю шутить!

— *Отвѣчалъ, нѣтъ лѣсу...*—диктовалъ Ворошиловъ.

— Вѣдь это Богъ знаетъ что̀! — раздавался голосъ въ спальнѣ.—Постыдитесь!..

Рыданія становились сильнѣй.

— «Шибкая сцена ревности...» *И не жди, не будетъ,*—громко произнесъ Ворошиловъ, желая показать, что онъ ничего не слышитъ.

— Скандалъ въ домѣ! Вѣшаться на шею!.. Дѣти! — бушевалъ голосъ Буковнина.

Нѣтъ отвѣта. Слезы.

— «Минуй меня сія чаша!..» *Вотъ пріидетъ баринъ,*—продолжалъ Ворошиловъ еще громче.—Написали?..

Но дѣти остановились, и младшій замѣтилъ:

— Это папа мамашу бранитъ?

— Пишите же: *вотъ пріидетъ баринъ...*

Но мальчикъ не слушалъ и продолжалъ:

— Папа иногда сердитый бываетъ...

Въ спальнѣ стихло. Дѣти продолжали диктовку. Когда урокъ былъ оконченъ, лакей попросилъ Ворошилова въ кабинетъ къ Петру Ивановичу.

Когда Ворошиловъ вошелъ въ кабинетъ, Петръ Иванычъ заговорилъ смущеннымъ голосомъ, опустивъ глаза внизъ:

— Вы извините меня, Николай Николаевичъ... Но я нашелъ болѣе удобнымъ... Конечно, вы прекрасно преподаете, но я бы хотѣлъ...

Буковнинъ остановился и жалобно взглянулъ на Ворошилова.

— Я бы хотѣлъ...

— Вы, вѣроятно, желаете опредѣлить дѣтей куда-нибудь въ заведеніе? — пришелъ къ нему на помощь Ворошиловъ.

— Да... именно!..—весело сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Такъ я больше не приду...

— Извините меня... такъ внезапно...

— Что-жъ дѣлать! Имѣю честь кланяться!..

— Прощайте, Николай Николаичъ, мнѣ, право, совѣстно... но только дѣтей въ заведеніе пора!..

И, когда Ворошиловъ ушелъ за двери, у Буковнина точно гора съ плечъ свалилась, и онъ сказалъ:

— Баста учителей приглашать! Какъ разъ жена сбѣжитъ, какъ описываютъ въ романахъ.

V.

«Разыгралось-таки драматическое представленіе»,—думалъ Ворошиловъ, возвращаясь на Петербургскую Сторону. Дождь хлесталъ ему прямо въ лицо, но онъ не замѣчалъ этого, думая о случившемся.—«Эка кого приревновалъ! А я-то чѣмъ виноватъ? Опять ищи уроковъ! Фу, ты!»

И Ворошиловъ даже выругался.

Вернувшись домой, Ворошиловъ сѣлъ писать письмо къ матери, въ которомъ извинялся, что третьяго числа она не получитъ ежемѣсячно посылаемыхъ пяти рублей. «Случай

такой вышелъ,—писалъ онъ: — нежданно-негаданно отказали отъ урока, но ты, матушка, не безпокойся: я опять найду урокъ; только постараюсь найти урокъ тамъ, гдѣ жена любитъ мужа и съ нашимъ братомъ, голякомъ, не балуется». Затѣмъ, въ письмѣ, Ворошиловъ не безъ юмора разсказалъ о случившемся и прибавилъ: «Вѣрно, супруги помирятся, и барыня плакать не будетъ, а успокоится, найдя отраду своему сердцу въ болѣе изящномъ юношѣ, чѣмъ твой сынъ. Опытъ заставитъ ее обманывать своего мужа остроумнѣе».

Въ тотъ же день Ворошиловъ пошелъ къ пріятелямъ и разсказалъ о своемъ горѣ. Пріятели обѣщали сыскать урокъ.

Съ полмѣсяца поголодалъ онъ и хоть утверждалъ, что чаю не хочется, тѣмъ не менѣе Агаѳья заставляла его пить *лишній* ея чай и изрѣдка приносила ему обѣдать.

Черезъ полмѣсяца Ворошиловъ получилъ урокъ за тридцать рублей въ мѣсяцъ и снова ожилъ. Живетъ онъ попрежнему впроголодь и скоро будетъ держать экзаменъ. Такъ живутъ многіе изъ учащихся молодыхъ людей. Еще хуже живутъ! Куда хуже!

ПЕТЕРБУРГСКІЯ КАРЬЕРЫ.

Агаѳья.

I.

Въ одной изъ избъ небольшой деревеньки Тверской губерніи собирали въ столицу молодую бабенку Агаѳью. Старуха-мать уже набила Агаѳьину котомку разнымъ скарбомъ и засовывала туда еще сырники и небольшіе сѣроватые хлѣбцы... Дѣлая это дѣло, старуха лила обильные потоки слезъ, взглядывая на дочь, молчаливо сидѣвшую на лавкѣ. Отецъ молчалъ. На его хмуромъ лицѣ не замѣтно было никакого волненія. Онъ словно безъ всякаго смущенія глядѣлъ на отъѣздъ дочери. Только изрѣдка онъ посматривалъ на Агаѳью и, замѣчая на лицѣ ея нѣкоторый страхъ, тихо говорилъ:

— А ты, Агаѳья, не бойсь... Перво, какъ въ Питеръ прибудешь, обратись къ Никону, въ Ямской. Такъ и спроси, молъ, Никона, извозчика тверского... Тутъ у тебя прописано на бумажкѣ... Онъ тебя научитъ... Не бойсь!.. — ободрялъ старикъ.

Агаѳья не говорила ни слова. Въ ея воображеніи Питеръ представлялся какимъ-то кромѣшнымъ адомъ, гдѣ люди чуть ли не поѣдаютъ другъ друга. Ея страху немало способствовали разсказы односельцевъ, особенно разсказы о ловкихъ петербургскихъ мазурикахъ. Она воображала, что только пріѣдетъ въ этотъ ужасный городъ, какъ немедленно мазурики возьмутъ у нея единственную ея «пятишницу». Затѣмъ (подсказывало ей воображеніе) что-нибудь особенное да случится... Что̀ такое именно, Агаѳья никакъ не могла вообразить, но въ ея головѣ рисовался рядъ неясныхъ, страшныхъ картинъ.

— Готово?—спросилъ старикъ.

— Сейчасъ!.. Эко ты поспѣшный какой! — воркнула старуха.—Дѣтище вѣдь свое!

— Нечего возжаться-то... Вонъ и Микита идетъ.

Въ избу вошелъ пожилой мужикъ Никита и, перекрестившись, спросилъ:

— Собрали?

— Собрали,—промолвилъ отецъ.

Всѣ присѣли на лавку. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, молча стали молиться на образа.

— Ну, съ Богомъ, Агаѳья... Прощай. Смотри... въ Питерѣ не балуй... Такъ и ступай къ Никону... Помни, Ямская... Пиши, когда на мѣсто поступишь. — Прощай, Агаѳьюшка... берегись Питера-ту... Страсть онъ для бабы!.. Рубахи-то не потеряй... Сырники... Прощай, родненькая!..

Агаѳья простилась съ отцомъ и матерью, сѣла съ Никитой въ сани, и сѣрая клячонка поплелась, увозя ихъ отъ деревни. Нѣсколько времени путники сидѣли молча. Наконецъ Агаѳья спросила:

— Дядя Микита... А чай, тамотка страсти?

— Не бойсь, баба!—утѣшалъ ее Никита, хотя и онъ, никогда не бывавшій въ столицѣ, полагалъ, что тамъ страсти.

— Главное дѣло,—продолжалъ онъ:—Никона сыщи... Онъ весь Питеръ знаетъ. Первый извозчикъ!

— А мазурики?! Нешто ты не слыхалъ, какъ Левонтій про нихъ разсказывалъ.

— Богу чаще молись! Опять же Никонъ... Онъ все знаетъ.

— Страшно, дядя... городъ-то, сказываютъ, о-о-охъ.

— Извѣстно, Питеръ—столица.

Къ вечеру путешественники приплелись къ Окуловской станціи. Никита сталъ брать билетъ для Агаѳьи. Въ это время машина взвизгнула. Агаѳья вздрогнула.

— Не бойсь!—утѣшалъ Никита.—Главное, Богу почаще молись... Прощай... да на чугункѣ-то осторожнѣй...

Раздался звонокъ, и Агаѳью втолкнули въ вагонъ. Тамъ шелъ храпъ и визгъ. Вошедшіе стали искать мѣстъ, но мѣстъ не оказывалось. Вошелъ кондукторъ и кое-какъ распихалъ новоприбывшихъ по скамейкамъ. Сѣла и Агаѳья. Машина тронулась.

— Охъ... Господи!—крикнула Агаѳья и стала креститься.

Испуганная, она такъ всю ночь и не спала. На утро немного попривыкла. Однако выходить на станціяхъ боялась. «Кто его знаетъ,—думала она:—а какъ онъ меня оставитъ!» Такъ до самаго Петербурга не вставала съ мѣста.

— Вы какія будете?—спросилъ ее сосѣдъ-лакей.

Агаѳья испугалась и крѣпко къ груди прижала пятишницу.

— Деревенски будемъ!

— Ха-ха-ха... Вы въ столицу первый разъ, значитъ?..

— Въ первой.

— Значитъ, вы не знаете, какъ у насъ тамъ жить?.. Теперича я служилъ по мѣстамъ и, могу сказать, нонче оченно трудно, потому на кого попадешь...

— Это такъ!—подхватилъ кто-то.

— И вотъ что̀ я вамъ скажу,—продолжалъ лакей, повидимому, ни къ кому не обращаясь:—все зависитъ отъ того, какъ ты себя поведешь... Съ *ними* нельзя честью.

— Служилъ я у одного чиновника и думалъ честью — это я только въ Питеръ-то этотъ самый пріѣхалъ, и что̀ же, братцы мои, — онъ мнѣ за честь-то пяти цѣлковыхъ и не додалъ... Это за честь-то!..

— Ишь ты!—раздалось въ вагонѣ.

— А ежели ты теперича гдѣ по благороднымъ домамъ съ картъ доходы получаешь да примѣрно съ булочной, то жить можно. Только онъ тебѣ слово, а ты ему не спущай, чтобы онъ не полагалъ!.. Вы въ кухарки? — обратился лакей къ Агаѳьѣ.

— Бозныть... Куда Богъ приведетъ.

— Бистексу умѣете сжарить?

— Ничего, родимый, не умѣю. А ты скажи мнѣ, дурѣ, какъ?—проговорила нерѣшительно Агаѳья, боязливо поглядывая на лакея, въ которомъ ея напуганное воображеніе старалось отыскать мазурика.

— Разсказать толку нѣтъ... А это самое узнать можно... Напередъ, слѣдственно, вы въ судомоички... Опосля по старанію и въ куфарки можно выйтить!

Однако Петербургъ уже былъ близко, и въ вагонѣ шли сборы. Стали одѣвать котомки, собирать узлы. Изрѣдка раздавались восклицанія:

— Гдѣ тулупъ-то... братцы, а тулупъ?

— Узелъ мой!

— Корзинка... Не трожь ты ее... Бога не боишься!

Агаѳья сидѣла ни жива ни мертва... Но вотъ поѣздъ въѣхалъ въ декаркадеръ. Въ вагонѣ стало темно. Въ это время Агаѳья почувствовала подъ своими мѣшками руку и взвизгнула.

— Что̀ вы,—замѣтилъ лакей.—Аль испужались столицы?—засмѣялся онъ.

Въ вагонѣ раздался хохотъ.

— Вы теперича куда?.. Какъ васъ звать-то?

— Агаѳьей.

— Вы, Агаѳья Ивановна, куда?

— Къ Никону, тверскому...

Въ вагонѣ опять захихикали. Поѣздъ остановился: поднялась возня; всякій торопился выйти, и Агаѳью забыли.

Она не знала куда идти и все сидѣла на мѣстѣ. Наконецъ послѣдній выходившій мужикъ спросилъ:

— Что-жъ, баба, не идешь?

— Не знаю, дядя... покажи...

Мужикъ вывелъ ее на платформу, а затѣмъ и на улицу и, разсказавъ, какъ идти въ Ямскую, оставилъ ее... Агаѳья окончательно испугалась столичнаго шума и стояла среди улицы, приговаривая:

— Господи!.. что̀ же это!.. Господи!

Читателю, вѣрно, случалось встрѣчать на петербургскихъ улицахъ бабъ, останавливающихъ прохожихъ съ просьбой прочитать каракулями написанные адресы. Обыкновенно петербуржецъ на такую просьбу отвѣтитъ: — «Иди, матушка, прямо, а тамъ свернешь налѣво и, какъ дойдешь до Троицкаго переулка, сверни направо» и пр. и затѣмъ продолжаетъ свою дорогу. А баба, занесенная въ столицу, долго еще ходитъ по петербургскимъ улицамъ, долго еще спрашиваетъ прохожихъ и, носясь, словно челнокъ по волнамъ, не скоро попадетъ, куда нужно. Только исходивъ полъ-Петербурга, доплетется наконецъ, измученная и усталая, по адресу.

Такъ было и съ Агаѳьей. Пока она стояла средь улицы, надъ самымъ ея ухомъ раздалось: «берегись!», и парныя сани пронеслись дюйма на два отъ Агаѳьина носа. Она ничего не сказала, только перекрестилась и пошла на тротуаръ. Началось обычное мытарство, и Агаѳья только поздно вечеромъ пришла въ Ямскую, побывавъ сперва и въ Коломнѣ и на Васильевскомъ островѣ и испытавъ всевозможные страхи. Усталая и голодная, спрашивала она:

— Здѣсь будутъ тверскіе... Никонъ Аѳанасичъ? Извозчики?

— Здѣсь... Ступай въ горницу, — сказалъ ей какой-то парень.

Агаѳья вошла. Скоро ее усадили ужинать. Пошли разговоры, разспросы про деревню. Никонъ обѣщалъ скоро поставить на мѣсто въ судомойки.

— Потому у меня есть три куфарки знакомыхъ... По богатымъ живутъ... Поставимъ. А теперь ложись съ Богомъ, Агаѳья... Чай, умаялась.

Съ такими надеждами Агаѳья легла спать и скоро заснула. Во снѣ она часто вскрикивала. Сперва снилась ей маленькая

деревенька... Дальше похороны мужа, только всего годъ съ ней жившаго... Потомъ снился ей Вавилонъ столичный. Вотъ она на улицѣ... Лошади прямо на нее летятъ... большія сердитыя лошади... Она хочетъ спрятаться въ сторону, но лакей подходитъ къ ней и спрашиваетъ: «Агаѳья, а гдѣ пятишница?» Она прижимаетъ руками сокровище, но лакей уже беретъ пятишницу... Лошади въ это время налетаютъ и топчутъ Агаѳью...

— Ой... Господи помилуй!—вскрикнула баба.

— Вставай, Агаѳья! Чего спужалась, аль со сна?!

Агаѳья посмотрѣла вокругъ. На дворѣ было свѣтло. Извозчики собирались на дневную работу.

II.

Черезъ двѣ недѣли Агаѳья шла по Невскому со своимъ узломъ. Дойдя до Большой Мѣщанской, она своротила въ улицу и спросила у городового:

— Голубчикъ, скажи... гдѣ домъ Лапатина будетъ?..

— Третій домъ налѣво... Эка чумичка!—проворчалъ городовой вслѣдъ.

Агаѳья дошла до дому, вошла во дворъ и, послѣ долгихъ переговоровъ съ дворниками, поднялась по черной лѣстницѣ въ третій этажъ и вошла въ кухню.

— Здравствуй... здравствуй, Агаѳья...—сказала кухарка.— Садись пока... Пойду скажу барынѣ...

Скоро вошла барыня и порядила Агаѳью за три рубля въ мѣсяцъ стирать бѣлье, помогать кухаркѣ и вообще дѣлать, что̀ прикажутъ. Агаѳья только кланялась и благодарила.

Въ тотъ же день она получила себѣ крошечный уголокъ на кухнѣ, куда поставила свой сундучишко, и въ тотъ же вечеръ Агаѳья, лежа на тощемъ тюфячкѣ, всплакнула на новосельѣ.

Съ слѣдующаго дня Петербургъ сталъ показывать, какъ онъ даетъ свои гроши деревенскому человѣку: Агаѳью гоняли, не жалѣя ея ногъ. То въ молочную слетай, то въ булочную, то письмо отнеси въ ящикъ и пр. Агаѳья все это исполняла старательно, и кухарка, сложившая, благодаря такому рвенію молодой бабы, бо̀льшую часть своихъ заботъ на свою помощницу, взамѣнъ того покровительствовала ей; не разъ разсказывала ей о той каторгѣ, которая приходится на долю подневольнаго человѣка, и поила кофейными обварками. Бывало, во время этого занятія войдетъ въ кухню лакей и, бросая письмо, скажетъ:

— Живо снеси... барыня приказала, чтобы мгновенно.

Когда Агаѳья, словно бы ужаленная, вскакивала, чтобы немедленно исполнить порученіе, то кухарка замѣчала:

— Не загорѣлось... подождетъ!.. Что̀ это, прости Господи, и кофію-то не дадутъ напиться толкомъ... Только и знаютъ, что гонять... Пей, Агаѳья... пей... поспѣютъ... Не лошадь же ты!..

И Агаѳья пила наскоро кофейные обварки, боясь, что вотъ-вотъ сама барыня войдетъ на кухню и спроситъ:

— А почему ты, дура деревенская, лакаешь кофій?.. Пошла, молъ, вонъ! Нѣту тебѣ у меня мѣста!

И дѣйствительно случалось, что барыня входила въ такую пору и спрашивала, отнесено ли письмо, и Агаѳья блѣднѣла, но кухарка всегда умѣла находить приличныя случаю отговорки, и барыня уходила, ворча подъ носъ:

— Ахъ, Господи! Что̀ это за прислуга!

А кухарка въ свою очередь начинала трещать:

— Вотъ они... Человѣку вздохнуть не дадутъ... Все вѣдь письма да письма. Знаемъ мы, куда ты письма-то шлешь!.. Денегъ все... денегъ... У душеньки всѣ деньги перебрала... У-у-у!.. Ступай, Агаѳья, да зайди по дорогѣ въ мелочную... Возьми капусты къ жаркому.

Агаѳья бѣжала съ письмомъ иногда на другой конецъ Петербурга и ворочалась назадъ такъ скоро, какъ только позволяли ей ноги. А барыня уже ждала ее и нетерпѣливо вырывала отвѣтъ. Но такъ какъ по большей части въ отвѣтахъ писалось, что «къ крайнему сожалѣнію въ настоящее время не могу, потому что у самого (или у самой) нѣтъ денегъ», то Агаѳья часто служила мишенью, въ которую попадала брань, предназначавшаяся для авторовъ отвѣтныхъ писемъ.

— Гдѣ ты цѣлый часъ пропадала, а?

— Я, барыня, то-исть духомъ...

— Вѣрно, гдѣ-нибудь у кумы сидѣла?.. Дура этакая!.. Я этого не люблю...

— Я... я... барыня...

— Молчи... Будь готова... Сейчасъ на Моховую пойдешь.

Барыня уходила въ комнаты, и тамъ, если попадался мужъ, то и ему доставалось. Барыня была нервнаго характера и любила веселиться. А средствъ не часто хватало.

Кухарка въ свою очередь пѣла Агаѳьѣ:

— Удивляюсь... Дура ты этакая... дура!.. Нешно птица ты, нто ли? Изъ-за ейныхъ мерзкихъ какихъ-нибудь трехъ рублей тебѣ ни минуты спокоя... Да нешто ты въ почтальоны нанималась? Такъ бы и сказала... Ей, видишь ли, любовникъ сгрубилъ—она и рветъ на тебѣ сердце. Эхъ, ты, безотвѣтная.

Дорого обходилось на первыхъ порахъ знакомство съ столицей. Часто вечеромъ, умаявшись, засыпала она на своемъ блинчатомъ тюфячишкѣ и нерѣдко молилась Богу, чтобы впредь не оставилъ Господь своею милостію. Она боялась лишиться мѣста, барыня сегодня шибко грозилась!

Такимъ манеромъ поживала Агаѳья. Съ утра она металась какъ угорѣлая и только къ вечеру немного успокаивалась и принималась кое-что работать для себя. Но случалось, что и въ такое время ее безпокоили. Смотришь, барыня пошлетъ за ней и скажетъ:

— Агаѳья, вотъ тебѣ двугривенный. Возьми три письма и живо свези ихъ... Вотъ это къ Смольному, оттуда на Обуховскій проспектъ, а потомъ въ Измайловскій полкъ... да по дорогѣ заѣзжай къ театру... Ступай, да, смотри, скорѣй... Кажется, на извощика довольно...

Агаѳья уже понимала разстоянія. Выйдетъ она за ворота, накинувъ на себя какую-то кацавейку, посмотритъ на двугривенный и усмѣхнется... Однако же все-таки скажетъ извозчику:

— Къ Смольному!

— Садись за три гривенника, касатка!..

Такъ, бывало, Агаѳья прибережетъ двугривенный и уже заполночь вернется домой съ усталыми ногами...

— Ну что̀?.. Наконецъ-то!.. Господи! Да что-жъ это за прислуга? Иванъ Ивановичъ, спрашиваю я тебя, что-жъ это за прислуга?—обращалась барыня къ барину, когда Агаѳья подавала письма.—Кажется, деньги платишь... Господи!

— Ступай... да впередъ смотри... Боже, Боже, что̀ это за прислуга!—продолжала ворчать барыня.

Если, случалось, господъ не было дома, то Агаѳью гоняли лакей и кухарка. То попросятъ за винцомъ сходить, то за тѣмъ, то за другимъ...

Однако Агаѳья терпѣла и, при помощи кухаркиныхъ разсказовъ и своей сообразительности, мало-по-малу начала понимать самую музыку. Она припомнила, какъ ея спутникъ, лакей, на желѣзной дорогѣ говорилъ, что «честью очинно трудно». Прозрѣвала она, что въ этихъ словахъ заключается много горькой правды, и что нерѣдко господа за три рубля поровятъ кожу стянуть съ человѣка. Стала Агаѳья смекать эти дѣла и стала лупцовать къ Смольному, а оттуда къ Измайловскому, вовсе не съ такой отчаянной свирѣпостью, какъ прежде. А если барыня и начинала ее бранить, то на первыхъ порахъ она отмалчивалась. Послѣ и она не стояла истуканомъ, услыхавъ разъ, какъ кухарка отбрила барыню

за слово «воровка» и какъ она настращала ту же барыню, сказавъ:

— Вы не очень... Развѣ я воровка... Нешто такія воровки?.. Нешто вы не знаете, что̀ за воровку мировой скажетъ... Разсчетъ безпремѣнно потребую... Ишь, воровка!

Долго еще ворчала кухарка, и барыня ушла изъ кухни, поджавъ хвостъ, и, только придя въ кабинетъ къ супругу, упала въ обморокъ. О чемъ они тамъ говорили, неизвѣстно. Только лакей Аѳанасій послѣ разсказывалъ на кухнѣ, что баринъ съ барыней чуть не подрались, и что барыня сказала барину: «лысый дуракъ», а баринъ ее насчетъ душенекъ что-то...

Все это запримѣчала Агаѳья и, когда ее ругали, она уже начинала сама сперва слегка ворчать, а послѣ и протестовать невинными словами въ родѣ слѣдующихъ:

— Нешто я лошадь?..

Никто, конечно, не разувѣрялъ ее въ противномъ. Но никто, конечно, и не облегчалъ ея участи.

Мало-по-малу Агаѳья завела знакомство. Познакомилась съ нѣсколькими кухарками въ домѣ. Кромѣ того, бѣгая часто по лавочкамъ, она встрѣчалась тамъ съ горничными и лакеями большого дома и нерѣдко обмѣнивалась со своими знакомцами новостями.

— Ну, что̀ у васъ, Агаѳья, новаго?—бывало, спроситъ ее кухарка четвертаго этажа, забирая въ лавочкѣ провизію.—Аль жужжитъ?

Агаѳья только махала рукой и приговаривала:

— Артемьичъ... Отпусти-ка огурчиковъ... съ разсоломъ... Вчерась въ три мѣста гоняла!.. Право!

— Ишь... Вѣрно, все за деньгамъ! А наша-то, наша-то тоже хороша. Получила этто наша деньги... Ну, хорошо... Людямъ бы настоящимъ и приберечь, а они сейчасъ съ этимъ съ деньгамъ въ клубъ... Такъ и просидѣли всѣ денежки въ этомъ клубу... Вернулись въ три часа ночи-то, съ муженькомъ... Оба лютѣй звѣрей. Отворяю имъ двери... Чего, говорятъ, отворяешь ты—это они мнѣ-то—чрезъ сто лѣтъ послѣ звонка... Слышишь ты это, Агаѳья?.. Чрезъ сто лѣтъ... Хорошо... Смолчала... Подала раздѣваться... Слышу: они-то послѣ со своимъ-то пыняются... Если бы, говоритъ, не ты, неумный, я бы, говоритъ, безпремѣнно выиграла. А онъ ей: если-бъ, говоритъ, не ты, я бы, говоритъ, безпремѣнно выигралъ... И пошли... и пошли... Однако пора идтить... Прощай, Агаѳьюшка... когда заходи кофейку напиться.

Присматриваясь къ подневольной жизни все ближе и ближе,

Агаѳья уже стала понимать, что подневольное житье требуетъ сноровки. Видѣла она прочихъ, хоть и прочихъ житье не Богъ знаетъ что за красивое, а все-жъ таки эти прочіе по возможности себя сохраняютъ. И вотъ, послѣ годового пребыванія, Агаѳья рѣшила себя по возможности сохранять и воздавать обидчикамъ по заслугамъ. Къ этому времени Агаѳья изъ себя перемѣнилась. Платье свое крестьянское сняла, завела городское, надѣла ботинки и пріобрѣла гдѣ-то за два рубля шляпку. Къ кофе она тоже пристрастилась и, по примѣру петербургскихъ кухарокъ, душила кофейные обварки безпощадно. Подумывая о томъ, что за три рубля съ нея требуютъ чортъ знаетъ какой службы, она намѣревалась поступить въ кухарки. Она присматривалась къ работѣ своей покровительницы; глядѣла, какъ та жаритъ жаркое и варитъ супъ и пр., и по своему разуму полагала, что теперь она и сама сумѣетъ сжарить бистекцъ и испечь слоеный пирогъ. Тѣмъ временемъ она подыскивала себѣ мѣсто. Слышала она въ лавочкѣ, что съ перваго числа кухарка у одной чиновницы, жившей во дворѣ, отходитъ, и вотъ Агаѳья рѣшилась поступить въ кухарки.

Столица въ глазахъ Агаѳьи давно перестала казаться кромѣшнымъ адомъ, и хотя она знала, что мазуриковъ слѣдуетъ опасаться, но они далеко не казались такими страшными, какими казались они ей въ деревенькѣ. Больше чѣмъ мазуриковъ опасалась она остаться безъ мѣста. Съ пивомъ она познакомилась и находила, что этотъ напитокъ весьма питательный и хорошій. Такое же недурное мнѣніе получила она и вообще о пищѣ, попадавшей ей нерѣдко съ господскихъ тарелокъ. Пища эта ей казалась невпримѣръ лучше той, которую она ѣла въ деревнѣ, и когда Никонъ, котораго она изрѣдка навѣщала, спрашивалъ:

— Ну што, Агаѳья... Аль здѣсь сытнѣй?

то Агаѳья, не затрудняясь, говорила, что на господскихъ тарелкахъ остатки гораздо слаще, чѣмъ хлѣбъ и пустыя щи въ деревнѣ.

И когда она получала изъ деревни письма, въ которыхъ жалѣли ее на чужой сторонѣ, то она спѣшила отвѣчать,—отвѣты писалъ ей знакомый лакей,—что она, слава Богу, здорова и въ благополучіи, а насчетъ баловства чтобъ не сомнѣвались, потому за себя постоять можетъ и т. д.

Касательно послѣдняго пункта Агаѳья была совершенно права, потому что насчетъ этого была весьма строга. И когда разъ младшій дворникъ пригласилъ-было ее въ трактиръ напиться чаю, то она пошла и напилась чаю, но когда тотъ же

дворникъ сталъ говорить ей несообразныя вещи, то она только плюнула и показала свой здоровый кулакъ.

— Аль не любите насъ, Агаѳья?..—сказалъ дворникъ.

— Пошто не любить!—усмѣхнулась Агаѳья.

— Если бы вы только понимали... именно понимали, какъ тоись я теперича...—размазывалъ дворникъ.

— Нечего мнѣ, Василій, понимать... А главное, пора домой идти, барыня хватится!

Такъ дворникова любовь была отвергнута, и Агаѳья пришла домой не безъ нѣкоторой гордости, что и на нее «чумичку», какъ она себя часто называла, стали люди обращать вниманіе. Но ей, какъ видно, рыжій дворникъ былъ не по вкусу, и Агаѳьино сердце до поры до времени было спокойно...

За нѣсколько дней до перваго числа Агаѳья пришла къ чиновницѣ. Войдя на кухню, она дала гривенникъ старой кухаркѣ, и та доложила о ней барынѣ. Барыня вышла.

— Ты кухарка?

— Куфарка, барыня,—отвѣчала пріодѣтая Агафья.—Слышала, мѣсто есть?

— А ты гдѣ прежде жила?

— Тутъ же у насъ въ домѣ живу, у генеральши Павловой, можетъ, знаете?..

— А хорошо умѣешь готовить?

— Какъ не умѣть! Все сготовлю. Теперичe бистекцъ, пирогъ, супъ съ кореньями или щи, пирожное, оладьи, компотъ...

— Ну хорошо, хорошо. Только ты у насъ одна прислуга будешь; насъ всего двое: я да мужъ. А жалованья пять рублей.

— Помилуйте, барыня, какъ можно за пять рублей? Останетесь мною довольны. У генеральши вотъ я годъ жила, и если бы...

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, сошлись на шести рубляхъ, и положено было черезъ три дня быть Агаѳьѣ на новомъ мѣстѣ.

Когда барынѣ доложили, что Агаѳья отходитъ, то барыня подняла глаза и сказала:

— Господи, что̀ это за прислуга! Кажется, никакой благодарности не чувствуетъ. Рада промѣнять господъ... Я ли ей не платила. И ничего-то ровно она не дѣлала. Только три рубля даромъ брала. Господи! что̀ это за народъ!..

Конечно, Агаѳья очень хорошо знала, даромъ ли она брала свои три рубля, и потому—о, безчувственная!—не обратила никакого вниманія на упреки.

Черезъ три дня она была на новомъ мѣстѣ.

III.

Новые хозяева Агаѳьи были «чиновники». Баринъ былъ весьма занятой господинъ; съ утра онъ уходилъ въ должность, возвращался къ обѣду и, пообѣдавъ, снова садился за работу, такъ что Агаѳья его почти не видѣла. Только въ двадцатыхъ числахъ каждаго мѣсяца Агаѳьѣ предстояла трудная работа волочить своего хозяина отъ дверей квартиры до кровати, такъ какъ самъ чиновникъ дойти былъ не въ состояніи, ибо три дня сряду послѣ получки жалованья доставлялся кѣмъ-то до дверей своей квартиры въ крайне безчувственномъ состояніи. Послѣ трехъ дней баринъ снова велъ скромную чиновничью жизнь и мало обращалъ даже вниманія на то, что супруга за эти злополучные три дня журила его самымъ немилосерднымъ образомъ въ теченіе остальныхъ двадцати семи дней...

Барыня была изъ тѣхъ петербургскихъ чиновницъ, про которую вы скажете, если увидите ее въ приказчичьемъ клубѣ за мушкой: «бой-баба», и которую окрестные лавочники, зеленщики, мясники, дворники и тому подобный людъ называли: «воръ-дама», намекая этимъ прозвищемъ на юркость и бойкость новой Агаѳьиной хозяйки.

Дѣйствительно, госпожа Пѣтухова вполнѣ оправдывала такое прозвище, и Агаѳья скоро почувствовала, съ какимъ сильнымъ и ловкимъ врагомъ она имѣетъ дѣло. Съ первыхъ же дней наша героиня увидала, что въ дружественныхъ отношеніяхъ съ барыней быть никакъ невозможно, потому что съ первыхъ же дней барыня забраковала принесенную Агаѳьей провизію и, узнавъ о ея стоимости, замѣтила:

— Ты, матушка, вовсе этого и не думай, чтобы покупать такъ... Гдѣ это ты брала? Вѣрно, у подлеца Петра въ лавочкѣ?

— Гдѣ же брать-то?—замѣтила кухарка.

— Гдѣ-жъ брать?—передразнивала барыня.—Гдѣ?.. Бери въ другой лавочкѣ, подешевле бери, да, главное, знай, что я не люблю, когда у меня много провизіи выходитъ... Слышишь ли?.. Не люблю.

Чѣмъ дольше жила Агаѳья, тѣмъ яснѣй видѣла, что и на новомъ мѣстѣ ее хотятъ запречь во всѣ нелегкія. Съ утра надо прибрать комнаты, потомъ поставить самоваръ, затѣмъ бѣжать за провизіей, обѣдъ приготовить, а послѣ, только-что Агаѳья вздохнетъ послѣ третьяго стакана кофейныхъ обварокъ, какъ барыня уже влетаетъ въ кухню:

— Агаѳьюшка... Нельзя ли мнѣ приготовить юбку?

Сперва Агаѳья исполняла эту просьбу, но скоро убѣдилась на опытѣ, что недѣли черезъ двѣ эти просьбы перешли въ положительныя приказанія, и уже барыня, влетая на кухню, говорила:

— Агаѳья, что̀ же мнѣ юбку?

Тогда кухарка воспротестовала и замѣтила:

— Да что-жъ это, барыня... Рази вы меня въ прачки нанимали?

— Что̀? Ахъ ты, Господи! Да развѣ я тебя не нанимала мелочи-то мнѣ стирать... А?.. Что̀ же значитъ одну юбочку? Что̀?

Обыкновенно послѣ подобныхъ сценъ происходилъ крупный разговоръ, въ которомъ съ обѣихъ непріятельскихъ сторонъ часто упоминалось слово «мировой».

Однако же, послѣ всякой подобной стычки, барыня, уходя въ спальню, измышляла всевозможныя средства, чтобы половче навалить всякой работы на кухарку, а Агаѳья, лежа на своемъ уже плотномъ тюфякѣ, также изыскивала всевозможные способы какъ-нибудь да обойти барыню. Стала она думать, нѣтъ ли средствъ какъ-нибудь подойти къ барынѣ съ такой стороны, съ которой менѣе всего барыня ожидала нападеній, и, заручившись такимъ образомъ, уже свободно собирать небольшія крохи, остающіяся отъ покупки провизіи, не мыть юбокъ, не особенно внимательно сметать паутину и не мыть два раза въ недѣлю половъ, словомъ, не отдавать всю себя на съѣденіе за какихъ-нибудь шесть рублей, а позаботиться хотя чуточку и о себѣ...

Думая такимъ образомъ, Агаѳья остановилась на одномъ черноволосомъ господинѣ, который нерѣдко приходилъ въ гости къ барынѣ въ то время, когда мужъ бывалъ въ должности... Развивая свои идеи дальше, Агаѳья сообразила, что этотъ черноволосый не зря давалъ ей гривенники, и тутъ же вспомнила, какъ нѣсколько дней тому назадъ, когда въ отсутствіе барина, какъ-то вечеромъ, пріѣхалъ черноволосый, барыня ни съ того ни съ сего прилетѣла къ кухаркѣ и сказала:

— Что̀ это ты, Агаѳьюшка, все дома да дома сидишь?.. Сходила бы погулять... Вотъ тебѣ двугривенный...

Кухарка до того поражена была этой неожиданной любезностью со стороны «вора-дамы», что въ то время ничего не сообразила, а только обрадовалась и пошла въ гости къ извозчику Никону.

Теперь же, припоминая всѣ эти обстоятельства, она взглянула на нихъ нѣсколько иначе и рѣшилась впередъ глядѣть еще внимательнѣй, чтобы, когда придетъ случай, накинуться

внезапно на врага и тогда уже исполнять свои обязанности по душѣ, «а не то какъ какой-нибудь каторжницѣ, прости Господи»—сказала Агаѳья про себя и съ этой мыслью заснула съ улыбкой.

Скоро ея намѣренія привели къ хорошимъ результатамъ. Въ одинъ изъ вечеровъ, когда баринъ пьянствовалъ, къ барынѣ пріѣхалъ черноволосый, и барыня спровадила Агаѳью. Агаѳья ушла, не забывъ однако взять ключъ отъ чернаго хода, и, посудачивъ съ полчаса съ генеральской кухаркой въ томъ же домѣ, незамѣтно вошла въ кухню и, услыхавъ какіе-то оживленные разговоры въ гостиной и даже (будто бы) поцѣлуи, вошла такъ-таки прямо въ гостиную и спросила:

— Барыня, прикажете самоваръ ставить?

Агаѳья очень хорошо замѣтила, какъ барыня отскочила отъ черноволосаго, и какъ барыня вся закраснѣлась, но Агаѳья—какъ ловкій непріятель—вовсе не показала и виду, что она кое-что видѣла, и скромно дожидалась отвѣта.

— Поставь!—еле выговорила барыня.

— Пожалуйте книжку за булками сходить...

— Возьми... тамъ... въ спальнѣ... Впрочемъ, я сама тебѣ дамъ..

Скоро черноволосый ушелъ, и хотя барыня ни слова не сказала Агаѳьѣ, но Агаѳья тѣмъ не менѣе видѣла, что барыня въ ней заискиваетъ. Однимъ словомъ, событія послѣдняго дня окончательно оставили побѣду за кухаркой.

Въ ту же ночь Агаѳьѣ пришлось волочить хозяина въ его кабинетъ... Исполняя эту обязанность, Агаѳья не безъ сожалѣнія взглянула на чиновника и, раздѣвая его, проговорила:

— Эка, родимый, какъ нагрузился...

— У Палкина... Ддда... Ннс могу... Кучу... Чортъ возьми!..—шепталъ только чиновникъ.

— Спи... спи...—проговорила кухарка, принесла хозяину графинъ воды и легла спать, въ твердой надеждѣ, что у нея завтра останется копеекъ десять отъ закупки провизіи.

IV.

Черезъ годъ Агаѳья была уже заправская кухарка. Она выучилась дѣлать даже настоящее пирожное, скопила себѣ рублей двадцать, пріобрѣла себѣ салопчикъ на кошачьемъ мѣху и не только не мыла юбокъ своей барынѣ, но даже, стирая пыль въ то время, когда господа предавались безмятежному сну, она обходила углы весьма небрежно и разсуждала, иногда даже громко, такимъ образомъ:

— Ишь ея набралось! Откуда это только?

Затѣмъ, если Агаѳья была въ хорошемъ расположеніи духа, она иногда подшучивала надъ господами, обращаясь въ разговорѣ къ своему любимцу, коту Васькѣ, котораго она достала гдѣ-то на чужомъ дворѣ.

— Что, Васька, мяса, дуракъ, ждешь? Небось, мясо любишь... а?.. А господъ любишь? Вотъ они себѣ спятъ, а мы, Васька, пыль стирай... Вчерась она-то въ клубу закатилась... А онъ, бѣдный, хи... хи... хи...

Но, если во время такихъ монологовъ раздавался кашель изъ сосѣднихъ комнатъ, Агаѳья снова принималась за свое дѣло молча и снова бесѣдовала съ Васькой, если находила, что бесѣда ея не разбудитъ господъ.

Если-бъ читатель въ это время встрѣтилъ Агаѳью на улицѣ, то едва ли бы узналъ въ ней ту глупую деревенскую бабу, которая такъ боялась Питера. Вотъ, поглядите, идетъ она: на ней салопчикъ на кошкѣ и шляпка съ красными лентами... Она идетъ гоголемъ и если останавливается теперь передъ магазинами, то вовсе не съ тѣми удивленными глазами, съ какими останавливалась прежде... Даже извозчики, предлагая ей услуги, зазываютъ ее, говоря:—«не хотите ли, барыня?»

Тутъ я замѣчаю, что до сихъ поръ не познакомилъ читателя съ ея наружностью. Къ сожалѣнію, я не могу познакомить читателя съ наружностью Агаѳьи съ очень выгодной для нея стороны. Агаѳья скорѣй была дурна, чѣмъ хороша. Лицо у ней было рябое, носъ слишкомъ великъ, а глаза даже глядѣли немного вкось... Что же касается до волосъ, то они были у нея огненнаго цвѣта... совершенно огненнаго.

Однако, несмотря на такую наружность, сердце ея было не свободно. Она любила, и ее любили... Избранный ея сердца былъ денщикъ-лакей въ одномъ съ нею домѣ и часто навѣщалъ свою Агаѳью Тихоновну, какъ деликатно ее называлъ денщикъ.

Нельзя сказать, чтобы и Алексѣй Васильевичъ отличался красотою формъ или лица, нельзя сказать и того, чтобы Алексѣй Васильевичъ былъ очень трезвый человѣкъ, какъ нельзя сказать и того, чтобы онъ не лупцовалъ своей Агаѳьи Тихоновны, но, при всемъ томъ, они любили другъ друга, и Алексѣй Васильевичъ такъ и слылъ подъ именемъ жениха, обѣщая Агаѳьѣ жениться, какъ только скопитъ малую толику деньжонокъ.

Такимъ образомъ шли дѣла уже цѣлый годъ, и Алексѣй Васильевичъ перебралъ у кухарки до двадцати пяти рублей... Ходилъ онъ къ ней два раза въ недѣлю, и тогда можно было видѣть эту пару, сидящую за столикомъ, гдѣ непремѣнно красовался графинъ водки и стояла закуска...

Прошло еще съ полгода. Агаѳья терпѣливо ждала, когда ея «женихъ» рѣшительно заговоритъ о свадьбѣ, но онъ однако же каждый разъ, какъ Агаѳья намекала ему объ этомъ, отлынивалъ отъ разговоровъ или же говорилъ, что «времена нынче, о-о-охъ».

— Послушай, Алеша... Ты меня не морочь, не дура я какая... А ты, какъ слѣдоваетъ благородному человѣку, женись.

— Я женюсь, Агаѳьюшка, только понимаешь ли...

— Чего понимать-то? Лучше безъ грѣха...

— А то что?

— А то, что подай мнѣ мои двадцать пять рублей.

Вмѣсто всякаго отвѣта, Алексѣй Васильевичъ показалъ ей кукишъ и ушелъ изъ кухни.

Въ ту же ночь Агаѳья долго плакала и на слѣдующее утро забѣжала къ генеральской кухаркѣ посовѣтоваться... Тамъ она узнала еще болѣе ужасныя вещи. Отъ пріятельницы она услышала, что Алексѣй Васильевичъ забралъ тридцать рублей у другой кухарки и тоже обѣщалъ на ней жениться... Горе Агаѳьи не знало предѣловъ. Долго толковали обѣ собесѣдницы, и Агаѳья рѣшилась дѣйствовать энергически.

Вечеромъ она пошла къ Алексѣю Васильевичу. Неизвѣстно, чѣмъ кончился у нихъ разговоръ. Извѣстно только то, что Агаѳья получила нѣсколько новыхъ синяковъ подъ глазами и узнала, что женихъ поступаетъ въ городовые... Надежды, повидимому, были всѣ потеряны.

Но Алексѣй Васильевичъ, поступивъ въ городовые, будто нарочно хотѣлъ испытать сердце бѣдной женщины и въ одинъ прекрасный день явился къ ней въ новой формѣ. Увидавъ своего «жениха» въ такомъ блестящемъ нарядѣ, Агаѳья пуще залилась слезами и сказала:

— Сволочь ты, а не человѣкъ... ступай вонъ!..

Но Алексѣй Васильевичъ сталъ приводить резоны и кончилъ тѣмъ, что просилъ еще двадцать рублей, обѣщая чрезъ недѣлю же непремѣнно жениться...

— Обманешь?..

— Вотъ тебѣ Богъ... А што съ той кухаркой, Агаѳьюшка, такъ это все пустяки... Право, Агаѳья, дай денегъ. Потому мнѣ теперича кое-что нужно справить... Городовой не то чтобы... Ты это дѣло по бабьему смыслу не поймешь!!..

Долго они еще говорили, и подъ конецъ Алексѣй Васильевичъ снова побилъ Агаѳью.

— Такъ ты такъ, подлая душа... Постой же!..—крикнула вслѣдъ уходившему Алексѣю Васильевичу разсерженная кухарка.

Въ тотъ же день она обратилась къ своему барину съ слѣдующей просьбой:

— Баринъ,—сказала она, плача:—напишите своёному начальнику, штобъ онъ женился... Два года, подлецъ, обѣщалъ... забралъ болѣе тридцати рублей окромя подарковъ, а теперь бьетъ и проситъ еще двадцать рублей.

Баринъ сталъ ей объяснять, что̀ ей за охота выходить за такого человѣка, но на это Агаѳья замѣтила:

— Нѣтъ, пущай женится... За что мои деньги будутъ пропадать!

— Такъ лучше истребовать съ него деньги...

— Нѣтъ—женись. Что̀ деньги?.. Нѣтъ, баринъ, нельзя ли заставить его, подлеца, жениться.

— Да вѣдь онъ тебя, Агаѳья, бить будетъ!..

— Посмотримъ тогда, какъ?—отвѣтила Агаѳья.—Жена не то... Нельзя ли, баринъ?

Но такъ какъ баринъ не зналъ, какъ приняться за это дѣло, то Агаѳья въ тотъ же вечеръ пришла въ Алексѣеву будку и предложила ему слѣдующій ультиматумъ:

— Ежели ты, этакій подлецъ, не дашь мнѣ сейчасъ расписки, что женишься, баринъ мой къ приставу завтра поѣдетъ. Онъ все ему скажетъ... слышишь?

Городовой струсилъ, далъ расписку и получилъ отъ Агаѳьи еще тридцать рублей... Черезъ недѣлю они обвѣнчались, и Агаѳья перебралась въ будку.

V.

Теперь вы увидите Агаѳью Тихоновну на Семеновскомъ рынкѣ. Она значительно пополнѣла и подурнѣла, но пріобрѣла удивительно звонкій голосъ, которымъ зазываетъ покупателей. Она торгуетъ разной мелочью и ведетъ свои дѣлишки хорошо. Супругъ ея старшій городовой и находится у нея подъ началомъ. Въ сдѣлавшей себѣ карьеру Агаѳьѣ Тихоновнѣ вамъ и не узнать прежней деревенской бабы. Она съ виду совершенно купчиха, особенно когда въ воскресенье идетъ въ церковь, въ атласномъ салопѣ... О Петербургѣ она самаго лучшаго понятія и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ относится къ деревнѣ. Къ довершенію всего, должно замѣтить, что Агаѳья Тихоновна весьма вошла во вкусъ пива съ Калинкина завода и вечеромъ выпиваетъ значительное его количество. Въ это время особенно и побаивается ея мужъ—благонамѣренный городовой нашей столицы.

Степа.

Крайняя нужда заставила государственнаго крестьянина Новгородской губерніи Ивана Андреева снарядить своего сынишку въ Питеръ. Отправляя его въ дорогу вмѣстѣ съ односельцемъ-извозчикомъ, отецъ такъ наставлялъ мальчика:

— Смотри, Степка, въ Питерѣ не баловать! Сватъ Трифонъ отдастъ тебя въ ученье... Выучишься—человѣкомъ будешь!.. Прощай, Степа!

Мать, прижимая сынишку, ничего не говорила, потому что говорить ей мѣшали слезы. Она крестила его одной рукой, а другая засовывала за тулупчикъ только-что испеченныя лепешки.

Мальчикъ былъ въ какомъ-то недоумѣніи и только усердно щипалъ своими крохотными ручонками большую овчинную шапку, подаренную ему отцомъ на дорогу.

Когда вышли изъ избы, на улицѣ собралось нѣсколько деревенскихъ ребятъ и стали прощаться съ мальчикомъ. Нѣкоторые какъ-то завистливо смотрѣли на маленькаго путешественника въ полушубкѣ и большой шапкѣ и, зная, что Степа ѣдетъ въ Питеръ, отъ души хотѣли быть на его мѣстѣ... Другіе же—побольше—безъ особенной зависти взирали даже и на большую шапку и замѣчали:

— Тамотка, братцы — сказывалъ дядя Андрей — страсти! Городъ эвона!..

И мальчикъ приподнялъ на сколько могъ руки.

— Тамотка,—продолжалъ разсказчикъ:—ровно бы въ нашемъ алексинскомъ бору заплутаешься... И опять же боязно... Сказываютъ, нашихъ ребятокъ, братцы, въ Питерѣ бьютъ ой-ой какъ!.. Этто все дядя Андрей сказывалъ... Онъ, братцы, знаетъ... Онъ въ Питерѣ жилъ... Дядя Андрей все знаетъ!..

— Ну, садись, Степка... Ѣдемъ, малецъ, гроши добывать!—шутилъ Трифонъ, усаживаясь на легковыя санки.—Ну, желтоглазая!.. маршъ опять въ россейскую столицу!..—добавилъ извозчикъ-зимникъ и стегнулъ свою маленькую шершавую лошадку.

Скоро санки выѣхали изъ деревни, а мать все еще не унималась. Да и отецъ какъ-то пасмурно дралъ лыко на лапти...

— Не хоронить послали... Чего ревешь! — наконецъ замѣтѣлъ онъ женѣ.

— Иванъ!.. Бога ты не побоялся... Тамъ... тамъ ему смерть... Самъ знаешь, какъ ихъ, мальцевъ-то, въ Питерѣ...

— Полно, баба... Богъ дастъ, выучится. А ты не всему вѣрь... баба!..

А санки скользили себѣ по ровной гладкой дорогѣ, и мальчикъ уже вступилъ съ Трифономъ въ разговоръ. Выѣзжая въ первый разъ изъ села, мальчикъ рѣшительно интересовался всѣмъ и до того закидалъ Трифона вопросами, что тотъ едва успѣвалъ на нихъ отвѣчать. Особенно Степку занимала столица.

— А что, дядя Трифонъ, она самая эта столица много будетъ больше нашихъ Дубковъ?

— Въ тысячу разъ будетъ больше, Степка.

Мальчикъ рѣшительно не могъ сообразить, зачѣмъ это столица такая большая. Однако, не желая выказать передъ Трифономъ своего недоумѣнія, онъ только замѣтилъ:

— И тамъ, дядя Трифонъ, какъ у насъ въ Дубкахъ, все хрестьяне живутъ?

— Всякій народъ въ Питерѣ живетъ, Степка... И графы, и князья, и дворяне, и купцы... и нашъ братъ... Всякаго, братецъ ты мой, въ Питерѣ народу довольно!..

— Ишь ты! и графы и князья, дядя Трифонъ,

— Тепериче выѣдешь въ ночь... Станешь у трахтира, а оттуда выйдетъ какой-ни-на-есть баринъ и подаетъ голоскомъ: эй, молъ, извозчикъ!.. Я сичасъ вотъ эту самую желтоглазую хлысть кнутишкомъ, подкачу... Куда, молъ, прикажете, ваше сіятельство?

— А что, дядя Трифонъ, князья-то какіе будутъ?

— Извѣстно какіе — фицеры!.. Видалъ, Степка, солдатъ?.. Ну такъ господа надъ ними командуютъ... И ежели солдатъ что не такъ, они его—солдата-то—сейчасъ по-своему, добру учатъ: дѣлай, молъ, по службѣ по нашей, а не то штобы какъ-нибудь... Этто когда на паратѣ; а ежели не на паратѣ, то по рестораціямъ, Степка, сидятъ больше, чай пьютъ... Тамъ мы ихъ и ждемъ... ночью-то...

Всѣ эти свѣдѣнія до того были новы для Степы, что онъ рѣшительно не могъ дать себѣ отчета. Онъ вообразилъ офицеровъ высокими такими, большими, съ длинными усищами, вострыми глазами, имѣющими въ рукахъ по большой палкѣ, которою такъ и размахиваютъ, словомъ — Степа вспомнилъ фельдфебеля, который въ селѣ муштровалъ солдатъ, и, увеличивъ этого фельдфебеля въ нѣсколько разъ, рѣшилъ въ своемъ дѣтскомъ умишкѣ, что офицеры должны быть именно такіе.

Къ вечеру Трифонъ остановился покормить. На постояломъ дворѣ было нѣсколько извозчиковъ. Разговорились.

— Мальца-то куды везешь?—спросили извозчики.

— Туда же... въ Питеръ!—отвѣчалъ Трифонъ.

— Аль Ивану плохо пришлось?..

— Бѣда, братцы!..

— Въ ученье?

— Бозныть... Наказывалъ въ ученье сдать... Отдать какому ни-на-есть нѣмцу... Извѣстно, у кого, какъ не у нѣмца...

— А паренекъ-то махонькой еще... Какъ бы его не укатали въ Питерѣ-то...—участливо замѣчали извозчики.

— Не кто какъ Богъ!..

Степа все это слышалъ, и въ его голову закралась мысль, что нѣмецъ, должно-быть, какой-нибудь старикъ, въ родѣ того бѣглаго, который въ прошломъ году въ Дубкахъ объегорилъ какого-то крестьянина и послѣ хотѣлъ спалить деревню. Этимъ старикомъ всѣ дубковскія матери пугали своихъ дѣтей, и Степа, какъ и другіе, воображалъ его такимъ же страшнымъ, какъ лицо антихриста на лубочной картинкѣ, висѣвшей дома. Такимъ же сталъ ему казаться нѣмецъ, и Степа крѣпко пригорюнился и даже всплакнулъ, послѣ чего заснулъ крѣпкимъ, ребячьимъ сномъ...

Чрезъ два дня Трифонъ со Степой въѣзжали въ столицу, и когда мальчикъ увидалъ большіе дома, конки, городовыхъ, батальонъ солдатъ съ музыкой и прочія столичныя хитрости, то только ахалъ и крѣпко жался къ Трифону...

— Не бойсь, глупый... Не укусятъ!—смѣялся извозчикъ.

На третій же день мальчикъ поступилъ въ ученье къ сапожному мастеру Карлу Ивановичу Шмидту. Когда Степа увидалъ благообразное выбритое лицо нѣмца, то успокоился и, прощаясь съ Трифономъ, важно ему замѣтилъ:

— Скоро я тебѣ, дядя, во-какіе сапоги сошью...

Очутившись въ кругу новыхъ товарищей, Степа маленько струхнулъ и съежился, особенно когда одинъ изъ учениковъ подошелъ къ нему и далъ ему по уху, ради перваго знакомства... Степа стерпѣлъ, но чрезъ минуту самъ ударилъ обидчика... Поднялась драка... Пришелъ Карлъ Ивановичъ и помирилъ обоихъ на томъ, что оттузилъ хорошенько и праваго и виноватаго...

Невеселая жизнь началась для деревенскаго мальчика. Работу на него наваливали непосильную и, главное, ни минутки покоя. То наколи дровъ, то стопи печи, то сбѣгай въ лавочку, то снеси сапоги, то вымой полы. Однимъ словомъ, вмѣсто ученія Степѣ пришлось быть на посылкахъ. И хозяинъ, и хозяйка, и подмастерья смотрѣли на Степу, какъ на своего крѣпостного, а въ награду за все это затрещины, удары ремнемъ, ругань и дурная пища.

Видали ли вы, читатель, какъ въ трескучій морозъ бѣжитъ по улицѣ мальчикъ-крошка въ своемъ классическомъ халатишкѣ и пощелкиваетъ зубами?.. Видали ли вы это посинѣвшее отъ холода личико мальчугана, посланнаго отнести сапоги?.. Если вы видѣли, то должны знать, что это жертва столичная, жертва, которой не всегда суждено дожить и до пятнадцати лѣтъ!

Помѣщеніе у Карла Ивановича не отличалось особеннымъ комфортомъ. Самъ Карлъ Ивановичъ имѣлъ довольно удобную комнату, но мальчики-ученики жили въ сыромъ подземельѣ, гдѣ спертый и сырой воздухъ подтачивалъ день за днемъ молодыя дѣтскія силы.

Ночь... Морозная петербургская ночь... Дѣти спятъ въ повалку на нарахъ, на тонкихъ соломенныхъ подстилкахъ... Вонь и духота въ этой комнатѣ, полной всякихъ насѣкомыхъ... Всѣ дѣти худы, блѣдны и одѣты въ какое-то подобіе бѣлья... Прикрыты они чѣмъ попало, и жмутся и вздрагиваютъ, бѣдняги, отъ холода...

— У-у-у!.. Петька, холодно...—шопотомъ говоритъ Степа.

— А ты съежься, Степка... теплѣй будетъ...

— Проклятый хозяинъ... полушубокъ отобралъ!

— Онъ у насъ, Степка, завсегда такъ!.. Малы-де въ полушубкахъ ходить...

Дѣти замолчали и снова пытались заснуть, натягивая на себя дырявое одѣяло... Скоро они заснули... Спятъ дѣти, вдыхая убійственный воздухъ... Спятъ дѣти, глотая ядъ и смерть... Спятъ маленькія созданія, и во снѣ имъ снятся теплыя избы, просторъ деревенскихъ полей и добрый материнскій уходъ...

Но не спитъ подтачивающая ихъ смерть. Она стоитъ съ распростертыми объятіями въ этомъ сыромъ подземельѣ и алчно глядитъ на раскинувшіяся во снѣ дѣтскія головки.

Не спитъ тоже и Степкина мать. Она не забыла своего парнишку и горькими слезами заливается, подумывая о своемъ сиротливомъ сынѣ. «Гдѣ-то онъ? У какого нѣмца? Кормитъ ли его нѣмецъ хоть по праздникамъ лепешками?»

Года черезъ два Степа уже былъ хорошимъ ученикомъ, чинилъ старые сапоги, ставилъ заплатки и даже умѣлъ подкидывать подметки. Но зато онъ день ото дня блѣднѣлъ и худѣлъ. Сухой его кашель часто раздавался по ночамъ и будилъ сосѣда его Петьку...

— Экой ты какой... Скажи завтра Карлѣ Иванычу...—замѣчалъ Петька.

— Говорилъ... Сказываетъ, пройдетъ и такъ. А вотъ все не проходитъ!

— Скотина!—злобно проговорилъ мальчикъ и, повернувшись на другой бокъ, скоро захрапѣлъ.

А Степа все кашлялъ, схватываясь за грудь съ рѣзко выдающимися ребрами. Мальчику было худо... Скорбный, больной лежалъ онъ на соломѣ, и разныя мысли забѣгали въ маленькую бѣлокурую головку. Грустно глядѣли его большіе каріе глаза. Тяжелая скорбь была въ нихъ.

— О, Господи!—шепталъ только мальчикъ...

Наконецъ онъ заснулъ тяжелымъ, прерывистымъ сномъ.

Видѣлъ онъ во снѣ, какъ его провожали въ Питеръ, какъ Трифонъ разсказывалъ ему о столицѣ и о князьяхъ, какъ привелъ его къ нѣмцу, и какъ нѣмецъ оказался сначала не страшнымъ, а потомъ... потомъ снилось мальчику, какъ его посылали въ морозы въ легонькомъ халатишкѣ, какъ сидѣлъ онъ часто дни впроголодь, и какъ Карла Иванычъ билъ его ремнемъ по дѣтской спинкѣ, больно такъ билъ и приговаривалъ: «Русскій мальчикъ дрянь есть! бить надо». Снились мальчику Дубки, снилась мать и теплая изба... Потомъ...

— Къ мамкѣ... къ мамкѣ хочу!—вскрикнулъ во снѣ мальчикъ.

— Вставай, Степка, ишь разоспался!

Мальчикъ пытался встать, но встать не могъ, силы совсѣмъ упали. Его трясла лихорадка. Сказали Карлу Иванычу. Карлъ Иванычъ пришелъ и замѣтилъ:

— Много квасу пиль. Глупый мальчишка!

Однако Степа и послѣ такой энергичной нотаціи не могъ встать. На другой день Степу свезли въ больницу.

Черезъ недѣлю на дровняхъ везли маленькій, окрашенный въ рыжую краску, гробикъ къ одному изъ кладбищъ. За гробикомъ шелъ, понуря голову, Трифонъ, а въ гробикѣ лежалъ Степа, окончившій свою недолгую, скорбную петербургскую карьеру.

Когда до Дубковъ дошла вѣсть о Степиной смерти, отецъ не сказалъ ни слова, только отчаянно заморгалъ глазами и нѣсколько дней гдѣ-то пропадалъ, а мать громко завывала, призывая громы небесные на виновниковъ смерти сына... Но никто не слыхалъ ея проклятій, кромѣ черныхъ, закоптѣвшихъ стѣнъ неприглядной крестьянской избы.

МАЛЕНЬКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Господинъ съ «настроеніемъ».

I.

Пожилая эстонка Христина, перевирающая фамиліи съ такимъ же апломбомъ «горничной за лакея», съ какимъ истинно-безшабашный журналистъ нашихъ дней перевираетъ географію, исторію и даже ариѳметику, однажды утромъ вошла въ мою комнату, сдѣлала книксенъ и торжественно доложила:

— Господинъ Шивости!

и подала карточку, на которой значилось: «Иванъ Ивановичъ Шилохвостовъ».

Фамилія ничего не говорила ни уму ни сердцу.

— Очень желаетъ видѣть васъ...

— Вѣдь я просилъ не принимать по утрамъ. Меня нѣтъ дома!

— О, извините! Я сказала, что вы дома. Онъ такой хорошій господинъ и такъ благородно одѣты!..

И, вѣроятно, отъ удовольствія принять такого хорошаго господина и получить двугривенный лицо Христины вспыхнуло, и она не безъ таинственности прибавила:

— Онъ сказалъ: «Одна минута по важному дѣлу!»

— Ну, просите!

Черезъ минуту я увидалъ безбородое красивое лицо плотнаго брюнета лѣтъ за тридцать въ безукоризненномъ рединготѣ. Слегка выкаченные темные глаза не лишены были кокетливой наглости татарина-проводника въ Ялтѣ. Пушистая щетка усовъ, поднятыхъ кверху, придавала физіономіи рѣшительный видъ. Изъ-подъ толстыхъ сочныхъ губъ сверкали ослѣпительно-бѣлые зубы.

— Великодушно простите, что отнимаю драгоцѣнное время у писателя, который творитъ... Я прошу пять минутъ... Только пять... Надѣюсь, позволите?

Я зналъ эти «пять минутъ» незнакомыхъ посѣтителей и особенно посѣтительницъ, когда они, при малѣйшей оплошности, начинаютъ знакомить съ избранными мѣстами своихъ рукописей.

Но, повидимому, гость не походилъ на начинающаго писателя,—карманъ сюртука не оттопыривался отъ рукописи. И былъ загадоченъ. Сразу отгадать его профессію было трудно.

Онъ могъ быть и желѣзнодорожнымъ дѣятелемъ, и благотворителемъ, и профессіональнымъ шуллеромъ, и директоромъ увеселительнаго заведенія.

И я хотѣлъ-было «позволить» и просить садиться, какъ господинъ Шилохвостовъ уже протянулъ большую руку съ крупнымъ брильянтомъ на мизинцѣ, крѣпко пожалъ мою, плотно усѣлся въ креслѣ около стола, поставилъ на него новый цилиндръ, и мягкій баритонъ гостя звучалъ еще нѣжнѣе, когда онъ, слегка наклоняя коротко остриженную черноволосую голову, проговорилъ:

— Пріѣхалъ бить челомъ, глубокочтимый... Съ большою просьбой.

Признаюсь, я недоумѣвалъ. Съ какою просьбой могъ обратиться къ старому писателю загадочный господинъ?

А онъ послѣ паузы, во время которой бросилъ мечтательный взглядъ на скромную обстановку кабинета, не безъ убѣдительности въ тонѣ прибавилъ:

— Вѣдь вы, господа писатели,—сила и большая сила. Вы только не понимаете своей силы...

Я пристально взглянулъ въ глаза гостя, и въ головѣ моей мелькнула мысль: «Не сбѣжалъ ли онъ изъ больницы для сумасшедшихъ?»

Но, казалось, онъ былъ въ здравомъ умѣ и въ твердой памяти.

Въ его глазахъ стояла снисходительно-любезная улыбка умнаго человѣка, встрѣтившаго не совсѣмъ понятливаго слушателя.

И Шилохвостовъ сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ и у насъ пресса можетъ быть значительнымъ коэффиціентомъ благожелательнаго вліянія... Несомнѣнно... Разумѣется, если умѣть пользоваться имъ умно, въ извѣстныхъ предѣлахъ и... Позволите курить?

— Пожалуйста!

Шилохвостовъ пыхнулъ дымкомъ и продолжалъ

— И, конечно, имѣя въ виду le gros public, а не ограниченный кругъ читателей, которые по старой привычкѣ еще слушаютъ тихіе вздохи о шестидесятыхъ годахъ и робкія на-

дежды на жареныхъ рябчиковъ, которые вдругъ упадутъ въ какомъ-то неизвѣстномъ государствѣ. Эти немногіе либеральные старые дятлы выдохлись... Ихъ «тукъ-тукъ» стары, безцѣльны и глупы... Не тѣ времена, чтобы большая публика слушала монотонную сказку о бѣломъ бычкѣ. Старыя пѣсни и старые боги основательно забыты. Теперь новыя настроенія... Надо воспользоваться ими, и тогда, повѣрьте, господамъ литераторамъ будетъ и почетно и спокойно. Они станутъ получать такіе гонорары, о коихъ и не снилось.

Я, разумѣется, не прерывалъ господина, обѣщающаго литераторамъ и почетъ и Голконду, и не безъ любопытства ждалъ, что̀ будетъ дальше.

— И теперь есть газеты съ настроеніемъ. Есть! И какіе доходы!—восклицалъ Шилохвостовъ, и въ его голосѣ звучала нотка завистливаго восторга.—Но можно создать газету вчетверо доходнѣе... Подписчиковъ будетъ сто тысячъ... Не угодно ли помножить на семь рублей?.. За пересылку я исключаю... Прибавьте доходъ съ объявленій... скажемъ—двѣсти тысячъ... И мы получимъ 900.000. Какова цифра! Цифра-то какова!?? — захлебываясь отъ восторга, спрашивалъ Шилохвостовъ.

И, не дожидаясь отвѣта, возбужденно говорилъ:

— Есть и теперь умные журналисты, получающіе министерскіе оклады... Но могутъ загребать деньжищи... Настроятъ виллы... Будутъ ѣздить на своихъ рысакахъ... Авансы à discretion... Пожалуйста... Могутъ надѣяться при честолюбіи, какъ въ Англіи и во Франціи, попасть въ государственные люди... И можно интервьюировать кого угодно. Двери для журналистовъ будутъ открыты. Сдѣлайте одолженіе... «Пожалуйте, господинъ писатель. Садитесь... Спрашивайте, о чемъ хотите... Не угодно ли сигару, господинъ представитель печати?..» Вы понимаете, какъ будетъ хорошо?

— Какъ не понять!—подалъ я реплику.

— Это—новыя настроенія... Не то что̀ прежнія, когда даже предсѣдатель какого-нибудь желѣзнодорожнаго правленія вмѣсто сигары вдругъ предложитъ журналисту даровой билетъ до Архангельска...

Шилохвостовъ весело разсмѣялся и прибавилъ:

— А вѣдь были такіе любители отдаленныхъ экскурсій... Вотъ подите... Вмѣсто того, чтобы жить порядочно, они изучаютъ въ какой-нибудь трущобѣ ягоду морошку... А между тѣмъ теперь только не зарывайте таланта. Не погашайте духа. Пишите и пишите...

— Какъ же слѣдуетъ, по вашему мнѣнію, писать?

— Очень просто. Съ настроеніемъ.

— Именно?

— Старые образцы по-боку.

— Неужели?

— Обязательно. Ну, кто поинтересуется Шекспиромъ и прочтетъ его? Устарѣлъ. Скука... И ни одного забытаго слова.. Неинтересно и старо.

— Какія же слова интересны?—освѣдомился я.

— Красота... міровая гармонія... индивидуальная мечта о душѣ. Главное—душа и, разумѣется, русская. Въ отвлеченіи отъ пошлости въ область мечты, а главное—счастье, и только тогда наша самобытность становится ясной, понятной и закономѣрной. Всѣ несовершенства общежитія — войны, недороды, бѣдность, классовая рознь, всѣ эти подчасъ не вполнѣ самоотверженные банкиры, чиновники, урядники и городовые,—собственно говоря, тлѣнъ передъ душой... Не правда ли, оригинальная точка зрѣнія?

— Вполнѣ.

— И, главное, отвѣчаетъ нашему національному характеру. Вѣдь мы, русскіе, по преимуществу—мечтатели, особенно нашъ народъ!—рѣшительно воскликнулъ господинъ Шилохвостовъ.

— Откуда такое заключеніе?

— Плодъ многихъ думъ еще съ университета... и затѣмъ наблюденій бывшаго земскаго начальника. Нельзя утверждать, что всѣ пользуются у насъ полнымъ благосостояніемъ. Но тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что мы идемъ гигантскими шагами къ нему, именно въ виду нашей выносливости и воистину мудрой умѣренности въ пищѣ и тогда, когда урожай хорошъ и недоимки взысканы. А отчего эта умѣренность? Оттого, что нашъ народъ болѣе заботится о душѣ, чѣмъ о тѣлѣ. Была бы душа, а остальное приложится.

— А интеллигенція?

— И она начинаетъ входить во вкусъ новаго настроенія и понимать возвышенность мечты... Она уже пропагандируется и въ нѣкоторыхъ газетахъ, и въ литературѣ, и въ искусствѣ, но еще недостаточно проникновенно и убѣдительно. А между тѣмъ какъ просто объяснять читателямъ прелесть такого настроенія въ передовыхъ граціозныхъ статьяхъ и въ фельетонахъ!..

— Напримѣръ!?

— Предположимъ, что я не обѣдалъ... Стóитъ только заморить червячка, призвать мечту, и я въ мечтахъ съѣлъ превосходный обѣдъ у Донона и вполнѣ сытъ... Предположимъ, что по недоразумѣнію за макао мнѣ переломали ребра, такъ при новѣйшемъ настроеніи это, собственно говоря,—пустяки... Въ

мечтахъ я могу быть съ цѣлыми ребрами и слѣдовательно счастливъ... Я нарочно привелъ исключительно рѣдкіе примѣры. Продолжить болѣе обычные факты жизни до безконечности,— и какое возвышенное и въ то же время умиряющее настроеніе!

Господинъ Шилохвостовъ примолкъ и смотрѣлъ на меня съ торжествующимъ видомъ продувной шельмы, внезапно открывшей Америку.

Прошла минута.

II.

— Вы, конечно, догадались, что я буду издавать газету съ настроеніемъ. Еще минута-другая, и я разовью передъ вами мой планъ... Это будетъ нѣчто грандіозное... Надѣюсь, вы заинтересовались имъ.

— Очень...

— Ну, еще бы... Вы меня понимаете? Отъ моей газеты публика придетъ въ такое же восторженное ошалѣніе, въ какое она приходитъ нынче отъ новыхъ идоловъ—отъ пѣвцовъ и пѣвичекъ... Подписчикъ повалитъ какъ въ театръ Сланиславскаго или на Вяльцеву... Придется къ конторѣ газеты командировать цѣлый отрядъ городовыхъ, чтобы сдерживать толпу, какъ только появится объявленіе... Понимаете? Помятые... истерики... Такъ ужъ на другой день подписчикъ окончательно сойдетъ съ ума и съ ночи займетъ улицу, чтобы поскорѣе достать билетъ на полученіе газеты съ настроеніемъ... Вѣдь одно названіе чего стоитъ... Думалъ, думалъ... И меня словно бы осѣнило... *Русская Душа*... Не правда ли, прекрасное названіе?..

— Чего же лучше!

— Газета съ новѣйшими настроеніями... Коротко и заманчиво... Съ небывалыми безплатными прибавленіями для годовыхъ подписчиковъ...

— Съ повѣстями и романами съ настроеніемъ?

— Это въ газетѣ... Да и что̀ тутъ небывалаго? А я дамъ небывалое прибавленіе. Я знаю, чѣмъ въ настоящій моментъ ошарашить публику...

И, послѣ паузы для вящшаго эффекта, побѣдоносно прибавилъ:

— Я объявлю, что исключительно для годовыхъ подписчиковъ во всѣхъ городахъ Россіи, гдѣ не менѣе ста абонентовъ *Русской Души*, будутъ пѣть божественная Вяльцева и божественные Шаляпинъ и Собиновъ. А знаменитый писатель Мережковскій будетъ читать конференціи объ антихристѣ, знакомствѣ съ нимъ, его похожденіяхъ и намѣреніяхъ. Такимъ образомъ

каждый годовой подписчикъ получитъ триста шестьдесятъ пять нумеровъ газеты съ настроеніемъ и будетъ видѣть и слушать по разу четырехъ знаменитостей... Сколько экономіи! Не надо ѣхать въ Петербургъ и Москву, чтобы послушать ихъ. Да и то еще заплати барышникамъ сто рублей за билетъ или продежурь ночь и рискуй боками въ давкѣ. А подпишись—и даровой билетъ безъ хлопотъ... Вѣдь ловко придумано? Какова идея? Развѣ не геніальная?

Я долженъ былъ признаться, что по нынѣшнимъ временамъ идея геніальная, но заикнулся о расходахъ... Пѣвцы въ большой цѣнѣ.

— Расходы, хоть 10.000 каждому «прибавленію», съ лихвой покроются лишней сотней тысячъ подписчиковъ единственно изъ-за прибавленій. Вѣдь за восемь рублей кого я даю!? Публика мнѣ сдѣлаетъ овацію и дастъ круглый доходъ... Только надо ковать желѣзо, пока горячо...

— Ужъ вы получили разрѣшеніе?

— Нѣтъ еще... Но не сомнѣваюсь.

— А если главное управленіе сошлется на вашу же программу...

— То-есть какъ же?

— Предложить вамъ издавать газету и собирать доходы въ мечтахъ.

— Зачѣмъ такой пессимизмъ... Такая газета вызывается потребностями... Моя *Русская Душа* однихъ утѣшитъ, другихъ обрадуетъ и всѣхъ поразитъ оригинальностью... И, благожелательная, моя газета нисколько не противорѣчитъ устоямъ... Напротивъ... Она только будетъ объединять... настроенія... И кромѣ того *Русская Душа* возьметъ на себя небывалую задачу, имѣющую весьма серьезное значеніе.

— Какую?

— Съ циническою откровенностью знакомить публику съ нашими общественными людьми... Какіе таланты и добродѣтели до сихъ поръ неизвѣстны читателямъ!.. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы много знаемъ правды о своихъ хорошихъ людяхъ?.. Скажите по совѣсти...

Я согласился, что мало.

— Необходимо знать. А то что происходитъ? Мы судимъ о многихъ достойныхъ только по слухамъ и, конечно, часто недостовѣрнымъ. Считаемъ, положимъ, какого-нибудь статскаго совѣтника самымъ обыкновеннымъ начальникомъ отдѣленія, даже повторяемъ про него ходячія сплетни, будто онъ, извините за выраженіе, вретъ какъ сивый меринъ директору департамента... Газета командируетъ достойнаго корреспондента

для интервьюированія... И вдругъ оказывается, что статскій совѣтникъ именно необыкновенный. Ради блага отечества почти не ѣстъ, не пьетъ и не спитъ, а скрѣпляетъ бумаги. Самъ кромѣ правды не говоритъ и требуетъ отъ столоначальниковъ только правды, одной правды. По совѣсти говоря, на такихъ людей необходимо указывать... Это имѣетъ громадное воспитательное значеніе для публики и для тѣхъ, по счастью, рѣдкихъ чиновниковъ, которые дѣйствительно на службѣ только спятъ и даже во снѣ бредятъ какъ сивые мерины... Кромѣ того и лестно для человѣка, хоть будь онъ скроменъ какъ полевая гвоздика... По крайней мѣрѣ о немъ знаетъ публика... Такимъ образомъ благодаря моей газетѣ невѣроятные слухи и злонамѣренныя сплетни сами собой исчезнутъ... Какъ видите, газета будетъ имѣть громадный успѣхъ... Для начала сто тысячъ рублей даетъ одна умная старушка... Кажется, я все изложилъ?..

— Кажется, все...

— И слѣдовательно вы не откажете въ позволеніи считать васъ своимъ сотрудникомъ... Знакомить публику съ выдающимися людьми... 500 р. въ мѣсяцъ, 300 на представительство и по сорока копеекъ за строчку... Сколько угодно аванса?

Когда я отказался отъ этой чести, Шилохвостовъ вытаращилъ на меня глаза.

И наконецъ проговорилъ:

— Но вѣдь вы, сколько знаю, пишете съ настроеніемъ.

— Вы, вѣрно, ошиблись...

— Да вы, глубокоуважаемый...

Шилохвостовъ назвалъ фамилію.

— У меня другая!—отвѣчалъ я и назвалъ свою.—А тотъ господинъ этажомъ выше...

— Извините... Горничная переврала!—сердито проговорилъ издатель съ настроеніемъ и, кивнувъ головой, торопливо вышелъ.

II. «Главное: не волноваться».

Раннее солнечное утро, дышавшее острой свѣжестью горнаго воздуха, было прелестное.

Въ роскошныхъ «храмахъ» знаменитыхъ карлсбадскихъ источниковъ—«Мюльбрунна» и «Шпруделя»—уже играла музыка. Магазины открыты.

Подъ колоннадой «Мюльбрунна» и на широкой аллеѣ передъ ней тихо двигалась толпа разныхъ племенъ и нарѣчій. Больше всего нѣмцевъ.

Больные, особенно представители германской расы, не просто отпивали цѣлебную воду изъ стакановъ маленькими глотками или размѣренно тянули изъ стеклянныхъ трубочекъ: серьезные и слегка торжественные, они, казалось, священнодѣйствовали, свято исполняя свои курортныя обязанности, то-есть съ ранняго утра до поздняго вечера, когда предписывается ложиться спать, думать только о благополучіи своихъ драгоцѣнныхъ особъ.

Къ семи часамъ толпа увеличивается. Хвостъ чающихъ получить мюльбруннъ изъ ловкихъ рукъ пріютскихъ дѣвочекъ, быстро наполняющихъ изъ мраморнаго водоема стаканы и такъ же быстро ихъ подающихъ, растянулся въ два ряда. Порядокъ, разумѣется, образцовый, хотя ни одного городового. Лишь иногда какая-нибудь нетерпѣливая дама—и чаще всего соотечественница—втискивается не по праву въ середину хвоста. Задній господинъ, если не лѣчится отъ печени, уступаетъ мѣсто. Только улыбнется. Да развѣ ближайшіе господа иронически оглядятъ нарушительницу порядка и тихо прополвятъ:

— Русская!

Хотя мой «урокъ»—два стакана—оконченъ, но до права напиться кофе остается еще полчаса, — я пошелъ къ моему врачу.

Въ это утро я еще одинъ въ залѣ доктора. Онъ немедленно вышелъ, крѣпко и ласково пожалъ мнѣ руку и пропустилъ меня въ небольшой кабинетъ.

Послѣ обычныхъ вопросовъ о здоровьѣ молодой чехъ основательно и подробно повторилъ все то, что̀ уже такъ же основательно и подробно объяснялъ въ первый визитъ и что̀ не менѣе добросовѣстно и подробно прописалъ въ печатномъ листкѣ подъ заглавіемъ «Лѣчебное предписаніе», выданномъ мнѣ на три дня вмѣстѣ съ безсрочнымъ листкомъ относительно діэты.

Затѣмъ милый докторъ, говорившій по-русски, съ убѣдительностью повторилъ прежній серьезный совѣтъ:

— Главное: не волнуйтесь! Покорнѣйше прошу не волноваться!

— А что̀ дѣлать, докторъ, чтобы не волноваться? — спросилъ я.

— О, я объясню, какъ это просто, если есть немножко характера. Скажите себѣ: «не надо волноваться!» И вы будете отгонять всякія непріятныя мысли и пригонять пріятныя. Аккуратно исполняйте лѣчебное предписаніе, больше моціона—и послѣ кюра будете совсѣмъ здоровы.

Молодой чехъ говорилъ мягко, почти нѣжно и такъ увѣренно, точно объяснялъ, что дважды-два—четыре.

И, съ милымъ видомъ искренно-наивнаго жреца науки, онъ ласково и одобряюще улыбался, показывая зубы, сверкающіе изъ-подъ сочныхъ крупныхъ губъ, повидимому, не сомнѣвавшійся, что исполнить его совѣтъ дѣйствительно «очень просто». Стоило только «пригонять пріятныя мысли».

Самъ докторъ, казалось, былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ по нынѣшнимъ временамъ, уравновѣшенныхъ, съ крѣпкими нервами людей, которые благополучно не знаютъ волненій. Такое ужъ было у него спокойное и упорное лицо, свѣжее и румяное, съ большими ясными глазами. Круглая, крѣпко посаженная черноволосая голова, остриженная «ежикомъ». Мясистыя выбритыя щеки и черная бородка. Хорошо сложенная, плотная фигура.

Ни въ лицѣ, ни въ словахъ, ни въ манерѣ доктора не было влюбленности въ свою особу. Онъ только благоволилъ къ ней.

Вдобавокъ докторъ не сомнѣвался, что тихонько, при легальномъ терпѣніи, Богемія рано или поздно, но все-таки получитъ все, чтобы каждый чехъ былъ такимъ же «мальчикомъ въ штанахъ», какъ нѣмцы и мадьяры.

Я подумалъ, что добросовѣстный чехъ забылъ, что я—русскій и притомъ старый писатель, т. е., по распространенному мнѣнію среди умныхъ столоначальниковъ, такой, съ позволенія сказать, «безпардонный» человѣкъ, которому самимъ Господомъ Богомъ предназначено писать глупости и, по меньшей мѣрѣ, волноваться.

Но докторъ не забылъ, потому что спросилъ:

— Пишете и здѣсь?

— Пишу.

— Покорно прошу—не пишите пока. И не читайте газетъ.

— И русскихъ?

— Лучше и русскихъ. Какъ говоритъ наука, и радостныя волненія вредны. Въ Карлсбадѣ отдыхайте.

Послѣ этого докторъ вписалъ въ новый листокъ то, что я зналъ на память, вручилъ его мнѣ и, провожая, въ третій разъ проговорилъ:

— Главное: не надо волноваться!

Черезъ пять минутъ я уже сидѣлъ за однимъ изъ столиковъ подъ густыми каштанами на Визе, противъ ресторана «Elephant».

Кельнерши въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ передникахъ то и дѣло бѣгали черезъ улицу взадъ и впередъ между ресторапомъ и столиками и сновали между ними съ подносами.

Одна изъ фрейлейнъ замѣтила меня, любезно кивнула головой, и я зналъ, что скоро получу кофе.

Съ перваго же дня эта фрейлейнъ Мари, шустрая и дѣловито-привѣтливая, оказывала мнѣ протекцію: оставляла мнѣ столикъ въ первомъ ряду, чтобы глазѣть на публику, возвращавшуюся, съ пакетиками купленныхъ булочекъ въ рукахъ, съ «водопоя» въ излюбленныя мѣста, гдѣ пьютъ кофе и чай, подавала мнѣ кофе скорѣе и сразу понимала или дѣлала видъ, что понимаетъ мой невозможный нѣмецкій языкъ.

Заслужилъ я благоволеніе кельнерши десятью крейцерами вмѣсто пяти, которые обыкновенно давала «на чай» кельнершамъ бо́льшая часть публики.

Фрейлейнъ Мари быстро принесла кофе и предупредительно принесла двѣ газеты, недурно произнося русскія названія.

— *Novoie Vremié* und *Moskovskia Viedomosti!*

И спросила:

— Всегда подавать русскія газеты?

— Пожалуйста. Вѣрно, ихъ не требуютъ. Русскихъ еще мало?

— Мало. Двое кромѣ васъ ходятъ и требуютъ русскія газеты.

Нечего говорить, что я забылъ предписаніе доктора и послѣ кофе сталъ пробѣгать газеты.

— Извините, «Новое Время» свободно? — раздался около меня голосъ по-русски.

Я поднялъ голову и увидѣлъ передъ собою Привальева.

— Вотъ не ожидалъ... Какъ пріятно встрѣтиться со старымъ знакомымъ! — проговорилъ Привальевъ, пожимая мою руку.—Я здѣсь отъ печени! А вы?

— Отъ діабета...

— Позвольте присѣсть около.

— Пожалуйста...

Привальевъ попросилъ кельнершу подать кофе и присѣлъ противъ меня.

II.

Безукоризненно одѣтый, моложавый, несмотря на свои «подъ пятьдесятъ», Привальевъ былъ еще красивый мужчина съ засѣдѣвшей русой бородкой и выхоленными пышными усами. Но въ лицѣ онъ осунулся. Отливавшее желтизной, оно имѣло серьезное «государственное» выраженіе, внушительность котораго смягчалась застланностью взгляда проницательныхъ и пытливыхъ глазъ.

Онъ заговорилъ необыкновенно любезно и даже не безъ нѣкоторой задушевности тона въ мягкомъ тенорѣ.

Признаюсь, это показалось мнѣ нѣсколько страннымъ въ человѣкѣ, имѣющемъ репутацію умницы и черстваго чиновника, который не станетъ расточать нѣжныхъ словъ съ безполезными для него людьми и особенно съ литераторомъ, не дающимъ въ газетѣ статей о государственныхъ людяхъ, да еще хорошо знавшимъ Привальева въ его молодости, когда онъ не разъ выражалъ желаніе «пострадать за правду».

Любезность его превосходительства удивила меня еще и потому, что до сихъ поръ такъ-таки и не подтверждались возникавшіе въ Петербургѣ слухи о томъ, что Привальевъ будетъ объявленъ государственнымъ человѣкомъ, и потому онъ директоромъ департамента не сегодня—завтра. Уже въ нѣсколькихъ газетахъ, отвѣчающихъ потребностямъ публики, были набраны привѣтственныя статьи новой «звѣздѣ»—замѣчательному человѣку «съ планомъ», строгаго ума и добраго сердца. Уже были набраны и «мечтательно-меланхолическія» краткія замѣтки по адресу хотя и благожелательнаго, но далеко не оправдавшаго надеждъ администратора, оставлявшаго постъ. Уже друзья и добрые знакомые Привальева поздравляли его и трубили по городу, что другого такого, какъ Иванъ Ивановичъ Привальевъ, имъ не найти, и что завтра будетъ приказъ объ его назначеніи. Ужъ дамы,—особенно съ «настроеніемъ» къ правдѣ, любви и красотѣ, — ѣздили просить у Привальева мѣстъ для мужей, друзей и любовниковъ, какъ въ одинъ прекрасный день былъ объявленъ государственнымъ человѣкомъ другой и... ахъ!

Друзья Привальева первые же изумились. Откуда могли выйти такіе невѣроятные слухи? Да гдѣ хоть капля государственнаго ума въ Привальевѣ? Разумѣется, никто не могъ считать его кандидатомъ на сколько-нибудь отвѣтственный постъ. Просто самый заурядный чиновникъ. Такими хоть прудъ пруди. Надо отдать справедливость: перо и отлично играетъ въ винтъ, но интриганъ, умѣетъ свинью подложить и только воображаетъ, что уменъ...

Привальевъ, конечно, зналъ, что̀ о немъ говорятъ теперь. И печень его превосходительства, прощупанная однимъ неизвѣстнымъ и двумя извѣстными петербургскими врачами, оказалась настолько увеличенной, раздражительность, безотчетная тоска и безсонница стали настолько частыми, что всѣ единогласно предписали Привальеву безусловный отдыхъ, поѣздку въ Карлсбадъ, потомъ морскія купанья и, главное—избѣгать всякихъ волненій, въ особенности не читать «Правительственнаго Вѣстника» и не слушать служебныхъ разговоровъ.

И несмотря на это Привальевъ не разъ повторялъ, что онъ очень радъ встрѣтиться съ почтеннымъ писателемъ на чужбинѣ.

— Ддда... Много воды утекло съ тѣхъ поръ!—мечтательно протянулъ Привальевъ.

— Съ какихъ именно, Иванъ Иванычъ?

Память Привальева и его рѣшительность были внѣ сомнѣнія.

Но онъ, какъ видно, позабылъ дату «тѣхъ поръ» и отвѣтилъ неопредѣленно:

— Съ прежнихъ поръ, конечно!.. Да. Много потерянныхъ иллюзій и надеждъ... По крайней мѣрѣ для меня... И, надо прибавить, много сдѣланныхъ глупостей.

Онъ деликатно не пояснилъ, кѣмъ было сдѣлано много глупостей, но, разумѣется, только не имъ.

И, отхлебнувъ кофе изъ небольшой чашки, продолжалъ:

— Да... Съ большою будущностью страна... Только бы намъ побольше людей съ планомъ... И послѣдовательныхъ... Надо помнить, что мы—русскіе и намъ нужно свое... русское... а не заимствованное. Пора это понять и не играть въ жмурки... Разъ мы самобытны, такъ и во всемъ должны быть самобытны... Я люблю Россію, но не скрываю отъ себя многаго дурного въ ней. И вотъ, подите, отдыхать люблю за границей... И лѣчить печень предпочитаю въ Карлсбладѣ... Берутъ деньги, зато порядокъ, чистота, комфортъ... Кофе отличное... Булочки... И эти фрейлейнъ всѣ съ приличными лицами, аккуратныя, привѣтливыя... И вездѣ соблюдается очередь... Обратили вниманіе, какое уваженіе здѣсь къ представителямъ полиціи.

— Какъ же.

— А наша толпа... Наше отношеніе къ полиціи... Просятъ... уговариваютъ... И никакого вниманія, пока... Почему это?

— Вы какъ думаете, Иванъ Иванычъ?

— Нѣтъ людей съ энергіей.

— А развѣ у насъ нѣтъ ея?

— Нѣтъ... мы точно боимся чего-то... И, повторяю, нѣтъ плана... А чего бояться, скажите на милость... Чего и кого? Ужъ не господъ ли писателей?

И послѣ паузы прибавилъ:

— Я вѣдь читаю газеты и журналы и не безумецъ, чтобы считать господъ писателей опасными людьми.

— Пріятно слышать такія государственныя соображенія, ваше превосходительство,—замѣтилъ я.

— Да... И я имѣю храбрость полагать, что почтенные, убѣленные сѣдинами нераскаянные грѣшники — и много ли ихъ теперь? — не только ничему не мѣшаютъ, а, напротивъ, являются нѣкоторымъ украшеніемъ прессы... Они, такъ сказать, диссонансъ въ общемъ хорѣ... въ нѣкоторомъ родѣ оппозиція... И я не испугался бы ея... Нѣтъ..

Но его превосходительство видимо начиналъ волноваться и, поднимая голосъ, проговорилъ:

— Только нуженъ человѣкъ съ планомъ.

— Съ какимъ, ваше превосходительство?..

— Съ какимъ?.. Во-первыхъ, уничтожить...

Въ эту минуту неожиданно подошелъ докторъ-чехъ и, раскланиваясь, мягко и настойчиво сказалъ:

— Ваше превосходительство! Главное: не волноваться!

Привальевъ замолчалъ. Однако, прощаясь со мною, обѣщалъ показать свой подробный планъ осчастливить Россію.

«Вы не нужны».

I.

Александра Николаевна Болховская мрачнымъ зимнимъ утромъ сидѣла въ кабинетикѣ своей маленькой квартирки на Васильевскомъ островѣ и усердно заполняла листъ бумаги цифрами.

Она служила въ контролѣ сборовъ одного желѣзнодорожнаго управленія и торопилась окончить работу, чтобы попросить передъ праздниками авансъ въ счетъ жалованья.

Предстояли экстренные расходы.

— Ну, мамочка, пора мнѣ въ гимназію.

И подростокъ, славная дѣвочка съ большими темными глазами крѣпко поцѣловала мать.

Александра Николаевна любовно взглянула въ лицо дочери, внимательно осмотрѣла ея костюмъ и сапоги и сказала:

— На-дняхъ, моя крошка, мы поѣдемъ купить тебѣ новые сапоги и шубку. Въ твоемъ пальтишкѣ холодно. Морозъ большой.

— Ничего, мама, гимназія близко. Я бѣгомъ!—и заботливо прибавила: — да гдѣ ты, мама, денегъ достанешь? Жалованье мы уже взяли.

— Возьмемъ впередъ, Маруся.

— Да тебѣ, мамочка, можетъ-быть, непріятно? Съ шубкой подождемъ.

Александра Николаевна особенно нѣжно и порывисто поцѣловала дѣвочку и, улыбаясь ласковой материнской улыбкой, отвѣтила, что пріятнѣе всего знать, что Маруся не простудится.

— Ну, пора! Уже безъ четверти девять.

Въ прихожей мать осмотрѣла калоши дочери, надѣла на нее ватное пальто, еще разъ поцѣловала гимназистку и закрыла за ней дверь.

«Конечно, Уржумцевъ разрѣшитъ»,—успокаивала себя Болховская. Она имѣетъ полное право взять въ счетъ жалованья.

Александра Николаевна служитъ въ правленіи пять лѣтъ, работаетъ усердно, и начальникъ не смѣетъ обвинить ее въ недобросовѣстности.

Правда, Уржумцевъ былъ ограниченный и влюбленный въ себя человѣкъ, воображающій, что онъ геніальный инженеръ и вдобавокъ красавецъ, въ котораго всѣ женщины влюбляются. Александра Николаевна не пользовалась его расположеніемъ. Она не восхищалась имъ, не проникалась его рѣчами и нерѣдко позволяла себѣ не соглашаться съ его мнѣніями.

«Но какъ онъ ни безнадежно глупъ, а не скотина же онъ, чтобы отказать въ авансѣ»,—подумала Болховская.

Передъ праздниками ей деньги были особенно нужны. Она разсчитывала на то, что жалованье впередъ и наградныя позволятъ ей извернуться. И она еще быстрѣе подсчитывала цифры и щелкала костями счетовъ.

Трудно было ей, но она не унывала и работала какъ волъ въ своемъ правленіи. Недаромъ же она получала тамъ высшій окладъ—семьдесятъ пять рублей, за вечернія занятія — пятьдесятъ и кромѣ того давала уроки

Еще недавно красивая, свѣжая и оживленная, Александра Николаевна казалась старѣе своихъ тридцати шести лѣтъ, больной и хилой.

Но въ лицѣ этой, повидимому, усталой женщины было что-то упорное и бодрое. Въ ея прелестныхъ глазахъ свѣтились умъ и энергія. Видно было, что ее сломать не легко.

Александра Николаевна потянулась, расправляя спину, поморщилась какъ бы отъ боли, облегченно вздохнула, взглянувъ на послѣднія написанныя ею цифры, какъ раздался звонокъ, и въ кабинетъ вошла кухарка и, подавая Болховской конвертъ, сказала:

— «Кульеръ», Александра Николаевна.

— Дожидается?

— Нѣтъ, барыня, ушелъ.

Александра Николаевна вскрыла конвертъ, пробѣжала письмо и, поблѣднѣвшая, опустилась на кресло какъ подкошенная.

— Да что̀ же это?—прошептала она въ тоскѣ. И, словно бы не довѣряя только-что прочитаннымъ словамъ письма, она снова прочитала:—«Къ сожалѣнію, вынужденъ сообщить вамъ, что по приказанію управляющаго контролемъ сборовъ вы съ 1-го ноября не нужны».

Письмо было подписано правителемъ дѣлъ и хорошимъ знакомымъ Александры Николаевны.

II.

Возмущенная Александра Николаевна повторяла:

— Вѣдь и прислугу такъ не разсчитываютъ. Хоть бы предупредили.

Черезъ полчаса она уже была въ правленіи.

Поднявшись въ комнату, гдѣ она занималась, Александра Николаевна поздоровалась съ нѣсколькими барышнями, сидѣвшими за столами, и подошла къ Стрижову, молодому бѣлокурому господину съ пухлымъ, нѣсколько рыхловатымъ лицомъ и большими голубыми глазами.

Уже при видѣ его сконфуженнаго, внезапно отведеннаго взгляда Александра Николаевна рѣшила, что этотъ господинъ замѣшанъ въ ея увольненіи.

— Здравствуйте, Сергѣй Александровичъ,—проговорила возбужденно Александра Николаевна, протягивая молодому человѣку руку.—Это что̀ значитъ?

— Что̀, Александра Николаевна?—словно бы не понимая, о чемъ спрашиваетъ конторщица, мягкимъ, елейнымъ голосомъ проговорилъ блондинъ, и его голубые красивые глаза внимательно разглядывали лежащую передъ нимъ бумагу.

Александра Николаевна скорѣе сразу почувствовала, чѣмъ поняла, что этотъ товарищъ лгалъ.

— Вы ничего не знаете? Я больше не нужна.

— Неужели? Да этого не можетъ быть, Александра Николаевна. Вѣрно, какое-нибудь недоразумѣніе. Самое лучшее, объяснитесь съ Уржумцевымъ. А то, можетъ-быть, предсѣдатель правленія устроилъ эту штуку? Онъ вѣдь любитъ новыя, молодыя женскія лица. Пожалуй, пристроилъ барышню, чтобы обезпечить любовные расходы на казенный счетъ. А можетъ, и самъ Уржумцевъ подыскалъ хорошенькую брюнетку. Ахъ, Александра Николаевна, не особенно пріятно здѣсь служить!—прибавилъ Стрижовъ.

— Такъ вы та̀къ и не знаете, за что̀ меня увольняютъ?

— Честное слово, навѣрное не знаю. Недаромъ же Уржумцевъ—человѣкъ настроенія и вдобавокъ...—И, понижая голосъ до шопота, молодой человѣкъ, показавъ длиннымъ, вы-

холеннымъ пальцемъ на свой лобъ, сказалъ: — Знаете, какой фруктъ Уржумцевъ!

— Однако вы, Сергѣй Александровичъ, очень ухаживаете за «фруктомъ»,—съ нескрываемой насмѣшливой ироніей проговорила Болховская, и въ ея глазахъ мелькнуло презрѣніе.

— Поневолѣ приходится приноравливаться, какъ это ни противно. Скорѣе бы уйти отсюда. А вамъ, Александра Николаевна, Уржумцевъ вѣрно не посмѣетъ не дать другого мѣста; вѣдь онъ цѣнитъ васъ какъ работницу. Всѣ у насъ знаютъ, какъ вы работаете.

— И тѣмъ не менѣе?..

Александра Николаевна горько усмѣхнулась, рѣшительно прошла черезъ большую комнату и вошла въ кабинетъ своего непосредственнаго начальника.

III.

Приземистый, широкоплечій, довольно некрасивый, лысый инженеръ въ тужуркѣ привсталъ со своего кресла у письменнаго стола и, протягивая руку, спросилъ:

— Что̀ прикажете, Александра Николаевна?

— Насчетъ вотъ этой бумаги...

— Ахъ, да, было-позабылъ. Ужъ вы не сердитесь, барынька, служба-службой, а дружба-дружбой. Предсѣдатель требуетъ экономіи.

— За что же она отразилась на мнѣ?

— Я тутъ ни при чемъ. Предсѣдатель находитъ, что вы получаете большое жалованье, и нашелъ другую барышню на тридцать рублей. Я, конечно, стоялъ за васъ, но вы знаете предсѣдателя—онъ упрямъ какъ лошакъ. Во всякомъ случаѣ вы, Александра Николаевна, не тревожьтесь. Я попрошу предсѣдателя, чтобы вамъ при увольненіи выдали жалованье за два мѣсяца, а потомъ постараюсь устроить васъ. Пока оставлю за вами вечернія занятія.

— Это на пятьдесятъ рублей? На что же я буду жить съ дочерью? Подумали вы объ этомъ? — раздраженно бросила Болховская.

— Я, кажется, не легкомысленный человѣкъ, и знаете, сколько мнѣ приходится обо всемъ думать. Вы не должны быть на меня въ претензіи. Я и безъ того смотрѣлъ сквозь пальцы, когда вы поздно являлись на службу... И уже не разъ слышалъ изъ-за васъ замѣчанія предсѣдателя.

— Да вѣдь я съ работой не опаздывала. Работала дома.

— А меня могли обвинить, что я покровительствую вамъ.

Пожалуй, скажутъ, что пользуюсь особеннымъ вашимъ благоволеніемъ.

— Это какимъ? — проговорила, разсмѣявшись, Александра Николаевна, взглядывая на широкое, сіяющее и тупое лицо съ лысиной, которое остряки въ правленіи находили похожимъ на колѣно.

— Кажется, понятно. Женщины не лишаютъ меня своего особеннаго вниманія.

И съ побѣдоноснымъ видомъ Уржумцевъ прибавилъ:

— Я не виноватъ, что нравлюсь женщинамъ и внушаю имъ мечты, полныя чаръ, нѣги и блаженства.

При всей подавленности, тревогѣ и страхѣ за будущее, Александра Николаевна расхохоталась какъ сумасшедшая въ лицо Уржумцеву.

— Что̀ вы находите смѣшного? Вы приходите по службѣ и, кажется, могли бы понимать служебныя отношенія,—строго и внушительно проговорилъ Уржумцевъ.

Болховская расхохоталась еще больше.

— Напрасно вы смѣетесь. Я не имѣю чести вамъ нравиться? Конечно, дѣло вкуса... Но я могъ бы вамъ доказать, что имѣю полное основаніе нравиться женщинамъ. Онѣ хорошо меня знаютъ и любятъ не ради одной только души. Развѣ вы не понимаете, что̀ такое любовь? Это не одна только душа, а нѣчто совершенно особенное. Прочтете, Александра Николаевна, я пишу въ свободное время серьезную статью о любви.

— Да, вы, кажется, не разъ разсказывали объ этомъ интересномъ предметѣ барышнямъ правленія... Съ меня довольно.

— Да вы что̀ сердитесь, Александра Николаевна? Я не сержусь, что не нравлюсь вамъ, и прошу вѣрить, что я долженъ былъ послать вамъ письмо объ увольненіи безъ какихъ-либо особыхъ намѣреній.

— Еще бы смѣли!—высоко поднимая голову, проговорила Александра Николаевна и, едва поклонившись, вышла изъ кабинета.

IV.

Въ тотъ же день Александра Николаевна опять пришла въ правленіе.

Она все еще надѣялась, что ее оставятъ на службѣ.

Уржумцевъ могъ испугаться протеста сослуживцевъ. Они могли бы за нее заступиться. Вѣдь должны же они были возмутиться поведеніемъ Уржумцева и могли бы показать ему его несправедливость.

Многія изъ барышень выражали Александрѣ Николаевнѣ участіе, но оно казалось далеко не искреннимъ. Молчали и молодые люди.

Только Ардаліонъ Ивановичъ, старенькій помощникъ бухгалтера, любившій сильно запивать, при встрѣчѣ съ Александрой Николаевной значительно и крѣпко пожалъ ей руку и сказалъ:

— Говорили съ Уржумцевымъ?

— Говорила...

— Одумался?

— Нѣтъ, сегодня совсѣмъ ухожу.

— Мерзавецъ!—проговорилъ старенькій помощникъ бухгалтера и куда-то исчезъ.

Черезъ пять минутъ онъ уже вернулся, значительно раскраснѣвшійся, и вошелъ къ Уржумцеву.

— Извините, Василій Васильевичъ... мнѣ два слова.

— Что вамъ?

— Вѣдь Александра Николаевна — отличная работница. Другой такой не найдемъ, и дѣло хорошо знаетъ, и не изъ лодарницъ - барышень. Намъ же будетъ труднѣе, если вмѣсто Болховской вы намъ дадите какую-нибудь хорошенькую цацу.

— Это не мое дѣло... Предсѣдатель...

— Ну, положимъ, Василій Васильевичъ, все зависитъ отъ васъ. Скажите предсѣдателю,—онъ и отмѣнитъ свое рѣшеніе.

— Да вы что? Влюблены, что ли, въ Болховскую? Такъ вы и похлопочите для нея о другомъ мѣстѣ. А у насъ не благотворительное учрежденіе.

— То-то для многихъ барышень благотворительное... Хотя бы для вашихъ двухъ кузинъ... А порядочную работницу гонятъ.

— Прошу васъ не читать мнѣ нотацій.

— Какія нотаціи? Просто мы по-свински сдѣлали. И попадемъ въ газеты. И подѣломъ...

Уржумцевъ очень боялся газетъ и испуганно спросилъ:

— Это кто же можетъ написать такую пасквиль?

— Да хоть бы и я? Вы думаете, нечего разсказать? Очень даже много,—вызывающе сказалъ Ардаліонъ Ивановичъ.

— Вы, вѣрно, закусывали?—съ презрительной усмѣшкой сказалъ Уржумцевъ.

— И закусывалъ и выпилъ. А мнѣ обидно, хотя я за Александрой Николаевной не ухаживаю. Я вѣдь не такъ правлюсь женщинамъ, какъ вы.

Уржумцевъ зналъ, что Ардаліонъ Ивановичъ былъ знаю-

щій и отличный служака, и имъ дорожилъ и предсѣдатель правленія, и его хорошо зналъ одинъ изъ крупныхъ акціонеровъ, имѣвшій большое вліяніе на правленіе и особенно на предсѣдателя. Всѣ знали, что старенькій помощникъ выпиваетъ, но на это смотрѣли сквозь пальцы. И Уржумцевъ, слегка понижая тонъ, сказалъ:

— Я попрошу предсѣдателя... Только врядъ ли... А на газеты мнѣ наплевать... Мало ли врутъ.

— Такъ вы, Василій Васильевичъ, рѣшительно гоните Болховскую?..

— Повторяю, я ни при чемъ.

— Ну что-жъ, ловко! Вѣрно, какую-нибудь цацу опредѣлите? А я съ цацой служить не хочу и пойду объясняться къ предсѣдателю... Пойду еще закусывать и не побоюсь... И безъ вашего правленія найду мѣсто!..

Съ этими словами старенькій помощникъ бухгалтера вышелъ изъ кабинета и въ комнатѣ, гдѣ сидѣли барышни, громко воскликнулъ:

— Барышни, Болховскую выгнали! Довольно подло съ ней сдѣлали!

Никто не отвѣчалъ. Глаза у всѣхъ были опущены. Только одна изъ самыхъ любопытныхъ спросила:

— Ардаліонъ Ивановичъ, вы, навѣрно, знаете, кто вмѣсто Болховской?

— Вѣрно, къ вамъ новая барышня... И будетъ стрѣлять глазами еще лучше васъ.

— И ошиблись, милый Ардаліонъ Ивановичъ,—внезапно сказала только-что вошедшая Александра Николаевна.

— А кто?

— Да вотъ этотъ самый Стриковъ, который такъ ухаживаетъ за «фруктомъ». Мнѣ только-что кассиръ сказалъ... Вѣдь это правда, Сергѣй Александровичъ?—обратилась она къ молодому человѣку съ ласковыми глазами.

Тотъ вспыхнулъ и обиженно проговорилъ:

— Я ни при чемъ, Александра Николаевна.

— Но однако вы назначены на мое мѣсто?

— Да... Мнѣ только-что сказалъ Уржумцевъ.

— И знали, что меня выгоняютъ?

— Хорошъ товарищъ!—воскликнулъ старенькій помощникъ бухгалтера, и скулы на его лицѣ задвигались. — А вы, Александра Николаевна, не думайте, что всѣ здѣсь такія же свиньи. Я вотъ выпилъ и не хочу быть свиньей. Уйдете вы— и я уйду.

Сконфуженный молодой человѣкъ какъ будто не слыхалъ,

что ему сказалъ выпившій Ардаліонъ Ивановичъ, и, наклонивъ голову, усердно защелкалъ счетами.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ царило молчаніе.

Вскорѣ въ комнатѣ словно затрещала стайка канареекъ. Барышни бросили работу и стали болтать о томъ, дѣйствительно ли вмѣсто барышни будетъ назначенъ Сергѣй Александровичъ.

— Вѣрно, дадутъ больше жалованья, чѣмъ намъ,—замѣтила барышня въ красной хорошенькой блузкѣ.

— Это безсовѣстно! Наша комната для барышень.

Но вдругъ всѣ барышни притихли. Защелкали костяжки. Вошелъ Уржумцевъ. Обратившись къ Стрижову, онъ сказалъ:

— Пока займите мѣсто Болховской. Александра Николаевна уходитъ отъ насъ.

— И я ухожу, освободится и еще мѣсто.

Александра Николаевна протянула обѣ руки къ Ардаліону Ивановичу и проговорила:

— Не дѣлайте этого, не дѣлайте, Ардаліонъ Ивановичъ. Вѣдь у васъ семья. А развѣ вашъ поступокъ повліяетъ на кого-нибудь? Взгляните кругомъ... Сергѣй Александровичъ, пожалуй, назоветъ васъ сумасшедшимъ.

Въ эту минуту вошелъ высокій, худощавый старикъ и, любезно раскланиваясь, прошелъ въ свой кабинетъ, на ходу сказавъ Уржумцеву:

— Василій Васильевичъ, ко мнѣ на минутку.

V.

— Терпѣть я не могу, когда у насъ какія-то непріятныя исторіи,—сказалъ предсѣдатель и брезгливо сморщилъ свое безбородое и безусое лицо.—Ужь вы какъ-нибудь уладьте.

— Оставить Болховскую?

«Кажется, могъ бы самъ сообразить, а не безпокоить меня. Для чего же онъ и занимаетъ такое мѣсто? А то лѣзетъ со всякимъ пустякомъ»,—подумалъ предсѣдатель и прибавилъ:

— Вѣдь Болховская не изъ аккуратныхъ барышень?

— Да, не изъ аккуратныхъ.

— Такъ дайте ей полугодовое жалованье, она и успокоится. По крайней мѣрѣ меня не будутъ безпокоить. И устройте одну барышню. Явится къ вамъ съ моей карточкой. Я ее знаю. Вполнѣ порядочная дѣвушка.

Уржумцевъ наклонилъ голову и проговорилъ:

— Помощникъ бухгалтера собирается уходить.

— Изъ-за чего?

— Да изъ-за этой же непріятности. Сегодня много заку-

сывалъ и находитъ, что вы несправедливы къ Болховской. Грозитъ газетами. Конечно, Ардаліонъ Ивановичъ—служащій хорошій, но не одинъ же онъ...

— Газетами?! Такая неблагодарная скотина! Я его взялъ сюда, ходилъ тогда безъ сапогъ, а теперь «несправедливость»! Можно и его сплавить!.. У меня въ виду есть порядочный человѣкъ на его мѣсто. Скажите, что если ему кажется, что здѣсь однѣ несправедливости, то его удерживать не будемъ. И прошу васъ, Василій Васильевичъ, чтобы никакихъ исторій... Ужасно не люблю я этихъ исторій...

VI.

На другой день въ контролѣ сборовъ не было Александры Николаевны и помощника бухгалтера. Мѣсто Болховской занялъ Стриженовъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла новенькая—эффектная брюнетка, элегантно одѣтая, съ красивыми кольцами на тонкихъ, длинныхъ, выхоленныхъ пальцахъ.

Она со всѣми познакомилась. Привѣтливая, съ ласково улыбающимися глазами, новенькая всѣмъ понравилась. Барышни весело болтали и примолкли, какъ только вошелъ Уржумцевъ.

Барышни обратили вниманіе, что Уржумцевъ особенно ласково посмотрѣлъ на эффектную брюнетку.

Въ то же время Болховская нервно ходила по своей квартирѣ. На душѣ было жутко. Будущее казалось ей безнадежнымъ. И она повторяла:

— Выброшена... Выброшена...

— Ты, мамочка, что же такая грустная?—проговорила дѣвочка, вбѣгая въ комнату, и прижалась къ матери.

Мать мучительно-радостно смотрѣла на дѣвочку и чувствовала, что энергія и бодрость снова приливаютъ къ ея сердцу.

И она сказала:

— Я, Маруся, оставила мѣсто. Найду другую работу. Не буду уходить изъ дому. Будемъ теперь вмѣстѣ.

И Александра Николаевна стала безумно цѣловать дѣвочку.

А слезы тихо катились по щекамъ этой затравленной женщины.

ЕЛКА.

I.

Въ этотъ поистинѣ «собачій» вечеръ, наканунѣ сочельника, холодный, съ рѣзкимъ леденящимъ вѣтромъ, торопившимъ людей по домамъ, въ крошечной каморкѣ одной изъ петербургскихъ трущобныхъ квартиръ подвальнаго этажа, сырой и зловонной, съ заплеснѣвшими стѣнами и щелистымъ поломъ, мирно и благодушно бесѣдовали два обитателя этой каморки, попивая изъ кружекъ чай и закусывая его ситникомъ.

Эти двое людей, чувствовавшіе себя въ относительномъ теплѣ своего убогаго помѣщенія, повидимому, весьма недурно, были: извѣстный трущобнымъ обитателямъ подъ кличкой «майора» (хотя «майоръ» никогда въ военной службѣ не служилъ) пожилой человѣкъ трудно опредѣлимыхъ лѣтъ, съ одутловатымъ, испитымъ лицомъ, выбритымъ на щекахъ, съ небольшой, когда-то рыжей эспаньолкой, короткой сѣдой щетиной на продолговатой головѣ и съ парой юркихъ сѣрыхъ глазъ, глядѣвшихъ изъ-подъ нависшихъ, взъерошенныхъ бровей, и пріемышъ-товарищъ «майора», худенькій, тщедушный мальчуганъ лѣтъ восьми-девяти съ блѣднымъ личикомъ, бѣлокурыми волосами и оживленными черными глазами.

Мальчикъ только-что вернулся съ «работы», прозябшій и голодный, и, утоливъ свой голодъ горячими щами и отогрѣвшись, разсказывалъ майору о тѣхъ диковинахъ, которыя онъ видѣлъ въ окнахъ магазиновъ на Невскомъ, куда онъ ходилъ сегодня, по случаю ревматизма, одолѣвшаго «майора», надоѣдать прохожимъ своимъ визгливымъ, искусственно-жалобнымъ голоскомъ: «Миленькій баринъ! Подайте мальчику на хлѣбъ! Миленькая барынька! Подайте милостинку бѣдному мальчику!»

Майоръ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушалъ оживленный разсказъ мальчика, переполненнаго впечатлѣніями, и по

временамъ ласково улыбался, взглядывая на своего сожителя съ трогательной нѣжностью, казавшейся нѣсколько странной для суровой по внѣшнему виду наружности майора.

— Такъ ты, братецъ, находишь, что эта елка очень хорошая?—спрашивалъ майоръ своимъ сиплымъ, надтреснувшимъ баскомъ, наливая мальчику новую кружку чая.

— Страсть какая хорошая, дяденька!—съ восторгомъ воскликнулъ мальчикъ и лѣниво отхлебнулъ чай.

— Какая же она такая? Разсказывай!

— Большущая... а подъ ей старикъ весь бѣлый - пребѣлый съ длинной бородой... а на елкѣ-то, дяденька, видимо-невидимо всякихъ штучекъ... И яблоки... и апельсины... и фигуры... И вся-то она горитъ... свѣчей много... И все вертится... Я такъ заглядѣлся на нее, что чуть-было чорта-фараона не прозѣвалъ... Однако, небось, во-время далъ тягу!—съ веселымъ смѣхомъ прибавилъ мальчикъ и плутовато сверкнулъ глазами.

— А зазябъ очень?

— Зябко было... Главная причина: вѣтеръ!—проговорилъ, напуская на себя серьезный, дѣловитый видъ, мальчуганъ съ черными глазами. — А то бы ничего... Два раза бѣгалъ чай пить... Да работа была неважная... Всего тридцать копеекъ насобралъ... Погода!.. Вотъ что̀ завтра Богъ дастъ!

— Завтра ты не ходи!—послѣ минутнаго раздумья сказалъ майоръ.—Завтра я выйду на работу!

Это извѣстіе, повидимому, не особенно обрадовало мальчика, и онъ замѣтилъ:

— Да вѣдь ты нездоровъ, дяденька.

— За ночь нога отойдетъ. А ты не ходи! — внушительно повторилъ майоръ.—Нечего шататься, да и заболѣть по этой погодѣ недолго. Ты вѣдь у меня дохленькій! — прибавилъ майоръ. — И то сегодня въ своей кацавейкѣ, небось, попрыгалъ... Никакъ ужъ простудился?

И съ этими словами майоръ, одѣтый въ какую-то обтрепанную хламиду, замѣнявшую халатъ и покрывавшую его бурое голое тѣло, поднялся съ табурета и приложилъ свою вздрагивавшую, грязную, но маленькую, видимо дворянскую руку къ головѣ возбужденнаго и раскраснѣвшагося мальчика.

— Ишь... горячая! — сердито проворчалъ майоръ и спросилъ:—Болитъ?

— Не болитъ!

— И нигдѣ не болитъ? Смотри, Ѳедя, говори правду.

— Вотъ-те крестъ, нигдѣ не болитъ! Только будто жарко немного.

— А ты спать ложись. Я тебя укрою. Выспишься, и ладно будетъ!

Мальчикъ послушался и, снявъ съ себя навернутое тряпье, легъ на постель, устроенную изъ пустого большого ящика, поверхъ котораго лежалъ соломенный тюфякъ. Майоръ заботливо укрылъ ребенка рваным одѣяломъ и своимъ такъ-называемымъ «пальто», изображавшимъ собой нѣчто рыжее, неизвѣстно какой матеріи.

— Ну спи, спи теперь.

— А ты?

— И я скоро лягу.

Нѣсколько минутъ въ маленькой каморкѣ, освѣщенной скупымъ свѣтомъ небольшой лампочки, царила тишина. Майоръ сидѣлъ на своемъ табуретѣ у кривоногаго стола, погруженный въ какія-то думы.

Товарищу его не спалось. Голова его полна была впечатлѣніями сегодняшняго дня, и онъ проговорилъ:

— Дяденька!

— Что̀ тебѣ?

— А должно-быть, такая елка дорого сто̀итъ?

— А ты думалъ дешево?—усмѣхнулся майоръ.

— То-то я и говорю. Поди, рублей десять.

Майоръ вмѣсто отвѣта протяжно свистнулъ.

— Двадцать, что ли?

— И сто платятъ.

— Ишь ты. Богатые покупаютъ?

— Да, братъ. Намъ съ тобой такой елки не купить. А ты спи лучше!

— Не хоцца, дяденька...

— А ты все спи.

Мальчуганъ замолкъ и вздохнулъ.

Тѣмъ временемъ майоръ сталъ считать небольшую кучку мѣдныхъ денегъ, лежащую на столѣ. Оказалось всего сорокъ двѣ копейки. Майоръ задумчиво покачалъ головой и тоже вздохнулъ.

— А у тебя была елка, когда ты былъ маленькій?—снова заговорилъ мальчикъ.

Этотъ неожиданный вопросъ, повидимому, возбудилъ въ майорѣ кучу воспоминаній изъ далекаго прошлаго, представлявшаго такой рѣзкій контрастъ съ настоящимъ. Счастливое дѣтство пронеслось передъ нимъ какимъ-то свѣтлымъ, радостнымъ призракомъ и потонуло во мракѣ позднѣйшихъ лѣтъ постепеннаго паденія, воровства, пьянства и нищеты.

И онъ раздумчиво отвѣтилъ:

— Была.

— Каждое Рождество была?

— Да... Въ сочельникъ всегда была...

— И хорошая?

— Чудесная... въ родѣ той, какую ты сегодня видѣлъ...

И майоръ, невольно увлеченный нахлынувшими воспоминаніями, сталъ подробно разсказывать, какія у него бывали елки, и какъ онъ, одѣтый въ шелковую красную рубашку, танцовалъ и веселился вмѣстѣ съ другими дѣтьми, такими же нарядными, и сколько было на елкѣ игрушекъ, фруктовъ и конфетъ, и какъ ихъ раздавала его мать, красивая, статная барыня...

Мальчикъ слушалъ, какъ очарованный, словно сказку, этотъ разсказъ, наполовину правдивый, наполовину прикрашенный фантазіей павшаго человѣка, желавшаго освѣтить лучезарнымъ блескомъ хоть далекое прошлое.

И, когда майоръ замолкъ, мальчикъ нѣсколько минутъ спустя спросилъ:

— Это ты, дяденька, все навралъ? У тебя такихъ елокъ не было?

— Были!..—отвѣтилъ майоръ.

— Ну?—съ сомнѣніемъ протянулъ мальчикъ.

Майоръ понялъ, почему сомнѣвался его товарищъ, и пояснилъ:

— Прежде я, Ѳедя, богатый былъ...

— Ишь ты... А теперь, значитъ, нищій!—недоумѣвалъ мальчикъ и вдругъ грустно проговорилъ:—А у меня такъ никогда елки не было!

— А ты хотѣлъ бы елку?

— А то нѣтъ?

— Такъ, можетъ, и у тебя будетъ елка!—рѣшительно произнесъ майоръ, и его сиплый басокъ зазвучалъ нѣжностью.

Въ отвѣтъ на это мальчикъ недовѣрчиво усмѣхнулся, словно бы хотѣлъ сказать своему старому сожителю: «Ври, дяденька, больше!»

— Однако довольно-то намъ языки чесать. Давай лучше, братецъ, спать.

И, потушивъ лампочку, майоръ улегся на свою убогую койку, прикрывшись всѣмъ своимъ гардеробомъ.

Въ скоромъ времени мальчикъ заснулъ, и громкое его дыханіе раздавалось среди тишины. Но майоръ долго еще кряхтѣлъ и ворочался на жесткомъ ложѣ. Мысль объ елкѣ для этого бездомнаго сироты, скрасившаго печальные дни горемычной жизни майора, гвоздемъ засѣла въ его головѣ.

Недаромъ же онъ, старый пропойца, такъ привязался къ маленькому существу и излилъ на него всю любовь своего сердца. Недаромъ же онъ сталъ менѣе пить съ тѣхъ поръ, какъ этотъ сирота былъ взятъ имъ отъ пьяной, развратной бабы, тетки мальчика, которая его била и съ охотой отдала майору. И мальчикъ скоро полюбилъ своего добраго товарища и пѣстуна, никогда не обижавшаго своего «дохленькаго» маленькаго пріемыша...

Разные планы о томъ, какъ добыть рубля два-три, чтобы устроить завтра елку, бродили въ головѣ майора и казались несбыточными. Надежды на его засаленное прошеніе, съ которымъ онъ ходилъ иногда по домамъ и въ которомъ изъяснялись бѣды престарѣлаго майора, отца многочисленнаго семейства, раненаго на войнѣ, казались слишкомъ рискованными, въ виду скептицизма петербуржцевъ, безсердечія швейцаровъ, торчащихъ передъ праздниками у дверей, и въ виду собственной его, далеко не респектабельной наружности, въ особенности его сизо-багроваго мясистаго носа, не внушавшаго большого довѣрія... А эти уличныя подачки слишкомъ малы, чтобы набрать такую сумму, какая требовалась.

Но чѣмъ болѣе казались недостижимыми мечты майора объ елкѣ, тѣмъ сильнѣе загоралось желаніе осуществить ихъ и доставить радостный сюрпризъ единственному въ мірѣ существу, привязанному къ нему, давно всѣми забытому и презираемому.

И майоръ заснулъ наконецъ неспокойнымъ, тяжелымъ сномъ, но полный рѣшимости, словно Наполеонъ передъ Бородинской битвой.

II.

Собрался онъ въ походъ рано утромъ, когда его маленькій товарищъ еще сладко спалъ. Передъ тѣмъ майоръ, при свѣтѣ лампочки, привелъ свою физіономію въ возможно приличное состояніе, закрутилъ усы по-военному и преобразился въ раненаго, т. е. подогнулъ колѣно и привязалъ его къ деревяжкѣ. Послѣ того онъ осторожно снялъ съ мальчика свое пальто, накрывъ спящаго халатомъ, натянулъ пальто сверхъ дырявой жилетки, прикрывавшей голую грудь, повязалъ шею большимъ шерстянымъ шарфомъ и надѣлъ картузъ съ большимъ козыремъ. Въ общемъ получался военный видъ, что̀ и дало бывшему когда-то чиновнику кличку «майора»...

Квартирная хозяйка, бойкая вдова городового, уже возилась у плиты, когда въ кухнѣ появился майоръ.

— Что̀ такъ рано, майоръ?—спросила она.

— Сами знаете... праздники!..—сосредоточенно и серьезно отвѣтилъ майоръ, прикладываясь къ козырьку и уже входя въ роль военнаго человѣка. — Да и привыкъ на службѣ-то рано вставать. Служба царская, сами понимаете!

Онъ вручилъ хозяйкѣ пятнадцать копеекъ и, наказавъ купить ситника къ чаю и накормить обѣдомъ мальчугана, попросилъ передать ему, чтобы онъ не выходилъ никуда изъ дому, пока майоръ не вернется, и вообще присмотрѣть за мальчикомъ, если онъ сдѣлается нездоровъ.

— И то вчера прозябъ!—прибавилъ онъ и, галантно приложившись къ козырьку картуза, вышелъ вонъ.

Утро стояло морозное, такое же вѣтреное, какъ вчера, и прохватывало майора. Но онъ, казалось, не обращалъ на это вниманія и твердыми, бодрыми шагами, серьезный и рѣшительный, шелъ по направленію къ кабаку, гдѣ былъ завсегдатаемъ. Войдя туда, онъ молча раскланялся съ заспаннымъ сидѣльцемъ, выпилъ стаканчикъ водки, крякнулъ и конфиденціально шепнулъ ему:

— А я къ вамъ, Иванъ Филиппычъ, сегодня съ маленькой просьбой.

— Какая же будетъ ваша просьба, майоръ? — отвѣчалъ краснощекій ярославецъ.

— Тутъ есть одно обстоятельство... Мнѣ бы рубликъ въ долгъ... дней на пятокъ... Вѣрьте...

— Ну ужъ это извините, майоръ... Небось, сегодня вы и больше рубля насбираете.

Майоръ молча приложился къ козырьку и вышелъ на улицу.

Сперва онъ обходилъ лавки и собиралъ копейки. Много обошелъ онъ такимъ образомъ лавокъ и насбиралъ копеекъ сорокъ. А морозъ крѣпчалъ, и майору становилось жутко отъ холода. Надо было обогрѣться, и къ полудню онъ зашелъ въ закусочную, выпилъ еще стаканчикъ, съѣлъ порцію селянки, приготовленной Богъ вѣсть изъ какихъ отбросовъ, и, обогрѣвшись, снова вышелъ на улицу, разсчитывая «работать» теперь, обращаясь къ проходящимъ, и при удобномъ случаѣ заходить въ квартиры.

Майоръ благоразумно избѣгалъ очень бойкихъ улицъ и шатался болѣе по улицамъ глухимъ, гдѣ не бывало городовыхъ. Завидя какую-нибудь даму, майоръ не безъ достоинства прикладывалъ руку къ козырьку и тихо, словно желая сооб-

щить какой-нибудь секретъ, говорилъ: «Отставному военному, мадамъ. Не откажите?»

Но дамы по большей части пугливо прибавляли шаги и озирались: нѣтъ ли по близости городового. Что же касается до мужчинъ, то они какъ-то безучастно внимали и русскимъ и французскимъ фразамъ майора, и трагическимъ и комическимъ его обращеніямъ. Такимъ образомъ, пробродивъ часа два, бѣдный майоръ собралъ еще всего двадцать копеекъ, поданныхъ ему одною купчихой и какимъ-то подвыпившимъ господиномъ, котораго майоръ абордировалъ фразой: «на сорокоушку, s'il vous plait», что̀, видимо, очень понравилось веселому господину, давшему майору цѣлый гривенникъ. Вообще «работа» шла плохо. Погода стояла дьявольская, и некогда было подавать милостыню.

Майоръ начиналъ снова зябнуть и падать духомъ при мысли объ елкѣ. Онъ пробовалъ-было обращаться къ швейцарамъ, чтобы его пустили подать прошеніе, но швейцары не пускали и посмѣивались и надъ его костюмомъ и надъ его серьезнымъ видомъ, полнымъ чувства собственнаго достоинства.

Тѣмъ не менѣе майору удалось-таки проникнуть во дворъ одного большого роскошнаго дома, минуя дворниковъ, прочитать на доскѣ фамиліи жильцовъ, войти съ чернаго хода въ большую, свѣтлую, теплую кухню и, поклонившись дебелой, краснощекой «кухаркѣ за повара» самымъ любезнымъ манеромъ,—сказать съ изысканною вѣжливостью, стараясь придать своему сиплому баску возможно нѣжное выраженіе:

— Осмѣлюсь, мадамъ, обезпокоить васъ вопросомъ: генеральша Тонкоусова изволитъ быть дома?

Несмотря на столь любезное обращеніе, «кухарка за повара», быстро оглядѣвъ и костюмъ и физіономію неожиданнаго посѣтителя, весьма сухо спросила:

— А вамъ зачѣмъ нужно генеральшу? По какимъ-такимъ дѣламъ?

— По своимъ собственнымъ, къ прискорбію... По семейнымъ дѣламъ... Я имѣлъ честь прежде служить подъ начальствомъ генерала и потому осмѣлился... Не извольте, мадамъ, сомнѣваться! Я... отставной офицеръ... майоръ отъ арміи... раненъ пулей въ ногу... Болѣзнь довела меня до несчастія... Пятеро дѣтей... послѣдній малютка... Не откажите подать генеральшѣ это свидѣтельство...

И съ этими словами, кинувъ на кухарку быстрый взглядъ, словно бы испытующій степень произведеннаго впечатлѣнія, майоръ вытащилъ изъ-за пазухи засаленное прошеніе, въ которомъ собственноручно изложилъ свои боевыя заслуги, надѣ-

ливъ себя многочисленнымъ семействомъ, и протянулъ бумагу къ кухаркѣ, видимо нѣсколько смягчившейся послѣ краснорѣчія майора.

— Напрасно только докладывать!—проговорила она.—Наша генеральша безъ рекомендаціи никому не подаетъ.

Майоръ не безъ трагизма указалъ правой рукой на свою деревяжку и произнесъ съ горькой усмѣшкой:

— А это развѣ не рекомендація!?

И, выдержавъ паузу, прибавилъ:

— Доложите, мадамъ, будьте снисходительны къ несчастному майору. Быть-можетъ, генеральша соблаговолитъ пожаловать рубликомъ...

— Ни за что! Она у насъ карахтерная и чистый скаредъ!—съ внезапнымъ раздраженіемъ отвѣтила кухарка. — Многомного двугривенный дастъ и то врядъ ли. Вы подождите. Вотъ придетъ лакей. Онъ доложитъ...

Майоръ снова упалъ духомъ и думалъ ужъ уходить пытать счастья въ слѣдующемъ этажѣ, какъ вдругъ быстрый его взглядъ замѣтилъ, что въ жестяной лоханкѣ, совсѣмъ близко отъ него, лежитъ цѣлая куча серебряныхъ ложекъ, ножей и вилокъ, предназначенныхъ для мытья. И внезапная мысль осѣнила майора.

«Двѣ ложки совсѣмъ бы устроили его дѣло. Сбыть ихъ можно за два рубля, и елка готова!» — пронеслось въ его головѣ съ быстротой молніи въ то время, какъ онъ въ мрачной позѣ трагическаго актера едва замѣтно подвигался къ соблазнительной лоханкѣ. Онъ испытывалъ и страхъ неудачи и сладкое волненіе при мысли о радости мальчугана, и зорко наблюдалъ за кухаркой.

Прошла минута, другая, третья. Кухарка отвернулась. Майоръ въ это мгновеніе страшно закашлялся, и пара ложекъ была уже у него за пазухой, а самъ онъ въ почтительномъ отдаленіи отъ лоханки все въ той же трагической позѣ.

Все обошлось благополучно. Кухарка ничего не замѣтила.

— Простите, мадамъ, еще слово: быть-можетъ, лакей не скоро придетъ?—освѣдомился наконецъ майоръ.

— Вѣрно, гости. Онъ и торчитъ тамъ...

— Въ такомъ разѣ ужъ лучше я завтра, съ вашего позволенія, приду, а сегодня въ другіе дома навѣдаюсь... Позвольте васъ чувствительно поблагодарить за готовность и пожелать вамъ всего хорошаго въ жизни. Adieu!

Раскланявшись еще съ большей любезностью, майоръ, надѣвъ картузъ, вышелъ изъ кухни и не безъ нѣкоторой тревоги прошелъ дворъ. Выйдя за ворота, онъ торопливо зашагалъ

вдоль улицы и, только очутившись на значительномъ разстояніи отъ большого дома, облегченно и радостно вздохнулъ, съ торжествомъ побѣдителя нащупывая въ карманѣ будущую елку.

III

Въ седьмомъ часу майоръ вернулся въ свою трущобу озябшій, слегка выпившій и радостно взволнованный. На плечѣ у него была небольшая елочка съ красными бумажными обручами и розанами, а въ большой сумѣ, подшитой подъ пальто, лежало нѣсколько свертковъ и полштофъ водки.

При видѣ майора съ елкой, квартирная хозяйка разинула ротъ—до того это было неожиданно и ни съ чѣмъ несообразно. Она, впрочемъ, любезно разрѣшила майору убрать елку въ своей комнатѣ, чтобъ порадовать мальчика неожиданностью.

— Кстати онъ и спитъ!—сказала она и прибавила:—Ишь вѣдь выдумали! Видно, майоръ, сегодня хорошо работали?

— Ничего себѣ... недурно! — не безъ гордости отвѣчалъ майоръ вынимая свертки.

И вслѣдъ затѣмъ онъ приступилъ къ уборкѣ елки. Дѣлалъ онъ это съ самымъ серьезнымъ и торжественнымъ видомъ, весь погруженный въ свое занятіе. Хозяйка помогала ему, перевязывая нитками разныя вкусныя вещи, которыя майоръ развѣшивалъ самъ, стараясь придать елкѣ пышный и элегантный видъ.

— Ай да майоръ! Сколько накупилъ!—удивленно восклицала по временамъ хозяйка.

— Нельзя... Ужъ елка такъ елка!—весело замѣчалъ майоръ, не отрываясь отъ работы.

Наконецъ елка была убрана и свѣчи укрѣплены. Майоръ обошелъ елку со всѣхъ сторонъ и, видимо, остался доволенъ.

— Вѣдь хороша, Матрена Ивановна?

— Ужъ на что лучше, майоръ. Хоть бы генеральскому сыну!—одобрила хозяйка.

Майоръ зажегъ свѣчи и осторожно внесъ елку въ маленькую свою каморку. Слѣдомъ за нимъ квартирная хозяйка несла водку, колбасу, кусокъ ветчины и булки и все это разставила на маленькомъ трехногомъ столѣ, составлявшемъ главную мебель майорскаго помѣщенія.

— Ѳедя... вставай, братецъ!—будилъ майоръ своего товарища.

Осѣпленный свѣтомъ, мальчикъ всталъ и, протирая глаза, изумленный смотрѣлъ на маленькую елочку, горѣвшую огнями

и убранную десяткомъ яблоковъ, копеечными пряниками, мармеладомъ, золотыми орѣхами и разными дешевыми украшеніями

Мальчику казалось, что онъ во снѣ, и онъ стоялъ около елки, словно очарованный, не смѣя къ ней подойти.

Майоръ любовался и восхищеніемъ мальчика и произведеніемъ своихъ рукъ.

— Я обѣщалъ тебѣ елку, Ѳедя... Ну вотъ она и есть! — проговорилъ радостно майоръ, и въ голосѣ его звучала безконечная нѣжность...

Мальчикъ пришелъ въ неописанный восторгъ. Приблизившись къ елкѣ, онъ жадными блестящими глазенками оглядывалъ ее во всѣхъ подробностяхъ.

— Да ты ѣшь, Ѳедя... Что̀ хочешь ѣшь... Все — твое! — говорилъ майоръ, поднося Матренѣ Ивановнѣ стаканчикъ.

Мальчикъ не заставилъ себя просить и сталъ уписывать за обѣ щеки и сладости, и ветчину, и колбасу, не особенно заботясь о послѣдовательности.

Въ неменьшемъ восторгѣ былъ и майоръ. Онъ довольно скоро роспилъ съ Матреной Ивановной полштофъ и любовно поглядывалъ и на своего товарища и на елочку, освѣтившую радостымъ свѣтомъ ихъ убогую каморку и горемычную жизнь.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

I.

Морозъ стоялъ жестокій,—настоящій сибирскій морозъ.

Безъ пощады охватывалъ онъ своимъ ледянымъ дыханіемъ лица, высовывавшіяся изъ заиндевѣвшихъ шубъ, румянилъ щеки и носы, бѣлилъ инеемъ бороды и брови и поторапливалъ всѣхъ оканчивать свои дѣла и ѣхать домой, невольно навѣвая мысли о тепломъ углѣ.

Къ вечеру поднялась вьюга, ускоривъ наступленіе уличнаго затишья послѣ обычной предпраздничной суеты. Въ лавкахъ появлялись лишь рѣдкіе посѣтители, не успѣвшіе раньше приготовиться къ празднику, и улицы сибирскаго города N становились безлюднѣе.

Какая-то бѣлесоватая мгла, кружась, нависла надъ городомъ, и среди этого снѣжнаго крутящагося вихря слабо мигали желтоватыми пятнами огоньки фонарей.

Вьюга злилась все болѣе и болѣе. Она бѣшено кидалась на дома, потрясала вывѣски и ставни, завывала въ трубахъ и, врываясь въ щели скверныхъ домишекъ, не давала пощады несчастнымъ обитателямъ непріютныхъ, холодныхъ угловъ и безжалостно терзала тѣхъ запоздалыхъ путниковъ, которыхъ нужда выгнала на улицу въ костюмахъ, далеко не соотвѣтствующихъ такой собачьей погодѣ.

Въ это самое время по Большой улицѣ быстро двигалась какая-то крошечная фигурка въ большой мѣховой шапкѣ, надвинутой на лобъ, въ легонькомъ дырявомъ азямчикѣ и въ пимахъ.

Судя по тому, что эта фигурка ежилась, словно бы стараясь умалить и безъ того маленькій объемъ своего тѣльца, по временамъ то подпрыгивала, то пускалась вскачь и часто поправляла тряпицы, обмотанныя вокругъ шеи и, очевидно,

исправлявшія должность шарфа, надо было полагать, что подъ рванымъ азямомъ не было ничего болѣе солиднаго, что̀ могло бы согрѣвать это маленькое божье созданье, и оно принуждено было бороться съ вьюгой и сохранять животную теплоту посредствомъ гимнастическихъ упражненій.

Изъ щелки, оставленной между тряпицей и шапкой, зоркіе глаза маленькаго человѣка замѣтили барыню, выходившую изъ освѣщеннаго магазина на другой сторонѣ улицы, и маленькая фигурка въ большой мѣховой шапкѣ, быстро проскакавъ черезъ улицу, очутилась возлѣ дамы.

— Барынька, барынька, добрая барынька! Подайте копеечку бѣдному сироткѣ! — проговорила, прыгая около дамы, садившейся въ сани, крошечная фигурка.

Закутанная въ шубу «барынька», можетъ-быть, и была «добрая», но не настолько однако, чтобы высунуть въ такую погоду руку изъ пушистой муфты и искать копеечку для «бѣднаго сиротки», и потому она торопливо, словно стыдясь своего вранья передъ маленькимъ созданіемъ, просящимъ въ такую дьявольскую вьюгу копеечки, проговорила, что «мелкихъ нѣтъ», и приказала кучеру поскорѣй ѣхать домой.

— Барынька, добрая барынька!..

Но сани тронулись, быстро скрывая «добрую барыньку» въ снѣжной непроглядной мглѣ.

— Сволочь! — пустилъ ей тогда вслѣдъ осипшимъ тоненькимъ голоскомъ человѣчекъ въ большой шапкѣ тономъ, далеко не похожимъ на прежній, жалобный, а свидѣтельствовавшимъ, что и маленькому человѣчку не чуждо все человѣческое, и выражавшимъ не столько досаду, сколько ребячій капризный задоръ обманутаго ожиданія.

Сорвавъ такимъ образомъ свое сердце, крошечная фигурка помчалась далѣе, стараясь галопомъ наверстать потерянныя минуты и возстановить быструю циркуляцію крови.

Маленькій человѣчекъ уже болѣе не останавливался передъ магазинами, хотя и видѣлъ рѣдкихъ покупателей, выходившихъ изъ дверей магазиновъ, а продолжалъ дуть во всѣ лопатки, пока не почувствовалъ, что заныло въ груди. Тогда онъ пошелъ тише, то схватываясь за грудь, то потирая руками лицо...

Онъ шелъ теперь глухимъ переулкомъ, подымаясь на Воскресенскую гору, какъ вдругъ яркій блескъ въ освѣщенныхъ окнахъ нижняго этажа привлекъ его вниманіе.

Онъ подбѣжалъ къ окну и остановился, видимо пораженный зрѣлищемъ. Яркій свѣтъ, падавшій изъ оконъ, освѣтилъ крошечную фигурку маленькаго. мальчика, а спусти-

вшаяся тряпица открыла кусочекъ посинѣвшаго, худенькаго личика съ удивленно раскрытыми глазенками и широко разинутымъ ртомъ.

Зрѣлище въ самомъ дѣлѣ было удивительное.

Елка, большая, богато изукрашенная елка, стоявшая среди комнаты, сверкала залитая огнями и блескомъ. Чего-чего только ни было на этомъ деревѣ, вѣтки котораго гнулись подъ тяжестью развѣшанныхъ яблоковъ и разнообразныхъ лакомствъ. Золотые орѣхи, блестящія конфеты, пряники, игрушки, фонарики... Весь этотъ блескъ, все это великолѣпіе невольно ослѣпляли мальчика, никогда не видавшаго ничего подобнаго.

И онъ прильнулъ къ окну, разглядывая и елку и кучу разряженныхъ дѣтей, прыгавшихъ вокругъ дерева подъ звуки фортепіано.

А ледяящая вьюга насквозь пронизывала тщедушное, плохо прикрытое тѣло очарованнаго маленькаго человѣчка.

II.

Чья-то рука, неожиданно опустившаяся на плечо мальчика, вызвала его изъ очарованья и заставила испуганно оглянуться.

Передъ нимъ стояла, вся вздрагивая и ежась, довольно странная мужская фигура, одѣтая совсѣмъ не по сезону, въ кургузомъ пальто, съ какой-то легонькой фуражкой на головѣ. Голая шея выглядывала изъ-подъ его легкаго одѣянія, и на ногахъ были какія-то калоши, замѣнявшія обувь.

При видѣ этого страннаго субъекта, мальчикъ хотѣлъ-было дать тягу, но цѣпкая рука удержала его за плечо.

— Хорошо, небось, тамъ, на елкѣ? — проговорилъ незнакомецъ, оглядывая при свѣтѣ, падавшемъ изъ окна, не столько лицо мальчика, сколько его шапку. — Весьма недурно, а?.. Тепло и превосходно! Не то что̀ на улицѣ...—засмѣялся онъ какимъ-то страннымъ смѣхомъ.

Мальчикъ со страхомъ смотрѣлъ на незнакомца, лицо котораго съ большой обледенѣвшей бородой и большими глазами, мрачно глядѣвшими изъ-подъ бѣлыхъ бровей, повидимому, не внушало ему большого довѣрія.

— Такъ хорошо, а?—продолжалъ незнакомецъ. — Ты что̀ бы желалъ получить съ елки?

— Пустите меня, дяденька!—проговорилъ мальчикъ.

— Пустите? А ты куда идешь?

— Домой.

— А гдѣ твой домъ?

— У дяденьки.

— Чѣмъ занимается твой дяденька?

— Посылаетъ меня милостыню собирать.

— Отлично. Значитъ, матери у тебя нѣтъ?

— Нѣтъ...

— И ты много сегодня собралъ?

— Сегодня слава Богу.

— Покажи-ка—сколько...

Маленькій человѣчекъ хотѣлъ-было снова юркнуть, но рука незнакомца еще крѣпче сжала его за плечо.

— Слушай, мальчикъ, что я тебѣ скажу. Если ты еще разъ вздумаешь бѣжать, я тебя... понимаешь?—угрожающимъ голосомъ проговорилъ незнакомецъ.—Ну, теперь давай-ка свою выручку...

Испуганный мальчикъ повиновался и, доставши изъ-за пазухи столбикъ мѣдныхъ денегъ, завернутый въ тряпку, подалъ его незнакомцу.

— Тутъ все?—проговорилъ тотъ.

— Все.

— Ты не врешь?

— Вотъ-те Христосъ, дяденька...

— Ну, хорошо, вѣрю!—успокоительно замѣтилъ «дяденька», опуская деньги въ карманъ пальто.

Мальчикъ вдругъ зарыдалъ.

— Дяденька, дяденька, не берите... Меня дома прибьютъ, если я не принесу денегъ... Дяденька, дяденька!—лепеталъ мальчикъ.

— А ты скажи, что тебя ограбили...

— Все равно... Дяденька!..—молилъ мальчикъ.

Должно-быть, мольбы ограбленнаго ребенка заключали въ себѣ что-то очень трогательное, потому что незнакомецъ вдругъ вытащилъ деньги изъ кармана и, отдавая мальчику половину, проговорилъ:

— Вотъ тебѣ половина, и дѣлу конецъ! А теперь, мальчикъ, бѣги скорѣй, а я пойду выпью за твое здоровье. Я тоже озябъ...

Маленькій человѣчекъ не заставилъ себя больше просить и стрѣлой полетѣлъ по переулку, а странный грабитель глядѣлъ ему вслѣдъ.

Вспомнилъ ли онъ давно прошедшія времена, пожалѣлъ ли онъ ограбленнаго нищенку,—но только что-то теплое прихлынуло къ его сердцу, и онъ вдругъ крикнулъ:

— Мальчикъ! мальчикъ! Вернись!..

Но мальчикъ уже скрылся въ снѣжной мглѣ, и незнакомецъ тихо побрелъ въ ближайшій кабакъ.

А вьюга пуще злилась и завывала.

III.

— Это—всего, язви тебя?—грозно спрашивалъ пожилой человѣкъ съ угрюмымъ, недобрымъ лицомъ, когда мальчикъ, войдя въ маленькую отвратительную каморку и снявъ съ себя шапку и верхнее платье, подалъ, дрожа отъ холода и страха, свою выручку хозяину.

Теперь, безъ шапки и верхняго платья, этотъ человѣчекъ оказался совсѣмъ хилымъ, крошечнымъ созданіемъ, съ впалою грудью и съ ввалившимися грустными, испуганными черными глазами. По росту ему нельзя было дать болѣе девяти лѣтъ, но его личико, окаймленное бѣлокурыми вьющимися волосами, казалось гораздо старше своихъ лѣтъ.

— Пятнадцать копеекъ... въ этакій-то день! Гдѣ деньги?— заревѣлъ хозяинъ, вскидывая пьяные глаза на вздрагивавшаго ребенка.

Мальчикъ сталъ разсказывать, какъ его ограбили, опустивъ однако въ своемъ разсказѣ остановку около дома съ елкой. Когда онъ кончилъ, хозяинъ поднялся, пошатываясь, съ своего мѣста, ударилъ въ грудь беззащитнаго ребенка и, потушивъ свѣчку, вышелъ вонъ, заперевъ двери снаружи на замокъ.

Мальчикъ ощупью добрелъ до своей убогой постели, бросился на соломенный тюфякъ, покрылся дырявымъ азямомъ и долго не могъ согрѣться и заснуть.

Наконецъ онъ почувствовалъ, какъ жаръ охватилъ все его тѣло, и обрадовался... А въ маленькой груди пуще ныло, и кашель по временамъ раздиралъ ее...

Долго не засыпалъ онъ, и когда наконецъ заснулъ, чудный сонъ слетѣлъ къ изголовью мальчика.

Онъ видѣлъ блестящую елку. Онъ видѣлъ доброе, родное лицо матери, съ лаской глядѣвшее на него. Онъ чувствовалъ ея горячіе поцѣлуи и слышалъ ея нѣжный голосъ, шептавшій, что она скоро возьметъ его къ себѣ, и его никто не будетъ болѣе бить. Какія-то чудныя полосы лучезарнаго свѣта носились передъ нимъ, и дивные звуки невѣдомой музыки ласкали его слухъ.

А вьюга все пуще злилась и завывала, врываясь въ щели ветхаго домишки.

И когда свѣтъ того дня, который люди празднуютъ въ память рожденія великаго Страдальца, заглянулъ въ маленькое окно холодной комнаты, несчастный ребенокъ лежалъ, какъ пластъ, на своей убогой постелькѣ.

Даже грозные окрики хозяина не могли поднять больного

мальчика. Онъ пробовалъ-было встать, но безпомощно упалъ на постель, схватываясь худыми ручонками за грудь.

И крупныя слезы тихо скатились по его воспаленнымъ щекамъ, точно онъ предчувствовалъ, что никогда ужъ болѣе ему не придется кричать:

— Барынька миленькая барынька! Подайте бѣдному сироткѣ!..

ЕЛКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ.

Левъ Сергѣевичъ Озорнинъ только-что закончилъ утренній туалетъ основательной отдѣлкой ногтей, удовлетворенно взглянулъ на свои красивыя, смугловатыя большія руки съ длинными пальцами и сталъ пробѣгать газету, отхлебывая маленькими глотками чай изъ стакана и попыхивая папироской.

Когда часы на письменномъ столѣ пробили десять, онъ поднялся съ кресла и легкой походкой вышелъ изъ своего небольшого, недурно обставленнаго кабинета, весело напѣвая какой-то мотивъ и, повидимому, находясь въ томъ хорошемъ расположеніи духа, въ какомъ бываютъ люди, которымъ жизнь улыбается.

Это былъ высокій, статный, красивый брюнетъ лѣтъ тридцати съ коротко остриженными волосами и небольшой остроконечной бородкой, свѣжій, цвѣтущій и элегантный въ своемъ щегольски сшитомъ темно-синемъ вестонѣ, съ ослѣпительно-бѣлыми стоячими воротничками, загнутыми у горла, и въ мягкихъ ботинкахъ безъ каблуковъ.

Въ гостиной, убранной не безъ претензій на роскошь, къ Озорнину подбѣжалъ хорошенькій мальчикъ лѣтъ пяти съ распущенными по плечамъ волнистыми волосами и весело воскликнулъ:

— А елку ужъ принесли, папа!

— Принесли?—улыбнулся Озорнинъ и, приподнимая ребенка, поцѣловалъ его въ обѣ пухлыя щеки.

— Она въ кухнѣ. Няня видѣла... Мама говорила, что завтра ее зажгутъ...

— Завтра, Володя. И она будетъ очень красивая, когда ее уберутъ,—отвѣчалъ Озорнинъ.

И, опустивъ мальчика на полъ, онъ обратился къ молодой, пригожей нянѣ въ большомъ бѣломъ, съ закинутыми назадъ

лентами, чепцѣ, какіе носятъ парижскія бонны, и внушительнымъ, слегка строгимъ тономъ, какимъ Озорнинъ говорилъ обыкновенно съ прислугой, спросилъ, скользнувъ взглядомъ по хорошо развитому, крѣпкому бюсту свѣжей и румяной няни:

— Барыня встала?

— Встали-съ. Сейчасъ выйдутъ! — отвѣчала няня и вся вдругъ вспыхнула и потупила свои бойкіе и лукавые каріе глаза.

Озорнинъ приблизился къ опущенной портьерѣ и, раздвинувъ ее, постучалъ въ двери.

— Можно!—раздался изъ-за дверей необыкновенно мягкій, нѣжный и слегка пѣвучій голосъ, низкій и грудной.

Левъ Сергѣевичъ вошелъ въ уютную, устланную ковромъ комнату, убранную съ тонкимъ вкусомъ и изящнымъ кокетствомъ женщины, любящей комфортъ и хорошо понимающей значеніе и обаяніе уютнаго женскаго гнѣздышка.

Расписанныя по бѣлому фону атласа цвѣтами низенькія, изящныя ширмочки, скрывавшія пышную двухспальную кровать, комодъ, умывальникъ и маленькій кіотъ съ образами,— отдѣляли роскошный кабинетъ-будуаръ съ мягкой мебелью, обитой шелкомъ нѣжно-голубого цвѣта, съ массой дорогихъ бездѣлокъ на этажеркѣ, письменномъ столикѣ, на нарядномъ туалетѣ, съ фонарикомъ и нѣсколькими пейзажами на стѣнахъ.

Въ комнатѣ было свѣжо и пахло какими-то вкусными духами.

— Это ты, Лева?

Съ этими словами маленькая женщина съ роскошными бѣлокурыми, отливавшими золотомъ волосами, надѣвавшая у туалета блестящія кольца на тонкіе пальцы своихъ маленькихъ бѣлыхъ рукъ, повернула головку и улыбнулась, открывая рядъ мелкихъ жемчужныхъ зубовъ, нѣжной и въ то же время властной улыбкой женщины, сознающей свою обаятельность. Улыбались и эти большіе голубые глаза подъ густыми, искусно подведенными бровями, глаза съ тѣмъ свѣтлымъ, кроткимъ и будто загадочнымъ взглядомъ, который называется «ангельскимъ» и служитъ источникомъ многихъ заблужденій, — улыбалось и это свѣжее лицо съ ослѣпительной бѣлизной кожи рыжеватой блондинки, отливавшее нѣжнымъ, розоватымъ румянцемъ и дышавшее здоровьемъ.

— Здравствуй, Лина...

— Здравствуй, Лева...

Она поднялась съ табуретки — молодая, стройная, граціозная, хорошо сложенная, съ тонкой таліей и съ роскошными формами груди, вырисовывающимися изъ-подъ шерстяной ткани безукоризненно сидѣвшаго платья,—вся свѣжая, выхо-

ленная, благоухающая, — протягивая свои алыя, сочныя и пышныя губы.

Мужъ поцѣловалъ сперва маленькую руку, душистую и атласную, и затѣмъ поцѣловалъ жену въ губы.

— Экая ты хорошенькая, Лина!—проговорилъ онъ, оглядывая жену, и прибавилъ: — недаромъ ты всѣмъ такъ нравишься!

— Будто ужъ и всѣмъ? — улыбнулась маленькая женщина, видимо довольная комплиментомъ, и снова поцѣловала мужа долгимъ поцѣлуемъ.

Назвать ее красивой было нельзя,—черты лица Лины были неправильны: вздернутый носъ не отличался красотой, лобъ былъ малъ, губы слишкомъ крупны, — но и въ этомъ лицѣ и во всей ея роскошной фигуркѣ было что-то привлекательное, что-то вызывающее и чувственное, несмотря на ея «ангельскіе» глаза и сдержанно-строгій видъ, и она нравилась мужчинамъ, особенно юнцамъ и господамъ «второй» молодости. Ей было двадцать восемь лѣтъ, что̀, впрочемъ, тщательно скрывалось, тѣмъ болѣе, что на видъ ей можно было дать не болѣе двадцати двухъ-трехъ.

Маленькая женщина отлично понимала исключительный характеръ своей красоты и своего обаянія на мужчинъ и недаромъ холила свое тѣло, возведя заботу о немъ въ какой-то культъ и предусмотрительно заботясь о сохраненіи своихъ чаръ на возможно долгое время. Она рѣшительно отказалась имѣть дѣтей, кромѣ единственнаго своего первенца, и соблюдала строжайшій режимъ жизни: брала ежедневно ванну, гуляла каждый день пѣшкомъ, избѣгала ѣсть мучное и сладкое, чтобы не пополнѣть, и не любила засиживаться поздно.

— А ты вчера, Лева, вѣрно, поздно вернулся?

— Поздно, Лина, въ третьемъ часу.

— У Волковыхъ былъ?

— Да, въ карты игралъ... Вернулся и не хотѣлъ тебя будить, чтобы подѣлиться пріятнымъ извѣстіемъ... Ты такъ сладко спала...

— Какимъ извѣстіемъ?..

— Я получилъ вчера наградныя деньги.

При словѣ «деньги» лицо Лины вдругъ приняло серьезное, дѣловое выраженіе, и она съ живостью спросила:

— Сколько ты получилъ?

— Много, Лина... Я и не ожидалъ: четыреста рублей.

— Очень рада за тебя, Лева! —радостно промолвила Лина.— Твою службу, значитъ, цѣнятъ.

Озорнинъ едва замѣтно улыбнулся глазами и шутливо промолвилъ:

— Ну, милая, служба тутъ ни при чемъ...

— Какъ ни при чемъ?.. Ты вѣдь такой усердный чиновникъ...

— Положимъ, работаю, какъ и другіе... Но все-таки... спасибо Вѣтвицкому... и твоимъ прелестнымъ глазкамъ... Вѣдь изъ-за нихъ, Лина, мнѣ дали такую награду.

— Ты вздоръ говоришь! — промолвила, краснѣя, жена. — При чемъ тутъ мои глаза? Вѣтвицкій просто расположенъ къ намъ: и къ тебѣ и ко мнѣ одинаково.

— Ну, ну, не сердись, Линочка... Вѣдь я шучу...

— Глупыя шутки!

— Не буду больше, моя хорошенькая женушка! — съ виноватымъ видомъ промолвилъ Левушка, цѣлуя руку жены. — Вѣдь я знаю, что Вѣтвицкій... ну, однимъ словомъ... я нисколько не ревную тебя къ нашему директору.

— Еще бы ревновать къ такому уроду! — весело разсмѣялась Лина, глядя на своего красиваго молодого мужа нѣжнымъ взглядомъ. — Пусть ходитъ къ намъ изрѣдка... Знакомство съ нимъ для тебя же полезно...

— Да развѣ я что-нибудь говорю? Конечно, пусть ходитъ... Было бы совсѣмъ глупо его не принимать... Онъ такой милый, Иванъ Александровичъ... Ну, получай деньги, моя хозяюшка. Вотъ тебѣ триста рублей, а сто я оставлю себѣ.

— Оставь себѣ двѣсти, Лева... Мнѣ довольно двухсотъ... Я справлюсь.

— Справишься!? Что-жъ, я очень радъ... Спасибо тебѣ... Ты у меня просто золото... Самый настоящій министръ финансовъ! — говорилъ Озорнинъ, пряча въ бумажникъ двѣ сотенныя бумажки.—Я только восхищаюсь твоими хозяйственными талантами... право... Какъ это ты только справляешься на двѣсти пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ?.. Живемъ мы прилично, ѣдимъ хорошо, бываемъ въ театрѣ... Ты всегда одѣта прелестно... Долговъ у насъ нѣтъ... Даже мой портной не надоѣдаетъ мнѣ, какъ прежде... И все это благодаря тебѣ...

— Во все вхожу, потому и справляюсь,—скромно отвѣчала Лина.—Ну, иногда у мамы возьму, мама даетъ... вотъ и сводимъ концы съ концами,—прибавила Лина и втайнѣ порадовалась, что ея Левушка совсѣмъ наивный человѣкъ, хоть и считаетъ себя умнымъ.

Въ свою очередь и Левушка, отлично знавшій, что у тещи кромѣ маленькой пенсіи ровно ничего нѣтъ, съ самымъ невиннымъ видомъ прибавилъ:

— Я такъ и думалъ... Твоя мать такая добрая... такая любящая, Лина... Ну, однако мнѣ пора... Надо покупать по-

дарки... Кстати, Лина, что̀ тебѣ подарить?.. Я присмотрѣлъ ужъ у Фаберже хорошенькое кольцо... Ты любишь кольца.. Я тебѣ куплю.

— Кольцо?! Не надо, не надо, Лева!.. Видишь ли: у меня были старыя кольца, еще мама ихъ подарила — и я отдала ихъ ювелиру, и сегодня у меня будетъ хорошенькій брильянтовый кабюшонъ на мизинецъ... Спасибо за желаніе, Лева.. Спасибо, голубчикъ...

— Ну такъ не хочешь ли серьги?

— У меня есть... Не траться... Что-нибудь, какой-нибудь пустякъ подари...

— Ну я ужъ на свой вкусъ выберу... До свиданія... Обѣдать меня не жди... Я сегодня обѣщалъ обѣдать у Зотова, а потомъ...

— Но какъ же, Лева... Сегодня къ намъ хотѣлъ придти Вѣтвицкій обѣдать...

— Ну что-жъ... Пообѣдаете вдвоемъ... Ты извинись за меня, а я не могу... далъ честное слово...

И Озорнинъ, поцѣловавъ руку жены, вышелъ изъ комнаты.

«Бѣдный! онъ ни о чемъ не догадывается!» — подумала Лина и вышла въ столовую пить кофе.

II.

«Лева» былъ однимъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые смотрятъ на жизнь «трезво», какъ они выражаются, и отлично понималъ и причину хозяйственныхъ талантовъ жены и того благополучія, которое совсѣмъ неожиданно снизошло на него вскорѣ послѣ знакомства его патрона, директора департамента Вѣтвицкаго, съ его Линочкой... И эта внезапная дружба съ нимъ, и повышеніе по службѣ, и новая обстановка квартиры, и появленіе брильянтовъ у жены, и эта особенная внимательная заботливость, которою окружала его Линочка въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, и эти страстныя ласки, какими дарила она его, точно въ вознагражденіе за обманъ, и эти горячія увѣренія въ любви, въ горячей любви вмѣстѣ съ допросами: любитъ ли Лева ее такъ же, какъ и она его,— все это не оставляло въ немъ сомнѣнія, что она, Лина, съ ея «ангельскимъ» взглядомъ и страстнымъ темпераментомъ, близкая подруга его превосходительства Ивана Александровича Вѣтвицкаго, довольно некрасиваго господина второй молодости. Не изъ-за поцѣлуевъ же однѣхъ рукъ въ самомъ дѣлѣ даритъ онъ ей брильянты, даетъ деньги и протежируетъ супруга. Не такой онъ дуракъ, тѣмъ болѣе, что, несмотря на свои пятьдесятъ три года, его превосходительство еще крѣпокъ и бодръ и смотритъ молодцомъ.

Надо отдать справедливость обоимъ. Они вели себя съ осторожностью. Связь ихъ сохранялась въ тайнѣ, и въ департаментѣ объ этомъ не знали. Такимъ образомъ апарансы были соблюдены, и Лина въ глазахъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ пользовалась попрежнему репутаціей недоступной женщины, преданной и влюбленной въ мужа, и имя его не трепалось съ обидной кличкой.

Было бы совсѣмъ глупо ревновать къ Вѣтвицкому. Пусть себѣ пользуется, каналья, пока онъ самъ не оперился... Благодаря этому онъ сдѣлаетъ карьеру... Съ такими соблазнительными и осторожными женщинами легко сдѣлать карьеру... Досадно только, что Лина все заботится болѣе о брильянтахъ и все получаетъ ихъ отъ маменьки вмѣсто того, чтобы поскорѣй устроить ему повышеніе. Вотъ и теперь... дали къ празднику только денежную награду, а между тѣмъ въ департаментѣ открывается вакансія начальника отдѣленія... Ужъ онъ говорилъ объ этомъ женѣ, но она, повидимому, не довольно настойчиво просила эту «обезьяну»... Онъ вчера видѣлся съ Вѣтвицкимъ, и тотъ ни полслова... А такимъ случаемъ не воспользоваться грѣшно. Когда еще откроется новая вакансія!?

Такія трезвыя мысли пробѣгали въ головѣ Льва Сергѣевича, когда онъ ѣхалъ на Невскій...

И вдругъ голову его осѣнила блестящая мысль. Онъ весело улыбнулся, велѣлъ остановиться у Милютиныхъ лавокъ и пошелъ ѣсть устрицы.

III.

Часовъ въ десять вечера Озорнинъ подъѣхалъ къ дому и поднялся къ дверямъ своей квартиры. Отперевъ ее своимъ ключомъ, онъ снялъ съ себя пальто, увидалъ, что чернобурый медвѣдь Вѣтвицкаго виситъ на вѣшалкѣ, и, весело улыбаясь, прошелъ черезъ гостиную, остановился у дверей спальни и приложилъ ухо. Ничего не слышно. Левъ Сергѣевичъ не рѣшался войти—это не входило въ его разсчеты. Тогда онъ заглянулъ въ замочную дырочку и увидалъ картину, вызвавшую улыбку на его лицѣ. Прямо противъ дверей, на маленькомъ диванчикѣ («надо непремѣнно переставить диванчикъ!»—подумалъ Левъ Сергѣевичъ) сидѣлъ Вѣтвицкій и рядомъ Лина... Лампа освѣщала ея лицо, улыбающееся обычной кроткой ангельской своей улыбкой въ то время, какъ его превосходительство жадно цѣловалъ ея руки изъ-подъ широкихъ рукавовъ капота.

И Озорнинъ тихо отворилъ двери и вошелъ.

Его превосходительство, красный какъ ракъ и нѣсколько растерянный, уже сидѣлъ въ низенькомъ креслѣ и слегка сопѣлъ, не то отъ испуга, не то отъ волненія, а Лина, чуть-чуть поблѣднѣвшая, откинулась въ уголокъ дивана.

— Здравствуйте, Иванъ Александровичъ... Очень радъ, что васъ засталъ!—проговорилъ самымъ любезнымъ и добродушнымъ тономъ Озорнинъ, пожимая слегка вздрагивающую руку его превосходительства. — Спасибо, что не оставили скучать Лину одну... А я, Линочка,—обратился онъ къ женѣ, цѣлуя ея руку, на мизинцѣ которой сверкалъ новый кабюшонъ: — рано уѣхалъ отъ Зотовыхъ... И голова болѣла и, главное, карта не шла... И то тридцать рублей проигралъ... Вообразите, Иванъ Александровичъ, два раза безъ трехъ остался на большомъ шлемѣ...

— Неужели!?—поспѣшилъ удивиться его превосходительство.

— Ужъ такое несчастье... Видно, Лина меня ужъ очень любитъ... Хоть бы одна игра...

— Это, Левъ Сергѣичъ, бываетъ... Ужъ если не повезетъ, то ничего не подѣлаешь... Однако пора... Одиннадцатый часъ... И то я заговорилъ Полину Николаевну... Ужъ вы простите... Старики—болтливый народъ.

— Куда вы, Иванъ Александровичъ?.. Еще рано...

— Нѣтъ, пора...

И его превосходительство, торопливо простившись, вышелъ изъ комнаты, провожаемый Львомъ Сергѣевичемъ.

— Не забывайте же насъ, ваше превосходительство... Мы съ женой всегда рады васъ видѣть! — говорилъ Озорнинъ, крѣпко пожимая руку Вѣтвицкому.

— И я... повѣрьте... Я васъ такъ уважаю и люблю, Левъ Сергѣичъ! — повторялъ его превосходительство и улыбался какъ-то жалко и растерянно.

— А ты что, Лина, такая печальная... Или Вѣтвицкій тебя усыпилъ? — говорилъ Озорнинъ, возвращаясь въ спальню. — Ну, пора спать, моя милая... Пойдемъ?..

И онъ привлекъ ее къ себѣ и нѣжно поцѣловалъ.

Безмолвная и смущенная, она горячо прильнула къ губамъ мужа и прошептала:

— Лева... Лева... Вѣдь я тебя одного люблю... Одного тебя...

— А то кого же?

— Ты, можетъ-быть, думаешь...

— Ничего я не думаю... Полно, Линочка,—перебилъ Озорнинъ готовое сорваться признанье. — Отчего и не позволить Вѣтвицкому поцѣловать руку... Пусть цѣлуетъ... и даже даритъ за это такія прелестныя кольца... Я не въ претензіи... А ты

и мнѣ устрой подарокъ завтра на елку... Попроси Вѣтвицкаго, чтобы онъ назначилъ меня начальникомъ отдѣленія... Онъ вѣдь для тебя все сдѣлаетъ... особенно теперь!—подчеркнулъ Озорнинъ.

— Я ему скажу!—робко прошептала Линочка.

— Да знаешь ли что?.. Ужасно неудобно стоитъ у тебя этотъ диванъ... Прямо противъ дверей... Какъ-то не къ мѣсту...

— Я велю переставить.

— То-то переставь, милая... И какая же ты хорошенькая!—проговорилъ Левъ Сергѣевичъ, любуясь женой.—Просто прелесть...

И онъ сталъ цѣловать жену...

Изумленная, та отвѣчала горячими поцѣлуями.

На другой день вечеромъ зажжена была хорошенькая елка. Маленькій Володя былъ въ восхищеніи, но едва ли не въ большемъ восхищеніи Левъ Сергѣевичъ, только-что получившій отъ его превосходительства записку о назначеніи его начальникомъ отдѣленія.

— Милая... Спасибо тебѣ! — говорилъ Левъ Сергѣевичъ, цѣлуя хорошенькую ручку Лины и надѣвая на ея мизинецъ рядомъ съ брильянтомъ красивую бирюзу.

Лина, въ свою очередь, поблагодарила мужа нѣжнымъ поцѣлуемъ, и оба они чувствовали себя безконечно счастливыми.

ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ ДОМА.

ЭТЮДЪ.

I.

На «понедѣльникъ» къ Кондаловскимъ собралось человѣкъ сорокъ.

Было тѣсновато, душно и, какъ вообще на «фиксахъ», довольно-таки скучно.

Однако почти всѣ гости изо всѣхъ силъ старались показать, что не скучаютъ, и продѣлывали это болѣе или менѣе искусно въ теченіе цѣлаго вечера.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, притащиться, напримѣръ, съ Плющихи на Новую Басманную, да еще въ дьявольскій морозъ и на отчаянномъ извозчикѣ,—исключительно для того, чтобы сидѣть въ чужомъ домѣ съ видомъ людей, только-что схоронившихъ кого-нибудь изъ близкихъ или страдающихъ нестерпимой зубной болью,—какъ вонъ эти два безсовѣстные господина, забившіеся въ уголъ и словно бы проглотившіе по аршину.

Спрашивается: къ чему они явились и сидятъ какъ пни, удручая милую хозяйку дома, Марью Ивановну, довольно видную еще, моложавую блондинку, несмотря на ея «около сорока», какъ она говоритъ три года кряду. Она не безъ горделиваго чувства думаетъ, что у нея по понедѣльникамъ «весело» и «непринужденно», а между тѣмъ эти двѣ постныя физіономіи какъ бы гонятъ даже намекъ на веселость и непринужденность.

Если они пріѣхали спеціально для ужина,—а ужины у Кондаловскихъ всегда бывали хороши,—то пріѣзжай по крайней мѣрѣ позже, прямо къ закускѣ, какъ дѣлаютъ болѣе порядочные люди, извиняясь передъ хозяйкой въ позднемъ приходѣ

тѣмъ, что они прямо изъ театра, въ которомъ, разумѣется, не были.

За что, скажите на милость, смущать и заставлять терзаться милыхъ, любезныхъ и гостепріимныхъ хозяевъ, которые при встрѣчѣ съ такой любезной настойчивостью просили васъ не забывать, что по понедѣльникамъ они всегда дома, и что вы имъ доставите огромное удовольствіе, если пріѣдете. Понимаете ли: огромное, хотя вы и знакомы съ ними безъ году недѣлю.

И при этомъ самъ Петръ Петровичъ Кондаловскій, благополучный и довольный толстякъ съ хорошей адвокатской практикой, избыткомъ здоровья, имѣньемъ на югѣ и умницей-женой, не особенно расточительной на сцены ревности,—обыкновенно прибавлялъ тѣмъ мягкимъ и добродушнымъ теноркомъ, какимъ онъ умѣлъ и привлекать людей и «обставлять» своихъ кліентовъ:

— У насъ, дорогой, запросто. Все добрые, близкіе знакомые. Пріѣзжайте, родной... Побесѣдуемъ. Обмѣнъ мыслей необходимъ... А то закиснешь...

А Марья Ивановна, любившая, чтобы «понедѣльники» были многолюдны и хотя бы отчасти напоминали «салоны», о которыхъ она когда-то читала, улыбалась съ необыкновенной привѣтливостью, чтобы выразить вамъ расположеніе и чтобы кстати показать свои дѣйствительно прелестные и, повидимому, не вставные зубы, и, въ свою очередь, устраивала ловушку, въ которую многіе попадались и по преимуществу дѣвицы и дамы. Она манила «извѣстностями» и «интересными» людьми, конечно, въ интеллигентной сферѣ, которыхъ, случалось, за недостаткомъ настоящихъ, сама же создавала, украшая ими свои «фиксы».

И Марья Ивановна значительно сообщала:

— Въ этотъ понедѣльникъ вы встрѣтите у насъ интересныхъ людей. Будетъ одинъ молодой докторъ, только-что пріѣхавшій изъ Абессиніи... Понимаете ли, прямо изъ Харары! Необыкновенно талантливо и интересно разсказываетъ про Абессинію, про Менелика, про его жену, про раса Маконена... Онъ всѣхъ ихъ отлично знаетъ... Навѣрное въ понедѣльникъ что-нибудь разскажетъ... И Аркадьева обѣщала пріѣхать... Вы не слыхали объ Аркадьевой!?.. Такъ-таки ничего? О, несчастный! Это чудное контральто... Фе-но-ме-наль-ное! Любимая ученица Маркези, пѣла два года въ Неаполѣ и пріѣхала сюда... Навѣрное поступитъ въ оперу, если только не помѣшаютъ интриги. Пѣвица замѣчательная!—восторгается Марья Ивановна.

— И вдобавокъ прехорошенькая!—вставляетъ Кондаловскій.

— Недурна, но ничего особеннаго. Une brune съ ординарномъ лицомъ... Но голосъ!! Она дала слово пѣть у насъ. И Аркадій Сергѣичъ Радугинъ хотѣлъ быть. Онъ на-дняхъ пріѣхалъ изъ Петербурга на нѣсколько дней... Привезъ новую повѣсть... Говорятъ, прелесть! Такъ непремѣнно пріѣзжайте. Смотрите, я буду васъ ждать,—любезно прибавляла Марья Ивановна. И, пожимая вамъ руку, она снова привѣтливо улыбалась, показывая зубы такой ослѣпительной бѣлизны, что въ вашу голову закрадывается гнусная мысль: не фальшивые ли они? Вамъ кажется, будто раньше они не были такъ бѣлы.

И послѣ всего этого ужели возможно обнаружить удручающую скуку, если бы она и охватила васъ на «понедѣльникѣ» у Кондаловскихъ, несмотря на доктора изъ Абессиніи, феноменальное контральто, присутствіе автора прелестной повѣсти и на хорошій ужинъ впереди! Надо быть рѣшительно безсердечнымъ или совсѣмъ невоспитаннымъ человѣкомъ, чтобы рѣшиться на это и зѣвать, не прикрывши предусмотрительно рта ладонью или носовымъ платкомъ, если только онъ безукоризненной свѣжести.

И кромѣ того помните, что Марья Ивановна, при всей своей очаровательной добротѣ, вамъ этого не проститъ. А кого она не прощаетъ, тотъ долженъ имѣть въ виду, что въ числѣ многихъ талантовъ Марья Ивановна обладаетъ богатѣйшей художественной фантазіей, и что язычокъ у нея такой, какой рѣдко встрѣчается даже у самыхъ вдохновенныхъ сплетницъ.

II.

Былъ одиннадцатый часъ на исходѣ.

Несмотря на попытки хозяевъ, «обмѣнъ мыслей» еще не начинался,—это предстояло, по обыкновенію, къ концу ужина,—но зато окончился разносъ чая, къ нѣкоторому смущенію болѣе молчаливыхъ гостей, предоставленныхъ теперь, такъ сказать, своей участи, и къ неописуемой радости Евлампіи Михайловны, дѣвицы проблематическихъ лѣтъ (отъ тридцати до сорока) и такой же проблематической наружности.

Несчастная, въ качествѣ бѣдной родственницы и преданнаго друга Марьи Ивановны, разливала по понедѣльникамъ въ столовой чай. Это занятіе, дѣйствительно свидѣтельствующее о самопожертвованіи, было возложено Марьей Ивановной на своего преданнаго друга въ видахъ сохраненія чая и сахара отъ растраты («У насъ, вѣдь вы знаете, такая прислуга!»).

И само по себѣ не особенно пріятное, а тѣмъ болѣе для

дѣвицы, начинающей уже терять надежду наливать когда-нибудь чай мужу,—занятіе это принимало характеръ одного изъ разрядовъ каторги при многолюдствѣ и безсовѣстности тѣхъ изъ гостей, которые, не зная, что съ тобой дѣлать на «фиксахъ», имѣютъ скверное обыкновеніе дуть по два, а то и по три стакана, не подозрѣвая, конечно, что вторые и третьи стаканы полны не однимъ только чаемъ, но и такими проклятіями кротчайшей Евлампіи Михайловны, отъ которыхъ можно, по меньшей мѣрѣ, поперхнуться.

Евлампія Михайловна уже разлила до ста чашекъ и стакановъ и давно уже жаждетъ поскорѣе явиться въ гостиную въ своемъ свѣтломъ нарядномъ платьѣ, со взбитой шевелюрой каштановыхъ волосъ, придававшей ея закраснѣвшемуся лицу (еще бы: три часа у самовара!), съ загнутымъ носомъ, видъ попугая, выскочившаго изъ клѣтки,—чтобы атаковать самаго конфузливаго, похожаго на притаившагося зайчика, юнца-студента перваго курса, который, въ качествѣ статиста, обязаннаго имѣть чугунныя ноги, скромно и безропотно выстаиваетъ, за неимѣніемъ свободнаго стула, въ видѣ живой статуи, у дверей кабинета, въ надеждѣ почерпнуть новыя свѣдѣнія объ Абессиніи, насладиться феноменальнымъ контральто и—главное—послушать съ восторгомъ юной души «обмѣнъ мыслей» болѣе или менѣе извѣстныхъ людей.

Но докторъ изъ Абессиніи пока не дѣлится своими наблюденіями. За эти дни онъ такъ много говорилъ, по неотступнымъ просьбамъ рвавшихъ его на части лицъ (еще бы: пріѣхалъ изъ Абессиніи!), о Менеликѣ, его супругѣ и Маконенѣ, что абессинцы ему просто-таки очертѣли, и онъ предпочиталъ молча курить, прислушиваясь къ тому, о чемъ говорятъ не въ Абессиніи, а въ Москвѣ, его ближайшіе сосѣди по заключенію въ кабинетѣ.

«Феноменальное контральто» еще не пріѣзжало.

Да и пріѣдетъ ли?

«Этакая свинья. Обѣщала непремѣнно быть, а ужъ одиннадцать, и ея нѣтъ. Не воображаетъ ли она себя знаменитостью съ своимъ дряннымъ голосомъ!»

Такія, не особенно корректныя слова произноситъ, мысленно конечно, всегда корректная Марья Ивановна по адресу «чуднаго контральто», и сердце ея полно тревоги, которую она тщательно скрываетъ отъ публики.

Авантажная въ своемъ пунцовомъ шелковомъ лифѣ, плотно облегавшемъ ея роскошный бюстъ, съ новой брошкой и съ полнымъ комплектомъ колецъ на рукахъ, благоухающая, привѣтливая, улыбающаяся, зорко наблюдающая за теченіемъ

журфикса, подходившая то къ той, то къ другой гостьѣ, Марья Ивановна подсаживается на край дивана къ одной дамѣ, не занятой разговоромъ. Она еще разъ выражаетъ живѣйшую радость, что видитъ милую Екатерину Петровну, при чемъ жметъ ея маленькую худенькую руку и незамѣтно оглядываетъ красивое, сшитое по новому фасону платье гостьи, которое она еще не видала на ней.

«Вѣрно, изъ Парижа привезла»,—не безъ зависти думаетъ Марья Ивановна и, прислушиваясь чуткимъ ухомъ, «не вздрогнетъ ли звонокъ» и не пріѣдетъ ли «эта свинья съ деревяннымъ голосомъ»,—говоритъ задушевнымъ тономъ искренняго восхищенія:

— Смотрю я на васъ: какая вы интересная, Екатерина Петровна!... Право, безъ комплиментовъ... Одинъ восторгъ!.. Ну, ну, не буду, дорогая... А я на-дняхъ къ вамъ... Мнѣ нужно поговорить съ вами о многомъ, о многомъ... Вы догадываетесь, что по дѣламъ нашего попечительства...

Гостья, хоть и не «восторгъ», но довольно миловидная изящная брюнетка, тотчасъ же принимаетъ серьезно-озабоченный видъ. Тонкія губы ея нервно подергиваются, и она нѣсколько раздраженнымъ и дѣловитымъ тономъ сообщаетъ, что очень будетъ рада... Необходимо «сговориться» и многое «вырѣшить». Пора поднять вопросъ объ измѣненіи системы.

— А то у насъ не серьезная благотворительность, а забава. Такъ нельзя!—внушительно и авторитетно прибавляетъ она.

— Вы правы, дорогая... вы правы... Такъ нельзя... Вы должны принять на себя руководительство. Одна вы!—отвѣчаетъ Марья Ивановна и въ ту же минуту вспоминаетъ, что ей надо заглянуть на кухню, чтобъ убѣдиться, въ какомъ положеніи находится заливное изъ рыбы, куплены ли раковыя шейки, и не успѣлъ ли напиться поваръ... «Что̀ тогда будетъ съ рябчиками!»

И, отлично зная, что Екатерина Петровна, какъ рьяная благотворительница, разъ сѣвъ на своего конька, нескоро съ него слѣзетъ, Марья Ивановна спѣшитъ предупредить гостью, уже открывшую-было ротъ, и прибавляетъ:

— На-дняхъ, дорогая, мы подробно обо всемъ переговоримъ... Это такое святое дѣло... А пока простите... Надо распорядиться... Мы вѣдь свои. Вы позволите?

— Пожалуйста...

Марья Ивановна поднялась съ дивана.

Увидавъ въ эту минуту одного господина, пробиравшагося въ кабинетъ, чтобы покурить, Марья Ивановна, внезапно оза-

ренная счастливою мыслью, перехватила его, какъ ловкій таможенный контрабандиста, и, шепнувъ ему со своею очаровательной улыбкой, что одна интересная дама желаетъ съ нимъ познакомиться, схватила его за рукавъ, повела, какъ бычка на веревочкѣ, къ благотворительной дамѣ и сказала:

— Мосье Петровъ. Давно просилъ быть вамъ представленнымъ.

— Очень пріятно!—промолвила дама, не чувствуя, впрочемъ, большой пріятности при видѣ худого верзилы, похожаго на задумчивую цаплю, который покорно усѣлся на кончикѣ дивана, нѣсколько затрудняясь, какъ поприличнѣе убрать свои длинныя ноги.

Давши такимъ образомъ своей пріятельницѣ возможность просвѣтить мосье Петрова насчетъ разумной благотворительности, до которой ему было такое же дѣло, какъ до китайскаго богдыхана, и пріятно поразивъ самого мосье Петрова, котораго избѣгали даже неинтересныя дамы,—до того онъ донималъ ихъ статистическими бесѣдами, не находя болѣе любопытныхъ темъ,—Марья Ивановна исчезла на минутку изъ гостиной съ побѣдоносной улыбкой хозяйки, умѣющей объединять общество и вполнѣ убѣжденной, что, благодаря ея таланту, у нихъ по понедѣльникамъ «весело» и «непринужденно».

III.

Между тѣмъ журфиксъ тянулся своимъ обычнымъ порядкомъ.

Принарядившіяся дамы, все болѣе бальзаковскихъ лѣтъ, и нѣсколько барышень на возрастѣ наполняли гостиную пестрымъ цвѣтникомъ. Было нѣсколько хорошенькихъ лицъ. Благоухало духами и пудрой. Среди обилія дамъ—всего трое-четверо мужчинъ изъ такъ-называемыхъ «молодыхъ людей» (одному, впрочемъ, не менѣе сорока), которые обязательно должны сидѣть въ гостиной и выдавливать изъ своихъ головъ нѣчто интересное, не помѣщенное въ сегодняшнихъ газетахъ, или смѣшное, не бывшее въ «Стрекозѣ» и «Осколкахъ». Положеніе воистину каторжное.

Остальные мужчины—все болѣе или менѣе солидные и женатые—забились въ кабинетъ, большой роскошный кабинетъ, съ мягкими креслами и усыпляющими оттоманками, и, повидимому, были далеки отъ намѣренія подняться съ своихъ мѣстъ вплоть до ужина.

Несмотря на призывы Марьи Ивановны, обращенные къ болѣе легкомысленнымъ мужьямъ, перейти къ дамамъ, никто однако на это не отваживался и, по всей вѣроятности, оттого,

что въ числѣ дамъ находились и жены, которыхъ, слава Богу, они и безъ того часто видятъ. Впрочемъ, быть-можетъ (и даже навѣрное), у кого-нибудь, въ моменты приливовъ тоски и головной боли отъ табачнаго дыма, и являлась смѣлая мысль подсѣсть къ одной изъ чужихъ, болѣе привлекательныхъ супругъ, чтобы выразить ей сочувствіе женской самостоятельности, любуясь въ то же время миловидной дамой на томъ близкомъ разстояніи, когда слѣды пудры на лицѣ и подведенныя брови дѣлаются замѣтнѣе, — но никто такой мысли не осуществилъ, геройствуя, такъ сказать, только въ мечтаніяхъ, въ виду боязни тѣхъ осложненій, которыя неминуемо послѣдовали бы при возвращеніи на извозчикѣ домой и затѣмъ дома.

И въ гостиной и въ кабинетѣ продолжали вести тѣ «журфиксные» діалоги, которые, кромѣ одуряющей скуки, имѣютъ то удобство, что ихъ можно такъ же внезапно начинать, какъ и кончать, не только не вызывая на лицѣ сосѣда ни малѣйшаго сожалѣнія о томъ, что вы кончили, а, напротивъ, встрѣчая иногда взглядъ, полный живѣйшей признательности.

Говорили о погодѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія, такъ какъ находились люди, бывшіе о ней діаметрально противоположнаго мнѣнія, объ инфлуэнцѣ, о Дузэ, о новѣйшихъ административныхъ слухахъ, вызывавшихъ въ кабинетѣ обиліе междометій, о старухѣ, раздавленной конкой, о послѣдней талантливой публичной лекціи Терентія Терентьевича (предполагается, что всѣ обязаны знать фамилію Терентія Терентьевича, и потому тѣ, немногіе, впрочемъ, несчастные, которые не знаютъ: кто такой Терентій Терентьевичъ, не осмѣливаются спросить, чтобы не выдать своего невѣжества); говорили о предостереженіи, данной одной газетѣ (опять въ кабинетѣ всѣ допытываются и никто не допытался: за что̀ именно?), о новой пьесѣ драматурга, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ какъ подающаго большія надежды, и о высоко-художественной игрѣ Марьи Николаевны.

Послѣдняя тема, давшая возможность всѣмъ присутствовавшимъ въ гостиной выразить свои восторги, послужила, впрочемъ, поводомъ къ маленькому инциденту. Нашелся одинъ пріѣзжій изъ провинціи молодой человѣкъ, который,—можете себѣ представить?—осмѣлился довольно громко спросить: «кто эта Марья Николаевна?» Нечего и говорить, что на варвара всѣ посмотрѣли такъ, какъ можно посмотрѣть на человѣка, находящагося въ Москвѣ и не знающаго Ивана Великаго и Царя-колокола.

Говорили затѣмъ о концертѣ Гофмана, о чьемъ-то юбилеѣ,

словомъ, обо всемъ, о чемъ каждый изъ говорившихъ и слушавшихъ читалъ сегодня въ газетахъ или уже слышалъ и не одинъ разъ. Но это, разумѣется, нисколько не мѣшало слушать съ притворной серьезностью, словно бы необыкновенно интересную новость, и въ свою очередь занимать сосѣда такими же интересными новостями въ родѣ того, что въ Индіи чума.

Однако паузы томительнаго молчанія становятся все чаще и продолжительнѣе и въ кабинетѣ и въ гостиной. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, цѣликомъ пересказывать другъ другу содержаніе послѣдняго нумера газеты!

«Молодые люди» украдкой взглядывали на часы, разсчитывая время своего избавленія отъ обязанности быть занимательными. Все «занимательное» исчерпано. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они улизнули бы въ кабинетъ, если-бъ топографія мѣстности позволила это сдѣлать, не тревожа дамъ. Но какъ вы улизнете, если дама и справа, и слѣва, и впереди!?

Мосье Петровъ былъ счастливѣе. У него свободный путь отступленія. Какъ ни лестно было ему находиться около интересной дамы, желавшей съ нимъ познакомиться, онъ тѣмъ не менѣе удралъ отъ нея, воспользовавшись тѣмъ, что къ ней обратилась съ какимъ-то вопросомъ ея сосѣдка по дивану,— и спрятался въ кабинетѣ, полный той же ненависти ко всѣмъ благотворительнымъ учрежденіямъ, о которыхъ только-что слышалъ, какую онъ самъ внушалъ другимъ къ статистикѣ.

Наступалъ тотъ кульминаціонный періодъ журфикса, когда скука достигаетъ своего апогея, и когда даже у самыхъ благовоспитанныхъ гостей двигаются скулы отъ подавляемой зѣвоты. Чай давно отпитъ, фрукты подавали, обычные діалоги проговорены, а до ужина еще часа полтора, а то и два. Уѣхать безъ ужина довольно глупо и кромѣ того обидно для хозяйки, желающей показать, какъ у нихъ угощаютъ, и наготовившей всего вволю. Куда дѣвать наготовленное, если его не съѣдятъ. Еще дамы непрочь на такую глупость, но мужчины ни за что. И наконецъ обмѣнъ мыслей и обязательныя рѣчи, которыя навѣрное будутъ за ужиномъ!

Необходимо терпѣть и спросить сосѣда, съ которымъ васъ свела судьба и котораго вы видите первый разъ въ жизни, что̀ онъ думаетъ о положеніи Турціи и будетъ ли война?

IV.

Въ такія критическія минуты могло бы выручить не только «феноменальное контральто», но даже и сопрано, подающее

надежды (родителямъ, конечно) быть Патти или Зембрихъ, а пока напоминающее вытье кошки, которой защемили хвостъ. По крайней мѣрѣ гости могли бы смолкнуть, предпочитая слушать съ задумчиво-восхищенными лицами хотя бы и кошачье пѣніе, чѣмъ трепать одни и тѣ же діалоги.

По этой причинѣ, надо думать, на журфиксахъ часто появляются всевозможные таланты, которые публика шумно поощряетъ какъ бы въ благодарность за то, что они позволяютъ молча дотянуть до ужина.

Но «феноменальное» такъ и не пріѣхало («Она, вѣрно, побоялась пріѣхать въ такой морозъ. Пѣвицы такъ боятся простуды. А у нея дѣйствительно чудный голосъ!» — объясняетъ хозяйка, невольно уязвляя тѣхъ гостей, у которыхъ на журфиксахъ не поютъ знаменитости). Не оказалось, къ удивленію, среди присутствующихъ дѣвицъ и «миленькаго» сопрано, которое согласилось бы доставить всѣмъ удовольствіе. Не нашлось даже ни одного любителя и ни одной любительницы, которые могли бы терзать уши ноктюрномъ Шопена и баркароллой Рубинштейна или выразительнымъ чтеніемъ прозы или стиховъ.

Напрасно хозяинъ хотѣлъ приподнять настроеніе въ кабинетѣ и, самъ нѣсколько очумѣвшій, подходилъ то къ одному, то къ другому гостю и говорилъ своимъ нѣжнымъ вкрадчивымъ теноркомъ:

— Такъ-то, батюшка... Обмѣнъ мыслей необходимъ... Я всегда говорилъ, что намъ нужно объединеніе вездѣ, гдѣ возможно.

Каждый соглашался, но никто, въ ожиданіи закуски, не чувствовалъ прилива краснорѣчія. Даже вопросъ, поднятый какимъ-то мрачнымъ гостемъ о томъ: полезенъ или вреденъ опортюнизмъ въ извѣстныхъ случаяхъ, не вызвалъ дебатовъ, вѣроятно, потому, что всѣ, въ качествѣ женатыхъ людей, были болѣе или менѣе опортюнисты. Разговоръ шелъ вяло. Два «безсовѣстные» господина попрежнему не роняли слова, а одинъ старый господинъ самымъ наглѣйшимъ образомъ поклевывалъ носомъ въ углу оттоманки, соблазнительной подобно Капуѣ для Аннибала. Несмотря на подвохи хозяина, докторъ, вернувшійся изъ Абессиніи, упорно не хотѣлъ дѣлиться свѣдѣніями объ этой странѣ.

Марья Ивановна, вернувшаяся въ гостиную довольная и веселая (заливное удалось на славу и было гарнировано шикарно, и за рябчиковъ не могло быть опасенія, такъ какъ поваръ былъ трезвъ), замѣтила, конечно, что хотя всѣ «веселы и непринужденны», но что разговоръ изсякаетъ, и «мо-

лодые люди» имѣютъ нѣсколько страдальческій видъ, не зная, что̀ еще разсказать.

И она пробуетъ завязать общій разговоръ («Когда же у насъ, mesdames, будетъ клубъ!»), но попытка ея терпитъ фіаско (объ этомъ уже говорили и столько говорили!), и Марья Ивановна рѣшаетъ съ быстротою своего энергичнаго характера во что бы ни стало извлечь изъ кабинета доктора изъ Абессиніи и литератора Радугина. Они навѣрное внесутъ большее оживленіе.

Радугинъ, господинъ лѣтъ сорока, находился въ данное время въ такомъ критическомъ положеніи, что съ восторгомъ принялъ бы предложеніе немедленно отправиться въ Якутскую область, или хоть на сѣверный полюсъ, а не то что̀ въ гостиную, наполненную интеллигентными дамами, въ числѣ которыхъ, кажется, нѣтъ ни одного литературнаго собрата.

Дѣло въ томъ, что къ нему, благодушно сидѣвшему въ креслѣ близъ письменнаго стола, подсѣла, откуда-то раздобывъ стулъ, одна «молодая» писательница, пріѣхавшая откуда-то съ юга. Она, впрочемъ, была молодая въ литературномъ смыслѣ, но довольно зрѣлая особа по возрасту и притомъ такой наружности, которая противорѣчила самымъ элементарнымъ законамъ эстетики. Это однако не мѣшало ей, повидимому, считать себя неотразимой и глядѣть на Радугина какъ на человѣка, который будетъ идіотъ, если въ нее не влюбится.

Вотъ ужъ полчаса, какъ она донимаетъ своего собрата. По всѣмъ признакамъ, она имѣетъ намѣреніе терзать его еще долго, такъ какъ, послѣ комплиментовъ его таланту, изъявленія восторга, что она наконецъ съ нимъ познакомилась, и категорическаго утвержденія о томъ, что въ редакціяхъ нѣтъ ни малѣйшаго литературнаго вкуса, она начала, съ его позволенія (хотя Радугинъ вовсе его не давалъ), знакомить его, и довольно-таки основательно, съ содержаніемъ своей послѣдней повѣсти: «Она». При этомъ еще дѣлала авторскіе комментаріи.

— Вы понимаете, конечно, почему я не сдѣлала свою героиню красавицей? У васъ необыкновенно тонкій вкусъ... вы поймете. Не правда ли?

Радугинъ обѣщалъ понять и безпомощно озирался, мысленно посылая своего собрата къ чорту.

— Она недурна, но не красавица. Красавицы обыкновенно бываютъ пошлы и глупы, и я удивляюсь, что многіе писатели часто рисуютъ героинь красавицами. Она не красавица, но недурна... Знаете ли, выразительное такое лицо съ печатью думъ на челѣ...

Изъ дальнѣйшихъ комментаріевъ Радугинъ понялъ, что его мучительница описываетъ себя въ этой героинѣ, дѣвушкѣ тридцати лѣтъ, которой на видъ можно дать «всего двадцать», презирающей современный бракъ, какъ «низменную пошлость», такъ какъ душа героини, жаждущей познать всѣ тайны бытія, не находитъ въ окружающихъ мужчинахъ ни одной родственной души. Онъ догадался, что сама авторша въ этой умной и развитой Евлаліи (такъ звали героиню), не побоявшейся кинуть «перчатку» обществу устройствомъ пріюта для шести покинутыхъ младенцевъ, и его подмывало посовѣтовать ей сдѣлать свою героиню безобразной, худой какъ спичка, съ лицомъ похожимъ на лягушечье, съ выкаченными самодовольными глазами и съ руками, ногти которыхъ въ траурѣ,—но у него не хватило духа сдѣлать это, и онъ продолжалъ слушать съ видомъ человѣка, обреченнаго на смертную казнь, завидуя тѣмъ счастливцамъ, которые не имѣли несчастья знакомиться съ содержаніемъ повѣсти «Она».

Ужъ дѣло дошло до того, какъ одинъ «милый юноша» влюбился въ героиню, и какъ героиня съ чувствомъ старшей сестры смотрѣла на робкія проявленія любви, какъ въ эту минуту подошла Марья Ивановна и сказала, показывая свои ослѣпительные зубы въ чарующей улыбкѣ:

— Простите, что прерываю вашу бесѣду... Позвольте похитить отъ васъ Аркадія Сергѣича... Аркадій Сергѣичъ! Дамы просятъ васъ въ гостиную.

Радугинъ вскакиваетъ съ кресла съ такою стремительностью, точно въ креслѣ вдругъ очутилась игла. А «молодая» писательница раздраженно поводитъ плечами и, презрительно глядя Радугину вслѣдъ, рѣшаетъ, что онъ такой же пошлякъ, какъ и прочіе смертные, и не имѣетъ ни малѣйшаго литературнаго вкуса.

— Ну что̀, рады, что избавила васъ?—шепчетъ Марья Ивановна, уводя Радугина въ гостиную.

— Уфъ!—облегченно вздыхаетъ писатель.

Усадивъ его между дамами, да такъ, что удобно улизнуть не предстояло возможности, Марья Ивановна возвращается въ кабинетъ и не безъ нѣкоторыхъ усилій добываетъ оттуда и доктора изъ Абессиніи и тоже сажаетъ его такимъ образомъ, что доктору такъ же трудно убѣжать, какъ и итальянскимъ плѣннымъ отъ Менелика.

И бѣдняга покоряется року. Онъ сперва коротко отвѣчаетъ на вопросы Марьи Ивановны относительно Менелика, его жены и раса Маконена, но, замѣтивъ, что въ гостиной воцаряется молчаніе и всѣ взоры съ мольбою взираютъ на него,

онъ начинаетъ говорить, мысленно давая себѣ слово поскорѣе уѣхать изъ Москвы опять въ Абессинію, гдѣ нѣтъ журфиксовъ.

Устроивъ маленькую конференцію, Марья Ивановна снова исчезаетъ, чтобы приказать подавать ужинъ пораньше.

Какъ ни внимательно всѣ слушали разказчика и какъ, казалось, ни интересовалъ всѣхъ бытъ господъ абессинцевъ, но тѣмъ не менѣе, когда появился лакей и доложилъ, что кушать подано, всѣ, не исключая и лектора, словно бы пробудились отъ радостной вѣсти и, необыкновенно оживившіеся, торопливо направились въ столовую, гдѣ длинный столъ былъ установленъ закусками и бутылками.

Вздремнувшій старикъ весело говорилъ, что страдаетъ безсонницей. А тѣ два «безсовѣстные господина», которые весь вечеръ сидѣли какъ «пни», и тѣ, мгновенно просвѣтлѣвшіе, внезапно заговорили между собой о томъ, съ какой начать водки: съ простой или померанцевой.

V.

Марья Ивановна всегда имѣла желаніе разсаживать за ужиномъ своихъ дорогихъ гостей, группируя ихъ «по-европейски», то-есть такимъ образомъ, чтобы около каждой дамы (будь то хоть сама волшебница Наина) обязательно сидѣлъ кавалеръ (только, само собою разумѣется, не мужъ, не родной братъ и не глухонѣмой), который, какъ и подобаетъ благовоспитанному джентльмену, накладывалъ бы своей сосѣдкѣ, не излишествуя, конечно, подаваемыя кушанья, остерегаясь при этомъ облить соусомъ новое ея платье, занималъ бы ее, въ промежутки между проглатываніемъ кусковъ, болѣе или менѣе умнымъ разговоромъ и, пожалуй, даже слегка бы ухаживалъ, находя свою сосѣдку очаровательной или по крайней мѣрѣ (при абсолютномъ безобразіи) необыкновенно симпатичной. Подобное невинное ухаживаніе допустимо, конечно, только въ томъ случаѣ, если ваша супруга не сидитъ vis-à-vis, обладая при этомъ остротой зрѣнія копчика и тонкостью слуха мыши.

Такое желаніе милѣйшей хозяйки обусловливалось не только стремленіемъ оживить ужинъ, но и болѣе возвышенными альтруистическими чувствами. Что̀ тамъ ни говори, а сосѣдство съ дамой, особенно если она не трещитъ безъ умолка, какъ сорока, не лишено нѣкотораго эстетическаго и притомъ облагораживающаго удовольствія. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, когда вы разговариваете за ужиномъ съ барыней, то, разумѣется, не предадитесь излишествамъ и невольно забудете да и просто стѣснитесь дуть, словно бы квасъ, хозяйскій ла-

фитъ, бутылка котораго стоитъ три рубля, и то «по случаю», какъ увѣряетъ радушный хозяинъ.

И до лафита ли вамъ, когда вы и безъ того нѣсколько опьянены бесѣдой о задачахъ родительскаго кружка да еще съ очень миловидной и бойкой барыней, которая собирается прочесть (ужъ матеріалы всѣ собраны) интересный рефератъ о томъ, что дѣтямъ, страдающимъ насморкомъ, необходимо, со всѣхъ точекъ зрѣнія, давать не одинъ, а два, три и даже четыре носовыхъ платка. Марья Ивановна, какъ умная женщина, отлично понимала эту психологію, да и вообще считала себя тонкимъ психологомъ, такъ какъ въ прошлую зиму прослушала двѣ лекціи по этому предмету.

И несмотря однако на несомнѣнный организаторскій талантъ милѣйшей хозяйки, несмотря на ея рѣшительный темпераментъ и знаніе человѣческаго сердца, всѣ ея старанія придать ужинамъ, такъ сказать, болѣе возвышенный характеръ, на почвѣ духовнаго общенія кавалеровъ и дамъ, разбивались, какъ волны объ утесъ, о постыдную косность мужчинъ. Съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, они отстаивали раздѣленіе половъ (и именно за ужиномъ), свидѣтельствуя такимъ образомъ о своей отсталости и какъ бы о своей боязни дамъ.

И Марья Ивановна (какъ, вѣроятно, и большинство хозяекъ, у которыхъ бываютъ журфиксы) должна была придти къ грустному заключенію о томъ, что въ Москвѣ, несмотря на обиліе милыхъ, просвѣщенныхъ, ученыхъ и замѣчательныхъ людей, очень мало настоящихъ кавалеровъ, дорожащихъ женскимъ обществомъ во время трапезъ, и что, вообще говоря, и мужья и жены несравненно интереснѣе, умнѣе и оживленнѣе, когда они порознь, а не вмѣстѣ. Рѣшительно слѣдовало бы приглашать ихъ отдѣльно, если бы это было возможно сдѣлать безъ опасенія прекращенія дипломатическихъ сношеній.

Вотъ хоть бы взять милѣйшаго Ивана Ивановича. Ужъ на что онъ папильонъ («Куда хуже моего!»—снисходительно оцѣниваетъ Марья Ивановна своего благовѣрнаго). Несмотря на свою сѣдину, брюшко и полсотни съ большимъ хвостикомъ лѣтъ на плечахъ, онъ такъ и льнетъ къ дамамъ, и когда разойдется, то очень милъ и остроуменъ и просто-таки незамѣнимъ на журфиксахъ, а сегодня и онъ весь вечеръ просидѣлъ въ кабинетѣ, и его маленькіе умные глазки блестѣли цивическимъ негодованіемъ по поводу турецкихъ звѣрствъ, о которыхъ онъ говорилъ вмѣсто того, чтобы блестѣть прованскимъ масломъ, когда онъ бесѣдуетъ о красотѣ, какъ объ отвлеченномъ понятіи, съ мало-мальски смазливой женщиной. Не-

бось, старый ферлакуръ поджалъ хвостъ и не смѣетъ подойти ни къ одной дамѣ. Вольно-жъ ему, дураку, было являться съ женой... Она могла бы и не пріѣзжать.

«Несчастная страдалица!»—все-таки мысленно соболѣзнуетъ Марья Ивановна дамѣ, которая могла бы и не пріѣзжать, толстой и плотной барынѣ, похожей на боченокъ, не имѣющей ни малѣйшаго вида страдалицы,—и съ насмѣшливой улыбкой смотритъ на Ивана Ивановича, который почему-то лебезитъ передъ женой, направляясь съ нею въ столовую.

Хотя Марья Ивановна и улыбается обычною своею очаровательною улыбкой, усаживая возлѣ себя двухъ дамъ, но втайнѣ возмущена. Опять все попрежнему. Опять не только солидные, но даже и легкомысленные мужчины и притомъ холостые, какъ мосье Петровъ, докторъ изъ Абессиніи, писатель Радугинъ и многіе другіе, стремительно направлялись къ тому концу стола, гдѣ обыкновенно сидѣлъ хозяинъ и гдѣ стояли два графина водки и тарелка съ селедками, и занимали мѣста другъ около друга, очевидно, предпочитая (о, безсовѣстные!) сосѣдство съ очищенной и померанцевой сосѣдству съ дамами, хотя между ними были положительно интересныя, какъ, напримѣръ, пикантная брюнетка, требующая серьезной благотворительности, бойкая референтка о носовыхъ платкахъ, томная барышня, собирающаяся поступить на трагическія роли, докторша, высокая блондинка съ золотистыми волосами, похожая на англичанку, и наконецъ сама хозяйка, настоящая Юнона, несмотря на свои «около сорока». Что же касается до остальныхъ, то и онѣ были болѣе или менѣе симпатичны...

Положимъ, несчастный Радугинъ улепетывалъ отъ молодой авторши. Злодѣйка таила ехидное намѣреніе досказать за ужиномъ окончаніе своей повѣсти и съ этой цѣлью звала собрата сѣсть рядомъ, но Радугинъ, не будь дуракъ, представился глухимъ и уже сидѣлъ между двумя мужчинами, какъ за стѣнами крѣпости, и аппетитно улыбался, глядя, какъ милый хозяинъ разливаетъ по рюмкамъ водку.

Но другіе? Такъ-таки никто и не думаетъ сѣсть около дамъ, и онѣ будутъ, такъ сказать, предвкушать удовольствіе будущаго женскаго клуба?

По счастью нашелся одинъ не безсовѣстный. Это—Иванъ Ивановичъ.

Онъ недаромъ озирается, будто бы отыскивая себѣ свободное мѣсто, а въ дѣйствительности высматривая мѣстонахожденіе своей «бѣдной страдалицы». Оно найдено—вонъ тамъ, недалеко отъ хозяйки,—и почтенный папильонъ второй молодости торопливо садится около одной изъ дамъ, руковод-

ствуясь въ своемъ выборѣ не столько чувствомъ изящнаго, сколько отдаленіемъ ея отъ своей супруги. Выпивъ рюмку водки, онъ немедленно же заводитъ разговоръ о красотѣ, какъ отвлеченномъ понятіи, и, скашивая уже замаслившійся взоръ на весьма реальныя формы своей моложавой и не совсѣмъ отцвѣтшей сосѣдки, находитъ, что она восхитительна.

И Марья Ивановна довольна. Нашелся, по крайней мѣрѣ, одинъ настоящій кавалеръ. И, строгая вообще къ мужьямъ, отклоняющимся отъ стези долга, она въ эту минуту готова даже простить милѣйшему Ивану Ивановичу всѣ его безконечныя вины передъ «несчастной страдалицей».

— Вотъ икра, mesdames... Вотъ сигъ... Вотъ омары... Пожалуйста!—любезно предлагаетъ она, указывая своею красивою бѣлою рукой въ кольцахъ на тарелки съ закусками, и сама оглядываетъ: всѣ ли гости усѣлись.

Это еще что̀ такое!?

Даже и «молодые люди» (двое изъ нихъ помощники ея мужа), обязанные быть при дамахъ, даже и этотъ юнецъ-студентъ, доведенный Евлампіей Михайловной до психопатическаго состоянія (до того она, отдѣлавшись отъ проклятаго чая, жалѣла студента, что у него въ Москвѣ нѣтъ ни папы, ни мамы, ни дяди, ни тети, ни брата, ни сестры),—направляются не къ дамамъ, а къ той половинѣ стола, гдѣ сплошь сидятъ мужчины, и уже пьютъ по второй рюмкѣ водки и, повидимому, начинаютъ уже находить темы для обмѣна мыслей.

Это уже черезчуръ!

— Евгеній Николаичъ... Аркадій Васильичъ... Мосье Гусевъ... Мосье Ивановъ!—окликаетъ Марья Ивановна.

Молодые люди останавливаются и виновато смотрятъ на хозяйку.

— Занимайте мѣста около дамъ... А то всѣ насъ оставили.

Дѣлать нечего. На то они и «молодые люди», чтобы ими распоряжались.

И они садятся около дамъ.

Что же касается до юнца-студента, то его, совершенно сконфуженнаго и растеряннаго, Евлампія Михайловна сажаетъ подлѣ себя и, въ качествѣ истиннаго друга, выражаетъ свои горячія чувства тѣмъ, что накладываетъ на тарелку студента такое огромное количество колбасы (которую онъ терпѣть не могъ, просидѣвши какъ-то цѣлый мѣсяцъ на одной колбасѣ), что несчастный рѣшительно приходитъ въ ужасъ при мысли, что всю эту порцію необходимо съѣсть.

И онъ, съ героизмомъ отчаянія рѣшаясь какъ можно скорѣй

отдѣлаться отъ ненавистной ему колбасы, уничтожаетъ ее съ стремительностью человѣка, не ѣвшаго два дня.

— Не угодно ли еще... Я вамъ положу,—шепчетъ Евлампія Михайловна, еще болѣе жалѣя юношу, у котораго нѣтъ ни папы ни мамы и который такъ любитъ колбасу, и бросая на него взглядъ, полный дружбы.

— Нѣтъ... Ради Бога!.. Благодарю... Я не хочу!—голосомъ, полнымъ мольбы и страха, отвѣчаетъ онъ.

— Такъ чего-нибудь другого?.. Я буду ухаживать за вами... Хотите, Евгеній Николаичъ?

— Ооо!—стонетъ юноша, выражая этимъ звукомъ такое мучительное состояніе и въ то же время такое страстное желаніе треснуть кротчайшую Евлампію Михайловну прямо по головѣ, что ему самому становится страшно, какъ бы она не проникла въ его сокровенныя мысли, и онъ начинаетъ благодарить ее и просить не безпокоиться... Онъ самъ возьметъ кусочекъ икры...

Между тѣмъ тарелки съ закуской, побывавъ у дамъ, уже не возвращались съ мужского конца. Тамъ уже начинались оживленные разговоры, и, къ удивленію, болтливѣе другихъ оказались молчаливые «пни». Одинъ изъ нихъ, плотный высокій господинъ въ очкахъ, уже требовалъ присоединенія Крита къ Греціи и отдачи подъ судъ членовъ правленія московскаго кредитнаго общества. Другой, худой какъ спичка, скорбѣлъ о недостаткахъ гражданскаго мужества въ русскихъ людяхъ. Любезный хозяинъ соглашался и съ тѣмъ и съ другимъ и, въ свою очередь, искалъ выхода въ единеніи.

Когда подали заливное изъ лососины, разговоры притихли, и господинъ въ очкахъ уже не требовалъ присоединенія Крита къ Греціи, а, уписывая рыбу, морщилъ лобъ и хмурилъ брови, занятый, повидимому, сочиненіемъ экспромта.

И дѣйствительно, какъ только-что рыба была окончена, онъ постучалъ ножомъ по стакану и, когда всѣ затихли, поднялся съ мѣста, обвелъ публику мрачнымъ взглядомъ, словно бы предупреждалъ слушателей, что имъ отъ него не будетъ пощады, и, заложивъ руку за бортъ сюртука, произнесъ густымъ баритономъ:

— Милостивыя государыни и милостивые государи!

Всѣ взоры обратились на оратора, а почтенный хозяинъ уже принялъ умиленный видъ.

Только Иванъ Ивановичъ, нѣсколько обиженный, что ему нельзя теперь развивать своихъ взглядовъ о красотѣ, нагнулся къ сосѣдкѣ и, разглядывая ея желтоватую жирную шею, шепнулъ ей на ухо:

— Ну, теперь онъ начнетъ насъ дубасить. Онъ молчитъ-молчитъ, а какъ заговоритъ, такъ на цѣлыхъ полчаса.

VI.

Нечего и говорить, что не совсѣмъ парламентское выраженіе «дубасить», которое позволилъ себѣ употребить почтенный Иванъ Ивановичъ (вообще строго придерживавшійся, какъ дамскій кавалеръ, самыхъ строгихъ парламентскихъ обычаевъ), оказалось гиперболой, вызванной, быть-можетъ, и нѣкоторымъ завистливымъ чувствомъ къ таланту оратора.

Дѣло въ томъ, что и самъ Иванъ Ивановичъ не лишенъ былъ, какъ и бо̀льшая часть москвичей, посѣщающихъ журфиксы, дара краснорѣчія и не только умѣлъ вдохновенно нашептывать какой-нибудь смазливой слушательницѣ о красотѣ, какъ отвлеченномъ понятіи, но, при случаѣ, и сказать рѣчь при болѣе многочисленной аудиторіи и преимущественно на тему о благотворномъ вліяніи женщины на цивилизацію. Въ развитіи этой темы, составлявшей, такъ сказать, монопольную привилегію Ивана Ивановича, онъ дѣйствительно не имѣлъ соперниковъ по блеску эрудиціи и страстности аргументаціи и не безъ нѣкотораго основанія въ своемъ кружкѣ сравнивался съ Миллемъ.

Невѣрнымъ также оказалось и его предположеніе о получасовой рѣчи, хотя нѣкоторыя основанія для этого и были.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣку, сидѣвшему весь вечеръ какъ «пень», казалось, весьма свойственно дать наконецъ волю языку своему и отмстить, такъ сказать, за долгое молчаніе. Но, съ другой стороны, даже и при талантѣ Іоанна Златоуста, вѣдь нельзя же увлечься до забвенія о томъ, что получасовой перерывъ между заливнымъ и слѣдующимъ блюдомъ нѣсколько великоватъ и даже настолько, что можетъ подѣйствовать удручающимъ образомъ на самыхъ внимательныхъ слушателей и повергнуть хозяйку въ безпокойство за то, что рябчики перепарятся или—того еще хуже—будутъ поданы холодными.

Къ чести своей, ораторъ не упустилъ изъ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ. Онъ не «дубасилъ» (хотя выпаливалъ періоды не безъ значительности и энергіи), а говорилъ свой экспромтъ не полчаса, а ровно тринадцать минутъ, какъ потомъ сосчиталъ одинъ изъ слушателей, нетерпѣливѣе другихъ ожидавшій жаркого.

Признаться, ораторъ началъ немного издалека или, какъ онъ самъ выразился, «съ зари нашей исторіи».

— Я позволю себѣ,—говорилъ онъ, окидывая присутство-

вавшихъ гордымъ и рѣшительнымъ взглядомъ человѣка, отправляющагося въ кругосвѣтное путешествіе:—я позволю себѣ напомнить вамъ, милостивыя государыни и милостивые государи, нѣкоторыя событія прошлаго времени, которыя... которыя помогутъ намъ освѣтить настоящее, которое, въ свою очередь, уяснитъ намъ прошлое, которое вмѣстѣ съ настоящимъ укажетъ на ближайшія задачи свѣтлаго будущаго, которое... которое...

Вѣроятно, обиліе этихъ проклятыхъ относительныхъ мѣстоименій, какъ нарочно (сколько приходилось замѣчать) подвертывающихся на языкъ даже самыхъ блестящихъ ораторовъ во время рѣчей и нерѣдко дѣлающее рѣчи сплошнымъ повтореніемъ слова «который» въ разныхъ склоненіяхъ,—было замѣчено и самимъ ораторомъ. По крайней мѣрѣ лицо его перекосилось сердитой гримасой (и, конечно, противъ мѣстоименій), и онъ, минуя болѣе подробное объясненіе причинъ своего намѣренія «напомнить прошлое», перешелъ къ призванію варяговъ и затѣмъ освѣжилъ въ памяти «милостивыхъ государынь и государей» нѣкоторыя событія изъ русской исторіи. Сообщивъ вкратцѣ о Святославѣ, объ Ольгѣ, о святомъ Владимірѣ, объ удѣльныхъ междоусобицахъ, о царяхъ Иванѣ III и Грозномъ, о самозванщинѣ, о тишайшихъ царяхъ и о Петрѣ Великомъ, ораторъ благополучно дошелъ до новѣйшаго времени, послѣ чего сдѣлалъ маленькую передышку, готовясь перейти къ заключенію.

Надо отдать справедливость оратору: онъ строго слѣдовалъ учебнику Иловайскаго и во всякомъ случаѣ употребилъ довольно ловкій ораторскій пріемъ, ожививъ въ памяти присутствовавшихъ давно забытый всѣми учебникъ. Помимо своей содержательности, такой пересказъ имѣлъ еще и то неоцѣнимое удобство, что послѣ него можно было прямо перейти къ какому угодно пожеланію или тосту. Стоило только сказать—«и потому», и дѣло было въ шляпѣ.

И Марья Ивановна, хорошо знакомая съ разнообразными ораторскими тонкостями (у нея въ домѣ, слава Богу, переговорили всѣ московскіе Гамбетты) и замѣтившая, что многіе слушатели уже начинаютъ обнаруживать нѣкоторое нетерпѣніе, шепнула лакею, чтобы несли рябчиковъ, какъ разъ въ ту минуту, когда ораторъ, возвысивъ голосъ, произнесъ:

— И потому, милостивыя государыни и милостивые государи и потому... и потому...

Повидимому, потерявшій почву, какъ только-что сошелъ съ историческаго поля, ораторъ, проклинавшій въ эту минуту часъ своего рожденія и страсть говорить рѣчи,—хмурилъ брови, устремивъ на господина, сидѣвшаго напротивъ, упорный, мрач-

ный и даже угрожающій взглядъ, словно бы обвинявшій именно этого господина въ подломъ похищеніи изъ головы оратора блестящаго заключенія экспромта.

По счастью (главнымъ образомъ для присутствовавшихъ), заминка продолжалась всего нѣсколько мгновеній... Мысль была найдена. И взоръ оратора, значительно смягчившійся, поднялся съ напрасно заподозрѣннаго господина къ потолку.

— И потому,—увѣренно и вызывающе повторилъ ораторъ слово ««потому»:—послѣ долгаго обзора прошедшаго, которое уяснило намъ настоящее, которое, какъ всѣмъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше прошедшаго, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пожалуй, даже и хуже прошедшаго, или, выражаясь точнѣе: и лучше и хуже,—благоразумно минуя настоящее, позволю себѣ, господа, провозгласить тостъ за скорое наступленіе такого будущаго, которое... которое, отличаясь и отъ прошедшаго и отъ настоящаго, было бы зарею такого настоящаго, которое не походило бы ни на прошедшее, ни на настоящее, ни на будущее...

Оглушительныя рукоплесканія раздались со всѣхъ сторонъ и, казалось, потрясли всю столовую, заглушивъ послѣднее заключительное слово оратора. Въ этихъ рукоплесканіяхъ выражалось и сочувствіе, и чувствовалась нѣкоторая радость по случаю окончанія рѣчи. Какъ она ни была хороша, но согласитесь, что слушать тринадцать минутъ хотя бы и интересные историческіе факты не всѣмъ по плечу. Одинъ вмѣститъ, а другой нѣтъ.

Тѣмъ съ большей признательностью ближайшіе сосѣди чокались съ ораторомъ и нѣкоторые даже цѣловались. Что же касается до хозяина, то онъ, умиленный, добродушно повторялъ:

— Хорошо сказано... Превосходно!

И предлагалъ краснаго или бѣлаго.

Самъ ораторъ, повидимому, не ожидавшій такого успѣха и несравненно менѣе получавшій одобреній, когда припоминалъ исторію короче, принималъ знаки сочувствія безъ особенной экспансивности и молча. Его снова скучающее лицо, казалось, говорило: «Я исполнилъ честно свой долгъ гостя, сказалъ рѣчь, а затѣмъ чортъ васъ подери!»

И онъ—надо отдать ему справедливость—больше уже не открывалъ рта, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда приходилось дѣлать это для принятія пищи или вина.

— Милостив...

И низенькій, пріятный басокъ маленькаго, толстенькаго, живого и румяненькаго господина оборвался, и самъ онъ внезапно сѣлъ, увидавъ, что несутъ рябчики...

— Говорите... говорите, Василій Иванычъ! — замѣтилъ хозяинъ.

— Нѣтъ... я повременю... Время еще будетъ! — весело отвѣчалъ «басокъ».

И онъ дождался своего времени, когда съѣлъ полъ-рябчика и запилъ его стаканомъ бѣлаго вина.

— Господа!—началъ онъ своимъ мягкимъ и даже нѣжнымъ баскомъ, благоразумно рѣшивъ для краткости пренебречь «милостивыми государями и государынями» и скромно опустивъ свои заплывшіе жиркомъ глаза на пустую тарелку.—Да позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ въ дополненіе къ тѣмъ словамъ, которыя мы только-что слышали въ блестящей рѣчи глубокоуважаемаго Порфирія Петровича... Слова мои, быть-можетъ, послужатъ къ уясненію всей великости значенія скорѣйшаго наступленія той свѣтлой, блестящей, лучезарной, всѣми нами горячо желаемой и всѣми нами со дня на день ожидаемой зари будущаго, о которой только-что говорилъ почтенный ораторъ. И почему главнѣйшимъ образомъ дорога она мнѣ и, смѣю думать, и всѣмъ здѣсь присутствующимъ?.. Дорога и желанна эта заря будущаго широкимъ правомъ говорить о чемъ и когда угодно и въ то же время не трепетать въ силу роковой необходимости, подобно щедринскому зайцу при видѣ волчьей тѣни... По счастью, волковъ между нами нѣтъ, господа, и потому я безстрашно могу досказать то, что̀ хочу... А хочу я сказать простую, но, къ сожалѣнію, забываемую по нынѣшнимъ временамъ истину, а именно ту, что главнѣйшее и едва ли не драгоцѣннѣйшее право, данное человѣку, это право бесѣдовать и обмѣниваться мыслями. Недаромъ же мудрая природа снабдила всякую тварь языкомъ безъ костей, какъ бы предопредѣляя этимъ самымъ свободное и широкое пользованіе этимъ органомъ... И мы видимъ, что птица поетъ, животное кричитъ, а человѣкъ кромѣ того и владѣетъ рѣчью... И рѣчь эта, если она правдива, честна и свободна, служитъ главнѣйшимъ орудіемъ цивилизаціи и въ то же время прославляетъ тѣхъ, кто пользуется языкомъ хотя бы и не умѣренно, но съ чистыми помыслами... И надо воздать должное многимъ изъ насъ, господа, безъ всякой ложной скромности. Невзирая ни на что, мы, при всякой возможности, по всякому поводу, сколько-нибудь вызывающему на размышленія, будь то посыпка тротуаровъ пескомъ или передѣлка мостовыхъ, и даже просто собравшись въ тѣсномъ, но дружескомъ кружкѣ, стараемся, въ предѣлахъ, правда, скромныхъ, упражнять наши языки, памятуя, что они безъ костей и даны человѣку во славу его и на пользу общественную. Такъ позвольте же мнѣ, господа, предложить тостъ

за всѣхъ не праздно болтающихъ и пожелать, чтобы поскорѣе наступилъ тотъ радостный день, когда мы, гордые сознаніемъ силы своего краснорѣчія и не пугаясь никакихъ тѣней, дружно и могучею толпой наполнимъ колонную залу «Эрмитажа» и передъ закускою, какъ одинъ человѣкъ, свободно воскликнемъ: «Да здравствуетъ разумъ!»

Эта прочувствованная и блестяще сказанная рѣчь, значительно потерявшая, конечно, въ передачѣ автора, произвела потрясающее впечатлѣніе. Маленькаго толстяка чуть не задушили въ горячихъ объятіяхъ. Всѣ дамы съ Марьей Ивановной во главѣ подходили къ нему, чтобы пожать его пухлую руку, и пили за его здоровье.

Марья Ивановна сіяла отъ удовольствія, что у нея въ домѣ произнесена была такая прелестная рѣчь, и говорила многимъ, что эту рѣчь хоть бы сказать самому Гамбеттѣ, если бы онъ былъ живъ. У всѣхъ приподнялось настроеніе, лоснились щеки и блестѣли глаза и отъ оживленія и отъ выпитаго вина. Иванъ Ивановичъ хоть и завидовалъ, признаться, успѣху толстяка, но спокойно ждалъ минуты и своего торжества, когда онъ скажетъ о вліяніи женщинъ. А пока онъ находился самъ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ лафита и внушительныхъ формъ сосѣдки и, щуря свои замасливавшіеся глазки, шепталъ, что юное сердце можетъ биться и въ груди пятидесятилѣтняго человѣка, при чемъ, хитрецъ, не моргнувши глазомъ, сбавилъ себѣ цѣлыхъ пять, если не семь лѣтъ.

А Евлампія Михайловна, забывшая о «чайной каторгѣ» вблизи то краснѣвшаго, то блѣднѣвшаго юноши и легкомысленно приписывающая такія внезапныя перемѣны тайной влюбленности робкаго молодого человѣка, уже спрашивала его, играя глазами, былъ ли онъ влюбленъ?»

И, получивъ категорическій и нѣсколько рѣзкій отвѣтъ, что не былъ и никогда въ жизни не влюбится, Евлампія Михайловна, чтобы тронуть сердце этого безтолковаго юноши, отвалила ему на тарелку такую громадную порцію пломбира, что несчастный только ахнулъ, а сама она испуганно взглянула на Марью Ивановну.

VII.

Когда всѣ затихли немного, занятые пломбиромъ, поднялся новый ораторъ — и опять господинъ почтеннаго возраста съ пріятнымъ и въ то же время слегка лукавымъ выраженіемъ на своемъ добродушномъ, елейномъ лицѣ «простыни-человѣка», которому довѣрчиво клади пальцы въ ротъ—не откуситъ, такъ какъ у него во рту зубовъ почти не было.

Ласковымъ высокимъ теноркомъ, лишеннымъ какой бы то ни было торжественности, словно бы онъ говорилъ у себя дома, въ халатѣ, господинъ началъ, поглаживая свою сѣдую бородку:

— Милостивыя государыни и милостивые государи! Когда нынѣшнею осенью я покупалъ капусту, чтобы заготовить ее впрокъ, случилось слѣдующее маленькое обстоятельство.

Такое неожиданное начало возбудило общую веселость. Всѣ невольно насторожились. Нѣкоторые даже оставили пломбиръ, недоумѣвая такому ораторскому пріему и стилю, совсѣмъ не похожему на «академическій» стиль предыдущихъ ораторовъ. Любопытство было задѣто. Въ самомъ дѣлѣ интересно было узнать, куда доведетъ «капуста»?

А ораторъ между тѣмъ продолжалъ, улыбаясь нѣсколько блаженной улыбкой человѣка, котораго смѣсь водки, лафита, сотерна и шампанскаго привела въ восхитительное настроеніе.

— Дѣло въ томъ, видите ли, господа, дѣло, говорю, въ томъ, что я приказалъ складывать капусту не въ новый сарайчикъ, только-что устроенный во дворѣ и стоящій мнѣ до ста рублей — нынче домовладѣльцамъ, господа, ой-ой-ой! — а въ старый, ветхій и полуразвалившійся, которымъ прежде пользовались жильцы. И тогда мужичокъ, продававшій мнѣ капусту, говоритъ: «А вѣдь вы, ваше здоровье, капустку сгноите въ старомъ сарайчикѣ. Прикажите ее складать въ новый. Кочанкамъ сохраннѣе будетъ. Скажемъ, говоритъ, грубый овощь, а и онъ требуетъ призора и хорошей компаніи». И вотъ, господа, этотъ недавній случай напомнилъ мнѣ слѣдующее: если капусту слѣдуетъ охранять отъ порчи, давая ей, такъ сказать, уютное пристанище, то что же сказать о человѣкѣ? Сколь необходимо оно ему? Продолжая сію мысль дальше, мы убѣдимся, что человѣку недостаточно своего только крова. Общественные его инстинкты заставляютъ его искать и крова ближняго, подъ гостепріимною сѣнью котораго онъ могъ бы найти уютъ, тепло, ласку и обмѣнъ мыслей... Вотъ именно такой кровъ, такой, можно сказать, центръ единенія родственныхъ душъ и представляетъ собою квартира нашего глубокоуважаемаго и просвѣщеннаго хозяина. Такъ выпьемъ же за здоровье одного изъ блестящихъ представителей нашей адвокатуры и благороднѣйшаго и добрѣйшаго изъ людей, за здоровье Петра Петровича! Ура!

Рѣчь о «капустѣ» вызвала аплодисменты. Всѣ находили аллегорію остроумной. Растроганный хозяинъ облобызалъ оратора и даже закапалъ его щеку слезой.

Едва кончились привѣтствія хозяину, когда поднялся Иванъ

Ивановичъ и повелъ рѣчь о вліяніи женщинъ. Начавъ съ Евы, онъ упомянулъ о замѣчательныхъ женщинахъ всѣхъ вѣковъ, особенно подчеркнулъ значеніе парижскихъ салоновъ и въ заключеніе предложилъ тостъ въ честь «нашей Дюдефанъ», очаровательной Марьи Ивановны.

Опять всѣ шумно поднялись съ мѣстъ и подходили къ сіяющей хозяйкѣ. Дамы цѣловались, а мужчины прикладывались къ ея рукѣ.

Затѣмъ...

Но передать всѣхъ безчисленныхъ рѣчей, которыя говорились потомъ, рѣшительно невозможно. Пришлось бы написать цѣлый томъ. Замѣчу только, что ни одинъ изъ гостей не былъ забытъ. Каждый удостоился тоста. Сперва пили за здоровье петербургскаго гостя, «мастера слова», произведенія котораго (какъ говорилъ милѣйшій хозяинъ, ни одного изъ нихъ не читавшій) достойны стать рядомъ съ твореніями Тургенева и Достоевскаго (Радугинъ, въ это время готовый провалиться сквозь землю, послѣ окончанія рѣчи чокался со всѣми и даже обѣщалъ «молодой» писательницѣ принять ее на слѣдующій день). Затѣмъ кто-то заговорилъ о Нансенѣ, для того, чтобы перейти къ путешественнику по Абессиніи, совершившему подвигъ, пожалуй, не маловажнѣе подвига Фритіофа Нансена... Затѣмъ произносились тосты въ честь дамъ вообще и въ честь каждой въ отдѣльности, при чемъ приходилось совершать экскурсіи въ область благотворительности (для пикантной брюнетки), воспитанія дѣтей, женской самостоятельности, школьнаго преподаванія и даже разливанія чая. Не забыто было привѣтствіемъ и молодое поколѣніе въ образѣ юнца-студента, — однимъ словомъ, рѣчи и тосты шли одни за другими, пока не осталось ни одной капли вина въ бутылкахъ, и пока каждый изъ присутствующихъ не былъ награжденъ всѣми прилагательными, которыя только существуютъ для обозначенія добродѣтелей въ превосходной степени.

VIII.

Въ три часа утра два господина, молчавшіе какъ «пни», возвращались домой (имъ было по пути) на отчаянномъ извозчикѣ. Извозчикъ плелся еле-еле, такъ какъ господинъ, произнесшій тостъ въ честь зари будущаго, не хотѣлъ въ ночь настоящаго давать съ Новой Басманной на Плющиху болѣе тридцати копеекъ.

Нѣсколько времени они молчали.

Наконецъ одинъ изъ нихъ произнесъ:

— А вѣдь, собственно говоря, порядочная каналья этотъ Петръ Петровичъ.

— Ну и Марья Ивановна, можно сказать, дама занозистая...

— Въ будущій понедѣльникъ поѣдешь къ Кондаловскимъ?

— Обязательно... Отлично кормятъ... Ну, и вино хорошее... Да что-жъ ты, скотина, ѣдешь, словно покойниковъ везешь! Поѣзжай скорѣй, мерзавецъ! — неожиданно прибавилъ одинъ изъ застольныхъ ораторовъ.

Извозчикъ зачмокалъ губами и захлесталъ вожжами свою клячонку.

IX.

Когда гости наконецъ разъѣхались, Марья Ивановна не безъ самодовольнаго чувства сказала мужу:

— Не правда ли, Петруша, сегодня у насъ было особенно весело и непринужденно...

— Да, Манечка, и, главное, за ужиномъ... Обмѣнъ мыслей... Рѣчи... Отлично. Ну и вина таки-порядочно выпили... Рублей на пятьдесятъ! — прибавилъ, принимая внезапно серьезный видъ, Петръ Петровичъ.

— И закуски, и ужинъ, и фрукты тоже стоили!—отвѣтила Марья Ивановна, подавляя вздохъ.

ВЪ ДАЛЕКІЕ КРАЯ.

I.

Когда я началъ-было составлять маршрутъ путешествія изъ Петербурга въ страну золота и классическаго «Макара», гдѣ по дѣламъ мнѣ предстояло прожить довольно продолжительное время, я могъ сообразить свою поѣздку лишь до Урала. Дальше всякія соображенія относительно времени и способовъ передвиженія прекращались, и я находился въ такомъ же недоумѣніи, въ какомъ очутился бы, собираясь посѣтить неизвѣданныя мѣста Центральной Африки. Я, правда, зналъ, что по нѣкоторымъ сибирскимъ рѣкамъ, названія которыхъ еще со школьной скамьи неизгладимо врѣзались въ память, ходятъ пароходы, что въ послѣднее время и экспортація преступныхъ элементовъ совершается преимущественно лѣтомъ, чтобы воспользоваться водянымъ путемъ, но когда, откуда и куда ходятъ пароходы, въ какой срокъ совершаютъ рейсы, что стоитъ переѣздъ на нихъ,—вотъ вопросы, въ отвѣтъ на которые всѣ отечественные календари и путеводители позорно молчали, игнорируя сибирское пароходство.

Проникнуты ли наши Бедекеры убѣжденіемъ, что въ отдаленныя мѣста добровольныхъ путешественниковъ ѣздитъ слишкомъ мало, и для нихъ не стоитъ давать лишнюю страничку свѣдѣній (для невольныхъ же туристовъ, которыхъ, напротивъ, слишкомъ много, существуютъ казенные путеводители), забываютъ ли они о Сибири по небрежности или просто по россійской халатности, — не знаю. Но дѣло только въ томъ, что несравненно легче съ какимъ-нибудь иностраннымъ курсбухомъ въ рукахъ составить точный разсчетъ путешествія въ Австралію, Китай, Калифорнію или на мысъ Доброй Надежды, чѣмъ, находясь въ столицѣ имперіи, сообразить способы сообщенія, время и стоимость экскурсіи по ту сторону Урал-

скаго хребта. Мѣсяцъ, полтора ли изнывать вамъ въ дорогѣ, гдѣ пользоваться водой, гдѣ почтовымъ трактомъ, можно ли на станціяхъ достать какія-нибудь орудія передвиженія, болѣе гарантирующія цѣлость вашихъ внутренностей, чѣмъ перекладныя, — все это было облечено для меня глубочайшею тайной.

Такою же, если еще не большею, романическою тайной окутаны и сибирскіе города съ ихъ 30° морозами и классическими «сибирскими» пожарами. И если вы, какъ предусмотрительный человѣкъ, пожелали бы узнать, хотя бы въ общихъ чертахъ, чего вамъ ждать отъ того или другого города, есть ли въ немъ, кромѣ присутственныхъ мѣстъ, острога, рынка и клуба, еще и другіе образчики цивилизаціи,—школы, гимназіи, библіотеки,—то вы много потратите времени въ надеждѣ обрѣсти нужныя вамъ свѣдѣнія.

Изъ суворинскаго календаря вы можете лишь узнать число жителей въ любомъ городѣ и, разумѣется, невѣрное, такъ какъ сибирская статистика не только наука, но и дойная корова для собирателей свѣдѣній, какъ и полагается въ дореформенныхъ палестинахъ. Вдобавокъ не забудьте, что въ Сибири въ непрерывныхъ «бѣгахъ» числится обыкновенно до 40.000 человѣкъ (опять-таки по сибирской статистикѣ), и вы поймете, какъ трудно усчитать, въ какихъ городахъ отдыхаютъ отряды этой вѣчно «бѣгающей» арміи. Мало извлечете вы, заглянувъ для очистки совѣсти и въ учебники географіи. Они напомнятъ вамъ, пожалуй, время вашего дѣтства, возстановятъ неясный образъ Ермака, укажутъ количество церквей, но относительно бытовыхъ подробностей проявятъ ту же скупость, какую проявлялъ и старикъ Ободовскій. Изъ разныхъ сибирскихъ временниковъ и памятныхъ книжекъ, составляемыхъ губернскими статистическими комитетами частью для собственнаго употребленія, частью для надобностей мѣстныхъ казенныхъ учрежденій, можно бы, пожалуй, выудить болѣе подробныя, свѣжія, а иногда и весьма любопытныя свѣдѣнія, но вы ихъ найдете только по пріѣздѣ въ Сибирь, когда они явятся «горчицей послѣ ужина», а въ Петербургѣ, увы, вамъ не разыскать этихъ таинственныхъ незнакомцевъ. Затѣмъ, въ ученыхъ путешествіяхъ и изслѣдованіяхъ Сибири, у Кастрена, Палласа, Гумбольдта, Макка, Щапова, Ровинскаго, гг. Ядринцева и Потанина, въ изданіяхъ сибирскаго отдѣла географическаго общества, найдется, безъ сомнѣнія, много любопытнаго, интереснаго и поучительнаго по всѣмъ отраслямъ знанія, но, разумѣется, въ такихъ изслѣдованіяхъ и ученыхъ монографіяхъ не можетъ быть тѣхъ бытовыхъ

описаній города и деревни, тѣхъ справочныхъ, такъ сказать, свѣдѣній, которыя именно-то и нужны обыкновенному смертному, чтобы оріентироваться на новомъ мѣстѣ, не рискуя очутиться въ положеніи Робинзона или щедринскаго генерала на необитаемомъ островѣ.

Къ сожалѣнію, у насъ и вообще-то мало популярныхъ толковыхъ описаній путешествій. Что же касается знакомства съ Сибирью, то разныя интересующія васъ бытовыя подробности приходится искать въ статьяхъ, очеркахъ, иногда весьма недурныхъ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ. Недурна въ этомъ отношеніи книга г. Ядринцева *Сибирь какъ колонія.* Она даетъ если и не полную, то во всякомъ случаѣ довольно характерную общую картину сибирской жизни, хотя и смотритъ на Сибирь и сибиряка съ нѣкоторымъ, понятнымъ, впрочемъ, въ авторѣ-сибирякѣ, пристрастіемъ, особенно замѣтнымъ, если сопоставить отзывы этой книги съ отзывами, напримѣръ, Щапова и Ровинскаго или Шашкова. Довольно полно отражаетъ эту будничную, такъ сказать, жизнь и сибирская мѣстная печать, исполняя свое многотрудное дѣло не безъ упорной энергіи и съ достоинствомъ, несмотря на всяческія противодѣйствія, хорошо извѣстныя особенно провинціальной печати. Я говорю о *Сибири* и о *Сибирской Газетѣ*, двухъ старыхъ органахъ мѣстной жизни, сумѣвшихъ поддержать значеніе печатнаго слова.

Прочитывая эти маленькіе еженедѣльные листки, вы очень часто встрѣтите въ нихъ любопытный матеріалъ по изслѣдованію народной сибирской жизни и, навѣрное, познакомитесь (до извѣстной, конечно, степени и въ извѣстныхъ, разумѣется, предѣлахъ) со многими особенностями и чудесами дореформенныхъ порядковъ въ «центрахъ» и въ захолустьяхъ этой классической страны маленькихъ мѣстныхъ сатрапчиковъ въ образѣ разныхъ засѣдателей и прочихъ полицейскихъ цивилизаторовъ, исполняющихъ свою извѣстную провиденціальную миссію, допотопныхъ ярыжекъ старыхъ судовъ *); страны богатыхъ и прогорающихъ золотопромышленниковъ, бандитовъ легальныхъ—разныхъ кулаковъ мѣстнаго произрастанія и бандитовъ нелегальныхъ — рыцарей острога и каторги, бродягъ и всякихъ скитальцевъ изъ пришлаго элемента; страны «жестокихъ» нравовъ купечества съ выдающимися «сибирскими американцами», біографіи которыхъ, случается, такъ же темны, какъ темна сибирская тайга и какъ мраченъ первоначальный источникъ богатствъ этихъ «вчерашнихъ» ямщиковъ, ста-

*) Судебная реформа уже введена, какъ извѣстно.

вшихъ сегодня «уважаемыми» патриціями, съ мундирами, пріобрѣтенными благотворительными пожертвованіями; страны историческихъ казнокрадовъ и расхитителей на «покоѣ», червонныхъ тузовъ и валетовъ не «у дѣлъ» и всякаго рода артистовъ; страны, гдѣ и сибирякъ-обыватель, и русскій посельщикъ, и наивный бурятъ, и вымирающій остякъ или самоѣдъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо чувствуютъ, что до Господа Бога дѣйствительно высоко, а какой-нибудь еле грамотный и вѣчно пьяный волостной писарь дѣйствительно близко.

Но подите, ищите въ Россіи сибирскія газеты! Да если бы вы и знали объ ихъ существованіи, то кому досугъ и охота рыться въ газетныхъ листкахъ?

Что же касается чисто-справочныхъ свѣдѣній о дорогѣ и о разныхъ мѣстныхъ условіяхъ жизни, то ихъ, какъ я сказалъ, нигдѣ не найти, и вамъ предстоитъ пускаться въ страну (для большинства дѣйствительно невѣдомую), уподобляясь колумбовымъ спутникамъ, если вы, по русскому обыкновенію, за неимѣніемъ печатныхъ путеводителей, не добудете себѣ какого-нибудь «свѣдущаго» человѣка, который избавилъ бы васъ хотя отъ нѣкоторой тягости недоумѣній, сообщивъ о подробностяхъ путешествія, какъ водится, болѣе или менѣе невѣрныя свѣдѣнія, съ обычною готовностью русскаго человѣка ввести въ заблужденіе ближняго самымъ искреннимъ и добродушнымъ образомъ.

Само собою разумѣется, что я предполагаю возможность любознательности лишь относительно тѣхъ сибирскихъ городовъ, которымъ можно дать такое названіе, хотя бы и съ нѣкоторою натяжкой. Я имѣю, конечно, въ виду пять-шесть губернскихъ центровъ, гдѣ дѣйствительно водится житель и гдѣ возможно предположить способы существованія, хотя бы приблизительные къ человѣческому, а не разные Нарымы, Сергуты, Каински, Гижиги, Вилюйки, Турухански, Верхоянски (немало еще!), однѣ ужъ географическія широты которыхъ и самыя ихъ названія (не говоря о дурныхъ слухахъ) отбиваютъ всякую любознательность, по крайней мѣрѣ, со стороны человѣка, предпочитающаго культурныя условія жизни первобытной и не влюбленнаго въ тундры и ягоду морошку.

А между тѣмъ эти географически-собачьи мѣста и на картахъ, и въ учебникахъ, и въ воображеніи наивныхъ людей фигурируютъ подъ громкимъ названіемъ городовъ и важно значатся въ спискѣ «населенныхъ» мѣстъ въ имперіи. А въ такихъ «городахъ», случается, и всего-то «жителя» сотня-другая, считая въ томъ числѣ и команду казаковъ и случай-

наго гостя, безъ котораго немыслимо, разумѣется, ни одно «собачье мѣсто». И «житель», исполняя нехитрыя функціи жизни первобытнаго человѣка, ухитряется даже не всегда находиться въ состояніи запоя, а гость не всегда сойти съ ума отъ тоски и не гибнуть отъ лишеній, какъ бы для доказательства, что изъ всѣхъ земныхъ тварей человѣкъ есть самая терпѣливая и живучая, могущая приспособиться даже къ какому-нибудь Средне-Колымску (припомните: «Яна, Индигирка и Колыма»), въ сравненіи съ которымъ сама знаменитая Пинега, какъ говорятъ, то же, что Парижъ передъ Тотьмой или Боровичами.

«Свѣдущій» человѣкъ, къ которому я обратился за справками, былъ человѣкъ почтенный, добросовѣстный, считавшій себя знатокомъ края, но, на бѣду мою, коренной сибирякъ, къ тому же давно оставившій Сибирь, а многіе сибиряки, какъ я не разъ убѣждался горькимъ опытомъ, немножко гасконцы, чуть дѣло идетъ объ ихъ родинѣ. Питая къ ней «родъ недуга» и отличаясь мѣстнымъ патріотизмомъ въ очень значительной дозѣ, мой сибирякъ былъ нѣсколько расточителенъ на яркія краски, когда живописалъ красоты сибирской природы съ ея тайгами и степями, разсказывалъ про «нетронутость» сибирскаго жителя (коренного, замѣтьте, жителя; къ пришлымъ, «россійскимъ», сибирякъ питаетъ недоброжелательство) и съ необыкновенною нѣжностью вспоминалъ о лепешкахъ, шаньгахъ и пирогахъ, о знаменитой сибирской нельмѣ и «стружанинѣ» (сырая замороженная рыба, которую сибиряки ѣдятъ, настругивая тонкими стружками) съ уксусомъ и лукомъ.

Мрачная, безлюдная и холодная «страна Макара», какою представлялась она вамъ съ дѣтства, принимала въ этихъ «сибирскихъ» разсказахъ совсѣмъ иной видъ — видъ обаятельныхъ, полныхъ прелести палестинъ, не испорченныхъ еще въ конецъ изнанкой цивилизаціи и изобилующихъ всякою снѣдью. Если бы да только «реформы», которыя сравняли бы Сибирь съ Россіей, а не этотъ классическій «провиденціальный» цивилизаторъ, не дающій сибиряку вздохнуть, не потребовавши мзды, да не пришлый «варнакъ», развращающій патріархальнаго мѣстнаго жителя, то хоть бы рай! И сибирскій «кулакъ», по словамъ «сибирскаго гасконца», куда мягче русскаго, да и «кулаковъ»-то меньше. О сибирскомъ мужикѣ и говорить нечего, не чета русскому; онъ не такъ забитъ и живетъ куда богаче: земли вдоволь, и знаетъ онъ говядину не по однимъ только великимъ праздникамъ, ну, словомъ, тамъ, въ этихъ привольныхъ мѣстахъ, «вообще» лучше.

Слушая всѣ эти подчеркиванія хорошихъ сторонъ (дурныя разсказчикъ-сибирякъ смягчитъ по мѣрѣ возможности), вы начинаете удивляться собственному невѣжеству. Думали, что Сибирь—Сибирь и есть, а выходитъ если и не совсѣмъ Аркадія (едва ли въ Аркадію ссылали бы преступниковъ), то все-таки «весьма и весьма недурно», какъ выразился, вторя словамъ сибиряка, другой пропагандистъ этого края, знакомый правовѣдъ, одинъ изъ тѣхъ раннихъ и милыхъ молодыхъ людей новѣйшей формаціи, которые, при случаѣ, умѣютъ съ трогательною любезностью увѣрить, что, «собственно говоря», и на Сахалинѣ «весьма и весьма недурно».

Молодой человѣкъ, хотя самъ и не бывалъ въ «тѣхъ» мѣстахъ, но имѣлъ случай по обязанностямъ службы («Ахъ, какая тяжелая служба!» — по обыкновенію прибавилъ онъ, скромно опуская глаза) узнать о нихъ основательно и можетъ сказать, что противъ нихъ сложилось совсѣмъ напрасное предубѣжденіе. «Тамъ» есть мѣста превосходныя, которыя по климату не уступятъ хотя бы Швейцаріи. Возьмите, напримѣръ, Семирѣчье или мѣстности подлѣ Алтая. Хорошо и Забайкалье... Недурна и Томская губернія... Не совсѣмъ скверно и въ Якутской области.

— Знаете ли,—прибавилъ онъ, вдохновляясь собственными словами:—я даже завидую вамъ, что дѣла заставляютъ васъ оставить на нѣкоторое время Петербургъ. Тамъ, вдали отъ здѣшней сутолоки, на привольѣ, среди новыхъ людей, въ «ровномъ» климатѣ, право, лучше! Охота, рыбная ловля какія! И наконецъ вамъ волей-неволей придется узнать настоящую жизнь, а не поддѣлку ея, не ту, которую описываютъ намъ, тенденціозно преувеличивая ея дурныя стороны.

И, увлекаясь все болѣе, молодой человѣкъ началъ нахваливать тѣ мѣста даже по-французски и съ такою убѣдительностью, что я освѣдомился: почему онъ самъ не перейдетъ на службу въ «тѣ» мѣста? Къ сожалѣнію, онъ вѣдь не зависитъ отъ себя. Разъ служить, надо «тянуть лямку», гдѣ придется... Онъ, такъ сказать, «рабъ обстоятельствъ», и наконецъ, прибавилъ онъ, «здѣсь онъ болѣе полезенъ».

Въ виду такихъ пріятныхъ сообщеній, я, признаться, позабылъ многое, что̀ читалъ и о чемъ слышалъ, и заранѣе восхищался перспективой приволья, яснаго неба, постояннаго солнца, хотя и при сильныхъ морозахъ зимой, но зато почти нечувствительныхъ при безвѣтріи (все это свѣдущій человѣкъ вамъ обѣщаетъ довольно авторитетно, такъ что вы и не ожидаете, что все это окажется порядочнымъ враньемъ) и необыкновенно дешевой жизни. Когда мой словоохотливый

сибирякъ окончилъ описаніе свое «вообще», я сталъ допрашивать его, разумѣется, детально.

Во-первыхъ: какъ ѣхать, гдѣ сѣсть на пароходъ?

Оказалось, что отъ Екатеринбурга, связаннаго съ Пермью желѣзной дорогой, надо ѣхать до Тюмени на лошадяхъ. Тарантасъ можно найти, проходная дорога—прелесть! Везутъ... но кто не знаетъ, какъ по Сибири возятъ? Эти 300 верстъ будутъ пріятнымъ воспоминаніемъ.

Читатель впослѣдствіи узнаетъ, какое «пріятное» воспоминаніе оставили эти триста верстъ адской дороги, а пока приходилось только радоваться ожидающей прелести и узнать затѣмъ, что изъ Тюмени вы садитесь на пароходъ и по Тарѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи плывете дней десять до Томска. Оттуда опять на лошадяхъ на пріиски, куда мнѣ приходилось ѣхать, оставивъ семью въ Томскѣ.

Къ сожалѣнію, мой живой путеводитель не могъ сообщить, когда ходятъ пароходы и что стоитъ переѣздъ, и посовѣтовалъ справиться объ этомъ въ Нижнемъ. Тамъ, разумѣется, извѣстно. Зато очень хвалилъ сибирскіе пароходы, обѣщалъ много красивыхъ видовъ и соблазнялъ знакомствомъ съ нельмой.

— А каковъ, напримѣръ, городъ Томскъ?

— Превосходный. Лучшій городъ Сибири, такъ сказать сибирская Москва. Вы тамъ найдете всѣ условія цивилизованной и притомъ дешевой жизни... Говядина лучшая шесть копеекъ... Стерлядь, осетрина, нельма дешевы... Дичь ни по чемъ... Ягодъ изобиліе...

— А учебныя заведенія?

— Двѣ мужскія гимназіи: классическая и реальная; женская гимназія, нѣсколько школъ... Скоро вотъ университетъ будетъ... Хорошая библіотека и книжный магазинъ... Театръ. Недурныя гостиницы...

— А какъ мнѣ быть съ мебелью? Не везти же ее съ собой... Можно ли тамъ найти какую-нибудь простую мебель?

Въ отвѣтъ презрительная усмѣшка.

— Что угодно найдете...

— Быть-можетъ, дорого?

— Всякая есть: и дорогая и дешевая,—успокаиваетъ васъ свѣдущій человѣкъ.

Но вы сдѣлаете большой промахъ, если повѣрите, такъ какъ убѣдитесь горькимъ опытомъ, что въ «сибирской Москвѣ» нѣтъ ни одного мебельнаго магазина, и вамъ придется ожидать «случая», чтобы пріобрѣсти хотя письменный столъ или же купить разный хламъ на базарѣ, этомъ главномъ, общеизвѣстномъ мѣстѣ Томска.

Точно такія же утѣшительныя свѣдѣнія вы получаете въ отвѣтъ на вопросъ о квартирѣ. Оказывается, что квартиры очень дешевы.

— Да вотъ я вамъ скажу: за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ я нанималъ цѣлый домъ въ шесть комнатъ. Правда, это было десять лѣтъ тому назадъ. Теперь квартиры подороже, но все-таки онѣ дешевы.

Увы, и на этотъ счетъ васъ ждетъ разочарованіе.

Наконецъ я, какъ человѣкъ, собирающійся въ новыя мѣста не одинъ, а въ пріятной компаніи нѣсколькихъ «прелестныхъ малютокъ», поинтересовался вопросомъ общественной безопасности, ибо вспомнилъ, что въ газетахъ писали, будто въ Томскѣ грабежи часты, и слышалъ, что вообще тамъ безъ револьвера по вечерамъ выходить на улицу небезопасно.

— Все это преувеличиваютъ! — не безъ сердца возразилъ мой сибирякъ.

— Однако и г. Ядринцевъ въ своей книгѣ *Сибирь какъ колонія* приводитъ не особенно утѣшительныя свѣдѣнія насчетъ Томска: пятьдесятъ восемь кражъ и убійствъ въ три мѣсяца, по офиціальнымъ даннымъ.

— Ну, можетъ-быть... не спорю... были такіе три мѣсяца, но вообще... ничего нѣтъ особенно страшнаго. Въ маленькихъ городкахъ случается, правда, иногда, что жители находятся какъ бы въ осадѣ отъ варнаковъ. Ну, а въ большихъ городахъ, слава Богу, и полиціи больше и солдаты есть. Конечно, не безъ того, пошаливаютъ, а вы хорошенько запирайтесь на запоръ по ночамъ да собакъ хорошихъ заведите, не лишнее, разумѣется, и револьверъ на случай имѣть. Береженаго Богъ бережетъ, такъ оно и безопасно... А чуть ежели что... заберутся къ вамъ, вы — бацъ изъ револьвера... Этихъ мерзавцевъ, варнаковъ, жалѣть нечего!—утѣшалъ сибирякъ.

Но радость моя была омрачена, когда, нѣсколько дней спустя, пришлось случайно встрѣтиться съ другимъ «свѣдущимъ» человѣкомъ, совершившимъ на своемъ вѣку немало разъѣздовъ по разнымъ окраинамъ Россіи. Начиненный болѣе или менѣе утѣшительными свѣдѣніями, я, подъ впечатлѣніемъ «сибирскихъ» разсказовъ, началъ-было передавать ему свои надежды, но увидалъ на лицѣ его ироническую улыбку. Сперва онъ слушалъ молча, но наконецъ не выдержалъ и сталъ разсказывать про Сибирь, гдѣ онъ прослужилъ года три. Онъ былъ немолодъ. Этотъ новый «свѣдущій» человѣкъ не особенно радостно смотрѣлъ вообще на міръ божій, а на сибирскій край въ особенности. И, слушая этого, нѣсколько угрю-

маго скептика, мнѣ пришлось изъ рая, нарисованнаго милѣйшимъ сибирякомъ и любезнымъ «рабомъ обстоятельствъ», перенестись, такъ сказать, прямо въ самое жерло ада. Самыя темныя краски, казалось, были недостаточны, чтобы достойно заклеймить эту «подлѣйшую» трущобу. И природа, и климатъ, и люди, и нравы — все это въ его разсказахъ получало мрачную окраску. Онъ, впрочемъ, жилъ болѣе въ Восточной Сибири, Томска не знаетъ, проѣзжалъ только, и о немъ не могъ сообщить ничего положительнаго, но, по аналогіи, хорошаго ожидать и отъ него нечего.

— Вы, вѣрно, наслышались отъ сибиряковъ,—продолжалъ онъ.—Это они вамъ такъ расписали... Они, въ большинствѣ случаевъ, отчаянные патріоты своего отечества, «омулевые», такъ сказать... Нахваливаютъ свое болото и даже своихъ великихъ людей создаютъ... Самые образцовые между ними (хотя это и большая рѣдкость) не свободны отъ такого китайскаго взгляда на вещи. Вездѣ нынче, положимъ, не особенно сладко живется, вездѣ дичь еще порядочная, но такой дикой, такой заскорузлой страны, какъ Сибирь, я не видалъ.

— Однако вы ужъ черезчуръ мрачными красками разрисовали сибирскую жизнь, — возразилъ я, когда мой свѣдущій человѣкъ въ достаточной степени напугалъ меня.

— Мрачными?.. А вотъ сами увидите, какова эта жизнь для человѣка, не способнаго съ утра и до вечера душить водку. Главное,—продолжалъ онъ:—запасайтесь-ка терпѣніемъ и персидскимъ порошкомъ; это необходимѣйшія вещи и въ дорогѣ и на мѣстѣ... Да не забудьте купить здѣсь самыя высокія калоши, какія только найдете, а то, еще лучше, закажите, чтобы въ сибирскихъ городахъ ходить по улицамъ... Грязь вездѣ такая, что потонуть можно! — заключилъ свои неутѣшительныя напутствія этотъ бывалый скиталецъ по разнымъ окраинамъ необъятнаго отечества.

Нѣсколько сбитый съ толку такими противорѣчивыми отзывами, я однако послѣдовалъ совѣту «свѣдущаго» человѣка пессимистическаго характера, запасся персидскимъ порошкомъ и высокими калошами, и въ началѣ лѣта мы тронулись изъ Петербурга въ дальніе края.

Терпѣніемъ запасаться не приходилось. Этимъ похвальнымъ качествомъ всякій русскій человѣкъ надѣленъ, слава Богу, въ достаточной мѣрѣ, — въ такой достаточной, что могъ бы, не погрѣшая противъ истины, повторить чичиковскія слова генералу Бетрищеву: «Терпѣніемъ, можно сказать, повитъ и спеленутъ, будучи, такъ сказать, одно олицетворенное терпѣніе, ваше превосходительство!»

II.

По Россіи, какъ извѣстно, рѣдко путешествуютъ, а чаще ѣздятъ, сожалѣя о пароходахъ на желѣзной дорогѣ и о желѣзныхъ дорогахъ на пароходѣ. Нечего и говорить, что эти длинные переѣзды особенно затруднительны, когда приходится ѣхать съ дѣтьми, не разсчитывая на отдѣльныя купе въ первомъ классѣ. Я этимъ не хочу чернить ни нашихъ желѣзныхъ дорогъ ни пароходовъ. Кто путешествовалъ по Европѣ, хорошо знаетъ, что наши вагоны гораздо просторнѣе и удобнѣе, напримѣръ, французскихъ, австрійскихъ и итальянскихъ, въ которыхъ буржуазное скаредство отводитъ пассажиру какъ разъ столько мѣста, сколько необходимо человѣку, чтобы онъ, не шевелясь и не протягивая ногъ, могъ не задохнуться отъ тѣсноты.

Но при всѣхъ этихъ неудобствахъ путешествіе по европейскимъ желѣзнымъ дорогамъ не сопряжено съ тѣмъ нервнымъ напряженіемъ, въ какомъ вы постоянно находитесь на нашихъ (особенно путешествуя съ дамами и дѣтьми), если заблаговременно не вступили въ интимное соглашеніе съ оберъ-кондукторомъ насчетъ «мѣстечка» или не имѣете возможности, въ качествѣ особы, занимать цѣлый вагонъ.

Тамъ, въ Европѣ вы просто ѣдете, а у насъ вы, такъ сказать, совершаете нѣчто въ родѣ военной экспедиціи, сопряженной со всевозможными случайностями и «исторіями», предвидѣть которыя такъ же трудно, какъ трудно не имѣть ихъ, хотя бы вы и обладали воловьими нервами и русскимъ терпѣніемъ.

Въ какомъ бы классѣ вы ни ѣхали по Европѣ, вы чувствуете себя среди гражданъ, тонко понимающихъ значеніе общественности. Вамъ не придется воевать изъ-за мѣста, такъ какъ каждый понимаетъ, что нельзя человѣку занимать два или три, когда у другого нѣтъ никакого, изъ-за открытыхъ оконъ съ обѣихъ сторонъ, изъ-за куренія въ некурильныхъ вагонахъ и т. п. Все это мелочи, но мелочи, отравляющія путешествіе и характерно отмѣчающія культурную разницу между публикой, особенно по мѣрѣ удаленія изъ Петербурга.

Среди нашей, такъ-называемой, культурной публики, въ вагонахъ перваго и второго классовъ, вы зачастую можете наблюдать и этотъ недостатокъ знанія азбуки общественности: невниманіе къ интересамъ другого, желаніе во что бы то ни стало обойти самыя элементарныя правила общежитія, захватить себѣ два, три мѣста, войти въ пререканія, лгать самымъ

наглымъ образомъ, говоря, что мѣста заняты, и еще посмѣиваться, глядя, какъ какой-нибудь пассажиръ или какая-нибудь пассажирка, словно обезумѣвшіе, носятся изъ вагона въ вагонъ, вотще обращаясь къ ближнимъ съ вопросами о свободномъ мѣстѣ, пока наконецъ не явится оберъ-кондукторъ и послѣ обычнаго пререканія не водворитъ новаго пришельца на мѣстѣ, рядомъ съ ворчащимъ и негодующимъ сосѣдомъ.

Обычныя вагонныя сцены грубости нравовъ и отсутствія всякаго чувства альтруизма среди большинства культурныхъ путешественниковъ разнообразятся еще зрѣлищемъ неожиданныхъ метаморфозъ, мгновенно превращающихъ, точно на гуттаперчевой куклѣ, выраженія этихъ непреклонныхъ и геморроидальныхъ лицъ петербургскихъ путешествующихъ чиновниковъ или рыхлыхъ, болѣе добродушныхъ физіономій провинціаловъ въ выраженіе трогательнаго собачьяго умиленія и преданности, если вдругъ среди пассажировъ появится въ вагонѣ какая-нибудь извѣстная «особа» или, среди разговора, обнаружится какъ-нибудь инкогнито какого-нибудь извѣстнаго лица. При такихъ случаяхъ русскій гражданинъ не умѣетъ даже соблюсти постепенности перехода отъ непреклонности къ умиленію и, какъ бы опровергая теорію Дарвина, какъ-то мгновенно изъ человѣка превращается въ собаку, да еще виноватую.

Въ вагонахъ третьяго класса, среди сѣраго пассажира, вы чувствуете себя какъ-то нравственно спокойнѣе, но продолжительное путешествіе въ третьемъ классѣ, особенно лѣтомъ, когда вагоны набиты биткомъ, требуетъ нѣкотораго мужества и привычки къ тому специфическому запаху, который жаркою лѣтнею ночью дѣлаетъ пребываніе въ душномъ вагонѣ нѣсколько похожимъ на сидѣнье въ помойной ямѣ. Зато тамъ, по крайней мѣрѣ, вамъ не придется воевать изъ-за мѣстъ и ждать какихъ-нибудь исторій съ сосѣдями. Тамъ, напротивъ, чувство общественности инстинктивно развито гораздо болѣе, тамъ всегда готовы потѣсниться, даже слишкомъ потѣсниться, если у васъ фуражка съ кокардой, и боятся какихъ-нибудь исторій съ тою приниженною боязливостью сѣраго человѣка, которая особенно ярко бросается въ глаза въ вагонахъ и на пароходахъ, и чѣмъ дальше отъ столицъ, тѣмъ больше, такъ сказать, нагляднѣе.

Онъ, этотъ «сѣрый» пассажиръ, точно чувствуетъ себя виноватымъ уже за то, что за свои деньги занимаетъ мѣсто, и рѣдко протестуетъ, если ему прикажутъ «маленько потѣсниться»: вмѣсто лавки, приткнуться какъ-нибудь въ проходѣ

или скорчиться на полу, и валяться на палубѣ въ невозможной тѣснотѣ съ кучей дѣтей, которымъ грозитъ ежеминутная опасность быть придавленными въ ночной темнотѣ.

Этою безотвѣтностью, этимъ умѣньемъ безропотно приспособиться къ такому положенію, которое любому иностранному крестьянину или рабочему показалось бы невозможнымъ нарушеніемъ его права, пользуются, и широко пользуются, на желѣзныхъ дорогахъ и въ особенности на волжскихъ и сибирскихъ пароходахъ. Вагоны и палубы зачастую набиваются живыми людьми, словно сельдями въ бочкахъ. Никто не находитъ возмутительной такую эксплоатацію. Никто изъ безчисленнаго штата надзирающихъ не обращаетъ вниманія на такое нарушеніе права, хотя подобное скучиваніе людей и влечетъ за собой нерѣдко болѣзни и смертность (особенно дѣтей), какъ это и случается на сибирскихъ пароходахъ, перевозящихъ переселенцевъ.

Если вы рискнете замѣтить о такомъ отношеніи къ пассажиру, заплатившему деньги, какому-нибудь желѣзнодорожному или пароходному начальству, то оно, разумѣется, не только не обратитъ вниманія на ваше замѣчаніе, но еще пренаивно выпучитъ глаза, спрашивая: «какое вамъ до этого дѣло?».

Такой именно вопросъ и задалъ оберъ-кондукторъ, когда на одной изъ станцій между Петербургомъ и Москвой какой-то господинъ, скромно одѣтый, обратилъ вниманіе оберъ-кондуктора на то, что въ двухъ вагонахъ третьяго класса не хватаетъ людямъ мѣстъ, что пассажиры сидятъ по трое на лавкахъ, а нѣкоторые принуждены стоять, и настойчиво просилъ дать имъ мѣста.

— Да вѣдь пассажиры не жалуются.

— Но нельзя же такъ обращаться съ людьми!—настаивалъ пассажиръ.

Слово за слово, и началась одна изъ обычныхъ сценъ, окончившаяся, впрочемъ, благодаря настойчивости протестанта и благоразумію травленаго оберъ-кондуктора, тѣмъ, что пустой задній вагонъ былъ открытъ, и туда разсадили пассажировъ, не имѣвшихъ мѣстъ, преимущественно крестьянъ, возвращавшихся изъ Петербурга по деревнямъ на полевыя работы.

Что оберъ-кондукторъ наивно удивился вмѣшательству посторонняго человѣка, вступившагося за интересы людей, которые сами не протестовали въ защиту ихъ, въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго; но удивительнѣе было то, что среди кучки людей (и все изъ чистой публики), слуша-

вшей это объясненіе, никто не поддержалъ протестовавшаго господина, и когда онъ обратился къ стоявшимъ поблизости, какъ бы ища поддержки, то каждый отворачивался и уходилъ, выказывая отсутствіе общественнаго чувства тѣми равнодушіемъ и боязливою осторожностью вступиться въ защиту ближняго, которыя такъ часто проявляются при разныхъ публичныхъ случаяхъ насилія и обиды слабаго человѣка, несравненно болѣе возмутительныхъ, чѣмъ только-что разсказанный.

Но любопытная черточка, и характерная черточка, присущая, какъ кажется, спеціально славянской натурѣ: многіе изъ этихъ же самыхъ людей, равнодушно отворачивавшихся, когда къ нимъ обращались за поддержкой, по окончаніи этой «исторіи», возвратившись въ вагонъ, хвалили вступившагося господина, находя образъ дѣйствія его похвальнымъ, громко бранили желѣзнодорожные порядки и менѣе громко прохаживались насчетъ порядковъ «вообще». Но, случись съ этимъ самымъ господиномъ какая-нибудь непріятность за его «похвальное» вмѣшательство, можно держать пари сто противъ одного, что ни одинъ изъ этихъ сочувствующихъ не пошевелилъ бы пальцемъ. Въ этомъ самомъ обыкновенномъ дорожномъ происшествіи, какъ въ малой каплѣ воды, отразились общій характеръ и складъ русскаго культурнаго человѣка, объясняющіе многія явленія современной жизни. И чѣмъ далѣе вы удаляетесь изъ Петербурга, тѣмъ чаще приходится вамъ наблюдать подобныя «исторіи», встрѣчаясь съ еще бо́льшимъ равнодушіемъ и большею боязнью путаться не въ свое «дѣло», но зато слушая иногда ламентаціи случайныхъ спутниковъ, несравненно болѣе экспансивныя и менѣе осторожныя, чѣмъ тѣ, которыя приходится слышать среди пассажировъ Николаевской дороги, особенно среди петербуржцевъ, привыкшихъ путешествовать съ молчаливою сдержанностью и тою, чисто чиновничьей, брезгливостью въ дорожныхъ знакомствахъ, благодаря которымъ можно сразу отличить кровнаго петербуржца не по одному только безкровному лицу и кургузому пиджаку, обтянутымъ штанамъ и ботикамъ съ китайскими носками.

По мѣрѣ удаленія изъ Петербурга на востокъ увеличиваются въ прямой пропорціи и различныя путевыя неудобства и неожиданныя приключенія, и чувствуется все бо́льшая и бо́льшая потребность въ терпѣніи и персидскомъ порошкѣ. Путешествіе принимаетъ все болѣе и болѣе патріархальный характеръ, нѣсколько напоминающій путешествіе по дѣвственнымъ странамъ. Поѣзда двигаются медленнѣе и опаздываютъ

чаще; часы отхода и прибытія пароходовъ находятся въ большей связи съ вдохновеніемъ и съ милостью Господней, чѣмъ съ печатнымъ расписаніемъ. Поѣздная прислуга теряетъ свой столичный видъ, казарменную вѣжливость и расторопность, принимая все болѣе и болѣе обликъ «мальчика безъ штановъ» и обдѣлывая съ меньшей опаской свои маленькіе гешефтики. Пароходные капитаны, въ большинствѣ случаевъ попадающіе въ моряки по волѣ судебъ и неокончанія нигдѣ курса, имѣютъ видъ добрыхъ малыхъ, старающихся задобрить гостей-пассажировъ (разумѣется, классныхъ).

Приноравливаясь къ мѣстнымъ нравамъ, они всегда готовы «закусить и выпить» съ тѣмъ или другимъ охотникомъ-пассажиромъ, чтобы скоротать однообразіе плаванія, и непрочь въ часы вдохновенія устроить иногда импровизированную гонку съ какимъ-нибудь пароходомъ другой компаніи, къ ужасу всѣхъ трезвыхъ пассажировъ (ведутъ, собственно говоря, пароходъ лоцманы; на долю капитана выпадаетъ, главнымъ образомъ, представительство и выпивка). Все чаще и чаще мелькаютъ на головахъ чиновничьи фуражки съ кокардой, замѣняя собой шляпы и котелки. Чѣмъ больше вы подвигаетесь, тѣмъ болѣе убѣждаетесь, что гоголевскіе персонажи еще не исчезли, и вамъ предстоитъ видѣть всю ихъ серію; но предпочтительно однако объявляются классическіе Держиморды, иногда не стѣсняющіеся даже и въ публикѣ показывать при случаѣ «господамъ земледѣльцамъ» свои подчасъ страшенныя длани.

Наблюдая въ натурѣ то, о чемъ у васъ давно составилось лишь теоретическое представленіе, вы начинаете сознавать не однимъ только умомъ, но и всѣмъ существомъ своимъ, что этотъ маленькій «исполнитель», крошечное звено въ общей безконечной цѣпи, съ такимъ пренебреженіемъ третируемый въ столицахъ, гдѣ онъ мелькаетъ изрѣдка въ переднихъ въ образѣ скромнѣйшаго, безотвѣтнѣйшаго ничтожества, гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ дѣйствительно можетъ иногда играть роль какого-то «фатума», отъ котораго иной разъ обывателю становится нѣсколько тѣсно жить на божьемъ свѣтѣ. Побесѣдовавъ съ такимъ джентльменомъ въ дорогѣ по душѣ (русскій человѣкъ любитъ подобныя бесѣды за закуской), вы скоро сообразите, что отъ его доброй воли, ума и сообразительности непосредственно иной разъ зависятъ спокойствіе и благополучіе многихъ человѣческихъ жизней, и вамъ станутъ понятны всѣ эти однообразные «обывательскіе» разсказы и анекдоты, которыми обыкновенно коротаются долгіе дни пароходнаго плаванія, если не составился винтъ.

Въ отвѣтъ на ваше замѣчаніе (если вы сдѣлаете таковое), что законъ, слава Богу, существуетъ не только для столицъ, но и для всей имперіи, и что права жаловаться, по крайней мѣрѣ, не лишенъ никто, вы по большей части сперва услышите веселыя замѣчанія насчетъ «кукушки и ястреба» и затѣмъ резоны:

— Безспорно, мѣстное начальство смѣнитъ нерадиваго подчиненнаго, если узнаетъ, что онъ не оправдалъ довѣрія, но (безъ этихъ «но», какъ извѣстно, у насъ не кончается ни одинъ разговоръ)... но, во-первыхъ, «мужикъ» не всегда рискнетъ жаловаться, во-вторыхъ, предположимъ, что пожаловался, и что жалобѣ данъ ходъ—откуда, изъ какой Аркадіи вы найдете другого «исполнителя», который бы «честно и благородно» исполнялъ свои начальственныя функціи? Обычный контингентъ—разсадникъ всѣхъ этихъ «мелкихъ сошекъ», имѣющихъ непосредственное отношеніе къ мужику—представляетъ весьма ограниченный выборъ (особенно въ провинціи), смущающій даже нерѣдко самихъ выбирающихъ. Увы, и они жалуются въ пустое пространство на недостатокъ людей, которые бы умѣли исполнить волю пославшаго съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой и, получая въ годъ 600 рублей, не старались бы проживать втрое.

Эти столь знакомыя и надоѣвшія жалобы на недостатокъ людей увеличиваются къ востоку съ такимъ «crescendo», что вамъ начинаетъ казаться, что чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже будетъ попадаться «человѣкъ» и наконецъ, чего добраго, совсѣмъ исчезнетъ изъ обращенія. Всѣ будто сговорились. Вездѣ, начиная со столицъ и кончая захолустьями, теперь ищутъ «человѣка», ищутъ и, къ удивленію, не всегда находятъ, словно бы и въ самомъ дѣлѣ онъ провалился куда-то въ преисподнюю и не подаетъ голоса, несмотря ни на какіе призывы передовыхъ статей, выкрикивающихъ: «объявись, человѣкъ!»

Было бы несправедливостью утверждать, что словоохотливый обыватель претендуетъ лишь на недостатокъ одного какого-нибудь спеціальнаго «вида» человѣка. При случаѣ онъ не менѣе коститъ и своего избранника-земца и городского представителя, при чемъ чаще всего жалуется не на учрежденія, не на самый принципъ, а на его примѣненіе. И сейчасъ же, въ подтвержденіе, разскажетъ, какъ такой-то голова въ такомъ-то захолустномъ городѣ «слопалъ» городскую землю, такой-то членъ «всучилъ» городу свой развалившійся домъ, тамъ «потревожили» банкъ и пр., и пр.,—словомъ, повторитъ одну изъ тѣхъ безчисленныхъ исторій, часть которыхъ попадаетъ на газетные столбцы въ краткомъ извлеченіи: «украли», «разграбили».

Съ измѣненіемъ долготы измѣняются и типы «купца», «купеческаго сына» и героя новѣйшаго времени—кулака, являясь все болѣе и болѣе въ натуральномъ видѣ, безъ того столичнаго соуса, который придаетъ имъ нѣкоторый лоскъ и своеобразную повадку. Вы встрѣтите больше «откровенности», бо́льшую примитивность въ пріемахъ и костюмѣ. И грабятъ, и безобразничаютъ, и пьянствуютъ, такъ сказать, нараспашку, еще не просвѣтясь насчетъ «святости» капиталистическаго строя и не всегда вводя въ обиходъ разговора «жалкихъ» словъ объ «основахъ» и т. п., а просто «рвутъ», гдѣ можно, и дѣлу конецъ. «Пассажиръ» вообще встрѣчается все болѣе и болѣе невзыскательный, покладистый и любопытный, первымъ дѣломъ освѣдомляющійся: «кто вы такіе будете?» и разспрашивающій о Петербургѣ съ нѣкоторымъ чувствомъ страха и благоговѣнія, что̀ однако не мѣшаетъ питать къ нему и долю недоброжелательства за то, что онъ слишкомъ много сочиняетъ бумагъ, а не знаетъ совсѣмъ провинціи и относится къ ней свысока. И «дама» попадается не та, какую вы видѣли до Москвы и первое время за Москвой. Общій видъ другой. Лица болѣе рыхлыя, румяныя, сонныя и «уравновѣшенныя». Знакомый вамъ «нервный» типъ русской интеллигентной женщины, къ которому привыкъ глазъ въ Петербургѣ, въ дорогѣ попадается все рѣже и рѣже, замѣняясь пестрыми костюмами и разбитными, съ претензіями на свѣтскость, манерами провинціальныхъ «чиновницъ», цивилизованныхъ купеческихъ дочекъ, или ветхозавѣтными платками молчаливыхъ и степенныхъ купчихъ «стараго обычая», выскочившихъ какъ будто на палубу парохода прямо изъ пьесъ Островскаго. Дамскія бесѣды все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ допроса, сплетни и кулинарныхъ откровеній, такъ что, проведя часъ-другой въ разговорѣ съ одной изъ такихъ дамъ, вы не только будете основательно допрошены о вашихъ родныхъ до четвертаго колѣна, но, въ свою очередь, будете посвящены въ «подноготную» родного «гнѣзда» разсказчицы и научитесь приготовлять соленья и маринады изъ разныхъ ягодъ, обиліемъ которыхъ въ Сибири васъ утѣшаетъ прекрасный полъ. «Урядникъ» встрѣчается болѣе чумазый и юркости въ немъ какъ будто меньше, а «полицейскій» на пристаняхъ и совсѣмъ съ виду Богомъ обиженный. Пассажиръ-мужикъ теряетъ тотъ столичный, ерническій видъ, который замѣтенъ въ возвращающихся домой питерцахъ, и за Москвой «сѣрѣетъ». Съ Нижняго вы уже встрѣчаетесь съ массой переселенцевъ, направляющихся изъ разныхъ концовъ Россіи на привольныя землей мѣста далекаго края, а изъ Тюмени плывете, имѣя на буксирѣ арестант-

скую баржу, въ которой скучена партія человѣкъ въ семьсотъ будущихъ невольныхъ жителей отдаленныхъ и не столь отдаленныхъ мѣстъ Сибири, плывущихъ на каторгу, поселеніе или въ административную ссылку.

«Варнакъ», какъ называютъ ссыльныхъ сибиряки, не оставляетъ уже васъ ни на минуту, какъ только вы перевалили Уралъ. О немъ говорятъ ямщики, его презираютъ и боятся, имъ наполнены уголовныя лѣтописи сибирскихъ газетъ, вы его видите пробирающимся около большого тракта. И вы невольно запасетесь револьверомъ гдѣ-нибудь въ попутномъ городѣ, если только не запаслись имъ раньше. Но только едва ли придется имъ воспользоваться. Не такъ страшенъ «варнакъ», какъ о немъ говорятъ и какъ впослѣдствіи узнаетъ читатель изъ дальнѣйшихъ очерковъ путешествія.

III.

Болѣе или менѣе основательное знакомство съ пыткой ѣзды по убійственнымъ мостовымъ, нечистоплотностью гостиницъ и желѣзнодорожныхъ станцій, не особенно пріятно ласкающими обоняніе ароматами грязныхъ улицъ (такъ-называемый путешественниками-иностранцами «русскій духъ»), и вообще съ тѣми патріархальными картинками нравовъ и порядковъ, которыя придаютъ извѣстный «couleur local» отечественной самобытности, начинается уже съ самаго «сердца Россіи».

Голова ея — Петербургъ—недаромъ «тонкая штучка» въ глазахъ провинціи. Онъ болѣе ловокъ и хитеръ, къ тому же и болѣе на виду у Европы, передъ которой, что̀ тамъ ни говори «патріоты своего отечества», а все же нѣтъ-нѣтъ да и станетъ вдругъ совѣстно. И онъ умѣетъ подъ наружнымъ лоскомъ чистоты и порядка скрыть отъ глазъ свои недочеты и санитарныя непристойности и показать товаръ лицомъ, встрѣчая путешественника красивыми вокзалами, Невскимъ проспектомъ и электрическимъ освѣщеніемъ, сравнительно чистыми гостиницами и молодцоватыми блюстителями порядка, такъ что, по сравненію съ другими русскими городами, онъ кажется какъ будто и опрятнымъ.

Матушка Москва откровеннѣе. Она и съ казовыхъ своихъ сторонъ, обыкновенно кидающихся въ глаза пріѣзжему, не блещетъ чистотой, а принимаетъ васъ, такъ сказать, въ халатѣ, словно бы говоря: «Вотъ тутъ я вся. Любите меня такою, какова есть, со всею моею грязью и вонью!» И первый «вѣстникъ» цивилизаціи, являющійся встрѣчать русскаго пассажира, уже не «тотъ», «дрессированный» и вылощенный, что̀ въ Петербургѣ. И костюмъ на немъ сидитъ какъ-то бо-

лѣе «по-штатски», и мундирчикъ грязнѣе, и самъ онъ не имѣетъ петербургской внушительности и проницательности. Онъ добродушнѣе съ виду, проще какъ-то наблюдаетъ за порядкомъ и не такъ назойливо лѣзетъ въ глаза. Извозчикамъ, съ жестянками набрасывающимся на пассажировъ, точно стая собакъ, готовая разорвать въ клочки, онъ внушаетъ менѣе страха и обходится пятачкомъ дешевле, хотя и водворяетъ между ними порядокъ тѣми же упрощенными домашними способами, что̀ и петербургскіе его коллеги, т. е. поминаніемъ родственниковъ и, въ случаѣ безуспѣшности этого средства, битьемъ шашками плашмя по всѣмъ частямъ тѣла улепетывающаго извозчика, но предпочтительно однако по «загривку».

Эти первыя жанровыя картинки, встрѣчаемыя путешественникомъ, лишь только онъ пріѣдетъ въ русскій городъ, гдѣ водится много извозчиковъ, отличаются отъ таковыхъ же въ Петербургѣ, разумѣется, большею нестѣсняемостью и меньшею раздражительностью на нарушителей порядка со стороны его наглядныхъ пропагандистовъ. На петербургскихъ вокзалахъ и другихъ мѣстахъ скопленія извозчиковъ «фараонъ», намѣтивъ черезчуръ строптиваго нарушителя, старается вразумить его безъ большого скандала, не устраивая публичнаго зрѣлища, а по возможности незамѣтно и озираясь по сторонамъ, нѣтъ ли поблизости начальства, рекомендующаго вѣжливое обхожденіе, и при этомъ пользуется, натурально, краткостью момента съ возможно большею затратой энергіи внушенія, а въ Москвѣ и далѣе—ругань и «луцовка» господъ извощиковъ отправляется съ меньшимъ стѣсненіемъ, но зато и съ меньшимъ остервенѣніемъ и какъ бы болѣе для соблюденія служебнаго престижа и порядка «an und für sich», чтобы въ самомъ дѣлѣ не подумали, что въ провинціи ни за чѣмъ не смотрятъ. Зато у московскихъ вокзаловъ вы услышите самый изысканный подборъ и неистощимыя варіаціи крѣпкихъ словъ, а нерѣдко и зрѣлища болѣе продолжительныхъ битвъ. Никто, разумѣется, не удивляется. Всякій привыкъ къ этимъ сценамъ «самоуправленія» и только норовитъ скорѣе убраться изъ-подъ оглушительнаго града непечатныхъ словъ.

Когда, на другой день послѣ сутокъ отдыха въ «первопрестольной», экипажъ изъ номеровъ Ечкина, нѣсколько смѣло названный артельщикомъ каретой, подвезъ насъ, послѣ часовой «встряски» по всей Москвѣ, къ вокзалу Нижегородской желѣзной дороги и мы вошли въ вокзалъ, то московское дезабилье выказалось во всей своей непривлекательной наготѣ.

Въ небольшомъ пространствѣ, гдѣ расположены кассы и

принимается багажъ, была тѣснота и грязь; стоялъ удушливый, спертый воздухъ. Мужики дожидались, кто сидя на полу, кто тѣснясь у стѣнъ, а цѣлыя кучки и внѣ станціи. Въ пассажирской залѣ, гдѣ дожидался пассажиръ почище, давка была тоже порядочная.

Пассажиры сидѣли чуть ли не одинъ на другомъ. На столахъ—пыль и грязь; скатерти несомнительной нечистоты, прислуга, хотя и во фракахъ, но, въ видахъ эстетическаго чувства, было бы лучше не видать этихъ фраковъ, чтобы не имѣть нагляднаго понятія о количествѣ содержимаго въ нихъ и на нихъ сала.

Оказалось, что этотъ тѣсный вокзалъ вдобавокъ еще ремонтируется (и, по обыкновенію, ремонтируется въ самый разгаръ пассажирскаго движенія), и потому «нѣсколько какъ будто и тѣсновато», по словамъ сторожа. Такимъ образомъ «пассажиру» остается изнывать въ духотѣ и грязи въ ожиданіи отправленія. И онъ, этотъ собирательный «пассажиръ», изнываетъ съ тѣмъ мрачнымъ, молчаливымъ видомъ, съ какимъ вообще изнываетъ трезвая русская публика во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, не претендуя ни на кого, кромѣ лакеевъ, и какъ будто не замѣчая, что съ нимъ, съ пассажиромъ, обходятся совсѣмъ по-свински, словно бы привычка къ подобному обхожденію обратилась у него во вторую натуру.

Разумѣется, всѣ эти дорожные безпорядки, вся эта станціонная грязь—мелочи не только въ сравненіи съ вѣчностью, но и въ сравненіи съ другими, менѣе отвлеченными представленіями, но дѣло въ томъ, что подобныя «мелочи», находящіяся подъ носомъ и на которыя со стороны мало обращаютъ вниманія, нерѣдко отравляютъ не одно только путешествіе, но и жизнь вообще. И отношеніе къ этимъ «мелочамъ», съ другой стороны, именно оттѣняетъ отличительныя стороны нашего характера и склада. Вѣдь совокупность всѣхъ этихъ мелочей и составляетъ обычную будничную жизнь русскаго человѣка.

Билеты взяты. Надо сдавать багажъ. Но это, повидимому, пустячное дѣло вовсе не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда. По крайней мѣрѣ я стоялъ минутъ съ десять, вотще ожидая очереди, хотя она давно наступила, пока ко мнѣ не подошелъ привезшій насъ артельщикъ изъ номеровъ Ечкина, бойкій, расторопный ярославецъ, не сдѣлалъ мнѣ нѣсколькихъ таинственныхъ знаковъ, подмигивая при этомъ плутоватымъ взглядомъ, и не сообщилъ конфиденціально, что нужно дать на чаекъ одному «человѣчку». Я, разумѣется, не только обѣщалъ «на чаекъ», но и поручилъ бойкому артель-

щику, хорошо знакомому съ мѣстными порядками, дальнѣйшія хлопоты по сдачѣ багажа (такъ какъ всѣ сторожа уже были обременены подобными же комиссіями), и минуты черезъ двѣ послѣ интимнаго шептанія артельщика съ «человѣчкомъ» изъ багажнаго отдѣленія вещи мои, давно находившіяся на очереди,—не соблюдаемой, конечно,—были взвѣшены.

— Полностью хотите платить?—опять шепнулъ мой чичероне дѣловымъ тономъ.

— А то какъ же?—удивляюсь я.

— Можно за половину-съ... ежели рубликъ дать. Очень просто-съ... Многіе такъ дѣлаютъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—запротестовалъ я.

Таинственный обмѣнъ взглядовъ. Выкрикивается настоящій вѣсъ и выкрикивающій взглядываетъ на меня, какъ на болвана, зря бросающаго деньги. Я уплачиваю деньги за багажъ, «мзду» за хлопоты и на чаекъ за то, что «мѣста тяжелыя», и удаляюсь въ пассажирскую залу отыскивать своихъ спутниковъ.

Минутъ черезъ пять тотъ же самый артельщикъ подходитъ ко мнѣ и снова таинственно подмигиваетъ, словно бы предлагая принять участіе въ какой-то новой конспираціи.

— Въ чемъ дѣло?

Онъ на ухо шепчетъ насчетъ «мѣстечка».

— Очень даже много сегодня пассажировъ. Какъ бы не затѣснили! А вы съ дѣтьми!—поясняетъ онъ все тѣмъ же конфиденціальнымъ тономъ.—Надо-съ исхлопотать... Я могу, если угодно.

— Какъ же исхлопотать?

— А какъ другіе-прочіе... Теперь, ежели дать, примѣрно, двугривенный сторожу у дверей, онъ пропуститъ на «плацформу», а тамъ ужъ надо обладить съ «оберомъ»... На этомъ поѣздѣ «загребистый» оберъ ѣдетъ.

Такія же интимныя бесѣды идутъ въ залѣ и у другихъ пассажировъ съ носильщиками. Вы видите, какъ тихонько выносятъ они вещи и какъ минутъ за пятнадцать до перваго звонка, когда еще двери на платформу считаются запертыми и публику туда офиціально не пускаютъ, пассажирская зала понемногу пустѣетъ, и «пассажиръ», болѣе знакомый съ мѣстными обычаями, одинъ за другимъ исчезаетъ, пробираясь съ видомъ конспиратора разными окольными путями на платформу, въ сопровожденіи станціоннаго проводника. Иногда проходятъ прямо и въ дверь. Сторожъ, добродушный «мальчикъ безъ штановъ», лѣтъ подъ шестьдесятъ, оберегающій

двери отъ публики, обмѣнявшись таинственнымъ знакомъ съ проводникомъ, какъ-то быстро и ловко пріотворяетъ двери, въ которыя на глазахъ у публики прошмыгиваетъ счастливецъ, и снова такъ же быстро и ловко запираетъ ихъ, утѣшая недовольныхъ изъ публики объясненіемъ, что онъ пропустилъ «генерала», или завѣряя, что «это нашъ служащій», и кстати, по русскому обыкновенію, жалуясь на тяжесть своей обязанности сторожить двери, въ которыя всякому лестно шмыгнуть.

Мой опытный чичероне, удивленный отказомъ слѣдовать за нимъ, все-таки убѣдилъ меня отдать ему нѣсколько саквояжей и исчезъ, обѣщая «исхлопотать» мѣста. Когда раздался первый звонокъ и пассажиры хлынули на платформу, толпясь въ однѣхъ дверяхъ, я пробрался впередъ и, не разсчитывая на успѣхъ ярославца, пошелъ отыскивать мѣста. Увы! Всѣ вагоны второго класса уже были полны если не людьми, то вещами, и напрасно я носился изъ вагона въ вагонъ, отыскивая мѣста. Но благодѣтель-ярославецъ выручилъ. Онъ встрѣтилъ меня, смущеннаго, и, объяснивъ, что давно занялъ мѣста, съ побѣдоноснымъ видомъ провелъ меня въ отдѣльное некурильное отдѣленіе.

— Пожалуйте... какъ разъ шесть мѣстъ... насилу исхлопоталъ... Спасибо оберу. Пустилъ!—докладывалъ онъ все тѣмъ же конфиденціальнымъ шопотомъ.

Тутъ какъ-то кстати появляется и самъ «оберъ». Онъ совсѣмъ не столичнаго вида: толстенькій, сытый, старенькій «оберъ», въ потертомъ сюртукѣ и бѣлой фуражкѣ. Онъ привѣтливо улыбается съ видомъ радушнаго хозяина. На кругломъ выбритомъ лицѣ его такъ и сквозятъ добродушіе и плутоватость, того и другого въ достаточномъ количествѣ, когда онъ оглядываетъ меня быстрымъ взглядомъ опытнаго знатока людей и ихъ имущества.

— До Нижняго изволите ѣхать?—освѣдомляется онъ, переглянувшись съ чичероне, словно бы спрашивая: тотъ ли я пассажиръ, о которомъ хлопоталъ ярославецъ?

— До Нижняго.

— Вамъ тутъ будетъ поспокойнѣе съ семействомъ въ некурильномъ... Чуть-было и его не заняли, да я не пустилъ!—значительно говоритъ онъ, потупляя маленькіе глазки, въ родѣ стараго «юса» изъ управы благочинія.

И затѣмъ продолжаетъ не безъ соболѣзнованія:

— Жаль, раньше не предупредили, я бы вамъ устроилъ попросторнѣе отдѣленьице. Было одно свободное, да я туда помѣстилъ одного господина съ женой. Имъ и здѣсь бы хо-

рошо. А вотъ рядомъ такъ одна генеральша цѣлое отдѣленіе заняла. Начальникъ станціи посадилъ,—съ неудовольствіемъ прибавляетъ «оберъ» и уходитъ, не безъ галантности приложивъ два своихъ жирныхъ пальца къ козырьку фуражки.

Мы размѣщаемся и благодаримъ судьбу въ образѣ артельщика и за эти мѣста, а словоохотливый ярославецъ, помогая запихивать чемоданы, не безъ зависти въ голосѣ продолжаетъ разсказывать о доходахъ «обера».

— Вы, господинъ, ему больше рубля не давайте, потому у васъ сколько билетовъ, столько и мѣстъ. Правильно, не то что какъ ежели съ двумя билетами да этакъ съ дюжину дѣтей ѣдетъ. А сакчикъ куда прикажете? Ему самое лучшее въ ноги-съ!—хлопоталъ нашъ чичероне, обливаясь пòтомъ.— Теперь вотъ онъ вѣрныхъ полсотни въ одинъ конецъ слизнетъ.

— Какъ такъ?

— Потому здѣсь не порядки-съ, а, можно сказать, много фальши!—возмутился вдругъ ярославецъ, встряхивая головой.—Многіе пассажиры безъ билетовъ ѣздятъ. Два рубля оберу далъ и... очень просто-съ. Недаромъ домикъ купилъ... Пять тысячъ выложилъ. Очень доходная должность!

Наконецъ мы распихали вещи по мѣстамъ, кое-какъ размѣстились и распрощались съ нашимъ геніемъ-хранителемъ. Вскорѣ поѣздъ двинулся. На первой станціи у открытаго окна нашего вагона появилась пожилая, претенціозно одѣтая дама—генеральша-помѣщица, ѣдущая на лѣто въ свое имѣніе, какъ поспѣшила она оповѣстить меня, восторгаясь моими дѣтками, посылая имъ воздушные поцѣлуи и стараясь придать своему, заплывшему жиркомъ, лицу то игриво-умильное выраженіе, которымъ обыкновенно стараются (и напрасно) тронуть дѣтей.

Подѣйствовавъ на мои родительскія чувства, генеральша считаетъ себя въ правѣ дать большую волю приливу празднаго любопытства, т.-е. спросить: далеко ли я ѣду, куда именно и зачѣмъ ѣду, и принялась жаловаться на этотъ «невозможный курсъ», помѣшавшій ей ѣхать за границу, прибавляя къ этому, уже по-французски и съ серьезнымъ видомъ, что «вообще нынче какъ-то все идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало». Ея дочь живетъ въ Гіерѣ. Генеральша провела прошлую зиму у нея въ Гіерѣ. Какое прелестное мѣсто Гіеръ! И какъ недорого относительно можно устроиться въ Гіерѣ! Бывалъ ли я въ Гіерѣ? Она зимой опять поѣдетъ въ Гіеръ... А мужъ ея служитъ въ Москвѣ, но теперь по дѣламъ службы въ Петербургѣ. Старшій сынъ въ гвардіи, а второй...

Свистокъ мѣшаетъ дальнѣйшей ея болтовнѣ, но на слѣдующей станціи, когда я выхожу покурить, она досказываетъ, что второй сынъ—товарищъ прокурора и «хорошо идетъ», но что «бѣдному мальчику» слишкомъ много работы со всѣми этими... «нынѣшними дѣлами».

И генеральша вздыхаетъ, не то отъ жары, не то отъ сожалѣнія къ «бѣдному мальчику», не то отъ сокрушенія изъ-за «нынѣшнихъ дѣлъ» и имѣетъ, повидимому, твердое намѣреніе сдѣлать изъ меня тоже бѣднаго страдальца, который бы выслушивалъ ея болтовню, подавая по временамъ реплики. Но такъ какъ я затѣмъ ловко избѣгаю попадаться ей на глаза, избравъ другое мѣсто для куренія, а наши «прелестныя дѣтки» тоже остерегаются высовываться изъ окна во время остановокъ на безчисленныхъ маленькихъ станціяхъ и полустанціяхъ, чтобы не видѣть ея умильнаго выраженія и не слышать трогательнаго сюсюканья, то изнывающая отъ жары и скуки генеральша во время остановокъ донимаетъ кондуктора вопросами: когда слѣдующая станція, и отчего нѣтъ сельтерской воды?

Наконецъ и Пѣтушки. Поѣздъ стоитъ двадцать минутъ.

Проголодавшаяся публика бросилась изъ вагоновъ въ буфетъ, наводнила сразу маленькую комнату пассажирской залы и набросилась на яства. За небольшимъ столомъ немногіе успѣваютъ занять себѣ мѣсто. Пассажировъ много, а помѣщенія на вокзалахъ Нижегородской дороги крошечныя, словно бы строители не разсчитывали на пассажировъ. Мѣстъ не хватаетъ. Тѣснота и шумъ. Всякій норовитъ пробраться къ разставленнымъ по срединѣ стола яствамъ, въ надеждѣ раздобыть себѣ съѣстного, тѣснясь и толкая другъ друга. Лица принимаютъ какія-то злыя выраженія голодныхъ животныхъ. Поваръ въ чистомъ колпакѣ, но грязной курткѣ, едва успѣваетъ отпускать кушанья и рѣзать осетрину, накладывая и пришлепывая куски ея грязными руками, нимало не стѣсняясь возбудить брезгливость и точно сознавая, что всякія церемоніи излишни. Два лакея, обливаясь потомъ и соусомъ съ тарелокъ и придерживая на ходу куски на тарелкахъ мокрыми пальцами въ нитяныхъ перчаткахъ, мечутся, какъ угорѣлыя кошки, то сюда, то туда, не зная, на чей крикъ броситься, и не имѣя никакой физической возможности удовлетворить требованіямъ всѣхъ сидящихъ за столомъ. Они совсѣмъ ошалѣли, что помогаетъ имъ обсчитывать и дѣлать внезапно такія же невинно-удивленныя лица, какія дѣлаютъ плохія актрисы въ роляхъ ingenue, когда какой-нибудь аккуратный пассажиръ, подведя итогъ, находитъ большую раз-

ницу. Черезъ пять минутъ всѣ блюда опустошены, и повару нечего пришлепывать своими руками. Ни мяса, ни рыбы, ни пирожковъ! Всего было заготовлено, очевидно, мало, и все было съѣдено. Шумъ и ругань на лакеевъ увеличиваются. Публика, не удовлетворенная въ своихъ утробныхъ потребностяхъ, на этотъ разъ склонна къ выраженію протеста.

— Это чортъ знаетъ что̀ такое! Невозможные порядки на этой дорогѣ. Морятъ голодомъ!

Кто-то изъ пассажировъ, побойчѣе и, вѣроятно, поголоднѣе, жалуется начальнику станціи, смиренному и невозмутимому на видъ господину съ благообразнымъ лицомъ, который тихо и какъ-то необыкновенно привѣтливо старается успокоить протестанта и вообще прекратить «непріятность».

— Буфетчикъ никакъ не разсчитывалъ, что будетъ столько пассажировъ. Обыкновенно въ это время ѣздитъ мало народа, и провизію хоть бросай. А время теплое... провизія портится,—говорилъ станціонный дипломатъ, ловко отводя протестанта къ бутербродамъ.

И протестантъ и другіе неудовлетворенные набрасываются на бутерброды и «душатъ» водку. Начальникъ станціи тѣмъ временемъ исчезаетъ. Революція подавлена въ самомъ началѣ.

Лоснящееся, озабоченное толстое лицо борова-буфетчика принимаетъ выраженіе скорби. «Ахъ, если бы я зналъ, что столько народу... Ахъ, Господи!.. Я, слава Богу, понимаю и стараюсь заслужить передъ публикой... Одной аренды триста рублей плачу. Мнѣ же выгода!»—говоритъ онъ нѣжнымъ теноркомъ, наливая рюмки и едва успѣвая принимать деньги и сдавать сдачу, несмотря на помощь сухопарой дамы, съ зоркостью ястреба озирающей изъ-за стойки залу и преимущественно лакеевъ, получающихъ деньги.

Моя генеральша тоже недовольна. Она только-что, жадно причмокивая, обсосала крылышко цыпленка, и глаза ея еще горѣли плотояднымъ огонькомъ, а тутъ лакей вдругъ докладываетъ, что, кромѣ бульона, ничего больше нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Все вышло.

Она свирѣпѣетъ. Замѣтивъ меня, она разражается негодованіемъ на главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но я уклоняюсь отъ дальнѣйшихъ изліяній и скрываюсь въ толпѣ. Она уже утихла и идетъ къ вагонамъ въ мирномъ настроеніи.

Только въ курильномъ вагонѣ, куда я пересѣлъ на ночь, еще долго «скрипѣлъ» какой-то высохшій и вылизанный господинъ въ модномъ дорожномъ костюмѣ, обращаясь къ плот-

ному своему сосѣду. Онъ, вообразите, не могъ добиться осетрины! Отъ осетрины дѣло скоро дошло и до другихъ предметовъ. Сухопарый изливалъ уже желчь вообще на «провинцію» и ея бездѣятельность. Онъ ѣхалъ изъ Петербурга, этотъ геморроидальный департаментскій страдалецъ, ревизовать что-то и кстати попить кумысъ, и все доказывалъ земцу-сосѣду, что провинція не прониклась идеями Петербурга. Онъ было началъ излагать свои идеи, но излагалъ ихъ съ такою заунывною гладкостью хорошо написаннаго отношенія, что я скоро заснулъ и проснулся, когда поѣздъ подъѣзжалъ къ Нижнему.

IV.

Хотя кондукторъ и объявилъ, что поѣздъ пришелъ въ Нижній, но вы сдѣлаете большую оплошность, если, повѣривъ ему на-слово, вообразите, по выходѣ изъ вагона, что въ самомъ дѣлѣ находитесь въ Нижнемъ. До Нижняго еще далеконько. Предстоитъ свершить цѣлое путешествіе: сперва доѣхать до рѣки, переправиться на пароходѣ, снова сѣсть на извозчика, подняться версты двѣ въ гору, и только тогда вы будете въ Нижнемъ. Можно, впрочемъ, и избѣжать послѣдней пытки, т.-е. не подниматься по скверной дорогѣ въ городъ, а пріютиться до отхода парохода въ одной изъ гостиницъ, расположенныхъ внизу, подъ горой. Вы не увидите, правда, города, зато пароходныя «конторки» рукой подать, и, вдобавокъ, изъ оконъ гостиницы можете любоваться дѣйствительно красивымъ видомъ широкой, разлившейся рѣки—этой «поилицы и кормилицы» биржевыхъ тузовъ, коммерсантовъ, пароходчиковъ, грузовщиковъ, промышленниковъ, комиссіонеровъ—словомъ, кого хотите, за исключеніемъ лишь тѣхъ, кто далъ ей такое ласковое прозвище въ тѣ давно прошедшія времена, когда еще рѣка дѣйствительно поила и кормила бѣжавшій на Волгу народъ.

Всѣ эти путевыя мытарства, особенно неудобныя, если путешественникъ не догадается оставить тяжелый багажъ на станціи съ тѣмъ, чтобы поручить пріемъ его пароходу, на которомъ придется слѣдовать далѣе, обязательны по случаю половодья. Рѣка не вошла еще въ свои берега, и наплавной мостъ не наведенъ. Нижній, щеголяющій милліонными оборотами своей ярмарки, до сихъ поръ обходится безъ постояннаго моста, хотя и давно говорятъ о немъ, имѣя на совѣсти немало несчастій съ людьми во время переправъ въ бурную погоду, при ледоходѣ весной и въ заморозки.

Разумѣется, не эта причина заставляетъ представителей

ярмарочнаго купечества мечтать о постоянномъ мостѣ, а другая, болѣе могущественная и болѣе имъ понятная,—интересы торговли. Подозрѣвать ихъ въ альтруистическихъ заботахъ было бы просто несправедливо. Жизнь людская и вообще-то не особенно цѣнится въ нашемъ отечествѣ, и здѣсь, на Волгѣ, можно наглядно убѣдиться въ этомъ, пройдясь по пристанямъ и наслушавшись общеизвѣстныхъ, давно набившихъ оскомину разсказовъ о томъ, въ какой грубой формѣ эксплоатируется ближній и, что̀ еще ужаснѣе, не всегда понимающій (рѣдко, по крайней мѣрѣ), какъ онъ жалокъ и безпомощенъ, и почему именно безпомощенъ, несмотря на свои классическія добродѣтели: нечеловѣческую выносливость и терпѣніе, граничащее подчасъ съ покорностью животнаго.

Славное майское утро съ теплымъ низовымъ вѣтеркомъ дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ послѣ безсонной ночи. Обгоняя пассажировъ-пѣшеходовъ съ котомками за плечами и возы съ кладью, мы проѣзжаемъ среди невзрачныхъ построекъ, мимо запертыхъ лавокъ и амбаровъ мертваго Кунавина, и минутъ черезъ двадцать достигаемъ берега, гдѣ стоитъ пароходъ съ паромомъ и толпится народъ.

У крутого, грязнаго спуска къ парому—знакомая, родная картинка: телѣги, возы, люди и лошади смѣшались въ живописномъ безпорядкѣ, напоминающемъ отчасти безпорядокъ военнаго обоза во время паники, при преслѣдованіи непріятеля, и на этомъ небольшомъ пространствѣ, гдѣ несетъ отчаянною вонью не то отъ бочекъ съ соленою рыбой, не то отъ сваленнаго тутъ же навоза, сосредоточивается главнымъ образомъ тотъ стонъ ругани, который характеризуетъ оживленіе бойкихъ русскихъ мѣстъ. Ругаютъ другъ друга и по-русски и по-татарски, ругаютъ лошадей, ругаютъ для краснаго словца и среди этой ругани занимаютъ мѣста на паромѣ. Вдругъ движеніе остановилось. Взрывъ привѣтствій по адресу родственниковъ раздался со всѣхъ сторонъ. Въ чемъ дѣло? Оказалось, что упавшій набокъ возъ загородилъ дорогу.

Пока собираются поднять возъ и, призывая всуе память родителей, разсуждаютъ о причинахъ его паденія, изъ ближняго кабака выбѣгаетъ на мѣсто происшествія худенькій, маленькій, невзрачный блюститель благочинія въ затрапезной униформѣ, и съ какимъ-то приливомъ злости, напоминающимъ освирѣпѣвшую собачонку, набрасывается на возчика и начинаетъ его бить среди равнодушныхъ зрителей этого обычнаго дарового спектакля, неизмѣнно дающагося на всемъ протяженіи русскаго царства. Высокій, здоровенный, скуластый та-

таринъ, который однимъ мановеніемъ своей геркулесовской руки могъ бы отогнать тщедушнаго бутаря, какъ докучливую муху, принимаетъ порцію ударовъ съ наскока и градъ брани, словно заслуженную имъ дань, безъ малѣйшаго протеста и своею покорностью, казалось, только увеличиваетъ приливъ распорядительной злости маленькаго администратора. Ему, очевидно, хочется нанести болѣе чувствительный ударъ, и онъ прицѣливается, чтобы, по возможности, повредить обывательскую физіономію и пролить кровь, но въ это время раздается, въ свою очередь, непечатная брань по его адресу со стороны какого-то подъѣхавшаго господина въ фуражкѣ съ кокардой, и сцена прекращается. Маленькій полисменъ начинаетъ водворять порядокъ, то-есть безцѣльно суетиться около воза, но, сообразивъ, вѣроятно, что пользы отъ его присутствія нѣтъ никакой, исчезаетъ въ питейномъ домѣ съ тою же внезапностью, съ какой и появился. Атлетъ-татаринъ сконфуженно поднялъ свалившуюся на-земь вислоухую свою шапку и, прежде чѣмъ двинуть возъ, хлещетъ по мордѣ свою лошадь при ироническомъ смѣхѣ толпы. Наконецъ движеніе возобновилось. Паромъ быстро заполняется телѣгами, возами и экипажами.

— Всегда у васъ такъ?—спрашиваю я извозчика.

— Еще хуже бываетъ!—отвѣчаетъ возница и не безъ важности прибавляетъ: — Провинція! Ну и народъ тоже... особенно татарва.

Раздается свистокъ съ парохода. Ругань сосредоточивается теперь на паромѣ. У парохода рѣдѣетъ толпа. Другой свистокъ, третій. Пароходъ отваливаетъ и, прибавивъ ходу, съ тихимъ шумомъ колесъ пересѣкаетъ рѣку.

— Каковъ городокъ?! Какова Волга-красавица?—раздается на мостикѣ, въ группѣ пассажировъ, восторженный возгласъ дамскаго ватерпруфа.

И дѣйствительно, расположенный на горѣ, среди купъ молодой яркой зелени, сверкающій на солнцѣ золотистыми маковками своихъ церквей, Нижній съ рѣки живописенъ и кажется чистымъ, красивымъ городкомъ, обѣщая издали, по обыкновенію отечественныхъ мѣстъ, несравненно болѣе того, что даетъ въ дѣйствительности.

И хваленая наша Волга, хотя и не красавица, а недурна, особенно теперь, въ разливѣ. Зато она разочаруетъ ожидавшаго увидѣть бойкую рѣку, оживленную движеніемъ, со снующими пароходами, съ массой каравановъ барокъ. Ничего этого нѣтъ. Рѣка почти пуста и не производитъ впечатлѣнія бойкаго рѣчного тракта. Чтобы видѣть жизнь на

рѣкѣ въ полномъ проявленіи, надо, говорятъ, быть здѣсь во время ярмарки или спуститься къ Астрахани. Во время ярмарки быть въ Нижнемъ мнѣ не доводилось, но въ Астрахани я бывалъ. Оживленіе тамъ порядочное, судовъ много, но это оживленіе покажется ничтожнымъ тому, кто видалъ жизнь на бойкихъ европейскихъ рѣкахъ. Я уже не говорю про Темзу, эту царицу рѣкъ по торговому движенію, гдѣ на пространствѣ между Гревзендомъ и Лондономъ пароходъ все время идетъ между двумя рядами тѣсно стоящихъ судовъ всевозможныхъ формъ и конструкцій, среди движущихся на буксирахъ громадныхъ кораблей и маленькихъ пароходовъ, снующихъ, какъ бѣшеные, по всѣмъ направленіямъ, и наконецъ вступаетъ въ непроходимый, какъ кажется, лѣсъ мачтъ среди внушительнаго гула напряженной жизни великаго города торговли. И это непрерывающееся движеніе, и этотъ рядъ кораблей безъ конца подавляютъ васъ: чувствуя, съ какимъ колоссальнымъ размахомъ идетъ здѣсь жизнь, вы испытываете какой-то страхъ за личность человѣка, поражаясь въ то же время величіемъ его коллективнаго труда, и если, глядя на эту картину торговой напряженности, на эти чудовищные доки, рядъ пристаней со всевозможными приспособленіями, на эти массы плывущихъ товаровъ, вспомнить вдругъ о нашихъ бойкихъ мѣстахъ, то они покажутся вамъ жалкою пародіей, какою-то пустынною Сахарой по сравненію съ тѣмъ, что вы видите.

Нашъ пароходъ пристаетъ къ пристани, вѣрнѣе, къ полуразвалившейся баркѣ, обращенной въ пристань. Опять такой же узкій и грязный подъемъ, снова тѣ же сцены толкотни и безпорядка, тотъ же стонъ ругани,—словомъ, все то, что вы только-что видѣли на томъ берегу, съ прибавленіемъ партіи нищихъ, поджидавшихъ сердобольныхъ людей.

Коммерческая гостиница близехонько, тутъ же на берегу. Отправляемся туда. Грязная лѣстница съ претензіями на щеголеватость, спертый воздухъ въ коридорѣ и тотъ же классическій коридорный, съ грязною салфеткой въ рукахъ, который встрѣчалъ и Павла Ивановича Чичикова. Зато комнаты получше и почище, есть электрическіе звонки, но воздухъ въ номерахъ, надо полагать, не особенно измѣнился съ тѣхъ поръ. Скорѣе окна настежь. Струи свѣжаго воздуха врываются въ комнаты. Изъ оконъ чудный видъ на Волгу.

Оказывается, что пароходъ въ Пермь отходитъ утромъ, на слѣдующій день, но когда отходятъ пароходы изъ Тюмени, объ этомъ въ гостиницѣ узнать нельзя, расписаній сибирскихъ рейсовъ не имѣется. Надо ѣхать къ пристанямъ, тамъ

получить необходимыя свѣдѣнія и кстати запастись билетами на мѣста до Перми.

Пароходныя конторки расположены по берегу, одна за другой, въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Подальше отъ другихъ, словно бы избѣгая близкаго сосѣдства, стоитъ конторка пароходства фирмы Курбатова и Игнатова. Ихъ пароходы ходятъ между Нижнимъ и Пермью и ихъ же пароходы плаваютъ по сибирскимъ рѣкамъ между Тюменью и Томскомъ. Кромѣ добровольныхъ туристовъ, названная фирма, по контракту съ правительствомъ, спеціально перевозитъ и невольныхъ путешественниковъ въ далекіе края. Каждый рейсъ, съ открытіемъ навигаціи, курбатовскій пароходъ ведетъ за собой спеціально приспособленную для узниковъ большую арестантскую баржу, обыкновенно биткомъ набитую. Въ ней, выражаясь казеннымъ языкомъ, «слѣдуетъ» иногда партія человѣкъ въ семьсотъ. Тутъ и будущіе жильцы каторги, и поселенцы, и ссыльные, и арестанты изъ привилегированныхъ, неосторожно попавшіе въ объятія прокуроровъ, герои банковъ, жрецы хищеній и наконецъ такъ-называемые «политическіе», ссылаемые и по суду и административнымъ порядкомъ. Послѣдніе, равно какъ и арестанты изъ привилегированныхъ, отдѣлены отъ другихъ.

Цѣна на курбатовскихъ пароходахъ между Нижнимъ и Пермью значительно ниже цѣнъ на легкихъ пассажирскихъ пароходахъ, совершающихъ свои рейсы безъ пловучаго «мертваго дома» сзади, но большинство классныхъ пассажировъ, по крайней мѣрѣ не имѣющихъ особенной причины быть близко отъ арестантской баржи, предпочитаютъ, разумѣется, легкіе пароходы. Они и ходятъ скорѣй, и не отравляютъ путешествія созерцаніемъ этого мрачнаго спутника и подчасъ тяжелыхъ сценъ. Зато при путешествіи по сибирскимъ рѣкамъ выбора нѣтъ. Только курбатовскіе пароходы содержатъ болѣе или менѣе правильное пассажирское сообщеніе по рѣкамъ Западной Сибири, и слѣдовательно вамъ обязательно придется плыть цѣлыхъ десять дней неразлучно съ пловучею тюрьмой сзади и видѣть иногда близко невольныхъ путешественниковъ во время остановокъ на нѣкоторыхъ пристаняхъ, когда баржа становится бортъ-о-бортъ съ пароходомъ.

Объ этомъ, впрочемъ, послѣ, а теперь намъ предстоитъ попасть на «конторку», противъ которой остановился извозчикъ. Это вовсе не легкое дѣло, и, чтобы свершить его, необходимо вооружиться немалою рѣшительностью, рискуя при этомъ принять холодную ванну, ради пріятныхъ глазъ

гг. Игнатова и Курбатова. Сходня, положенная отъ берега къ конторкѣ (при чемъ разстояніе между ними было довольно значительное по случаю половодья), представляла собой весьма двусмысленный и едва ли гдѣ употребляемый, кромѣ отечества и еще болѣе дикихъ странъ, путь сообщенія, особенно для человѣка, не навострившагося ходить по двумъ узкимъ доскамъ, перекинутымъ надъ рѣкой на изрядной высотѣ, безъ какихъ бы то ни было перилъ и вдобавокъ еще при порывистомъ вѣтрѣ, дувшемъ сбоку.

Я остановился въ нерѣшительности, предпочитая вызвать съ конторки саму фирму, въ лицѣ гг. Курбатова и Игнатова, и посмотрѣть, какъ она пойдетъ по воздушнымъ мосткамъ. Увы, голосъ мой былъ такимъ же безнадежно-вопіющимъ, какимъ бываетъ голосъ русскаго обывателя, подвергнувшагося ночному нападенію въ провинціальномъ городкѣ. Никто не откликался. Ни одинъ изъ представителей фирмы не показывался. Дѣлать было нечего. Сообразивъ, что въ худшемъ случаѣ мнѣ предстоитъ лишь рискъ купанья, я двинулся рѣшительно впередъ по изгибавшимся подъ ногами доскамъ и благополучно добрался до конторки.

Тамъ никого не было, кромѣ сладко спавшаго сторожа.

— Неужели у васъ нѣтъ получше сходни? — спросилъ я этого единственнаго представителя пароходной администраціи, когда онъ окончательно проснулся и, присѣвъ на лавку, не совсѣмъ ласково взиралъ на виновника своего пробужденія.

— Зачѣмъ нѣтъ? Есть!

— Такъ отчего-жъ вы не кладете ее?

— Кладемъ, когда нужно.

— А когда нужно?

— Когда пароходъ отходитъ, тогда и кладемъ!

— А въ остальные дни можно падать въ Волгу?

Этотъ вопросъ приводитъ сторожа въ веселое настроеніе. Онъ усмѣхнулся и, оживляясь, замѣтилъ:

— Мы привычные, а изъ чистой публики рѣдко-рѣдко кто ходитъ сюда. Оно точно, что можно выкупаться (и опять на его добродушномъ лицѣ играетъ улыбка). Доска положена узкая. Долго ли до грѣха? Я докладывалъ Кузьмѣ Митричу, довѣренному. «Ничего,—говоритъ.—Зачѣмъ хорошую сходню портить?» Да вамъ что̀ требуется?

Я объяснилъ, что̀ требуется, и сторожъ указалъ мнѣ пальцемъ на расписаніе. Оказалось, что тюменскій пароходъ отходитъ въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ.

— Отчего такой поздній часъ отхода?

— А это ужъ не наше дѣло. Такое, значитъ, положеніе.

— И отсюда ваши пароходы уходятъ по ночамъ?

— И отсюда по ночамъ. Сегодня на разсвѣтѣ вотъ побѣжалъ пароходъ съ арестантскою баржой. А вы, видно, на нашемъ пароходѣ хотѣли ѣхать? Такъ раньше недѣли опять не побѣжитъ! Вы лучше на легкомъ. Завтра... И часъ не ночной, настоящій часъ, не то что у насъ. Всю ночь вотъ не спалъ!

Хотя онъ раньше и объявилъ, что не знаетъ, почему курбатовскіе пароходы отходятъ въ такіе таинственные часы, но, разговорившись, не замедлилъ сообщить свое мнѣніе по этому поводу, а именно, что всему «причина арестантская баржа». По ночамъ удобнѣе проводить «такого пассажира», народъ извѣстно какой. Чего его среди бѣла дня всѣмъ показывать? И для вольнаго пассажира меньше безпокойства: онъ и не увидитъ, какъ приведутъ, разсадятъ, замкнутъ голубчика и гайда! Опять же и любопытныхъ нѣтъ. Кому ночью-то охота глазѣть?

— А партія сегодня большущая была. Одинъ генералъ въ ней былъ!—значительно прибавилъ словоохотливый сторожъ.

— Какой генералъ?

— Настоящій, изъ Питера... Запамятовалъ, какъ звать-то его... Въ Сибирь засудили! Сказывали, будто за то, что какую-то банку неправильно ограбилъ. Только, поди, врутъ. Нешто за это генерала пошлютъ въ Сибирь? Вѣрно, за что-нибудь другое.

Я замѣтилъ, что за это иногда посылаютъ.

— Богъ его знаетъ! — недовѣрчиво покачалъ головой сторожъ, закуривая папироску.—Сказывали, важный былъ прежде генералъ... Старый такой, престарѣлый и одѣтъ въ хорошую одежду. Ему и каютку отдѣльную отвели на баржѣ. Сиди, молъ, не тужи... и всякой провизіи и вина съ нимъ взято. Деньги-то, видно, припрятаны. А слѣдомъ за нимъ барышня молодая пріѣхала съ нянькой... Дочь евойная. Такая молоденькая, изъ себя аккуратная, только худа больно. Плачетъ, бѣдная, слезки такъ и текутъ, какъ стала проситься, чтобы пустили съ нимъ на баржѣ... Одначе не пустили. Такъ это она на пароходъ. Отдѣльную себѣ каюту въ первомъ классѣ взяла съ нянькой. Я вещи ей носилъ. Вещей много, и все фасонистые такіе чемоданчики да ящички, и пахнутъ духомъ какимъ-то. Только принесъ это я послѣднія вещи, она даетъ мнѣ рубль, а сама такъ и заливается. «Богъ милостивъ, говорю сударыня, а сокрушаться грѣхъ. Иногда, говорю, и безвинно люди терпятъ!» Она это взглянула на меня сквозь слезы ласково такъ, кротко, словно малое дитя, а сама вся

дрожитъ. «Премного, говоритъ, благодарна за ваши слова,— и ручку протянула:—но только невпримѣръ было бы мнѣ легче, ежели бы папенька безвинно принялъ крестъ!» Проворковала это она и ничкомъ въ подушку! Только головка вздрагиваетъ. Тутъ нянька махнула сердито рукой на меня, чтобы уходилъ. Потомъ выбѣжала за водой и на ходу говоритъ: «Это ты, сиволапый, барышню такъ разстроилъ!» А я что? Пожалѣлъ только.

Онъ помолчалъ, сдѣлалъ нѣсколько затяжекъ и прибавилъ:

— Нянька послѣ сказывала, что онѣ съ барышней-то этой издалека пріѣхали. Въ чужой землѣ гдѣ-то были по той причинѣ, что у барышни какая-то болѣзнь въ груди. Такъ, значитъ, пользовалась тепломъ. Она, видишь ли, и не знала, что отецъ-то набѣдокурилъ, скрывали отъ нея, а какъ узнала, запросилась къ отцу. Отецъ не допустилъ сперва, чтобы она ѣхала домой. Такъ она самовольно. Въ Москвѣ отца-то и встрѣтила. Да. У него и другія дочки есть, но только не такія жалостливыя, какъ эта, меньшенькая. Нянька сказывала, что на рѣдкость барышня. Отца-то свово, небось, пожалѣла!—одобрительно заключилъ сторожъ.

— Давно вы здѣсь сторожемъ?

— Я-то? Второе лѣто. Да ну ихъ совсѣмъ... Уйду! — неожиданно проговорилъ онъ съ сердцемъ. — Одна тутъ непріятность.

— Мѣсто худое?

— Мѣсто ничего бы, если-бъ не эти проклятые арестанты. Тутъ, братецъ ты мой, всего насмотришься. Лучше бы и не видать. Особенно когда это бабы да дѣти провожаютъ. Ревъ идетъ. Ну и ежели опять объ этихъ самыхъ арестантахъ подумать...

Онъ махнулъ рукой и умолкъ.

Я собрался уходить. Добрый человѣкъ предложилъ-было проводить меня обратно, но я уже съ меньшимъ страхомъ смотрѣлъ на обратное путешествіе и отправился одинъ, посовѣтовавъ сторожу еще разъ доложить «Кузьмѣ Митричу», что если онъ прикажетъ положить хорошую сходню, то избавитъ фирму гг. Курбатова и Игнатова отъ многихъ лишнихъ проклятій.

— Имъ что... не имъ ходить. Извѣстно, хозяева!—проговорилъ вслѣдъ сторожъ.

Конторка пермскаго пароходства, къ которой подвезъ меня извозчикъ, оказалась легко доступною. Тутъ же стоялъ пароходъ, готовящійся къ рейсу. Его мыли и чистили. Капитанъ, любезно показывавшій мнѣ его, съ гостинодворскою бойкостью,

обычной на Волгѣ, выхвалялъ всевозможныя удобства своего парохода и, перечисляя рядъ предстоящихъ наслажденій, старался дать понять, что умѣетъ при случаѣ говорить болѣе или менѣе высокимъ слогомъ.

Мой нѣсколько прозаическій вопросъ относительно персидскаго порошка, казалось, озадачилъ этого щеголяющаго обращеніемъ, толстаго, мягкотѣлаго и сіяющаго здоровьемъ молодого человѣка. Онъ только-что, между прочимъ, «кстати» разсказалъ, какіе все хорошіе пассажиры были у него въ послѣднемъ рейсѣ (генералъ, два исправника и нѣсколько богатыхъ купцовъ съ женами) и какъ они всѣ даже жалѣли, что доѣхали до мѣста назначенія, а его вдругъ спрашиваютъ о такомъ низкомъ предметѣ!

Выраженіе презрительнаго изумленія и чего-то юпитерскаго засвѣтилось въ маленькихъ, заплывшихъ глазкахъ капитана, смѣнивъ любезную улыбку, не сходившую до моего злополучнаго вопроса съ его сочныхъ устъ, и, вѣроятно, единственно изъ снисхожденія къ невѣжеству пассажира, вдобавокъ, пассажира, собирающагося занять шесть мѣстъ, онъ не сразилъ его гордымъ молчаніемъ, а отвѣчалъ не безъ достоинства оскорбленнаго величія, что «неприличный звѣрь», на котораго я намекаю, *анахронизмъ*, по крайней мѣрѣ у нихъ на пароходахъ (за пароходы другихъ хозяевъ онъ не отвѣчаетъ), и что пароходная администрація, въ заботахъ о пассажирахъ, не упускаетъ изъ вида никакихъ мелочей и щедро посыпаетъ персидскимъ порошкомъ каюты послѣ каждаго рейса.

— Позволительно думать, вы никогда не изволили свершать *экскурсій* на нашихъ пароходахъ?—заключилъ онъ вопросомъ.

— Не свершалъ.

— Это и видно! — проговорилъ капитанъ, взглядывая на меня съ сожалѣніемъ, какъ на несчастнаго человѣка, до сихъ поръ не испытавшаго такого удовольствія. — Зато теперь увидите! — торжественно закончилъ онъ, пропуская меня въ одну изъ семейныхъ каютъ второго класса.

Грязь, которую я увидѣлъ, и вонь, которую обонялъ, повидимому, показались чрезмѣрными даже и почтенному капитану волжскаго парохода, и онъ поспѣшилъ замѣтить:

— Каюты еще не совсѣмъ приведены въ порядокъ и потому не производятъ надлежащаго впечатлѣнія, но къ завтрашнему дню вы ихъ не узнаете, могу васъ увѣрить!

Онъ, конечно, увѣрилъ меня, какъ увѣрилъ бы и васъ, если бы вы спѣшили ѣхать, чтобы попасть къ тюменскому

пароходу, и потому я послушно отправился въ агентство брать билеты до Перми.

— Въ которомъ часу отходитъ пароходъ?

— Въ одиннадцать!—отвѣчалъ капитанъ безъ малѣйшей запинки и такъ рѣшительно, что даже агентъ, выдававшій мнѣ билеты, какъ-то стыдливо опустилъ глаза. — Насчетъ отваловъ мы аккуратны-съ, какъ англійскій хронометръ! Другіе пароходы запаздываютъ, но мы не придерживаемся такихъ правилъ!—не безъ игривости прибавилъ капитанъ, придерживающійся, какъ оказалось, дурного правила врать пассажиру по вдохновенію и рѣшительно безъ всякой необходимости.—Ровно въ одиннадцать!—повторилъ капитанъ, раскланиваясь не безъ граціи.

— Быть-можетъ, развѣ что̀ задержитъ на полчасика! — проговорилъ мнѣ вслѣдъ стыдливый агентъ.

Ну, разумѣется, «ровно въ одиннадцать» нашъ пароходъ не только не отправился по назначенію, а его даже и не было у пристани. Онъ ушелъ на тотъ берегъ за пассажирами съ желѣзной дороги, почему-то замѣшкался (хотя поѣздъ приходитъ въ 8 часовъ утра) и еще не возвращался. Пассажиры «этого берега», собравшіеся на конторкѣ, терпѣливо поджидали парохода; очевидно, болѣе знакомые съ волжскими «нравами», они считали подобное запаздываніе обычнымъ явленіемъ. Часомъ раньше, часомъ позже... не все ли равно?

Вмѣсто одиннадцати, пароходъ нашъ наконецъ отвалилъ въ исходѣ перваго. Палуба парохода была набита пассажирами, которымъ предоставлялось полное право изображать собой сельдей въ боченкѣ. Большинство такого «живого груза» составляли крестьянскія семьи со множествомъ дѣтей. Это все переселенцы, направлявшіеся съ разныхъ безземельныхъ мѣстъ Россіи на «вольныя мѣста» Сибири, преимущественно въ южные округи Томской губерніи и (незначительная часть) на Амуръ.

Съ этого дня мы уже не переставали видѣть переселенцевъ. Проѣхавши съ ними до Перми, видѣли ихъ цѣлые вагоны по Уральской желѣзной дорогѣ, обгоняли ихъ между Екатеринбургомъ и Тюменью, плыли вмѣстѣ девять дней до Томска и на пути обогнали два парохода съ баржами, спеціально нанятыми переселенцами. Это усиливающееся въ послѣдніе годы движеніе въ страну ссылки начинается съ открытія навигаціи и заканчивается осенью. Двигаются партіи до Тюмени предпочтительно водянымъ путемъ *).

*) Изъ 5.589 переселенцевъ, прослѣдовавшихъ съ мая по октябрь настоящаго года черезъ Томскъ, 4.639 человѣкъ прибыли въ Томскъ водою и только 950 человѣкъ сухимъ путемъ.

Труденъ и скорбенъ бываетъ иногда долгій путь этихъ будущихъ колонизаторовъ Сибири, хотя они и пробираются не по какимъ-нибудь лѣснымъ дебрямъ или непроходимымъ пустынямъ, а передвигаются цивилизованнымъ способомъ — на пароходахъ и баржахъ, на глазахъ у публики, иногда даже на глазахъ у петербургскихъ сановниковъ, отправляющихся изъ столицы вносить миръ и цивилизацію въ классическую страну пустопорожнихъ мѣстъ, взятки и безправія. Прежде чѣмъ добраться переселенцамъ до этого самаго «пустопорожняго мѣста», ради котораго они отправляются въ невѣдомый край, бросая свои насиженныя гнѣзда, имъ предстоитъ перенести немало серьезныхъ невзгодъ и лишеній. Цѣлыя толпы народа по нѣскольку дней стоятъ лагеремъ подъ городами въ ожиданіи парохода, не зная куда двинуться. Тифъ нерѣдко коситъ этихъ людей.

V.

Даже и днемъ, когда человѣкъ относительно легче переноситъ неудобство прессованія, тѣснота помѣщенія палубныхъ пассажировъ бросается въ глаза и могла бы смутить иностранца, не знающаго нашей поговорки, что въ тѣснотѣ люди живутъ. На обоихъ пароходахъ, на которыхъ довелось мнѣ плыть (на пермскомъ и сибирскомъ), на небольшомъ пространствѣ, остающемся свободнымъ между рубкой, вторымъ классомъ, складомъ дровъ, дымовою трубой, машиной и бортами, было скучено множество людей, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, безъ всякаго соображенія о правѣ пассажира хотя на нѣкоторую свободу движенія (безъ преувеличенія люди сидѣли одинъ на другомъ) и, разумѣется, безъ какихъ бы то ни было приспособленій, намекающихъ на удобства, исключая, впрочемъ, покрышки на кормѣ, защищающей отъ дождя, если только онъ не хлещетъ наискось. Изъ пароходовъ, плавающихъ по Волгѣ, только на американскихъ пароходахъ нѣмца Зевеке да на пароходахъ общества «Кавказъ и Меркурій» существуютъ приличныя помѣщенія для палубныхъ пассажировъ, въ видѣ удобныхъ крытыхъ наръ для каждаго пассажира. На остальныхъ такимъ пассажирамъ предоставляются лишь узенькія скамейки по бортамъ и проходы на палубѣ. Скамейки обыкновенно занимаются пассажиромъ «почище», а въ распоряженіи «сѣрыхъ» остаются проходы, разные закоулки и свободныя пространства подъ скамьями. Затѣмъ классныхъ пассажировъ берутъ обыкновенно по числу имѣющихся на пароходѣ мѣстъ, а палубныхъ, и особенно переселенцевъ,— «сколько влѣзетъ», и такъ какъ кулачество пароходчиковъ

ничѣмъ не отличается отъ самаго первобытнаго и варварскаго, то, по ихъ мнѣнію, «влѣзть» можетъ народу много. По закону, разумѣется, должно быть опредѣлено, сколько можетъ «влѣзать» на каждый пароходъ для безопасности его плаванія и для удобства пассажировъ, и такой списокъ, за подписью надлежащихъ лицъ, долженъ находиться на каждомъ пароходѣ, но даются ли такія удостовѣренія, я не знаю, а что законъ не соблюдается пароходчиками и что за этимъ никто не смотритъ—это фактъ общеизвѣстный. Берутъ на пароходы гораздо болѣе, чѣмъ «влѣзетъ».

Ночью палуба такого парохода представляетъ воистину жалкій видъ. Въ повалку, тѣсными рядами, имѣя на рукахъ дѣтей, валяются эти «пассажиры» нерѣдко хуже собакъ, и страшно проходить въ это время по палубѣ, такъ какъ въ темнотѣ легко наступить на человѣка и отдавить ручонку спящаго ребенка. При ночныхъ остановкахъ для пріема дровъ людямъ, валяющимся на палубѣ, приходится убираться, чтобы не быть раздавленными или ушибленными; днемъ не позволяютъ загромождать проходовъ и заставляютъ убирать подстилки, служащія постелями, проникаясь заботами о «чистотѣ и порядкѣ», особенно въ томъ случаѣ, когда, на бѣду, въ числѣ пассажировъ находится какая-нибудь «особа». Въ заботахъ объ удобствахъ особы, пароходная администрація старается «очистить» возможно большее пространство вокругъ рубки перваго класса, и тогда палубнаго пассажира сбиваютъ совсѣмъ въ невозможную кучу на корму, подальше отъ «большого свѣта».

Долгій сухопутный путь въ санитарномъ отношеніи оказывается удобнѣе переѣзда на пароходахъ *). Особенно терпятъ дѣти и нерѣдко гибнутъ во время пути. Изъ числа нѣсколькихъ подобныхъ фактовъ, оглашенныхъ въ печати (а сколько не оглашенныхъ?), приведу слѣдующій, бывшій на пароходѣ *Ермакъ*. На этомъ пароходѣ прибыло изъ Тюмени въ Томскъ 37 семействъ переселенцевъ, у которыхъ было 18 дѣтей, больныхъ скарлатиной, и, кромѣ того, въ пути умерло трое дѣтей **). На обоихъ пароходахъ, на которыхъ мнѣ пришлось ѣхать, были больныя дѣти въ переселенческихъ семьяхъ, остававшіяся, разумѣется, безъ всякой помощи, пока кто-то изъ пассажировъ случайно не узналъ объ этомъ и не обратилъ на нихъ вниманія случившагося на пароходѣ врача. Хо-

*) Изъ общаго числа переселенцевъ, прослѣдовавшихъ въ 1885 г. черезъ Томскъ, изъ переселенцевъ, прибывшихъ водой, пользовались врачебною помощью около 13%, а изъ числа прибывшихъ сухимъ путемъ—8%.

**) *Памятн. книжка Томск. губ. на 1885 г.*, стр. 25.

дилъ даже слухъ, будто одинъ ребенокъ на сибирскомъ пароходѣ умеръ отъ дифтерита и былъ поспѣшно похороненъ на ближайшей пристани. Пароходная администрація тщательно отрицала этотъ фактъ, чтобы не смущать «чистую» публику, тѣмъ болѣе, что въ числѣ послѣдней былъ одинъ важный административный «чинъ», ѣхавшій на службу въ Сибирь съ семействомъ. Вообще говоря, плаваніе въ невозможной тѣснотѣ и особенно при неблагопріятной погодѣ въ осеннее время является отличнымъ средствомъ для развитія заразныхъ болѣзней. Именно эти болѣзни вмѣстѣ съ болѣзнями (желудочно-кишечными) отъ дурного питанія господствуютъ между переселенцами. На такіе факты, разумѣется, никто не обращаетъ вниманія. Да и кому дѣло до переселенцевъ? Господа капитаны, внимательные къ «хорошему» пассажиру, съ которымъ можно закусить и выпить, и лебезящіе передъ пассажиромъ, котораго, въ качествѣ «чина», можно трепетать, обращаютъ нуль вниманія на остальныхъ и въ особенности на безотвѣтныхъ «сѣрыхъ», привыкшихъ бояться всякаго начальства. Я, по крайней мѣрѣ, ни разу не видалъ, чтобы кто-нибудь изъ пароходнаго начальства, хотя бы для вида, позаботился взглянуть, какъ размѣщаются на ночь палубные пассажиры, спросить объ ихъ удобствахъ и т. п. Повидимому, подобныя заботы никогда не приходятъ никому въ голову, и когда одинъ нервный господинъ, изъ такъ-называемыхъ «безпокойныхъ пассажировъ» (чѣмъ дальше отъ столицъ, тѣмъ рѣже встрѣчается этотъ типичный русскій «безпокойный пассажиръ»), поднялъ-было вопросъ о тѣснотѣ помѣщенія переселенцевъ и возмутился, что съ нихъ берутъ за кипятокъ по 5 к., то сіяющій и щеголеватый нашъ капитанъ даже вытаращилъ свои маленькіе глазки, очевидно, удивленный подобному вмѣшательству не въ свое дѣло и едва ли понимавшій, какъ это тѣснота можетъ безпокоить палубнаго пассажира, да еще сиволапаго.

— Помилуйте! Чѣмъ имъ нехорошо? — воскликнулъ онъ.— На другихъ пароходахъ не такъ тѣснятся, а у насъ довольно даже помѣстительно. У насъ, съ позволенія сказать, на Волгѣ всякія такія «филантропіи» вовсе неизвѣстны. Никто изъ переселенцевъ не заявляетъ претензіи, и вы только себя напрасно безпокоите пылкимъ «воображеніемъ фантазіи»,—ядовито прибавилъ капитанъ.

Замѣтьте, что все это происходитъ на пассажирскихъ пароходахъ (гдѣ капитанъ все-таки «ночище»), на глазахъ у публики,—правда, публики въ большинствѣ случаевъ равнодушной къ подобнымъ фактамъ и не любящей впутываться

въ «исторіи», но среди которой нѣтъ-нѣтъ да и объявится вдругъ «безпокойный пассажиръ» съ сильно развитыми альтруистическими наклонностями и подыметъ «исторію». Что же дѣлается на буксирныхъ пароходахъ и на баржахъ, гдѣ, кромѣ переселенцевъ, никого нѣтъ? Тамъ ужъ вовсе не церемонятся съ людьми и нерѣдко обходятся совсѣмъ варварски. Такъ, напримѣръ, въ 1883 году, въ концѣ іюня мѣсяца, прибыла въ Томскъ на буксированной пароходомъ *Ершъ* баржѣ *Тура* огромная *партія переселенцевъ въ 2.500 человѣкъ, втиснутыхъ въ пространство, на которомъ едва бы могло помѣститься 800 человѣкъ*. Подвергаясь всякаго рода притѣсненіямъ со стороны пароходовладѣльца и, главное, терпя недостатокъ въ продовольствіи, партія эта привезла съ собою 80 дѣтей, больныхъ скарлатиною, корью, дифтеритомъ и кровавымъ поносомъ. На самой баржѣ найдено 5 труповъ, и въ первыя сутки по прибытіи умерло 9 дѣтей, а, по разсказамъ крестьянъ, во время перехода водой было еще 20 умершихъ. Изнуренные такими лишеніями, люди, очевидно, не могутъ устроить себѣ на зиму сносныя избы, а, скучиваясь въ самыхъ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, по нѣскольку семей вмѣстѣ, продолжаютъ бѣдствовать отъ недостатка пищи и отъ морозовъ. Всѣ эти люди составляютъ такимъ образомъ самую благопріятную для развитія заразныхъ болѣзней почву *).

Плохо приходится переселенцамъ и во время стоянокъ въ Тюмени, въ ожиданіи парохода. Несмотря на важность этого перевалочнаго пункта, тамъ до сихъ поръ не устроено никакихъ приспособленій, хотя въ этомъ городѣ и есть переселенческій чиновникъ. «Со слезами на глазахъ разсказываютъ переселенцы объ ужасахъ ихъ пребыванія въ Тюмени. Недостаточность помѣщенія вызвала страшную скученность. Людей валили, какъ скотъ, въ сараяхъ, въ хлѣвахъ, на открытомъ воздухѣ. О различіи половъ никто и не помышлялъ; о возрастахъ никому не приходила мысль. Въ одномъ сараѣ помѣстили до 3.000 переселенцевъ, между которыми была масса больныхъ. И въ такой обстановкѣ несчастнымъ приходилось мучиться семнадцать дней, такъ какъ пароходы ихъ не брали. Прождавъ 17 дней и испугавшись поголовной смерти, они возвратили въ пароходную контору обратно билеты и двинулись далѣе на лошадяхъ» **).

Но мытарства переселенцевъ не кончаются и тогда, когда они послѣ всѣхъ испытаній добираются наконецъ (случается,

---

*) *Санитарное состояніе Томской губерніи въ 1883 году (Памятн. книжка Томск. губ. на 1885 г.,* стр. 25 и 26).

**) См. *Сиб. Газету* (№ 36) и *Русск. Вѣд* (№ 211).

Христовымъ именемъ) до желанной «самары», какъ называютъ они Томскую губернію. Новыя и немалыя затрудненія ждутъ ихъ на этой «самарѣ» и особенно въ Алтайскомъ горномъ округѣ, куда главнымъ образомъ и стремятся переселенцы.

VI.

Мнѣ придется коснуться нѣкоторыхъ подробностей земельнаго неустройства старожиловъ Алтайскаго округа, т.-е. бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ и прежде переселившихся на Алтай бѣглыхъ изъ Россіи, чтобы читателю были понятнѣе причины затрудненій, испытываемыхъ на вольныхъ земляхъ переселенцами *). Эта безурядица, продолжающаяся до сихъ поръ, и сама по себѣ очень характерная, какъ иллюстрація картины безпорядка при обиліи земли, вліяетъ и на положеніе переселенцевъ и на отношенія старожиловъ къ нимъ—отношенія, бывающія иногда далеко не мирными. До сихъ поръ тамъ нерѣдки споры изъ-за земельныхъ границъ между новоселами и старожилами и между тѣми и другими и горнымъ вѣдомствомъ. Въ 1881 году изъ-за неправильныхъ требованій лѣсныхъ чиновъ были даже нѣкоторыя волненія среди алтайскихъ крестьянъ.

Начало этой безурядицы идетъ не со вчерашняго дня. Крестьянская реформа отозвалась на Алтаѣ освобожденіемъ горнозаводскихъ крестьянъ отъ обязательнаго труда и устройствомъ крестьянскихъ учрежденій, но положенія о земельномъ устройствѣ крестьянъ и о выкупѣ не примѣнены, въ виду того, что бо́льшая часть земель, занятыхъ бывшими заводскими крестьянами и разбросанныхъ на громадной площади, не была точно обмежевана. Нѣкоторыя изъ земель подверглись въ 20 годахъ обмежеванію, но столь неудовлетворительному, планы и поясненія на планахъ представляли такое несходство съ натурой, что подобное межеваніе не могло служить основаніемъ для земельнаго устройства бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ.

На основаніи этихъ-то соображеній и было постановлено: «Впредь до приведенія въ извѣстность земель Алтайскаго горнаго округа предоставить крестьянамъ, въ ономъ поселен-

---

*) Мало извѣстныя публикѣ свѣдѣнія о земельномъ неустройствѣ на «благодатномъ» Алтаѣ извлекаемъ изъ статьи: *Народонаселеніе Томской губерніи въ связи съ крестьянскими переселеніями*, составленной по офиціальнымъ даннымъ и напечатанной въ *Памятной книжкѣ Томск. губ. на 1884 годъ*, изданной статистическимъ комитетомъ.

нымъ, пользованіе всѣми усадебными, пашенными, сѣнокосными и другими угодьями въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ нынѣ угодья сіи въ ихъ пользованіи состоятъ», и за такое пользованіе въ доходъ кабинета Его Величества взыскивалось по 6 р. оброку съ каждой ревизской души.

Законъ этотъ сперва не вызывалъ никакихъ недоразумѣній, хотя неравномѣрность земельныхъ надѣловъ существовала и тогда. У однихъ селеній земли въ пользованіи было много, у другихъ мало; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на душу приходилось свыше 500 десятинъ земли, въ другихъ отъ 7 до 14, наконецъ были и такія, гдѣ надѣлъ колеблется между двумя и семью десятинами, и такимъ образомъ 6-ти-рублевый оброкъ ложился неравномѣрно. Въ виду возможности пользованія свободною землей на правахъ аренды, подобные порядки не имѣли существеннаго значенія на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока земли кабинета Его Величества не были открыты (въ 1865 году) для переселенія. Съ тѣхъ поръ границы «условнаго пользованія» стали мало-по-малу уничтожаться, а между тѣмъ никакихъ мѣръ къ болѣе правильному земельному устройству алтайскихъ крестьянъ не предпринималось, и земли все еще «не приведены въ извѣстность». Мало того, законъ, предоставлявшій алтайскимъ крестьянамъ неограниченное пользованіе угодьями въ размѣрахъ, въ какихъ они пользовались при обнародованіи положенія 8 марта 1861 г., былъ нарушенъ возстановленіемъ завѣдомо негодныхъ плановъ 20—30 годовъ, на основаніи которыхъ крестьянъ обязали пользоваться землей. Отсюда земельные споры о границахъ, до сихъ поръ не прекратившіеся и разоряющіе крестьянъ. Еще болѣе тягостными являются стѣсненія тѣхъ же крестьянъ въ пользованіи лѣсомъ. Хотя въ 1881 году и было разъяснено, что крестьяне могутъ пользоваться лѣсомъ въ предѣлахъ своихъ надѣловъ безусловно, а изъ заводскихъ дачъ за пользованіе болѣе цѣннымъ лѣсомъ на собственныя только надобности обязаны отбывать повинности—опалку заводскихъ дачъ и тушеніе лѣсныхъ пожаровъ,—тѣмъ не менѣе ни законъ ни разъясненіе его не исполнялись лѣснымъ вѣдомствомъ; оно запретило крестьянамъ пользоваться лѣсомъ въ предѣлахъ ихъ надѣловъ даже по неудовлетворительнымъ планамъ. Взрощенный и сберегаемый крестьянами лѣсъ вдругъ оказался подъ запрещеніемъ.

«Всѣ порубки въ этихъ лѣсахъ, даже на мелкія хозяйственныя подѣлки, преслѣдовались, лѣсъ конфисковался, налагались тройные штрафы, между тѣмъ тѣ же рощи, вслѣдствіе личныхъ недоразумѣній между крестьянами и лѣсною

стражей, отдавались на срубъ и полнѣйшее истребленіе разнымъ подрядчикамъ заводовъ. Опалка заводскихъ лѣсовъ обращена въ доходную статью низшихъ (?) лѣсныхъ чиновъ, которые, взимая съ крестьянъ, назначаемыхъ на опалку, откупъ отъ этой тяжелой повинности, проводятъ опалку небрежно, не доводя таковую до конца. Всѣмъ этимъ весьма просто объясняется то явленіе, что за время существованія здѣсь лѣсной стражи, въ теченіе 10 лѣтъ, лѣса Алтайскаго округа подвергаются ежегодно сильному истребленію отъ пожаровъ, и краю грозитъ полное обезлѣсеніе».

Факты подобнаго рода, сообщаемые въ офиціальномъ изданіи *(Пам. книжка на 1884 г.)*, показываютъ, какая неурядица существуетъ въ этихъ «свободныхъ земляхъ».

Всѣ эти неурядицы вмѣстѣ съ разными стѣснительными формальностями по отчисленію и перечисленію затрудняютъ устройство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ и не даютъ возможности переселенцамъ скоро пріобрѣсти ту обезпеченность, которой они были лишены на родинѣ. «Перечисленія» продолжаются года. «Мы имѣли случай видѣть людей,—говоритъ г. Ядринцевъ въ своей книгѣ *Сибирь, какъ колонія*:—живущихъ по 12 лѣтъ и болѣе по паспортамъ безъ перечисленія, точно такъ же, какъ и людей, лѣтъ по 11 хлопочущихъ о перечисленіи и находящихся въ переходномъ состояніи. Переселенецъ какъ бы не принадлежитъ ни тому ни другому обществу, но онъ несетъ и податную тяжесть и повинность на новомъ мѣстѣ, наконецъ онъ несетъ расходы по перечисленію». Съ этою долгою, обставленною разными проволочками процедурой перечисленія получается иногда,—по словамъ того же автора,—«комбинація самаго сложнаго и запутаннаго свойства, которую не можетъ ни разобрать канцелярія ни распутать сама жизнь». У г. Ядринцева былъ, напримѣръ, въ рукахъ документъ, въ которомъ «значится перечисленныхъ въ Сибирь 25 душъ крестьянъ; взысканіе на нихъ равняется 2.097 р. 33 к. Изъ этихъ 25 человѣкъ только 8 оказались въ живыхъ, а изъ нихъ только одинъ, имѣющій имущество, которое и подлежало продажѣ».

Сколько такихъ мытарствующихъ, «не причисленныхъ» по разнымъ причинамъ переселенцевъ, объ этомъ едва ли имѣются точныя свѣдѣнія. По сдѣланному въ 1880 году учету переселенцевъ въ Томской губерніи,—учету едва ли точному (статистика исправниковъ—извѣстно, какая статистика!), только въ двухъ округахъ названной губерніи (Бійскомъ и Барнаульскомъ) оказалось 3.972 семейства такихъ не причисленныхъ крестьянъ, которыхъ существованіе находится въ полной за-

висимости отъ снисходительности, разумѣется, не безкорыстной, сельскихъ и административныхъ властей, могущихъ всегда придраться за просрочку паспортовъ или безпись-менность. Нечего и прибавлять, какъ отзывается на такихъ переселенцахъ это долгое переходное состояніе.

Что же касается разсказовъ о «быстро развивающихся», «цвѣтущихъ» переселенческихъ колоніяхъ, вырастающихъ будто бы со скоростью грибовъ, то всѣ подобные разсказы, по словамъ мѣстныхъ наблюдателей,—не болѣе, какъ гиперболическія украшенія въ родѣ «винограда» на Амурѣ.

Тѣмъ не менѣе переселенцы идутъ и все болѣе идутъ на «самару», и если и не образуютъ цвѣтущихъ колоній, хотя бы похожихъ на нѣмецкія въ Новороссійскомъ краѣ, то все-таки въ концѣ концовъ устраиваются экономически лучше, чѣмъ дома. По крайней мѣрѣ, благодаря обилію земли, луговъ и лѣсу,—обилію, о которомъ они давно забыли на родинѣ,—можно жить безъ нужды, не рискуя шкурой за правильное поступленіе недоимокъ. Это-то сравненіе здѣшняго обилія земли со скудостью ея на родинѣ и вызываетъ нерѣдко восторженные отзывы о жизни на вольныхъ земляхъ, особенно со стороны болѣе раннихъ переселенцевъ. Но въ послѣднее время устройство переселенцевъ въ нашей «Америкѣ» дѣлается болѣе затруднительнымъ, если они не несутъ съ собой денежнаго запаса, что̀ бываетъ, разумѣется, рѣдко. Трудности эти, облегчить которыя ничего бы не стоило при нѣкоторомъ, болѣе внимательномъ отношеніи къ переселенческому вопросу со стороны государства, увеличиваются по мѣрѣ бо̀льшаго притока и обусловливаются, между прочимъ, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что движеніе направляется преимущественно на Алтай и предпочтительно въ одинъ излюбленный переселенцами Бійскій округъ, гдѣ уже и теперь начинаетъ чувствоваться тѣснота, вслѣдствіе безтолковаго разселенія новоселовъ въ названномъ округѣ. По словамъ одного наблюдателя, посѣтившаго многія алтайскія деревни въ прошломъ году, уже и теперь тамъ слышны жалобы, какъ бы «не сдѣлалось тѣсно, какъ въ Россіи», и эта-то тѣснота является нерѣдкимъ источникомъ недоразумѣній между старожилами и новоселами *).

Прежде, когда переселенія на «самару» не принимали большихъ размѣровъ, переселенцамъ на Алтай было гораздо легче устраиваться; старожилы охотнѣе принимали ихъ въ свои об-

*) Нѣкоторыя селенія Бійскаго округа разрослись до огромныхъ размѣровъ, вслѣдствіе прилива переселенцевъ, и земельныя угодья значительно уменьшились въ такихъ селеніяхъ уже и въ настоящее время.

щества и брали за пріемные приговоры меньшую плату, чѣмъ теперь, когда плата за пріемъ колеблется между 50 и 60 рублями съ переселенческой семьи, не считая другихъ расходовъ, обязательныхъ для новоселовъ *). Теперь же нѣкоторыя общества и совсѣмъ отказываютъ въ пріемѣ новоселовъ, разсчитывая, что въ будущемъ самимъ старожиламъ понадобятся свободныя теперь земли. Немалую роль играетъ и неопредѣленность земельнаго устройства алтайскихъ крестьянъ, заставляя ихъ бояться за будущее и косо посматривать на пришельцевъ, занимающихъ земли. Границы участковъ, отводимыхъ вновь образуемымъ селеніямъ переселенцевъ, нерѣдко возбуждаютъ споры, и причина ихъ главнымъ образомъ кроется въ отсутствіи правильнаго обмежеванія участковъ **).

Понятно, что расходы ***), необходимые для приписки къ какому-нибудь обществу и для обзаведенія, оказываются въ первое время подъ силу лишь немногимъ переселенцамъ. Случается, что пріѣзжаютъ на «самару» и такіе, что̀ имѣютъ даже тысячу рублей про запасъ, но такихъ «тысячниковъ» капля въ морѣ. Громадное большинство является на мѣсто ни съ чѣмъ или съ самымъ ничтожнымъ запасомъ. Такимъ переселенцамъ, прежде чѣмъ сѣсть на хозяйство, приходится нерѣдко батрачить у мѣстныхъ крестьянъ, при чемъ трудъ ихъ оплачивается хлѣбомъ, лѣсомъ на постройку и частью деньгами. Нельзя сказать, судя по разсказамъ наблюдателей, чтобы старожилы по-братски разсчитывались съ «Россіей». Они не прочь закабалить при случаѣ рабочаго, и тогда переселенцу приходится жутко. Имѣющіе какую-нибудь возможность заняться по прибытіи на мѣсто земельнымъ трудомъ сразу же принимаются за дѣло, не стѣсняясь захватывать свободныя земли, принадлежащія старожиламъ, что̀ вызываетъ со стороны послѣднихъ жалобы. Въ свою очередь, и старожилы тѣснятъ новоселовъ. Пустятъ сперва переселенцевъ къ себѣ, продадутъ имъ дома, увѣряя, что обзаведшійся домомъ легче получитъ пріемный приговоръ, и затѣмъ отказываютъ въ пріемѣ и выживаютъ новоселовъ. Дѣло доходитъ до серьезныхъ столкновеній. Переселенцы, разсчитывавшіе на «перечисленіе» и затратившіе на покупку домовъ послѣднія деньги,

*) Въ 1875 г. въ одной деревнѣ Бійскаго округа за пріемный приговоръ брали отъ 10 до 20 руб. съ семьи; въ 1877 г. въ той же деревнѣ брали 35, а въ 1879—до 55 руб.

**) Переселенцы, по опыту знающіе бѣды отъ малоземелья, являются, по словамъ наблюдателей, главными подстрекателями въ земельныхъ спорахъ. Они подбиваютъ и старожиловъ требовать точнаго разграниченія по планамъ.

***) Около 300 руб. на семью.

добровольно не уходятъ, несмотря на приговоры о выдвореніи. Въ одной изъ волостей, гдѣ старожилы сперва было-позволили поселиться новоселамъ, но, увидавъ значительный ихъ наплывъ, испугались «тѣсноты», былъ постановленъ приговоръ просить исправника объ удаленіи новоселовъ «въ виду упадка сельскаго благосостоянія», и исправникъ предписалъ волостному старшинѣ «не допускать заниматься хлѣбопашествомъ всѣхъ не причисленныхъ переселенцевъ и, назначивъ имъ сроки для пріисканія другого мѣста жительства, выдворить».

Были случаи, когда обострившіяся отношенія доходили до того, что старожилы, желая выжить новоселовъ, ломали у послѣднихъ печи и сносили дома. Вообще отношенія между тѣми и другими ухудшаются по мѣрѣ наплыва переселенцевъ, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Бійскаго округа, является страхъ за недостатокъ земли въ будущемъ,—страхъ, вызванный въ старожилахъ разсказами же новоселовъ о тѣснотѣ въ Россіи и о высокой арендной цѣнѣ на землю. Мѣстный наблюдатель, бывшій въ селѣ, гдѣ происходило столкновеніе старожиловъ съ новоселами, и посѣтившій нѣсколько алтайскихъ деревень, разсказывалъ, что изъ бесѣдъ со стариками и изъ опросовъ многихъ переселенцевъ онъ вывелъ заключеніе, что вообще старожилы не прочь эксплоатировать и тѣснить переселенцевъ. Жалобы другъ на друга—обыкновенная вещь. Старожилы говорятъ, что «россійскіе» обманно водворяются въ деревняхъ, самовольно выпахиваютъ лучшія мѣста, занимаютъ угодья, пользуются лѣсомъ и т. п., а переселенцы, въ свою очередь, утверждаютъ, что они выпахиваютъ «вольныя» земли, втунѣ лежащія, что лѣсъ божій, что его, слава Богу, много, не то что въ Россіи, и жалуются на старожиловъ, что тѣ ихъ «не признаютъ»: обѣщали принять въ общество, пили водку на ихъ счетъ, продали за высокую цѣну дома, а теперь гонятъ.

Основываться сразу на новыхъ участкахъ и такимъ образомъ избѣжать расходовъ по пріемнымъ приговорамъ и столкновеній съ старожилами не всегда возможно для обнищавшихъ въ дорогѣ переселенцевъ, особенно такихъ, которые переселяются малыми партіями и идутъ по зову родственниковъ или земляковъ въ опредѣленныя селенія. Да и вообще-то русскій человѣкъ любитъ жаться къ людямъ. Переселяющіеся большими партіями, въ нѣсколько десятковъ семействъ, нерѣдко прямо съ дороги садятся на участки, занятые ходоками, и опять-таки вслѣдствіе неимѣнія средствъ нескоро

еще входятъ въ силу. Тотъ же самый изслѣдователь, со словъ котораго я уже привелъ нѣкоторые факты, разсказывалъ, что онъ видѣлъ новые поселки, гдѣ переселенцы уже поселились три года. Въ одномъ изъ такихъ поселковъ люди все еще жили въ землянкахъ, полныхъ сырости. Зайдя въ одну изъ такихъ землянокъ, онъ нашелъ больную бабу и дѣтей въ рубищахъ. Изъ разсказовъ нѣсколькихъ домохозяевъ видно было, что они не особенно довольны «самарой»; жаловались, что не могутъ никакъ сбиться съ постройкой и наладить хозяйство; жаловались, что земля неважная, что лѣсъ и вода далеко; вообще положеніе этихъ піонеровъ производило тяжелое впечатлѣніе.

Ко всѣмъ этимъ неурядицамъ слѣдуетъ еще прибавить и жалобы на то, что вновь назначенные въ Алтайскомъ горномъ округѣ для заселенія участки не особенно удобны для земледѣлія. Расположенные въ горахъ и пригодные для скотоводства, они пугаютъ обитателей равнинъ, и переселенцы избѣгаютъ этихъ мѣстъ, предпочитая устраиваться на болѣе ровныхъ мѣстахъ, хотя бы и при относительной тѣснотѣ. Объ отводѣ «вольныхъ земель» на Амурѣ и около Владивостока идутъ отъ возвращающихся переселенцевъ еще болѣе безотрадные слухи; мѣста, указываемыя чиновниками, завѣдующими переселенческимъ дѣломъ, оказываются никуда негодными, и нерѣдко амурскіе переселенцы, послѣ долгихъ мытарствъ, возвращаются въ конецъ обнищавшими назадъ, горько сѣтуя, что ихъ обманули землями, и жалуясь на равнодушіе амурскихъ переселенческихъ агентовъ.

VII.

Даже и изъ этихъ неполныхъ и отрывочныхъ замѣчаній не трудно вывести заключеніе о безотрадномъ положеніи переселенческаго дѣла въ настоящемъ его видѣ. Между тѣмъ дѣло это, помимо простой человѣческой справедливости, требуетъ самаго серьезнаго вниманія. Вѣдь бѣгутъ отъ вопіющей нужды, вслѣдствіе малоземелья, тысячи человѣкъ, бѣжало бы и больше, если бы были средства для дороги. Необходима серьезная помощь со стороны государства, не жалѣющаго плодить нищету и разводить разныя «дѣла», доставляя бездѣльныя занятія производителямъ этихъ «дѣлъ», наполняя тюрьмы за воровство и прибѣгая къ традиціонной поркѣ для полученія недоимокъ, получить которыя, очевидно, невозможно. Необходимо болѣе правильное и, главное, болѣе просвѣщенное урегулированіе крестьянскихъ переселеній, при чемъ выборъ людей, посылаемыхъ для наблюденія за ними, долженъ быть очень тщателенъ. Вѣдь отъ этихъ людей зависитъ

нерѣдко буквально участь людей! Боже сохрани, разумѣется, чтобы переселенческое дѣло попало въ руки чиновниковъ, то-есть чтобы разселенія происходили по ихъ указанію. Прежніе опыты принудительной колонизаціи (особенно при заселеніи Амура), кажется, убѣдили, къ какимъ нелѣпостямъ и бѣдамъ ведетъ подобная колонизація. Надо, конечно, предоставить полную свободу самимъ переселенцамъ селиться, гдѣ они хотятъ, выбирать мѣста, какія они знаютъ (лучше самихъ заинтересованныхъ никто не распорядится), но необходимо заранѣе давать вѣрныя свѣдѣнія о свободныхъ земляхъ, объ условіяхъ пользованія ими и т. п. и сообщать ихъ въ земства. Вообще, не мѣшало бы желающимъ переселиться дать возможность хотя нѣсколько познакомиться съ тѣмъ, что̀ ожидаетъ ихъ впереди: со стоимостью пути, съ расходами по перечисленію, — словомъ, съ тѣми нехитрыми свѣдѣніями, знаніе которыхъ значительно облегчитъ движеніе переселенцевъ. Въ то же время необходимо устроить на всѣхъ важныхъ пунктахъ переселенческія станціи, гдѣ бы переселенцы могли найти хотя какой-нибудь призоръ, и, что̀ главнѣе всего, серьезно помочь нуждающимся переселенцамъ при уходѣ изъ дома и при устройствѣ на новыхъ мѣстахъ. Такая помощь, хотя бы въ видѣ займа, съ раскладкою на нѣсколько лѣтъ, конечно, не ляжетъ бременемъ на государство, если бы даже и потребовала значительныхъ суммъ, такъ какъ подобный расходъ дѣйствительно производительный. Если бы для нашихъ переселенцевъ, гонимыхъ нуждой во всѣхъ ея видахъ, была сдѣлана хотя десятая доля того, что̀ дѣлало правительство для нѣмецкихъ колонистовъ при заселеніи нашихъ южныхъ окраинъ, то не было бы этихъ раздирающихъ душу картинъ, которыя можно видѣть на пристаняхъ, въ городахъ, по сибирскимъ дорогамъ, и не было бы всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя испытываютъ переселенцы при устройствѣ.

То, что̀ сдѣлано въ послѣднее время для облегченія переселенцевъ, представляется робкою попыткой, имѣющей характеръ филантропической мѣры, при чемъ эта филантропія проявляется въ очень умѣренныхъ дозахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя направляется переселенческое движеніе, есть чиновники, на обязанности которыхъ лежитъ учетъ переселенцевъ, содѣйствіе имъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказаніе денежной помощи, но деньги, отпускаемыя на этотъ предметъ, такъ ничтожны, что помощь эта или, вѣрнѣе, милостыня (въ большинствѣ случаевъ заимообразная), оказываемая самой вопіющей переселенческой нищетѣ, конечно, не приноситъ переселенцамъ существенной пользы.

Я не знаю, какова дѣятельность, напримѣръ, тюменской переселенческой станціи, гдѣ находится чиновникъ, наблюдающій за переселеніемъ, — знаю только, что до настоящаго времени въ этомъ весьма сложномъ перевалочномъ пунктѣ переселенческаго движенія не устроено даже какого-нибудь барака, и въ этомъ городѣ возможны были возмутительныя сцены безпризорности людей, подобныя сценамъ, описаннымъ выше; но дѣятельность томской переселенческой станціи, гдѣ съ лѣта 1884 года находится чиновникъ, командированный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ, заключается въ слѣдующемъ. Съ лѣта 1885 года, вблизи пароходной пристани, въ пяти верстахъ отъ города, устроены два барака съ большимъ огороженнымъ пространствомъ для размѣщенія телѣгъ и лошадей. Бараки, правда, небольшіе и при скопленіи большихъ партій далеко не вмѣщающіе всѣхъ пристающихъ, но переселенцы, разумѣется, рады и такому сюрпризу, находя пристанище и избавляясь отъ платы за квартиры въ городѣ, гдѣ имъ приходится останавливаться, иногда на цѣлую недѣлю, для закупки лошадей и телѣгъ, чтобы слѣдовать далѣе. При баракахъ въ теченіе всего лѣта находились докторъ и фельдшеръ, осматривавшіе каждую партію по ихъ прибытіи и подававшіе заболѣвшимъ медицинскую помощь *). Больные, преимущественно дѣти, помѣщаются вмѣстѣ съ здоровыми, но для заразныхъ больныхъ при баракахъ есть отдѣльное помѣщеніе на 18 человѣкъ. Затѣмъ, денежныя пособія, выданныя изъ суммъ, находившихся въ распоряженіи завѣдующаго переселенческимъ дѣломъ чиновника, представляются въ такомъ микроскопическомъ размѣрѣ.

Изъ числа 5.589 человѣкъ переселенцевъ **) (въ томъ числѣ

---

*) По словамъ врача, пользовавшаго переселенцевъ, большая часть взрослыхъ больныхъ страдала болѣзнями отъ дурного питанія. Серьезное лѣченіе больныхъ, разумѣется, было невозможно; переселенцы торопились ѣхать, и даже тяжко больные не оставались, не желая отбиваться отъ партій.

**) Приводимъ любопытную и характерную таблицу, показывающую, изъ какихъ губерній шли переселенцы въ нынѣшнемъ году.

1)	Изъ	Тамбовской . .	1303	человѣка	и 11	ходоковъ	отъ 65	семей.
2)	»	Курской . . .	956	»	20	»	» 67	»
3)	»	Вятской. . . .	566	»	38	»	» 55	»
4)	»	Пермской . . .	551	»	38	»	» 124	»
5)	»	Орловской. . .	413	»	13	»	» 17	»
6)	»	Обл. В. Донского	296	»	—	»	» —	»
7)	»	Пензенской . .	173	»	3	»	» 3	»
8)	»	Черниговской .	169	»	8	»	» 10	»
9)	»	Томской. . . .	123	»	2	»	» 2	»

149 ходоковъ), составляющихъ 992 семьи, получили пособіе: заимообразно 111 семей — 1.280 рублей и безвозвратно 72 семьи—280 руб., а всего 183 семьи получили 1.560 руб., что среднимъ числомъ составитъ 8 руб. 53 коп. на семью.

О дѣятельности лицъ, завѣдующихъ переселенческимъ дѣломъ въ Сибири на мѣстахъ разселенія, точныхъ свѣдѣній я не имѣю. Знаю только, что при горномъ управленіи Алтайскаго округа находится отдѣльное управленіе земельною частью съ нѣсколькими чиновниками. Сколько слышно, дѣятельность ихъ во многомъ парализуется горнымъ управленіемъ, и хаотическое состояніе «временнаго» земельнаго устройства на Алтаѣ, разумѣется, не можетъ быть поставлено имъ на счетъ. Но «тѣснота», напримѣръ, въ Бійскомъ округѣ, происходящія вслѣдствіе того столкновенія старожиловъ съ новоселами и наконецъ не всегда удачный выборъ участковъ, предназначенныхъ къ заселенію, — все это прямо касается ихъ. Насколько свѣдущи гг. чиновники въ сельскомъ хозяйствѣ и насколько знакомы съ мѣстными условіями того края, въ которомъ они должны «содѣйствовать» переселенцамъ, сказать не могу, но, судя по свѣдѣніямъ о «мѣстныхъ условіяхъ», сообщаемымъ ими въ имѣющемся у меня въ рукахъ напечатанномъ *Спискѣ вновь образованнымъ селеніямъ и свободнымъ участкамъ, предназначеннымъ къ заселенію въ горномъ Алтай-*

10)	Изъ	Воронежской. .	107	человѣкъ	и	2	ходока	отъ	2 семей.
11)	»	Тобольской . .	93	»		—	»	»	— »
12)	»	Рязанской. . .	90	»		5	»	»	5 »
13)	»	Самарской. . .	87	»		2	»	»	7 »
14)	»	Полтавской . .	79	»		3	»	»	8 »
15)	»	Вологодской. .	66	»		2	»	»	2 »
16)	»	Казанской . .	63	»		1	»	»	1 »
17)	»	Радомской . .	58	»		—	»	»	— »
18)	»	Нижегородской.	36	»		—	»	»	— »
19)	»	Уфимской. . .	28	»		—	»	»	— »
20)	»	Костромской .	27	»		—	»	»	— »
21)	»	Калужской . .	25	»		—	»	»	— »
22)	»	Екатеринославской	24	»		—	»	»	— »
23)	»	Владимірской .	24	»		—	»	»	— »
24)	»	Харьковской .	18	»		—	»	»	— »
25)	»	Тульской . . .	15	»		1	»	»	3 »
26)	»	Смоленской . .	11	»		—	»	»	— »
27)	»	Астраханской .	10	»		—	»	»	— »
28)	»	Кѣлецкой . . .	10	»		—	»	»	— »
29)	»	Ковенской. . .	7	»		—	»	»	— »
30)	»	Енисейской . .	5	»		—	»	»	— »
31)	»	Симбирской . .	3	»		—	»	»	— »
32)	»	Оренбургской .	2	»		—	»	»	— »
33)	»	Тверской . . .	2	»		—	»	»	— »

Итого 5.440 человѣкъ и 149 ходоковъ отъ 371 семьи.

скомъ округѣ,—спискѣ, подписанномъ г. начальникомъ округа, компетентность составителей *Списка* въ сельскохозяйственныхъ описаніяхъ очень слаба. *Описанія* участковъ не даютъ даже и приблизительнаго представленія о томъ, что̀ найдетъ переселенецъ, лаконичны до смѣшного и сильно отзываются канцелярскою отпиской *).

Эта язва «канцелярщины», безъ толку причиняющая людямъ немало страданій, особенно, какъ слышно, свирѣпствуетъ на Амурѣ. На «неудовлетворительность» тамошнихъ переселенческихъ порядковъ жалуются возвращающіеся переселенцы и указываетъ мѣстная печать. По признанію одного лица, близко стоявшаго къ амурскому переселенческому управленію, существующему, кстати замѣтить, уже нѣсколько лѣтъ, «во все время существованія управленія въ его составѣ *не было ни одного лица, знакомаго съ агрономіей,* такъ что вся дѣятельность управленія сводилась къ канцелярской переписке и ко всякаго рода «бумажной дѣятельности» **).

Но, какъ ни затрудняютъ переселенцевъ лица, обязанныя имъ содѣйствовать, какимъ испытаніямъ ни подвергаются переселенцы въ пути и какихъ только мытарствъ ни предстоитъ имъ на новыхъ земляхъ, но до̀ма такъ сильно «утѣсненіе», что партія за партіей идутъ въ далекія страны, идутъ

---

*) Списываю для образца нѣкоторыя изъ этихъ *описаній,* очевидно, назначенныхъ для руководства переселенцевъ, во всей ихъ прелестной неприкосновенности. Эти «описанія» помѣщены противъ названія каждаго участка, въ графѣ подъ такой рубрикой: «Направленіе отъ г. Барнаула до поименованныхъ участковъ и селеній и *мѣстныя условія*» (при этомъ въ *Спискѣ* не упомянуто количество земли, а помѣщено только число «душъ», которымъ можно поселиться).

«Названія:

«1) Деревня Вознесенская.—*Мѣстность ровная, степная.*

«2) Деревня Дубровина.—*Мѣстность ровная, степная.*

«3) Деревня Березовка.— *Мѣсто каменистое, гористое, для хлѣбопашества имѣются черноземныя мѣста.*

«4) Малышевъ-Логъ. — *Мѣстность ровная, степная, сосновый лѣсъ въ 1 верстѣ. Церковь въ 50 верстахъ.*

«5) Участокъ по р. Средней Терсти.—О «мѣстныхъ условіяхъ» ни слова.

«6) Деревня Воскресенская.—*Мѣсто холмистое.*

«7) Участокъ по рѣчкамъ Пичерепу, Карагумышу и Березовой.—*Лѣсъ мѣшанный въ 3 верстахъ; мѣстность ровная*».

И все въ такомъ же лаконическомъ родѣ. Видно, гг. чиновникамъ, кромѣ «ровнаго мѣста», нечѣмъ подѣлиться. Положимъ, ходоки лично осматриваютъ земли, но, если-бъ описанія составлялись болѣе толково, ходокамъ, разумѣется, пришлось бы странствовать въ поискахъ за подходящими участками гораздо менѣе, и переселенческія партіи, прибывающія безъ ходоковъ, могли бы лучше оріентироваться при меньшей повѣствовательной скупости «описаній».

**) Газета *Владивостокъ*, № 22. См. замѣтку г. Гребенщикова.

часто Христовымъ именемъ, эти искатели новаго счастія, старающіеся разрѣшить трудную проблему: гдѣ же наконецъ хорошо жить русскому человѣку?

Переселенцы, ѣхавшіе съ нами до Перми, шли изъ разныхъ мѣстъ. Были тутъ и тамбовцы (ихъ больше другихъ), и воронежцы, и куряне, были и вятскіе, двѣ семьи тронулись съ тихаго Дона. На вопросы о причинахъ переселенія— одни и тѣ же стереотипные отвѣты: малоземелье, высокая арендная плата, невозможность справиться съ «поданями». Вятчане шли изъ-за лѣсу, «лѣсомъ утѣсняли». Съ Дона шли не казаки, а приписные, — тѣснили землей, и кромѣ того соблазнило письмо сродственниковъ: разбогатѣли на «самарѣ» и зовутъ. Большинство переселенцевъ шло на «самару» и немногіе на Амуръ. Народъ все крѣпкій, здоровый, еще не утомленный долгимъ путемъ. Мужчины хотя и выражали сожалѣніе, что пришлось покинуть дѣдовскія могилки (особенно старики жаловались), но вообще относились къ будущему съ надеждой, «только бы добраться до самары», но бабы, по обыкновенію, сомнѣвались, и мнѣ случалось слышать—особенно часто на сибирскомъ пароходѣ — какъ бабы при всякомъ случаѣ путевыхъ затрудненій упрекали мужиковъ. «То ли еще будетъ!»—жалобно вздыхали многія изъ нихъ, подбавляя яду горечи въ сердца мужчинъ, и безъ того сумрачныхъ, если путевые расходы оказывались болѣе предположенныхъ. Вообще женскій элементъ, сколько я замѣтилъ, съ большимъ недовѣріемъ взиралъ на будущее, рисуя его въ мрачномъ видѣ, и съ большимъ сокрушеніемъ вспоминалъ объ оставленныхъ гнѣздахъ, стараясь, въ противоположность мужикамъ, представить прошлое житье дома въ болѣе розовыхъ краскахъ. Особенно безотрадно вздыхали старухи, не смѣя однако очень жаловаться въ присутствіи большаковъ.

Во время пути на пароходѣ изъ Тюмени до Томска мнѣ пришлось быть даже свидѣтелемъ, какъ изъ-за одной бабы чуть-было не произошелъ въ одной семьѣ настоящій семейный бунтъ. Семья эта состояла изъ отца съ женой и двухъ сыновей съ женами-молодухами. Направлялись они изъ Мглинскаго уѣзда, Черниг. губ., подъ Бійскъ (куда именно—и сами точно не знали) по вызову земляковъ, переселившихся на «самару» три года тому назадъ. Глава семьи, серьезный, сосредоточенный мужикъ, стѣснявшійся въ дорожныхъ расходахъ и харчившійся крайне скупо, въ разговорѣ какъ-то обронилъ, что запаса у нихъ мало, развѣ что добраться до мѣста, и спрашивалъ: «поможетъ ли казна?» Я замѣтилъ, что при словахъ старика младшая его невѣстка, молодая, приго-

жая, бойкая баба, ядовито усмѣхнулась и незамѣтно подтолкнула локтемъ мужа, смирнаго на видъ молодого мужика, съ добрыми большими глазами, однако ничего не сказала и продолжала слушать вмѣстѣ съ другими главу семьи. Спустя нѣсколько времени, подойдя къ этой семьѣ въ отсутствіе старика, я было-спросилъ старшаго сына, доволенъ ли онъ переселеніемъ, какъ вдругъ молодая бабенка заговорила. Она подсмѣивалась надъ дураками, которыхъ «сбиваютъ старики», и съ какою-то порывистостью доказывала, что лучше вернуться, пока еще не поздно. «И безъ того натерпѣлись дорогой, а что̀ еще будетъ—про то Господь знаетъ...» Слова ея, повидимому, находили полное одобреніе въ женскихъ членахъ семьи. Старуха одобрительно покачивала головой, по временамъ пугливо озираясь, старшая невѣстка поддакивала, а оба брата молчали, при чемъ старшій взглядывалъ съ такимъ видомъ, словно бы просилъ снисхожденія за глупую бабу.

Молодая баба говорила съ торопливою страстностью долго сдерживаемаго негодованія и во время рѣчи то и дѣло вскидывала на мужа вызывающій взглядъ, какъ будто ожидая отъ него одобренія и поддержки. Ея красивое лицо оживилось; въ темныхъ глазахъ искрился недобрый огонекъ. Но мужъ молчалъ. Видимо смущенный ея рѣчами, онъ все безпокойно поглядывалъ на стоявшую впереди, у дымовой трубы, кучку мужиковъ, среди которой былъ отецъ.

— Ну, будетъ, будетъ тебѣ! — вдругъ мягко остановилъ онъ жену, указывая глазами на подходившаго главу семьи.

Молодуха взглянула на мужа взглядомъ, полнымъ презрѣнія, какъ-то брезгливо повела плечами, однако тотчасъ же смолкла.

Я отошелъ въ сторону, не переставая наблюдать за этою семьей. Я видѣлъ, какимъ строгимъ, пытливымъ взоромъ обвелъ старикъ младшую невѣстку и сыновей. Молча усѣлся онъ на мѣсто и, нѣсколько спустя, сообщилъ, обращаясь къ старшему сыну, что сибирскій мужикъ сейчасъ разсказывалъ, будто въ Томскомъ навѣрное отъ казны даютъ пособіе.

— Сказывали люди, быдто и въ Тюмени даютъ, а ничего не дали!—вдругъ проговорила насмѣшливымъ тономъ неугомонная баба.

Я ждалъ, что будетъ сцена, что патріархъ немедленно оборветъ эту протестантку. Но старикъ только повелъ на нее глазами и, будто не обращая никакого вниманія на ея слова, продолжалъ:

— И хвалитъ же мѣста! Благодать, говоритъ, Господня, а не мѣста, на самарѣ! Не то что̀ у насъ.

Всѣ слушали патріарха молча. Старикъ, видно, ждалъ что хоть старшій сынъ обмолвится сочувственнымъ словомъ, но и онъ не промолвилъ въ отвѣтъ ни звука. Ясно было, что все семейство шло на «самару» лишь по волѣ большака. Еще суровѣе и подозрительнѣе взглянулъ старикъ на невѣстку и замолчалъ.

Ночью, осторожно проходя среди тѣсныхъ рядовъ спящихъ переселенцевъ, я совершенно неожиданно увидалъ эту самую бабу съ мужемъ, далеко отъ мѣста, занимаемаго ихъ семьей. Оба они стояли у входного люка въ каюту второго класса и вели какую-то таинственную бесѣду. Говорила, впрочемъ, больше она. Среди ночной тишины, прерываемой мѣрнымъ стукомъ пароходной машины, доносился ея тихій голосъ. То нѣжныя до ласки, то гнѣвныя до угрозы ноты низкимъ шопотомъ разносились въ воздухѣ. Временами она возвышала голосъ, и обидная, ѣдкая насмѣшка надъ тряпичностью мужа вылетала изъ ея груди. Изъ обрывковъ долетавшаго разговора я понялъ, что баба уговаривала мужа немедленно вернуться въ Россію, съ ближайшей пристани. Она убѣждала, грозила. Можно потребовать свою часть у «стараго дьявола». И вслѣдъ за этимъ послышался мягкій, нѣжный шопотъ. Ласковыми словами манила она мужа домой. До моего слуха долетѣли какія-то увѣренія «любить по-хорошему».

Вѣроятно, «заговорщики» замѣтили меня. Разговоръ внезапно оборвался. Обѣ фигуры оставили укромное мѣсто. Захваченные на открытой части палубы полосой блѣднаго свѣта луны, они, словно тѣни, скрылись въ темнотѣ, за трубой, и я спустился въ каюту.

На утро, проходя мимо черниговцевъ, я понялъ, что въ этой семьѣ произошла крупная семейная ссора. Старуха, старшая невѣстка и оба сына сидѣли смущенные, покорно притихшіе, словно только-что наказанныя и чувствующія свою вину дѣти. Зато на лицахъ старика и молодухи еще не скрылись слѣды сильной душевной бури. Старикъ былъ сосредоточенно мраченъ и гнѣвенъ, а энергичное лицо молодой женщины дышало вызовомъ и затаенною злобой существа, покореннаго, но не побѣжденнаго грубою силой. Глаза ея были красны отъ слезъ, но вздрагивающія тонкія губы попрежнему складывались въ язвительную усмѣшку. Видно было, что эта баба не изъ покорныхъ; чувствуетъ свою силу и еще задастъ немало задачъ этой семьѣ.

Среди сосѣдей-переселенцевъ шли разговоры о бывшемъ рано утромъ скандалѣ. «Старикъ поучилъ и сыновей и невѣстку... И подѣломъ. Вздумали бунтовать. Дѣлиться вдругъ

на дорогѣ захотѣли—одинъ срамъ. И все изъ-за этой шельмы-бабы...»

— Мало еще онъ ее, безстыжую, уму-разуму училъ! — задорно разсказывалъ смиренный такой на видъ, мозглявый мужичонка.—Я бы ее, шельму, не такъ выучилъ... Я бы въ кису ей наклалъ, подлой... Не бунтуй...

— О-о-охъ, Господи Іисусе! — вздохнула старушонка.— Виданное ли это дѣло бабѣ да бунтовать?

— То-то и есть. До мѣста не дошли, а она... эко дѣло выдумала... ворочаться назадъ. И мужиковъ молодыхъ смутьянила!..

Переселенцы, бывшіе съ нами на волжскомъ пароходѣ, имѣли самыя смутныя представленія объ обѣтованной «самарѣ». Никто и не подозрѣвалъ о предстоящихъ затрудненіяхъ и мытарствахъ на новыхъ мѣстахъ. У всѣхъ на языкѣ была надежда на вольную землю и на Господа Бога. «Господь не оставитъ!» Многіе не знали, далеко ли еще ѣхать и гдѣ придется поселиться. О существованіи переселенческихъ чиновниковъ никто не слыхалъ, о переселенческой станціи въ Томскѣ—тоже. О пособіи отъ казны между переселенцами ходилъ смутный говоръ. Нѣкоторые говорили, что, «слышно, даютъ» желающимъ, и даже цифра опредѣлялась—отъ двухъ до пяти рублей,—но гдѣ именно получаются деньги и куда обратиться за ними, никто не зналъ.

Возвращавшійся въ Сибирь, послѣ полуторагодовой побывки на родинѣ, смышленый, бывалый бѣлоруссъ, мужикъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ умнымъ, добрымъ лицомъ, державшій себя съ чувствомъ собственнаго достоинства и съ тою независимостью, которая составляетъ отличительную черту сибирскаго мужика, не знавшаго крѣпостного права, сомнѣвался насчетъ выдачи пособія. По его мнѣнію, едва ли казна станетъ выдавать, а если и въ самомъ дѣлѣ выдаетъ, то «чиновники» попридержатъ. Вообще о сибирскихъ чиновникахъ онъ былъ крайне невысокаго мнѣнія и не безъ юмора разсказывалъ разныя исторіи спеціально сибирскаго характера собравшемуся вокругъ него кружку переселенцевъ.

Этотъ бѣлоруссъ прожилъ лѣтъ двадцать въ Сибири, въ Тобольской губерніи. Онъ изъ поселенцевъ, но недавно получилъ право выѣзда въ Россію. Ѣздилъ онъ на родину вмѣстѣ съ женой, чтобы привезти къ себѣ старушку-мать. Заработавъ на возвратный путь, онъ возвращался теперь снова въ Тобольскую губернію, гдѣ живетъ въ деревнѣ среди коренныхъ сибиряковъ. Жить въ Сибири, по его словамъ, можно, насчетъ земли и лѣса вольно, но зато тѣснитъ на-

чальство. «Ты съ нимъ держи ухо вестро—всѣ деньги вымотаетъ, если есть!» И коренной сибирякъ, по его словамъ, не долюбливаетъ пришлаго, особенно поселенца. «Народъ, прямо сказать, грубый! Ну, и то сказать, и между россейскими немало разныхъ «жигановъ» да «баклановъ»... Сибирякъ и боится!»—прибавилъ бѣлоруссъ.

Жадно ловятъ каждое слово о «самарѣ» переселенцы. И когда, въ первый же вечеръ нашего плаванія, одинъ чахоточный студентъ-сибирякъ, ѣхавшій изъ Москвы лѣчиться на кумысъ, сталъ разсказывать сосѣду своему на палубѣ, переселенцу на Алтай, о тамошнихъ мѣстныхъ условіяхъ, то не прошло и пяти минутъ, какъ вокругъ него собралась толпа, слушавшая въ благоговѣйномъ вниманіи интересную рѣчь студента. Онъ самъ бывалъ на Алтаѣ и вообще интересовался переселенческимъ дѣломъ. Отъ него ѣхавшіе съ нами переселенцы впервые узнали о существованіи переселенческихъ чиновниковъ, о пристанищѣ въ Томскѣ, о выдачѣ пособій, о стоимости дальнѣйшей дороги, о томъ, какъ перечисляться, короче говоря, благодаря студенту, они совершенно *случайно* получили тѣ простыя, но важныя для нихъ свѣдѣнія, которыя хотя нѣсколько облегчатъ безцѣльныя мытарства многихъ десятковъ людей.

Долго не расходились слушатели. Одни смѣнялись другими. Больному, блѣдному, исхудалому разсказчику приходилось нѣсколько разъ повторять одно и то же и отвѣчать на разные вопросы. Но онъ, казалось, не зналъ усталости и съ готовностью дѣлился тѣмъ, что̀ зналъ. Уже поздно вечеромъ разошлась послѣдняя аудиторія, поблагодаривъ разсказчика съ трогательною простотой и преувеличенною признательностью людей, не привыкшихъ пользоваться подобнымъ вниманіемъ со стороны «господъ». И надо было видѣть, какъ жалѣли многіе, узнавъ на слѣдующее утро, что этого «добраго господина» уже нѣтъ на пароходѣ. Онъ вышелъ въ Казани.

VIII.

Проплыть по нашимъ рѣкамъ недѣльку-другую и не пощупать бока другого парохода, не напороться «по нечаянности» на встрѣчную баржу, не застрять гдѣ-нибудь на шесть, а то и на цѣлыхъ двѣнадцать часовъ по случаю «маленькаго поврежденія» въ машинѣ, однимъ словомъ, обойтись безъ приключеній—такая же диковина, какъ испытать ихъ, свершая въ наши дни даже океанскія плаванія.

«Почему?»—спроситъ, быть-можетъ, мало путешествовавшій читатель.

Да главнымъ образомъ потому, что у насъ именно не вмѣшиваются тамъ, гдѣ слѣдовало бы вмѣшиваться, а, напротивъ, зачастую стараются регулировать то, что̀ не поддается регулированію. Среди нашихъ рѣчныхъ капитановъ вы можете встрѣтить представителей всевозможныхъ профессій, чиновника, юриста, гусара, купца, дьячка *) и крайне рѣдко—человѣка, знакомаго съ ремесломъ и умѣющаго найтись въ исключительныхъ обстоятельствахъ, всегда возможныхъ хотя бы и въ плаваніи по рѣкамъ.

Эта безшабашная отвага русскаго человѣка браться съ легкимъ сердцемъ за дѣло, о которомъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія,—явленіе слишкомъ извѣстное и часто встрѣчающееся во всѣхъ сферахъ отечественной дѣятельности. Недаромъ же у насъ пошла нынче въ ходъ теорія «здраваго смысла»—теорія, старающаяся подорвать значеніе спеціальнаго образованія, и если насъ не удивляетъ, что иногда по волѣ Провидѣнія (или ближайшаго начальства) лихой кавалеристъ, вмѣсто того, чтобы культивировать жеребцовъ, культивируетъ юношество, педагогъ улучшаетъ конскую породу, мореплаватель свирѣпствуетъ на сухомъ пути, а какой-нибудь штыкъ-юнкеръ, не изучившій никакого права, кромѣ права давать въ зубы, засѣдаетъ подчасъ въ судѣ,—то отчего же, скажите на милость, дьячку или лабазнику не водить пароходовъ?

На этотъ разъ приключеніе не заставило себя долго ждать.

Часа черезъ четыре по выходѣ изъ Нижняго, среди бѣла дня, на широкомъ и свободномъ отъ мелей плесѣ, гдѣ мѣста было достаточно для прохода десятка пароходовъ въ рядъ и гдѣ, казалось, немыслимо было и подумать о возможности какого-нибудь приключенія, — шедшій невдалекѣ отъ насъ вверхъ пароходъ ухитрился-таки устроить намъ непріятность именно въ то время, когда ея совсѣмъ не ожидали.

Пьяны ли были на сосѣднемъ пароходѣ, шедшемъ параллельно съ нами, капитанъ и лоцманы, нарочно ли было устроено столкновеніе (говорятъ, это бываетъ)—Богъ вѣсть, но только дѣло въ томъ, что нашъ «Спутникъ» безъ всякой основательной причины вдругъ сталъ уклоняться отъ своего курса, подаваясь влѣво. Молодой помощникъ капитана, стоявшій на площадкѣ нашего парохода, слишкомъ долго недоумѣвалъ непонятнымъ маневрамъ сосѣда, и когда наконецъ сообразилъ, что при подобномъ измѣненіи курса столкнове-

---

*) Въ газетахъ, помнится, сообщали фактъ гибели одного волжскаго парохода, которымъ командовалъ отставной церковнослужитель.

ніе неминуемо, и приказалъ лоцманамъ взять влѣво, уже было поздно. Носъ сосѣда былъ въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ борта нашего парохода и приближался къ намъ. Испуганные пассажиры, бывшіе на кормѣ, не дожидаясь распоряженія растерявшагося помощника (капитанъ спалъ, чтобы бодрствовать ночью), бросились на другую сторону, и вслѣдъ затѣмъ, среди внезапно наступившей на обоихъ пароходахъ тишины, раздался трескъ удара.

По счастью, на таранившемъ насъ пароходѣ догадались застопорить машину (въ противномъ случаѣ, при ударѣ съ разбѣга, сосѣдъ легко бы могъ прорѣзать намъ бокъ и пустить насъ ко дну), и ударъ, полученный нами, былъ довольно слабый. Вслѣдъ затѣмъ пароходы разошлись, размѣнявшись, въ лицѣ своихъ представителей, привѣтствіями безъ всякаго соображенія, что на палубѣ находились дамы.

Все дѣло ограничилось поломкой нѣсколькихъ досокъ борта да испугомъ пассажировъ, особенно тѣхъ, которые во время этого импровизированнаго абордажа находились въ кормовыхъ каютахъ. Внезапно раздавшійся ударъ, сопровождавшійся трескомъ выбитыхъ стеколъ, произвелъ настоящую панику между женщинами и дѣтьми.

Но среди большинства пассажировъ это неожиданное приключеніе не произвело никакой сенсаціи. Пассажиры большею частью были люди мѣстные, хорошо знакомые съ волжскими порядками.

— Это еще слава Богу! Не такіе, можно сказать, карамболи бываютъ!—замѣтилъ пожилой купецъ изъ Елабуги. — А вотъ, прошлымъ лѣтомъ, спускался я внизъ, такъ насъ Господь только спасъ. Чуть-было вовсе не утонули.

И онъ разсказалъ подробно «случай» ночного столкновенія двухъ пароходовъ. Вслѣдъ за нимъ и другіе пассажиры припомнили подходящіе случаи. Оказалось, что почти у каждаго было на памяти болѣе или менѣе подобное приключеніе, когда только «Богъ спасъ», но при этомъ разсказчики рѣдко винили капитановъ, а въ видѣ успокаивающей сентенціи прибавляли, что безъ этого нельзя. Вода — не суша. Въ дорогѣ будь ко всему готовъ.

Тѣмъ временемъ помощникъ капитана, взволнованный происшествіемъ, бывшимъ во время его вахты, соорудивъ актъ, обходилъ пассажировъ съ просьбой подписаться въ качествѣ свидѣтелей. Въ этомъ актѣ, разумѣется, сосѣдъ оказывался виноватымъ, а поведеніе помощника рисовалось въ самомъ лучшемъ видѣ. Онъ не могъ предотвратить столкновенія и оказалъ чудеса энергіи и распорядительности.

Никто и не подумалъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько былъ виноватъ и нашъ помощникъ, не сообразившій тотчасъ же послѣдствій маневра сосѣда, что̀ сообразилъ бы человѣкъ мало-мальски знакомый съ дѣломъ, и всѣ охотно подписывали актъ, свидѣтельствуя невинность помощника. Онъ такъ трогательно просилъ о подписи, что подмахнули актъ и такіе пассажиры, которые не были очевидцами происшествія, а лжесвидѣтельствовали, такъ сказать, по добродушію, чтобы не обидѣть отказомъ просящаго человѣка.

Этотъ актъ, значительно успокоившій помощника, былъ переданъ въ ближайшемъ городѣ для представленія въ полицейское управленіе.

Когда я полюбопытствовалъ узнать, какое послѣдуетъ движеніе этому «дѣлу», капитанъ только махнулъ рукой и засмѣялся. Такихъ «дѣлъ», по его словамъ, на Волгѣ многое множество, тянутся они по-долгу и рѣдко доходятъ до суда, оканчиваясь большею частью добровольными соглашеніями. Составляются же эти акты большею частью для очистки себя передъ хозяевами пароходовъ, чтобы не подвергнуться вычету изъ жалованія за поломки или не быть уволеннымъ со службы.

— Хозяева у насъ—купцы, народъ, знаете ли, прижимистый и необразованный... Войдетъ ему въ голову, онъ и сгонитъ съ мѣста... Надо умѣть съ ними ладить... Другой разъ и безъ всякаго резона штрафъ наложитъ.

Вѣроятно, въ силу этой безобразной нелѣпицы отношеній, характеризующей отечественные нравы, и на сосѣднемъ пароходѣ составили актъ, обвиняющій въ столкновеніи нашъ пароходъ. Такимъ образомъ кончаются всевозможныя приключенія, и за нихъ рѣдко когда привлекаются къ отвѣтственности капитаны и помощники. Развѣ ужъ когда случится происшествіе слишкомъ кричащее.

Если вѣрить тому, что̀ пишутъ въ послѣднее время о провинціи нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, то чѣмъ далѣе отъ столицъ, чѣмъ далѣе отъ центровъ умственной жизни, тѣмъ обыватель бодрѣе, веселѣе, менѣе подверженъ вліянію «либеральнаго миража» и за послѣдніе годы совсѣмъ, такъ сказать, «ожилъ»: глядитъ впередъ «безъ страха и боязни» и только ждетъ не дождется, когда наконецъ будетъ упраздненъ «ненавистный» для него гласный судъ съ присяжными, уничтожено земство, и взамѣнъ этого будутъ возстановлены дореформенные порядки съ предоставленіемъ дворянству пер-

венствующей роли. Судя по этой «схемѣ блаженства», настоящая Аркадія, гдѣ люди не живутъ, а, можно сказать, наслаждаются,—Сибирь. Власть тамъ сильная и грозная, не стѣсняемая препонами, исправникъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ въ своемъ родѣ Гарунъ-аль-Рашидъ, могущій при желаніи безпрепятственно водворить миръ и благосостояніе, земства нѣтъ, суда присяжныхъ нѣтъ, мировыхъ судей нѣтъ, журналовъ нѣтъ, общественнаго мнѣнія нѣтъ,—чего еще, кажется, желать для людского счастья по доктринѣ нѣкоторыхъ публицистовъ?

Увы! на «провинцію» клевещутъ. Она далеко не такъ бодра и весела, какъ о ней разсказываютъ, судя, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ представителямъ «провинціи», съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать. Хотя спеціально разговоровъ о внутренней политикѣ на пароходѣ и не вели (слава Богу, не малолѣтки), каждый говорилъ о своихъ мѣстныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, но въ этихъ толкахъ не проскальзывало ни малѣйшаго желанія одобрить идеалъ аракчеевскаго общежитія. Новые суды считали счастьемъ, земскія учрежденія, при всѣхъ недостаткахъ, все же лучше старыхъ порядковъ и, вспоминая эти старые порядки, вовсе не желали возвращенія ихъ... Словомъ, сибирской Аркадіи не завидовали, а спутники на сибирскомъ пароходѣ не только не хвалились Аркадіей, а пугали разсказами о тѣхъ ужасахъ, которые творятся въ странѣ, представляющей собой до нѣкоторой степени приближеніе къ идеалу современныхъ аракчеевцевъ.

И бодрости и веселья что-то не примѣтилъ я, хотя представителей «провинціи» было немало въ числѣ нашихъ спутниковъ.

Въ бесѣдахъ проскальзывала нотка недовольства. Правда, часто недовольство это формулировалось въ крайне примитивной формѣ («жить стало хуже»), но смѣю увѣрить читателя, что изъ этихъ бесѣдъ никакъ нельзя было вывести заключенія, что жить стало хуже отъ того, что земство и суды «вносятъ развратъ».

— И проходимецъ какой-то пошелъ у насъ нынче въ ходъ, батюшка! — разсказывалъ одинъ старикъ, мировой судья.—И ходитъ-то онъ гоголемъ... Прежде еще стыдился немного... Бывало, всѣ въ клубѣ знали, что цѣна этому проходимцу—грошъ и что за два двугривенныхъ онъ родителей слопаетъ, а нынче, смотришь, онъ еще ораторствуетъ, при случаѣ, насчетъ всякихъ основъ... о благородствѣ чувствъ распинается... Да вотъ, недалеко ходить за примѣрами... Былъ у насъ въ уѣздѣ одинъ такой человѣкъ... За воровство, за доносы и

всякія беззаконія былъ онъ выгнанъ изъ службы и жилъ себѣ, притаившись, какъ паршивая собака... Мы, провинціалы, не брезгливый народъ, а и то брезгали этимъ субъектомъ... Онъ даже въ обществѣ не смѣлъ показываться... А теперь, — какъ бы вы думали? — проповѣдуетъ «сильную власть» въ качествѣ станового... Сколько пакостей понадѣлалъ въ уѣздѣ — просто бѣда! Чуть что, сейчасъ въ государственной измѣнѣ обвинитъ... Поди, доказывай, что вретъ.

— Тоже и у насъ попадаются-таки человѣчки, — сказалъ въ свою очередь купецъ изъ Елабуги.

— Ну, и у насъ на этотъ счетъ нельзя пожаловаться! — замѣтилъ екатеринбургскій обыватель.

И пошли все тѣ же, давно набившіе оскомину, разсказы о разныхъ, болѣе или менѣе возмутительныхъ случаяхъ насилія, вымогательства, халатности, при чемъ все это разсказывалось, въ большинствѣ случаевъ, съ тою примѣсью спеціально-русскаго добродушія, которое считается одною изъ нашихъ добродѣтелей. На первомъ планѣ стояла, такъ сказать, фабула. Разсказчика не столько возмущало, что человѣкъ безъ всякой нужды тѣснитъ другого, сколько интересовалъ самый процессъ прижимки. И если при этомъ «герой» пакости отличается смѣлостью и находчивостью, то въ разсказахъ даже проскакивала нотка нѣкотораго восхищенія, какъ это онъ ловко утѣснилъ одного, ограбилъ другого, провелъ третьяго... Въ такихъ пріятныхъ воспоминаніяхъ коротали пассажиры второго класса свое время. Винта, къ удивленію, не было.

А пароходъ шелъ да шелъ. На другой день мы уже вошли въ Каму съ ея обрывистыми берегами. На Камѣ плаваніе представляло менѣе шансовъ для приключенія. Пароходы и барки встрѣчались рѣже, и слѣдовательно оставались только мели; но, по случаю половодья, и эта опасность не представлялась возможною. Пассажировъ все прибавлялось, преимущественно палубныхъ пассажировъ, хотя и безъ того палуба была набита биткомъ. Интересно было наблюдать, какъ пароходное начальство торгуется съ пассажирами. На одной изъ пристаней стояла артель. Это были вятскіе мужики, сплавившіе гонки сверху и возвращающіеся теперь назадъ. Одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ и спросилъ о цѣнѣ.

— Три рубля съ человѣка, — отвѣтилъ съ искусственною небрежностью помощникъ капитана, нарочно дѣлая видъ, что нисколько не интересуется этими пассажирами, и искоса поглядывая на артель въ 20 человѣкъ.

— По рублику съ человѣка взяли бы, ваша милость!

Помощникъ капитана презрительно фыркаетъ и нарочно даетъ первый свистокъ, думая, вѣроятно, этимъ маневромъ подѣйствовать на мужиковъ. Въ артели происходитъ совѣщаніе.

— Рубль съ четвертакомъ возьмешь?

Помощникъ капитана не отвѣчаетъ и черезъ минуту даетъ второй свистокъ.

Въ артели легкое волненіе. Снова совѣщаются.

— Такъ и быть, по полтора дадимъ.

— И по два съ полтиной дадите,—замѣчаетъ съ усмѣшкой помощникъ капитана и прибавляетъ: — вы, ребята, смотри скорѣй, сейчасъ отвалъ, васъ ждать не будемъ.

И съ этими словами онъ снова подходитъ къ свистку, бросая однако зоркій взглядъ на мужиковъ.

Снова совѣщаніе. Повидимому, тамъ рѣшено не отступать.

— Больше не дадимъ,—замѣчаетъ артель.—Дождемся другого парохода.

Раздается третій свистокъ. Артель отходитъ въ сторону.

— Ну, ужъ Богъ съ вами, ступай брать билеты.

Артель идетъ на пароходъ, который еще стоитъ на пристани минутъ 10 послѣ третьяго свистка. Эти свистки были не болѣе какъ маневръ, часто практикуемый на волжскихъ пароходахъ.

Приключеній больше никакихъ не было, если не считать за приключенія двѣ-три остановки по случаю поломки машины и долгую остановку на одной изъ пристаней, вслѣдствіе полученной телеграммы перевести буфетъ съ нашего парохода на встрѣчный пароходъ того же хозяина, а буфетъ съ того парохода — на нашъ. Благодаря такому распоряженію, два парохода совершенно напрасно простояли у пристани три часа, пока происходила переноска буфета, и въ этотъ вечерній часъ, когда обыкновенно всѣ пьютъ чай, нельзя было добиться кипятку и чего-нибудь съѣдобнаго.

На четвертый день пароходъ пришелъ въ Пермь, вмѣсто ранняго утра, въ первомъ часу дня, но это, впрочемъ, не смутило пассажировъ, слѣдующихъ далѣе, такъ какъ пассажирскій поѣздъ изъ Перми выходитъ по вечерамъ. Оставаться же цѣлый день въ этой бывшей столицѣ золотопромышленниковъ, горныхъ инженеровъ дореформеннаго времени, гдѣ прежде было сосредоточено управленіе заводами и гдѣ теперь царствуетъ мерзость запустѣнія, съ пустыми барскими хоромами, въ видѣ памятниковъ прежняго величія, не было никакой нужды.

Заглянувъ въ этотъ мертвый городъ и не встрѣтивъ въ

немъ въ пятомъ часу дня буквально ни души, мы вернулись на вокзалъ, и въ семь часовъ вечера поѣздъ отошелъ въ Екатеринбургъ. Изъ оконъ вагоновъ мы видѣли далекую синеву Уральскихъ горъ, передъ нами мелькали знаменитые когда-то заводы, гремѣвшіе въ старое время баснословными пирами и баснословными беззаконіями управителей, и незамѣтно перевалили хребетъ, очутившись географически въ Азіи. Я говорю «географически» потому, что близость Азіи и азіатскихъ нравовъ начала сказываться гораздо раньше географической границы.

Къ вечеру мы были въ Екатеринбургѣ. Тутъ уже прекращаются всякіе цивилизованные пути сообщенія, и намъ предстояло сдѣлать триста верстъ по знаменитому, такъ-называемому пермскому тракту.

IX.

Эту «прелестную», по словамъ петербургскихъ сибиряковъ, дорогу забыть невозможно. Казалось, что трудно себѣ представить худшія дороги на свѣтѣ, но болѣе насъ опытные путешественники разсказывали потомъ, что есть дороги и хуже пермскаго тракта; это — такъ-называемый иркутскій трактъ между Томскомъ и Иркутскомъ.

Изъ Екатеринбурга мы выѣхали цѣлою компаніей. Къ намъ присоединился еще одинъ спутникъ, ѣхавшій съ своимъ многочисленнымъ семействомъ изъ Петербурга на Амуръ. Съ нимъ мы познакомились еще на пароходѣ.

Это былъ крайне милый и обязательный человѣкъ, оказавшій намъ немало услугъ въ путешествіи и познакомившій насъ заранѣе со многими особенностями сибирской жизни. Хотя самъ онъ былъ сибирякъ, но не изъ тѣхъ, которые во что бы то ни стало нахваливаютъ свое болото. Онъ проучительствовалъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, бросивши любимое имъ дѣло по причинамъ, отъ него не зависящимъ, и ѣхалъ теперь въ качествѣ техника въ амурскую тайгу на пріискъ. Ѣхалъ онъ скрѣпя сердце и только потому, что надѣялся, что на пріискѣ, куда онъ былъ приглашенъ, управляющій относительно порядочный человѣкъ, и слѣдовательно ему не придется быть свидѣтелемъ тѣхъ классическихъ безобразій, которыя вообще творятся на пріискахъ. А что тамъ творится, про то онъ зналъ, такъ какъ раньше имѣлъ случай служить на одномъ изъ пріисковъ. Творится, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто невѣроятное: эксплоатація людей доходитъ до послѣдняго предѣла. Управители — въ большинствѣ изъ приказчиковъ, люди безъ всякаго образованія — безконтрольные

вершители судьбы человѣческой. Грабежъ феноменальный. Произволъ возмутительный. Личность человѣка такъ же мало цѣнится, какъ въ какомъ-нибудь негритянскомъ государствѣ. Неудивительно, что и пріисковые рабочіе, наполовину изъ бѣглыхъ или безпаспортные, пользуются отчаянною репутаціей по всей Сибири и развращаютъ ближайшія къ пріискамъ селенія. По словамъ знающихъ это дѣло людей, въ такихъ селеніяхъ трудно встрѣтить дѣвочку тринадцати лѣтъ уже не развращенною...

Правительственный контроль и полицейская власть на пріискахъ представляются горными исправниками. Жалованья они получаютъ рублей четыреста въ годъ и съ пріисковъ *маленькое* дополненіе въ видѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Понятно, что эти господа, набранные съ борка да съ сосенки, часто люди едва грамотные, съ нравственностью болѣе чѣмъ сомнительною, держатъ всегда сторону хозяевъ и въ случаѣ какихъ-нибудь недоразумѣній между рабочими и пріисковою администраціей рѣшаютъ ихъ обычнымъ сибирскимъ средствомъ—нещадною поркой...

— Есть такіе горные исправники, что̀ по нѣскольку лѣтъ сами находятся подъ слѣдствіемъ,—разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, мой спутникъ сибирякъ. — Я зналъ одного такого. Благодаря его истязаніямъ двое рабочихъ умерли... Кажется, онъ и до сихъ поръ благополучно исправникомъ... Денегъ у него много... Слѣдствіе можно тянуть безъ конца... Это въ Сибири—обыкновенная исторія. А жаловаться некому... Да и къ кому пойдетъ жаловаться какой-нибудь бродяга?

Нашъ спутникъ еще въ Екатеринбургѣ училъ насъ, какъ надо прессоваться въ тарантасахъ, которые мы достали въ конторѣ г. Михайлова, заплативъ по двѣнадцати рублей за проѣздъ.

Въ 1 часу дня нашъ караванъ двинулся. Съ первой же станціи пошла убійственная дорога: или выбоина, или непролазная грязь въ видѣ мѣсива, по которому лошади ступали шагомъ, и наши колымаги ныряли словно въ волнахъ. Въ тарантасахъ ночью температура была африканская, а въ телѣгахъ холодъ убійственный. Гдѣ было лучше—въ тарантасахъ или телѣгахъ—рѣшить трудно. Въ тарантасахъ—были цѣлы бока, а у насъ хотя бока были избиты, но мы, по крайней мѣрѣ, знали, гдѣ мы и что̀ мы, и въ бесѣдѣ съ ямщиками коротали время дороги.

Теперь, въ виду скораго окончанія желѣзной дороги отъ Екатеринбурга до Тюмени, трактъ закрывается и, разумѣется, содержится еще хуже прежняго. И станціи, и лошади, и эки-

пажи — безобразны. Есть, конечно, нѣсколько хорошихъ лошадей для проѣздовъ «особъ»; но къ услугамъ обыкновенныхъ проѣзжающихъ лошади скверныя. Разгонъ на этомъ трактѣ огромный.

Ужъ я не знаю, къ счастію или къ несчастію, но намъ на станціяхъ давали, вмѣсто лошадей, отчаянныхъ клячъ, которыя покорно выносятъ удары кнута, пускаясь въ отвагѣ отчаянія вскачь, и если ихъ не хлещутъ, то плетутся шажкомъ, опустивъ свои головы. И гнать-то ихъ было совѣстно, тѣмъ болѣе, что по этой адской дорогѣ мало-мальски скорая ѣзда заставляла со страхомъ смотрѣть на тарантасъ и опасаться, доѣдутъ ли они, или не доѣдутъ; ну, и за внутренности было страшно. И мы плелись все время шагомъ.

И ямщики намъ попадались все какіе-то убогіе—то слишкомъ ветхіе, то, напротивъ, совсѣмъ ребята. На одной изъ станцій намъ даже предложили въ ямщики къ переднему Ноеву ковчегу, гдѣ помѣщалось семейство сибиряка, мальчонку лѣтъ десяти, который утѣшалъ испугавшихся-было дамъ Ноева ковчега, что ему не впервой возить. Намъ давали клячъ и малолѣтокъ вмѣсто ямщиковъ потому, что впереди насъ ѣхалъ генералъ-губернаторъ, и для него, разумѣется, были оставлены самыя лучшія лошади и самые представительные ямщики.

Уже на второй день нашего путешествія намъ стали попадаться навстрѣчу одинокіе путники, пробиравшіеся по зеленѣющему лѣсу съ котомками на плечахъ.

— Ишь, по кормовыя пошелъ,—замѣтилъ старикъ-ямщикъ, указывая кнутомъ въ сторону.

Я не понималъ, что онъ хотѣлъ сказать, и спросилъ объясненія. Оказалось, что такъ подсмѣиваются надъ бѣглыми, намекая этимъ, что они будутъ пойманы и снова возвратятся въ Сибирь, но уже по этапу, получая кормовыя деньги.

— А много здѣсь ходитъ бѣглыхъ?

— Цѣлыми косяками иной разъ ходятъ, да только ловятъ ихъ часто,—отвѣчалъ ямщикъ.—Какъ весна, смотришь, и выходитъ онъ, какъ звѣрь, изъ норы. По веснѣ каждую тварь къ волѣ тянетъ...

Погода стояла дождливая и холодная. Май мѣсяцъ глядѣлъ сентябремъ. Мы ѣхали день и ночь, боясь опоздать къ тюменскому пароходу и напуганные разсказами о томъ, что по дорогамъ пошаливаютъ, и поэтому по ночамъ старались не спать.

Наступила вторая ночь—темная, дождливая сибирская ночь. Тихо плелись мы по грязи, среди гудящаго лѣса. И ямщики

и сѣдоки въ тарантасахъ дремали. Лошади лѣниво, еле-еле ступали по вязкой грязи. Навстрѣчу изрѣдка попадались длинные обозы. Это везли кяхтинскій чай къ нижегородской ярмаркѣ. Наконецъ занялась заря, и мракъ ночи разсѣялся. Мы начали дремать.

Вдругъ наша тройка пугливо шарахнулась въ сторону, и ямщикъ остановилъ лошадей, крикнувъ переднимъ ямщикамъ остановиться.

Мы вышли изъ телѣги и со спутникомъ подошли къ ямщикамъ.

У самаго края дороги лежала фигура человѣка, покрытаго зипуномъ.

Ямщики молча потрогивали его кнутовищами и тихо покачивали головами.

— Должно, мертвый!—проговорилъ одинъ изъ нихъ.

Никто не рѣшался удостовѣриться въ этомъ. Всѣ какъ-то брезгливо сторонились отъ лежавшаго человѣка.

Мы со спутникомъ отдернули зипунъ и при слабомъ свѣтѣ разсвѣта увидали безжизненное лицо стараго мертвеца. У виска, около шапки, видна была запекшаяся кровь. Тѣло его хотя и было холодно, но еще не окостенѣло. По всему видно, что смерть произошла недавно. Мы снова накрыли его и молча разошлись.

— Смотри, на станціи не болтай,—проговорилъ одинъ изъ ямщиковъ, обращаясь къ другимъ.

Кто былъ этотъ старикъ, брошенный у дороги—бродяга ли, мирный ли крестьянинъ, убитый кѣмъ-нибудь, кто знаетъ?

— Должно-быть, жиганъ,—сказалъ намъ ямщикъ, садясь на облучокъ:—вѣрно, обозники прикончили.

Могло и это быть. Подобные случаи не рѣдкость по сибирскимъ дорогамъ. Между бродягами и обозниками давно уже идетъ война не на животъ, а на смерть. Эти рыцари большихъ сибирскихъ дорогъ, собравшись шайкой, выѣзжаютъ на трактъ и сторожатъ обозы съ товарами. Ночью, когда возчики спятъ, они набрасываютъ нѣчто въ родѣ мексиканскихъ лассо, съ крючьями на концахъ, на лошадей и отбиваютъ обозы съ товарами.

Такія же точно лассо употребляются и въ городахъ съ цѣлью грабежа. Даже въ такомъ относительно большомъ городѣ, какъ Томскъ, такіе факты не рѣдкость. Грабители выѣзжаютъ въ кошевѣ и, завидя гдѣ-нибудь въ глухой улицѣ путника, набрасываютъ на него арканъ, тащатъ его за собой за городъ и тамъ грабятъ. Хроники сибирскихъ газетъ полны описаніемъ такихъ происшествій, остающихся въ массѣ

случаевъ не раскрытыми. Одно время въ Томскѣ была настоящая паника. По вечерамъ не выходили изъ квартиръ и даже днемъ не выходили безъ револьверовъ. Въ одну недѣлю были раскуплены всѣ револьверы въ лавкахъ.

«Караулъ, грабятъ!»—такъ начиналась передовая статья одной мѣстной газеты, и въ хроникѣ того же нумера сообщался рядъ происшествій за недѣлю, напоминающихъ нѣсколько о жизни въ американскихъ преріяхъ въ куперовскія времена *).

Я слышалъ цѣлыя легенды про засѣдателей, прикрывающихъ убійцъ, про частныхъ приставовъ, устраивающихъ, въ негласной компаніи съ ворами, грабежи лавокъ и домовъ, про исправниковъ, которымъ осторожные фальшивые монетчики сбывали фальшивыя деньги. Ворованныя вещи часто являются во владѣніи охранителей безопасности и при слѣдствіяхъ они же помогаютъ попавшимся давать показанія. Бродяги, скопляющіеся въ городахъ, являются одною изъ доходныхъ статей, пополняя цифру крошечнаго жалованья, получаемаго полицейскими агентами въ Сибири. Начальство прикажетъ устроить облаву,—бродяги своевременно предупреждены, и въ руки полиціи попадаютъ все люди съ паспортами, которые, просидѣвъ ночь въ каталажкѣ и заплативъ по рублю, выпускаются.

На сибирскихъ «вечерахъ», между винтомъ и закуской, разговоры всегда ведутся на эту благодарную тему, и разсказы неистощимые.

— Обокрали меня года четыре тому назадъ,—разсказывалъ одинъ томскій обыватель:—и въ числѣ украденныхъ вещей были отличные стѣнные часы. Прошелъ годъ, о вещахъ не было ни слуху ни духу. Вдругъ вижу: подъѣзжаютъ къ моему дому полицейскій чинъ съ какимъ-то субъектомъ. Впускаю, спрашиваю, что̀ угодно. Оказывается, что полицейскій чинъ пріѣхалъ предложить мнѣ нѣкоторую сдѣлку—возвратить мои часы, украденные привезеннымъ имъ съ собою субъектомъ, а я за это долженъ помочь ему въ одномъ дѣлѣ, бывшемъ у него въ думѣ. Я отказался отъ этой чести и даже отъ часовъ, но полицейскій все-таки великодушно возвратилъ мнѣ часы.

— Пропало у насъ въ конторѣ ружье,—началъ, въ свою очередь, инженеръ.

— И ружье это оказалось потомъ въ полиціи,—перебили его.

---

*) Объ этихъ удобствахъ сибирской жизни говорилось въ *Очеркахъ русской жизни* (*Р. М.*, кн. IX).

И все въ такомъ родѣ...

Вотъ она какова, эта дореформенная Аркадія!

Высшіе представители администраціи безсильны прекратить подобное положеніе дѣлъ, даже при добромъ желаніи. На мѣсто выгнаннаго Иванова является такой же Петровъ. И этотъ Ивановъ, уволенный изъ одной губерніи, ѣдетъ въ другую и тамъ получаетъ мѣсто, тѣмъ болѣе, что мѣста могутъ быть прямо куплены при посредствѣ такого же Иванова или Петрова, сидящаго въ канцеляріи.

Все это, разумѣется, извѣстно и высшей администраціи изъ отчетовъ, представляемыхъ мѣстными губернаторами. Отчеты эти рисуютъ нерѣдко мрачную картину—положеніе Сибири... И сибиряки ждутъ не дождутся реформъ, которыя бы сравняли далекую окраину съ остальными русскими губерніями.

X.

Вотъ она наконецъ и граница Сибири. Два столба, одинъ каменный, другой деревянный, съ гербомъ Тобольской губерніи, указываютъ въѣздъ въ страну, «гдѣ мракъ и холодъ круглый годъ». Надписи на столбѣ подчасъ трогательныя, но не имѣютъ однако безотрадности надписи надъ Дантовымъ адомъ: «Оставь надежды навсегда». Напротивъ, юморъ русскаго народа выразился и въ этихъ, иногда своеобразныхъ надписяхъ: «Поминай, какъ звали». «Кланяйся въ Нерчинскѣ товарищамъ». «Ищи вѣтра въ полѣ». «До свиданія, Сибирь-матушка!» и тому подобн. Есть и нацарапанныя стихотворныя произведенія, и въ нихъ юмористика преобладаетъ надъ лиризмомъ.

Солнце ласково грѣетъ сверху, освѣщая зеленѣющіе, по бокамъ дороги, густые, болотистые лѣса. Дорога дѣлается еще убійственнѣе, лошади ступаютъ буквально шагомъ, съ трудомъ вывозя тарантасы и телѣги изъ непролазной грязи. Къ 11 часамъ утра мы добрались до села Успенскаго, предпослѣдней станціи передъ Тюменью, села замѣчательнаго тѣмъ, что почти все населеніе занимается кустарнымъ производствомъ такъ-называемыхъ тюменскихъ ковровъ. Ковры эти весьма недурны и дешевы, только краски и узоры ихъ весьма безвкусны. Они распространены по всей Сибири, и значительная часть ихъ идетъ въ Петербургъ и Москву.

Видъ этого большого сибирскаго села невольно поражаетъ человѣка, привыкшаго видѣть убогія, черныя русскія деревни. Постройка грубая, аляповатая, но прочная. На лицахъ мужиковъ нѣтъ той забитости, которую вы встрѣтите въ Россіи; видно, что матеріальное благосостояніе ихъ лучше.

До Тюмени оставалось тридцать верстъ, которыя мы проѣхали въ шесть часовъ. Усталые, разбитые, грязные, увидали мы наконецъ Тюмень, первый сибирскій городъ, разбросанный по оврагамъ, мрачный, грязный, съ огромнымъ бѣлымъ каменнымъ зданіемъ на въѣздѣ. Нужно ли прибавлять, что это былъ острогъ?

Въ гостиницѣ мы нѣсколько пришли въ себя послѣ путешествія.

Пообѣдавъ, я отправился поскорѣе на пристань брать билеты и безъ труда получилъ для себя каюту II класса. Какъ характеристику нравовъ, отмѣчу слѣдующую черточку. Когда я бралъ билетъ на пароходной конторкѣ, молодой конторщикъ обратился ко мнѣ съ обычнымъ сибирскимъ вопросомъ: «чьи вы будете и куда изволите ѣхать?» Съ тѣхъ поръ это сибирское «чьи вы будете» ужъ не оставитъ васъ нигдѣ, куда бы вы ни зашли: въ лавку ли, заговорили ли съ пассажиромъ, послѣ первыхъ словъ вамъ неизмѣнно зададутъ этотъ вопросъ.

На пароходѣ уже толпились переселенцы. Пароходъ производилъ впечатлѣніе весьма удовлетворительное, каюты были чисты, и цѣна за девять дней пути относительно недорога (за мѣсто II класса 14 руб., а за семейную каюту—по числу мѣстъ—по 16 руб. за мѣсто).

Хотя Тюмень—одинъ изъ очень старыхъ сибирскихъ городовъ (основанъ въ 1586 г.), жителей въ немъ, по суворинскому календарю, считается около 16 тысячъ челов. и, какъ перевалочный пунктъ, онъ имѣетъ извѣстное значеніе, тѣмъ не менѣе никакой привлекательности не представляетъ. Деревянные низенькіе дома, широкіе пустыри, грязныя и безлюдныя улицы. Тюмень—главный пунктъ разсылки арестантовъ по дальнѣйшимъ мѣстамъ. Здѣсь находится главная экспедиція о ссыльныхъ. Здѣсь, въ Тюмени, всѣ уголовные арестанты распредѣляются по всѣмъ мѣстамъ Сибири и отправляются партіями. Наплывъ арестантовъ бываетъ такъ великъ, что буквально и острогъ, и пересыльная тюрьма переполнены. Вслѣдствіе такой скученности тифъ и другія болѣзни, разумѣется, косятъ людей.

Не одна, впрочемъ, Тюмень отличается такими тюрьмами. По словамъ офиціальныхъ отчетовъ и разсказовъ знающихъ дѣло людей, тюрьмы въ Сибири и этапы представляютъ собою нѣчто невообразимое. Трудно изобразить словами весь ужасъ положенія людей, скученныхъ въ небольшихъ пространствахъ огромными массами. Въ Томскѣ, напримѣръ, дѣло доходило до того, что тифозныхъ больныхъ, за недостаткомъ

мѣста, клали цѣлыми рядами на полу, и смертность доходила до поражающей цифры. Что же касается этановъ, то они буквально представляютъ собой клоповники, и еще недавно высшее мѣстное начальство предписывало циркуляромъ обратить вниманіе на содержаніе ихъ въ исправномъ видѣ.

Но циркуляры—циркулярами, а жизнь—жизнью, и побывавшіе на этапахъ разсказываютъ про нихъ просто невѣроятныя вещи. Въ крошечномъ помѣщеніи скучиваются въ повалку мужчины, женщины и дѣти, и ихъ на ночь запираютъ. Что̀ происходитъ тамъ, объ этомъ лучше не разсказывать.

Пароходъ отправлялся въ два часа ночи. Въ десятомъ часу мы уже были на пароходѣ и уложили дѣтей спать. Нашъ добрый геній, спутникъ-сибирякъ, совѣтовалъ мнѣ запастись кое-какою провизіей на дорогу и, главное, хлѣбомъ, такъ какъ на пароходѣ все дорого, а иногда и просто бываетъ нельзя достать. Я поспѣшилъ отправиться снова въ городъ. Городъ уже спалъ, только въ нѣкоторыхъ домахъ свѣтились огоньки. Стоялъ чудный, тихій вечеръ. Невольная тоска охватила меня, когда я проѣзжалъ по этимъ глухимъ, пустымъ, угрюмымъ улицамъ. Каково же живется человѣку, не привыкшему еще напиваться съ утра, въ какомъ-нибудь еще болѣе глухомъ захолустьѣ въ родѣ Нарыма или Вилюйска?

Невольно припомнились стихи поэта:

«Да... страшный край... Оттуда прочь
Бѣжитъ и звѣрь лѣсной,
Когда стосуточная ночь
Повиснетъ надъ страной».

— Вотъ тутъ у полекъ хорошія булки,—прервалъ мои размышленія извозчикъ, останавливаясь у маленькой двери, надъ которой была какая-то вывѣска.

Я вошелъ въ крошечную комнатку, слабо освѣщенную тусклымъ свѣтомъ крошечной лампы. На прилавкѣ лежали булки и разныя печенья, и въ комнаткѣ пахло свѣжимъ хлѣбомъ.

Изъ-за ситцевой занавѣски вышла сморщенная, худенькая, маленькая старушка и необыкновенно вѣжливо и деликатно спросила:

— Что̀ пану угодно?

Она была одѣта въ какомъ-то затрапезномъ платьѣ, въ разорванной кацавейкѣ, но что-то и въ манерѣ и въ выраженіи этого худенькаго лица, со слезящимися глазами, говорило, что эта старушка знала когда-то лучшія времена. Въ лицѣ ея точно замерла какая-то старая, покорная скорбь. Я не сомнѣвался, что передо мной была женщина, принадлежавшая когда-то къ такъ-называемому обществу.

Мы разговорились. Скоро изъ-за занавѣски вышла другая старушка: высокая, сухая, крѣпкая, съ болѣе энергичнымъ выраженіемъ лица. Это была ея младшая сестра.

Ихъ исторія оказалась очень простою и печальною исторіей. Онѣ принадлежали къ одной изъ довольно зажиточныхъ польскихъ фамилій, были сосланы на каторгу за возстаніе въ 63-мъ году, имѣнія ихъ были конфискованы, а теперь онѣ, давно прощенныя, но всѣми забытыя, доживали свой печальный вѣкъ въ Тюмени, добывая себѣ кусокъ хлѣба пекарней.

— Отчего вы давно не вернулись домой?—спросилъ я.

Отвѣтъ обычный: вернуться дорого. Тѣмъ не менѣе онѣ не теряютъ надежды умереть на родинѣ.

— Мы уже давно собираемся,—замѣтила младшая сестра:— и въ прошломъ году чуть-было не уѣхали, да вотъ сестра заболѣла. Мы до сихъ поръ не привыкли къ здѣшнему климату, хотя должны были бы ко всему привыкнуть въ 20 лѣтъ,—прибавила она, улыбаясь скорбною улыбкой.—Богъ дастъ, еще вернемся и умремъ на родинѣ.

— Родные ваши живы?

— Почти никого нѣтъ.

— Да, всего пришлось испытать,—заговорила опять маленькая, сморщенная старушка и вздохнула.

— Этой жизни не забудешь!—прибавила младшая сестра.

Я пожелалъ имъ поскорѣй вернуться на родину, и мы распрощались.

Мой возница, тоже изъ ссыльныхъ, попавшій изъ Курской губерніи въ Сибирь, какъ онъ объяснилъ, «за то, что любилъ чужихъ лошадей», и давно уже имѣвшій право возвратиться въ Россію, очень хвалилъ этихъ старушекъ-полекъ.

— Тихія, аккуратныя старушки,—говорилъ онъ.

Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось встрѣчать поляковъ, сосланныхъ сюда за польское возстаніе и оставшихся въ Сибири. Бо́льшая часть изъ нихъ занимаются торговлей, ремеслами, содержатъ кабаки, нѣкоторые находятся на службѣ. Вообще они какъ-то лучше русскихъ умѣютъ устраиваться, именно потому, что не брезгуютъ никакими занятіями.

Большинство же остальныхъ ссыльныхъ обречено почти что на нищету. Достать имъ какія-либо занятія, безъ помощи администраціи, трудно; да и какія занятія могутъ быть въ какой-нибудь сибирской дырѣ или въ якутскихъ улусахъ? Въ большихъ городахъ, гдѣ могли бы найтись занятія, даютъ ихъ неохотно, боясь, какъ взглянетъ на это мѣстная администрація. Правительство выдаетъ въ пособіе политиче-

скимъ ссыльнымъ по шести рублей *) на человѣка и такимъ образомъ избавляетъ многихъ буквально отъ голодной смерти.

XI.

Пароходъ «Рейтернъ» **), на которомъ намъ пришлось совершить девятидневное путешествіе, проплывъ болѣе 2.000 верстъ по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи, пріятно поражалъ своимъ необыкновенно нарядным, праздничнымъ видомъ.

Не особенно изящно скроенный, но крѣпко сшитый, онъ сіялъ чистотой. Все было подкрашено и подчищено. Довольно умѣстительныя семейныя каюты были прибраны съ особенною тщательностью, и на диванахъ бѣлѣли новые коленкоровые чехлы. Лоцмана, матросы и офиціанты щеголяли свѣжими костюмами. Пароходное начальство нѣсколько волновалось. Сумрачный на видъ капитанъ, пожилой молчаливый пермякъ, бо́льшую часть времени стоялъ на площадкѣ съ торжественно-озабоченнымъ видомъ, а его помощникъ, сухопарый молодой человѣкъ, въ началѣ рейса просто-таки метался, изнывая въ заботахъ о чистотѣ и порядкѣ. Палубу подметали часто, слишкомъ даже часто, въ ущербъ спокойствію палубныхъ пассажировъ. Переселенцы были скучены относительно съ бо́льшимъ удобствомъ, чѣмъ на пермскомъ пароходѣ, и къ переселенцамъ относились съ нѣкоторою внимательностью, по крайней мѣрѣ къ тѣмъ изъ нихъ, которые помѣстились ближе къ рубкѣ I класса, на которую часто устремлялись тревожные взоры молчаливаго капитана.

Не торопитесь однако обобщать факты и, собираясь въ Сибирь, не разсчитывайте на подобную счастливую случайность. Вы можете разсчитывать на бо́льшую безопасность плаванія по большимъ, пустыннымъ сибирскимъ рѣкамъ, чѣмъ по бойкой Волгѣ, такъ какъ судоходство здѣсь въ зачаточномъ состояніи и столкнуться не съ кѣмъ. Что же касается порядка, удобствъ и чистоты, то сибирскіе пароходы ими не отличаются и, вообще говоря, содержатся не лучше волжскихъ

---

*) Въ Восточной Сибири, глядя по мѣстностямъ, выдаютъ до 15 р. на человѣка вслѣдствіе большой дороговизны муки и мяса.

**) Сибиряки любятъ называть свои пароходы фамиліями административныхъ лицъ. Всѣ пассажирскіе пароходы фирмы Курбатова и Игнатова носятъ подобныя названія. Кромѣ «Рейтерна», есть «Коссаговскій» (фамилія директора департамента), «Казнаковъ» (фамилія бывшаго генералъ-губернатора Западной Сибири) и «Бѣленченко». Впрочемъ, клички иногда мѣняются со смѣной начальства. Пріѣдетъ новый начальникъ—и пароходъ перекрещивается именемъ новаго.

пароходовъ средней руки. Если же въ этотъ рейсъ пароходъ удивлялъ не совсѣмъ обыкновеннымъ порядкомъ, то и причина этому была не совсѣмъ обыкновенная: въ числѣ пассажировъ находился новый генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, графъ Игнатьевъ, ѣхавшій съ семействомъ и нѣсколькими лицами свиты къ мѣсту своего назначенія.

Путешествовать по почтовымъ сибирскимъ дорогамъ вслѣдъ за высокопоставленными лицами, какъ пришлось намъ, не рекомендую никому, даже человѣку, обладающему воловьимъ терпѣніемъ и ослиною выносливостью. Вамъ придется либо изнывать на станціяхъ, выслушивая философскія сентенціи смотрителей, либо, послѣ самыхъ энергичныхъ настояній, получать, вмѣсто хваленыхъ «сибирскихъ лошадокъ», нѣкоторое ихъ подобіе, въ видѣ невозможныхъ ободранныхъ клячъ, а вмѣсто ямщиковъ—несносныхъ стариковъ или крошекъ-младенцевъ, невольно внушающихъ сомнѣніе.

Но зато путешествовать по желѣзнымъ дорогамъ или на пароходахъ одновременно съ сановными пассажирами несравненно удобнѣе, чѣмъ безъ нихъ. Удобства и внимательность, предназначенныя спеціально такимъ путешественникамъ, косвенно отражаются и на остальныхъ, а главное, вы болѣе гарантированы въ благополучномъ исходѣ путешествія. Вотъ почему я, по крайней мѣрѣ, бываю доволенъ, когда судьба посылаетъ на поѣздъ какого-нибудь путешествующаго сановника. Тогда я спокойно сажусь въ вагонъ, увѣренный, что, благодаря такому сосѣдству, поѣзду труднѣе сойти съ рельсовъ, запоздать въ пути, — словомъ, подвергнуться приключенію, ибо хорошо знаю, что благополучіе сановитыхъ путешественниковъ, — разумѣется, находящихся у дѣлъ, — охраняется съ большею бдительностью и съ сугубымъ усердіемъ, чѣмъ благополучіе обыкновенныхъ смертныхъ, и слѣдовательно шансовъ на всякую «кукуевку» значительно меньше.

Хотя графъ и держалъ себя съ скромною простотой, пріятно дивившей пассажировъ-сибиряковъ, привыкшихъ болѣе къ грозному величію старинныхъ сибирскихъ «вице-роевъ», о недоступности которыхъ до сихъ поръ ходятъ легендарныя подробности, и отклонялъ всякія офиціальныя встрѣчи, но это, разумѣется, не мѣшало даже и неподчиненнымъ сибирскимъ чиновникамъ волноваться и трепетать.

Такіе проѣзжающіе вѣдь не особенно часты въ здѣшнихъ палестинахъ.

Наибольшимъ подъемомъ духа и наибольшимъ страхомъ за цѣлость своей шкуры проникаются въ такихъ случахъ, ра-

зумѣется, второстепенные служебные агенты и главнымъ образомъ господа исправники и засѣдатели, до сихъ поръ сохранившіе здѣсь складку, обличье и вкусы дореформенныхъ Держимордъ и знающіе за собой немало уголовныхъ грѣховъ, помимо повальнаго здѣсь грѣха—взяточничества. Грѣховодники покрупнѣй, разные матерые юсы, завѣдующіе частями, и совѣтники, игравшіе при «старой метлѣ» роль негласныхъ «сѣрыхъ эминенцій», несмотря на наружную бодрость, тоже не безъ тайнаго страха ждутъ «новой метлы», особенно если слухи о ней благопріятные. Въ тиши своихъ, пропитанныхъ беззаконіями и кляузами, канцелярій они готовятся къ пріѣзду, дѣятельно припрятываютъ не только концы, но, случается, и цѣлыя громадныя дѣла, благо прожорливость сибирскихъ крысъ или внезапный внутренній пожаръ сослуживали не разъ добрую службу *). Однимъ словомъ, волненіе въ краѣ необычайное. Чиновники мятутся словно тараканы, внезапно застигнутые свѣтомъ. Исправники и засѣдатели, эти первые образчики «административнаго товара», съ которымъ приходится знакомиться пріѣзжему, охваченные нерѣдко буквальнымъ трепетомъ, простираютъ усердіе при встрѣчахъ до геркулесовыхъ столбовъ раболѣпія и глупости. Часто, по собственному вдохновенію, не дожидаясь соотвѣтствующей бумажки, они сгоняютъ цѣлыя деревни на починку тракта, отрывая массы людей отъ спѣшныхъ работъ, и прибѣгаютъ къ самымъ отчаяннымъ мѣрамъ устрашенія въ случаѣ ропота и протеста. И они положительно замираютъ въ благоговѣйномъ недоумѣніи, когда, вмѣсто благодарности за такое вниманіе къ высокому путешественнику, вдругъ, совершенно неожиданно, получаютъ въ болѣе или менѣе приличной петербургской формѣ «дурака», наводящаго однако бо́льшую панику, чѣмъ откровенный «мерзавецъ!» разгнѣваннаго генерала старыхъ временъ.

За что? Почему?

Этотъ бѣдный дореформенный «дуракъ»—весьма неглупый, замѣтьте, во всемъ, что̀ касается обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ, привыкшій думать, что «управлять» значитъ наводить трепетъ и вымогать,—еще не настолько выдрессированъ, чтобъ обладать хорошимъ верхнимъ чутьемъ столичнаго чиновника, умѣющаго приспособляться въ каждый данный моментъ, и

---

*) Похищеніе дѣлъ изъ присутственныхъ мѣстъ — обычный пріемъ въ Сибири. Не особенно давно еще изъ губернскаго совѣта одного большого сибирскаго города исчезло уголовное дѣло о двухъ богатыхъ и вліятельныхъ коммерсантахъ, благодаря чему названные купцы оставлены лишь въ подозрѣніи.

потому всякаго высшаго начальника мѣряетъ на одинъ и тотъ же сибирскій шаблонъ, выработавшійся еще со временъ Пестеля и Трескина. Онъ боится начальства, какъ дикарь стихійной силы, и въ то же время смотритъ на него съ наивною оскорбительностью, предполагающею, что у каждаго сановника совсѣмъ особенные глаза, неспособные видѣть предметы въ ихъ подлинности, и совсѣмъ особенныя уши, до слуха которыхъ, сквозь гулъ колокольнаго звона, «уры» и безшабашнаго общаго вранья о благополучіи, не донесутся обывательскія жалобы. Хотя онъ и смекаетъ, что въ послѣднее время и по ту сторону Урала приподнятъ духъ исправниковъ, но все-таки разнообразныхъ оттѣнковъ новѣйшихъ вѣяній различить не можетъ; нерѣдко едва грамотный—газетъ онъ, разумѣется, не читаетъ — и предполагая, что сибирскіе порядки вполнѣ соотвѣтствуютъ новѣйшему «поднятію духа», не догадывается, что въ Петербургѣ мужичокъ до извѣстной степени въ модѣ, и что пріѣзжіе могутъ такъ или иначе заинтересоваться тѣмъ самымъ мужичкомъ, котораго онъ, въ качествѣ первобытнаго Держиморды, привыкъ обрабатывать, по сибирской простотѣ, безъ всякаго любезнаго заигрыванія.

Въ Сибири, гдѣ административная власть функціонируетъ съ бо̀льшимъ просторомъ, съ большею независимостью, чѣмъ въ губерніяхъ, имѣющихъ земство и гласный судъ, и гдѣ обыватель привыкъ считать законъ писаннымъ не для него, пріѣздъ новаго генералъ-губернатора будитъ во всѣхъ классахъ населенія новыя надежды. Каждый припоминаетъ обиды и несправедливости и каждый простодушно увѣренъ, что въ рукахъ такого властнаго и могущественнаго лица есть тотъ магическій талисманъ, который возстановитъ правду, утретъ слезы и превратитъ маленькаго сатрапчика въ скромнаго общественнаго слугу. И если стоустая молва донесетъ извѣстія, что «новый» доступенъ и добръ, то такого «добраго» ждутъ въ каждомъ уголкѣ Сибири, какъ Мессію, повторяя съ трогательнымъ оптимизмомъ слова некрасовской Ненилы: «Вотъ пріѣдетъ баринъ!»

Буквально цѣлыя толпы народа идутъ навстрѣчу такого добраго начальника. Въ каждомъ захолустьѣ готовятся жалобныя прошенія. Жалобы эти—все тѣ же, которыя приносились сибиряками съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуетъ Сибирь: это жалобы на самовластіе, произволъ и грабительство мѣстныхъ агентовъ. Разница между старыми временами и нынѣшними только та, что нынче можно жаловаться на исправниковъ безъ риска очутиться въ кандалахъ или быть сосланнымъ въ какую-нибудь архи-сибирскую трущобу, какъ

прежде, и подвиги, въ родѣ подвига извѣстнаго въ сибирскихъ лѣтописяхъ мѣщанина Саламатова *), уже не нужны.

«Какою волшебною силой человѣкъ, брошенный сюда, могъ вступить въ борьбу со всѣми почти чиновниками, со всѣмъ почти составомъ управленія, могъ одинъ обуздать извѣстныя сибирскія дерзости, обнаружить злоупотребленія, потрясти фортуны и ниспровергнуть цѣлую систему связей твердыхъ, обдуманныхъ и привычкою скрѣпленныхъ? Мы не въ томъ вѣкѣ живемъ, и Сибирь — не тотъ край, гдѣ бы истина могла произвести сіи явленія! Какъ я могу управлять безъ моральной власти? Скажутъ: законами, какъ будто существуютъ законы въ Сибири, всегда управляемой самовластіемъ.

«Я называю бездѣйствіемъ поверхностное отправленіе текущихъ дѣлъ, и терпимость безпорядка, и злоупотребленія. Я могъ ихъ остановить, но не истребить; ихъ порядокъ управленія, краю сему не свойственный, остается тотъ же; исправлять я его не могу; люди остаются тѣ же, перемѣнить ихъ некѣмъ. Я не могу даже дать движенія суду надъ ними, ибо тѣ, кои должны судить, сами подлежатъ суду по другимъ дѣламъ подобнымъ. Людей, отрѣшенныхъ въ одномъ уѣздѣ или въ одной губерніи, принужденъ употреблять въ другой».

Такъ жаловался въ своихъ сибирскихъ письмахъ Сперанскій, и такія же сѣтованія повторялись и повторяются лучшими административными дѣятелями Сибири.

Такимъ образомъ и теперь, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вырисовывается съ достаточною выпуклостью неизмѣнное, при извѣстныхъ условіяхъ, явленіе: трагическое безсиліе самой, повидимому, широкой власти.

Представителямъ ея, въ лучшемъ случаѣ, остается заниматься только поверхностнымъ отправленіемъ дѣлъ, и Сибирь, съ ея «классическими дерзостями» и безобразіями архаическихъ временъ, служитъ внушительною иллюстраціей къ воплямъ журнальныхъ реакціонеровъ, рисующихъ дореформенные порядки въ идеальномъ свѣтѣ.

«На всякое зло у меня развязаны руки, а на добро я безсиленъ!» — писалъ въ 20-хъ годахъ нѣмецъ Рупертъ, управлявшій Камчаткой.

---

*) Во время террора, наведеннаго на Сибирь управленіемъ Пестеля и Трескина, когда всякія жалобы перехватывались и жалобщикамъ грозили жестокія кары, иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ рѣшился пробраться въ Петербургъ и лично вручить доносъ императору Александру I. Въ 1818 г. онъ добирается черезъ Китай, черезъ степи и лѣса, въ Петербургъ, подаетъ доносъ государю и «проситъ приказать его убить, чтобъ избавить отъ тиранства Пестеля».

То же сознаютъ и теперь умные сибирскіе администраторы и, поживъ въ Сибири годъ-другой, бѣгутъ изъ нея, убѣждаясь въ своемъ безсиліи что-нибудь сдѣлать при порядкѣ управленія, краю сему не свойственномъ, по выраженію Сперанскаго.

XII.

Постукивая съ однообразною равномѣрностью машиной, «Рейтернъ» ходко шелъ впередъ, дѣлая верстъ по 15 въ часъ. Не надо было и выбирать фарватера,—иди, гдѣ хочешь, полнымъ ходомъ по широкимъ, многоводнымъ сибирскимъ рѣкамъ, особенно въ началѣ лѣта, когда большая вода затопляетъ лѣсистые берега, оставляя на поверхности свѣжую молодую зелень тальника и ивы.

Въ нѣкоторомъ разстояніи за пароходомъ, на крѣпкомъ, натянувшемся буксирѣ, буравя и вспѣнивая острымъ носомъ воду, двигалась длинная, черная, мрачная арестантская баржа. Она казалась безлюдною на видъ. На палубѣ, кромѣ рулевыхъ да часового съ ружьемъ, ни души. Многочисленные невольные пассажиры этого пловучаго «мертваго дома», заключенные въ тѣсномъ, душномъ пространствѣ подъ палубой, могли смотрѣть на кудрявые берега лишь въ небольшія окошечки съ желѣзными рѣшетками, пропускавшія мало воздуха и свѣта.

А погода была хорошая... Солнце грѣло по-лѣтнему, манило къ простору и волѣ, и, вѣроятно, не одинъ арестантъ мечталъ въ это время о побѣгѣ.

Первые дни берега рѣкъ, по которымъ мы плыли, давали по временамъ красивые пейзажи: особенно хорошъ былъ Иртышъ со своимъ утесистымъ правымъ берегомъ, покрытымъ густымъ лѣсомъ. И пустынное безлюдье не охватывало тоской. Нѣтъ-нѣтъ да вдругъ и покажется на берегу либо русская деревня съ церковью, либо татарская съ покривившимся минаретомъ, либо рѣдкія еще здѣсь убогія остяцкія юрты.

Эти татарскія деревеньки вмѣстѣ съ часто попадающимися береговыми курганами—остатки когда-то грознаго и могучаго мусульманскаго царства, бывшаго на берегахъ Туры и Тобола... Съ каждымъ годомъ татарское населеніе, говорятъ, уменьшается, постепенно вымирая. Теперь въ Тюменскомъ округѣ татаръ не болѣе трехъ тысячъ; живутъ они рыболовствомъ, извозомъ, ямскою гоньбой; хлѣбопашествомъ занимаются мало.

Черезъ сутки съ небольшимъ, раннимъ утромъ, пароходъ подходитъ къ Тобольску, единственному сколько-нибудь на-

селенному городу на всемъ громадномъ разстояніи между Тюменью и Томскомъ. За Тобольскомъ вскорѣ начинается безлюдный, пустынный пріобскій край, теряющійся въ тундрахъ Ледовитаго океана; деревни и юрты будутъ попадаться все рѣже, а два попутные городка, Сургутъ и Нарымъ, брошенные въ этой непривѣтной и мрачной пустынѣ,—захолустныя сибирскія дыры, называемыя городами единственно потому, что въ нихъ живутъ исправники.

Расположенный на правомъ нагорномъ берегу Иртыша, Тобольскъ издали казался красивымъ, чистенькимъ городкомъ, но эта иллюзія тотчасъ же разсѣялась, лишь только пароходъ подошелъ къ городу. Пароходъ долженъ былъ простоять въ Тобольскѣ около двухъ часовъ—принять запасъ дровъ и партію арестантовъ на баржу, и я воспользовался этимъ временемъ, чтобы сдѣлать кое-какія закупки по части провизіи (опытные люди предупреждали, что въ буфетѣ на сибирскомъ пароходѣ въ концѣ рейса иногда ничего нельзя получить), наскоро осмотрѣть старинный сибирскій городъ, считающій свое существованіе съ 1587 года, и взглянуть на памятникъ Ермаку, на кремль, построенный плѣнными шведами, и на пресловутый «ссыльный колоколъ»—на эти три единственныя достопримѣчательности города, показать которыя наперерывъ предлагали извозчики, пріѣхавшіе къ пристани въ ожиданіи любопытныхъ туристовъ.

Почти всѣ извозчики были евреи. Меня поразило это обстоятельство. Оказалось, что въ Тобольскѣ особенно много ссыльныхъ евреевъ, и они, въ числѣ прочихъ занятій, занимаются и извозомъ. Мой возница, молодой, рыжеволосый, съ типичною физіономіей еврей, объяснилъ мнѣ, что отецъ его былъ сосланъ, и съ тѣхъ поръ вся ихъ семья живетъ здѣсь.

— Хорошо здѣсь жить?

— Какое житье! Городъ бѣдный... Только и есть, что чиновники да нѣсколько купцовъ побогаче, а то все голье.

— Чѣмъ же занимаются еще евреи?

— А всѣмъ, чѣмъ придется. У кого мастерство, кто въ извозчикахъ, кто на базарѣ всякимъ «брахломъ» маклачитъ, кто при случаѣ и жиганитъ... У которыхъ деньги есть, подъ закладъ даютъ, только денежныхъ людей мало... Вовсе плохое здѣсь житье! Въ Россіи, говорятъ, лучше...

Часа было совершенно достаточно, чтобъ осмотрѣть этотъ неказистый, мертвенный и унылый сибирскій городъ, когда-то называвшійся столицей Сибири и долгое время бывшій резиденціей воеводъ, намѣстниковъ и генералъ-губернаторовъ. Любой изъ русскихъ губернскихъ городовъ — куда лучше.

Особенно убога нижняя, подгорная часть города, расположенная въ болотистой мѣстности, среди тинистыхъ рѣчонокъ, и заливаемая нерѣдко Иртышомъ. Тутъ, среди сырости и вони отъ сваленнаго навоза, рѣдко встрѣтишь сколько-нибудь изрядные дома. Въ неказистыхъ домишкахъ и покосившихся лачугахъ ютится бѣднѣйшая часть населенія: коренные обитатели—мѣщане, мелкіе чиновники, евреи. Въ этой же части города помѣщаются и учебныя заведенія.

Подпрыгивая, словно по клавишамъ, по трясущейся бревенчатой мостовой, проложенной на нѣкоторыхъ улицахъ, наша «гитара» («гитара» — излюбленный экипажъ въ сибирскихъ городахъ, гдѣ есть извозчики) стала подниматься въ гору по широкому ущелью. Слѣва, на холмѣ, сверкали куполы церквей, бѣлѣли стѣны и башни кремля, виднѣлась красивая арка, а справа—зеленѣлъ садъ.

Остановились у сада.

Вошли въ запущенный городской садъ и скоро по аллеѣ дошли до небольшого, не особенно изящнаго обелиска изъ сѣраго мрамора. Обошли кругомъ, прочли надпись: «Ермаку—покорителю Сибири», вспомнили поэтическія проклятія Некрасова, обращенныя къ этому завоевателю дальняго Востока, пошли изъ сада и поѣхали на другую сторону, гдѣ на высокомъ холмѣ расположены присутственныя мѣста, кремль, архіерейскій домъ и нѣсколько частныхъ зданій.

Сооруженія кремля, арка, соединяющая ихъ съ бывшимъ губернаторскимъ «дворцомъ», нынѣ занятымъ присутственными мѣстами, и архіерейскій домъ — вотъ и всѣ сколько-нибудь замѣтныя постройки, да и этими постройками Тобольскъ обязанъ иностранцамъ—плѣннымъ шведамъ, попавшимъ въ Сибирь. Украшать городъ заставилъ ихъ знаменитый даже и въ сибирскихъ лѣтописяхъ сатрапъ-хищникъ, князь Гагаринъ, окончившій свои дни, какъ извѣстно, на висѣлицѣ за беззаконія, притѣсненія, взятки и, какъ гласитъ преданіе, за сепаратистическія стремленія.

Этотъ «экземпель», какъ выразился по поводу казни грозный царь Петръ, мало однако принесъ пользы. Не далѣе какъ въ 1736 году опять была казнь: казнили Жолобова, который «злохитростными вымыслами, изъ великихъ себѣ взятокъ составилъ огромное состояніе». Затѣмъ шелъ непрерывный рядъ подобныхъ же самовластныхъ и грабившихъ сибирскихъ сатраповъ. Князь Гагаринъ, по крайней мѣрѣ, оставилъ по себѣ память, какъ сдѣлавшій кое-что для Сибири и особенно для Тобольска. При немъ, между прочимъ, отведено устье Тобола, заведена первая латинская школа, устроенъ театръ.

Вблизи отъ архіерейскаго дома находится и другая тобольская достопримѣчательность — «ссыльный колоколъ», надпись на которомъ (очевидно, поздняго происхожденія) гласитъ, что «сей колоколъ, въ которой били въ набатъ при убіеніи царевича Дмитрія 1593 года присланъ изъ Углича въ Сибирь».

Послѣ «ссыльнаго» колокола осматривать было нечего, и мы поѣхали къ пристани.

У пристани—оживленіе. Тобольская публика, несмотря на ранній часъ, собралась поглазѣть къ пароходу. Нѣсколько полицейскихъ чиновъ озабоченно ходили взадъ и впередъ, ожидая возвращенія генералъ-губернатора изъ города. Городовые щеголяли въ новыхъ мундирахъ.

По обѣимъ сторонамъ ближайшей къ пристани улицы расположились торговки и торговцы съ хлѣбомъ, молокомъ, колбасой, рыбой, и пассажиры гуляли между рядами, запасаясь всякимъ добромъ. Находящіяся поблизости лавки и лавчонки гостепріимно раскрывали свои двери.

Въ двухъ бакалейныхъ лавкахъ, въ которыхъ пришлось побывать, хозяева были поляки. И среди торговавшихъ на улицѣ нерѣдко можно было слышать русскій говоръ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ. Это все бывшіе политическіе ссыльные. Сибирь была полна ими послѣ 1863 года: въ одномъ Тобольскѣ, напримѣръ, было, какъ мнѣ передавали, свыше трехъ тысячъ ссыльныхъ поляковъ. Амнистія дала возможность большинству возвратиться на родину, но многіе и остались: одни не имѣли средствъ вернуться, другіе боялись бросить насиженныя здѣсь мѣста. Многіе привыкли къ краю, обжились въ немъ, поженились на русскихъ, обзавелись семьями и теперь служатъ здѣсь, лѣчатъ, торгуютъ, занимаются ремеслами, содержатъ гостиницы, имѣютъ кабаки. Въ Тобольскѣ, говорятъ, поляковъ осталось особенно много.

Купивши консервовъ нельмы мѣстнаго производства, польскихъ булокъ и польскихъ колбасъ, я возвратился на пароходъ.

Арестантская баржа, которую мы видѣли въ отдаленіи, стояла теперь бортъ-о-бортъ съ пароходомъ, въ ожиданіи привода новой партіи.

Въ пространствѣ между крышей баржи и палубой, огороженномъ кругомъ толстою желѣзною рѣшеткой, толпились старики, молодые, женщины, дѣти. Это пространство, представляя собой громадныхъ размѣровъ желѣзную клѣтку, раздѣлялось на нѣсколько отдѣленій; въ одномъ были люди въ арестантскомъ костюмѣ и въ кандалахъ, въ другомъ—безъ кандаловъ и въ своемъ платьѣ, въ третьемъ были семейные, которыхъ сопровождали жены и дѣти. Внизу, подъ палубой,

жилое помѣщеніе и одиночныя камеры. Рубки, расположенныя по концамъ баржи, назначались, какъ мнѣ объяснили, для привилегированныхъ и для больныхъ. Для политическихъ есть особенное отдѣленіе; они были невидимы.

Арестанты стояли и сидѣли у рѣшетки, глазѣли на пароходъ и на «вольныхъ» людей, покупали у торговокъ хлѣбъ, подъ наблюденіемъ этапныхъ солдатъ, шутили, смѣялись, громко острили, по временамъ позвякивая ножными кандалами.

И какое разнообразіе племенныхъ типовъ и лицъ собрано было въ этой клѣткѣ съ разныхъ концовъ Россіи!

Тутъ и чистокровный, красивый кавказскій типъ горца, сурово, съ надменнымъ спокойствіемъ озирающаго своими большими темными глазами публику, и выдавшіяся скулы, узкіе разрѣзы глазъ и характерный носъ представителя монгольской расы, и мясистыя, широкія, добродушныя лица великоруссовъ рядомъ съ застывшею улыбкой на тупой, неподвижной физіономіи финской расы, и наконецъ серьезно-вдумчивое выраженіе хохла.

Среди всѣхъ этихъ разноплеменныхъ представителей «преступнаго элемента» бросались прежде всего въ глаза типичныя, «звѣрскія» лица, съ низкими узкими лбами, головами микроцефаловъ, съ тупыми взглядами исподлобья, — лица, напоминавшія первобытнаго человѣка-звѣря, дававшія, казалось, богатый матеріалъ скорѣй для психіатровъ, чѣмъ для прокуратуры, пославшей ихъ сюда на новыя преступленія. Встрѣчались даже характерно-отчаянныя физіономіи, полныя безшабашной, смѣющейся удали, — сверкающіе взгляды, рѣшительно сжатыя губы и сумрачно сдвинутыя брови; были и плутовато-умные, юркіе глазки на продувныхъ, измятыхъ лицахъ, напоминающихъ обитателей трущобъ и притоновъ большихъ городовъ. Но большинство, или, по крайней мѣрѣ, половина всѣхъ этихъ людей имѣли самыя обыкновенныя, нехитрыя, простыя, нерѣдко добродушныя русскія лица, съ покорнымъ, нѣсколько приниженнымъ, но не унылымъ выраженіемъ,—такія, какія вы встрѣчали на каждомъ шагу въ народѣ, съ тою только разницей, что у всѣхъ почти пассажировъ баржи былъ блѣдно-сѣрый, съ землистымъ оттѣнкомъ, цвѣтъ лица, тотъ характерный арестантскій цвѣтъ, который неразлученъ съ долгимъ тюремнымъ заключеніемъ.

Присутствіе бабъ и дѣтей въ семейномъ отдѣленіи нѣсколько смягчало картину людского несчастія. И лица арестантовъ, бывшихъ въ этомъ отдѣленіи, казались спокойнѣе и добрѣе.

Вся обстановка имѣла смягчающій семейный характеръ, и

если-бъ не видъ этой клѣтки, не эти сѣрыя пятна и блѣдныя лица, выдѣляющіяся среди пестрыхъ цвѣтныхъ сарафановъ и болѣе сравнительно здоровыхъ женскихъ и дѣтскихъ лицъ, то можно было бы подумать, что идутъ переселенцы. Мирныя сцены здѣсь напоминали обычныя жанровыя картинки домашней жизни. Тутъ смѣялись, давали дѣтямъ подзатыльники, вычесывали имъ головы, лакомились булками,—словомъ, жили точно такъ же, какъ и на волѣ. Но именно эта-то семейная обстановка рядомъ съ кандалами, эти безпечныя личики крошечныхъ дѣтей, выглядывавшихъ изъ-за рѣшетки, напоминая о контрастахъ, производили тяжелое впечатлѣніе.

Одна изъ такихъ обычныхъ семейныхъ сценъ неизгладимо врѣзалась въ моей памяти.

У самой рѣшетки сидѣлъ арестантъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, совсѣмъ мужицкой складки, съ добрымъ, простымъ, ничѣмъ не замѣчательнымъ лицомъ. Онъ держалъ на одной рукѣ мальчугана, любопытно смотрящаго на пароходъ, и о чемъ-то ему разсказывалъ, показывая на трубу, изъ которой шелъ легкій дымокъ. Въ это время крошка-дѣвочка, сойдя съ рукъ молодой бабенки, подползла къ отцу и, весело смѣясь, стала теребить отцовскіе кандалы. Ее, очевидно, забавляли они, но крошечныя ручонки были безсильны. И отецъ, обративъ вниманіе на дѣвочку, сталъ ее забавлять, позвякивая кандалами. Дѣвочка была въ восторгѣ. Арестантъ, любовно поглядывая на нее, улыбался и снова потряхивалъ кандалами.

Такія «идилліи» заставляли отворачиваться...

Палубные пассажиры, преимущественно переселенцы, передавали арестантамъ черезъ этапныхъ солдатъ копеечки, булки и куски сахара. Кое-кто и изъ классныхъ пассажировъ, предпочтительно женщины, передавали свою лепту. Принимая приношеніе, арестанты крестились.

Тѣмъ временемъ изъ города привели партію и стали размѣщать на баржѣ. Партіонный офицеръ, докторъ, этапные солдаты—всѣ были въ новенькихъ мундирчикахъ, не то, что обыкновенно. Скоро партія была размѣщена, раздались свистки, и пароходъ отвалилъ отъ пристани, на которой стояла толпа глазѣвшей публики. Минутъ черезъ пятнадцать Тобольскъ скрылся за высокимъ берегомъ Иртыша.

По сравненію съ другими большими сибирскими рѣками, Иртышъ не особенно широкъ; зато онъ глубокъ и съ быстрымъ теченіемъ; ни мелей ни перекатовъ на немъ нѣтъ. Правый его берегъ, крутой, обрывистый, поднимающійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до значительной высоты, покрытый зеленью вѣковыхъ сосенъ, пихтъ и елей, густо нависшихъ

надъ рѣкой, не лишенъ своеобразной, нѣсколько мрачной красоты дикаго величія. Лѣвый берегъ совсѣмъ низкій: затопленный тальникъ и пески, снова пески и тальникъ утомляютъ своимъ однообразіемъ. Изрѣдка, впрочемъ, рѣка вдругъ врывается въ сравнительно узкое пространство крутыхъ, высокихъ береговъ съ обѣихъ сторонъ, но такія мѣста рѣдки.

Песчаный правый берегъ Иртыша, подвергаясь подмыву, случается, обваливается, и эти обвалы или, какъ сибиряки говорятъ, «оползни», падая съ грохотомъ и шумомъ съ высоты въ воду, бываютъ причиной аварій и несчастій. Такое несчастіе именно случилось недѣли за три до нашего прохода. Верстахъ въ двухстахъ отъ устья Иртыша мы видѣли шкуну, лежащую безпомощно на боку въ пескахъ. Она проходила въ верстѣ отъ праваго берега какъ разъ въ моментъ обвала. Отъ паденія такой массы земли съ вѣковыми деревьями вода отпрянула отъ берега, образовавъ на рѣкѣ волненіе, и настолько сильное, что опрокинуло плоскодонную шкуну, бывшую, вѣроятно, безъ надлежащаго балласта, отбросивъ ее къ лѣвому берегу. Баржа съ грузомъ, которую вела на буксирѣ шкуна, выдержала волну и осталась невредима. Изъ экипажа и пассажировъ шкуны нѣсколько человѣкъ погибли въ рѣкѣ, нѣсколько были изувѣчены. День спустя послѣ катастрофы, на «Рейтернѣ», проходившемъ у этихъ мѣстъ, услыхали съ берега крики. Пароходъ остановился и забралъ людей, требовавшихъ помощи.

Чѣмъ выше поднимался къ сѣверу пароходъ, тѣмъ становилось безлюднѣе и пустыннѣе. Иртышъ становился шире, правый его берегъ понижался. Миновавъ Самарово, русское село близъ устья Иртыша, пароходъ вошелъ въ Обь, вступивъ въ угрюмую страну таежныхъ тундръ и лѣсовъ. Мы были въ громадной безлюдной пустынѣ пріобскаго края. Здѣсь мы поднялись до самаго сѣвернаго пункта нашего путешествія, переваливъ за 61° широты, и были, по сибирскому счету разстояній, не очень далеко отъ Ледовитаго океана, который и давалъ знать о своей близости холоднымъ, суровымъ дыханіемъ.

Войдя въ Обь, мы повернули и пошли вверхъ по рѣкѣ, постепенно уклоняясь къ юго-востоку.

XIII.

Трудно представить себѣ что-нибудь однообразнѣе и унылѣе этой широкой, разлившейся на необозримыя пространства, рѣки съ ея низкими, затопленными лѣсистыми берегами.

Куда ни взглянешь,—все та же безпредѣльная тайга по обѣ стороны. Эти тундры тянутся вплоть до Ледовитаго океана. Безлюдье полное. Рѣдко-рѣдко встрѣтится маленькая разбросанная кучка убогихъ остяцкихъ или самоѣдскихъ юртъ, да гдѣ-нибудь подъ берегомъ промелькнетъ душегубка-челнокъ съ «печальнымъ пасынкомъ природы»—самоѣдомъ или остякомъ-рыболовомъ. И опять въ теченіе дня ни одного строенія, ни единой души. Тайга да вода, вода да тайга, и масса комаровъ—«гнуса», какъ называютъ ихъ мѣстные жители.

И погода была какъ разъ подъ стать этой постылой природѣ. Солнце выглядывало украдкой и грѣло скупо въ началѣ іюня. Мутныя свинцовыя облака низко повисли надъ свинцовою рѣкой. Рѣзкій холодный вѣтеръ съ близкаго сѣвера волновалъ рѣку, играя на ней серебристыми барашками, и напѣвалъ унылую пѣсню, качая верхушки прибережныхъ деревьевъ.

Становилось просто жутко. Тоска невольно охватывала пріѣзжаго человѣка. Неужели здѣсь можно жить?

Живутъ люди и въ этихъ проклятыхъ мѣстахъ (есть, впрочемъ, мѣста еще хуже, поближе къ Ледовитому океану, напримѣръ, Вилюйскъ, Верхоянскъ). Преимущественно по притокамъ Оби, близъ «урмановъ» *), гдѣ больше водится звѣрь, разбросаны рѣдкія селенія аборигеновъ страны, несчастныхъ инородцевъ. Есть, кромѣ того, здѣсь и такъ-называемые административные «центры», въ видѣ отчаянныхъ городишекъ, брошенныхъ въ эти трущобы. Въ подобныхъ, неизвѣстно для чего существующихъ «центрахъ», въ родѣ Сургута или Нарыма, кромѣ бурбонистаго исправника или засѣдателя да двухъ-трехъ чиновниковъ, вносящихъ цвѣтъ цивилизаціи къ инородцу посредствомъ взятокъ, живетъ нѣсколько сотенъ обывателей (потомковъ прежде поселенныхъ казаковъ) и уголовныхъ ссыльныхъ, десятокъ рыбопромышленниковъ и скупщиковъ пушнины—отчаянныхъ грабителей-кулаковъ, содѣйствующихъ всѣми силами вымиранію инородцевъ и уничтоженію звѣря и рыбы, и обязательно нѣсколько человѣкъ неуголовныхъ ссыльныхъ. Безъ десятка-другого такихъ невольныхъ туристовъ немыслима никакая сибирская дыра, и чѣмъ она трущобистѣе и отдаленнѣе, тѣмъ больше шансовъ встрѣтить въ ней нѣсколькихъ подобныхъ молодыхъ людей «безъ опредѣленныхъ занятій».

Что же они тамъ дѣлаютъ?

Этотъ вопросъ невольно напрашивался послѣ того, какъ мы

---

*) Глухія лѣсныя трущобы здѣсь называются «урманами».

миновали Сургутъ, захолустный городишко, брошенный въ обскихъ тундрахъ (подъ 61° 14′ и 90° 50′ долготы) и отрѣзанный зимой отъ божьяго міра. Объ этомъ «центрѣ» мы слышали отъ бывавшихъ тамъ людей, самого же его не видали, такъ какъ къ самому Сургуту, построенному не на Оби, а на притокѣ ея, рѣчкѣ Бардаковкѣ, пароходы не подходятъ. Пароходная пристань находится верстахъ въ десяти отъ городка.

Въ числѣ пассажировъ нашелся одинъ, который могъ дать болѣе или менѣе обстоятельный отвѣтъ на заданный вопросъ. Это былъ господинъ лѣтъ за сорокъ, съ умнымъ и симпатичнымъ лицомъ, возвращавшійся изъ Нижняго, куда онъ ѣздилъ по торговымъ дѣламъ. Спеціально «купеческаго» не было ничего ни въ его манерѣ ни въ его рѣчи, — и фигура и разговоръ обличали интеллигентнаго человѣка. Оказалось, что онъ случайный сибирскій житель. Попалъ онъ въ Сибирь въ 1865 году, двадцати лѣтъ отъ роду, со второго курса университета, замѣшанный въ какое-то политическое дѣло, и, въ качествѣ молодого человѣка безъ опредѣленныхъ занятій, живалъ во многихъ сибирскихъ дырахъ, передвигаясь постепенно съ дальняго востока на западъ. Затѣмъ, когда по манифесту ему были возвращены всѣ права, онъ получилъ опредѣленныя занятія въ одномъ сибирскомъ торговомъ домѣ. Семья помѣшала ему возвратиться въ Россію.

Вотъ этотъ-то свѣдущій человѣкъ, сохранившій, несмотря на многія испытанія судьбы, не только бодрость духа и здоровье, но и веселость характера, жилъ, между прочимъ, года три и въ Нарымѣ, который, по его словамъ, еще хуже Сургута.

— Жутко приходилось,—разсказывалъ онъ.—Общества никакого, занятій въ Нарымѣ никакихъ пріискать нельзя,— какія тамъ могутъ быть занятія?

— И что̀ же вы дѣлали?

— Да ничего не дѣлалъ. Ходилъ на рѣку, ѣздилъ на рыбную ловлю, изучалъ бытъ остяковъ, кое-что почитывалъ, коли попадались книжки... Бывалъ на именинахъ у мѣстныхъ тузовъ изъ купцовъ и обязательно съ ними пьянствовалъ. Засѣдатель еще, по счастію, человѣкоподобный попался, хотя и пилъ запоемъ, но безъ толку не отравлялъ жизни; а вообразите себя въ такомъ захолустьѣ да въ полной зависимости отъ какого-нибудь пьянаго, еле грамотнаго, глупаго звѣря, воображающаго, что его задача состоитъ въ томъ, чтобы доконать человѣка безсмысленными придирками. А вѣдь и такіе попадались... Мы были со своимъ начальствомъ, впро-

чемъ, въ отличныхъ отношеніяхъ... Вдобавокъ онъ во мнѣ нуждался...

— Какъ такъ?—заинтересовался я.

— А я за него писалъ годовые отчеты по управленію Нарымскимъ краемъ. Какъ, бывало, наступитъ время посылать въ губернскій городъ матеріалъ для составленія общаго отчета по губерніи, мое начальство ко мнѣ... Плохъ онъ былъ въ грамотѣ...

— Какъ, вы, ссыльный, писали административные отчеты?— расхохотался я.

— Это здѣсь не рѣдкость! Иной исправникъ совсѣмъ не умѣетъ связать нѣсколькихъ предложеній, а отчета требуютъ... Кто-жъ напишетъ, коли въ какомъ-нибудь сибирскомъ городкѣ иногда нѣтъ ни одного, буквально ни одного грамотнаго человѣка? Ну, и проситъ помочь случайнаго грамотнаго жителя... Въ наше время и обыватели не сторонились и вообще какъ-то мирнѣе было.

— А послѣ развѣ хуже стало?

— Больше безполезныхъ придирокъ... Ну, куда, скажите, вы убѣжите изъ какого-нибудь Нарыма?.. А бываютъ такіе начальники, которые не пускаютъ васъ за городъ... И обыватель, подъ давленіемъ такого начальства, обѣгаетъ... никакого занятія не даетъ и въ большомъ городѣ, гдѣ есть возможность что-нибудь заработать. И живи, какъ знаешь, на шесть рублей мѣсячнаго казеннаго пособія... Шибко бѣдуютъ... Уроковъ давать нельзя, практиковать врачу нельзя... Одинъ вотъ пріѣхалъ съ женой въ Тюкалу, такъ сталъ вывѣски писать... Другой стекла вставлялъ... Такъ много ли вывѣсокъ-то всѣхъ въ Тюкалѣ?

— Это вы про политическихъ? — вступилъ въ разговоръ бывшій тутъ ех-исправникъ. — Ахъ, я вамъ доложу, господа, чистая бѣда съ ними... Съ одной стороны, боишься, какъ бы изъ-за нихъ въ отвѣтѣ не быть, съ другой — опять видишь, что человѣку, что̀ называется, ни тпру ни ну... Вотъ тутъ и разводи бобами... Да вотъ въ Нижне-Илимскѣ былъ случай... Жилъ тамъ на покаяніи молодой докторъ одинъ, съ женой. Такъ, бывало, пойдутъ на рѣку да съ удочками и сидятъ. Тѣмъ только и поддерживали себя... А какъ нарочно въ ту пору народъ шибко мёръ, тифы, да скарлатины, да дифтериты, а на цѣлый округъ одинъ врачъ, котораго и съ собаками не сыщешь. Зовутъ люди этого самаго рыболова-доктора, а онъ не смѣетъ подать помощь, потому что не дозволено... Пріѣхалъ я и вижу, что дѣлать нечего... Разрѣшить не разрѣшилъ, а такъ, знаете ли, на словахъ говорю: «Лѣ-

чите, молъ, коли хотите, но въ случаѣ чего... я не разрѣшалъ...» Смѣется и обрадовался... Сталъ лѣчить народъ и вздохнулъ, — видитъ, что помощь есть... Да только блажной какой-то былъ этотъ докторъ... Большой чудакъ...

— А что?

— Да какъ же?.. Могъ бы онъ въ тѣ поры деньги заработать, всякій охотно бы ему платилъ, а онъ лѣчилъ даромъ... Только съ подвальнаго да съ богатыхъ и бралъ плату... Много ли съ такихъ наберешь?.. Послѣ, какъ отбылъ свой пятилѣтній терминъ и сталъ въ нѣкоторомъ родѣ свободнымъ гражданиномъ, выѣхать-то и не на что... Такъ и остался въ Сибири, мѣсто городового врача въ какомъ-то городишкѣ, слышалъ я, получилъ...

Много еще интереснаго разсказывали свѣдущіе люди о жизни случайныхъ гостей въ Сибири, но передавать эти разсказы не стану.

Черезъ недѣлю этого однообразнаго плаванія съ остановками у пустынныхъ береговъ для пополненія запаса дровъ, пароходъ подошелъ къ нарымской пристани. Самый Нарымъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ.

На песчаномъ берегу островка было нѣсколько построекъ: маленькій домикъ для пассажировъ, пекарня для заготовки хлѣба на арестантскую баржу и лавчонка. На берегу собрались мѣстные жители съ молокомъ, яйцами, хлѣбомъ и просто въ качествѣ любопытныхъ зрителей. Двѣ дамы въ шляпкахъ и съ зонтиками въ рукахъ, очевидно, принадлежали къ нарымской аристократіи.

Нѣсколько остяковъ и остячекъ сидѣли на бревнахъ и апатично глядѣли на пароходъ. Другіе подъѣхали на своихъ челнокахъ съ рыбой. Дешевизна рыбы (маленькія порціонныя стерлядки, напримѣръ, продавались по семи-восьми копеекъ) поражала пассажировъ, особенно петербуржцевъ.

Я подошелъ къ группѣ остяковъ и заговорилъ съ ними. Только одинъ изъ нихъ могъ отвѣтить по-русски, да и то съ грѣхомъ пополамъ, мѣшая русскія слова съ остяцкими.

Тяжелое впечатлѣніе производятъ остяки. Вообразите себѣ маленькую, неуклюжую фигуру, плоское темно-желтое лицо, узкіе гноящіеся глазки и шапку нечесанныхъ, жесткихъ, черныхъ волосъ на головѣ. Выраженіе лица покорно-тупое. Я наблюдалъ одного остяка. Въ продолженіе четверти часа онъ сидѣлъ неподвижно, безсмысленно устремивъ глаза въ одну точку. Одѣты они были въ рубахахъ и портахъ изъ самаго грубаго холста... Ни сапогъ ни шапокъ ни у кого не было.

И мѣстная статистика и свидѣтельства наблюдателей единогласно подтверждаютъ фактъ постепеннаго вымиранія этого полудикаго народца финскаго племени. Сифилисъ и разныя эпидеміи и грубая эксплоатація, доводящая до нищеты, губятъ ихъ. Помощи они ни откуда не имѣютъ. Въ Нарымскомъ краѣ, площадь котораго занимаетъ 300 верстъ по Оби и 2.000 верстъ съ запада на востокъ, всего одинъ врачъ. Сообщенія примитивныя: лѣтомъ — на лодкахъ, а зимой — на саняхъ на весьма ограниченномъ протяженіи, главнымъ же образомъ—на лыжахъ. Понятно, что медицинская помощь безсильна. Нерѣдки случаи и голодовокъ. «Вотъ уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, какъ остяки Сургутскаго округа подвергаются самымъ ужаснымъ бѣдствіямъ. Рыбные и звѣриные промыслы у нихъ съ каждымъ годомъ дѣлаются все хуже и хуже, а хлѣбъ дорожаетъ. Остяки впали въ крайнюю нищету; между ними появился голодъ. Разсказываютъ, что года четыре или пять тому назадъ среди умиравшихъ отъ голода остяковъ дѣло доходило до *людоѣдства*. Кто былъ посильнѣй, тотъ хваталъ слабѣйшаго, убивалъ его и съѣдалъ. Въ нынѣшнемъ году въ сравнительно короткое время изъ ваховскихъ и другихъ остяковъ умерло отъ голода, по однимъ разсказамъ—40, по другимъ—до 70 душъ. Все это происходило въ виду казенныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, устроенныхъ въ центрѣ остяцкихъ поселеній» *).

Въ поясненіе этого надо замѣтить, что остяки, звѣроловы и рыболовы по преимуществу, не занимаются хлѣбопашествомъ, да и въ томъ краѣ мало удобныхъ для того мѣстъ. Для продовольствія инородцевъ устроены хлѣбные магазины, изъ которыхъ должна отпускаться мука за деньги, а иногда и въ долгъ, по дешевой цѣнѣ. Мѣра эта, повидимому, и разумная, не достигаетъ цѣли. Завѣдующіе этими магазинами вахтера, большею частью изъ мѣстныхъ казаковъ, дѣлаютъ возмутительныя злоупотребленія, вступая въ стачку съ частными торговцами мукой. Они продаютъ имъ всю казенную муку, записывая ее проданной инородцамъ, и эти послѣдніе должны поневолѣ покупать муку и соль у мѣстныхъ русскихъ кулаковъ по болѣе дорогой цѣнѣ.

Рыболовство, чѣмъ прежде свободно занимался исключительно для себя инородецъ, давно уже перешло въ руки русскихъ кулаковъ-промышленниковъ, завладѣвшихъ насиліемъ и обманомъ лучшими «песками» на Оби, принадлежащими остякамъ. По свидѣтельству людей, близко знакомыхъ съ дѣ-

---

*) Корреспонденція изъ Сургута (*Петерб. Газета* 1885 г.).

ломъ, эксплоатація инородцевъ является въ грубѣйшей, возмутительной формѣ. То же самое продѣлывается и звѣроловами. За тяжкій промыселъ въ глухихъ урманахъ, гдѣ инородецъ, въ поискахъ бѣлки, медвѣдя и лисицы, рискуетъ ежеминутно жизнью, вознаграждается, разумѣется, не промышленникъ, а скупщикъ-кулакъ, у котораго инородецъ всегда въ долгу. Спаиваніе водкой играетъ немалую роль при этомъ *).

Остяки офиціально христіане, но въ дѣйствительности язычники, исповѣдующіе культъ грубаго фетишизма. Они поклоняются идоламъ, обоготворяютъ камни. Идолы ихъ—грубыя человѣкоподобныя фигуры, сдѣланныя изъ дерева. Въ старое время, говорятъ, находили идоловъ, сдѣланныхъ изъ мѣди и даже изъ золота. Остяки скрываютъ гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ тайги своихъ идоловъ, боясь, чтобы не провѣдали русскіе и не обворовали ихъ, такъ какъ остяки приносятъ жертвы и деньгами

По словамъ людей, наблюдавшихъ остяковъ, они честны, воровство у нихъ почти неизвѣстно. Ихъ покорно-забитый видъ, тупость выраженія не должны однако свидѣтельствовать объ отсутствіи умственныхъ способностей. Они, правда, умственно неподвижны, но инородецъ-звѣроловъ нерѣдко высказываетъ немало смѣтливости и находчивости. Они скрытны и неохотно высказываются; русскихъ не долюбливаютъ. Живутъ они бѣдно и грязно. Въ ѣдѣ неразборчивы: остякъ ѣстъ и рыбу и мясо въ сыромъ видѣ, непрочь и отъ крысъ.

«Когда рѣжутъ оленя—въ остяцкихъ селеніяхъ торжественное событіе. Группа остяковъ окружаетъ только-что зарѣзанное животное, и лишь его освободятъ отъ верхнихъ покрововъ, какъ остяки, живо работая острыми ножами, глотаютъ, кусокъ за кускомъ, теплое сырое мясо, мокая его въ кровь или запивая ею».

Такъ описываетъ остяцкую пирушку г. Павловъ, авторъ небольшой, не лишенной интересныхъ свѣдѣній книги: *3.000 верстъ по рѣкамъ Западной Сибири,* изданной въ 1878 году въ Тюмени. По словамъ того же автора, лучшее лакомство остяковъ—кишки бѣлокъ, наполненныя орѣхами. Онѣ ѣдятся остяками съ величайшимъ наслажденіемъ.

Сколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ имѣется весьма мало

---

*) О промыслахъ въ Нарымскомъ краѣ есть прекрасно составленный очеркъ г. Шестаковича въ *Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества* за 1884 годъ, а о положеніи промысловыхъ рабочихъ можно найти интересныя свѣдѣнія въ *Сибирской Газетѣ* (1884 и 1885 гг.). и *Сибирскомъ Вѣстникѣ* (1885 г.).

обстоятельныхъ работъ о бытѣ остяковъ, объ ихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Очень жаль, что ученыя общества не посылаютъ сюда солидныхъ изслѣдователей. Пройдетъ время, и, пожалуй, остякъ исчезнетъ съ лица земли.

XIV.

На девятый день мы вошли въ Томь. До Томска уже было недалеко. Пассажиры обрадовались: такъ надоѣли имъ однообразное плаванье и обычная пароходная жизнь; всѣмъ, какъ Колумбовымъ спутникамъ, хотѣлось «берега».

Пристать мы должны были не къ самому Томску,—къ городу пароходъ подходитъ только весною,—а къ Черемошину, селенію верстахъ въ шести отъ города. Тамъ пароходная пристань и тамъ же бараки для переселенцевъ.

Уже пристань была въ виду, какъ нашъ пароходъ сталъ на мель. Провозившись съ добрый часъ, сгрузили часть груза на подошедшія лодки, и только тогда снова двинулись и наконецъ подошли къ пристани.

Черезъ полчаса на двухъ извозчикахъ, въ сопровожденіи двухъ телѣгъ съ багажомъ, мы отправились въ столицу Западной Сибири. Расположенный на холмистой поверхности, окаймленный зеленѣющими лѣсами, сверкавшій куполами своихъ церквей подъ лучами заходящаго солнца, Томскъ издалека казался привлекательнымъ городомъ, и мы всѣ нетерпѣливо ждали города, заранѣе предвкушая удовольствіе хорошо выспаться на твердой землѣ послѣ закуски и чая.

Но, увы! телѣги съ багажомъ, которыя мы конвоировали, не позволяли намъ двинуться съ приличною скоростью, вдобавокъ и эти дрожки-гитары, попавшіяся намъ, заставляли удерживать усердіе возницъ изъ боязни потерять маленькихъ пассажировъ, еще не приспособившихся къ балансированію на этихъ неудобныхъ орудіяхъ передвиженія.

Наконецъ показались строенія, довольно плохонькія. Вотъ и улица, немощеная, съ деревянными мостками по бокамъ, вмѣсто тротуаровъ, съ низенькими невзрачными деревянными домами. Мои маленькія спутницы почему-то вообразили, что мы не въ городѣ еще, а въ предмѣстьѣ, и нетерпѣливо спрашиваютъ извозчика: «скоро ли городъ?» Оказалось, что мы не только въ «самомъ Томскѣ», но даже на главной улицѣ. Я утѣшалъ, что дальше городъ будетъ лучше, но мы ѣхали дальше, а городъ все красивѣй не дѣлался.

Наконецъ нашъ поѣздъ остановился у единственной томской гостиницы. «Ни одного номера! Все, что было, занято подъ генералъ-губернатора!» — сообщилъ намъ выбѣжавшій

лакей. Повернули и поѣхали въ номера Войцеховскаго. «Былъ одинъ номеръ, преотличный, да только-что заняли!»—утѣшили насъ и тамъ.

Нашъ кортежъ (двѣ телѣги впереди и двѣ «гитары» позади) направился, по совѣту извозчиковъ, на постоялый дворъ. Подъѣхали къ воротамъ. Вхожу на грязный «постоялый дворъ». Меня встрѣчаетъ сама хозяйка, нѣсколько смахивающая на вѣдьму, первымъ дѣломъ спрашиваетъ: «чьи вы будете?» и уже потомъ говоритъ, что у нея есть лишь одна свободная комната. Осматриваю: комнатка крохотная, кровать безъ тюфяка, грязь образцовая. Предлагаетъ еще коридорчикъ на ночь («спокойный коридорчикъ») и снова, пріятно оскаливая зубы, спрашиваетъ: «чьи вы будете и зачѣмъ пріѣхали?»

Отвѣтивъ ей, что я прибылъ въ Томскъ для того, чтобы открыть хорошій постоялый дворъ, и повергнувъ ее въ недоумѣніе, я вышелъ за ворота и устроилъ съ извозчиками маленькое совѣщаніе, куда теперь направиться? Въ этомъ митингѣ приняли участіе и двое прохожихъ, вмѣшавшіеся въ наше дѣло, ни ничего путнаго не присовѣтовавшіе.

Рѣшили ѣхать на другой постоялый дворъ. «Тамъ хоть и не очень чтобы чисто, а вѣрно номера есть!»—совѣтовали оба извозчика, выражаясь объ этомъ дворѣ съ видимою осторожностью.

Тронулись. Опять ѣдемъ по той же улицѣ (мы ее въ этотъ вечеръ основательно изучили), доставляя скучавшимъ томичамъ даровой спектакль. А маленькія наши спутницы уже начинаютъ зябнуть въ своихъ лѣтнихъ ватерпруфчикахъ, пробывъ часа два, если не всѣ три, на воздухѣ, который въ этотъ вечеръ не отличался теплотой. Уже начинаетъ темнѣть, когда нашъ поѣздъ остановился у постоялаго двора въ одной изъ боковыхъ улицъ. И тамъ ничего нѣтъ. Все занято извозчиками-обозниками.

Этотъ отвѣтъ нѣсколько смутилъ насъ. Не ночевать же на улицѣ! Совѣтуютъ ѣхать на третій постоялый дворъ въ одной изъ большихъ улицъ. Снова выѣхали на злополучную большую улицу. Всѣ молчаливы и смущены, какъ вдругъ изъ воротъ одного дома насъ поманили.

«Стой!» Остановились.

Какой-то черкесъ подошелъ и сказалъ, что въ этомъ домѣ есть комнаты, можно пристать. Оказалось, что этотъ черкесъ (изъ ссыльныхъ, конечно) былъ кучеромъ и дворникомъ.

Я уже не осматривалъ комнатъ, а мы всѣ прямо пошли въ домъ. Любезная и милая хозяйка провела насъ въ двѣ

маленькія комнатки и обѣщала устроить насъ. Не прошло и четверти часа, какъ ужъ на столѣ шумѣлъ пузатый самоваръ, появились булки, масло и сливки, и затѣмъ внесли блюдо жареной телятины. Мы имѣли не только пристанище, но и отличный ужинъ.

Спасибо милой сибирячкѣ! Она насъ дѣйствительно устроила и призрѣла въ этотъ злополучный вечеръ нашего пріѣзда въ Томскъ съ радушіемъ и вниманіемъ, оставившимъ самое пріятное воспоминаніе.

ДОЖДАЛСЯ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Валерій Николаевичъ Неволинъ, молодой брюнетъ небольшого роста, исхудалый, съ впалой грудью и съ блестящими глазами,—двѣ недѣли ежедневно приходилъ на станцію маленькаго Кларана—встрѣчать курьерскій поѣздъ изъ Лозанны.

Онъ не сомнѣвался, что сегодня жена пріѣдетъ.

И въ это утро Неволинъ особенно заботливо пріодѣлся въ обновку—пару изъ бѣлой съ синими полосками фланели, повязалъ бѣлый галстукъ, надушился, еще разъ занялся подстриженной кудрявой бородкой и особенно внимательно разглядывалъ въ зеркалѣ свое смуглое землистое лицо, осунувшееся, съ заострившимся носомъ и мертвенно-блѣднымъ лбомъ.

Возбужденный ожиданіемъ, онъ чувствовалъ себя бодрѣе и сильнѣе и, радостно взволнованный, вышелъ изъ пансіона, предваривъ горничную Берту, что съ поѣздомъ пріѣдетъ жена.

Короткое разстояніе до станціи Валерій Николаевичъ прошелъ, не задыхаясь, хотя сентябрьское утро было жаркое.

Только подъемъ на небольшую лѣстницу, ведущую на станцію, очень утомилъ его. Онъ порывисто дышалъ, жадно вдыхая воздухъ, и въ груди что-то хрипѣло.

Неволинъ передохнулъ у лѣстницы, вышелъ на платформу и присѣлъ на скамейку.

До прихода поѣзда оставалось пять минутъ.

— Извините... не опоздаетъ?—спросилъ Неволинъ глухимъ, слегка заискивающимъ голосомъ проходившаго начальника станціи, приподнимая бѣлую полотняную шляпу.

Шефъ пріостановился.

— Добраго утра, г. Неволинъ... Ни минуты опозданія!—

привѣтливо отвѣтилъ старый, сухощавый и крѣпкій швейцарецъ.

И съ ласковой, подбадривающей увѣренностью прибавилъ:

— Надѣюсь, сегодня дождетесь.

— О, разумѣется!

— Получили телеграмму?

— Жена не любитъ телеграммъ!—внезапно сочинилъ Неволинъ и смутился.

Эти пять минутъ казались ему безконечными. Онъ предвкушалъ радость встрѣчи и волновался еще болѣе. Ему казалось, что съ поѣздомъ что-нибудь случилось, и Неволинъ безпрестанно вынималъ часы.

Наконецъ раздался протяжный свистокъ.

Неволинъ сорвался со скамейки и приблизился къ краю платформы. Онъ, видимо, бодрился и старался крѣпче стоять на ногахъ.

Еще нѣсколько секундъ, и небольшой поѣздъ, окутанный чернымъ дымомъ, вылетѣлъ изъ туннеля и на всемъ ходу сразу остановился на станціи.

— Три минуты остановки!—прокричалъ кондукторъ.

Неволинъ жадно взглядывалъ на окна, на двери вагоновъ. Вышло нѣсколько пассажировъ съ ручнымъ багажомъ. Неволину бросилась въ глаза пріѣхавшая прелестная дѣвочка, тоненькая, хрупкая, блѣдная какъ смерть, съ букетомъ розъ. Она весело улыбалась. И сопровождавшіе ее мужчина и дама старались улыбнуться дѣвочкѣ-подростку и, казалось, ихъ печальныя, серьезныя лица просвѣтлѣли надеждой.

«Привезли умирать!»—подумалъ Неволинъ.

И не думавшій, что и на него смотрятъ, какъ на приговореннаго, онъ не терялъ еще надежды найти замѣшкавшуюся жену и сталъ обходить всѣ вагоны, заглядывая въ окна, и видѣлъ чужія лица, внезапно становившіяся серьезными при видѣ взволнованнаго, растеряннаго и страшно исхудалаго чахоточнаго.

— En voitures!

Поѣздъ помчался дальше.

Неволинъ проводилъ его тоскливыми глазами и вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ, сиротливымъ и несчастнымъ.

И голубое озеро, и савойскія горы, и высокое бирюзовое небо съ ослѣпительно-жгучимъ солнцемъ, и тополи, и платаны, все, все, казалось, потеряло въ глазахъ Неволина красоту и прелесть.

Неволинъ ушелъ со станціи, избѣгая встрѣтить начальника станціи и сторожей. И, опустивъ голову, еще медленнѣе пошелъ домой.

II.

Порывъ безнадежнаго отчаянія скоро прошелъ.

Онъ подумалъ о женѣ, вспомнилъ ея письма, и ему стало стыдно за такое малодушіе. Снова оживший и воспрянувшій духомъ, онъ поднялъ голову и увѣренно и вызывающе прошепталъ:

— Завтра пріѣдетъ!

Ни въ одно мгновеніе онъ не упрекнулъ, даже мысленно, жены за то, что она все откладываетъ отъѣздъ.

Еще бы!

Не такой же онъ больной, чтобы Леля бросила срочную работу, оставила серьезно заболѣвшую мать и полетѣла бы къ нему, точно къ умирающему.

Недаромъ же Неволинъ въ своихъ частыхъ, длинныхъ и влюбленныхъ письмахъ постоянно повторялъ, что здоровье улучшается, и докторъ Вернэ, необыкновенно внимательный и добросовѣстный старикъ, не сомнѣвается въ выздоровленіи больного. По словамъ доктора, коховскихъ палочекъ не найдено. И чахотки нѣтъ. Упорный катарръ легкихъ, изъ-за него и слабость по временамъ. Но все пройдетъ. Слѣдуетъ только хорошо питаться, бояться простуды и держать строгій режимъ.

Неволинъ вѣрилъ, ждалъ выздоровленія съ такою же вѣрой, съ какой ждалъ пріѣзда жены, и старался пунктуально исполнять всѣ предписанія доктора.

Только, при всемъ желаніи, не могъ, какъ предписывалъ врачъ, не волноваться, не скучать и не худѣть.

И онъ деликатно умалчивалъ въ письмахъ, что скучаетъ одинъ до одури и очень волнуется, если отъ жены долго нѣтъ письма.

Уставшій, поднялся Валерій Николаевичъ въ первый этажъ пансіона.

— Опять возвратились одинъ, дорогой monsieur Névoline? Что случилось?—съ порывистымъ, горячимъ и, видимо, притворнымъ участіемъ спросила откуда-то появившаяся въ коридорѣ хозяйка, говорившая на многихъ языкахъ и на всѣхъ довольно скверно.

Это была пожилая, величественнаго роста дама, надушенная, напудренная, затянутая въ корсетъ, съ рыхлымъ, красноватымъ лицомъ, когда-то, казалось, не лишеннымъ нѣсколько грубоватой красоты, всегда пріятно улыбавшаяся жильцамъ, всегда предупредительная и не безъ достоинства поддерживавшая репутацію и своего пансіона и своего образцоваго административно-хозяйственнаго умѣнія.

Она, по обыкновенію, была въ черномъ шелковомъ платьѣ, безукоризненно причесанная, съ подвитыми прядками рыжеватыхъ волосъ, съ кольцами на толстыхъ, короткихъ пальцахъ, съ браслетомъ на рукѣ, съ брошкой и съ длинной золотой цѣпочкой отъ часовъ, тихо колыхавшейся на внушительномъ бюстѣ.

— Ничего не случилось, г-жа Шварцъ... Жена пріѣдетъ завтра!—слегка смущаясь, проговорилъ Неволинъ.

— Ну и слава Богу!.. Вы перестанете скучать...

И, впадая въ идиллическій тонъ, хозяйка вздохнула и проговорила:

— Ничего нѣтъ тяжелѣе одиночества... Быть въ разлукѣ съ любимымъ другомъ—это ужасно! Я понимаю... Я сама испытала это, когда Шварцъ работалъ въ Интерлакенѣ, а я шесть мѣсяцевъ оставалась здѣсь... И Шварцъ тосковалъ... О, какъ тосковалъ!.. Тогда мы оба были молоды...

Хотя Неволинъ аккуратно платилъ по счетамъ, и госпожа Шварцъ называла его милымъ и любезнымъ жильцомъ, тѣмъ не менѣе она съ удовольствіемъ сплавила бы «милаго жильца», который, того и гляди, умретъ въ пансіонѣ, что̀ произведетъ тяжелое впечатлѣніе на пансіонеровъ, еще не приговоренныхъ, и они могутъ сбѣжать.

Да и отдать комнату, изъ которой только-что вынесли ночью покойника, не такъ-то легко. Пріѣзжіе больные съ глупыми предразсудками. А комната изъ лучшихъ: на солнечной сторонѣ и съ «видомъ». Балконъ на озеро и горы.

Начинается сезонъ, а русскій и не догадывается уѣхать поскорѣй въ Петербургъ, чтобы увидать, по крайней мѣрѣ, жену передъ смертью. Эта дама что-то подозрительно не ѣдетъ. А на рѣдкость простофиля-мужъ каждый день встрѣчаетъ и не можетъ ее встрѣтить.

Такія соображенія пробѣжали въ головѣ госпожи Шварцъ, и она еще съ большею задушевностью продолжала:

— Завтра вы будете счастливымъ человѣкомъ. Но я боюсь, что вы захотите показать женѣ Швейцарію или ломбардскія озера. Тамъ прелестно. Мой пансіонъ лишится такого покойнаго и милаго жильца... Но, по крайней мѣрѣ, я рада, что вы здѣсь поправились и, смѣю думать, довольны пансіономъ... Не правда ли?

«Провались ты къ чорту со своими разговорами!»—подумалъ Неволинъ и слегка раздражительнымъ тономъ проговорилъ:

— Еще мы не рѣшили съ женой! Можетъ-быть, останемся мѣсяцъ... Здѣсь хорошо... Я чувствую, что поправляюсь, и мнѣ нравится вашъ пансіонъ, г-жа Шварцъ!

И съ этими словами Неволинъ вошелъ въ свою большую, полутемную отъ спущенныхъ жалюзи комнату, прохладную и пропитанную острымъ запахомъ креозота и іода, съ довольно приличной обстановкой для пансіона въ восемь франковъ въ сутки.

На небольшомъ письменномъ столѣ—«секретарѣ»—бросались въ глаза три изящныя рамки съ фотографическими портретами молодой женщины съ милымъ красивымъ лицомъ, выраженіе котораго напоминало мадоннъ. Особенно были хороши глаза, большіе, спокойно-вдумчивые и ласковые.

Причесана она была по старой модѣ. Проборъ посрединѣ, гладкіе начесы, прикрывающіе уши, и на темени тяжелыя косы, собранныя въ видѣ коронки. Видимо, эта прическа шла къ молодой женщинѣ. На одномъ портретѣ, особенно хорошей работы, она была во весь ростъ. Фигура маленькая и стройная. Не худа и не полна. Руки узкія, съ длинными пальцами. На безымянномъ пальцѣ обручальное кольцо; на мизинцѣ—нѣсколько колецъ.

Въ общемъ привлекательная женщина.

Большой букетъ свѣжихъ розъ красовался въ вазѣ на японскомъ столикѣ около качалки. Тутъ же бонбоньерка съ конфетами изъ Монтре.

Валерій Николаевичъ открылъ ключикомъ шагреневую шкатулку, въ которой аккуратно были сложены перенумерованныя письма жены, и взялъ верхнее, полученное наканунѣ.

Голова слегка кружилась. Во всемъ исхудаломъ тѣлѣ чувствовалась слабость.

III.

Неволинъ прилегъ на кушетку и, съ горѣвшими изъ глубокихъ впадинъ глазами, снова сталъ перечитывать четыре маленькіе листка, исписанные крупнымъ разгонистымъ почеркомъ.

Словно бы чувствуя себя въ чемъ-то виноватой, жена снова повторяла, почему не могла раньше пріѣхать. Теперь мамѣ лучше, переводъ романа оконченъ, сданъ въ редакцію, гонораръ полученъ, и она, не вводя мужа въ новые долги, можетъ выѣхать на слѣдующій день и скоро будетъ ухаживать за больнымъ. Валерій совсѣмъ поправится. Петербургскій докторъ, отправившій Валерія въ Швейцарію, говоритъ то же, что и кларанскій. Разумѣется, ничего опаснаго нѣтъ. Надо только беречься и не торопиться на сѣверъ.

Вслѣдъ за этими, казалось, спокойными и ласковыми строками, шли тревожно-нѣжныя, но почеркъ какъ будто былъ болѣе нервный и неровный. И Неволинъ жадно глоталъ:

«Я знаю, ты сердишься, мой добрый Валерій, что принуждена была откладывать до сихъ поръ поѣздку. Мнѣ тяжело, что поневолѣ обманывала твои ожиданія... Подчасъ это невыносимо... О, какъ сожалѣю, что не поѣхала съ тобой. Теперь до скораго свиданья... Непремѣнно завтра поѣду, и на курьерскомъ...»

Письмо, по обыкновенію, было подписано: «Твоя Леля».

«Вѣрно, осталась на день въ Берлинѣ и пришлетъ телеграмму, что завтра!»

— И какая она хорошая!—вырвался восторженный шопотъ.

И, переполненный чувствомъ, благодарный и умиленный, со слезами на глазахъ, онъ прильнулъ горячими и сухими губами къ почтовому листу.

«О, какъ онъ боготворитъ ее!»—подумалъ Неволинъ и гордился, что такъ благоговѣйно и глубоко любитъ это «золотое сердце». По-настоящему любитъ, а не такъ, какъ многіе его знакомые мужчины.

Онъ спряталъ письмо въ карманъ. Въ ту же минуту представилъ себѣ, что завтра будетъ здѣсь, около него, красивая, любимая, молодая женщина, и умиленіе къ «золотому сердцу» исчезло. Вмѣсто него было нетерпѣливое, почти озлобленное желаніе влюбленнаго и, по праву, властнаго мужа.

Какая она цвѣтущая, красивая...

А онъ?

Неволинъ сравнилъ себя.

И съ какимъ чувствомъ тоски, ожесточенія и брезгливости посмотрѣлъ онъ на свои исхудалыя, костлявыя руки, безсильныя и безкровныя, съ желтыми ногтями,—точно у мертвеца.

Онъ ощупалъ грудь—одни выдающіяся ребра. Ноги—тонки, какъ у ребенка, и только кости.

Какъ ни хотѣлось ему увѣрить себя, что поправляется, и что худоба не такъ ужъ ужасна, но онъ не могъ не замѣтить, что страшно худѣетъ и ослабѣлъ въ послѣднія двѣ недѣли.

И все-таки еще не почувствовалъ и не созналъ близости смерти. И не думалъ о ней.

Онъ такъ жадно хотѣлъ жить, такъ любилъ себя и всѣ блага, которыя вмѣстѣ съ большинствомъ считалъ счастьемъ и слѣдовательно смысломъ и цѣлью жизни, что упорно хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ доктору, который скоротечную чахотку называлъ для успокоенія больного катарромъ легкихъ.

И чѣмъ безпощаднѣе и быстрѣе недугъ разрушалъ еще недавно здоровое, сильное тѣло, тѣмъ упорнѣе надѣялся Неволинъ сохранить его и пользоваться наслажденіями жизни и тѣмъ себялюбивѣе становился, занятый исключительно только

собой и своей женой, которая давала ему счастье. А ко всему на свѣтѣ сталъ равнодушенъ.

Валерій Николаевичъ раньше, когда былъ здоровъ, хотя и не отличался склонностью къ вопросамъ непрактическаго характера, альтруизмомъ и цивическими добродѣтелями, все-таки, помимо заботъ о своемъ благополучіи, интересовался кое-чѣмъ и отвлеченнымъ, читалъ умныя книги, и людскія невзгоды были нечужды его сердцу. Родные, близкіе и знакомые не казались безразличными. А теперь, цѣпляясь за жизнь, человѣкъ словно бы обнажился во всей наготѣ животнаго эгоизма. Всѣ помыслы вѣнца творенія сосредоточивались на упорномъ самосохраненіи.

И Неволинъ строилъ планы будущаго.

Онъ мечталъ, какъ о чемъ-то несомнѣнно сбыточномъ, что быстро поправится, когда около будетъ обворожительная жена. И онъ ужъ не станетъ волноваться и скучать въ одиночествѣ. Они съѣздятъ въ Женеву, побываютъ въ горахъ, прокатятся на пароходѣ по Женевскому озеру. Конечно, покажетъ Шильонъ. Поднимутся по желѣзной дорогѣ въ Гліонъ. Въ октябрѣ поѣдутъ въ Италію, побываютъ въ Венеціи, въ Миланѣ, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ... И всегда вмѣстѣ... А зимой вернутся въ Петербургъ, въ маленькую, уютную квартирку, настоящее гнѣздо, свитое умѣлой женской рукой.

Онъ думалъ о томъ, какъ здоровый, сильный и пополнѣвшій, придетъ въ министерство, и директоръ департамента, обрадованный, что Неволинъ снова будетъ литературно писать записки и доклады безразлично о чемъ,—намекнетъ, что мѣсто начальника отдѣленія скоро очистится, что самъ министръ знаетъ о даровитомъ и усердномъ молодомъ человѣкѣ-чиновникѣ и приказалъ выдать ему къ Новому году пятьсотъ рублей въ возмѣщеніе расходовъ на излѣченіе болѣзни... Въ шесть часовъ его встрѣтитъ Леля, ласковая и умная, ровная и сдержанная, умѣлая хозяйка и очаровательная маленькая женщина, цѣломудренно-скромно не понимающая чаръ своихъ ласкъ...

Онъ думалъ, какъ взысканъ судьбой, что встрѣтилъ Лелю три года тому назадъ въ Крыму и понялъ, что нашелъ ту... настоящую, единственную...

Мечты оборвались. Неволинъ заснулъ.

Колоколъ къ обѣду разбудилъ его.

Онъ нехотя поднялся. Освѣжилъ лицо водой, поправилъ галстукъ, пригладилъ бородку и спустился.

Слабый, онъ старался казаться молодцомъ на людяхъ, когда вошелъ въ столовую, гдѣ всѣ жильцы пансіона уже сѣли за столъ.

IV.

Въ пансіонѣ, кромѣ Неволина, былъ только одинъ русскій. Всѣ знали, что Неволинъ каждый день встрѣчалъ жену, и что сегодня она не пріѣхала.

— Едва ли бѣдный русскій дождется жены и завтра!— успѣла уже сообщить хозяйка многимъ жильцамъ, прибавивъ не безъ соболѣзнованія о напрасной тратѣ Неволина на букетъ въ десять франковъ и на бонбоньерку съ конфетами въ двадцать.

Всѣ съ сочувствіемъ и въ то же время не безъ любопытнаго сдержаннаго удивленія взглянули на безнадежно-больного русскаго, не имѣвшаго серьезно-убитаго вида несчастнаго мужа, къ которому не ѣдетъ жена. Особенно привѣтливо отвѣтивъ на общій поклонъ Неволина, продолжали прилично-безшумно ѣсть супъ.

На двухъ-трехъ лицахъ типичныхъ южанъ-французовъ мелькнули сдержанно-насмѣшливыя улыбки надъ упорствомъ заблужденія русскаго относительно женщинъ. Глупость довѣрчиваго мужа, казалось, возмущала ихъ еще больше, чѣмъ непріѣздъ жены, о красотѣ которой давно всѣмъ разсказала госпожа Шварцъ, не разъ любовавшаяся портретами молодой русской дамы на столѣ Неволина во время его отсутствія.

Дамы, напротивъ, были исключительно возмущены женой и порицали ее, когда не безъ удовольствія говорили объ ожиданіи несчастнаго русскаго. Оно являлось событіемъ въ пансіонѣ, давая интересную и пикантную тему для осторожно-тихихъ разговоровъ и предположеній въ комнатахъ и на прогулкахъ.

Больной старый пасторъ-шведъ еще съ большей, казалось, гордостью смотрѣлъ за обѣдомъ на хорошенькую свою молодую жену съ льняными волосами и большими голубыми, словно бы недоумѣвающими глазами, которая ухаживала за нимъ съ добросовѣстностью сестры милосердія, благоговѣйно внимала каждому его слову и нерѣдко при публикѣ цѣловала его большую бѣлую и волосатую руку, словно бы въ доказательство любви, вѣрности и покорности образцовой жены.

Два англичанина, которые не безъ хладнокровнаго презрѣнія отнеслись къ этой «исторіи» русскихъ супруговъ, все-таки воспользовались случаемъ, чтобы подержать пари на пятьдесятъ фунтовъ.

Пріѣдетъ ли русская лэди до конца недѣли или не пріѣдетъ? Пари должно считаться несостоявшимся, если жена явится только къ похоронамъ джентльмена.

— Прибавлю десять фунтовъ!..—процѣдилъ старый, плотный заводчикъ изъ Бирмингама съ румянымъ, добродушнымъ лицомъ, обращаясь къ сосѣду, какъ только-что Неволинъ вошелъ въ столовую.

— All right!—невозмутимо отвѣтилъ молодой человѣкъ, совсѣмъ еще юноша, въ смокингѣ и цвѣтномъ жилетѣ, съ подозрительными красными пятнами на своемъ красивомъ, нѣжномъ и бѣломъ безбородомъ лицѣ, не поворачивая шеи, которую подпирали высокіе и туго накрахмаленные воротники.

— Шансы на моей сторонѣ, милордъ!

— Еще пять дней!—упорно прошепталъ юноша.

— Боюсь только, какъ бы пари не состоялось.

Красавецъ-юноша промолвилъ себѣ подъ носъ:

— Держу двадцать пять, что состоится. Онъ пять дней продержится. Молодчина!

— Идетъ...

Чопорная, строгая, полная англичанка лѣтъ подъ сорокъ, съ ослѣпительно-бѣлыми «лошадиными» зубами выдающейся челюсти, затянутая до того, что грудь, казалось, разорветъ ажурную ткань лифа,—съ взбитыми кудряшками, прикрывающими лобъ, и съ выхолеенными крупными руками, унизанными блестящими кольцами, корректно подавила громкій вздохъ при видѣ Неволина.

— Невоспитанная и неприличная женщина! — безапелляціонно чуть слышно промолвила англичанка.

Ея сосѣдка, молоденькая рыжеволосая миссъ, съ изящно-тонкими красивыми чертами блѣднаго лица, невольно чарующая своей простотой и спокойной независимостью, мягко и совсѣмъ тихо сказала:

— Вы несправедливы, тетя. Вѣрно, есть уважительныя причины, если лэди не ѣдетъ.

— Не можетъ быть причинъ, Мабъ. Англичанки ихъ не знаютъ, когда надо исполнять свой долгъ, Мабъ!

— Лучше послѣ обѣда поспоримъ. Не правда ли, тетя?

И рыжеволосая дѣвушка бросила взглядъ на русскаго, чтобъ убѣдиться, не могъ ли онъ догадаться о томъ, что говорятъ.

Неволинъ не разслышалъ словъ и не могъ бы ихъ понять. Разумѣется, онъ и не подозрѣвалъ, что о пріѣздѣ жены и объ его близкой смерти держатъ пари.

Онъ сѣлъ на концѣ стола, ближе къ выходу, около единственнаго соотечественника въ пансіонѣ, писателя Ракитина, пожилого, виднаго блондина въ хорошо сшитомъ темно-синемъ вестонѣ, ловко сидѣвшемъ на его барской, слегка располнѣ-

вшей фигурѣ, съ кудреватыми свѣтло-русыми волосами, красиво-небрежно зачесанными назадъ, и съ подстриженной небольшой бородкой, подернутой сѣдиной.

Неволинъ нерѣдко разсказывалъ Ракитину о своей болѣзни, о скоромъ пріѣздѣ жены, о своихъ свѣтлыхъ надеждахъ, но чаще всего долженъ былъ лишь подавать реплики, слушая новаго своего знакомаго.

V.

Ракитинъ любилъ говорить и любилъ, чтобъ ему благоговѣйно внимали—и особенно женщины, не старѣе сорока лѣтъ и не оскорбляющія его эстетическаго, довольно изощреннаго вкуса—и чтобы не забывали—и еще лучше, если показывали ему—что онъ умный и талантливый писатель Ракитинъ и очень интересный еще мужчина, несмотря на его пятьдесятъ два года, для удобства, впрочемъ, сокращенные имъ до сорока восьми, тѣмъ болѣе, что моложавость его не давала повода къ сомнѣніямъ.

Всѣ въ пансіонѣ Шварцъ знали, что Ракитинъ «знаменитый» русскій писатель и что пріѣхалъ въ Кларанъ оканчивать новый романъ.

О своемъ писательствѣ Ракитинъ объявилъ г-жѣ Шварцъ въ день пріѣзда, когда объяснилъ ей, зачѣмъ проситъ поставить въ его комнату письменный столъ побольше, и освѣдомился: нѣтъ ли по сосѣдству больныхъ.

Вѣроятно, ради большей чести для пансіона, хозяйка произвела новаго жильца въ «знаменитаго», о чемъ и сказала пансіонерамъ.

Неволинъ испытывалъ передъ Ракитинымъ невольное чувство неловкости и даже виноватости за то, что жена, о послѣднемъ письмѣ которой онъ обрадованно сообщилъ ему, не пріѣхала!

Стараясь скрыть это, онъ слабо пожалъ слабыми худыми руками полную, мясистую руку Ракитина и не безъ тайной зависти взглянулъ на его красивое, нѣсколько самоувѣренное и заносчивое лицо съ умными, слегка насмѣшливыми, лукавыми темными глазами и сталъ ѣсть супъ, преодолѣвая отвращеніе къ пищѣ. И наконецъ, словно бы недовольный, что Ракитинъ молчитъ, проговорилъ преувеличенно-спокойнымъ тономъ:

— Васъ удивляетъ, что жена не пріѣхала, Василій Андреичъ?..

— Вѣрно, что-нибудь задержало, Валерій Николаичъ!

— Въ Берлинѣ отдыхаетъ. Завтра и пріѣдетъ.

— Получили телеграмму?

— Еще не получилъ... Получу.

«И вѣдь все еще упорно вѣритъ!»—подумалъ Ракитинъ.

Эта маленькая, красивая женщина съ ангельскими глазами, судя по портретамъ, о которой такъ часто и восторженно говорилъ Неволинъ, возбуждала въ Ракитинѣ и любопытство писателя и завзятаго любителя интересныхъ женщинъ.

«Навѣрное втюрилась. Снова что-нибудь солжетъ въ телеграммѣ или въ письмѣ, и этотъ до идіотства ослѣпленный мужъ опять повѣритъ, будетъ ждать, волноваться и ходить на вокзалъ. Свинство, что не ѣдетъ... Могла бы пріѣхать и скрыть отъ умирающаго, что не любитъ его. На это женщины виртуозки и умѣютъ искренно пожалѣть тѣхъ, кого обманываютъ. Откуда такое безсердечіе у этой женщины?»—спрашивалъ себя Ракитинъ.

— А если Елена Александровна завтра не пріѣдетъ?—осторожно проговорилъ Ракитинъ, чтобы заранѣе подготовить Неволина къ возможному разочарованію.

— Не пріѣдетъ? Почему вы предполагаете, что жена не пріѣдетъ?—спросилъ Неволинъ.

Въ его взволнованномъ глухомъ голосѣ были и смущеніе, и испугъ, и мольба.

Онъ зналъ, какъ «подло» смотритъ Ракитинъ на женщинъ и съ какой циничной простотой относится къ нимъ. Это чувствуется и въ его разговорахъ и въ тѣхъ его писаніяхъ, которыя Неволинъ читалъ.

И въ голову чахоточнаго, полнаго вѣры въ любимую женщину, закралась мысль, благодаря Ракитину:

«Что̀ можетъ подумать Ракитинъ... Почему она не ѣдетъ?»

— Предполагаю самую обыкновенную вещь. Что-нибудь можетъ задержать отъѣздъ на два-три дня!—отвѣтилъ Ракитинъ самымъ, казалось, искреннимъ тономъ

— Но вѣдь я читалъ вамъ вчерашнее письмо жены?—съ тономъ упрека промолвилъ Неволинъ.

— Да развѣ мало непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, Валерій Николаевичъ!

Глаза Ракитина, казалось, улыбались.

Сердце Неволина заколотилось сильнѣе, когда, съ тревожной пытливостью заглядывая въ глаза Ракитина, уже не улыбающіеся, медленно и, казалось, съ трудомъ спросилъ:

— Напримѣръ?

— Хоть бы рецидивъ болѣзни матери Елены Александровны...

Отъ сердца больного отлегло. Дышать стало свободнѣе.

И, просвѣтлѣвшій, онъ проговорилъ:

— Развѣ что это...

И черезъ минуту прибавилъ:

— Но пока этого нѣтъ, вы завтра убѣдитесь, что ваши пессимистическіе взгляды на женщинъ не подтвердятся... По крайней мѣрѣ на женѣ!—проговорилъ съ внезапнымъ возбужденіемъ Неволинъ.

— Да вы что̀ на меня клеплете, голубчикъ? Развѣ я обобщаю свои наблюденія... Развѣ не знавалъ я прелестныхъ, правдивыхъ женщинъ?—сказалъ Ракитинъ успокаивающимъ ласковымъ тономъ своего мягкаго, бархатнаго голоса, которымъ владѣлъ по временамъ съ мастерствомъ прирожденнаго актера. — Да вотъ вамъ налицо примѣръ прелестнаго созданія... Взгляните на эту рыжеволосую миссъ... Зато остальныя... Напримѣръ, какъ ея тетка съ лошадинымъ лицомъ... Предложи на выборъ—жениться или въ Якутскую область... Конечно, послѣднее... Или такія лицемѣрныя тихони, какъ пасторша, цѣлующая на людяхъ не особенно чистоплотную руку своего пастора преклонныхъ лѣтъ и поневолѣ аскетическаго настроенія... А зрѣлая дѣва изъ Гамбурга?.. А какой фруктъ сама хозяйка? Этотъ маленькій Меттернихъ, вѣчно улыбающаяся монументальная отставная красавица Августа Шварцъ... Какая шельма, какая выдержка и какая репутація!.. Говорила она вамъ, какъ любитъ своего плюгаваго Шварца-повара?

— Говорила.

— А вчера, рано утромъ, я слышалъ, ка̀къ она его любитъ, когда всѣ пансіонеры спали, и «идиллія» еще не одѣвалась...

Ракитинъ бросилъ зубоскальство и сталъ прислушиваться къ тихимъ разговорамъ пансіонеровъ.

Не нравилась ему эта чинная, накрахмаленная, буржуазно-самодовольная публика. Особенно возмутили его два англичанина, когда услыхалъ, на что они держали пари. Съ какимъ удовольствіемъ оборвалъ бы онъ ихъ, умѣй говорить по-англійски!

Но онъ говорилъ по-французски довольно бойко, не стѣснялся ошибками и вступилъ въ разговоръ съ французами.

VI.

Не прошло и пяти минутъ, какъ Ракитинъ уже заспорилъ съ горбоносымъ, темно-бронзовымъ, болтливымъ, энергичнымъ и рѣшительнымъ старикомъ, съ сѣдой, коротко остриженной головой, съ сѣдыми, поднятыми кверху усами и эспаньолкой. Онъ только-что сообщилъ, что онъ рантье съ тридцатью ты-

сячами дохода, заработаннаго своимъ горбомъ, когда былъ механикомъ и пайщикомъ на заводѣ въ Марселѣ, что теперь путешествуетъ для своего удовольствія, видѣлъ много странъ, но, по совѣсти говоря, лучше Франціи съ ея культурой, свободой, цивилизаціей и благосостояніемъ онъ не видалъ...

— Если-бъ только наше правительство было построже и не поощряло мильерановскихъ бредней, о, тогда...

Авторитетная самодовольная бравада типичнаго буржуа и вызвала Ракитина, уже раньше познакомившагося съ французами, на споръ. Впрочемъ, споръ скоро обратился въ лекцію Ракитина.

И онъ не лишилъ себя тщеславнаго удовольствія щегольнуть, хотя бы и передъ «буржуями», своими смѣлыми взглядами, высокомѣрно «раздѣлывая» общественный строй съ его торжествомъ хищника-капитала, терпѣніемъ рабочихъ классовъ, предразсудками, привилегіями и государственными людьми, служащими интересамъ того же капитала.

Пансіонеры видимо были шокированы и дерзкой смѣлостью русскаго и, главное, его совсѣмъ неприличнымъ, казалось всѣмъ, тономъ, вызывающимъ, нервнымъ, нѣсколько повышеннымъ. Словно бы Ракитинъ поучалъ идіотовъ.

Ракитинъ сіялъ. Онъ чувствовалъ, что въ ударѣ и даже на чужомъ языкѣ говоритъ хорошо.

И, возбужденный, онъ самъ съ удовольствіемъ слушалъ свои закругленные, красивые и эффектные періоды, полные неожиданныхъ блестковъ остроумія и злыхъ сарказмовъ, и не сомнѣвался, что они во всякомъ случаѣ произведутъ и на «идіотовъ» впечатлѣніе, и что въ столовой—ни звука.

А между тѣмъ онъ взглянулъ на пансіонеровъ... и что̀ же?

Никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на его слова. Ему казалось, будто всѣ нарочно перекидывались между собою словами и будто смѣялись на его счетъ.

Дамы хоть бы взглянули на него. Ни прелестная миссъ ни хорошенькая пасторша съ недоумѣвающими глазами. Ни двѣ волоокія румынки проблематическихъ лѣтъ. Ни поблекшая дѣвица изъ Гамбурга, худая какъ спичка, мечтательная, краснѣющая и уписывающая всѣ блюда съ такимъ добросовѣстнымъ аппетитомъ, будто ей было предписано: войти въ тѣло.

Только одна мадамъ Шварцъ вытаращила на него свои подведенные глаза и бросала то умоляющіе, то угрожающіе, то злые, то испуганные, то наконецъ многообѣщающіе взгляды, очевидно, дающіе понять «знаменитому» писателю—не позорить пансіона и не разорить бѣдную женщину.

Два англичанина—и старый и юный—были высокомѣрно-равнодушны. А юный—Ракитинъ зналъ—говорилъ по-французски правильно и съ собачьимъ акцентомъ.

И даже старый французъ, котораго главнымъ образомъ выбралъ жертвой Ракитинъ, и тотъ, хоть по временамъ поднималъ отъ тарелки глаза, загоравшіеся блескомъ, и слушалъ, сдерживая раздраженіе, но при этомъ оскорбительно-насмѣшливо улыбался.

«Такъ я вамъ, остолопы, покажу!»—по-русски подумалъ Ракитинъ, больно задѣтый въ своемъ самолюбіи.

И словно бы рѣшившій огорошить этихъ «идіотовъ», уже достаточно взвинченный, Ракитинъ съ вызывающей увѣренностью и спокойной развязностью сказалъ, повторяя слова Нитцше, что всѣ наши ходячія мнѣнія требуютъ переоцѣнки, и прибавилъ:

— Возьмите хоть бракъ. Это одно изъ нелѣпыхъ учрежденій. Въ будущемъ форма его измѣнится. По крайней мѣрѣ не будутъ обязывать супруговъ любить по гробъ жизни и быть каторжниками. Родители поймутъ, какъ портятъ они своихъ дѣтей...

Слова Ракитина произвели на пансіонеровъ ошеломляющее впечатлѣніе.

Чопорно-строгая англичанка не ахнула отъ негодованія только потому, что ахать неприлично. Но она закрыла уши руками. Глаза ея стали неподвижно-злыми. Губы что-то шептали и, казалось, призывали кары на святотатца.

— Въ какомъ мы обществѣ, Мабъ!

Старый высокій шведъ-пасторъ повелъ на Ракитина неумолимо-скорбный и въ то же время безнадежно-суровый, тяжелый взглядъ.

— Эльза! Не слушай безбожной нелѣпости!—строго шепнулъ онъ.

— Не буду, Аксель!—покорно отвѣтила хорошенькая «фру».

И, опустивъ свои голубые, словно бы еще болѣе недоумѣвающіе глаза на тарелку, не спѣша и строго-добросовѣстно ѣла рейнскую лососину подъ голландскимъ соусомъ, и сдѣлалась и задумчива, быть-можетъ, оттого, что не исполнила обѣщанія и слушала хоть и безбожныя, но интересныя предсказанія о бракѣ.

И остальныя возмущенныя дамы, старавшіяся казаться черезчуръ оскорбленными профанаціей брака, стыдливо не поднимали глазъ, но все-таки жадно слушали.

И, словно бы въ оправданіе такого любопытства, пожилая дѣвица изъ Гамбурга смущенно промолвила:

— До чего дойдетъ этотъ наглый господинъ... Онъ забылъ, что здѣсь и дѣвицы!

Только рыжеволосая миссъ Мабъ имѣла доблесть слушать серьезно и спокойно, не оскорбленная, казалось, рѣчами русскаго.

Старый джентльменъ изъ Бирмингама, любитель пари, спросилъ сосѣда:

— О чемъ можетъ говорить этотъ русскій?

Молодой человѣкъ объяснилъ.

— Держу пари, что онъ изъ Бэдлама!—процѣдилъ сквозь зубы заводчикъ.

— Онъ просто не джентльменъ. Говорить за обѣдомъ неприлично-громко свои глупости!—презрительно-спокойно отвѣтилъ юный лордъ.

Рантье уже нѣсколько остылъ и, воспользовавшись паузой, любезно сказалъ Ракитину:

— Я не умѣю такъ увлекаться и убѣдительно спорить, какъ вы, и потому не смѣю продолжать. Но хоть мы не сходимся въ мнѣніяхъ, это не мѣшаетъ мнѣ уважать и любить русскихъ. Франція и Россія—обѣ великодушныя и благородныя великія націи!

И онъ поднялъ стаканъ, отпилъ глотокъ краснаго вина и прибавилъ съ едва слышной иронической ноткой въ голосѣ:

— Вы, конечно, проводите такіе же смѣлые взгляды и въ вашихъ, вѣроятно, интересныхъ книгахъ, которыя, къ сожалѣнію, не могу прочесть.

Польщенный комплиментомъ, Ракитинъ вспыхнулъ и, казалось, не замѣтилъ насмѣшки.

И, понижая голосъ, отвѣтилъ уже безъ заносчивости:

— Не совсѣмъ!

Тогда рантье-французъ съ еще большей любезностью спросилъ:

— Но, вѣроятно, вы такъ же смѣло и остроумно указываете на... на несовершенства русской жизни, какъ сейчасъ указывали на банкротство нашего строя?.. И не сомнѣваюсь, что вашимъ общественнымъ дѣятелямъ такъ же достается, какъ достается отъ нашихъ журналистовъ нашимъ министрамъ?

Ракитинъ нервно воскликнулъ:

— Мы въ другихъ условіяхъ...

И благоразумно не продолжалъ.

Старый французъ, повидимому, вполнѣ удовлетворился отвѣтомъ и тотчасъ же заговорилъ со своимъ сосѣдомъ о превосходной рыбѣ и попросилъ подать ее еще.

Окинувъ взглядомъ общество, Ракитинъ могъ убѣдиться, что пансіонеры достаточно «огорошены» и достаточно непріязненны.

— Небось, *они* остались довольны... Не правда ли?—обратился торжествующе къ Неволину Ракитинъ.

Неволинъ равнодушно отвѣтилъ:

— Охота была вамъ, Василій Андреевичъ, кипятиться.

VII.

На слѣдующее утро хозяйка постучала въ комнату Ракитина. Она вошла торжественно и серьезная въ полномъ своемъ обычномъ «парадѣ» и, послѣ изысканныхъ извиненій, что осмѣлилась помѣшать его вдохновенію, «позволила себѣ» замѣтить, что несомнѣнно-возвышенныя мнѣнія г. Ракитина, которыя такъ понравились ей самой, къ сожалѣнію, взволновали и испугали пансіонеровъ и вредно подѣйствовали на больныхъ...

— Да вы присаживайтесь, госпожа Шварцъ...

И Ракитинъ пододвинулъ кресло хозяйкѣ...

— О, не безпокойтесь, monsieur... Я на одну минуту.

Однако хозяйка присѣла и продолжала:

— И многіе выразили мнѣ неудовольствіе на громкіе споры за столомъ. А мой принципъ: полное спокойствіе жильцовъ, которые дѣлаютъ честь пансіону. Вы, какъ необыкновенно умный человѣкъ, конечно, согласитесь съ этимъ принципомъ?—любезно и твердо прибавила хозяйка.

— А не то, госпожа Шварцъ, вы захотите лишиться такого необыкновенно умнаго человѣка?—отвѣтилъ, улыбаясь, Ракитинъ.

— Къ сожалѣнію, я поставлена въ тяжелое положеніе...

— А комната здѣсь отличная... Не жарко...

— И какой видъ съ балкона...

— И видъ... И работается хорошо... И кормите порядочно...

— Я стараюсь!—вставила госпожа Шварцъ.

— Вы образцовая хозяйка и—примите вполнѣ заслуженную дань—такая интересная женщина, что присутствіе ваше за столомъ можетъ только доставлять эстетическое удовольствіе... Однимъ словомъ, пансіонъ мнѣ нравится.

И съ серьезнымъ видомъ прибавилъ:

— Простите нескромный вопросъ, милая хозяйка: вамъ лѣтъ—тридцать?.. Или нѣтъ еще?

— Что̀ вы?... Вы смѣетесь?.. Я старуха... Мнѣ сорокъ два!—скромно промолвила госпожа Шварцъ, внезапно оживляясь, словно старый парадеръ, заслышавшій трубу.

— Неужели?.. А какой же у васъ, значитъ, живительный воздухъ... Моложавитъ.. Безъ шутокъ говорю! — воскликнулъ Ракитинъ, который по привычкѣ стараго юбочника говорилъ до дерзости невозможные комплименты, самодовольно увѣренный, что хоть долю изъ вранья женщина приметъ за правду.

— Я когда-то была недурна, а теперь...

И госпожа Шварцъ вздохнула и тоже по старой привычкѣ сверкнула когда-то многообѣщающими глазами.

— Такъ вы извините, что я вынуждена была передать вамъ неудовольствіе пансіонеровъ...

— Какія извиненія!.. Можете быть спокойны, что больше я не поставлю васъ въ непріятное положеніе и вашихъ пансіонеровъ не огорчу спорами.

— Какъ пріятно имѣть дѣло съ такимъ умнымъ человѣкомъ! Нѣтъ словъ благодарить васъ...

Госпожа Шварцъ не уходила.

И, принимая серьезно-грустный видъ, съ искусственно-печальной торжественностью произнесла:

— Считаю своимъ долгомъ сказать, что вашъ соотечественникъ очень плохъ.

— Бѣдняга! Еще вчера вечеромъ я сидѣлъ у него, и онъ бодрился.

— Милый нашъ докторъ только-что былъ у Неволина...

— И что̀ же сказалъ?

— Онъ предупредилъ меня, что бѣдный молодой человѣкъ болѣе недѣли не протянетъ.

— Неволинъ и не догадывается?

— Почти всѣ чахоточные не догадываются. А кажется, такъ легко догадаться... Я сейчасъ навѣщала Неволина... Онъ не всталъ сегодня съ постели и навѣрно ужъ не встанетъ... И какъ слабъ, какъ взволнованъ!..

— Отчего взволнованъ?

— Рано утромъ получилъ телеграмму... О, какъ жестока его хорошенькая жена! Какъ жестока! Бываютъ безсердечныя женщины, но такія, какъ она, рѣдки. Не правда ли? Вы, какъ писатель, знаете насъ. А Неволинъ не знаетъ. Онъ все еще надѣется... А я, признаюсь, думаю, что эта дама совсѣмъ не пріѣдетъ... Къ чему ей умирающій мужъ? Она, вѣрно, забыла священный долгъ жены... А онъ такъ ждетъ, такъ любитъ! — И госпожа Шварцъ поднесла къ глазамъ носовой платокъ. — Мнѣ такъ жаль молодого человѣка, который такъ хочетъ увидѣть жену и умираетъ одинъ, на чужбинѣ, что я посовѣтовала ему сейчасъ же ѣхать въ Петербургъ...

— Умирающему? — воскликнулъ Ракитинъ.

«И какая же ты стервоза!»—подумалъ онъ.

— Докторъ находитъ, что больной доѣдетъ... Уже ожиданіе видѣть черезъ два дня жену поддержало бы его... Такъ бы хорошо было для него умереть около любимаго человѣка... И когда я сказала о Петербургѣ и думала, что поѣздка его обрадуетъ, Неволинъ — вообразите — взволновался и разсердился...

— Не оцѣнилъ вашей доброты, госпожа Шварцъ?

Хозяйка сдѣлала видъ, что не услышала злой ироніи въ голосѣ Ракитина и не замѣтила его насмѣшливыхъ глазъ.

— Я желала Неволину добра... Развѣ не ужасно умереть одному, безъ близкихъ?..

— Но все-таки дайте ему умереть въ пансіонѣ...

— Да развѣ я не хочу держать умирающаго въ пансіонѣ?.. О, не говорите такъ, monsieur! Я не заслуживаю обиднаго подозрѣнія. Я христіанка!—патетическимъ тономъ оскорбленной добродѣтели воскликнула хозяйка.—И я такъ люблю бѣднаго Неволина. Онъ всегда былъ такъ добръ и деликатенъ со мной... Такъ предупредительно платилъ впередъ. И—спросите у него — какъ я заботилась о немъ! Повѣрьте, что я постараюсь, чтобы его послѣдніе дни въ моемъ пансіонѣ были по возможности покойны... Сегодня же позову сидѣлку, хотя бы на мой счетъ, если Неволинъ не вспомнитъ передъ смертью заплатить ей...

И, словно бы въ доказательство ея христіанской любви къ ближнему, она прибавила:

— Вы знаете, съ какими предразсудками пріѣзжіе? Я понесу большіе убытки, если нескоро сдамъ комнату—вѣдь комната превосходная? — послѣ покойника... А для бѣдной женщины это чувствительно, но я и не подумаю мысленно упрекнуть память молодого человѣка... Тревожитъ меня только одно...

— Что̀ такое?—спросилъ Ракитинъ.

— Я не знаю, какъ быть, если жена не пріѣдетъ, и Неволинъ умретъ... Кого извѣстить, кромѣ жены, другихъ близкихъ въ Петербургѣ... Гдѣ захотятъ похоронить его... И вообще...

— Объ этомъ не безпокойтесь... Я все сдѣлаю... И заплачу̀ по счету...

— О, пустяки... Объ этомъ не сто̀итъ и говорить... Значитъ, вы примете на себя всѣ заботы... Я такъ и думала... Да и кому же позаботиться, какъ не соотечественнику, да еще такому великодушному, какъ вы...

Съ этими словами она поднялась, еще разъ извинилась,

что помѣшала вдохновенію, и величественно удалилась, довольная своимъ визитомъ къ Ракитину.

«Свои «нелѣпости» говорить за обѣдомъ не будетъ и пансіонеровъ не напугаетъ. Послѣдній счетъ за Неволина и сидѣлкѣ уплатитъ, и весьма вѣроятно, что послѣ смерти Неволина перейдетъ въ его комнату. Такой нахальный господинъ не можетъ имѣть предразсудковъ. Да и вполнѣ здоровый человѣкъ!»—подумала госпожа Шварцъ.

И хоть она считала Ракитина не очень-то повадливымъ пансіонеромъ, требующимъ отъ горничной основательной и своевременной уборки и добросовѣстной чистоты сапогъ и платья, тѣмъ не менѣе нашла, что онъ мужчина не безъ вкуса, когда вспомнила его комплименты, и рѣшила, что онъ будетъ менѣе требователенъ, если, вмѣсто Шарлотты, назначить горничной въ его номеръ хорошенькую молодую Клару.

VIII.

Кровать была подвинута къ открытому окну, и Неволину казалось, что именно это и было нужно, чтобы ему было покойнѣе лежать въ постели и дышать легче.

Съ высоко приподнятой головой на подушкахъ и съ закрытыми глазами, онъ походилъ на мертвеца. Но когда открывалъ глаза, они блестѣли, сосредоточенно возбужденные и серьезные, словно бы какая-то мысль волновала его и требовала разрѣшенія.

Онъ повернулъ глаза къ окну; голубое небо, и горы, и блескъ чуднаго утра обратили на себя особенное, проникновенное вниманіе Неволина, и онъ съ новымъ, доселѣ неиспытаннымъ чувствомъ восхищенія взглядывалъ въ окно.

«А онъ такой одинокій, такой слабый, и жена не ѣдетъ!»—подумалъ Неволинъ.

И жалость къ себѣ охватила его. Крупныя слезы катились на щеки.

Онъ снова думалъ о женѣ и снова пробовалъ успокоить мучительность думъ. Онъ самъ виноватъ, что Леля не торопится. Она не знаетъ, что катарръ такъ обезсилилъ его. Зачѣмъ онъ не писалъ, что худѣетъ и по ночамъ мокрый отъ пота? О, давно была бы она здѣсь, и онъ поправлялся бы... Не было бы этого мучительнаго волненія...

Изъ-за него и стало хуже. Докторъ только-что былъ и не нашелъ ничего особенно серьезнаго... Временное обостреніе. Новое лѣкарство поможетъ... Но какъ долго тянется болѣзнь...

«И отчего Леля опять не могла выѣхать, какъ обѣщала!»

Эта мысль не могла отвязаться съ той минуты, какъ Неволинъ получилъ, полчаса тому назадъ, телеграмму...

И онъ протянулъ руку къ ночному столику за телеграммой и снова прочиталъ эти строки, которыя заставляли сердце его биться сильнѣе.

«Прости. Раньше трехъ дней не могу выѣхать. Не тревожься. Телеграфируй, какъ здоровье. До свиданья».

Опять отложила. А Леля такъ нужна теперь, когда могла бы ходить за нимъ. Развѣ она не знаетъ, что онъ одинъ... одинъ...

— Да что̀ это значитъ? — мысленно спрашивалъ себя Неволинъ.

И снова упорно дѣлаетъ всевозможныя предположенія о причинахъ непріѣзда жены. Но теперь ни одно предположеніе не успокаиваетъ его... И увѣренность Ракитина, что жена не пріѣдетъ сегодня, и его разговоры о лживости женщинъ невольно припоминаются Неволину...

И какая-то мысль словно бы вдругъ озарила голову Неволина. Онъ, казалось, все понялъ, и ужасъ исказилъ черты его мертвеннаго лица.

— Не можетъ быть. Такая подлость!

Неволинъ гналъ отъ себя прочь внезапную мысль, точно что-то ужасное и страшное. Но она, напротивъ, все болѣе и болѣе овладѣвала имъ. Онъ вспомнилъ слова жены о нездоровьѣ ея по вечерамъ передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга, ея совѣты поскорѣй уѣхать въ Швейцарію, ея внезапное смущеніе, когда онъ цѣловалъ ее въ губы, все это являлось въ новомъ, казалось, все объяснявшемъ освѣщеніи. И Неволинъ съ какою-то поразительной ясностью галлюцинаціи увидалъ передъ собою свою маленькую, изящную жену съ вдумчивыми ангельскими глазами, рядомъ съ молодымъ, румянымъ красавцемъ барономъ Лахти, его пріятелемъ и сослуживцемъ.

«А она еще такъ суха была съ барономъ. Находила, что онъ самодовольный болванъ... А этотъ болванъ...»

И, пораженный открытіемъ, внезапно охваченный ожесточенной обидой ревности и злобой, онъ вдругъ почувствовалъ приливъ силы, порывисто поднялся, присѣлъ на кровати и, задыхаясь, грозя въ пространство костлявой рукой, почти что крикнулъ:

— Подлая! Я выздоровѣю и тогда... Я...

Неволинъ не могъ продолжать. Онъ закашлялся. Кровь показалась изъ горла.

Съ ужасомъ страха и тоски въ расширенныхъ глазахъ смотрѣлъ онъ на смоченный кровью носовой платокъ. Неволинъ сразу ослабѣлъ, и голова его упала на подушки.

Прошло нѣсколько секундъ обморока.

Неволинъ открылъ глаза, и паническій страхъ прошелъ — кровь остановилась. Ему дышалось легче.

«Вѣрно, какой-нибудь маленькій сосудъ лопнулъ»,—подумалъ Неволинъ.

И теперь онъ еще съ большей увѣренностью думалъ, и не безъ злорадства думалъ, что новое лѣкарство поможетъ. Онъ начнетъ поправляться и уже не будетъ такимъ довѣрчивымъ мужемъ. Не пойдетъ встрѣчать поѣзда.

Передъ инстинктомъ самосохраненія и жаждой жизни бѣшеный взрывъ прошелъ, и острота обиды оскорбленнаго человѣка смягчалась. Эгоизмъ безнадежно больного невольно старался увѣрить его въ несправедливости подозрѣнія, что онъ обманутъ и такъ нагло и безсовѣстно. И — главное — теперь, когда ему хуже, встрѣча съ женой уже не представлялась, какъ влюбленному. Онъ ждалъ сидѣлку, которая сумѣетъ ходить за нимъ. Вѣдь онъ боленъ!

И Неволинъ думалъ:

«Она обязана быть около. Не смѣетъ не пріѣхать къ больному мужу. Не смѣетъ!—настаивалъ Неволинъ, подбадривая себя.—Леля не лживая. Она три года любила и ни съ кѣмъ даже не кокетничала... Почти всегда были вмѣстѣ... Не могла бы писать такія письма и въ то же время обманывать. Она честная женщина. Всегда говорила, что долгъ обязываетъ. И къ чему ей лгать? Она могла бы написать, что полюбила другого. Вѣдь они передъ женитьбой дали другъ другу слово сказать, если кто изъ нихъ разлюбитъ. И какъ онъ съ ней былъ откровененъ. Какъ довѣрчивъ. Какъ старался исполнить малѣйшія ея желанія. Ничего не жалѣлъ. Работалъ, какъ волъ, для нея. Сколько тратилъ на нее! Напрасно онъ взволновался... Изъ-за этого и пошла кровь. Надо беречься. Еще пять дней, Леля пріѣдетъ, и онъ убѣдится, что подозрѣнія нелѣпы... Они призраки больного...»

И Неволинъ безпокойно подумалъ, что новое лѣкарство еще не принесли. Шварцъ сказала, что черезъ четверть часа принесутъ.

— Свиньи!—внезапно раздражаясь, прошепталъ Неволинъ, взглянувъ на часы, и позвонилъ.

Прошла минута.

Ему казалось, что его всѣ забыли. Нарочно никто не идетъ. А вѣдь, кажется, хорошо платитъ Бертѣ.

Неволинъ снова звонилъ.

Берта, только-что оторвавшаяся отъ уборки сосѣдней комнаты, торопливо вошла и, привѣтливо улыбаясь при входѣ къ жильцу, спросила:

— Что̀ угодно?..

— Лѣкарство! — раздраженно спросилъ Неволинъ и злыми глазами смотрѣлъ на молодую, румяную и сильную горничную съ вспотѣвшимъ озабоченнымъ лицомъ.

— Сейчасъ пойду.

— Не могли сходить... Это что̀ же?..

— Но, monsieur, я не виновата. Аптекарь сказалъ, что лѣкарство можетъ быть готово черезъ двадцать минутъ... А двадцати не прошло...

— Это безсовѣстно со стороны аптекаря... Не правда ли?.. Прошу васъ, сію минуту идите... Только подайте платокъ... О, Господи!..

И Неволинъ сердился на Берту и за то, что она здорова, и за то, что она, казалось, безучастна къ нему и улыбается, какъ и госпожа Шварцъ, лицемѣрно.

«И вообще люди большіе эгоисты и думаютъ только о себѣ. Онъ не такой эгоистъ!»—съ наивной увѣренностью подумалъ Неволинъ и вспомнилъ, какъ онъ заботился о Лелѣ, какъ сидѣлъ цѣлую ночь, когда она захворала.

Обозленный, онъ уже мысленно упрекалъ теперь жену и словно забылъ, что она «золотое сердце» и какъ ухаживала за нимъ, когда онъ заболѣлъ.

И внезапно проговорилъ:

— Это подло!

Ему хотѣлось плакать и отъ обиды, и отъ нетерпѣнія поправиться, и отъ новаго злого чувства къ женщинѣ, которую такъ особенно сильно любилъ, какъ это казалось.

Черезъ нѣсколько минутъ Берта, обливавшаяся пòтомъ, принесла лѣкарство и сказала, улыбаясь добрыми круглыми глазами:

— Бѣжала... Теперь примите, и вамъ будетъ лучше!

Онъ поблагодарилъ Берту и заискивающе попросилъ скорѣй развести одинъ порошокъ въ рюмкѣ съ водой. Онъ нетерпѣливо смотрѣлъ, какъ она это дѣлала. Одинъ видъ новаго лѣкарства словно бы гипнотизировалъ его и внушалъ увѣренность, что порошокъ поможетъ.

И какъ только онъ выпилъ до послѣдней капли полрюмки, ему стало сразу легче. Мокрота не душила. Дышать было свободнѣе. Свистъ изъ груди не вылеталъ.

— О, благодарю васъ, Берта! Идите... Мнѣ ничего не нужно!

Берта ушла, скрывая подъ обычной привѣтливой улыбкой жалость къ этому несчастному умирающему господину.

Неволинъ смягчился. Берта уже не казалась такой без-

участной къ нему. И Леля, разумѣется, не такъ виновата, и онъ напрасно ее подозрѣваетъ. Черезъ пять дней она пріѣдетъ и будетъ сидѣть безотлучно при немъ.

«О, теперь я поправлюсь!» — увѣренно подумалъ Неволинъ.

И, закрывая глаза, охваченный радостнымъ чувствомъ какой-то необыкновенно счастливой сонной грезы, заснулъ, широко раскрывъ ротъ.

Сонный порошокъ подѣйствовалъ быстро.

IX.

Извѣстіе хозяйки о томъ, что Неволину, по словамъ врача, не протянуть и недѣли, и что жена прислала телеграмму о новой отсрочкѣ, вызвало въ Ракитинѣ быстрое рѣшеніе: вызвать жену къ умирающему мужу.

Пусть хоть умретъ вѣрующимъ въ нее «влюбленнымъ дуракомъ»!

Ракитинъ жалѣлъ «дурака» и обижался за него, какъ мужчина, который не дался бы въ такой обманъ. Жена Неволина возмущала Ракитина. Но въ то же время ему хотѣлось познакомиться при исключительныхъ условіяхъ съ этой хорошенькой, «проблематической барынькой», какъ поспѣшно уже зарисовалъ ее Ракитинъ въ своемъ представленіи.

Онъ изучитъ «интересный типъ». Недаромъ онъ быстро отгадываетъ женщинъ и до сихъ поръ пользуется успѣхомъ у нихъ. А теперь сердце его кстати было свободно.

Ракитинъ помнилъ адресъ. Неволинъ не разъ о немъ говорилъ Ракитину, когда приглашалъ его навѣстить ихъ зимой.

И, подписавъ «срочная», Ракитинъ составилъ слѣдующую телеграмму:

«Если хотите застать мужа въ живыхъ и облегчить послѣднія его минуты, немедленно выѣзжайте. Соблаговолите срочно телеграфировать больному о выѣздѣ».

«Небось, прикатитъ послѣ такой телеграммы, и бѣдняга дождется наконецъ свою мадонну!»—мысленно проговорилъ Ракитинъ и вышелъ.

Съ телеграфной станціи Ракитинъ ушелъ довольный. Послѣдніе дни около бѣдняги Неволина будетъ любимая жена. И, разумѣется, не хотѣлъ бы себѣ сознаться, что очень доволенъ своимъ добрымъ дѣломъ и потому, что увидитъ эту возмущающую его безсердечную женщину, будетъ часто съ нею вмѣстѣ въ комнатѣ умирающаго и провожать на прогулкахъ.

Эта программа уже пробѣгала въ головѣ Ракитина, когда

онъ возвращался въ пансіонъ, взглядывая на проходящихъ молодыхъ женщинъ съ любопытствомъ.

У рѣшетки сада пансіона Ракитина остановилъ молодой красавецъ англичанинъ въ свѣтлой фланели и, приподнимая фетръ, обмотанный кисеей, любезно спросилъ:

— Какъ здоровье вашего соотечественника?

— Плохъ!—съ умышленной рѣзкостью отвѣтилъ Ракитинъ.

— О-о-о! Но, надѣюсь, еще протянетъ?

— Пяти дней не проживетъ!—рѣзко и насмѣшливо отвѣтилъ Ракитинъ.

Молодой человѣкъ, казалось, не считалъ нужнымъ замѣтить рѣзкій и явно насмѣшливый тонъ Ракитина.

Онъ снова значительно протянулъ свое: «о-о-о!» и съ спокойной и вѣжливой настойчивостью прибавилъ:

— Извините, что задерживаю. Позвольте одинъ вопросъ?

— Позволяю.

— Жена вашего бѣднаго друга пріѣдетъ?

Ракитина взорвало.

Онъ въ упоръ взглянулъ въ свѣтлые, добродушно-спокойные глаза англичанина.

«Экая увѣренная молодая скотина!»—подумалъ Ракитинъ и съ дерзкой насмѣшкой сказалъ:

— Не пріѣдетъ!

— О-о-о!

— Вы пари проиграете!

— Благодарю васъ. Очень жаль! — невозмутимо-вѣжливо промолвилъ молодой человѣкъ.

И, приподнявъ фетръ, вышелъ на улицу, повидимому, нѣсколько недоумѣвающій такой рѣзкости русскаго писателя.

А Ракитинъ, обрадованный, что оборвалъ высокомѣрнаго англичанина, торопливо направился въ пансіонъ.

Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ Берту.

— Больной все еще спитъ?

— Только-что проснулся.

— Въ постели?

— Приподняться хотѣлъ и не могъ...

— Сидѣлки еще нѣтъ?

— Нѣтъ...

— О, сейчасъ придетъ... сейчасъ придетъ! — проговорила откуда-то появившаяся хозяйка.—Я ужъ была у одной особы... Но только дорого спрашиваетъ... Десять франковъ въ сутки на всемъ готовомъ... Это будетъ стоить пять франковъ у меня... Самая дешевая цѣна. Угодно переговорить съ особой?.. Вѣрно, и предупредите бѣднаго Неволина?

Ракитинъ не спорилъ о цѣнѣ, хотя и понималъ, что хозяйка дѣлаетъ свой гешефтъ. Да и неловко, казалось ему, было торговаться.

«Ну и чортъ съ тобой!»—мысленно промолвилъ Ракитинъ и, улыбаясь лукавыми своими глазами, сказалъ:

— Надѣюсь только, что ваша особа не наведетъ на больного унынія?

— Простите... Я не совсѣмъ понимаю... Чѣмъ можетъ навести уныніе сидѣлка, которую я рекомендую?—не безъ достоинства проговорила госпожа Шварцъ и приготовилась обидѣться въ качествѣ «слабой женщины».

— Развѣ не понимаете, милая госпожа Шварцъ, чѣмъ сестры милосердія удручаютъ?..

Ракитинъ разсмѣялся и продолжалъ:

— Да своимъ торжественно-участливымъ видомъ, точно хочетъ сказать: мнѣ жаль умирающаго. Или—что̀, пожалуй, еще хуже—обладаетъ такой наружностью, что больной будетъ волноваться отъ раздраженія.

О, она поняла. Она и не могла подумать, что такой знаменитый писатель могъ считать госпожу Шварцъ совсѣмъ глупой. Она, слава Богу, понимаетъ, какъ важно для больного видѣть около себя успокаивающее пріятное, лицо. Это важно не только для больныхъ, но—осмѣлится выразить свое мнѣніе—и для здоровыхъ. И она не держитъ въ своемъ пансіонѣ уродовъ-горничныхъ.

— Это мое правило! — не безъ гордости прибавила хозяйка.

— Недурное правило, госпожа Шварцъ. Но сидѣлка?..

— Будьте спокойны за вашего соотечественника... Послѣдніе его дни не будутъ омрачены... Особа очень милая женщина... лицо самое располагающее и внушающее довѣріе... Правда, она не первой молодости, ей за тридцать, но моложавая, сильная и симпатичной наружности, вполнѣ приличная дама... Какъ разъ лучшій возрастъ для своей тяжелой обязанности... Вѣдь для тяжкаго больного и ненужна молодая сидѣлка... Только могла бы стѣснить... не правда ли?

Ракитинъ, конечно, согласился.

— О, бѣдный Неволинъ будетъ доволенъ своей сидѣлкой. Она любитъ свое дѣло милосердія... понимаетъ, что больные капризны и раздражительны, и ни лицомъ, ни манерами, ни разговоромъ не раздражитъ, а, напротивъ, успокоитъ больного...

И хозяйка значительно прибавила:

— Я тоже наблюдала больныхъ... Приходилось!.. Такъ я буду ждать вашего приказанія...

И, любезно поклонившись, хозяйка величественно направилась въ одну изъ комнатъ, слегка повиливая своими широкими бедрами.

Когда Ракитинъ вошелъ въ комнату Неволина, пропитанную запахомъ лѣкарствъ, и увидѣлъ неподвижную черную голову, землисто-блѣдное лицо и лежавшую на одѣялѣ длинную исхудалую руку, Ракитинъ точно увидѣлъ покойника.

Онъ невольно поморщился, вдругъ сталъ серьезенъ и, тихо подходя къ кровати, какъ-то съежился, опустилъ голову и будто сталъ меньше ростомъ, словно стараясь скрыть передъ Неволинымъ, какъ онъ высокъ, плотенъ, крѣпокъ и цвѣтущъ.

И, смягчая свой крикливый голосъ, тихо, безъ обычной подбадривающей веселости, ласково проговорилъ:

— Ну, какъ дѣла, Валерій Николаичъ?

Осторожно, тая брезгливое чувство, слегка пожалъ руку Неволина и присѣлъ на стулъ около кровати.

— Спасибо, что навѣстили, Василій Андреичъ! — обрадованно отвѣтилъ Неволинъ. — Вернэ прописалъ новое лѣкарство, и я чувствую себя гораздо лучше... Только слабость... Завтра встану...

И, внезапно показывая раздраженіе болѣе, чѣмъ его было, прибавилъ:

— А эта свинья-хозяйка... вообразите, Василій Андреичъ.

— А что̀?

— Предлагала ѣхать въ Петербургъ... Точно сбыть меня хочетъ... Будто я могу умереть въ ея пансіонѣ. Но я еще не собираюсь, кажется, умереть. Катарръ—не туберкулезъ. Вернэ не вретъ! Да я самъ знаю!—вызывающе и возбужденно говорилъ Неволинъ.

— Хозяйка и не думаетъ.

— Зачѣмъ же предлагала ѣхать въ Петербургъ?

— Вы получили телеграмму... Хозяйка, вѣрно, подумала, что Елена Александровна не можетъ скоро пріѣхать. Ну и подумала: вы къ ней поѣдете.

— Развѣ... Но зачѣмъ я поѣду?.. Это глупо... Дѣйствительно, вы предугадали вчера, Валерій Николаевичъ... Сегодня жена не пріѣдетъ... Невозможно было... Сама прихворнула... ничего особеннаго, — сочинялъ Неволинъ. — Но черезъ пять дней можно выѣхать... Непремѣнно пріѣдетъ!

— А быть-можетъ, и раньше выѣдетъ. И мнѣ кажется, что такъ и будетъ. Прихворнула... испугалась и добросовѣстно предупредила... А увидитъ, что пустяки, и прикатитъ...

— Вы предполагаете?..

— Увѣренъ. Женщины мнительны...

— Да... да... Леля мнительна, — обрадованно проговорилъ Неволинъ.

Онъ помолчалъ и возбужденно прибавилъ:

— И знаете что̀?..

— Что̀?

— Я радъ, что вы увидите жену...

— Надѣюсь, на-дняхъ.

— И тогда... Вы мало наблюдали хорошихъ женщинъ...

— Вѣрно, легче описывать отрицательные, чѣмъ положительные типы.

— А познакомитесь съ женой... и опишете положительный типъ... Непремѣнно... Не думайте, что говоритъ ослѣпленный глупый мужъ... Сегодня и я подло усомнился въ ней, и знаете почему?

— Почему?

— Нашло омраченіе... Во мнѣ какой-то злой звѣрь заговорилъ, и мнѣ показалось, что Леля меня обманываетъ...

— Просто галлюцинаціи больного...

— Разумѣется... галлюцинаціи... Развѣ я имѣю основаніе не вѣрить... Выслушайте, Василій Андреичъ, и вы поймете, что не имѣю никакихъ основаній. Ни малѣйшихъ!

Неволинъ проговорилъ эти слова взволнованно, съ порывистымъ, страстнымъ и тоскливымъ возбужденіемъ трусливаго человѣка, въ которомъ еще тлѣло подозрѣніе. Онъ желалъ, чтобы его не было и не могло быть, и чтобы Ракитинъ, писатель, скептикъ и циникъ, смѣясь разсказывавшій, что давно разошелся съ женой для общаго ихъ удовольствія, и, повидимому, большой ухаживатель, — убѣдился, что онъ не обманутый мужъ, и, главное, убѣдилъ въ этомъ того, который такъ горячо, казалось, говорилъ о томъ, что нѣтъ никакихъ основаній для постыднаго подозрѣнія.

Тогда онъ не будетъ напрасно волноваться въ ожиданіи пріѣзда... Или... по крайней мѣрѣ, провѣритъ словами Ракитина свои подозрѣнія.

И, тая про себя лукавство, съ особенной ласковостью просилъ:

— Не откажите въ просьбѣ скучающаго больного, Василій Андреичъ! Мнѣ такъ хочется поговорить о женѣ именно съ вами. Вы такой умный человѣкъ. Такъ много видѣли, испытали, наблюдали... Что̀ для такого, какъ я, обыкновеннаго средняго человѣка многое, быть-можетъ, темно... для васъ—ясно...

«Ишь лукавитъ! Прозрѣлъ наконецъ. Усомнился въ своей хорошенькой мадоннѣ и ищетъ эксперта. Такъ я и отравлю

послѣдніе его дни!»—съ чувствомъ негодованія подумалъ Ракитинъ.

И, забывая, что онъ собирается на глазахъ умирающаго мужа «изучать проблематическую барыньку», Ракитинъ даже почувствовалъ удовлетворенность порядочнаго человѣка. Вѣдь, благодаря ему, Неволинъ умретъ на рукахъ любимой жены вѣрующимъ, что она любитъ.

— Только много говорить, пожалуй, и вредно... А, Валерій Николаичъ?.. Того и гляди, еще взволнуетесь... А вамъ надо скорѣй поправиться... А то жена пріѣдетъ, а вы валяетесь,—проговорилъ Ракитинъ.

— Мнѣ не вредно говорить... Ей-Богу, не вредно... Верно позволяетъ. Онъ и курить позволяетъ... И ѣсть все позволилъ... И я чувствую себя отлично... И отчего волноваться... Или вамъ некогда?.. Писать хотите?.. Или надоѣло со мной сидѣть?..

— Писать еще успѣю... И ничуть не надоѣло... Я съ удовольствіемъ послушаю васъ, только смотрите, устанете... отдыхайте!..—сказалъ Ракитинъ.

«Вѣдь теперь ему все можно! Пусть разсказываетъ!»—подумалъ Ракитинъ и сталъ смотрѣть въ блестящіе, оживившіеся глаза Неволина.

И Неволинъ началъ:

— Да... Я человѣкъ и порядочный... И такъ подло заподозрѣть. И кого?.. Вы увидите скоро жену, Василій Андреичъ... Знаете ли, неловко хвалить жену!.. Но у меня нѣтъ прилагательныхъ словъ... Я такъ счастливъ... Три года ни тѣни облачка... И не иллюзіи... сейчасъ узнаете... И вдругъ было подозрѣніе. Положимъ, одно мгновеніе... Вы сказали: галлюцинаціи. Хорошо. Но вѣдь и мгновеніе... жестокость. Вы писатель, сердцевѣдъ... Развѣ возможно порядочной правдивой женщинѣ писать нѣжныя письма и... обманывать?

«Конечно, возможно... Или ты даже не слыхалъ»,—подумалъ Ракитинъ.

И увѣренно проговорилъ:

— Разумѣется, невозможно.

— И главное, когда можно и не обманывать... Вѣдь вы не поступите такъ съ любящей васъ женщиной...

«Однако допросъ?»—промелькнуло въ головѣ Ракитина.

И, смѣясь, промолвилъ:

— Вѣрнѣе: не поступалъ, Валерій Николаичъ... Да такъ и лучше! Нѣтъ осложненій!

— Именно лучше... И жена такой человѣкъ, который никогда не лжетъ... Знаете ли, Василій Андреичъ, вѣдь меня

судьба взыскала... И я часто спрашивалъ: за что? Леля прелестна, умна, талантлива... И какой голосъ!.. Я встрѣтился съ нею въ Симферополѣ. Она жила съ вдовой-матерью. На маленькую пенсію жили... Прежде я и ухаживалъ и влюблялся... Но въ Лелю я влюбился особенно... до сумасшествія, сразу... да... Я точно нашелъ ту самую, единственную на свѣтѣ, о которой мечталъ еще въ университетѣ... Ну что-жъ, я не скрываю!—застѣнчиво прибавилъ Неволинъ.

— Да и что скрывать... Вы счастливый человѣкъ, Валерій Николаичъ.

— Еще бы!.. И черезъ два мѣсяца сдѣлалъ предложеніе... Не испугался, что только полторы тысячи жалованья да тысяча отъ матери...

— И Елена Александровна сейчасъ же согласилась?..

— Леля сдержанная, серьезнаго характера... Черезъ недѣлю дала согласіе.

«Она шла замужъ не по любви!..»—рѣшилъ Ракитинъ.

А Неволинъ возбужденнѣе и торопливѣе говорилъ:

— И чѣмъ болѣе меня узнавала, чѣмъ сильнѣе чувствовала, какъ я ее люблю, тѣмъ болѣе привязывалась ко мнѣ... Говорятъ: одинъ любитъ, другой позволяетъ любить... Можетъ-быть. Я боготворилъ ее, и она позволяла... Обыкновенно жены не жалѣютъ мужей, а она жалѣла. Останавливала, когда дарилъ кольца, покупалъ платья... «Ты точно няньчишься какъ съ куклой—не надо!» И ее мучило, что я день сидѣлъ въ министерствѣ и по вечерамъ иногда частную работу бралъ... У нея были свои взгляды... Тихая, сдержанная, съ характеромъ... Достала себѣ переводы... и, голубушка, по цѣлымъ утрамъ просиживала... А по вечерамъ читала... И всѣмъ интересуется... жизнью, литературой... И меня заставляла читать... «Не все же думать о своемъ благополучіи!» — А мнѣ, признаться, и некогда было. Надо о благополучіи заботиться... Когда любишь жену и любишь свое гнѣздо, о нихъ невольно думаешь. Положимъ, многое у насъ скверно... такъ говори не говори, а все равно ничего не сдѣлаешь... Да и ужъ не такъ скверно для насъ, интеллигентныхъ людей. И наконецъ я думаю, что идеалъ человѣка—личное счастье... Вы вотъ писатели... горячитесь... волнуетесь. А я, знаете ли, не понимаю, къ чему такъ волноваться...

— Вотъ вы волнуетесь теперь, Валерій Николаичъ... Отдохните.

— О, нѣтъ... я не усталъ... У меня выносливая натура... До весны не зналъ болѣзни... И весной простудился... Воспаленіе легкихъ... И какъ же Леля ухаживала!.. Докторъ одинъ

молодой два раза въ день ходилъ... Выхаживали... Бѣдная Леля, какъ устала... И никуда... Не отходила отъ меня... И... я смѣлъ подумать!?—вдругъ раздражительно прибавилъ Неволинъ.

Ракитинъ мягко просилъ его отдохнуть..

— Нѣтъ... ничего... проклятый катарръ... И меня врачи отправили... А Лелѣ нельзя было ѣхать... со мной... Хотѣла... Но я... я... не позволилъ... Къ чему... тревожить... И ей хотѣлось окончить работу и пріѣхать... Собиралась въ началѣ августа... Но, вы знаете, сперва мать хворала... работа задержала... И я скрывалъ, что сильно похудѣлъ... Такъ вы поняли... поняли, что ни малѣйшей тѣни основанія... И по совѣсти скажите ваше мнѣніе... Не бойтесь... Я не испугаюсь, если вы, какъ скептикъ, могли бы предположить: Осталась одна... Мужъ больной былъ послѣднее время... раздражительный... возбуждалъ брезгливость и... влюбилась...

И, не давая возражать Ракитину, почти со злобой продолжалъ:

— Вѣдь вы это въ душѣ полагаете?.. Вѣдь это?.. Не правда ли?.. А мнѣ, какъ больному, хотите только отвести глаза... И развѣ это невозможно?.. Развѣ даже такой чудный человѣкъ, какъ жена, не можетъ искать счастья?.. Не имѣетъ права наслаждаться жизнью?.. Сердце развѣ не вольно разлюбить?.. А вотъ возьметъ и совсѣмъ не пріѣдетъ!.. А вы — скептикъ и бракъ считаете нелѣпостью, а со мною виляете... Такъ я вѣдь не умирающій, Василій Андреичъ. И не такой дуракъ, какъ вы думаете!... Не дуракъ!

Ракитинъ смутился на секунду и отвелъ взглядъ отъ лихорадочно-блестящихъ глазъ чахоточнаго.

— Вы вздоръ говорите!..—спокойно сказалъ Ракитинъ.—Съ какого чорта вилять передъ вами... Развѣ я воображаю, что катарръ вашъ такъ опасенъ... Я вотъ возьму да Еленѣ Александровнѣ нажалуюсь, что вы додумались отъ тоски, до того, что она не пріѣдетъ... А она возьметъ да и пріѣдетъ послѣзавтра, чтобъ васъ пристыдить...

— Это она васъ пристыдитъ!..

— Меня не за что, Валерій Николаичъ. А я, знаете, что̀ придумалъ?

— Что̀?

— Сейчасъ добыть вамъ сидѣлку.

— Зачѣмъ?.. Не нужно!

— Нужно, Валерій Николаичъ! Не капризничайте. Бертѣ не разорваться, и она неумѣлая... А вамъ нужно отлеживаться день-другой, чтобы молоддомъ встрѣтить Елену Алексан-

дровну!—весело, почти повелительнымъ тономъ проговорилъ Ракитинъ, быстро поднимаясь со стула и, видимо, торопясь уйти.

Больной покорно согласился на приглашеніе сидѣлки.

— А вы, Василій Андреичъ, не сердитесь на меня!—смягченно, почти виновато, прерывисто проговорилъ Неволинъ, жадно глотая воздухъ, и смотрѣлъ на Ракитина просительными страдающими глазами.—И спасибо, что посидѣли... И навѣщайте... Я вѣдь одинъ... пока...

И неожиданно прибавилъ:

— А я сейчасъ шутилъ... Я вѣдь не сомнѣваюсь... Леля пріѣдетъ. Пріѣдетъ...

— Еще бы!.. А сердиться не за что, Валерій Николаичъ... Поспорили и завтра опять поспоримъ... Не надо ли чего?..

— Спасибо... Прикройте, пожалуйста, пледомъ...

И, когда Ракитинъ прикрылъ пледомъ, Неволинъ промолвилъ:

— А то знобитъ... И дышать трудно.. Не слѣдовало много говорить...

Ракитинъ обѣщалъ зайти вечеромъ.

Очутившись за дверями, онъ облегченно и радостно вздохнулъ. И оттого, что освободился отъ Неволина, и оттого, что самъ онъ не умирающій, а здоровый, цвѣтущій человѣкъ и пойдетъ, куда угодно.

«Бѣдняга. Что-жъ, всѣмъ надо умирать!»—подумалъ Ракитинъ.

И даже почувствовалъ къ «бѣднягѣ» непріязнь. Придется все-таки заходить къ нему, врать объ его поправленіи и испытывать непріятныя впечатлѣнія при видѣ этого разлагающагося человѣка.

— И вѣдь воображаетъ, что поправится!—не безъ удивленія мысленно проговорилъ Ракитинъ.

XI.

Ракитинъ нашелъ хозяйку въ столовой.

Онъ попросилъ ее немедленно послать за сидѣлкой.

И вдругъ вспомнилъ, что обѣщалъ сдѣлать визитъ одной дамѣ, съ которой встрѣчался въ Петербургѣ и недавно встрѣтился въ Монтре. И онъ рѣшилъ сейчасъ же ѣхать. По крайней мѣрѣ, развлечется.

— Я не буду обѣдать сегодня, госпожа Шварцъ!—объявилъ Ракитинъ.

И нашелъ нужнымъ прибавить:

— Обѣдаю въ Веве... Съ одной знакомой

— О, monsieur!—шутливо-строго сказала хозяйка и погрозила пальцемъ.

— Вы что же думаете?—смѣясь, спросилъ Ракитинъ.

— Вы вѣдь опасный человѣкъ...

Ракитинъ отъ удовольствія вспыхнулъ. Онъ какъ-то особенно побѣдоносно затеребилъ бородку и съ преувеличенной напускной скромностью проговорилъ:

— Увы! И старъ, и толстъ, и ужъ никому не опасенъ! До свиданія. И, пожалуйста, сидѣлку.

— Сію минуту!—И хозяйка надавила кнопку.—Видно, какой вы старый!.. Bonne chance!—значительно промолвила госпожа Шварцъ съ веселой поощряющей улыбкой.

И, сразу переходя въ дѣловой тонъ и дѣлаясь любезно-серьезной, прибавила:

— Вы знаете условія пансіона?

— Какія?

— Если не обѣдаете дома, плата за обѣдъ не исключается... Я обязана предупредить... Извините...

— Знаю! Знаю!

И, приподнявъ шляпу, Ракитинъ ушелъ и сѣлъ на трамвай.

Жена тайнаго совѣтника, лѣтъ за тридцать, не оскорбляющая эстетическихъ чувствъ Ракитина, элегантная брюнетка, пріѣхавшая въ Швейцарію съ десятилѣтнимъ мальчикомъ ради его слабой груди, уже порядочно соскучившаяся по Петербургу, обрадовалась приходу Ракитина.

Она съ интересомъ прослушала о проблематической барынѣ, не пріѣзжающей къ влюбленному умирающему мужу, пожалѣла мужа, возмутилась женой, но, впрочемъ, старалась найти смягчающія обстоятельства, сказавъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ о женахъ, которыя выходятъ замужъ, не подумавъ, безъ настоящей любви.

Такъ какъ Ракитинъ зналъ, что и Наталья Ивановна Бриксъ не подумала передъ замужествомъ, такъ какъ господину Бриксу за шестьдесятъ, то Ракитинъ не безъ большого оживленія и торопливо сталъ разсказывать о нелѣпыхъ предразсудкахъ брака и вообще о любви и смѣшилъ молодую женщину своей веселой, остроумной и дерзкой болтовней. Она смѣялась недвусмысленнымъ разсказамъ стараго ухаживателя и знатока женщинъ, улыбалась его будто бы нечаянно срывавшимся комплиментамъ и, въ свою очередь, не оставалась въ долгу, разсказывая, какъ пріятно болтать съ такимъ умнымъ, талантливымъ писателемъ.

Они проболтали цѣлый день. Обѣдали вмѣстѣ въ пансіонѣ.

Гуляли. И оба кокетничали другъ съ другомъ, довольные, что не скучали.

Разставаясь, элегантная брюнетка съ вкрадчивой обаятельностью просила не забывать ее и «посмѣяться вмѣстѣ», какъ сегодня. И Ракитинъ, конечно, обѣщалъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ ея душистую руку.

Онъ вернулся домой въ десятомъ часу, очень довольный проведеннымъ днемъ.

«Пожалуй, и досмѣемся до маленькаго романа! Мужу за шестьдесятъ, а она съ темпераментомъ и, кажется, не настолько глупа, чтобы заинтересоваться здѣсь какимъ-нибудь чахоточнымъ молодымъ человѣкомъ!»—думалъ Ракитинъ и весело усмѣхался, увѣренный, что произвелъ на скучающую барыньку впечатлѣніе.

А тайная совѣтница въ то же время, между прочимъ, писала одной пріятельницѣ въ Петербургѣ:

«Думала, что Ракитинъ умнѣе. Онъ воображаетъ себя неотразимымъ и съ перваго же визита принялъ аллюры ухаживателя, не понимая, что онъ немножко смѣшонъ со своимъ самомнѣніемъ, брюшкомъ, мѣшками подъ глазами и разговорами о любви... Вѣроятно, думаетъ за мной ухаживать, разсчитывая на романъ. Конечно, я съ нимъ кокетничаю отъ скуки, и ты догадаешься, какъ не трудно влюбить этого «молодого человѣка подъ пятьдесятъ». Но даже и это не интересно... Эти пятидесятилѣтніе господа не въ моемъ романѣ. Довольно и своего супруга, который, по крайней мѣрѣ, влюбленъ издалека и не будетъ знать, что мой вѣрный рыцарь пріѣдетъ на недѣлю въ Женеву, и мы проведемъ съ нимъ прелестные дни. Право, молчаливые двадцатипятилѣтніе рыцари куда интереснѣе самыхъ умныхъ стариковъ, какъ мой влюбленный, подозрительный и требовательный благовѣрный, вѣчно говорящій о святости долга... О, какая свинья!»

Ракитинъ вошелъ въ комнату и присѣлъ на балконѣ. Онъ забылъ объ обѣщаніи навѣстить вечеромъ Неволина и былъ въ мечтательномъ настроеніи самоувѣреннаго женолюба, какъ въ комнату постучали.

Мечтательное настроеніе сразу исчезло, когда вошла Берта и сказала, что больной уже три раза посылалъ за нимъ.

— Очень просилъ зайти.

— Ему хуже?

— Нѣтъ... Какъ будто бодрѣе.

— Сидѣлка тамъ?

— Какъ только вы ушли, она пришла.

— Скажите, что приду сію минуту!

Онъ докуривалъ папиросу, чтобы оттянуть минуту посѣщенія. Но, внезапно почувствовавши стыдъ за свое равнодушіе къ умирающему, швырнулъ недокуренную папироску, порывисто поднялся съ лонгъ-шеза и вышелъ изъ комнаты.

Комната Неволина, слабо освѣщенная лампой подъ темнымъ абажуромъ, казалась еще мрачнѣй. Запахъ лѣкарствъ и спертый воздухъ казались невыносимыми. И самый больной въ полутьмѣ казался еще непріятнѣе и страшнѣе съ его мертвеннымъ лицомъ и блестящими глазами.

Сидѣлка, съ располагающимъ лицомъ, спокойная, безъ фальшивой подбадривающей улыбки, но и не мрачная, сидѣвшая въ креслѣ, въ отдаленіи отъ кровати, и коротавшая вечеръ за книгой, слегка поклонилась въ отвѣтъ на поклонъ Ракитина и мягкимъ, пріятнымъ голосомъ, низковатый тембръ котораго словно бы успокаивалъ, проговорила, обращаясь къ Неволину:

— Вотъ и пришелъ monsieur Ракитинъ. А вы такъ волновались... Вѣрно, раньше нельзя было...

И плотная, моложавая женщина взглянула на Ракитина— показалось ему—особенно серьезно, словно съ упрекомъ.

— Простите, Валерій Николаичъ... Раньше не могъ... Встрѣтилъ одного издателя и, понимаете...

Но Неволинъ, казалось, не слушалъ Ракитина.

И, перебивая его, счастливымъ торжествующимъ и взволнованнымъ голосомъ, проговорилъ:

— Послѣзавтра пріѣдетъ... Выѣхала... Прочтите телеграмму... Срочная!

Ракитинъ подошелъ къ столику, взялъ телеграмму и прочелъ:

«Телеграфирую съ вокзала. Завтра буду около тебя, и скоро поправишься».

Неволинъ не спускалъ глазъ съ Ракитина.

— Ну вотъ видите, Валерій Николаичъ... Можете спать отлично,—весело проговорилъ Ракитинъ. — И сразу глядите лучше, чѣмъ утромъ.

— Еще бы... Теперь я быстро стану поправляться...

Неволинъ не интересовался уже болѣе — зачѣмъ Ракитинъ такъ долго не приходилъ и какого издателя онъ встрѣтилъ.

Неволинъ началъ-было разсказывать, что онъ ѣлъ и съ какимъ аппетитомъ ѣлъ бифштексъ...

Но сидѣлка мягко остановила Неволина:

— Не говорите много... А то спать будете хуже...

— О, конечно... конечно!—весело подтвердилъ Ракитинъ.— Не буду... Слушаю васъ, добрая мадамъ Дюфуръ... О, какъ вы

терпѣливы съ такимъ капризнымъ больнымъ... И какъ все хорошо дѣлаете...

— Привыкла!—просто отвѣтила сидѣлка.

Ракитинъ сейчасъ же ушелъ.

На другой день Неволинъ получилъ телеграмму изъ Берлина. Прошелъ день, и телеграмма изъ Базеля: «Сегодня въ полдень буду».

Но Неволинъ уже не могъ подняться съ постели и уже не такъ волновался, какъ раньше. Къ пріѣзду жены, казалось, былъ равнодушнѣе.

Онъ весь былъ полонъ мыслями о себѣ, о своемъ выздоровленіи, въ которое упорно вѣрилъ, и какой-нибудь бульонъ или чай съ вареньемъ, который вдругъ требовалъ его капризный вкусъ, занималъ Неволина гораздо болѣе, чѣмъ ожиданіе любимой женщины.

Онъ уже былъ въ томъ предсмертномъ эгоизмѣ, когда вѣнецъ творенія больше всего обнаруживаетъ въ немъ жалкаго, цѣпляющагося за жизнь съ тѣмъ ея счастьемъ, которое такъ примитивно и такъ мало отличается отъ счастья животнаго.

Сидѣлка была образцовая, и отъ нея больной былъ въ восторгѣ.

И онъ подумалъ еще утромъ, что жена едва ли сумѣетъ за нимъ такъ ухаживать. Она не такая сильная, умѣлая, казалось, угадывающая его желанія. И передъ женой все-таки нельзя такъ раздражаться, какъ передъ сидѣлкой.

Неволинъ особенно заботливо расчесалъ свою бороду, вычистилъ ногти, попросилъ вспрыснуть себя духами; сидѣлка перемѣнила ему рубашку и надушила носовой платокъ.

Берта рано убрала комнату, поставила кровать для жены на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде кровать Неволина, и къ девяти часамъ на столикѣ у кушетки уже стоялъ роскошный букетъ.

Эти заботы нѣсколько развлекли больного. Онъ на нѣсколько минутъ оживился и снова захотѣлъ встать.

Но сидѣлка уговорила его не вставать.

Онъ не протестовалъ. Онъ слушался сидѣлку, и казалось ему, что съ такимъ уходомъ, какъ ея, онъ скорѣе окрѣпнетъ и встанетъ. Она какъ-то незамѣтно поддерживала его увѣренность въ этомъ, и онъ разсказывалъ ей, какъ онъ пойдетъ съ женой до Шильона, а потомъ они будутъ гулять пѣшкомъ.

— А пока я не встану... Вѣдь это недолго... не правда ли... Дня два-три?

— Вернэ говорилъ, что дня черезъ три...

— Такъ ужъ вы останьтесь... День сидите здѣсь, а ночью, если понадобится, жена мнѣ поможетъ.

— Не утомитъ ли это вашу жену? Она, пожалуй, не заснетъ ночь. Если хотите, я буду сидѣть ночью въ коридорѣ... И если вамъ нужно, вы только позвоните.

Неволинъ благодарилъ.

— А то бѣдная жена, въ самомъ дѣлѣ, изведется...

Около полудня Ракитинъ, прифранченный, съ подстриженными волосами и бородкой, зашелъ къ Неволину и спросилъ:

— Прикажете встрѣтить Елену Александровну, Валерій Николаичъ?

— Хотѣлъ просить объ этомъ... Вотъ не пускаетъ меня добрая сидѣлка... встрѣтить жену... Надѣюсь, ее узнаете по портретамъ...

— Полагаю.

— Такъ вы предупредите ее, что я похудѣлъ... чтобы не взволновалась... Должно-быть, она цвѣтущая красавица... а я...

Неволинъ закашлялся и, когда припадокъ кашля прошелъ, раздражительно сказалъ сидѣлкѣ:

— Я просилъ васъ шоколада... Мнѣ хочется чашку шоколада... А мнѣ не даютъ... Дайте же мнѣ поскорѣе!

XII.

Еще бы не узнать по портретамъ этой необыкновенно привлекательной маленькой женщины, съ большими усталыми глазами и роскошными, отливавшими золотомъ волосами подъ соломенной шляпой.

Дѣйствительно, въ этомъ строгомъ, тоскливомъ и красивомъ лицѣ было что-то, напоминающее мадонну.

Какъ только ея стройная, красивая фигура въ свѣтлой юбкѣ и темной жакеткѣ, открывавшей блузку и регатъ поверхъ свѣжаго воротника,—торопливо вышла изъ вагона, какъ къ ней подошелъ Ракитинъ и изысканно-почтительно проговорилъ:

— Ракитинъ!

Въ одной рукѣ молодой женщины былъ небольшой чемоданчикъ, въ другой—зонтикъ.

Она сдержанно и серьезно наклонила голову и спросила:

— Мужъ живъ?

— Еще живъ.

— Кажется, пансіонъ близко?

— Да. Позвольте вамъ показать дорогу...

— Пожалуйста.

— Дайте мнѣ квитанцію отъ багажа.

— Не безпокойтесь.

И молодая женщина отдала квитанцію сторожу и попросила его принести багажъ въ пансіонъ Шварца, и пошла рядомъ съ Ракитинымъ.

И ни полслова. Только «живъ ли?»

«Что это за женщина?»—думалъ Ракитинъ, украдкой любуясь ею. И серьезно сказалъ:

— Мужъ о моей телеграммѣ не знаетъ... Онъ такъ волновался, такъ нетерпѣливо ждалъ васъ, что я рѣшился извѣстить васъ о положеніи мужа.

— Благодарю за телеграмму. Я знала объ его положеніи.

И опять продолжала идти молча.

— Валерій Николаичъ просилъ предупредить васъ, что онъ очень похудѣлъ. Онъ хотѣлъ подняться съ постели, чтобы встрѣтить васъ, и не могъ... И все-таки вѣритъ, что будетъ жить.

Выраженіе чего-то мучительно-скорбнаго залегло въ глазахъ молодой женщины. Лицо ея стало строже и, казалось, непроницаемѣе.

Неволина опять молчала. И только пошла скорѣе.

Ракитинъ догадался не мучить женщину своими сообщеніями.

Онъ обиженно замолчалъ. И, стараясь скрыть одышку отъ скорой ходьбы, едва поспѣвалъ за молодой женщиной.

«Не спѣшила къ мужу изъ Петербурга, а теперь торопится!»—думалъ Ракитинъ, недовольный, что программа его изученія интересной женщины съ перваго же начала не исполняется. «И знаетъ ли эта барыня, что я писатель. Читала ли меня?»—спрашивалъ себя Ракитинъ, раздраженный этой почти рѣзкой сдержанностью молодой женщины съ нимъ.

— Вотъ сюда, въ садъ, Елена Александровна!—проговорилъ онъ довольно сдержанно.

Въ саду было много пансіонеровъ. Всѣ знали, конечно, что пріѣхала жена умирающаго. И многія дамы взглянули на молодую женщину, еще болѣе возмущенныя ея красотой, изяществомъ и видомъ далеко не приниженной кающейся женщины.

Пожилая толстая англичанка, безцеремонно разсматривавшая Елену Александровну въ лорнетъ, пришла въ ужасъ. Худая дѣвица изъ Гамбурга шепнула хорошенькой пасторшѣ съ недоумѣвающими глазами, что русская дама просто нахалка.

— Но все-таки, надо сказать, Богъ ее наградилъ красотой! Не правда ли, фру? — проговорилъ пасторъ, обращаясь къ женѣ.

— Я съ тобою согласна, мой другъ.

— Но тѣмъ не менѣе она не можетъ быть хорошей. Такъ долго не ѣхать къ мужу... Не такъ ли, фру?

— О, конечно! Какъ можно оставлять мужа, да еще больного.

— Ты хорошая женщина, фру. О, ты великолѣпная женщина, фру! И ты гораздо красивѣе этой дамы, фру! Я правду говорю!

— Ты слишкомъ добръ ко мнѣ, Аксель!

Французовъ русская дама обворожила. Съ загорѣвшимися глазами они жадно ее разсматривали и потомъ зашептали, что она сложена восхитительно, и что такая женщина не можетъ не имѣть любовника.

А молодой англичанинъ замеръ отъ восторженнаго удивленія и, краснѣя, какъ піонъ, могъ только протянуть:

— О-о-о!

И въ то же мгновеніе подумалъ, что долженъ быть представленъ русской лэди.

Послѣ смерти ея мужа онъ объявитъ, что съ перваго мгновенія, какъ увидалъ ее, рѣшилъ ей предложить быть женой англичанина и лорда. Чекъ на двадцать тысячъ фунтовъ немедленно послѣ согласія и послѣ брака такая же сумма по договору въ ея распоряженіи.

Эта внезапная мысль овладѣла молодымъ красавцемъ англичаниномъ. Онъ не спускалъ восторженныхъ глазъ съ проходившей молодой женщины и далъ себѣ слово добиться ея согласія, если не здѣсь, то въ Петербургѣ, куда онъ немедленно поѣдетъ вслѣдъ за ней... И будетъ ждать хоть три-четыре года.

Фабрикантъ изъ Бирмингама отдалъ банковые билеты проиграннаго пари и проговорилъ:

— Не правда ли, милордъ, настоящая лэди?

— Королева, сэръ!—строго отвѣтилъ молодой англичанинъ.

И прибавилъ:

— Породистая!

Госпожа Шварцъ встрѣтила Елену Александровну въ прихожей и, грустно-торжественная, повела ее наверхъ.

— О, какъ бѣдный вашъ мужъ будетъ обрадованъ. О, несчастный страдалецъ! Какъ онъ ждалъ васъ, госпожа Неволина!.. Двѣ недѣли ходилъ каждый день на поѣздъ встрѣчать васъ... Но force majeur помѣшала вамъ пріѣхать... Мужъ зналъ это и не роптал... Вы сами страдали... о, я понимаю... И вы не знали, какъ мужъ плохъ... Онъ скрывалъ отъ васъ... Боялся встревожить... О, тяжелая доля облегчить послѣднія

минуты любимаго человѣка... И какъ его не любить... Какой онъ добрый, деликатный!.. О, простите мнѣ невольный крикъ души!

Госпожа Шварцъ не забыла, что если-бъ не Ракитинъ, то она могла бы понести убытки, и потому не лишила себя удовольствія подпустить яду въ свои трогательныя изліянія, оглядывая и оцѣнивая скромный, хотя и элегантный костюмъ этой хорошенькой и черезчуръ мало печальной для жены умирающаго мужа.

И такъ какъ «жена умирающаго» ни однимъ словомъ не откликнулась на «крикъ души» хозяйки, то госпожа Шварцъ, останавливаясь въ коридорѣ, прибавила пониженнымъ до трагическаго шопота голосомъ:

— Вы позволите предупредить бѣднаго мужа, что вы уже здѣсь... А то радость внезапнаго свиданія можетъ потрясти больного... Утромъ онъ былъ бодръ, насколько возможно для него... Но всякія потрясенія... Какъ вы думаете, monsieur Raquitine?..

Ракитинъ считалъ миссію свою оконченной. Онъ уже поклонился Еленѣ Александровнѣ, сказавъ, что онъ въ ея распоряженіи въ эти тяжелые дни, и хотѣлъ пройти въ комнату, какъ вопросъ хозяйки заставилъ остановиться его и сказать ей:

— Вѣдь больной знаетъ по часамъ, что госпожа Неволина пріѣхала. Къ чему еще предупрежденія... Напрасно вы такъ тревожитесь и тревожите госпожу Неволину! — насмѣшливо прибавилъ Ракитинъ.

— О, въ такомъ случаѣ я умываю руки! — обиженно сказала хозяйка и удалилась.

— А вещи прикажите послать въ комнату...

И, обращаясь къ Неволиной, Ракитинъ прибавилъ по-русски:

— Эта дама шельма и большая охотница до представленій!.. Постучите, Елена Александровна, въ восемнадцатый номеръ... Тамъ сидѣлка...

Словно бы услыхавшая простое нелицемѣрное и неоскорбительно-обвиняющее слово, Неволина подняла на Ракитина глаза, въ которыхъ мелькнуло благодарное чувство измученнаго человѣка, и торопливо прошла къ восемнадцатому номеру.

Маленькая блѣдная рука вздрагивала, когда тихо постучала въ дверь.

XIII.

Сидѣлка открыла двери и чуть слышно, ласково шепнула:

— Онъ ждетъ васъ... Постарайтесь скрыть отъ него, что онъ такъ плохъ... Если нужно, позвоните.

И, пропустивъ Неволину, вышла за двери и направилась внизъ.

Какъ ни готова была молодая женщина къ свиданію съ мужемъ и какимъ худымъ ни представляла его себѣ, но, когда увидала голову мертвеца, она едва могла скрыть жалость, тоску и ужасъ, охватившіе ее. И, опустивъ голову, чтобы мужъ не видалъ ея лица, съ рыданіемъ въ голосѣ, стараясь удержать слезы, проговорила, подходя къ нему:

— Вотъ и пріѣхала... И ты прости, что не могла раньше, Валерій.

И она поцѣловала его и припала къ его исхудалой рукѣ.

Въ первое мгновеніе Неволинъ не могъ говорить отъ волненія и только прерывисто и тяжело дышалъ.

— Какъ ты меня нашла... Очень измѣнился, Леля?—наконецъ проговорилъ онъ.

— Измѣнился... Но не очень...

— Ну... Похудѣлъ... сильно... Но теперь кризисъ... Я поправляться начну...

— Еще бы...

И опять оба смолкли, точно оба не находили именно тѣхъ словъ, какія нужны и какъ нарочно не приходятъ.

Неволину казалось, что онъ счастливъ, но все-таки не такъ безконечно счастливъ, какъ долженъ быть и какъ слѣдовало, и потому онъ съ бо́льшимъ чувствомъ, чѣмъ его было въ сердцѣ, проговорилъ, преувеличивая и радость и умиленіе:

— Милая... родная Леля... Какъ я счастливъ... Ты около... Какъ я люблю тебя... Какъ я ждалъ тебя...

И, словно забывая, что поцѣлуи его потрескавшихся, почернѣвшихъ губъ не могутъ доставить удовольствія даже любящему человѣку, онъ желалъ именно показать, какъ любитъ жену, и потому привлекъ ея лицо къ своему и цѣловалъ и ея лицо и ея руку, хотя это его и стѣсняло, такъ какъ дышать ему было тяжелѣе и мучительнѣе.

И молодая здоровая женщина съ ужасомъ чувствовала отвращеніе отъ этихъ поцѣлуевъ, несмотря на жалость и невольную вину передъ умирающимъ человѣкомъ.

Въ эти мгновенія она вспомнила все... все... И любовь безъ страсти къ мужу... И ея привязанность безъ дружбы и ласки.. И какъ онъ любитъ... любитъ ее и не понимаетъ запросовъ ея души и ума... И развѣ виновата она, что, когда онъ заболѣлъ, его ласки были нестерпимы... Развѣ виновата она, что послѣ отъѣзда мужа встрѣтила отзывчиваго, умнаго, сильнаго человѣкомъ и полюбила, почувствовала страсть... Настоящую, незнакомую ей раньше. И не смѣла ѣхать къ мужу... Жа-

лѣла его... Развѣ можно было скрыть... Развѣ успокоишь больного знаніемъ, что не принадлежишь тому, кому хочешь... Пусть умретъ безъ разочарованія влюбленнаго... Пусть всѣ ее считаютъ безсердечной. Она знала, что онъ одинъ, больной, и не ѣхала. И теперь ужасъ отвращенія, муки поздняго раскаянія—именно когда любитъ. Зачѣмъ не любя выходила замужъ...

Неволинъ отвелъ губы. И жена облегченно вздохнула. Снова жалость охватила ее, и слезы лились изъ ея глазъ.

— Да ты что̀ же... плачешь?.. Садись, милая, лучше въ кресло... Дышать трудно... А я посмотрю на тебя...

Она торопливо сѣла въ кресло и, улыбаясь сквозь слезы, проговорила:

— Пла̀чу... отъ волненія... встрѣчи...

— Милая!.. Не тревожься... Не бойся... я поправлюсь!.. И какая ты красавица, Леля! Разсказывай о себѣ, что̀ дѣлала, кого видѣла... А мнѣ не позволяй говорить много... Это очень вредно...

— Такъ не позволяю! — попробовала пошутить молодая женщина.

— Ты не умѣешь, Леля... Я тебя не слушаюсь... И мнѣ лѣкарство пора.

Въ голосѣ Неволина уже слышалось раздраженіе.

— Я тебѣ дамъ.

— Ты не знаешь...

— Такъ позвать сидѣлку?

— Да... она знаетъ! А ты разсказывай!..

Черезъ минуту пришла сидѣлка, подала лѣкарство, поправила постель и подушки, подняла голову больного, и онъ удовлетворенно сказалъ:

— Леля... Она умѣетъ... Ну, разсказывай!

Молодая женщина стала разсказывать. Но, видимо, Неволинъ не особенно интересовался и часто закрывалъ глаза.

Тогда передъ Еленой Александровной былъ мертвецъ... И она смолкала...

— Разсказывай... Разсказывай...

Она опять говорила... И скоро мужъ заснулъ... Дыханіе было тяжелое. Изъ груди вырывался свистъ.

Молодая женщина отвела глаза и задумалась.

— Господи!—вдругъ вырвалось у нея, когда она поймала себя на мысли о томъ, что смерть мужа—счастье новой ея жизни, что теперь она только знаетъ, что̀ значитъ любить, и думаетъ о любимомъ человѣкѣ...

— Ты, Леля, о чемъ разсказывала? — вдругъ сонно промолвилъ Неволинъ, вдругъ открывая глаза...

— О... мамѣ!—отвѣчала Елена Александровна и густо покраснѣла.

— Да... Она здорова?..

— Здорова...

— А ты не позволяй мнѣ говорить, Леля...

И снова заснулъ.

XIV.

Елена Александровна притаилась въ креслѣ и часто взглядывала на мужа.

Опять передъ ней проносилось недавнее прошлое. И опять замужество ея представлялось ошибкой, ужасной ошибкой...

«Не ошибка... хуже. Поруганіе чувства... Поруганіе тѣла. Ложь... Сознательный обманъ довѣрчиваго влюбленнаго человѣка, чтобы пристроиться!» — говорила возмущенная совѣсть молодой женщины.

Она не гнала совѣсти. Не старалась скрыть отъ себя правды. Не обманывала себя оправданіями.

Напротивъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ полюбила, она точно прозрѣла всю ложь прошлой жизни и, мучительно преувеличивая свою вину, считала себя безмѣрно виноватой не за то, что любитъ другого, а за то, что вышла замужъ...

Ее не успокаивали примѣры. Вѣдь многія такъ же выходятъ замужъ и послѣ обманываютъ... живутъ и съ мужьями и съ любовниками.

«Такъ что же. Чѣмъ она была лучше продажной женщины? Она продавалась за обезпеченную жизнь только одному—вотъ и вся разница».

Она знала, что дѣлала. Не глупая. Въ двадцать пять лѣтъ понимала, что не любовь диктовала отвѣтъ на предложеніе. Не уваженіе къ чужому чувству влюбленнаго, а эгоизмъ заставилъ ввести человѣка въ заблужденіе и продолжать его... Она чувствовала, что не любитъ по-настоящему, а только терпѣла и жалѣла. И женщина въ ней тогда не оскорблялась. Мужъ могъ заблуждаться, что жена его любитъ. Вѣдь онъ такъ влюбленъ въ нее. Такъ старался, чтобъ ей было лучше, и дѣлалъ все, чтобъ только доставить ей удовольствіе.. Онъ былъ добрый, внимательный и счастливый... А она не могла не благодарить за такую привязанность. Она не лгала, когда говорила, что привязана къ нему, но лгала, что не прибавляла, что это не любовь... Не говорила, что по временамъ тосковала, что ей хотѣлось иной жизни... иного друга съ иными запросами. И не было воли. Да и не было силь-

наго желанія искать иной жизни... иной среды. Не полюби она, развѣ давно не была бы она около него?.. Или она должна была пріѣхать и лгать уже позорно...

Все существо протестовало противъ такой жертвы.

И къ чему? Къ чему?

Но что-то говорило въ ней: «должна была!..»

Молодая женщина взглянула на мертвенное лицо Неволина.

И оно, казалось, ей говорило:

«Должна была!»

Къ вечеру Неволину стало хуже. Онъ стоналъ и метался, и по временамъ впадалъ въ забытье и бредилъ о томъ, что завтра встанетъ и пойдетъ гулять...

Настала ночь, чудная звѣздная ночь.

И Неволина и сидѣлка не отходили отъ умирающаго. Казалось, онъ ужъ находился въ агоніи... Глаза безумно горѣли... Онъ громко вскрикивалъ и весь горѣлъ. Никого не узнавалъ.

И жена и сидѣлка измучились, удерживая больного и ежеминутно вливая ему въ ротъ воду съ ложечки. Обѣ онѣ желали, чтобы Неволинъ скорѣй умеръ, и обѣ не смѣли признаться въ этомъ истинно-добромъ желаніи.

Ракитинъ приносилъ Еленѣ Александровнѣ ѣсть, приносилъ чай, но она отказывалась. Отказывалась и отдохнуть.

Теперь, когда она была увѣрена, что мужъ умретъ, казалось, ей нужно было оставаться при немъ.

На разсвѣтѣ Неволинъ успокоился и дремалъ...

Задремала и Елена Александровна.

И вдругъ ее разбудилъ голосъ мужа.

— Леля!

И жена и сидѣлка вскочили и увидѣли Неволина сидящимъ на постели, лицомъ къ окну, изъ котораго врывались снопы свѣта поднимавшагося солнца...

Жена подошла къ Неволину.

— А мнѣ совсѣмъ хорошо... Поправлюсь... Ты рада? Леля?

— А то какъ же?..

— Вѣдь ты меня любишь?.. Не ѣхала... Нельзя было... Никакъ нельзя?.. А я былъ одинъ... одинъ... И, прости, подумалъ, что ты лгала въ письмахъ. Прости... меня... Прости... Развѣ ты могла бы... Скажи?

Глаза умирающаго впились въ лицо молодой женщины. Казалось ей, что въ нихъ были и страхъ и мольба.

— Валерій... Успокойся... Я люблю тебя!

— Я такъ и зналъ... О, теперь мнѣ лучше... Гораздо... Дай мнѣ чаю... Душно...

И Неволинъ тяжело вздохнулъ, рванулся къ воздуху и повалился.

На утро ужъ тѣла Неволина въ пансіонѣ не было.

Черезъ день его похоронили на прелестномъ кларанскомъ кладбищѣ, и въ тотъ же день Елена Александровна уѣхала.

Въ томъ же поѣздѣ уѣхалъ и молодой англичанинъ.

Оглавленіе

V ТОМА.

стр.

Омутъ. Романъ 3

Повѣсти и разсказы.

Червонный валетъ 173
Дѣдушка Лунь 205
Изъ-за пустяковъ 213
Надежда Порфирьевна 239
«Подписчикъ, влюбленный въ свою газету» 257
Страдалецъ. 270
На урокѣ 286
Петербургскія карьеры:
Агаѳья. 297
Степа 313
Маленькіе разсказы:
Господинъ съ «настроеніемъ». 318
«Главное: не волноваться» 324
«Вы не нужны» 330
Елка 339
Рождественская ночь 349
Елка для взрослыхъ 355
По понедѣльникамъ дома. Этюдъ 363
Въ далекіе края. 387
Дождался 477

PG
3470
S75
1906
t.5

Stanîukovich, Konstantin Mikhaĭlovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY